

Анатолий Васильевич АДО

КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1789-1794 гг.

М.: издательство МГУ. 1987. Издание 2-е, переработанное и дополненное

Рецензенты: доктор исторических наук И.С.Галкин, кандидат исторических наук Г.С.Черткова.
Для специалистов-историков, научных работников, преподавателей высшей школы.

От автора
Введение

ФРАНЦУЗСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

1. Рост промышленности, торговли, сдвиги в сельском хозяйстве
2. Феодалные повинности и бремя налогов
3. Пути развития капиталистического уклада в деревне на исходе старого порядка
4. Социальная структура крестьянства
5. Обострение социальных противоречий и нарастание крестьянского недовольства
6. К вопросу о сдвигах в массовом сознании крестьянства

КРЕСТЬЯНЕ и РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ

1. Политический кризис и первые крестьянские выступления
2. Обострение нищеты и новый подъем «войны за хлеб»
3. От борьбы за хлеб — к нападению на основы феодального порядка
4. Аграрные требования приходских наказов и «великая надежда» крестьянских масс
5. Крестьяне и буржуазия — формирование союза и его пределы

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ и КРЕСТЬЯНСКИЙ НАТИСК на СТАРЫЙ ПОРЯДОК

1. «Первая жакерия». Общая картина крестьянских восстаний
2. Цели и требования крестьян. Антифеодалное единство сельской общины
3. Крестьянская «война против замков», буржуазия и трудовое население городов
4. Крестьянские восстания и Учредительное собрание. Начало аграрного законодательства

ПОПЫТКА КОМПРОМИССА со СТАРЫМ ПОРЯДКОМ и РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ в ДЕРЕВНЕ

1. Вопрос о феодальных повинностях — выкуп или отмена?
«Вторая жакерия» и новые аграрные законы
2. Третья и четвертая «жакерии»
3. Характерные черты антисеньориального движения 1789—1791 гг. Политика Учредительного собрания
4. Крестьянское движение и крушение фискальной системы абсолютизма
5. Борьба за землю в аграрном движении 1789—1791 гг.
6. Продовольственные волнения. Их место в крестьянском движении первых лет революции
7. Волнения и стачки сельских рабочих
8. Политический аспект крестьянского движения (осень 1789 — лето 1791г.)

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ в ДЕРЕВНЕ в ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1792 г.

1. Предпосылки нового подъема массовых движений в деревне
2. «Война против замков» в Центре и на Юге («пятая жакерия»)
3. Усиление борьбы за раздел общинных земель
4. Социальные движения в деревне на почве дороговизны (осень 1791 — лето 1792 г.)
5. Политические тенденции массового движения в деревне (конец 1791—первая половина 1792 г.)
6. Непосредственные результаты крестьянского наступления

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ПУТЯХ к РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЕ

1. Завершающий этап борьбы против сеньориального порядка. Крестьяне и «первый террор»
2. Земельная проблема и социальная борьба в деревне
3. Борьба за хлеб в массовом деревенском движении
4. Аграрное движение и жирондистский Конвент

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ во ВРЕМЯ ЯКОБИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1. Летние аграрные законы 1793 г.
2. Вопрос о полном уничтожении феодальных повинностей
3. Уравнительное движение в деревне
4. Уравнительные требования крестьян и политика якобинской власти
5. Классовая борьба в деревне и максимум

Вместо заключения. К ВОПРОСУ об АГРАРНЫХ ИТОГАХ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Примечания

Источники и литература

Приложение. Революционный календарь
Список сокращений, принятых в работе
Указатель имен

Веб-публикация: редакторы библиотеки [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru) и [Век Просвещения](http://vive-liberta.narod.ru), 2009. Иллюстративный материал из книги (карты) размещены здесь: http://vive-liberta.narod.ru/doc/ado_agr_c.zip. Ссылки и примечания: http://vive-liberta.narod.ru/doc/ado_agr_lit.pdf

В нашей библиотеке размещены работы из серии

«Великая французская революция: документы и исследования»:

Предисловие к серии – А.В.Адо <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57334957.htm#more1>
Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г. <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok_lit.doc
Е.Кожокин. Французская буржуазия на исходе Старого порядка <http://vive-liberta.narod.ru/journal/kozhokin.pdf>

Подборки документов

Аграрное законодательство Учредительного и Законодательного собраний и Национального конвента http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_agr.pdf
НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ: ИЮНЬ 1789 г. http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_jn89.pdf
НАЦИОНАЛЬНОЕ (УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ) СОБРАНИЕ: АВГУСТ 1789 г. http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_aug89.pdf
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС (1792-94 гг.) http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_prod.pdf
КОНСТИТУЦИЯ 1793 года: альтернативные проекты и прения http://vive-liberta.narod.ru/biblio/sagniac_loi.htm#constitution93
ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг. http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_classtrug.pdf
«ТЕРРОР В ПОРЯДОК ДНЯ!» http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_terr.pdf

Исследования

М.Блок. Характерные черты французской аграрной истории <http://narod.ru/disk/7873464000/mbloch.pdf.html>
Ж.Лефевр. «Великий страх» 1789 года http://narod.ru/disk/7873458000/M_Bloch-ill.zip.html
Ф.Саньяк. Гражданское законодательство Французской революции <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lefebvre1.pdf>
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/sagniac_loi.htm
Е.Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции http://narod.ru/disk/11359198000/tarle_lab.pdf.html
К.Раткевич. Французские рабочие в годы Великой революции http://vive-liberta.narod.ru/biblio/ratk_lab.pdf
Р.Тонкова-Яковкина. Борьба течений внутри якобинского блока по вопросам максимума и революционного террора <http://vive-liberta.narod.ru/journal/tonkova.pdf>
Ж.Жорес. Марат и аграрный вопрос. Марат и пролетарии (фрагменты из «Социалистической истории Французской революции», том 3) <http://enlightment2005.narod.ru/arc/marat2.pdf>
Е.Киселева. Политика якобинской диктатуры в области регламентации промышленности и торговли весной-летом 1794 года. В сб. «Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология» http://vive-liberta.narod.ru/journal/kiseleva_max.pdf
Я.Старосельский. Проблемы якобинской диктатуры http://vive-liberta.narod.ru/biblio/starsl_jc_1.htm
Проблемы якобинской диктатуры: тогда и теперь (дискуссии 1970 и 1995 гг.) http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_70_jacobdict.htm
П.Щеголев. К характеристике экономической политики термидорианской реакции http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_shcheg.pdf
З.Чеканцева. Политические представления французских простолудинов на исходе Старого порядка <http://enlightment2005.narod.ru/papers/chekanz4.pdf>
Е.Лебедева. Дворянство и налоговые привилегии накануне революции <http://enlightment2005.narod.ru/papers/lebedeva1.pdf>
Дж.Рюде. Народные низы в истории: 1730-1848. Французская революция <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>
В.Смирнов. Анатолий Васильевич Адо <http://vive-liberta.narod.ru/journal/ado.pdf>
В.Марков. Рукопись Жака Ру «Речь о причинах несчастий французской республики» http://vive-liberta.narod.ru/journal/roux_markow.pdf
Агония французского абсолютизма (глава из коллективной монографии) <http://enlightment2005.narod.ru/papers/fr-absol.pdf>
А.Собуль. Робеспьер и народное движение http://vive-liberta.narod.ru/journal/soboul_rob.pdf
А.Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в перв.пол. XIX века. В сб. «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология» http://vive-liberta.narod.ru/journal/revac_econm-xix.pdf
А.Гордон. Федералистский мятеж <http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon6.pdf>
А.Гордон. Классовая борьба и конституция 24 <http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon5.pdf>

Первое издание этой книги¹ вызвало отклики, отразившие заметный рост интереса к «крестьянскому компоненту» Великой французской революции в современной историографии и существующие в ней споры по этой большой проблеме². Являлась ли «крестьянская революция» 1789—1794 гг. важнейшим и органическим элементом буржуазно-демократической революции, расчищавшей пути для дальнейшего капиталистического развития Франции, или, напротив, это было движение преимущественно архаичное по своей социально-экономической направленности, по формам действия и по типу массового сознания его участников? Какую роль сыграли крестьянские завоевания революционной эпохи для последующего буржуазного развития страны? Таковы наиболее общие вопросы, вокруг которых оживилась полемика в литературе, главным образом зарубежной, в 70-е — начале 80-х годов.

За последние полтора десятилетия опубликованы несколько монографических исследований, основанных на локальном материале, разделы в коллективных трудах, а также немало научных статей, посвященных различным аспектам аграрно-крестьянской истории Французской революции. Эти работы выявили неизвестные ранее факты, некоторые из них содержат интересные (нередко спорные) суждения общего порядка, связанные с анализом и научной оценкой социальной борьбы в деревне в революционный период. Выход в свет ряда серьезных исследований по аграрной истории Франции XVI—XVIII вв. существенно расширил знания о положении крестьян в конце старого порядка. Однако нового сводного труда о крестьянском движении революционной эпохи не появилось. Поэтому наша монография, выпущенная издательством Московского университета в 1971 г., сохраняет, как нам представляется, свое научное значение. В то же время имеющиеся в работах последних лет новые материалы и новые постановки ряда вопросов истории аграрного развития Франции и социальной борьбы в деревне накануне Французской революции и в ходе нее побудили нас внести в текст монографии дополнения и уточнения.

При подготовке второго издания книги учтена новейшая литература, приняты во внимание столкновения мнений, связанные с большой темой «Крестьяне и Великая французская революция». Обновлены параграфы, посвященные характеристике французской деревни перед революцией; расширен материал о характерных чертах общественного сознания крестьян, поскольку они проявлялись в ходе массового революционного движения в деревне; дополнен критический анализ современных немарксистских концепций. Во многом заново написаны введение и итоговая глава «Вместо заключения».

За недостатком места в книге не воспроизводятся обширные хронологические таблицы крестьянских выступлений 1789—1792 гг. Читатель может найти их в первом издании.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о роли крестьян во Французской революции — один из центральных в истории великого общественно-политического переворота конца XVIII столетия. По своему историческому содержанию Великая французская революция была революцией буржуазной. Она явилась результатом развития капиталистического уклада, связанного с ним роста буржуазии, ее экономической мощи, ее идейно-политической зрелости.¹ Этот взгляд на революцию — в основе своей верный — имеет давнюю традицию, он восходит к концу XVIII в. (достаточно вспомнить выдающуюся для своего времени концепцию Антуана Барнава). Однако то обстоятельство, что Французская революция была буржуазной, не означает, что она была лишь революцией буржуазии, что ее совершили главным образом имущие и просвещенные буржуазные (и либерально-дворянские) верхи. Ярчайшей чертой ее являлось то, что с первых своих шагов она развернулась как подлинно демократическое движение самых широких народных масс. Именно с этим прежде всего связаны характерные для Французской революции особенная заостренность социально-политической борьбы, последовательность и глубина осуществленных ею преобразований, стойкость заложенных революцией традиций, которые прочно закрепились в общественном сознании французского народа, наложили печать на особенности его политического поведения в классовых конфликтах XIX—XX вв.

Наряду с народными низами городов — санкюлотами — выдающуюся роль в развитии революции сыграло французское крестьянство. Мощное крестьянское движение, по размаху и силе общественного воздействия не имевшее себе равных в истории буржуазных революций Запада в новое время, оказало сильнейшее влияние на весь ход революции и на достигнутые ею результаты. Этот факт широко признан в литературе, хотя само крестьянское движение революционного времени изучено все еще недостаточно, а вопрос о его характере и исторической направленности решается далеко не однозначно и вызывает оживленные дискуссии. В немалой мере эта полемика связана с общим обострением научных споров и борьбы вокруг проблем Французской революции в условиях, когда в новейшей буржуазной историографии резко активизировалось стремление пересмотреть оценку этой революции как важнейшего и закономерного рубежа, знаменовавшего смену эпох в прогрессивном движении европейских обществ².

В настоящей работе предпринята попытка исследовать массовое революционное крестьянское движение в период от начала Французской революции до переворота 9 термидора II г. Республики (27 июля 1794 г.), который оборвал восходящую линию ее развития. Мы будем обращаться и к тем спорным вопросам, которые существуют в современной литературе, посвященной аграрно-крестьянской истории Французской революционной эпохи.

* * *

Сама мысль о том, что Французская революция не сводится к политическим действиям буржуазии и активности городского населения, что в ходе и исходе ее большая роль принадлежит крестьянам, была высказана давно, значительно ранее, чем началось серьезное изучение социальных движений во французской деревне революционного времени.

Впервые действительное значение Французской революции как исторического рубежа, увенчавшего растянувшийся на три столетия переходный период от феодализма к буржуазному обществу, было научно обосновано К.Марксом и Ф.Энгельсом. Опираясь на накопленный к тому времени в литературе материал, отчасти на первоисточники, К.Маркс и Ф.Энгельс показали также внутреннюю противоречивость революции, сложность и многогранность двигавших ее вперед классовых противоречий. Они пришли к научному выводу громадного значения: буржуазная по содержанию и единственно возможным результатам, революция была совершена прежде всего усилиями народных масс, крестьян и трудового люда городов, совершена во главе с буржуазией, но и в борьбе с ней, а на высшем этапе — даже вопреки воле ее верхних слоев³.

Ф.Энгельс на склоне дней как бы резюмировал постановку основоположниками марксизма вопроса о значении крестьянского движения в истории европейских буржуазных революций XVI—XVIII вв.: «Оригинальное явление: во всех трех великих восстаниях буржуазии боевой армией являются крестьяне. И именно крестьяне оказываются тем классом, который после завоеванной победы неизбежно разоряется в результате экономических последствий этой победы»⁴.

Мысли К.Маркса и Ф.Энгельса о роли крестьян как «боевой армии» Французской революции были развиты в новых условиях В.И.Лениным. Он доказал, что само по себе «понятие буржуазной революции недостаточно еще определяет те силы, которые могут одержать победу в такой революции». Наиболее, казалось бы, заинтересованная в полной ее победе крупная буржуазия органически не способна довести ее до решительного конца. «...Только вмешательство крестьянства и пролетариата, "плебейского элемента городов", способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию», при этом «для Германии XVI века, Англии XVII и Франции VIII века крестьянство можно поставить на первый план»⁵ (курсив мой. — А.А.). Выводы основоположников марксизма-ленинизма о значении и характере Французской революции и роли в ней народных масс, в частности крестьянства, были не только замечательными научными обобщениями. В плане конкретно-историческом они предвосхищали только еще назревавший в то время сдвиг в знаниях историков о Французской (как и об Английской) революции⁶ и содержали в себе плодотворную программу исследовательской работы, не реализованную в полной мере до сих пор.

Что касается французской историографии, то первые попытки осмыслить характер революции и роль в ней различных слоев общества были предприняты еще в ходе революции ее участниками и современниками. И важно подчеркнуть, что в этот период в демократических кругах прочно держалось убеждение, что главной силой революции является не богатая буржуазия, а простой народ, «класс бедняков». Некоторые, очень немногие, смогли пойти дальше и выделить в массе «бедного класса» общественные классы или слои. «Нет сомнения, что революция была совершена в результате восстания мелкого люда»; она «была сделана и поддержана только низшими классами общества, рабочими, ремесленниками, мелкими торговцами, земледельцами...»⁷, — писал Жан-Поль Марат.

Однако эти плодотворные прозрения демократической мысли не были восприняты либеральными историками, которые в первой трети XIX в. начали специальное изучение истории Французской революции. Под пером историков периода Реставрации история Франции и Французской революции выглядела как победное шествие третьего сословия, фактически буржуазии. Разумеется, они видели на исторической сцене революционные действия трудящихся масс, в том числе крестьян. Но в их теории классовой борьбы для народных масс не было места. В лучшей из работ, написанных ими о революции, — книге Ф.Минье — действует социально нерасчлененная «толпа», «народ», «низший класс», под которым разумеются главным образом городские низы. Их самочинные действия, «прискорбные возмездия и насилия» не столько помогают, сколько мешают величественному восхождению победоносной буржуазии: «...цель революции... была достигнута, несмотря на анархию и деспотизм»⁸. Правда, уже демократические историки первой половины XIX в. попытались пересмотреть эту схему. Жюль Мишле именно в народе увидел главного героя революции; несколько раз он с сочувствием упоминал о нападениях крестьян на замки сеньоров в 1789 и 1790 гг.⁹ Но народ в книгах Мишле — это еще не реальные массы — плебеи и крестьяне конца XVIII в., состоявшие из различных социальных групп и слоев, а скорее некая почти мистическая общность, стихийно противостоявшая просвещенной буржуазии.

Луи Блан, поскольку позволяли рамки его концепции и изученные в эмиграции печатные материалы, сделал шаг вперед. В его «Истории Французской революции» появились вооруженные и бунтующие крестьяне, появились не в качестве анархической черни, а как борцы за прогресс, против феодальной тирании¹⁰.

И все же почти до конца прошлого столетия историография революции оставалась главным образом политической и преимущественно парижской. Крестьяне, их насущные и очень неоднородные интересы, их борьба были почти вне поля зрения исследователей. Лишь к концу XIX в. стали открываться для них новые аспекты революционной истории, в их числе аграрный вопрос и отчасти крестьянское движение. Первую попытку общего обзора крестьянских восстаний 1789—1793 гг. — приходится это признать — сделал по документам Национального архива И.Тэн, который пришел к выводу о наличии в этот период во Франции семи больших крестьянских восстаний — «жакерии» (приведенный им материал тогда же привлек пристальное внимание П.А.Кропоткина¹²). Разумеется, история народных восстаний представлена Тэном, который был глубоко враждебен революции, в злонамеренно извращенном виде. Какой-либо социальный анализ полностью отсутствует. Восстания для Тэна лишь господство «анархии» и всеразрушающей психологии «черни».

Труд Тэна не мог указать пути плодотворного исследования крестьянских движений. Отвергнутый демократической историографией, он не был принят и историками-либералами. Протест последних вызывала не только явная научная недобросовестность Тэна; их не устраивал также очевидный из его работы и неприемлемый для либерального сознания факт размаха массового народного насилия в революционные годы.

Характерна реакция А.Олара на тэновские 7 «жакерии»: «Если где-нибудь происходит крестьянский бунт, он (Тэн) делает вывод, что происходит жакерия во всей Франции. И так как это ум, склонный к классификации, он различает семь жакерии во время революции, ни одной меньше, ни одной больше... В этих фантазиях нет ничего от истории. Это — игра ума, игра блестящая, которая может понравиться ротозеям»¹³. Олар отбросил это конкретное наблюдение Тэна, не подвергнув его, однако, тщательной научной проверке на основе источников. Конечно, меньше всего мы намерены защищать Тэна от оларовской критики, но в данном случае мы сталкиваемся как раз с либеральной ограниченностью ее, с присущим Олару стремлением во имя либерально понятого величия революции сгладить размах и силу народного движения.

Подлинное начало углубленному исследованию аграрно-крестьянской истории Французской революции положили в конце XIX — начале XX в. историки «русской школы» (Н.И.Кареев, И.В.Лучицкий, М.М.Ковалевский и ряд их учеников). Интересуясь прежде всего состоянием аграрного вопроса и его решением во время революции, они сделали и первые шаги в изучении классовых борьбы того периода в деревне. Главное же, они (особенно ранний Кареев и Ковалевский) поставили в исторической науке саму проблему крестьянского движения как важную и перспективную¹⁴. Исходя из иных научных и идейных посылок, ее поставил в то время также П.А.Кропоткин¹⁵.

На рубеже XIX и XX вв. определился поворот к социально-экономической проблематике и во французской историографии революции. Важной вехой явилась монументальная «Социалистическая история Французской революции» Жана Жореса. Впервые при создании сводной работы в общую концепцию революции, в саму ткань повествования была широко введена во многом по-новому осмысленная история аграрного вопроса и крестьянской борьбы. Жорес открыл для исследования ряд новых аспектов социальной борьбы в деревне — борьбу бедноты против крупного фермерства, отношение разных слоев крестьян к продовольственной проблеме, наконец, особые интересы и первые выступления сельских рабочих, само существование которых бралось в то время под сомнение И.В.Лучицким. Однако Жорес не смог полностью преодолеть старой либеральной схемы, отождествлявшей Французскую революцию с творчеством прежде всего буржуазии. В сущности само крестьянское движение приобретало в его глазах исторический смысл постольку, поскольку оно следовало за восстанием буржуазии и обеспечивало ее торжество¹⁶. В высшей степени характерно для концепции Жореса его отношение к аграрно-уравнительным требованиям бедноты. Всякое дробление, передел крупных владений он считал экономически реакционной, ретроградной мерой, противоречащей прогрессивному процессу утверждения буржуазной собственности: «В тот момент любая угроза собственности была реакционной; она могла пойти на пользу только врагам революции, а не помочь созданию нового порядка. Речь шла отнюдь не о коммунистическом преобразовании собственности, а о каком-то беспорядочном разделе или об анархическом и грубом грабеже»¹⁷.

Не без влияния «русской школы» изучению аграрно-крестьянской проблемы революции в период с начала 1900-х по 30-е годы посвятили свои усилия виднейшие историки разных направлений (Ф.Саньяк, П.Карон, Ж.Буржен, А.Сэ, А.Олар, М.Марион и др.). Работа была проделана большая, особенно по выявлению и публикации документов. В орбиту исследований входило постепенно и крестьянское движение. Появился ряд монографий и публикаций документов, посвященных борьбе за уничтожение сеньориального строя¹⁸. Ф.Саньяком, а затем

А.Оларом были созданы первые общие очерки антифеодальных крестьянских восстаний¹⁹. Началось изучение борьбы вокруг раздела общинных земель (Ж.Буржен), борьбы в связи с развернувшимся до и во время революции наступлением на земли и права пользования сельских общин (М.Блок)²⁰. Но все же в центре внимания оставалась аграрная история в широком смысле. Проблемы крестьянской борьбы исследовались скорее как частные ответвления этой более широкой проблематики. Они стали предметом серьезного специального изучения лишь после первой мировой войны и Октябрьской революции в трудах виднейшего прогрессивного ученого Ж.Лефевра.

Именно крестьянство было в центре научных интересов Ж.Лефевра, ему посвящены главные труды историка: фундаментальная диссертация «Крестьяне департамента Нор во время Французской революции» (1924), в которой на региональном материале с необычайной полнотой воссозданы судьбы крестьянства в революционные годы, его участие в событиях революции, изменения, внесенные революцией в положение крестьян; «Аграрный вопрос в эпоху террора» (1932) — публикация документов и исследование, положившее начало специальному изучению уравнительного движения в деревне в период революции; «Великий страх 1789 г.» (1932) — книга о крестьянских восстаниях и «великом страхе» лета 1789 г., значение которой также и в том, что ею было положено начало разработке истории массового сознания крестьянства, особенностей его социального поведения во время Великой французской революции. Все эти работы Ж.Лефевра, как и ряд его важных статей, посвященных крестьянству, были переизданы в 50—60-е годы и сохраняют доныне свое научное значение²¹.

Ж.Лефевр стремился создать цельную общую концепцию исторической роли крестьян в период революции конца XVIII в. Свои наблюдения и выводы он суммировал в понятии особой «крестьянской революции», развивавшейся «в рамках Французской революции», но автономной по своему происхождению, методам, кризисам и тенденциям. В крестьянстве он увидел не просто подсобную армию буржуазии, но активно действующую силу со своими особыми интересами и методами борьбы. Работы Лефевра раскрыли сложную картину социальных интересов и классовых противоречий в аграрном движении 1789—1794 гг. Наряду с борьбой против сеньориального строя был выявлен целый комплекс социальных конфликтов: реакция разных слоев крестьян на огораживание и наступление против общины, на порядок распродажи национальных имуществ; борьба за раздробление крупных хозяйств, за изменение условий аренды; столкновения, вызванные в деревне продовольственным кризисом и системой максимума и реквизиций.

Однако, стремясь вписать крестьянскую революцию в общую историю революции конца XVIII в., ее ближайших и отдаленных последствий, Ж.Лефевр так и не сумел до конца вырваться за рамки того схематического представления о буржуазной революции, за которое сам упрекал Жореса. Столкнувшись с тем, что требования крестьянства были во многом направлены против буржуазии, что крестьяне добивались дробления земли, боролись за сохранение общинных сервитутов, Лефевр сделал вывод, что, «крестьянская революция» не являлась органическим элементом буржуазной революции как таковой, а ее программа рядом существенных своих черт противоречила экономическому прогрессу, поэтому и влияние ее на исторические судьбы Франции было одновременно и революционным, и консервативным²².

При всем том несомненно, что никто не продвинул вперед больше, чем Ж.Лефевр, изучение крестьянской борьбы в революции*. Конечно, он не мог исчерпать этой большой и многогранной проблемы. Но он ввел ее в западную историографию как одну из больших тем дальнейшего исследования революции. Важен был и призыв Ж.Лефевра изучать историю революции не «сверху», а «снизу», т.е. с точки зрения положения и борьбы в ней народных масс; именно на этом пути в послевоенные десятилетия были достигнуты наиболее важные результаты в разработке революционной истории.

Наиболее близко связанные с Лефевром представители прогрессивного направления западной историографии Французской революции А.Собуль, Р.Кобб²³, Дж.Рюде, Э.Тенессон и др. изучали прежде всего городское народное движение санкюлотов. Но и крестьянство все более входило в орбиту их интересов. Дж.Рюде, исследуя мятежные народные толпы конца XVIII в., постарался вписать (хотя и очень еще неполно) в общую картину народных движений во Франции и крестьянские бунты²⁴. Ряд важных конкретно-исторических и проблемных статей посвятил антифеодальным движениям и судьбам сельской общины периода Французской революции выдающийся историк-марксист А.Собуль²⁵.

Интерес к аграрно-крестьянской проблематике Французской революции заметно возрос в последние полтора десятилетия. По мере того как исследователям становилась все более очевидной большая и во многом эффективная роль крестьян в революционных событиях конца

* Для понимания экономических истоков народных движений периода революции первостепенное значение имеют также созданные в 30—40-е годы широкоизвестные труды Ж.Лабрусса, посвященные движению цен и доходов во Франции в XVIII в. и кризису виноградарства в конце 1780-х годов.

XVIII в., все большую научную актуальность обретали вопросы об историческом содержании этой «крестьянской революции», о значении ее результатов. Проблемы эти привлекают внимание историков разных направлений и вызывают споры.

Много внимания уделял им в последние годы А.Собуль. Он подчеркивал роль крестьян как боевой силы революции в борьбе за назревшие общественные преобразования, и прежде всего за решение аграрного вопроса. «Крестьянская революция... — писал А.Собуль, — составляет самую сердцевину Французской революции: аграрный вопрос занимает в буржуазной революции "стержневую позицию"»²⁶. Французскую революцию он осмысливал как революцию буржуазную и в своей основе антифеодальную, важнейшей особенностью которой было именно мощное и результативное участие крестьянства. «Чтобы лучше подчеркнуть присущие ей специфические черты, — писал А.Собуль в обстоятельной статье — рецензии на первое издание настоящей книги, — не следует ли отныне определить ее как "крестьянско-буржуазную" революцию?»²⁷ Крестьянская тема отнюдь не чужда и видному ученому-марксисту М.Вовелю, преемнику А.Собуля на кафедре истории Французской революции в Сорбонне. Характерные черты классовой борьбы в деревнях экономически передовых районов Северной Франции показаны им в ценном исследовании, которое посвящено громадным «продовольственным» восстаниям 1792 г. в области Бос²⁸. Интересные, новаторские соображения о массовом сознании крестьянства революционных лет мы находим в последних работах Вовеля²⁹. Имеющий большое значение и вызывающий споры вопрос о весомости феодальных отношений в дореволюционной Франции и значении их отмены в результате революции много лет исследует известный историк-марксист Г.Лемаршан³⁰. Именно этой теме посвящена докторская диссертация ученого «Конец феодализма в области Ко. 1670—1795» (1985). К проблематике аграрной истории революции и крестьянских движений обратились также историки нового поколения, связанные с журналом «Annales historiques de la Revolution francaise» («Исторические анналы Французской революции») и утвердившие себя в научной литературе в 70-е годы (Ф.Готье, К.Женден, Э.Резенде, Г.Икни, Ф.Гужар и др.). Ими создан целый ряд интересных локальных исследований и обзорных статей³¹.

За пределами этого историографического направления внимание историков по-прежнему сосредоточено прежде всего на проблемах аграрной истории Франции старого порядка, в разработке которых достигнуты за послевоенный период очень крупные результаты (труды П.Губера, П. де Сен-Жакоба, П.Брюне, Э.Леруа Ладюри, П.Жаккара, Ж.Фреша и др.). Аграрная история Французской революции, как и проблемы социальной борьбы революционных лет в деревне, оставалась в основном за рамками специальных исследований. Однако в 60—70-е годы заметно усилился (не без влияния советской историографии) интерес к крестьянским движениям «нового времени», т. е. XVI—XVIII вв.³² И.Берсе и М.Фуазиль создали крупные работы о восстаниях кроканов и «босоногих» в XVII в.; Р.Пиллорже написал исследование о народных восстаниях в Провансе в конце XVI — начале XVIII в.; крестьянские волнения и восстания заняли прочное место в таких капитальных трудах, как «Крестьяне Северной Бургундии» П. де Сен-Жакоба (1960), «Крестьяне Лангедока» Э.Леруа Ладюри (1966) и коллективная «История сельской Франции» (1975. Т.2—3).

Некоторые из упомянутых историков предприняли попытки осмыслить крестьянское движение этой эпохи в более широкой перспективе, включая и период Французской революции. При этом социальная борьба крестьянства накануне и во время революции рассматривается ими как консервативная, архаичная по своей исторической устремленности, обращенная против совершавшейся капиталистической модернизации. Известный исследователь истории сельской Франции Э. Леруа Ладюри, подчеркивая резкое усиление крестьянского антисеньориального движения во 2-й половине XVIII в., отмечает: «...многими аспектами оно представляет собой классическую битву, против старой системы господства и обложения, против бесчисленных сеньориальных повинностей». Но он считает, что надо решительно отказаться от «телеологического видения» борьбы крестьян против сеньоров как борьбы за «демократическое прогрессивное или буржуазное будущее» против «феодального прошлого»³³. Поскольку, как полагает Э.Леруа Ладюри, сама сеньория стала в этот период главным проводником аграрной модернизации, именно против этого процесса и выступили крестьяне. В своем «последнем и триумфальном порыве» они обратились «против прогресса капиталистического производства, воплощением которого в деревне были сеньориальный резерв и сеньориальная "реакция"»³⁴. Близкие к этим оценкам соображения о значении крестьянского движения периода революции высказывают современные западногерманские историки Э.Шмитт и Р.Рейхардт³⁵.

В отличие от Э.Леруа Ладюри И.Берсе полагает, что в XVIII в. сеньория, ставшая в результате «феодальной реакции» «агрессивным нововведением», утратила полезные общественные функции и воплощала «настоящий экономический паразитизм». Он подчеркивает, что только упорный натиск крестьян обеспечил решительное уничтожение сеньориального строя во время революции. Но сама крестьянская революция, которая предшествовала политической революции буржуазии и сопровождала ее, была, по мнению И.Берсе, консервативной по своим целям и формам. Она являлась войной деревни против городов и урбанизации²⁶.

Сеньориальный резерв, или домен, — та часть территории сеньории, которая находилась в непосредственном распоряжении сеньора, использовалась для сдачи в срочную аренду или ведения собственного хозяйства.

Ниже мы еще вернемся к этим суждениям**.

Заслуживающий серьезного внимания вклад в изучение крестьянских движений, развертывавшихся накануне и во время Французской революции, сделан советскими историками. В начале 30-х годов появились статьи Н.М.Лукина, посвященные классовой борьбе в деревне в связи с продовольственной политикой якобинской диктатуры³⁷. До сих пор они остаются лучшим общим исследованием этой важной проблемы. В нескольких статьях, опубликованных в 20—30-е годы, ценный анализ характера классовой борьбы вокруг общинного землевладения дал Е.Н.Петров. Его подход к проблеме является, по нашему мнению, наиболее убедительным³⁸. Исследуя деятельность Бабефа по документам его архива, хранящегося в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, к истории крестьянского движения обратился в 50—60-е годы В.М.Далин. Особенно важен его очерк борьбы против косвенных налогов в начале революции, а в локальном плане — ценные материалы и наблюдения об аграрном движении в Пикардии³⁹. Опубликованные в эти же годы статьи В.С.Люблинского ввели в оборот новые материалы по истории «мучной войны» (особенно из хранящейся в Ленинграде части архива Бастилии) и явились интересным вкладом в изучение предыстории крестьянско-плебейского движения революционных лет. Сложные (и дискуссионные) проблемы аграрных итогов Французской революции и их значения для крестьянства поставлены в книге А.Д.Люблинской, посвященной крестьянству Франции XVI—XVIII вв.⁴⁰

И все же в целом история крестьянского движения накануне и во время Французской революции нуждается в дальнейшем всестороннем исследовании. Достаточно отметить, что до сих пор не воссоздана сколько-нибудь полная картина крестьянских антифеодальных восстаний 1789—1793 гг. Лишь некоторые из них изучены детально, многие еще почти неизвестны⁴¹. «В борьбе за полное освобождение земли, — писал в 1965 г. А.Собуль, — крестьянская революция продолжалась в различных формах до 1793 года; это была подлинная гражданская война, которая еще ждет своего историка»⁴².

Продвинуть вперед изучение этой «крестьянской революции»* — задача предпринятого нами труда. При этом имеется в виду не частное исследование, посвященное отдельному вопросу или району, а попытка воссоздать возможно более полно общую картину крестьянского движения 1789—1794 гг., выявить его характер, субъективные цели и объективное содержание, проследить основные этапы его развития. Сводной работы о крестьянском движении этого периода до сих пор нет ни в нашей, ни в зарубежной литературе. Между тем давно назрела необходимость создания именно сводного труда. Она диктуется и современным состоянием разработки этих проблем. В науке накоплен немалый материал по истории крестьянского движения, но он разбросан по бесчисленным общим и специальным статьям и монографиям, локальным и частным исследованиям, с трудом поддающимся обзору даже историка-специалиста. Сведение его воедино делает локальные и частные данные необходимыми элементами целого. Тем самым особенно ясно обнаруживаются «белые пятна», которые необходимо заполнить (по ходу изложения в работе многократно обращается внимание на проблемы, ждущие основательного специального исследования).

* * *

Перед историком, изучающим крестьянское движение за длительный отрезок времени и на большой территории, возникают немалые трудности при группировке и изложении материала. Крестьянское движение во время революции развивалось в бесчисленных и разнообразных формах, мирных и насильственных, пассивных и активных: это и массовая подача петиций, и недовольство, выразившееся в открытом ропоте, угрозах, проклятиях, и правонарушения экономического характера (отказ от уплаты налогов, повинностей, недозволенный выпас, охота, порубки, потравы и т.п.), и «сборища», «бунты» с оружием в пределах деревни, прихода, и, наконец, массовые сельские восстания в пределах целой округи. Как нарисовать точную картину этого «движения», измерить его реальную силу и общественную значимость? Ведь по самой природе своей оно расплывлено на множество актов борьбы, более или менее одновременных, но локальных, лишенных сколько-нибудь широкого сознательно централизующего начала. В настоящее время в области не только экономической, но и социальной истории настойчиво встает вопрос о количественном выражении полученных наукой результатов. Поскольку это позволяли материалы, мы не отказывались от элементарных подсчетов. Но наши возможности были

Анатолий Васильевич АДО

** См. § 3 главы VII и главу «Вместо заключения».

* История крестьянских восстаний, которые, будучи социальными по своему существу, оказались революционными, а контрреволюционным лагеря, представляли не «крестьянскую революцию», а «крестьянскую контрреволюцию», не рассматривается в этой книге. В последние времена изучения этой очень важной проблемы сделано много (работы Ч.Тилли, П.Буа, М.Фоше, К.Птиф-Рера и др.), существенно больше, чем в исследовании «крестьянской революции».

ограничены. Администраторы того времени не оставили сведений о числе взбунтовавшихся деревень, статистики сельских правонарушений. Восполнение этого пробела в пределах всей Франции возможно лишь при наличии достаточно полной коллекции локальных монографий. Пока что ее нет. Поэтому мы следовали в основном традиционному методу описания, летописи, т.е. стремились воссоздать конкретные перипетии массового движения, его общую картину в определенных географических и проблемных рамках^{**}. Естественно, что создание этой общей картины подразумевало и необходимую аналитическую работу — выявление характерных черт и исторического содержания массовой борьбы крестьян, ее взаимосвязей с общим ходом революции, позицией других общественных классов, движением аграрного законодательства и т.п.

Определяя общую структуру работы, пришлось решать и вопрос о периодизации крестьянского движения. Правомерно ли вписывать его историю в рамки общепринятой периодизации Французской революции, вехами которой служат события, происходившие на парижской сцене? Не развивалась ли «крестьянская революция» в особом хронологическом ритме, через свои подъемы и спады? Так полагал Ж.Лефевр, и в известных пределах он прав. И все же изучение материала привело автора к убеждению, что в крупном плане каждый новый этап восходящего развития революции был также определенным этапом в развитии крестьянского движения^{***}. Поэтому в основу периодизации «крестьянской революции» была положена традиционная периодизация истории революции в целом. Внутри этих общих рамок материал группируется по принципу социально-экономического характера того или иного типа массовой борьбы, далеко не однородной по содержанию, целям, движущим силам. В работе выделяются четыре основных направления в крестьянском движении того времени. Первое и основное — общекрестьянская борьба против феодального строя, за ликвидацию феодальной структуры земельной собственности, за возврат узурпированных сеньорами земель, прежде всего общинных. Мы назвали ее условно «войной против замков», а отдельные ее крупные подъемы, принимавшие характер вооруженных восстаний, именовали, следуя старой традиции, «жакериями». Второе — «война за землю», т.е. борьба широчайших масс трудового крестьянства, прежде всего бедноты, маломощных хозяев, в известной мере середняков, за землю, против крупного землевладения и землепользования (независимо от его сословной принадлежности), за более или менее радикальное земельное поравнение. Третье — упорная, нередко вооруженная, борьба крестьянства против хлебной дороговизны и спекуляции, за регламентацию торговли и нормирование цен. Это своеобразнейшее направление крестьянского движения, объединявшее массу сельского населения, покупавшую хлеб, мы назвали условно «войной за хлеб». Четвертое — борьба сельских рабочих за повышение заработной платы, поскольку она уже успела к этому времени выделиться из общего потока деревенских социальных движений.

* * *

Очерченный замысел работы определил характер источников, на которых она основана. Важнейшее место среди них занимают изученные автором во время научной командировки во Францию фонды Национального архива (Париж), отчасти и материалы департаментских архивов. Историк, создающему сводную работу, было важно обратиться к тем центральным архивным фондам, в которых в силу особенностей государственно-административной структуры страны документы, связанные с крестьянским движением, откладывались постоянно, изо дня в день. Фронтальный просмотр именно этих материалов мог дать гарантию более или менее полного учета всех важнейших актов массовой борьбы. Такими фондами являются: для предреволюционного времени и самого начала революции — документы местной администрации старого порядка и ее сношений с центральной властью (серия Н)^{**}, для периода Учредительного

^{**} В работе даны также несколько схематических карт, на которых обозначены основные районы крестьянского движения. Эти карты не претендуют на исчерпывающую полноту. Они являются лишь первой попыткой такого рода; несомненно, что дальнейшие изыскания позволят существенно их уточнить и дополнить.

^{***} Не случайно в конце каждого из трех крупных периодов восходящего развития революции буржуазные законодатели обращались к аграрной проблеме, а начало каждого из них (август 1789, июнь — август 1792, апрель — июль 1793 г.) было ознаменовано важными сдвигами в аграрном законодательстве.

^{**} По принятой в Национальном архиве номенклатуре хранения документы классифицированы по крупным сериям, обозначенным буквами алфавита. Каждая серия соответствует обычно той или иной отрасли государственного ведомства (например, серия D содержит документы ряда специализированных комитетов законодательных органов периода революции, серия F, наиболее богатая, — документы общей администрации Франции, серия BB — документы судебного ведомства и т.д.). Внутри этих серий бумаги подразделяются на подсерии, также очень обширные и выделяемые числовым или буквенным шифром, который добавляется к основному обозначению серии; например: в пределах серии D — подсерия D XXIXbis включает бумаги Следственного комитета Учредительного собрания; в серии F подсерия F⁷ включает документы общей полиции и т.п. Основным номером хранения является, как правило, картон, внутри него документы классифицированы в нумерованные досье. Исходя из этого должны расшифровываться ссылки на документы Национального архива данной работе. Например, ссылка D III 308, d.35 означает: серия D, подсерия DIII, картон № 308, досье 35. Заглавия архивных документов в подстрочных примечаниях приводятся на французском языке, если они имеются в оригинале; в противном случае условный заголовок на русском языке, отражающий характер документа (жалоба, донесение, протокол и т.п.).

собрания — документы его Комитета докладов и Следственного комитета (серия D, подсерии D XXIX, D XXIXbis); для периода с осени 1791 г. и следующих лет — материалы общей полиции (серия F, подсерия F⁷). Наиболее полно были изучены три последние подсерии. Во многих десятках картонов подсерии D XXIX (бумаги Комитета докладов Учредительного собрания) сосредоточен основной массив административной переписки, относящейся к народным волнениям в период деятельности Учредительного собрания (с июля 1789 по сентябрь 1791 г.). Именно Комитет докладов ведал в этот период делами общей полиции. Среди документов Следственного комитета особенный интерес для нас представляла группа картонов (D XXIXbis, картоны 32—37), в которых отложились официальные материалы, связанные с массовой тревогой и народными волнениями во время политического кризиса, вызванного попыткой бегства королевской семьи. Для изучения тех крестьянских выступлений, которые развертывались со второй половины 1791 г., первостепенное значение имели бумаги общей полиции, собранные в подсерии F⁷, в особенности 56 картонов (№ 3645—3700), выделенных в рубрику «Персональная и моральная статистика». Здесь находится громадное число материалов, содержащих сведения о народных «сборищах», «бунтах», «беспорядках» и т.д. Для данного периода они являются не менее ценным историческим источником, чем бумаги Комитета докладов и Следственного комитета Учредительного собрания для первых лет революции. Воссоздание общей картины социальных движений, поднявшихся в деревнях Франции весной 1792 г., было бы невозможно без документов Комиссии двенадцати, которая была создана Законодательным собранием 6 марта 1792 г. специально для выработки срочных мер по восстановлению порядка. Эти документы находятся в бумагах Комитета по петициям Законодательного собрания и Конвента (подсерия D XL, картоны 6—16). Социальные конфликты, возникавшие в деревнях в ходе становления новых органов власти в коммунах и департаментах, нашли отражение в материалах Конституционного комитета Учредительного собрания (подсерия D IV); три картона (№ 2—4) целиком заполнены протестами, жалобами, сообщениями о беспорядках в связи с муниципальными выборами и первичными избирательными собраниями весной 1790 г. Переписка органов правосудия, относящаяся к народным движениям, выписки из судебных протоколов и иные фрагменты судебных дел представлены также в фондах министерства юстиции (серия BB). Мы имели возможность осуществить выборочный поиск в картонах подсерии BB³ (уголовные дела), BB¹⁶ (отделение гражданских дел, общая корреспонденция), BB³⁰ (кабинет министра юстиции).

Материалы, представленные в указанных выше фондах, большей частью носят официально-репрессивный характер. Это донесения местных властей о народных выступлениях, мерах подавления, фрагменты судебных материалов, протоколы, составленные чинами жандармерии, мировыми судьями, членами администрации, официальная переписка. Но встречаются и документы, исходившие от крестьян, — попавшие властям «поджигательские» письма, протоколы сельских муниципалитетов или собраний жителей с изложением требований и т.д.

Вся эта группа источников относится главным образом к тем актам крестьянской борьбы, которые принимали открыто насильственный, часто вооруженный характер, вызывали спешные донесения в центр, иногда вмешательство солдат или городской национальной гвардии. Борьба повседневная, тесно связанная с обычным течением экономической и социальной жизни, проведением в жизнь аграрного законодательства революции, отразилась в документах иного рода — петициях крестьян, запросах, письмах, отчетах членов администрации, судей. Они обильно представлены в фондах специализированных комитетов революционных собраний, в первую очередь Комитета земледелия (серия F, подсерия F¹⁰) и Законодательного комитета (серия D, подсерия D III). Документы комитетов земледелия изучены более полно и частично опубликованы. Значительно меньше изучены богатейшие фонды Законодательного комитета, их изучению мы уделили особенно пристальное внимание. К материалам департаментских архивов мы обращались в основном для того, чтобы уточнить и расширить сведения о крестьянских выступлениях, уже известных по документам Национального архива или литературе ****.

Были использованы отдельные досье из архивов департаментов Алье, Ардеш, Арьеж, Гар, Жер, Изер, Йонна, Шер, Эндр, Эро. Протоколы административных советов, которые созывались в департаментах в связи с большими крестьянскими восстаниями 1791—1792 гг., изучались по материалам подсерии F¹⁰ III («Общественное мнение и выборы») Национального архива. Полезным было обращение к архивным источникам периода Французской революции, имеющимся в хранилищах нашей страны, прежде всего в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС. Фонд 223 (Личный архив Бабефа) содержит ряд материалов о крестьянском движении первых лет революции (главным образом в Пикардии): петиции, написанные Бабефом для крестьян, фрагменты административных и судебных документов. Эти материалы очень полно изучены В.М.Далиным. Те из них, что были созданы Бабефом, опубликованы во 2-м томе его сочинений (М., 1976). Фонд 320 состоит из разрозненных рукописных текстов, относящихся к истории

**** Это фонд широко известен и отчасти опубликован в кн.: Государственная публичная библиотека им.В.И.Ленина: Записки Отдела рукописей: Выпуск 7: Французская буржуазная революция. М., 1941.

департаментов во время революции и в первые десятилетия XIX в. Для историка крестьянского движения интересны имеющиеся здесь отдельные протоколы деревенских народных обществ, собраний сельских коммун, петиции. Некоторые любопытные материалы о реальностях Франции первых лет революции можно найти в архиве Голицыных, хранящемся в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В.И.Ленина (ф.64. Вяземы, картоны 93—105. Архив Голицыных. Письма Бориса и Дмитрия Голицыных и их воспитателей Оливье и Флоре. 1789-179).

В департаментских архивах Франции документы периода Французской революции объединены в серию L; серией C обозначены материалы дореволюционной местной администрации. Своеобразным источником можно также отпечатанные инвентари департаментских архивов, публикация которых, начатая при Второй империи, продолжается в наши дни.

При подготовке работы автор использовал целый ряд современных революции брошюр и некоторые провинциальные газеты из коллекций ИМЛ при ЦК КПСС, Исторической библиотеки (Москва) и Национальной библиотеки (Париж). Изучены были также многочисленные публикации источников. Сборники документов, специально посвященные крестьянскому движению, немногочисленны, носят локальный характер. Напротив, очень обильны выполненные на превосходном научном уровне публикации документов по социально-экономической истории Французской революции вообще, ее аграрной истории в частности. Эти издания содержат ценнейшие материалы о крестьянском движении — ходатайства и коллективные петиции крестьян, жалобы сеньоров и буржуа, донесения властей, тексты официального характера и т.п. В работе использованы все основные публикации этого типа (протоколы и сборники различных документов из фондов Комитета феодальных прав и Комитета земледелия, документы Продовольственной комиссии Конвента, сборники законодательных и административных текстов, относящихся к сельскому хозяйству, феодальным повинностям, национальным имуществам, налогам, торговле, продовольственному вопросу, издания документов экономического характера из местных архивов). Во многих отношениях для работы были важны и известные многотомные публикации документов общего характера — старинное издание «Парламентской истории Французской революции» (Ф.Бюше и П.Ру), Протоколы Якобинского клуба (А.Олар), Акты Комитета общественного спасения (А.Олар), Акты Коммуны Парижа (С.Лакруа) и другие, включая изданные для некоторых департаментов протоколы местной администрации революционного времени.

Естественно, что предварительным условием создания нашей работы было возможно более полное суммирование фактических данных и конкретных обобщений, накопленных в литературе. В частности, очень важен был фронтальный просмотр бесчисленных локальных работ. Выполненные на очень скромном, часто примитивном профессиональном уровне, они, как правило, основаны на детальном изучении местных архивов. Поэтому ознакомление с богатейшими коллекциями этих изданий (в библиотеке ИМЛ при ЦК КПСС и Национальной библиотеке в Париже) — чрезвычайно трудоемкая, но благодарная работа.

ФРАНЦУЗСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

В последней трети XVIII столетия Франция была одной из самых богатых и населенных стран Европейского континента. По уровню промышленности и торговли она стояла на втором месте в мире, уступая лишь Англии. Население ее, по максимальным оценкам, насчитывало 26—27 млн человек (в Англии — свыше 9 млн, в Испании — 10,5 млн, во всех германских государствах — 23 млн, в России — 27—28 млн). Сельское население абсолютно преобладало, составляя около 23 млн человек, или 84—85%.

Как же жила эта многомиллионная масса деревенских людей на исходе старого порядка, когда неумолимо надвигалась великая социальная ломка, в которой им предстояло принять решающее участие? Хотя в XVIII в. развитие капиталистического уклада во французской деревне заметно ускорилося, но и во внешнем облике сельской Франции, и в ее правовой структуре, и в повседневном течении экономической и социальной жизни архаичные, средневековые черты были все еще очень сильны. По-прежнему сеньор, владелец сеньории, оставался «первым жителем» сельской общины и феодальным господином своих вассалов. Его замок, окруженный службами, парком, охотничьими и иными угодьями, все еще доминировал над крестьянским поселением. Правда, теперь очень часто он был уже не сумрачной цитаделью времен феодальных войн, а изящным сооружением недавней постройки. Но и в этом случае флюгеры, венчавшие его декоративные башенки, были не Просто прихотью владельца, а символом сеньориальной юстиции — частицы публичной власти, орудия внеэкономического принуждения, одного из важнейших атрибутов сеньории. Верховенство сеньора крестьянин ощущал на каждом шагу в делах не только мирских, но и религиозных — во время воскресной мессы, когда плотная масса прихожан слушала ее стоя, сеньор восседал на скамье, осененной балдахином с его гербами, он первый шел к причастию, первый приобщался к «святым дарам». По-прежнему крестьянские посеы оставались

беззащитными перед стаями прожорливых голубей, лесной и полевой дичи, перед нашествиями конных и пеших дворян-охотников; и охота, и разведение голубей (множество этих птиц населяло высокие каменные голубятни) все еще были привилегией сеньоров, единодушно ненавидимой деревенским людом. И наконец, после жатвы крестьянские подводы тянулись к сеньориальным амбарам, доставляя феодальные повинности; но еще раньше, прямо на поле, частью снопов уже завладевали сборщики десятины.

Тем не менее весь традиционный уклад аграрной жизни концу старого порядка был уже глубочайшим образом подорван в своей основе. Пройдет несколько лет — и он рухнет под ударами великой революции. Сеньор станет всего лишь «бывшим сеньором», он лишится своих «бывших феодальных прав», его сбывший замок будет сожжен вместе с «бывшими феодальными титулами», богатое убранство сгорит или рассеется по крестьянским домам, обгорелые стены будут проданы на слом предприимчивому буржуа. Лишится своих земель и десятин католическая церковь, а множество ее служителей, подхваченные вихрем событий, последуют за светскими сеньорами в эмиграцию, в изгнание, некоторые — на гильотину.

Многое вернется, когда пронесется революционный шквал. Но все попытки восстановить хотя бы отчасти старый порядок в деревне закончатся неудачей. Ни одна буржуазная революция нового времени не осуществила с такой последовательностью ломку феодализма в аграрном строе, как это сделала революция французская. Громадное революционное усилие крестьян, своеобразная «крестьянская война», которую они вели на протяжении 5 лет, обеспечила эту ломку. Такого мощного крестьянского движения также не знала ни одна буржуазная революция Запада. Но само оно в свою очередь требует объяснения; естественно, что в поисках его необходимо обратиться к положению крестьян в системе аграрного строя предреволюционной Франции.

Непросто найти суммарный ответ на поставленный вопрос. Хорошо известно, что Франция — это страна, отличающаяся не только громадным разнообразием природных географических условий, но и разительным несходством типов земледельческой деятельности, «аграрного пейзажа», самого внешнего облика пашен и деревень. На плато и равнинах Севера и Востока — обширные массивы неогороженных полей, французские open fields, разделенные на длинные узкие ленты парцелл, которые подчинены в пределах трехпольного зернового севооборота общинной практике принудительного выпаса и иных сервитутов; крестьянские жилища сгруппированы в деревни и бурги, нередко вытянувшиеся вдоль дорог. Иное на Западе. Сельский пейзаж кажется иногда большим лесом, всюду зелень деревьев и кустарников, горизонт закрыт. Это район «бокажей» Западной Франции — неправильной формы поля, огороженные густыми, почти непроходимыми живыми изгородями, где исключен принудительный общинный выпас. Эти изгороди станут во время вандейских мятежей «соучастником человека, служа ему и защитой, и препятствием, местом засады и западней»; многие из них будут вырублены¹. В западных районах редки большие компактные деревни, многие крестьянские семьи живут по фермам и хуторам. В южной Франции — прямоугольные или неправильной формы поля, часто огороженные насыпной каменной грядкой. Здесь преобладает двухпольный средиземноморский севооборот, сохраняется традиционная крестьянская поликультура, зерновые соседствуют с виноградной лозой, оливами, шелковицей, фруктовыми деревьями. Обширны общинные земли: маки, пустоши, поросшие жестким кустарником, каменистые осыпи... Компактные деревни порой окружены каменной оградой, приютились на крутых вершинах, на скалах. Особый мир — деревни горных районов, с небольшими полями и возделанными террасами, преобладанием скотоводства над земледелием. В пределах этих больших регионов — еще множество местных различий, отражающих не только специфику агрикультуры, но и социально-экономические особенности аграрного строя.

Но при всем своеобразии больших районов, отдельных местностей и даже деревень некоторые коренные черты аграрного строя предреволюционной Франции доминировали, определяли существо его противоречий, перспективу дальнейшей эволюции. Научная историческая мысль давно уже вскрыла глубокие истоки этих противоречий, показала, что руслом, в котором сливалось в конечном счете множество конкретных антагонизмов, был процесс утверждения буржуазного уклада, вступавшего в многообразные конфликты и взаимосвязи с феодальными отношениями, все еще стремившимися, маневрируя и видоизменяясь, приспособиться к новым хозяйственным условиям и даже использовать их.

1. РОСТ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ТОРГОВЛИ, СДВИГИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

В 20—30-е годы XVIII в. французская экономика оправилась от тяжелых потрясений, в силу целого ряда причин, поразивших ее на рубеже XVII и XVIII вв. В середине столетия заметно ускорилось развитие промышленности, торговли, в определенной мере — и сельского хозяйства. Экономический подъем замедлился в середине 70-х—80-е годы, когда экономика Франции вступила в полосу затяжных трудностей, завершившихся общим экономическим кризисом 1787—1789 гг.²

Важным элементом совершавшихся во французском обществе перемен были сдвиги в динамике народонаселения. После тяжелых демографических кризисов конца XVII — первого десятилетия XVIII в., связанных с неурожаями и голодовками, эпидемиями, войнами, в 20—30-е годы обозначился демографический подъем, который стал особенно определенным в середине века. В целом рост населения во Франции в XVIII в. превысил 30% — с 18—19 млн в 1717 г. до 26,3—27 млн в 1789 г.³

Необходимо отметить также постепенное увеличение доли неземледельческого населения. «Не будет преувеличением утверждать, — писал известный специалист в области исторической демографии, — что население самых крупных городов Франции сильно прибавилось, на 50-100% в течение XVIII в. Этот рост произошел особенно во второй половине столетия»⁴. Однако дело не только в увеличении численности городских жителей. В относительном плане оно было очень незначительно. Гораздо большим был рост населения, полностью, а главным образом частично оторвавшегося от сельского хозяйства в силу громадного распространения сельской «домашней» промышленности.

Э.Леруа Ладюри полагает, что из 27 млн французов в 1789 г. на селе проживало 22 млн человек, но собственно аграрное население составляло 18 млн, а неземледельческое — 9 млн человек, т.е. около 30% жителей Франции⁵. Э.Лабрусс склонен считать, что неземледельческая часть активного населения деревень достигала 37—38%⁶. Разумеется, эти оценки крайне приблизительны, но тенденцию, очевидно, намечают верно.

К последней трети XVIII в. капиталистическая мануфактура во Франции достигла высокой степени зрелости; накануне революции участились попытки применения и даже собственного производства машин, хотя промышленный переворот и не мог осуществиться в условиях феодально-абсолютистского строя. Именно мануфактура оставалась во Франции того времени формой промышленности, поднимавшей производительность общественного труда. С ее развитием связан характерный для XVIII в. рост промышленного производства (разумеется, еще не приведший к преобладанию промышленности в экономике страны⁷). По оценкам историков, этот рост был существенным, но очень неравномерным по отраслям и районам; из новых отраслей более быстро развивались хлопчатобумажная и изготовление набивных тканей, из старых — шелкоткацкая. Производство сукон увеличилось в течение века на 60%, полотна — на 80%, большим был рост выпуска тканей из хлопка и шелка. Добыча угля возросла в 7—8 раз, выплавка чугуна — в 2, железа — в 3 раза⁸. Впрочем, уголь и металл еще не занимали большого места в экономике; в промышленном производстве решительно преобладал текстиль, составлявший половину общего его объема.

Развитие промышленности, повышение численности городского и сельского неземледельческого населения не могли не оказывать длительного и усиливающегося влияния на состояние сельскохозяйственного рынка. В том же направлении, по крайней мере отчасти, действовал и общий рост населения — в условиях ускорившегося развития капиталистических отношений увеличение числа жителей означало и рост числа покупателей сельскохозяйственных товаров, прежде всего хлеба, главного продукта народного питания того времени.

В целом французская торговля испытала в течение XVIII в. значительный подъем. При этом во внутреннем обороте первое место занимали продукты сельского хозяйства, особенно зерно. «По весу и по стоимости, — отмечают П.Леон и Ш.Карьер, — зерно шло во главе»⁹. В организации хлебной торговли переплетались старые, унаследованные от прошлого, и новые, рожденные общими хозяйственными сдвигами, черты¹⁰. Громадную роль играли бесчисленные местные рынки с их повседневным мелким сбытом в пределах небольшой округи. Зерноторговля подчинялась строжайшей регламентации, которая была целиком приспособлена именно к местному сбыту и дополнялась множеством других ограничений, стеснявших крупную оптовую торговлю внутри страны: внутренними таможами, дорожными и рыночными привилегиями и «правами» сеньоров, городов и т.п.

Ко второй половине XVIII в. положение начало постепенно меняться. Крупные городские центры, морские порты (Париж, Лион, Марсель, Бордо, Тулуза и др.) и районы интенсивного развития сельской промышленности и специализированного сельского хозяйства, где большая часть населения регулярно обращалась к продовольственному рынку, притягивали возрастающий поток хлебных грузов из обширных аграрных областей. В.М.Далин хорошо показал эти сдвиги на примере расширения хлебного пояса Парижа¹¹, когда помимо старых его житниц — областей Бос и Бри, Восточной Нормандии — к снабжению столицы подключилась Пикардийская хлебная равнина. Область Бос, кроме того, через Орлеанский хлебный рынок снабжала часть Берри, Ниверне, Бурбонне, Овернь (в III г. Республики отсюда шел хлеб в 10—12 департаментов)¹². Исследователь лангедокской экономики XVIII в. проследил пути хлебной торговли на юге Франции. Тулуза, центр плодородного зернового района, была важным пунктом хлебной торговли, которой заправляли крупные негоцианты; хлеб шел в Нижний Лангедок, через Нарбон и Марсель в Прованс и на экспорт. Эти связи не были новыми, но возвышение Бордо как важного центра хлеботорговли относится ко второй половине XVIII в.; сюда стягивалось зерно из хлеботорговых

местностей Гюьенны и Гаскони и, частью обращенное в муку, отправлялось в колонии¹³. Из зерновых местностей Бургундии хлеб издавна спускался по Роне в Лион и далее до Прованса; в 60-е годы, после эдикта о свободе хлебной торговли, продажа зерна утроилась, к традиционным рынкам в Лионе, Провансе добавился вывоз его дальше на юг, до Испании и Италии, и на север, в Парижский район¹⁴. Растущее значение стала приобретать оптовая торговля мукой, и в этой связи наряду с традиционными *blatiers*, *grainiers* (зерноторговцами) начал нарождаться новый тип оптовика — *fainier* («мучник», торговец мукой).

Не случайно, конечно, во второй половине XVIII в. вопрос об освобождении хлебной торговли от бюрократической регламентации стал предметом насущного интереса торговой и землевладельческой буржуазии, сеньоров, получателей десятины, крупных фермеров, привлек широкое общественное внимание, оживленно обсуждался в печати.

Начиная с 60—70-х годов, ознаменовавшихся попыткой абсолютистской администрации осуществить серию буржуазных реформ, правительство не раз предпринимало меры, чтобы освободить хлебную торговлю от препоп (декларация 1763 г., эдикт 1764 г., законы, проведенные в 1774 г. Тюрго и в 1787 г. Калонном). Правда, реальное воздействие реформ на состояние хлебного рынка было не очень велико. По подсчету Э.Лабрусса, накладные расходы по перевозке на расстояние 100 лье удваивали цену зерна. Поэтому не произошло выравнивания цен между провинциями, в частности районами высоких цен на юге и севером, где зерно всегда было дешевле. Во второй половине XVIII в., отмечает советский исследователь, «во Франции существовало несколько крупных межобластных хлебных рынков, но единый французский хлебный рынок еще отсутствовал»¹⁵. Однако сама острота, которую приобрел этот вопрос, настойчивые попытки реформ, несомненно, отражали назревшие новые хозяйственные потребности.

Если хлеботорговцы имели дело преимущественно с внутренним рынком, то продукты виноделия давно уже составляли важную статью не только внутренней торговли. Вина, этот «второй продукт французского земледелия», продукты перегонки винограда (водки и ликеры) широко шли на вывоз, и физиократ Ф.Кенэ не случайно называл продажу вин и водок за границу «нашей привилегированной торговлей... которая в особенности должна поощряться правительством»¹⁶. В XVIII в. в сферу экспортной торговли прочно вошли и низкие сорта вин, производившиеся в большей мере мелкими виноделами¹⁷.

Торговля скотом и продуктами животноводства играла меньшую роль в рыночном обороте, но в некоторых провинциях место ее было значительным. Отчасти ее коснулись торговые реформы 60-х годов — в 1758 г. был дозволен беспошлинный вывоз шерсти, а в 1763 г. — вывоз скота с незначительным таможенным обложением. В Шампани, Лотарингии, Провансе, Дофине развивалось предпринимательское экстенсивное скотоводство мясошерстного направления. Немалое место торговля скотом занимала и в сельской экономике ряда областей запада и центра. Молодняк рабочего скота (быки, мулы), выращенный в Верхней Оверни, покупали в Сентонже и Пуату, использовали здесь на работах, а спустя несколько лет через нормандских торговцев он шел на снабжение Парижа. Было и другое направление, южное — молодняк из Оверни, Руэрга, Сентонжа, Пуату закупали торговцы Альбизуа, здесь его откармливали, а затем перепродавали в Нижний Лангедок; местные скотопромышленные ярмарки имели большие обороты. Знаменитая своими лугами область Брэ (Восточная Нормандия) поставляла в Париж молочные продукты; молочный скот, потерявший продуктивность, откармливали на лугах по вторым травам и отправляли в Париж и соседние провинции.

В общем, хотя еще не была полностью разрушена экономическая замкнутость отдельных провинций и областей и немалая доля крестьянских хозяйств осуществляла ежегодный цикл воспроизводства без сколько-нибудь существенного обращения к рынку¹⁸, все большее втягивание французского сельского хозяйства в сферу рыночных отношений — одно из важных явлений предреволюционных десятилетий. Это тем более так, что большая масса крестьян во второй половине XVIII в. являлась на рынок не только в качестве продавцов избыточного продукта и собственной рабочей силы, но и в роли покупателей хлеба.

М.Блок был вполне прав, подчеркивая необходимость учитывать «влияние экономической конъюнктуры в ее национальном и мировом ритме» на французскую сельскую жизнь XVIII в.¹⁹ В этой связи следует указать на важное явление, характерное для хозяйственной жизни Франции XVIII столетия, — длительный и неуклонный рост цен, в частности (и в особенности) сельскохозяйственных (при стабильности основной денежной единицы — «турского ливра»). Начавшись с конца первой трети века, рост цеп усилился в 1758—1770 гг., стабилизировался в первой половине 70-х годов и затем вновь обострился накануне революции. Он сильно затронул зерновые, занимавшие первостепенное место в народном питании и бюджете.

**Рост общефранцузских средних цен на продукцию
сельского хозяйства (1726—1741 гг = 100%)**

	1771—1789 гг.	1785—1789 гг.
Зерновые		
пшеница	156	166
рожь	160	171
ячмень	152	165
овес	174	176
Овощи	160	172
Мясо	155	167
Сало	147	158
Вино	141	113—114
Дрова	163	191

Labrousse С.-Е. Esquisse du mouvement des prix et des revenus
en France au XVIII siècle. P., 1933. Т. 1. P. 176,
240, 262, 275.

Повышение сельскохозяйственных цен сопровождалось удорожанием земли и ее аренды. Эти явления имели многообразные последствия для французской деревни: они повышали ценность натуральных сеньориальных платежей и натуральной арендной платы и их притягательность для владельцев земли и денег, облегчали внедрение капиталистических элементов в земледелие и попытки перехода к интенсивному хозяйству.

* * *

Вторая половина XVIII в. отмечена некоторыми успехами французской агрикультуры. Бросается в глаза прежде всего явный поворот общественного мнения к вопросам сельского хозяйства, возросший интерес к нему не только «философов» и ученых-естествоиспытателей, но и просвещенных администраторов и королевского двора. Характерная примета времени — поток агрономических трактатов. С 1750 г. до революции вышло по меньшей мере 1214 таких работ²⁰. С конца 50-х годов возникают носившие официозный характер сельскохозяйственные общества (всего их было создано 20).

Прогресс агрикультуры не ограничился рамками опытов отдельных просвещенных землевладельцев вроде маркиза де Тюрбиии, герцогов Шуазеля и Ларошфуко-Льянкура, известного ученого-химика Лавуазье. В определенной мере он дал себя знать в повседневной практике французских земледельцев, крестьян, которые несли на своих плечах нелегкое бремя прокормления и самих себя, и всего французского государства. Необходимо отметить развитие сложившейся значительно ранее аграрной специализации отдельных местностей и районов, введение или большее распространение новых культур, некоторое усовершенствование традиционных севооборотов, более широкое применение удобрений, извести и мергеля для улучшения «холодных» и кисло-заболоченных почв.

Во второй половине века одной из характерных черт аграрной жизни было довольно широкое движение по расчистке и освоению новых или заброшенных в годы экономических трудностей конца XVII — начала XVIII в. земель. Изданные в 1761—1770 гг. общие и частные (для отдельных провинций) постановления освобождали новые пашни от налогов и десятин. Историки полагают, что в 1766—1789 гг. было освоено немногим менее 1,5 млн арпанов* (очень неравномерно по разным провинциям). Это означало рост общей площади возделываемых земель примерно на 2,5%. Приводится и цифра в 600 тыс. га (в течение второй половины XVIII в.)²¹. Правда, в условиях Франции того времени расширение обрабатываемых земель (т.е. экстенсивный путь подъема сельского хозяйства) само по себе не могло дать большого эффекта; для этого, как подчеркивал еще М.Блок, требовалось отказаться от традиционной системы земледелия в целом²².

Изменения, происходившие в сельском хозяйстве, очень по-разному давали о себе знать в разных частях Франции, в зависимости от условий отдельных районов и местностей. В течение XVIII в. усиливалась адаптация сельского хозяйства к природным и экономическим особенностям каждого района. Заметное усовершенствование к концу старого порядка дорожной сети и относительное снижение транспортных расходов способствовали местной специализации, позволяя в большей мере ориентировать сбыт товарной продукции не только на местный, но и на более отдаленные рынки.

Анатолий Васильевич АДО

КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

* Арпан — наиболее употребительная в то время мера площади. Парижский арпан соответствовал 34 арамам, т.е. 0,34 гектара.

Наиболее развитым в экономическом отношении был Север с характерными для него преобладанием зерновых и развитием крупного и среднего фермерского хозяйства, особенно районы так называемой «крупной культуры»²³ — Иль-де-Франс, Пикардия, часть Нормандии (например, область Ко), Бовези, область Бос... Большое место здесь занимала озимая пшеница, которая как раз в XVIII в. окончательно возобладала над менее ценными зерновыми (в качестве яровых культур трехпольного севооборота сеяли овес, рожь, ячмень). Урожаи были довольно значительны для того времени. Достигнутый их потолок оставался почти стабильным до середины XIX в.: 12 гектолитров с 1 га (сам-восемь), на лучших землях до 15 ц с 1 га и выше (сам-одиннадцать, сам-четыренадцать). Земледельцы Суассонне (Иль-де-Франс) подняли урожайность в 1716—1789 г. с 16 до 18 ц с 1 га²⁴. В районах «крупной культуры» началась в этот период и замена на жатве традиционного серпа более производительным орудием уборки — косой. Во второй половине XVIII в. в Северной Франции довольно широко внедрялись в трехпольный севооборот кормовые травы. Введение фуражных культур имело очень большое значение. Оно резко улучшало кормовую базу животноводства, которое зависело от скудных общинных выгонов, до предела вытесненных в этих районах пашней, от редких естественных лугов и выпаса по жнивью. Повышение уровня животноводства означало лучшую обработку земли и ее удобрение, более высокую и стабильную урожайность. Ко времени революции выделились некоторые (пока еще немногие) местности, специализированные на высокотоварном животноводстве на базе кормовых культур; так, в районе Карантана (Нормандия) сеяные травы занимали 66—80% площадей²⁵.

Определенные сдвиги происходили и в занимавших большую часть Франции районах «мелкой культуры». Преобладавшие здесь мелкие и средние крестьянские хозяйства постепенно усваивали некоторые характерные для того времени и подходящие к условиям той или иной местности аграрные усовершенствования. Большое значение имело начавшееся еще в XVI—XVII вв. распространение кукурузы (маиса), высокоурожайного злака, который давал пищу людям, корм скоту, топливо для домов. К 1750 г. он прочно внедрился в традиционный средиземноморский двухпольный севооборот на Юго-Западе и Юге; позднее кукуруза поднялась значительно севернее, проникла в долины Роны и Луары, на равнины вдоль Соны, появилась в Эльзасе и Бургундии²⁶. Постепенно стали выращиваться на полях и фуражные культуры. Помимо передовых районов — Севера, Северо-Запада, Северо-Востока — во второй половине века они все чаще встречались в Бурбонне, Ниверне (особенно эспарцет), Турени, Пуату, Лангедоке, Гаскони, Руссильоне, Дофине, Провансе (главным образом люцерна). Картофель пока был новинкой; однако еще до того, как известный агроном А.Пармантье при поддержке властей стал широко пропагандировать эту культуру, она внедрилась в крестьянские посевы в Парижском бассейне, пограничных с Германией Эльзасе и Лотарингии, кое-где во Фландрии, Франш-Конте, Бургундии, Лангедоке и даже южнее. Таким образом, подчеркивает А.Д.Люблинская, ко второй половине XVIII в. «крестьянская практика проверила на деле и травы, и картофель»²⁷.

Существенным было и то, что в районах традиционного поликультурного хозяйства начали все более отчетливо выделяться зоны специализированного производства — виноградарские в Бургундии и в районе Бордо, виноградарско-садоводческие в Провансе и Нижнем Лангедоке (в Верхнем Лангедоке больше специализировались на выращивании пшеницы), скотоводческие (выращивание рогатого скота на продажу в области Шароле в Бургундии, где часть пашни перевели для этого в луга) и т.д. Особый (и исключительный) характер имело мелкое хозяйство на крайнем севере Франции. Здесь издавна утвердилось (и к концу XVIII в. несколько усовершенствовалось) интенсивное высокопродуктивное мелкое производство фламандского типа, основанное на улучшенном севообороте без паров, в котором чередовались зерновые, бобовые (бобы, вика, клевер), масличные (рапс), корнеплоды. Кое-где здесь урожайность зерновых выросла с 23—26 гектолитров с 1 га в 1715 г. до 28—29 в 1780-е годы.

Каковы же были в целом глубина и масштабы совершившихся изменений? Некоторые французские ученые высказали мысль, что в 1750-е годы началась «агротехническая революция XVIII—XIX вв.»²⁸ Вопрос этот остается во французской историографии спорным. В работах современных историков преобладает мнение, что сдвиги в сельском хозяйстве и рост производства совершались в основном еще в рамках традиционной системы земледелия и скотоводства, преимущественно путем дополнительной мобилизации ее возможностей и внесения в нее частичных изменений. Так, введение новых, в том числе кормовых, культур несколько усовершенствовало старую систему севооборотов, но не изменило ее решающим образом. При высокой продуктивности лучших земель в хорошо поставленных фермерских хозяйствах урожайность крестьянской пашни в целом оставалась застойной — на Севере несколько более чем сам-5, на Юге — сам-4, а в среднем по стране — сам-5 (по другим оценкам, сам-6)²⁹. В большинстве районов по-прежнему играли громадную роль общинные земельные распорядки с их системой коллективных сервитутов и прав пользования. «Традиционное французское сельское хозяйство, — писал А.Собуль, — все еще составляло к концу XVIII в. систему, все элементы которой были тесно связаны между собой... Техническая революция не могла совершиться без

полного обновления всех форм труда и производства»³⁰.

Все же в течение XVIII столетия был достигнут определенный рост валового производства продуктов сельского хозяйства. Оценки этого роста различны — от самых низких до 60%; по мнению Э.Леруа Ладюри, между десятилетиями 1700—1709 и 1780—1789 гг. он составил не менее 25%, а более вероятно — около 40%³¹. Заметим также, что освоение в течение XVIII в. целинных (т.е. по большей части общинных) земель, связанные с агротехническими новшествами введение фуражных культур, огораживания, ограничение общинных сервитутов вызывали обострение социальных конфликтов в деревне, которое в полной мере даст о себе знать во время революции.

2. ФЕОДАЛЬНЫЕ ПОВИННОСТИ И БРЕМЯ НАЛОГОВ

Отмеченные выше процессы имели многообразные последствия для развития аграрных отношений и положения различных слоев крестьян. По своему аграрному строю Франция этого периода разительно отличалась не только от Восточной Европы, но и от Англии. Во Франции не было помещичьего хозяйства, основанного на барщинном труде крепостных крестьян, давно исчезла личная крепостная зависимость*. С другой стороны, в отличие от Англии, где в XVIII в. подходила к концу экспроприация крестьян, помещичья «чистка земель» для капитализма, во Франции так называемое первоначальное накопление и экспроприация крестьян не приняли столь разрушительных масштабов. Ко времени революции крестьяне сохранили значительную долю земли (35—40%, по оценкам историков). При этом развернувшееся с XVI в. наступление на крестьянское землевладение, перестройка хозяйственных связей вплоть до самой революции приводили не только к разложению феодальных и вызреванию капиталистических отношений в аграрном строе; сплошь и рядом они влекли за собой также воспроизводство и даже усиление полуфеодальных и феодальных форм эксплуатации.

Но правомерно ли говорить о феодальной эксплуатации французских крестьян в последние десятилетия старого порядка?

Известно, что значительная часть современных буржуазных историков отрицает наличие во Франции XVIII в. феодализма как сколько-нибудь реально значимой системы социально-экономических отношений. Их точка зрения отчасти основана на характерной для немарксистской историографии трактовке феодализма как преимущественно системы феодально-вассалитетных институтов, не включающих рентные поземельные отношения сеньоров и крестьян-держателей. Что же касается этих отношений, то, ссылаясь на «постепенное угасание» (т.е. падение реальной стоимости) денежных сеньориальных повинностей, Э.Леруа Ладюри отнес еще к XVI столетию процесс «десеньориализации» и «дефеодализации» французского общества³². Английский историк А.Коббен утверждал, что ко времени революции связанные с сеньорией платежи и повинности были уже «бездействующим пережитком, напоминанием атрофированного органа, который только очень смелый социальный биолог может отнести к какому-то ископаемому феодальному строю прошлого»³³.

Накопленный за последние десятилетия большой новый материал специальных исследований по социально-экономической истории дореволюционной Франции показывает, что в XVIII в. процесс разложения феодальных отношений в аграрном строе зашел далеко, хотя и очень неравномерно по районам. Большим, чем представлялось еще сравнительно недавно, оказывается в XVIII в. и проникновение капиталистического уклада в аграрную сферу. В структуре доходов сеньоров значительно возросла доля поступлений от краткосрочной аренды доменов при заметном падении доли феодальных повинностей крестьян-держателей³⁴.

При всем том данные новейших специальных трудов убедительно показывают, что нет оснований говорить о «дефеодализации» и «десеньориализации» Франции, свершившейся до революции и помимо нее. Дело не только в том, что в XVIII в. неизменно сохранялся весь феодальный юридический каркас отношений земельной собственности, хотя февдисты этого времени и приложили немало усилий, чтобы приспособить его к развивавшимся буржуазным отношениям³⁵. В век Просвещения сохраняли реальную весомость, нередко весьма существенную, и чисто феодальная поземельная рента, т.е. традиционные сеньориальные повинности, и десятина, взимаемые с крестьян-возделывателей. В конечном счете, при всей

* Пережитки крепостного права сохранялись в некоторых отсталых провинциях, главным образом в Восточной и Центральной Франции — Франш-Конте, Ниверне, Бурбонне, отчасти Шампань и Овернь, — в форме серважа и права мертвой руки (менморта). Крестьяне-сервы уплачивали сеньору особые личные повинности (сеньориальную талью и др.) и не могли передать по наследству свое имущество никому, кроме живущих с ними детей. Право мертвой руки тяготело над крестьянами-менмортаблями. Обычно оно носило поземельный, а не личный характер, т.е. относилось не к личности крестьянина, а к его держанию в тех сеньориях, где существовал менморт. Поэтому от него можно было освободиться ценой отказа от земли. На практике участки менмор-таблей обычно передавались по наследству, но сеньор взимал за это высокий побор. Считается, что всего во Франции было около 1 млн сервов и менмор-таблей.

широте владельческих прав цензитария, цензива оставалась «собственностью в пределах сеньории», т.е. специфической формой позднефеодального держания. Известное рассуждение К.Маркса о базисе феодальной денежной ренты, при которой «непосредственный производитель по-прежнему является наследственным или вообще традиционным владельцем земли, который должен отдавать земельному собственнику как собственнику существеннейшего условия его производства избыточный принудительный труд, то есть неоплаченный, выполняемый без эквивалента, труд в форме прибавочного продукта, превращенного в деньги»³⁶, должно быть отнесено к этой форме крестьянского владения старой Франции.

Вплоть до революции, писал известный исследователь истории бургундских крестьян XVIII в. П. де Сен-Жакоб, «крестьянин живет в недрах сеньории: его труд, его повседневная жизнь протекают в рамках этого юридического, экономического, фискального комплекса. Сеньория определяет привычный горизонт его мыслей. Его земля, если не его личность, зависит от фьефа. Сеньория остается, таким образом, основным костяком аграрной жизни»³⁷.

Сейчас можно считать доказанным, что на протяжении предреволюционных десятилетий сеньориальная эксплуатация возрастала. «Феодальная реакция»³⁸ XVIII в. органически связана с коренными чертами экономического развития Франции этого времени: развитием товарно-денежных отношений, капиталистического уклада, общим ростом цен. С новой остротой перед владельцами сеньорий вставала проблема приспособления сеньориального комплекса к менявшимся хозяйственным условиям. И владение сеньорией со всеми ее правами, прерогативами и привилегиями все еще открывало немало прибыльных возможностей.

В распоряжении историка не очень много исследований, специально посвященных «феодальной реакции», однако ее основные черты выяснены более или менее отчетливо. Самым известным ее проявлением было тщательное приведение в порядок поместных описей — терье. «В конце старого порядка, — отмечал А.Собуль, — практика возобновления терье вписывается в рамки феодальной реакции, которая обостряется с середины XVIII века»³⁹. О масштабе массового возобновления описей на протяжении XVIII в. говорит тот факт, что как раз в это время была выработана и детально кодифицирована теория, практика, техника их составления и возникла целая корпорация специалистов-февдистов. «Можно сказать, что в XVIII в., — пишет современный исследователь, — искусство извлекать богатства из сеньории было доведено до своего высшего уровня»⁴⁰. Если А.Собуль обрисовал юридический механизм реакции, то локальные исследования показывают ее хозяйственное функционирование. Книга Сен-Жакоба содержит в этом плане ценнейший материал: «Повсюду поиски прав, забытых и действующих; счета и бесчисленные процессы служат доказательством. Надо проникнуть в мельчайшие детали жизни сеньорий, чтобы увидеть эту непрестанную работу по восстановлению, которая там разворачивается. Можно было бы привести сотни знаменательных случаев»⁴¹. Помимо Бургундии, которой посвящена книга Сен-Жакоба, современные работы дают ценные сведения о «феодальной реакции» в Пикардии, Французском Вексене, Бретани, Верхней Оверни, Шампани, Франш-Конте, Тулузене. Здесь также наряду с более рациональной эксплуатацией домена сеньоры стремились извлечь максимум из сеньориальных прав, прибегали к возобновлению описей, возбуждали процессы против держателей и, пользуясь поддержкой парламентов, обычно их выигрывали.

Особо необходимо подчеркнуть значение натуральных повинностей: фиксированных феодальных рент и поборов из доли урожая (далеко не всюду завершился перевод их на деньги), а также десятины. В XVIII в. интенсивно развивались связи сеньории с рынком. По оценке Лабрусса, в руках дворянства оказывалось ежегодно до 1/3 товарной продукции сельского хозяйства. Бесспорное свидетельство прибыльности натуральных повинностей — неуклонное повышение откупных цен на них. Они росли часто быстрее, чем величина денежных аренд, и всегда значительно быстрее, чем цены вообще. М.Марион подсчитал, что плата за откуп десятины повсюду удвоилась, а иногда даже утроилась в течение XVIII в.⁴² Локальные исследования полностью подтверждают этот вывод; Расколь, например, сделал расчет денежных доходов от десятины по многим приходам Альбжуа за 1775—1789 гг., из которого видно, что рост был всюду значительный, наименьший на 46%, чаще на 80—100% и доходил до 158%⁴³.

Неудивительно, что взимание натуральных рент производилось с особой тщательностью; сеньоры предпочитали консервировать и даже оживлять именно эти остатки первичных форм феодальной ренты⁴⁴. Делались попытки придать хозяйственное значение барщинам, существовавшим в качестве реликта прошлых времен. С.Д.Сказкин отметил такую практику в Шампани⁴⁵. В Северной Бургундии барщин сурово требовали в некоторых доменах. В Ламарш-сюр-Соне посредством барщин выполнялся «громадный труд»: крестьяне должны были обеспечить амбары сеньора урожаем со 140 журналей пашни и 200 суатюр луга⁴⁶.

Сохранение сеньориальной системы по-прежнему открывало большие возможности для богатых людей третьего сословия находить верные источники дохода, избавленные от посягательств королевского фиска и обеспечивавшие высокий социальный престиж. Вторжение денежных капиталов буржуазии в сеньорию было, несомненно, одним из факторов «феодалной реакции». Многие буржуа покупали сеньории и рачительной эксплуатацией всех ее прав и привилегий стремились приумножить вложенное таким образом денежное богатство.

Еще шире распространялась аренда (откуп) сеньориальных повинностей. На этой почве возникали разнообразнейшие хозяйственные комбинации в лице одного откупщика. Он мог арендовать сеньорию вместе с доменом, и в этом случае ведал сбором феодальных повинностей, управлял землями, вел дела с арендаторами, сдавал участки в субаренду. Он мог арендовать сеньориальный комплекс и без домена, или же несколько повинностей, или одну из них и т.п. Если февдисты были «техниками» феодальной реакции, то арендаторы повинностей стали ее практиками. Многочисленные претенденты конкурировали, чтобы заполучить в аренду сеньории; дело оказывалось настолько выгодным, что многие возобновляли контракты до истечения срока. Арендуя натуральные повинности, десятину, выступая в качестве «генерального фермера», а значит, и получателя натуральных арендных платежей, буржуа гарантировал себе и верный процент денежного дохода, и ежегодную массу товарной продукции.

* * *

Насколько в конечном счете тяжелым было для крестьянского хозяйства бремя «феодалного комплекса»? («Complexum feudale» — так называли юристы совокупность феодальных повинностей и десятины.) Денежный ценз был давно уже невелик, часто ничтожен. Значение его состояло скорее в том, что само наличие ценза в числе повинностей юридически подтверждало феодальную зависимость держательской земли. Гораздо тяжелее были сохранявшиеся в ряде районов цензы в натуре и шампары. Последние достигали 5—20% урожая. Казуальные платежи при смене владельца земли (*lods et ventes*) составляли 1/12, 1/13, иногда 1/6 продажной цены. Десятинная забирала обычно от 4 до 11 % валового дохода. Важно было бы знать долю «феодалного вычета» из валового дохода крестьян. Вопрос этот недостаточно исследован и труден для изучения, так как размеры «феодалного комплекса» были не одинаковы не только в разных районах, но и в различных сеньориях одной местности. Накопленные в современной литературе сведения⁴⁷ позволяют заключить, что бремя феодальных повинностей было меньшим в более развитых областях с давним господством денежной ренты, таких, как Парижский бассейн и Нормандия. Но и здесь вместе с десятиной феодальные платежи часто составляли 10—12% урожая. В областях Ко и Брэ (Нормандия) ценз был менее 2%, десятинная — 7,6% чистого (т.е. остававшегося за вычетом производственных издержек и облагавшегося налогом) дохода.

В территориально преобладавших районах с более замедленными темпами разложения феодальных отношений (Бретань, Центральный массив, Бургундия, Франш-Конте, некоторые области старой провинции Лангедок), особенно при наличии натуральных повинностей, «феодалный вычет» мог достигать 15—20% валового урожая, а порой и больше⁴⁸. Феодальные повинности сохраняли немалое значение в структуре дворянских доходов. Обычно их доля превышала 10% общего дохода от сеньории, хотя бывала и ниже; в таких районах, как Бретань, Они-Сентонж, Бургундия, Франш-Конте, она достигала в среднем 25—30%, поднимаясь порой до 40 и даже 60%. Надо иметь в виду также множество связанных с сеньорией прав, прерогатив, монополий (баналитеты, исключительное право охоты и содержания голубятни и кроличьих садков, привилегия по первоочередному винограду сбору и продаже вина, дорожные, мостовые, рыночные сборы и т.п.), которые охватывали разные стороны хозяйственной деятельности крестьянина, его связи с рынком, стесняли его хозяйственную самостоятельность, отнимали рабочее время. Наконец, и в XVIII в. крестьянин оставался в некоторой личной зависимости от «высокого и могущественного сеньора» («le haut et puissant seigneur» — обычная для сеньориальных документов эпохи формула). Сеньориальная юстиция, несмотря на ограниченность ее компетенции, вплоть до 1789 г. оставалась одним из важных атрибутов сеньории и орудием внеэкономического принуждения. Связанные с ней привилегии, почетные права и отличия символизировали социальное верховенство сеньора, подчеркивая в то же время сословную неполноправность вассала-крестьянина.

Существенно также учитывать, что формирование в XVI—XVIII вв. нового крупного дворянского землевладения и широкое развитие краткосрочной аренды привели к очень сложному переплетению и взаимопроникновению старого и нового в аграрной жизни. С развитием капиталистического уклада феодальные формы нередко наполнялись капиталистическим содержанием, особенно в наиболее развитых районах. Именно ссылаясь на факты подобного рода, некоторые современные историки усматривают в сеньории XVIII в. «матрицу» или

* Речь идет, в частности, о том, что налоговые привилегии дворянства с выгодой для себя и для сеньора использовали богатые фермеры, бравшие в аренду «благородные», т.е. свободные от талы, земли сеньориального домена. Росту их благополучия способствовали аренда ими не только земли, но и феодальных повинностей,

проводника аграрного капитализма, а «феодалную реакцию» второй половины века однозначно оценивают как средство «модернизации» сеньории и накопления капитала, «реакционное по форме, но рентабельное по содержанию»⁴⁹. Между тем действительность была гораздо сложнее. В условиях усилившегося проникновения капиталистических отношений проявления «феодалной реакции» (захват общинных земель, огораживания, посягательство на общинные права пользования, откуп богатыми крестьянами и буржуа феодальных повинностей) могли использоваться для создания полубуржуазных и буржуазных форм ведения хозяйства⁵⁰. Это зависело от структуры сеньориального хозяйства, преобладания в нем того или иного типа доходов. Чем большую долю в доходах сеньории составляли феодальные повинности, тем отчетливее сеньориальная реакция обнаруживала свое феодальное лицо. Кроме того, очень часто феодальные элементы вклинивались в буржуазные отношения, деформировали их развитие. При срочной аренде «неблагородных» земель домена десятина и феодальные повинности наслаивались на арендные платежи, утяжеляя общую величину совокупной земельной ренты, тяготевшей над возделывателями⁵¹. Арендные договоры нередко содержали барщинные обязательства, включавшие и возделывание в пользу сеньора части его домена, обычно незначительной⁵².

* * *

Наряду с сеньорией на «свою» долю крестьянского продукта (как правило, существенно большую) претендовало феодально-абсолютистское государство. В XVIII в. налоговое изъятие не достигало таких катастрофических размеров, как в наиболее тяжкие времена Ришелье и Людовика XIV. Оно, однако, не перестало быть труднопереносимым бременем. В течение XVIII в., особенно во второй его половине, сумма прямых налогов повышалась. Основной прямой налог, талья, вырос с 40 млн ливров в 1715 г. до 64 млн в 1789 г. вместе с так называемыми «добавлениями» (accessoires). Кроме тальи и капитации (последняя составляла 33 млн ливров в 1749 г., 41 млн в 1789 г.) во второй половине века утвердился окончательно еще один прямой налог — двадцатина (35 млн ливров в 1747 г., 57 млн в 1791 г.). Важной новой чертой налоговой системы в этот период был перенос центра тяжести на косвенное обложение. Его роль в государственном бюджете резко возросла еще в начале XVII в.; в XVIII в. с развитием рыночных связей именно косвенные налоги давали большую часть налоговых поступлений. Исследователь приводит такие цифры: в 1725 г. прямые налоги составляли 87,5 млн ливров, косвенные — 99 млн; в 1788 г. — соответственно 179,3 и 243,5 млн; более или менее стабильное до 40-х годов, косвенное обложение затем резко выросло: между 1715 и 1781 г. к каждому ливру исходной таксы было добавлено 10 су, т.е. 1/2 ливра, из них 6 су в 1760—1781 гг.⁵³

Разумеется, увеличение суммы налога само по себе еще ни о чем не говорит — значение приведенных цифр выявляется лишь при сопоставлении их с численностью и доходами плательщиков. XVIII век был веком роста населения. Высоко поднялись и земельные доходы. В целом, по мнению Э.Леруа Ладюри, «налоговая масса в XVIII в. увеличилась намного меньше, чем богатство страны»⁵⁴. Это возросшее богатство попадало прежде всего в руки крупных привилегированных землевладельцев, земельных ратье, доходы которых, как показал Э.Лабрусс, поднялись в XVIII в. в наибольшей мере. Воспользовалась им и часть крестьянства. Однако у большинства крестьян в последние годы старого порядка доходы не столько возрастали, сколько падали. Между тем именно крестьяне по-прежнему несли основную тяжесть налогов, в том числе и тех, что были введены как внесословные (капитация, двадцатина).

3. ПУТИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛАДА в ДЕРЕВНЕ на ИСХОДЕ СТАРОГО ПОРЯДКА

Выясняя истоки «крестьянской революции» 1789—1794 гг., ее характер, объективные тенденции и итоги, важно представить себе, какими путями шло развитие капиталистических отношений в аграрном строе предреволюционной Франции.

Становление капиталистического уклада в деревне, определившееся в течение XVII в., заметно усилилось с середины XVIII столетия. При этом в капиталистической аграрной эволюции Франции обозначалось несколько вариантов, «путей», которые обычно тесно переплетались в том «хаосе переходных форм», который был характерен для сельской экономики на исходе старого порядка.

Отметим прежде всего попытки небольшой части крупных землевладельцев — дворян, буржуа и некоторых церковных собственников — наладить собственное хозяйство на основе наемного труда батраков, иногда с применением передовых агрономических методов. Явление это не приняло такого размаха, чтобы можно было говорить об исчезновении хозяйственного абсентеизма крупных землевладельцев. Но все же настойчивые протесты многих приходских и сводных наказов третьего сословия Генеральным штатам 1789 г., оспаривавших у привилегированных право вести хозяйство, говорят об учащении подобной практики. Ж.Лефевр отмечал такие протесты в наказах Артуа, Булонне, Бовези, Северо-Восточной Нормандии, Парижских предместий, Шампани, Лотарингии, Орлеане; лишь одну жалобу он отметил южнее

Луары⁵⁵. Локальные исследования подтверждают эти наблюдения Лефевра.

Гораздо большее значение имели иные пути становления капиталистического уклада в аграрном строе, вокруг которых разгорится во время революции ожесточенное противоборство.

Один из них, формировавшийся на базе крупного привилегированного землевладения дворян и церкви, — переход к капиталистической земельной ренте в процессе вытеснения традиционных держателей и замены их срочными арендаторами, которые эволюционировали в капиталистических фермеров. В сущности это был путь, близкий к английскому варианту капиталистической аграрной эволюции, но в специфических для условий Франции формах и на ограниченной территории. Крупная фермерская аренда на лучших по качеству и расположению землях сложилась в некоторых областях Парижского бассейна к середине XVII в.⁵⁶ Развитие фермерского хозяйства усилилось в середине XVIII в. в районах Северной Франции, где особенно заметно менялись условия традиционного рынка сельскохозяйственных продуктов и появлялась потребность в возникновении больших хозяйственных комплексов. Концентрация производства путем расширения существовавших и создания новых крупных ферм происходила в Парижском районе Приморской Фландрии, Эно, Камбрези, Пикардии, Бовези, Северо-Восточной Нормандии, в области Бос и в примыкавшей к Орлеану части Луарской низменности, в области Бри; жалобы на объединение ферм отмечены в некоторых крестьянских наказах Лотарингии и Шампани⁵⁷.

Фермы, составленные из нескольких «плугов»*, достигали нередко очень больших размеров — в Нормандском Вексене были фермы в 137, 160, 243 га, в области Бос — 153, 200, 229 га, в Пикардии — 145, 185, 360 га и т.д. Очень многие из них еще не выделились из парцеллярной структуры, которая веками существовала в районах «открытых полей». П.Брюне приводит многочисленные примеры зерновых ферм, состоявших из сотен (при более укрупненной структуре из десятков) не сведенных в единый массив парцелл⁵⁸. Но уже в этот период существовали обширные изолированные фермы, разделенные по условиям местности или хозяйства лишь на несколько больших частей. Например, в области Валуа две фермы в 250 и 350 га состояли каждая из семи частей, фермы в 132 и 164 га — из трех и т.д.

Экономическая сущность этой крупной аренды определяется прежде всего методами ведения хозяйства. В общем, есть все основания говорить о ее капиталистическом характере в конце старого порядка. Крупные фермеры были собственниками движимого инвентаря фермы и, что особенно важно, рабочего и продуктивного скота. Производство осуществлялось с применением наемной рабочей силы. Обычно фермер имел несколько постоянных рабочих; на фермах в 4 «плуга» в Пикардии держали 4 батраков для полевых работ и 3 для «нижнего двора», т. е. для ухода главным образом за многочисленной домашней птицей. На некоторых больших фермах возле Парижа при запашке в 12 плугов требовалось уже 13 батраков (*charretiers*), 2 работницы (*servantes*) и 2 работника по хозяйственному двору (*valets de cours*). В момент уборки фермеры широко прибегали к сезонному найму малоземельных и беспосевных крестьян.

Хозяйство крупных фермеров было рассчитано на рынок и носило в высокой степени товарный характер. Рыночная конъюнктура до конца 70-х годов была выгодна для них. Длительный рост продовольственных цен увеличивал их доходы. Правда, арендные цены тоже повышались, но фермеры выигрывали от роста дороговизны за период арендного срока. Они же с наибольшей выгодой использовали сезонные колебания рынка.

Таким образом, поскольку крупный фермер организовывал производственный процесс, пользуясь собственным инвентарем и наемной рабочей силой, он выступал как сельский капиталист и получаемая им прибыль являлась предпринимательским доходом, а арендная плата, поступавшая землевладельцу, приобретала характер капиталистической ренты, дифференциальной и абсолютной. Вплоть до XIX в. она не могла приобрести во Франции законченной, чистой формы, но развитие шло в этом направлении⁵⁹.

Как и в Англии, становление крупных фермерских хозяйств Франции имело необходимой предпосылкой экспроприацию мелкого крестьянства, замену системы мелких держаний и аренд крупными хозяйственными единицами. Вытеснение мелких крестьян было здесь результатом длительного наступления на них крупных землевладельцев, в первую очередь сеньоров, а также буржуазии, скупавших разными путями мелкие держания с последующей группировкой парцелл. Поэтому в тех наиболее развитых районах, где возникало крупное хозяйство, образование фермерства совпадало с преобладанием крупного землевладения дворян, церкви и отчасти буржуазии. Таким образом, и во Франции воспроизводился именно первый из намеченных теоретически К. Марксом вариантов разложения феодальных земельных отношений — дело шло не «к превращению земли в свободную крестьянскую собственность», а «к форме капиталистического способа производства, к ренте, уплачиваемой капиталистическим арендатором»⁶⁰.

* Словом «плуг» («*charrue*») обозначали в Северной Франции не только орудие пахоты, но и хозяйство, величина которого соответствовала возможностям крестьянской семьи, обладавшей полноценной упряжкой рабочего скота и необходимым инвентарем.

Был ли этот путь капиталистического развития единственным или преобладающим в условиях дореволюционной Франции? Утвердительно отвечают на этот вопрос некоторые французские историки, выдвинувшие упомянутую выше концепцию сеньории, как «главной матрицы аграрного капитализма». Французский путь развития капитализма в сельском хозяйстве они считают «сеньориальным путем», а сеньоров — собирателей земель и создателей крупных ферм — главной движущей силой буржуазного аграрного прогресса в противовес архаичному крестьянскому хозяйству: «Капитализм... скрыт внутри сеньории; он противостоит парцеллярному семейному хозяйству массы крестьян»⁶¹.

Этот вывод крайне упрощает реальную картину аграрного развития. Крупная фермерская аренда на основе привилегированного землевладения развивалась на меньшей части территории Франции. Но и здесь в XVIII в. в очень многих случаях отнюдь не сеньоры, а сами фермеры создавали крупные хозяйства, «собирая» земли путем аренды многих участков у разных владельцев⁶². Главное же, в плане методологическом данная концепция основывается на одностороннем подходе к самой проблеме развития аграрного капитализма: единственным его путем мыслится обуржуазивание сеньории, единственной базой — крупная земельная собственность привилегированных сословий.

Главная особенность французской деревни, писала А.Д.Люблинская, состояла в том, что «основой развития нового уклада являлось вызревание сельской буржуазии и слоя батраков при сохранении мелкособственнического крестьянства»⁶³. В условиях общего роста в стране капиталистического уклада широчайшей базой для буржуазного аграрного развития было крестьянское хозяйство (и крестьянское землевладение), т.е. мелкотоварное производство в земледелии. На большей части французской территории решительно преобладала «мелкая культура». Вторжение капиталистических отношений в деревню было в этих районах значительно менее интенсивным, чем в наиболее развитых местностях Парижского бассейна. Не только крестьянское хозяйство, но и крестьянское землевладение сохраняли здесь гораздо более прочные позиции. Отсюда и характерный для этих районов путь возникновения буржуазных элементов аграрного строя из межкрестьянских отношений, путь социальной дифференциации непосредственных сельских производителей.

История социальной дифференциации крестьян перед революцией во всей ее конкретности марксистской литературой освещена мало. Выполненное полвека назад небольшое исследование С.Д.Сказкина о крестьянах Шампани остается до сего времени образцом и дает конкретную картину начавшегося процесса классового расслоения крестьянства⁶⁴. Изучив бытовое и податное значение прочно державшихся в деревенском быту терминов «пахарь» (*laboureur*) и «батрак» (*manouvrier*), С.Д.Сказкин пришел к выводу, что «пахарь» — это прежде всего крестьянин, имевший живой и мертвый инвентарь, пашню, живший своим хозяйством. «Идеальный», так сказать образцовый, представитель группы — полнопашный *laboureur*, обладавший «полным плугом», т. е. инвентарем, скотом и количеством земли, которое в данной местности считалось достаточным для обработки одной упряжкой (речь идет о размерах хозяйства, оно могло вестись на собственной или арендованной земле). Логически, отчасти исторически — это исходный пункт эволюции. К концу XVIII в. из указанной среды выделились не только зажиточные, но и богатые крестьяне, постоянно нуждавшиеся в наемных рабочих руках, обрабатывавшие 2, 3 и даже больше «плугов». Другой путь вел «вниз», и понятно, что по нему шла основная масса. Среди «пахарей» оставалось немало средних крестьян; они еще не утратили свой живой и мертвый инвентарь, но уже не обрабатывали «полного плуга», скудели. Документы говорят о «пахарях», имевших хозяйство в 1/2 плуга (*demi-laboueurs*) и меньше⁶⁵. Таким образом, группа «пахарей» в целом представляла собой сложную картину переходов от сельского богатея к зажиточному и среднему крестьянину и, наконец, бедняку.

Что касается «батраков» (*manouvriers*), то их ни в коей мере нельзя безоговорочно зачислять в сельские пролетарии в точном смысле слова. Поэтому русское *батрак* не эквивалентно французскому *manouvrier*. Все же мы сохранили этот уже установившийся в нашей литературе термин, беря его, однако, в кавычки. В сущности «батраки» составляли большинство крестьянства. Часть их относилась к низшим слоям середняков, смыкаясь в своих верхних слоях с малоимущими «пахарями». Остальные пополняли широчайшую массу бедноты и рабочих с наделом, имевших клочок земли, огород, домик с садом, часто несколько овец, корову и вынужденных продавать свою рабочую силу здесь, в приходе, богатым хозяевам, либо идти в отход, либо обращаться к труду на мануфактуре.

Монография П. де Сен-Жакоба раскрывает тот же процесс дифференциации крестьян в Северной Бургундии. Здесь также, особенно на богатых землях в Оксуа и в долине Соны, укрепился слой разбогатевших «пахарей». Они регулярно использовали в хозяйстве наемную рабочую силу, торговали зерном, скотом; за высокую плату они предоставляли свои упряжки для обработки земли безлошадных крестьян. С другой стороны, «средний класс мелких пахарей» неуклонно размывался; во второй половине века все заметнее «исчезает... "среднее сословие" сельских хозяев»; этот процесс «ясно виден в местных документах, так как он поразил

деревенских людей, представлявших общую перспективу аграрной жизни»; один из наказов, обобщая, свидетельствует, что «число пахарей сильно сократилось во всех деревнях». «Количество батраков умножается в деревнях в той же пропорции, в какой сокращается число пахарей», — отмечало в 1787 г. третье сословие бургундских провинциальных штатов⁶⁶.

Характерно, что и в районах «крупной культуры» в зависимости от условий был налицо своеобразный «крестьянский путь» буржуазной аграрной эволюции. На примере области Амьенуа в Пикардии его показывает исследование Ф.Готье. Изученные автором налоговые списки тальи (основного поземельного налога) 15 деревень охватывают 1926 хозяйств, 8—9 тыс. жителей. В Амьенуа не было крупных сеньориальных ферм, характерных для таких областей, как Валуа или Суассоне, сохранился значительный (17% населения) слой самостоятельных средних крестьян. Вместе с тем 102 богатые крестьянские семьи (5% общего числа жителей) имели хозяйства от 25 до 60 га, включенные в земельную систему сельской общины. Крестьяне сформировали их, присоединяя к собственным землям участки, арендованные у разных владельцев. Они постоянно применяли наемный труд и производили для рынка. По существу, это был уже слой сельской «крестьянской» буржуазии. В то же время свыше 20% жителей, лишенные земли, жили наемным трудом и работой на рассеянную мануфактуру. К дополнительному заработку обращались и 50% мелких крестьян, имевших хозяйства менее 5 га⁶⁷.

Немногочисленные крепкие крестьянские хозяйства, постоянно использовавшие наемный труд, существовали и в тех провинциях южнее Луары, которые принадлежали к отсталым. В Нижней Оверни, как это явствует из капитального труда А.Пуатрино⁶⁸, выросло в XVIII в. число «доменов», как называли здесь собранные в единый клин хозяйства в 40—50 га, имевшие 2—3 пары быков и обеспеченные выпасом на общинных землях⁶⁹. «Домены» постоянно использовали наемный труд на полях, при уходе за скотом и приготовлении молочных продуктов. Богатым крестьянам-собственникам принадлежали 5—7% этих хозяйств. Остальные находились в руках привилегированных землевладельцев и буржуа и обычно сдавались в издольную аренду.

Выясняя характерные для Франции формы вызревания капиталистических элементов в аграрном строе, необходимо также вдуматься в существо экономических отношений, возникавших на почве срочной мелкокрестьянской аренды, в особенности издольщины (преобладающей ее формой было половничество — *metayage*). К XVIII в. издольщина была уже вытеснена в Северной Франции. Но на Западе и в районах южнее Луары, т.е. в Центре и на Юге, она решительно преобладала. По мнению Ж.Лефевра, районы распространения издольной аренды занимали от 2/3 до 3/4 территории Франции. Ее широкое распространение и сосуществование с мелким крестьянским землевладением определило многие характерные черты аграрной истории этих районов⁷⁰.

В условиях развивающихся капиталистических отношений издольщина, по определению К.Маркса, может рассматриваться как форма ренты, переходная к капиталистической, поскольку «рента здесь уже не выступает как нормальная форма прибавочной стоимости вообще»⁷¹. Особенности издольщины в период, когда она стала широко внедряться во Франции, заменяя старые долгосрочные формы держания (XVI — начало XVII в.), показывают, что по своему характеру она соответствовала этой оценке Маркса. Издольщик предоставлял свои рабочие руки, половину скота и инвентаря; землевладелец давал другую половину скота и инвентаря и землю. Продукты и приплод скота за вычетом эксплуатационных расходов делили пополам⁷². Вместе с тем и в XVIII в. испольная аренда все еще оставалась в значительной мере в системе феодальных и полуфеодальных земельных связей.

Традиционно на издольщика падала половина десятины и шампара (они, как и семена, изымались до раздела)^{*}. Но и остальные сеньориальные платежи, а главное уплату налогов землевладельцы стремились переложить на крестьянина-возделывателя. От него требовали, кроме того, натуральные (в XVIII в. часто и денежные) оброки и подношения — масло, дичь, воск, мед, пряжу, барана или свинью к рождеству и т.п.; количество и виды оброчной продукции зависели от местности и условий договора. Очень часто договоры об издольной аренде включали барщинные обязательства. Издольщика обязывали обрабатывать резервированную для себя собственником землю, косить сено, ремонтировать строения, совершать поездки по торговым надобностям землевладельца; как и оброки, формы и размеры барщин сильно варьировались. Фактически арендная плата издольщиков в конце XVIII в. поглощала весь прибавочный труд арендаторов, оставаясь «нормой прибавочного продукта». Говоря о зерновой и винодельческой издольной аренде в Южной Франции, А.Д.Люблинская отмечает, что даже для съемщика значительной метерии (так назывались фермы в районах издольщины), который к семейному труду присоединял небольшую добавку наемного, возможности накопления, а значит, и эволюции в капиталистическом направлении были ничтожны. Обладая определенной стабильностью,

Анатолий Васильевич АДО

* Так обстояло дело в тех случаях, когда арендованная земля являлась по своему происхождению ценностью. Это было обычным в землевладении многочисленных дворян, получивших титул в XVI—XVIII вв. и составивших свои домены скупкой крестьянских земель, а также буржуазии. Сказанное относится и к денежной аренде. 1789-1794 гг.

метрия позволяла поддерживать определенный уровень жизни, не более того⁷³.

В XVIII в. в районах издольщины довольно интенсивно шло развитие крупной денежной аренды; крестьянские наказы, а затем петиции революционных лет единодушны в горьких жалобах на богатых фермеров, арендующих сразу целые имения или по нескольку ферм. Но в данном случае речь не о хозяйственной концентрации земель, а о посреднической аренде, так называемых «генеральных фермерах». Именно в этой форме городской капитал чрезвычайно активно вступил здесь в сферу аграрных отношений. Как показал Ж.Лефевр, «генеральные фермеры» действовали большей частью в областях от Бретани до Франш-Конте и Лотарингии, т.е. по краю зоны денежной аренды; жалобы на них он нашел также в Бигорре и Гаскони, заметив, что «относительно Центрального массива, Пуату и Шаранты и всего Юга мы осведомлены гораздо хуже». Последующие исследования показали распространение денежной посреднической аренды также в Пуату, Оверни, Перигоре, Лангедоке, т.е. практически во всех районах преобладания издольщины.

«Генеральные фермеры» брали в аренду крупный домен или целое имение и выступали по отношению к крестьянам сразу в нескольких качествах. Они вели дела с мелкими арендаторами и издольщиками, следили за соблюдением договоров, принимали арендную плату. Часто они представляли одновременно и сеньорию, ведая взысканием феодальных повинностей. Не чуждаясь ростовщических операций, «генеральные фермеры» ссужали крестьян зерном и деньгами. Сосредоточивая в своих руках массу товарного зерна, они вели иногда крупную торговлю хлебом.

Таким образом, поскольку «генеральные фермеры» выступали посредниками между сеньорами, крупными землевладельцами и крестьянами-возделывателями, вкладываемый ими капитал не вторгался в сферу производства, не участвовал в создании самого продукта. Крупная аренда этого типа не являлась арендой капиталистической, здесь не возникали свойственные капиталистическому производству в земледелии рентные отношения.

Тем не менее эволюция издольщины вела и к постепенному вытеснению собственно капиталистических форм эксплуатации. Одна важная особенность в положении издольщика становилась к концу XVIII в. все более распространенной (хотя и не стала всеобщей) — заключая договор, он приносил лишь свои рабочие руки и самый скромный инвентарь⁷⁴. Все остальное: рабочий и продуктивный скот, основной инвентарь, семена для первого посева, часто и питание для издольщика и его семьи до первого урожая — предоставлял в виде ссуды (или аренды — *bail a cheptel* — в отношении скота) земельный собственник⁷⁵. Иногда уже арендный договор включал в обеспечение ссуды ипотеку на движимое и недвижимое имущество, долю урожая, земледельческие орудия.

Следовательно, издольная аренда оставалась пронизанной полуфеодальными чертами, элементами «отработок» за надел, за семенную, денежную и иные ссуды. Вместе с тем приведенные факты показывают и определенную эволюцию ее в капиталистическом направлении. В.И. Ленин особо выделял в России такой тип отработок, которые исполняет крестьянин, не имеющий собственного инвентаря, и подчеркивал, что они «составляют прямой переход к капитализму, сливаясь с ним рядом совершенно неуловимых переходов»⁷⁶. Нечто подобное было в эволюции французской издольщины. Издольщик, лишенный (или почти лишенный) средств производства, приближался по своему положению к наемному работнику, оплачиваемому в натуре; в особенности это относится к мелкой и мельчайшей издольной аренде. Напротив, крупный землевладелец медленно эволюционировал в помещика, хозяйствующего полукapиталистически, используя дешевый труд лишенных своей земли крестьян, закрепленных на его земле предоставлением участка⁷⁷. Элементы собственного капиталистического хозяйствования накапливались и в деятельности «генеральных фермеров»⁷⁸.

Итак, наряду с развитием в передовых районах Северной Франции крупного капиталистического фермерства, процессом социального расслоения крестьян и выделением из их среды слоя «крестьянской буржуазии», не достигавшей, однако, уровня крупных фермеров, возможно констатировать еще один вариант буржуазного аграрного развития, который мы находим в районах преобладания издольщины. Это был своеобразный французский вариант консервативной эволюции крупного землевладения в капиталистическом направлении на основе различных форм натурального и полунатурального найма, земельных отработок и долговой эксплуатации возделывателей-крестьян.

4. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КРЕСТЬЯНСТВА

На самой вершине социальной иерархии сельскохозяйственных производителей находилась немногочисленная группа капиталистических фермеров областей «крупной культуры». Эта верхушка обладала громадным влиянием в своей округе, от нее зависела основная масса крестьян. Крупные фермеры противостояли подавляющему большинству крестьянства: как «собиратели земель» — тем, кто ее не имел или в ней остро нуждался, как наниматели рабочей силы

— тем, кто ее продавал, как ростовщики-кредиторы — многочисленным деревенским должникам, как «господа рыночных цен», продавцы хлеба — бесчисленным его сельским покупателям. Наконец, часто они были враждебны крестьянскому обществу и благодаря своим связям с сеньорами. В самом деле, фермер, поскольку он вкладывал капитал в сельскохозяйственное производство, должен был получить прибыль на вложенный капитал. Но эта прибыль находилась под постоянной угрозой со стороны королевского фиска, растущей арендной платы, десятины, а также феодальных повинностей (в тех случаях, когда земли ферм были составлены из бывших крестьянских цензив). Отчасти трудности преодолевались тем, что крупные фермы возникали в местностях, наиболее богатых и удобно расположенных по отношению к емким рынкам и путям сообщения, занимали обычно лучшие земли. К тому же очень часто фермер брал в аренду не только земельный массив, но и десятину, феодальные повинности и даже целые сеньории. Таким образом, в его доходе сочеталась предпринимательская прибыль с элементами феодальной ренты; обычно к этому присоединялся ростовщический процент, использование крестьянской задолженности. На примере области Бовези П.Губер проследил эволюцию этой социальной группы и показал, что типичная фигура для нее — не просто фермер, но именно фермер — сборщик феодальных повинностей⁷⁹. В сущности по социальному положению эти фермеры во многом были уже за рамками собственно крестьянского мира, хотя их и называли в XVIII в. «фермерами-пахарями», «пахарями» (*fermiers-laboueurs, laboueurs*). Деловыми и семейными связями, бытовым укладом они все больше тяготели к среде местных «нотаблей», буржуа местечек и близлежащих городов. Ко времени революции многие фермерские династии насчитывали уже по нескольку поколений, обладали немалыми богатствами и прочными социальными связями⁸⁰.

Ниже этих фермеров-предпринимателей стояла более многочисленная собственно крестьянская верхушка — зажиточные и богатые «пахари». Они соседствовали с фермерами в районах «крупной культуры» (и пополняли отчасти их ряды), уступая им первое место, но они сами занимали его в районах «мелкой культуры», где крупное фермерство (в точном смысле слова) еще не возникло, и держали там в зависимости сельскую массу. К этим «пахарям» батраки и бедняки шли в работники, у них занимали хлеб (иногда и деньги), брали займы рабочий скот и сельскохозяйственные орудия. Нередко богатые крестьяне участвовали в торговле хлебом, вином, водкой, мясом и т.п. в зависимости от условий района⁸¹. Вместе с тем они еще часть крестьянского мира. «Привязанные к традициям и обычаям жизни среди полей, они скрывают богатство за довольно скромным уровнем повседневной жизни... — писал П.Сен-Жакоб, рисуя этот социальный тип, — они носят лишь сабо и блузы, но умножают свое состояние день ото дня»⁸².

Спускаясь ниже в недра сельской общины, исследователь встречает массу трудового крестьянства, жившего только трудами своих рук или же эпизодически прибегавшего к сезонному найму во время страды. Какой социальный слой преобладал в этой бесчисленной массе, можно ли утверждать, что мелкий сельскохозяйственный производитель-середняк, сводивший концы с концами в своем потребительском хозяйстве, определял социальный облик деревни в целом? Большинство специалистов по аграрной истории эпохи дает на этот вопрос отрицательный ответ. «Ниже... социальной верхушки, — полагал Е.Н.Петров, — редко находился плотный слой среднего крестьянства. Дифференциация пауперизирующегося крестьянства сильно его разредила...»⁸³ «Большинство крестьян, — считал Ж.Лефевр, — не обрабатывали достаточно земли, чтобы этим жить: они были вынуждены искать дополнительный заработок в качестве поденщиков, заниматься ремеслом, обращаться к сельской промышленности, зависящей от негоцианта»⁸⁴.

Конечно, положение не было одинаковым повсюду. В тех местностях Северной Франции, где развивалось крупное фермерское хозяйство, далее всего зашел и процесс «вымывания» традиционного крестьянства⁸⁵. Напротив, средний слой крестьян играл гораздо более заметную роль в областях «мелкой культуры» или переходных к ним. В районах южной поликультуры крестьянское хозяйство обладало известной устойчивостью⁸⁶. Однако и в этих районах, где развитие капиталистического уклада в деревне было значительно слабее, полнопашные крестьяне, способные прожить результатами сельскохозяйственного труда в своем хозяйстве, не составляли обычно большинства.

В целом очень большая доля сельского населения тогдашней Франции (по оценке Э.Лабрусса, до 55—60%⁸⁷) не могла существовать только в качестве самостоятельных сельскохозяйственных производителей. На этом основании Э. Леруа Ладюри утверждает, что в революцию 1789 г. вступила «сельская Франция» в своем большинстве уже пролетаризованная⁸⁸. С таким выводом трудно согласиться. Масса крестьян, которая не могла прожить своим сельскохозяйственным хозяйством, в социальном отношении была очень неоднородна. Несомненно, значительное число этих людей в той или иной мере, в той или иной форме, постоянно, периодически или эпизодически продавали свою рабочую силу. Отчасти ее поглощало сельское хозяйство. При этом удельный вес сельского пролетариата в собственном смысле слова, т.е. постоянных работников в крупных хозяйствах, на фермах (*domestiques, valets de cour, valets de labour* и т.д.), был незначителен. Абсолютно преобладала масса мельчайших крестьян-собственников, арендаторов, полупролетариев с наделом (*manouvriers, brassiers, journaliers, travailleurs de terre*), соединявших

возделывание своих парцелл с работой по найму.

Однако сельское хозяйство не могло дать работу всем в ней нуждавшимся, тем более сколько-нибудь длительную и постоянную. Поэтому множество деревенских жителей издавна обращались к сельским промыслам, находя в них дополнение к скудному достатку и ресурс для уплаты податей. Как известно, одной из заслуг Е.В.Тарле было установление самого факта громаднейшего распространения деревенской промышленности в дореволюционной Франции. Однако при этом, как отмечает В.М.Далин, «картина огромного преобладания мелкого ручного производства, сосредоточенного преимущественно в деревнях, превосходно им прослеженная, заслонила те сложные процессы, которые происходили во французской промышленности в XVII—XVIII веках». Речь идет о ширившемся во второй половине XVIII в. мануфактурном разделении труда, постепенной эволюции крестьянина-кустаря в подчиненного капиталу частичного рабочего рассеянной капиталистической мануфактуры⁸⁹. В.М.Далин показал эти процессы в одном из наиболее развитых промышленных районов Франции, Пикардии, но по своей сути они были общими для развития сельской промышленности во Франции в целом. Вторжение торгового капитала, скупщиков в крестьянские промыслы было повсеместным. В таких менее развитых областях, как Бретань или Нижний Мэн, проникновение капитала почти не вышло за эти рамки. В основных промышленных районах наряду с работой на скупщика развивалась именно капиталистическая мануфактура. Организуя в целостный процесс труд рассеянных частичных производителей, подчиняя себе не только сбыт их продукции, но и снабжение сырьем, предоставляя деревенским производителям станки, торговый капитал превращался в промышленный. Широкое развитие капиталистической работы на дому во французской деревне перед революцией — факт, убедительно зафиксированный в литературе, в том числе и советской⁹⁰. При этом для сельского промышленного и полупромышленного населения была характерна целая гамма социальных типов и переходных форм: выделявшаяся из крестьян верхушка скупщиков, посредников, «фабрикантов»; самостоятельные ремесленники; мелкие крестьяне, занимавшиеся ремеслом помимо земледелия, работая на скупщика, на капиталистическую мануфактуру; наконец, рабочие, уже полностью оторвавшиеся от земледельческого труда. Последний тип был исключением⁹¹, ибо даже наемные рабочие централизованных мастерских нередко все еще являлись частично связанными с земледелием крестьянами, местными или пришедшими на заработки. В Нормандии такие мастерские закрывались на время жатвы. Мануфактуры по производству мыла в Провансе, Лангедоке, Гюйенне распускали работников для труда на полях с мая по сентябрь. В Руэрге даже большинство контрактов об ученичестве предусматривали 3 недели на жатву⁹².

Этот своеобразный обычай связан с усилившейся территориальной мобильностью крестьянства, и прежде всего с таким ее видом, как отходничество. Во Франции конца XVIII в. оно достигло широких размеров. Не находя себе применения в родных местах» деревенские бедняки в поисках лучших условий работы передвигались в соседние области, провинции или еще дальше — в чужие страны. Из бедных местностей они устремлялись в более богатые, из горных провинций спускались в долины или на равнины, шли для работы на полях и виноградниках; очень многие отправлялись в неземледельческий отход. Скудные районы Центрального массива, Овернь, Лимузен, Марш, Руэрг, Жеводан, Виваре, Севенны, альпийские районы были постоянным исходным пунктом массовой сезонной миграции. Отходничество обеспечивало регулярный приток в деревни определенных денежных средств, способствовало разрушению патриархальной замкнутости сельского мира, расширяло кругозор крестьян, приобщало их к общему течению национальной жизни. В годы революции это сыграет свою роль в развитии крестьянской борьбы в указанных районах.

На самом «дне» сельской жизни находился еще один специфический для этой эпохи слой населения — нищие и бродяги. Развитие капитализма во Франции отставало, хотя и не в такой мере, как в Англии, от темпов так называемого первоначального накопления. Возникавший рынок труда не в состоянии был поглотить рабочую силу «освобождавшихся» от земли нищавших крестьян; многие из них превращались не в пролетариев или полупролетариев, а в пауперов⁹³. Часть этой последней категории населения продолжала существовать на крошечных парцеллах, находя средства к жизни в случайных заработках, общинных сервитутах и периодически обращаясь к нищенству. Для другой части сбор подаяния стал постоянным занятием. В 1763 г. министр Бертен запросил сельскохозяйственные общества о средствах борьбы с нищенством. Поспешность и многочисленность ответов, суровость предложенных мер показывают размах бедствия и страх богатых собственников⁹⁴.

Таким образом, по своей социальной структуре французское крестьянство ко времени революции ни в коей мере не было однородной массой. В его среде не только глубоко укоренились имущественные различия, но и все более заметно выявлялись различия классовые. Средний слой полнопашных крестьян был основательно, хотя и неравномерно по разным районам, разрежен и в целом не составлял большинства. При этом характерной чертой, обусловленной особенностями мануфактурной стадии развития капитализма, было наличие широчайшего слоя деревенского населения, сохранявшего традиционные связи с земледелием,

неспособного прожить результатами земледельческого труда в своем хозяйстве. Очень неоднородный социально, этот слой состоял прежде всего из бедноты, вынужденной в той или иной мере и форме прибегать к продаже своей рабочей силы. Он включал также массу занятого в промышленности населения, основная часть которого все больше попадала в подчинение капитала, овладевавшего рассеянным деревенским промышленным производством. Неоднородностью социальной структуры крестьянства к исходу старого порядка обуславливались сложность и многогранность экономических интересов и классовых противоречий во французской деревне.

5. ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ и НАРАСТАНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО НЕДОВОЛЬСТВА

Крестьянская борьба предреволюционных десятилетий долгое время оставалась одним из наименее изученных аспектов социальной истории Франции XVIII в. В последнее время интерес к этому большому сюжету, столь важному для понимания крестьянских движений революционного периода, заметно возрос. Региональные монографии и многочисленные статьи дали значительный материал о социальных конфликтах в сельской Франции XVIII в., их характерных чертах, направленности и интенсивности, об изменениях в массовом сознании крестьянства в век Просвещения, хотя в целом эта большая тема далеко не исчерпана⁹⁵.

Историки единодушны в том, что с 1710-х годов во французской деревне на протяжении нескольких десятков лет не было громадных крестьянских восстаний, охватывавших целые провинции. Революция, подчеркивает М.Вовель, «вспыхнула в конце столетия, которое в основном не знало впечатляющих социальных взрывов такого масштаба, какого они достигли в предыдущий период; яростные подъемы крестьянского гнева (*les fureurs paysannes*) остаются достоянием "трагического" XVII в.»⁹⁶ Значит ли это, что французские крестьяне в период, завершившийся великой революцией, покорно несли свою долю и лишь в 1789 г. внезапно пробудились от почти векового сна? Такое предположение, нередкое в старой литературе, высказывается иногда и в наши дни⁹⁷. Однако материалы современных исследований показывают, что по крайней мере с середины XVIII в. во французской деревне шло нарастание социальной напряженности, множились социальные конфликты. При этом в новых, сравнительно с XVII в., исторических условиях изменились преобладающие формы крестьянской борьбы, иным стало соотношение поставленных в ходе крестьянских движений экономических и социальных проблем⁹⁸.

Доминирующим мотивом крестьянских восстаний XVII в. — времени становления и подъема абсолютистской системы Ришелье — Людовика XIV с ее постоянными войнами и тяжким налоговым гнетом — было ожесточенное сопротивление королевскому фиску. Антисеньориальная борьба не занимала в этих движениях (кроме бретонского восстания 1675 г.) значительного места. XVIII век внес существенные изменения в развитие борьбы крестьян. В этот период определилось несколько основных направлений крестьянского протеста, которые затем ярко дали о себе знать в годы революции.

По мере того как набирала силу «феодалная реакция», все большую остроту приобретал наиболее «классический» конфликт старого порядка — между крестьянством и сеньорией. Неустанное стремление владельцев сеньорий в максимальной мере реализовать заложенные в ней возможности изъятия крестьянского продукта, учет и взимание повинностей по всем правилам делового счетоводства, посягательства на общинные земли и права пользования сельских общин, хлынувший на крестьян поток судебных процессов — все это неизбежно вызывало рост крестьянского сопротивления сеньориальному натиску. Наступление сеньоров казалось тем более нетерпимым нарушением «справедливости», что крестьянин давно добился большой широты владельческих прав на держание, числился в налоговых документах как «собственник» и сам все больше считал себя таковым. Бремя сеньории не только довлело над скудным прибытком маломощного крестьянина. Оно стесняло самостоятельность и инициативу крепкого хозяина, заставляло его чувствовать свою неполноправность, принадлежность к низшему слою социальной иерархии. Ж.Жорес был прав, не соглашаясь с тем, что только в нищете надо искать истоки революционного движения в деревне той эпохи⁹⁹.

Правда, до начала революции крестьянский протест сравнительно редко принимал форму прямых насильственных действий (гораздо чаще они использовались в борьбе за общинные земли и сервитуты¹⁰⁰). Это было прежде всего повседневное, упорное, но раздробленное сопротивление, носившее до 1789 г. характер стойкой обороны; лишь революция введет его в единое русло, превратив в мощное контрнаступление. П. де Сен-Жакоб превосходно показал эту кипевшую в недрах сеньории борьбу на примере Северной Бургундии¹⁰¹. Э.Леруа Ладюри полагает, что «модель» Северной Бургундии отражает ситуацию, характерную для Севера и Востока страны, а также для восточного края Центральной Франции. Надо, однако, иметь в виду, что крестьянские «жакерии» революционных лет охватили и некоторые другие районы Центра, ряд местностей Юго-Запада и

Юга. Данные, встречающиеся в литературе, говорят о том, что сопротивление сеньориальному гнету нарастало в предреволюционный период и в этих районах.

Характерной для этого времени формой крестьянского протеста была борьба на судебной почве. Процессам, которые обрушивали на них сеньоры, приказчики, откупщики феодальных повинностей, крестьяне противопоставили встречный поток судебной инициативы*. Надо представить себе все трудности и расходы, ожидавшие сельскую общину на тернистом пути правосудия от сеньориального суда первой инстанции до парламентов, чтобы оценить всю меру крестьянского упорства. Сельские общины не только держались с поразительной стойкостью в процессах, начатых сеньорами; они и сами начинали процессы, вели их десятилетиями, переносили из инстанции в инстанцию. Крестьяне редко одерживали победу. Иногда им удавалось добиться компромисса; чаще они терпели поражения. Сколько было таких судебных битв и таких поражений? О них рассказывает почти каждое локальное исследование. В Северной Бургундии редкая деревня не имела в 70—80-е годы процесса с откупщиками феодальных повинностей; из взятых наугад 6 деревень Лангедока все оказались втянутыми в судебные дела из-за феодальных прав. «Нет и 6 сеньоров в Провансе, — писал в это же время баляи графа Мирабо, — которые не судились бы со своими вассалами»¹⁰³.

Опыт этого сопротивления помогает понять истоки того порыва, с которым крестьяне ринутся на замки в 1789 г., как только поколеблются опоры старого порядка. Память о проигранных процессах буквально пронизывала восстания 1789—1792 гг.; требования возместить судебные издержки, выплатить несправедливо взысканные повинности выдвигались почти в каждой «жакерии» этих лет.

В 70—80-е годы сопротивление явно усилилось. В 1776 г., когда Тюрго провел эдикт об уничтожении дорожной барщины, крестьяне, «возбужденные надеждой на уничтожение феодальных прав, во многих случаях взбунтовались против своих господ». Мы не знаем, что скрывается за этой фразой, взятой Ф.Рокеном из дневника современника¹⁰⁴, но очевидно, современники остро ощущали эти шедшие снизу глухие толчки. «Сколько столкновений возникает ежедневно относительно объема, характера, таксы десятины!» — восклицал в 1785 г. составитель архивной описи аббатства Сент-Рикье (Пикардия). «Непонятно, какой дух головокружения овладел с некоторого времени умами деревенских людей. Непонятно, какими мотивами они убедили себя, что могут безнаказанно уклоняться от уплаты различных повинностей, которые они должны своим сеньорам»¹⁰⁵ — это тревожное наблюдение двух адвокатов из Оксуа (1777 г.) вряд ли имеет лишь локальное значение. Напомним острую, почти паническую реакцию Парижского парламента на брошюру П.-Ф.Бонсерфа, предложившего выкуп феодальных прав. Парламент прямо сослался на угрозу народного возмущения. Попытка получить выкуп приведет к тому, заявил он, что сеньоры оставят деревни, «откуда насилия и неповиновение вассалов заставят их удалиться» (апрель 1776 г.).

В начале 80-х годов в районе Севенских гор вспыхнуло восстание «вооруженных масок», или «маскаратов»**, охватившее смежные местности Виваре и Жеводана¹⁰⁶. В известной мере, несмотря на скромные его масштабы, это был уже предвестник «жакерии» революционной поры. Первый отряд «вооруженных масок» появился на дороге между городами Ле-Ван и Банн в июне 1782 г., а в январе — начале февраля следующего года организовались отряды, называвшие себя «честная армия Виваре» («la troupe honnête de Vivarois»). Зачинщики и выбранные вожаки раздобыли денег, закупили оружие и порох. С 6 февраля начались походы «маскаратов», и в течение двух недель весь район был охвачен восстанием. В деревнях действовало несколько отрядов, которые пытались проникать и в города; участники были замаскированы — зачерненные, прикрытые клочком тюля, платком, черной сеткой лица, длинные рубахи, подпоясанные веревкой.

* Сельская община (la commune d'habitants) с общинными угодьями и правами пользования (пастбищными, полевыми, лесными) была официально признана и обладала правами коллективного юридического лица. На собраниях общины, состоявших из глав семей, обычно зажиточных, назначались синдики, ведавшие текущими делами общины, сборщики талей, школьный учитель, пастух. Регламентом 1787 г. в провинциях, не имевших местных штатов (raies d'élection), были введены в деревнях общинные советы, членами которых являлись сеньор, кюре и 3—6—9 жителей, избранные собранием глав семей, плативших не менее 10 ливров налога. Тем самым традиционные права собрания общины были урезаны. Пределы общины обычно совпадали с церковным приходом. Именно приход официально считался административной ячейкой в деревне при старом порядке, являясь низовой территориальной единицей налогообложения. Приходский кюре вел запись актов гражданского состояния, зачитывал с церковной кафедры законы и постановления властей, официальные известия — о войне, мире, рождении наследника в королевской семье и т.п.

** Отряды «маскаратов» были немногочисленны — от 20—30 до 150—200 человек; в разгар восстания субделегат диоцеза Изес определял общее число «бунтовщиков» в 500 человек. Все же восстание вызвало тревогу властей на месте и в центре. Граф Перигор, военный губернатор провинции, направил против «масок» войска, вопрос о восстании обсуждался в королевском совете.

Неурожай и резкое обострение дороговизны и нищеты, охватившие Жеводан и горное Виваре, послужили непосредственным толчком к восстанию. Однако оно сразу вышло за рамки голодного бунта. Действия севенских «разбойников» были направлены против praticiens, gens d'affaire, gens de justice, notaires, т.е. всего персонала феодальной юстиции, в первую очередь сеньориальных судов, нотариусов и февдистов. «Маскараты» громили их дома, помещения судов и нотариатов, уничтожали и сжигали материалы судебных процессов и деловые документы. Явившись к городу Ле-Ван, восставшие потребовали выдачи названных поименно четырех прокуроров; «... мы их повесим и удалимся», — пообещали они. На деле, однако, «маски», называвшие себя также «прокурорами бедных», избегали прямого физического насилия по отношению к лицам. Эта черта будет, в общем, характерна и для антифеодальных «жакерии» революционного времени.

Выводы специальной комиссии Тулузского парламента, посланной для расследования, проясняют причины единоклюшной ненависти крестьян к судейскому племени¹⁰⁷. Многочисленная, спаянная общим интересом и круговой порукой, клика судейских и стряпчих осуществляла подлинное ограбление крестьян. Стряпчие втягивали крестьян в разорительные процессы, вымогали у них судебные расходы, вели дела в долг. Становясь таким образом кредиторами, они доводили дело до продажи с молотка имущества, а затем через подставных лиц скупали его. Земля опять попадала крестьянину, но уже обложенная тяжелой рентой. Судейские действовали иначе. «Большинство их, — говорилось в ордонансе комиссии Тулузского парламента, — сделавшись приказчиками, а часто и арендаторами сеньориальных прав сеньоров, являются в то же время их судьями или их помощниками... аренда сеньориальных прав... доставляет им обильный источник процессов, в которых они, не краснея, выступают в качестве судей». В конечном итоге разорение хозяйств и продажа с молотка крестьянского имущества позволяли судьям следовать примеру стряпчих, т. е. скупать крестьянские земли. Судейские и стряпчие являлись возбудителями и одновременно техническими исполнителями «феодальной реакции». Протестом против нее и было восстание «вооруженных масок». Своеобразие его в том, что крестьяне ополчились не на сам сеньориальный порядок, а против злоупотребления им, не на сеньоров, а против прильнувшего к феодальному источнику наживы слоя буржуазии.

Восстание подавили к концу февраля. Превотальный суд в Ле-Пюи приговорил 6 бунтовщиков к колесованию (из них 4 заочно), 9 — к повешению, 17 — на разные сроки галер. На площади в Ле-Ване были колесованы двое вожаков и один повешен. Около 6 тыс. человек собрались со всей округи. По свидетельству современников, «все имели вид грустный и подавленный; на лицах прокуроров и стряпчих... было написано удовлетворение».

Однако глухое брожение в народе продолжалось. Часть бунтовщиков скрылась в горах и лесах. В апреле — мае 1789 г. возобновились нападения на судейских, в августе до Виваре дотигла волна «великого страха» и крестьяне восстали. На этот раз они атаковали самый корень зла — началась война против замков, длившаяся здесь до 1792 г. К ней мы вернемся позднее.

* * *

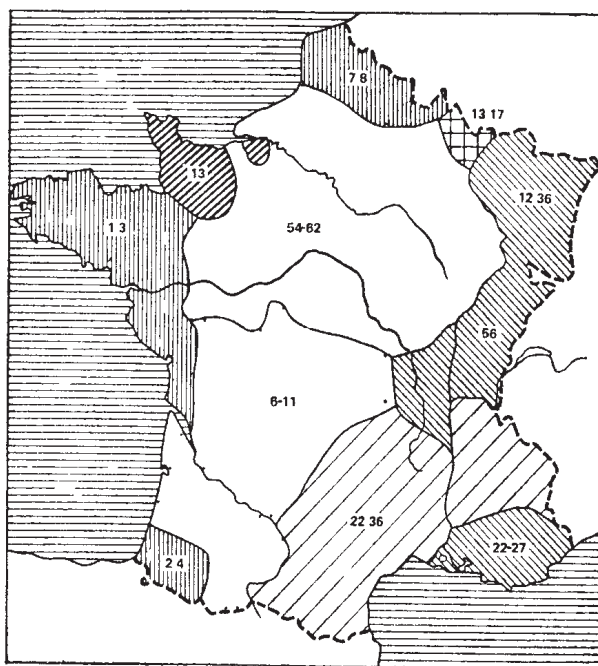
Борьба против налогов не занимала в предреволюционные десятилетия такого преобладающего места в развитии народного движения, как в пору великих мятежей предыдущего века¹⁰⁸. Тем не менее известный историк народных движений XVIII в. считает сопротивление фиску, принимавшее в деревне различные формы, одним из характерных для этого периода мотивов народного протеста¹⁰⁹. Бремя налога сокращало достаток массы крестьян, и без того скромный в условиях, когда общее движение цен и доходов вело к снижению покупательной способности мелкого люда.

С другой стороны, посягая на часть дохода, стесняя свободу рыночных связей, оно ожесточало выбивающегося или уже выбившегося «в люди» богатого «пахаря». Известно, сколь непомерны были в XVIII в. расходы по взиманию налогов, какая армия чиновников, приставов, стражников приводила в действие скрипучую машину фискального пресса. Все это было неизбежным следствием самой налоговой системы с ее хаотичностью и явной сословно-классовой пристрастностью. Но была и другая причина — упорное противостояние массы налогоплательщиков усилиям фискального аппарата. Только путем неослабного принуждения можно было заставить крестьян платить. «Налогоплательщик старого режима, — писал известный исследователь финансовой истории Франции XVIII в., — покоряется всегда только при самой последней крайности. Обычно взносы по талье покрываются лишь в течение 2—3 лет и даже дольше...»¹¹⁰

Пассивное сопротивление перерастало в конфликты, «возбуждения», локальные бунты. Власти посылали жандармерию и солдат. С 70-х годов бесчисленные местные инциденты из-за налогов становились все более частыми. Они еще не изучены и не подсчитаны. Сен-Жакоб отмечал их в Северной Бургундии — в деревне Жергей угрожали косами приставу, к субделегату в Бон явились по делу о талье «мятежные лица», оскорбляли его, грозили сорвать парик и т.п.¹¹¹ Администрация прибегала к солдатским постоям в строптивых деревнях, заменяя этой радикальной мерой судебное понуждение к уплате¹¹².

Наиболее активное сопротивление вызывали косвенные налоги (на соль, вино, табак, продукты животноводства, лен, коноплю и т.д.), ставшие к этому времени основной базой фиска. Крестьянин уплачивал их двояким образом — и как продавец, и как покупатель. Особый характер взимания косвенных налогов порождал и своеобразные формы борьбы против них. В XVIII в. одной из главных форм стала массовая, часто вооруженная контрабанда, которая приняла в это время наибольший размах за всю историю Франции. Сложившиеся и определенные формы этого специфического промысла Главарем отряда мог стать лишь человек, имевший средства для начала дела — надо было достать оружие, снаряжение, лошадей, закупить партию товара. Одни действовали за свой счет, другие — в качестве агентов торговцев Гренобля, Лиона, Авиньона и других городов. Вожаки набирали «слуг» (valets, journaliers) — рядовых этой многочисленной подпольной армии врагов фиска. Контрабанда была доходным, хотя и необычайно опасным промыслом. Но помимо коммерческой была у этого столь типичного для эпохи явления и социальная сторона. Контрабандистами становились наиболее энергичные из разоренных мелких производителей, которых много было в эту пору первоначального накопления, в отряды шли на время сельские поденщики, просто крестьяне и ремесленники¹¹³, в пограничных областях страны, на стыках внутренних таможенных барьеров контрабандой занимались целые деревни. Особенный размах приобрела контрабандная торговля солью. В ней были заняты десятки тысяч постоянных и множество временных участников. В провинциях, где проходили границы зон с различными ценами на соль (см. карту), прежде всего в Мэне и Анжу, а также в Пикардии, Лотарингии и Оверни, контрабанда солью являлась источником постоянного дополнительного дохода для крестьян.

Соляной налог (габель) в различных районах Франции
 Примечание Цифрами указаны цены на 1 квинтал (50 кг) соли в ливрах (уровень цен определялся размерами габели) (D'Hoop Y.-M. Histoire contemporaine 1789—1848 P, 1960 P 13)

В 50-е отчасти 60-е годы контрабанда стала явно перерастать в широкое антиналоговое движение. Именно в это время на востоке Франции развернулись экспедиции знаменитого Луи Мандрена. Действия этого яркого вожака и его отрядов далеко выходили за рамки обычных контрабандистских походов. В течение 1754 г. активность Мандрена распространилась на несколько провинций — Дофине, Лионне, Бургундию, Овернь, Бурбонне, Прованс, Лангедок. Мандрен и его люди нападали на сборщиков, стражников и других служащих откупного ведомства, громили его конторы, уничтожали бумаги, забирали взысканные по налогам суммы. Больше того, Мандрен вторгался в города (Бурк, Ле-Пюи, Роанн и др.), освобождал заключенных в тюрьмы за контрабанду и недоимки. Разумеется, лишь широчайшее сочувствие и поддержка податного населения обеспечили эти успехи. По следам событий родилась легенда о Мандрене. Он стал народным героем, персонажем песен, глубочайшей литературы XVIII в.¹¹⁴

КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
 КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1789-1794 гг.

М.: издательство МГУ. 1987. Издание 2-е, переработанное и дополненное

Движение не кончилось и после колесования Мандрена. Стали возникать новые отряды контрабандистов и разбойников, некоторые вожаки объявляли себя его преемниками. В конце 50-х — 60-е годы несколько таких отрядов действовало в Верхней Оверни. Один из них возглавлял некто Борнь, бывший соратник Мандрена. Другим предводительствовал Торэн Монтань, называвший себя «Мандреном-младшим». Этот отряд занимался и разбоем, захватывал деньги, оружие, лошадей. Нападениям подвергались преимущественно сеньоры и представители церкви. Подобные отряды действовали в это же время в Отюнуа, Жеводане, Дофине, Лангедоке (особенно в Виваре)¹¹⁵. В некоторых районах Лангедока взимание так называемого эквивалента (налога, аналогичного налогу на напитки, — *aides*) было в конце 60-х годов вообще прервано. Генеральные откупщики получили дозволение создать новые отряды, вооруженные по армейскому образцу. Очевидно, в 70-е гг. им удалось несколько справиться с этой полуразбойной формой народного сопротивления. Но сам размах движения, превратившегося в серьезную опасность, имевшего широкий общественный резонанс, позволяет лучше понять, почему в 1788—1789 гг., как только первые потрясения поколебали здание абсолютной монархии, массовая вооруженная и невооруженная контрабанда захлестнула Францию и, перерастая в большие антианалоговые восстания, в короткий срок смела всю фискальную систему абсолютизма.

* * *

Проблемой громадной важности, которая все более остро вставала перед французским крестьянством и вызывала обострение социальных противоречий в деревне, был вопрос о земле. Выше отмечалось, что в отличие от Англии аграрное развитие Франции шло в сторону укрепления владельческих прав держателя. Однако это не должно заслонять другой особенности аграрного строя Франции — наличия рядом с мелким землевладением крестьян крупного землевладения привилегированных сословий и буржуазии. В середине и второй половине XVIII в. отчетливо обозначилось наступление на землевладение и землепользование мелких крестьян. Отчасти оно было элементом «феодальной реакции» и осуществлялось различными путями.

К этому времени возможности сеньора непосредственно посягнуть на крестьянское держание, хотя и сократились до минимума, все же не исчезли полностью. В частности, одна из таких возможностей открывалась в связи с массовым возобновлением сеньориальных описей. С 40-х годов XVIII в. оно стало сопровождаться межеванием и составлением парцеллярных планов территории сеньорий. «Межевание, — пишет А.Собуль, — позволяло поставить под вопрос собственность... Если крестьяне заявляли о меньшем количестве земли, чем они фактически имели, излишек присваивался сеньором как узурпированный. Если декларации держателей составляли в сумме большую площадь, чем было записано в старом терье, предпринимался розыск парцелл, которые должны были рассматриваться как сеньориальная собственность»¹¹⁶. Сеньор мог завладеть крестьянской землей, используя также право цензуального выкупа — *retiait censuel* (существовавшее во многих провинциях право сеньора выкупить для себя проданную кому-либо цензиву). Такие случаи, частые в XVIII в., отмечены историками в Провансе, Лангедоке и на Западе¹¹⁷.

Однако гораздо большее значение имел иной путь посягательства на крестьянское землевладение и землепользование, так хорошо известный из истории Англии, — огораживания и захват общинных угодий. Прежде всего это было наступление на права пользования сельских общин — полевые, пастбищные, лесные, значение которых было очень велико для поддержания равновесия мелкого хозяйства, а также для сельской бедноты. Одновременно активизировались посягательства на обширные ланды и пустоши, игравшие большую роль в кормовом балансе крестьянского хозяйства. Сеньоры огораживали их и сдавали под распашку в держание или аренду, вели лесонасаждения. В тех случаях, когда угодья (в особенности леса) считались частью домена, сеньором осуществлялось так называемое *droit de cantonnement*, т.е. изъятие до 2/3 земли с оставлением 1/3 крестьянам. Наконец, широчайшее распространение получил триаж — выделение в пользу сеньора 1/3 общинных земель. Королевский ордонанс 1669 г. признал это право с рядом ограничений; на практике они постоянно нарушались.

Наступление на земельные владения и права пользования сельских общин было поддержано в 60—70-е годы государственной властью. Серия эдиктов, деклараций, постановлений поощряла «аграрный индивидуализм», освоение пустошей, осушение болот, раздел общинных угодий. Эти меры связывают обычно с пропагандой и влиянием физиократов. Действительно, идеи «школы» проникли в среду просвещенных высших администраторов, имелись у физиократов и обширные личные связи в правящей верхушке.

Физиократы были противниками всей системы крестьянского землевладения и землепользования, с ее переплетением парцелл, общинными землями, общинными сервитутами и принуждениями. Они отстаивали последовательное осуществление «аграрного индивидуализма», свободы хозяйствования, раздел общинных земель к пользе богатых хозяев. Правда, физиократы добивались и освобождения земли от феодальных пут; они требовали составления кадастра, коренной перестройки системы налогов, были решительными противниками десятины, настаивали на выкупе феодальных повинностей. В конечном счете их аграрная доктрина отражала одну из

отмеченных нами тенденций капиталистической земельной эволюции Франции. Она отвечала интересам землевладельческой аристократии и крупной буржуазии, начавших переходить к форме капиталистической земельной ренты, а также крупных капиталистических фермеров.

Однако абсолютистская администрация отнюдь не восприняла идей «школы» в полном объеме. Наступая на общину, монархия не собиралась серьезно затронуть права и привилегии сеньоров. Хорошо известна печальная судьба реформ и замыслов Тюрго, так же как и умеренной программной брошюры Бонсерфа против феодальных прав, сожженной по приговору Парижского парламента¹¹⁸.

У большинства исследователей не вызывает сомнений, что аграрные реформы оказались выгодными в первую очередь богатым землевладельцам из дворян, сеньорам.

Оценивая общее значение реформ и сравнивая их с парламентскими огораживаниями XVIII в. в Англии, М.Блок, несомненно, преувеличивал, говоря, что предпринятая попытка «была грандиозна»¹¹⁹. Однако принципиальную однородность обоих явлений он уловил верно. Ее хорошо заметили и современники. К английскому опыту в равной мере апеллировали и сторонники, и противники реформ, первые — провозглашая его благотворным примером, вторые — ссылаясь на губительные его последствия для судеб крестьянства.

Реформы не дали очень больших результатов. В среде самого правящего класса не было единодушия. Крестьяне оказывали упорное сопротивление. К началу 80-х годов реформаторское движение приостановилось. Тем не менее общинным владениям и правам пользования был нанесен немалый урон. Неудивительно, что вопрос о них с 60—70-х годов особенно настоятельно выдвигался на первый план. Наиболее остро он стоял в районах трехпольного зернового хозяйства Севера и Северо-Востока, где расширение посевных площадей нарушило баланс между пашней и выпасом, сократив до критического предела пастбищные угодья¹²⁰. Но конфликты возникали и в районах с иными аграрными условиями — на Западе, южнее Луары.

Вокруг судьбы общинных земель и распоряжков завязался сложный узел противоречий. Крестьяне боролись на 2 фронта. В условиях наступления на общину деревня 60—80-х годов была уже расколота. Своеобразие Франции состояло в том, что разные элементы общинного владения и пользования нашли здесь защитников не только в «низах», но и в «верхах» деревни. Часть этих последних (вместе с крепкими середняками) хотела сохранить коллективное владение и пользование общинными угодьями, поскольку вела экстенсивное, преимущественно зерновое хозяйство; фактически она уже прибрала их к рукам, занимая своим скотом в ущерб бедноте. Напротив, нижние слои крестьянства, прежде всего беднота, добивались раздела; они жадно тянулись к земле и рассчитывали заполучить парцеллу за счет общинного фонда.

Позиции бедноты и верхних слоев деревни менялись, поскольку речь заходила об общинных сервитутах и принуждениях, о свободе собственности и обработки, а значит, и огораживаниях. Основная масса крестьян упорно отстаивала общинные земельные распоряжки. Именно борьба против их ограничения и ликвидации приобрела в 70—80-е годы особенно ожесточенный и массовый характер. При этом защитники общины вступали в конфликт не только с сеньорами, но и с крупными фермерами, богатыми крестьянами.

Однако до революции (и в начале ее) главным был второй фронт борьбы вокруг общинных владений и пользования, который объединял крестьянство. Прежде чем решить вопрос, как использовать общинные земли, надо было отстоять их от посягательств сеньора. Так же как и в вопросе о феодальных повинностях, общины выдерживали и сами начинали бесчисленные судебные процессы; отзвуки их мы многократно встретим в восстаниях крестьян 1789—1793 гг.¹²¹ Умножались случаи насильственного и даже вооруженного сопротивления; общие и локальные исследования сообщают о «сборищах», разрушении изгородей, вторжении крестьян со своим скотом на огороженные участки, порубке деревьев, выстрелах — днем в животных, ночью — в людей сеньора, иногда об угрозах поджечь замок и посылке военных отрядов против непокорных общин. «Бунт и возмущение» в местечке Куерон неподалеку от Нанта в июле 1785 г. — пример подобного рода крестьянских акций. Местный сеньор закрыл свои луга для крестьянского выпаса по вторым травам. В ответ «жители нескольких приходоов числом более 800 с ружьями и другим оружием отправились косить все окрестные луга». Прибывшему из Нанта чиновнику крестьяне заявили, что, «далекие от всякого мятежа против короля и правосудия, они собрались лишь для того, чтобы оказать сопротивление сеньорам, которые хотели бы довести их до полной нищеты»¹²². Бунтовщики прогнали посланных на усмирение конных жандармов, но были вынуждены покориться по прибытии сотни солдат Альпийского полка.

* * *

Наступление на крестьянские сервитуты, на общинные угодья, соединяясь с налоговым давлением монархии и требованиями сеньории, подрывало устойчивость мелких крестьян, хозяйствовавших на собственной земле. Мы видели также, что для них было неблагоприятно общее движение цен и доходов. Наступившее с 70-х годов общее ухудшение экономической ситуации в стране, а затем фуражный голод и эпизоотия 1785 г. сильно пошатнули положение этого социального слоя. В обычные годы, полагал Ж.Лефевр, мелкий крестьянин-собственник

«жил, покрывая расходы по хозяйству, которое он вел почти целиком своими силами и силами семьи; если он что-нибудь сэкономил сверх того, то за счет чрезмерного труда и самоограничений, и в этом случае уровень его жизни отличался от уровня поденщика только тем, что хлеб насущный был ему обеспечен постоянно; чаще, несомненно, владение скотом позволяло сделать некоторые сбережения. Но если год был плохим, ему не оставалось ничего, и он мог свести концы с концами, лишь уменьшая расходы на обработку и ухудшая хозяйство»¹²³. Этот вывод относится к зажиточному середняку провинции Орлеане, прибежавшему sporadически к найму рабочей силы. Положение маломощного крестьянина было значительно хуже, едва приближаясь даже в обычные вполне урожайные годы к жесткому минимуму средств существования.

К.Маркс установил, что «пределом эксплуатации для парцеллярного крестьянина» «является лишь заработная плата, которую он, за вычетом собственно издержек, уплачивает сам себе. Пока цена продукта покрывает заработную плату для него, он будет возделывать свою землю, — часто вплоть до тех пор, когда покрывается лишь физический минимум заработной платы». Однако «ростовщичество и система налогов должны вести ее повсюду к гибели»¹²⁴.

Крестьянская задолженность по-прежнему была одним из характернейших зол, подрывавших хозяйство мелкого крестьянина перед революцией. Долговые обязательства крестьян покупались и продавались, «они вошли в общее обращение ценностей». Результаты всего этого очевидны. «Задолженность — ликвидация мелкой собственности; оба факта тесно связаны»¹²⁵. Эта зависимость была ясна современникам, в том числе физиократам. На крестьянской земельной собственности нарастали ипотечные ренты, и она становилась фикцией. В дальнейшем исчезала и фикция. Иногда это происходило после смерти владельца — имуществом завладевали кредиторы. Чаще крестьянин был вынужден просто продавать свою землю. П. де Сен-Жакоб показал этот процесс в Северной Бургундии: «Достаточно раскрыть документы из архива какого-нибудь крупного буржуа, чтобы увидеть следы экспроприации мелкого люда... Прогресс пауперизации — факт безусловный. Свидетельства фактов и свидетельства современников совпадают. О социальных переменах говорят в Академии; субделегаты извещают интенданта»¹²⁶. Исследователи пишут об экспроприации крестьян в Парижском районе, Лотарингии (число «пахарей» в генеральстве Нанси в 1737—1780 г. сократилось с 22718 до 18321), Лангедоке, Лионне¹²⁷. Этот процесс не ускользнул от внимания такого проницательного наблюдателя, как Г.Мабли: «Чтобы расширить свои владения, люди без колебаний скупают поместья несчастных крестьян, обрекая их на нищету, более жестокую, чем прежнее рабство их предков»¹²⁸.

В чьи же руки переходили крестьянские земли? Участие дворян в «собрании» земель несомненно; дело облегчалось возможностью использовать для этого права сеньории. Активно скупали крестьянские земли чиновное дворянство, и особенно парламентская аристократия. Наконец, бесспорным является факт чрезвычайно широкого участия в этом буржуазии — ее верхних слоев и множества буржуа среднего достатка. Как распределялись земельные богатства Франции и какая их доля находилась ко времени революции в руках крестьян? По оценкам историков, дворянству принадлежало по разным провинциям от 9 до 44% земли. Для страны в целом А.Собуль предложил средние цифры: земли духовенства — 10%, дворянства — 20, буржуазии — 35, крестьянства — от 22 до 70%¹²⁹. Важно учитывать, что привилегированным сословиям принадлежали обычно лучшие по качеству и расположению земли. Крестьянское землевладение было наиболее ограничено в плодородных районах хорошо поставленного зернового и животноводческого хозяйства.

Подвергшийся полной или частичной экспроприации крестьянин стремился заполучить землю как срочный арендатор. И здесь он сталкивался с ростом денежной арендной платы, который был большим, чем общий средний рост продовольственных цен. Между первой третью века и 1770—1789 г. реальная арендная плата повысилась на 18%, а между тем же исходным периодом и 1785—1789 г. — на 22%. Для мелкого крестьянина это означало, что, урезая себя, он должен был продавать больше и на условиях, как мы видели, наименее благоприятных¹³⁰. Натуральная арендная плата росла столь же неуклонно, причем быстрее и сильнее увеличивалась она именно за мелкие аренды. Земельный участок, сданный за 34 меры пшеницы в 1728 г. (деревня Уж, Северная Бургундия), был пересдан за 40 мер в 1735 г., за 42 меры в 1749 г., 70 мер и 12 ливров в 1778 г.¹³¹

Далеко не всегда крестьянин, претендовавший на мелкую аренду, мог ее найти. В районах аграрной концентрации создание крупных хозяйств вело к разрушению мелких ферм. Наказы Генеральным штатам 1789 г. оставили нам описания этих объединений, вызывающие в памяти картины происходившего по ту сторону Ла-Манша. Так, наказ прихода Шаланж (в районе Алансона) содержал жалобы на людей, снимавших сразу по несколько ферм, сообщал о том, что они ломают дома, погребов, виноградные прессы, хозяйственные постройки, заменяют зерновые культуры кормовыми травами. Все это — «зло, широко известное в этом приходе и во многих других», — говорилось в наказе¹³². В областях Бос и Бри «поглощение равнин крупной культурой вымело сотни хижин и сравняло с землей десятки деревень»¹³³.

В целом процесс пауперизации и роста крестьянской земельной нужды представляется бесспорным. Вместе с тем в старой и в современной литературе по аграрной истории Франции XVIII в. высказывается мысль о некотором росте крестьянского землевладения перед революцией за счет покупки крестьянами земельных участков у дворянства и буржуазии. К этому выводу пришел И.В.Луцицкий, положивший начало статистическому изучению земельной собственности в конце старого порядка. Он показал в частности, расширение крестьянских земель (хотя и незначительное) в Лимузене (в податных округах Тюля и Брива) и в Лаонне¹³⁴. Мнение Луцицкого было поддержано С.Д.Сказкиным. К концу XVIII в., писал он, «крестьянская собственность (повторяем, условная) обнаруживала несомненный рост»¹³⁵. Современный исследователь, изучивший положение крестьян в провинции Мэн, установил, что в западной (более плодородной) ее части крестьянам удавалось делать накопления и приобретать землю¹³⁶. Э.Леруа Ладюри считает, что в течение XVIII в. обозначилось своеобразное «крестьянское контрнаступление», которое выражалось, в частности, в покупках крестьянами земли и могло сопровождаться (как это бывало в Нижнем Лангедоке) дроблением даже некоторых крупных доменов¹³⁷.

Отмеченные суждения ученых позволяют высказать предположение о наличии в аграрном развитии предреволюционной Франции двух различных тенденций. С одной стороны, шел показанный выше процесс земельной концентрации, пауперизации и обезземеливания крестьянства, связанный с натиском «феодалской реакции», с развитием капиталистического уклада на основе крупного землевладения привилегированных сословий, а также буржуазии. В то же время пробивала себе дорогу тенденция к стабилизации и некоторому росту крестьянского землевладения (а также и землепользования), которая была связана с развитием капиталистического уклада в крестьянском хозяйстве, способствовала дифференциации крестьянства.

Это не означало, однако, ослабления острой нужды крестьян в земле. Расширение крестьянского землевладения, там, где оно происходило, использовали прежде всего богатые и зажиточные слои деревни, оттесняя бедноту. Еще И.В.Луцицкий установил, что первенствующую роль в приобретении земель в изученных им районах играли обеспеченные «пахари»; перед революцией здесь наметилась концентрация земли в руках этого слоя, которая шла параллельно с дроблением участков мелких крестьян¹³⁸. Кроме того, демографический рост, особенно заметный в народной среде, резко увеличивал крестьянский спрос на землю и в свою очередь способствовал дроблению крестьянских наделов и усилению земельной нужды. В годы революции упорная борьба за землю станет одним из главных направлений социальной борьбы во французской деревне.

* * *

В течение XVIII в. для значительной части сельского населения все большее значение приобретал вопрос о доступном и дешевом хлебе, становясь одним из факторов, определивших некоторые важные аспекты назревавшего в деревне социального взрыва. Убедительное свидетельство тому — многочисленные крестьянские «хлебные бунты». Нарастание этого специфического типа народного протеста относится к концу XVII в. К середине XVIII столетия борьба против дороговизны, скупки хлеба и спекуляции им (действительной или подозреваемой) стала наиболее заметной и частой формой массового движения в деревне¹³⁹. Возникает вопрос, чем вызвано это широкое распространение продовольственных движений. Историки, изучавшие «хлебные» или «продовольственные» бунты (*revoltes frumentaires, troubles de subsistances*), естественно, сосредоточивали внимание на их непосредственных стимулах — резких изменениях рыночной конъюнктуры, неурожаях, обострениях дороговизны. Однако Л.Тилли, поставившая вопрос о долговременных истоках широкого и длительного распространения «хлебных бунтов» во Франции XVIII в., не без основания считает, что его нельзя объяснить упрощенной формулой «неурожай — голодовка — восстание»¹⁴⁰. Действительно, именно в течение XVIII в., т.е. в период наибольшего размаха продовольственных движений, были преодолены катастрофические голодовки и эпидемии средневековья с их разрушительными последствиями для динамики народонаселения. Последний такой голод страна пережила в 1709—1710 гг. Хотя неурожай и хлебные кризисы в различных районах оставались частыми, все же голодовки XVIII в. (как и демографические колебания) имели гораздо менее острый характер. Именно с этим важным сдвигом современные исследователи связывают, как было отмечено выше, рост народонаселения в этот период. При этом большинство специалистов считают, что в масштабе страны вряд ли можно говорить о разрыве между увеличением числа жителей и динамикой сельскохозяйственного производства¹⁴¹ (хотя высказываются и другие суждения¹⁴²).

Л.Тилли связывает развитие массовых продовольственных движений с двумя факторами: постепенным формированием в XVIII в. национального хлебного рынка и изменениями в экономической политике государства (попытками наряду с жестким контролем над хлебной торговлей совершить переход к экономическому либерализму в этой области). Оба они, по ее мнению, вели к росту оптовых закупок, массовому передвижению хлебных грузов из производящих в потребляющие районы, периодическим всплескам дороговизны. Названные факторы, очевидно,

должны быть приняты в расчет. Но решение, предложенное Тилли, оставляет в стороне вопросы социально-структурного порядка. Между тем важную роль в широком распространении массовых сельских движений не могли не играть изменения в сфере производства и связанные с ними сдвиги в социальной структуре крестьянства. Весомым их результатом было возрастание доли сельского населения, выступавшего на продовольственном рынке в качестве покупателя постоянно или периодически. Увеличивалось число крестьян, находивших дополнительный заработок в сельских промыслах, труде на скупщика и рассеянную мануфактуру, обращавшихся к сезонной работе по найму; формировались (хотя и крайне медленно) кадры постоянных сельских рабочих. На рынок являлись за хлебом и маломощные крестьяне, которые сами продавали его осенью для уплаты податей и покупали с весны для своего пропитания. Хлеб приобретали и крестьяне районов специализированного незернового земледелия; главную их армию составляли виноградари. Понятно, что вопрос об уровне хлебных цен становился для большой и социально неоднородной части сельского населения вопросом жизненной важности*, тем более что с 30—40-х годов цены росли быстрее номинальной заработной платы и реальный заработок бедноты сокращался. Э.Лабрусс сделал попытку подсчитать распределение семейного бюджета, исходя из среднего прожиточного минимума семьи поденщика в 5 человек.

Вид затрат	Доля заработка, %
На хлеб	50
На овощи, сало, напитки (вино, сидр и т. п.)	16
На одежду	15
На отопление	5
На освещение	1

Вздорожание товаров первой необходимости снизило реальную заработную плату сельских рабочих в период между 1726—1741 и 1785—1789 гг. в среднем на 25%¹⁴³.

Франция дореволюционного времени уже знала стачки сельских рабочих (о них см. гл.4, §7). Однако не борьба за повышение заработной платы выступала на первый план; наибольшую массу недовольных могла сплотить именно прямая борьба за хлеб, против дороговизны. Хлеб покупало множество деревенских людей, но далеко не все добывали средства для его приобретения только работой по найму. Иные находили их продажей продуктов животноводства, виноделия, огородничества, ремесленных изделий, работой на мануфактуру в той форме, когда оплата труда еще не приобретала чистой формы заработной платы.

До сих пор нельзя дать полной картины этих движений и тем более выразить ее статистически. Очевидно, после 1725 г. они возобновились особенно резко на рубеже 30-х и 40-х годов (1739—1740 гг. отмечены самой тяжелой голодовкой после 1709 г.) и в дальнейшем повторялись в разных провинциях, совпадая с неурожаями, обострениями дороговизны и хронической деревенской безработицы. В 70-е годы волнения на продовольственной почве стали принимать особенно массовый характер. В 1773 г. они совпали с общим политическим кризисом в связи с судебной реформой канцлера Мопу, попытавшегося сломить политическое влияние парламентов. В мае волна хлебных бунтов охватила города и деревни Бордоского генеральства; для их подавления были направлены два армейских полка. Чрезвычайная дороговизна и промышленные затруднения вызвали народные бунты в Лангедоке. Они начались, как обычно, весной, в феврале — марте, главным образом в промышленных местностях (Каркассоне и сельской округе, районе Кастра и Мазаме), а также в сельских коммунах Альбижуа, вдоль Гаронны, в Монтобане. Волнения возобновились в этих районах в 1774 г. С осени и до конца весны 1775 г. усилиями сельских коммун всякая циркуляция зерна в районе дороги Кастр — Мазаме — Сен-Пон была остановлена; бунты вспыхнули в Тулузе, Альби, Бордо, По, Лиможе. Весной 1773 г. волнения начались в Перигоре (субделегатстве Риберак). С перерывами они продолжались здесь до весны следующего года, также как и в части Гюйенны и в Турени. Зимой 1774/75 г. отряды вооруженных крестьян действовали в районе г.Санкуэн и плато Морван.

Александр Васильевич АДО

КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1789-1794 гг.

М.: издательство МГУ. 1987. Издание 2-е, переработанное и дополненное

* Хлеб (разные виды злаков) был в XVIII в. для народа главным предметом питания и главной статьёй расхода; 3—4 фунта хлеба в день считались необходимым рационом человека из простого народа. При этом пшеничные изделия редко появлялись на столе поденщика и бедного крестьянина. Народными продуктами были хлеб из ржи с отрубями, из смеси ржи и ячменя, из ячменя, из гречихи (в Бретани, Лимузене), лепешки из гречихи, каша из маиса (в Кер-си, на Юго-Западе), гречихи, овсяной крупы. Мясная пища употреблялась редко, причем главным образом солонина и сало. Из овощей к столу крестьянина подавались чеснок, лук, репа, капуста. Чечевица, фасоль, бобы употреблялись широко и шли иногда на изготовление хлеба. Молоко и сыр тоже входили в число *douceurs* — так назывались все элементы питания помимо хлеба. В некоторых местностях хлебный рацион дополняли каштаны.

В этой обстановке Тюрго провел свою реформу хлебной торговли. Весной 1775 г. разразилась «мучная война», самая мощная репетиция социальных битв 1789—1793 гг. Хорошо известны широкий общественный отклик на нее и вызванная ею тревога¹⁴⁴. С 1777 г. возобновились волнения в Лангедоке (полностью они уже не утихали здесь вплоть до революции), отчасти в Керси, в 1782 г. вспыхнули бунты в Лавале (Мэн) и Пуатье, в феврале — мае 1784 г. в Руанском генеральстве (Руане, областях Ко и Румуа). Засуха и фуражный голод 1785 г. сильно обострили недовольство. Начавшийся затем в 1787—1788 гг. экономический кризис и подъем народных движений явились уже органическим элементом революционной ситуации.

Формы борьбы за хлеб были различны; прямой и безвозмездный захват зерна на дорогах, в амбарах и т.п. встречался часто, но, очевидно, не преобладал. Важнейшим мотивом и субъективным оправданием волнений выступала скорее борьба против истинной или предполагаемой спекуляции и скупки, за «справедливую цену». Отсюда стремление сорвать перевозки зерна, задержать его в коммуне, местности. «Бунт-препятствие» (по типологии, предложенной Л.Тилли) особенно был характерен для продовольственных движений в деревне¹⁴⁵. Но наиболее организованной формой этих движений, возникшей в XVIII в., являлась народная таксация — установление восставшими низких цен на зерно и его принудительная продажа.

Борьба за хлеб сталкивала широкие слои мелкого люда с частью третьего сословия, наживавшейся на дороговизне, — хлеботорговцами, буржуа-землевладельцами, богатыми фермерами, мельниками. Это наложило отпечаток на общественные настроения имущих верхов деревни в последние десятилетия перед революцией. Г.Лемаршан верно отметил усиление «социального страха» в их среде¹⁴⁶. Широкое распространение в областях «крупной культуры» такой формы социальной борьбы, как агрессивное нищенство, давало ему дополнительные импульсы¹⁴⁷. Нищенство переходило иногда в разбой; отдельные факты грабежа обрастали легендами и слухами. Опасения имущих отразятся в приходских наказах 1789 г., внушенных деревенской верхушкой, они ярко обнаружатся затем в некоторых чертах «великого страха» летом 1789 г. Вместе с тем продовольственные движения оказывались и существенной частью «первой социальной войны» в деревне. Во-первых, они обостряли противоречия народной массы с абсолютистским государством. Королевская администрация сурово подавляла волнения; «бунтовщиков» ждали выставления у позорного столба, публичная порка, кандалы, виселицы, галеры. Все это связывало в народном сознании власть и скупщиков, рождало выводы о корыстном сговоре между правительством и спекулянтами. В инструкции Тюрго, разосланной приходским кюре во время «мучной войны», особо отмечалось, что зачинщики «сеют рознь между различными классами граждан, обвиняют правительство в поддержке богатых за счет бедных». Во-вторых, нередко участники продовольственных бунтов выступали против замков, монастырей, сеньоров, кюре, захватывали и распределяли по таксе зерно. В 1784 г. в области Ко ходили разговоры, что сеньоры накапливают зерно в замках и вывозят его ночами; они повторились в 1789 г. В целом поднявшаяся в XVIII в. своеобразная народная «война за хлеб» представляется нам одним из важнейших явлений социальной истории предреволюционной Франции. Ее изучение многое проясняет в истории народных движений 1789—1795 гг., показывает прямую связь между борьбой за «максимум» во время революции с массовым не только городским, но и сельским движением дореволюционного времени.

6. К ВОПРОСУ о СДВИГАХ в МАССОВОМ СОЗНАНИИ КРЕСТЬЯНСТВА

Рассматривая социальные конфликты во французской деревне конца старого порядка, постепенное, во многом еще подспудное нарастание общественного недовольства, необходимо иметь в виду происходившие в этот период, особенно 1750-х годов, существенные сдвиги в массовом сознании крестьянства. В.П.Волгин писал в свое время о «молекулярных изменениях в политической психологии масс» предреволюционной Франции¹⁴⁸. Вопрос этот, все еще недостаточно изученный, вызывает растущий интерес в современной историографии. Некоторые западные историки выдвигают на первый план архаичные, восходящие к прошлому черты общественного сознания народной массы. М.Вовель обоснованно подчеркивает односторонность такого подхода, указывает на сложное сочетание в народном сознании черт, унаследованных от прошлого, и важных новых элементов, внесенных в него исторической действительностью века Просвещения¹⁴⁹. Э.Леруа Ладюри пишет об «идеологической, культурной, социальной модернизации крестьянина» в течение XVIII века¹⁵⁰.

В современной литературе, затрагивающей проблемы массового сознания крестьянства, в наибольшей мере выявлены изменения в его отношении к официальной религии и церкви, сдвиги в сознании, связанные с демографическими процессами (в частности, наметившимся во второй половине XVIII в. сознательным ограничением рождаемости)¹⁵¹. Гораздо слабее изучены динамика социального самосознания крестьянства, его отношение к другим общественным классам и социальным группам, к государственным порядкам.

Первичным истоком сдвигов в общественном сознании крестьянства были отмеченные выше процессы экономического и социального развития: рост капиталистического уклада, усиление обменов между городом и деревней и дальнейшее ослабление локальной замкнутости сельского мира, усиление территориальной мобильности крестьянства. Усилившаяся внутренняя трансформация крестьянства, его эволюция в мелкобуржуазном, отчасти и прямо буржуазном направлении не могли не порождать в нем потребности в выработке и усвоении новых общественных ценностей. В.И. Ленин отмечал, что развитие рыночных связей, втягивание крестьян в торговый оборот, рост неземледельческого отходничества ведут к подъему у крестьян чувства личности, собственного достоинства, сознательности, к расширению их кругозора¹⁵². Этот вывод относился к условиям пореформенной России. Но вот наблюдения Сен-Жакоба, изучившего рост «духа сопротивления» бургундских крестьян в середине XVIII в.: помимо нищеты «другие элементы усиливают и обнаруживают новое состояние духа. Волнение становится более обдуманым, чем спонтанным, и эта эволюция крестьянского сознания имеет далекие последствия. Развитие дорожной сети и рост сообщения, создание новых рынков и ярмарок начинают приводить в движение людей и идеи... Деревни лучше знают друг друга, город и деревня взаимно проникают. Издавна разрозненное, возмущение все более объединяется... Торговец становится разносчиком новостей. В трактирах на больших дорогах, несомненно также и в скромных кабаках, собираются возчики, сходятся слухи»¹⁵³. Все эти новые явления усиливали динамические черты в общественном сознании крестьянства.

Наметившаяся в предреволюционные десятилетия секуляризация народного, в том числе крестьянского, сознания, вызревание религиозного индифферентизма, некоторое ослабление социального воздействия духовенства на сельскую массу были отмечены еще в 30-е годы известным знатоком религиозной истории Франции Г. Лебра: «Кажется, что к середине века неверие прогрессирует. Образуются очаги меньшего соблюдения обрядов, безразличие и непочтительность овладевают крестьянами, сетования пастырей звучат более жалобно»¹⁵⁴. В наши дни историки единодушны в том, что процесс духовной секуляризации в ряде районов Франции действительно пробивал себе дорогу во второй половине XVIII в., затрагивая и деревню. Зримым и поддающимся учету его выражением было менее строгое соблюдение религиозной обрядности (например, обязательного пасхального причащения), снижение посещаемости церковных служб¹⁵⁵. «Представляется несомненным, — пишет М. Вовель, — что процесс, взрывной формой которого станет дехристианизация 1793 г., наметился во второй половине века»¹⁵⁶. Тенденцию к своеобразной «дехристианизации», проникавшей и в деревни, Вовель убедительно показал на материалах Прованса¹⁵⁷. В Северной Бургундии, отмечает Сен-Жакоб, с 1760-х годов стали звучать жалобы сельских кюре на ослабление религиозной практики прихожан, на меньшее посещение церковных праздников¹⁵⁸. Ж. Фреш выявил «начатки светского сознания» в деревнях Верхнего Лангедока 1760—1770-х годов В его работе приведены жалобы кюре на то, что крестьяне работают в дни церковных праздников, несмотря на увещевания епископов; смех и разговоры раздаются в ходе церковных служб; во время воскресной мессы многие мужчины идут вместо церкви в трактир; немало прихожан нерегулярно исполняют пасхальный обряд, а некоторые и вовсе воздерживаются от него. Число этих закоренелых non-pascalisants было очень невелико, однако они имелись даже в отдаленных деревнях и число их возрастало в течение века¹⁵⁹. Наблюдения такого рода рассеяны во многих старых и современных исследованиях и этюдах по локальной истории¹⁶⁰.

Во второй половине века все более частыми становились конфликты крестьян с представителями церкви по поводу десятины (ее размеров, обложения ею тех или иных продуктов и т.д.), множилось отказы от ее уплаты и судебные процессы на этой почве. Многочисленны были также столкновения и судебные споры с кюре по разным, нередко чисто хозяйственным поводам¹⁶¹.

Характерной приметой времени стало отмеченное историками оживление традиционной народной культуры, которая вызывала неприязнь и осуждение церкви, особенно усилившиеся в период контрреформации¹⁶². Так, в Верхнем Лангедоке, сетовали кюре, вопреки их неодобрению в деревнях устраивают сельские праздники, народные танцы и особенно скандально то, что эти празднества не совпадают с днями святых — покровителей деревни. На упреки кюре крестьяне отвечали: «Таковы обычай и правило нашей местности», «это обычай, который родился в нашем краю»¹⁶³. Некоторые элементы массовых действий, восходящие к традиционной народной культуре, в частности посадка «майских деревьев», отчетливо обнаружатся в ходе крестьянских движений в годы революции (см. ниже, гл.4).

В какой мере возможно говорить о прямом или косвенном проникновении культуры и идей Просвещения в крестьянскую среду? Эта сложная проблема поставлена в современной литературе. Нередким является суждение, что рожденное Просвещением новое видение мира, новые идеи и ценности оставались достоянием исключительно слоя имущей и образованной элиты, не могли преодолеть социального и культурного барьера, отделявшего ее от народной массы¹⁶⁴. «Новые идеи, — полагает М. Мюшамбле, — практически не проникали в деревни»¹⁶⁵. Напротив, виднейший

знаток истории общественного сознания эпохи М.Вовель важным ее явлением считает «то, что можно определить как народное или полународное распространение («проникновение» — «la diffusion») Просвещения»¹⁶⁶.

Известен заметный рост народной грамотности в XVIII в., в том числе и крестьянской (число сельских школ значительно умножилось в этот период), особенно в Северной и Северо-Восточной Франции. Между 1686—1690 и 1789—1790 гг. число грамотных мужчин выросло с 29 до 47% (на Севере и Северо-Востоке — с 44 до 71%, на Юге - с 17 до 27%).¹⁶⁷ И хотя большая часть крестьян оставалась еще неграмотной, в деревню все более заметно проникало печатное слово, неся с собой представления и идеи, которые наслаивались на традиционно бесписьменную духовную культуру крестьянства. Именно в XVIII в. получила широкое распространение лубочная, «народная литература» — livres de colportage (книги для торговли вразнос). Эти книжки разносили коробейники, они продавались на ярмарках. Нередко их читали в деревнях вслух, в кругу не обученных грамоте слушателей. Прежде всего это были книжки так называемой «синей библиотеки» (они печатались на синей бумаге), которые издавались с XVII в. в Труа, а в XVIII в. перепечатывались множеством типографов в других городах. «Синяя библиотека» включала катехизисы, жития святых, сказки, пересказы рыцарских романов, сонники, гадательные книги, альманахи, разного рода хозяйственные руководства и т.п. По мнению ряда исследователей, «народная литература» не содержала новых идей и в плане идеологическом ее содержание освящало господствующие ценности феодально-абсолютистского порядка¹⁶⁸. Но она не ограничивалась этим — появлялись и книжки, трактующие тему нищеты (например, «История... Простоты-Нищеты, откуда она взялась, как она обманула смерть и когда ей придет конец...»), утверждавшие достоинство бедняка, важную роль в обществе крестьянина и его труда¹⁶⁹. Можно предположить, что до деревни доходила и потаенная печатная продукция, рассчитанная на народного читателя. Типографы, обосновавшиеся вдоль французской границы (в частности, в Швейцарии), используя хорошо организованную систему контрабанды, посылали во Францию упрощенные изложения философских сочинений, памфлеты, летучие листки (нередко нарочито вульгарные), направленные против монахов, финансистов, оскорбительные для церкви и даже для королевской семьи¹⁷⁰.

Важным вкладом в изучение «народной литературы» являются исследования советского ученого Л.С.Гордона, который показал, что с 50—60-х годов XVIII в. в ее потоке появились сочинения с ярко выраженной социально-критической направленностью. Авторами их были писатели «второго плана» (сравнительно с корифеями Просвещения), впоследствии забытые, но в то время широко читавшиеся, которых Л.С.Гордон отнес к «радикально-демократическому крылу» французского Просвещения¹⁷¹. В их произведениях содержалась резкая критика общественных и политических порядков, сословного и социального неравенства, выдвигались уравнивательные идеи. Одним из этих писателей, Огюстена Куайе, который ополчался на феодальный порядок, обличал эксплуатацию крестьян сеньорами и буржуа и выдвигал патриархальную утопию «народной монархии», Л.С.Гордон считал крестьянским идеологом и публицистом. В какой мере, однако, эти книги, пользовавшиеся, как показал Л.С.Гордон, популярностью у «низового» читателя, доходили именно до читателя сельского? Пока что дать точного ответа на этот вопрос нельзя.

Расширялись и каналы устной информации, поступавшей в сельский мир. Крестьяне, ушедшие в город, не теряли связи с деревней; возвращаясь, они становились источником городских новостей, в том числе политических. В самих деревнях во второй половине века (Сен-Жакоб показал это на примере Северной Бургундии) выделялись местные лидеры сельского общественного мнения из числа людей образованных и активных (это мог быть учитель, нотариус, юре...).

Обострение социального недовольства в крестьянской среде во второй половине XVIII в., сдвиги в массовом сознании и явственная «политизация» уже сформировавшегося деревенского «общественного мнения»¹⁷² сопровождалась расшатыванием покорности, почтения к сеньору, местной власти, церкви. Множились жалобы высших старого мира на «независимость», «республиканизм», т.е. непокорство, своеволие крестьян. В 1754 г. отряд солдат занял охваченную волнениями деревню в Гаскони. «Пребывание этого отряда в деревне, — писал местный сеньор, — не смогло привести ее к повиновению и покорности. Уходя, он оставил их (жителей. — А.А.) такими, какими они были, т.е. упрямыми бунтовщиками, и, я думаю, еще более яростными и озлобленными против их сеньоров»¹⁷³. В 1773 г. несколько крестьян деревни Бене (Ангума) были оштрафованы за недозволенную охоту; судья особо отметил: обвиняемые, «вместо того чтобы признать свою вину, раскаяться и исправиться, сохраняли глубокое молчание, не выразив должного почтения и покорности их сеньору, и поведение их свидетельствует о презрении... к власти и к закону, по которому их судят... они воображают, что должны жить независимо»¹⁷⁴. Юре жаловались: в приходе Кормуайе (Шампань) прихожане — «богохульники и республиканцы», в приходе Серзи — «республиканцы, злобны, опасны... склонны к беспорядкам». В 1781 г. служащий откупного ведомства отмечал «злой и республиканский дух» одного из винодельческих бургов графства Бар-сюр-Сен, охваченного волнениями против фиска¹⁷⁵. Харак-

терно и то, какой быстрый и сочувственный отклик вызвали действия знаменитого контрабандиста Луи Мандрена. Рассказы и песни о нем распространились в народном фольклоре; тема «благородного разбойника» Мандрена, заступника угнетенных, утвердилась в книжках «народной литературы».

Было бы очень важно изучить материалы крестьянских выступлений, документы судебных процессов и т.п. под углом зрения того, как выявлялись в них характерные черты крестьянского общественного сознания в последний период старого порядка. Эта работа начата исследователями, но очень многое здесь еще предстоит сделать.

* * *

В целом экономические и социальные процессы в аграрном строе предреволюционной Франции вели к вызреванию чрезвычайно сложного комплекса классовых противоречий, к усилению социальной вражды на почве аграрной проблемы. Прежде всего французский крестьянин, давно уже лично свободный, втянутый в местные рыночные связи, завоевавший широкие владельческие права на землю и в верхушечном слое выбивавшийся в ряды крестьянской буржуазии, столкнулся с попыткой номинального земельного собственника — сеньора сделать более продуктивным верховное право феодальной собственности и расширить домен за счет владений и прав сельской общины. В итоге возрастала враждебность крестьянства к феодальному классу и связанным с ним влиятельным элементам старой буржуазии. Миру привилегированных крестьян противостоял и как главный плательщик налогов, исполнитель государственных повинностей разного рода. Это было главное противоречие, основное русло борьбы. В ней крестьянству предстояло в последний раз за его многовековую историю выступить в мощном порыве в качестве единого социального класса феодального общества. Вместе с тем большая масса бедных крестьян, социально весьма неоднородная, оказавшаяся перед угрозой обнищания и экспроприации, с растущим негодованием взирала и на развивавшиеся в деревне полукапиталистические и капиталистические формы эксплуатации. Это толкало ее к конфликту со всем миром крупной собственности и богатства вообще независимо от его сословного титула и социальной природы, создавало особенно благоприятную почву для формирования уравнилельных устремлений.

Конкретные проявления и формы крестьянского сопротивления в предреволюционный период были различны. К этому времени характерные для XVII в. громадные сельские мятежи, заостренные прежде всего против фискального натиска государства, стали достоянием истории. Для последних десятилетий старого порядка характерны бесчисленные судебные процессы сельских общин с сеньорами, получателями десятин, их откупщиками, выступления крестьян за возвращение захваченных сеньорами общинных угодий (разрушение изгородей и межевых обозначений, самочинное использование земель и т.п.), конфликты с налоговыми служащими, поддержка крестьянами принявшей массовый характер контрабанды и прямое участие в ней. Нередко эта борьба перерастала в коллективные насильственные действия, которые вели к вооруженным столкновениям, вызывали вмешательство не только жандармерии (малочисленной и малоэффективной), но и частей регулярных войск. Администрация именвала выступления крестьян в зависимости от обстоятельств народными собраниями, волнениями, возмущениями, бунтами, мятежами, восстаниями (*attrements, rassemblements, emotions, mutineries, rebellions, emeutes, seditions, revokes*).

Наиболее частой формой массового народного протеста стала во второй половине века прямая борьба за хлеб, продовольственные движения. Несомненно, это результат все более широкого вовлечения деревни в национальный рыночный оборот, роста неземледельческого сельского населения, развития наемного труда в земледелии и общей пауперизации массы сельской бедноты. Следует, очевидно, учитывать и «демографический натиск» XVIII в. при медленном прогрессе агрикультуры и длительном росте дороговизны. Продовольственные движения — выступления прежде всего (хотя не исключительно) бедноты, малоимущих слоев деревни, задевавшие интересы не только феодальных владельцев хлеба, но и части буржуазии и верхов самого крестьянства.

Вторжение капиталистических тенденций в сельское хозяйство уже резко противопоставило «верхи» и «низы» деревни в целом ряде других вопросов, таких, как использование общинных земель, усиление концентрации ферм, «аграрный индивидуализм» и свобода предпринимательства на земле; развивался и конфликт между батраками и хозяевами-нанимателями. Однако центробежной тенденции, разрушавшей единство сельской общины, противостояли усиление «феодальной реакции», натиск сеньоров на общинные земли, процесс огораживаний, фискальный гнет государств. Против них выступал и бедняк, защищавший минимум жизненных средств, и сельский богатей, боровшийся за прибыль и свободу предпринимательской инициативы. Поэтому наряду с борьбой за хлеб, которая вспыхивала регулярно при каждом обострении дороговизны, все более настоятельно становилась в повестку дня общекрестьянская война против сеньориального строя. Последнее перед революцией восстание «вооруженных масок» было уже ее авангардной стычкой.

КРЕСТЬЯНЕ и РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ

1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС и ПЕРВЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

В своей истории Французской революции Ж.Лефевр предложил следующую схему возникновения и развития общенационального кризиса во Франции в 1787—1789 гг.: Французская революция была начата феодальной аристократией («дворянское восстание» или «аристократическая революция», 1787 — середина 1788 г.), ее продолжила буржуазия («революция буржуазии», конец 1788 — первая половина 1789 г.), наконец вмешательство народных масс придало конфликту насильственный характер и обеспечило крах старого порядка («народная революция», июль 1789 г.). Эта схема верно отражает ряд характерных черт сложного сплетения классовых и политических противоречий в 1787—1789 гг.; ей присущи, однако, и определенные слабости. С одной стороны, взрыв аристократической оппозиции принимается за начало буржуазно-демократической революции¹, с другой — в цепи причинно-следственных связей, обусловивших быстрое нарастание революционного кризиса, оказывается ослабленным важнейшее звено — развитие еще до июля 1789 г. массового народного возмущения.

Отсутствие точного научного критерия при подходе к противоречивым явлениям общественно-политической борьбы конца 80-х годов обнаруживается здесь вполне отчетливо. Такой критерий дает в руки исследователя выработанное В.И.Лениным понятие революционной ситуации². Рассмотренная под этим углом зрения история Франции 1787 — первой половины 1789 г. обретает свою подлинную сущность и внутреннее единство: на смену выводу о чередовании «аристократической», «буржуазной» и «народной» революций приходит представление о сложном процессе становления революционной ситуации и ее перерастания в буржуазно-демократическую революцию в условиях, когда оказались налицо революционные классы, способные на революционное действие и революционное руководство.

Политический кризис был, действительно, сначала развязан влиятельными фракциями господствующего класса. То, что «верхи» не могут господствовать по-старому, стало в 1787—1788 гг. очевидно для многих, в том числе для тех, кто стоял у кормила центральной власти. Но разные фракции «верхов» искали выхода на разных путях. Высшая администрация, монархия, оказавшаяся в 1786 г. на пороге банкротства, решила еще раз прибегнуть к реформам. В ответ на это основная масса дворянства, прежде всего парламентская магистратура и высшее духовенство, вновь, как во времена Тюрго, отвергли реформаторские попытки королевской власти и выдвинули свою альтернативу: установление ограниченной монархии при сохранении социального и усилении политического верховенства привилегированных сословий³. Дворянские оппозиционеры не поколебались стать на путь попрания монархической законности, вплоть до разжигания народных волнений и стычек с войсками. Больше того, лидеры мятежной аристократии заимствовали аргументацию из арсенала «философов»: они говорили о естественных правах личности и нации, протестовали против «министерского деспотизма» и произвола в налогообложении. Фразеология исходила частично от лиц, составлявших левое крыло парламентской магистратуры и смыкавшихся с либеральным дворянством (Адриена Дюпора и др.). Все это временно привлекло к парламентам сочувствие не только либеральных аристократов, но и буржуазии.

С осени 1788 г. соотношение сил начало стремительно изменяться, политический кризис перерастал в революционную ситуацию. Спорадический и непрочный блок оппозиционной аристократии и буржуазии распался; программе аристократической оппозиции буржуазия противопоставила требования буржуазной конституционной монархии, гражданского равенства, буржуазных свобод, представительного правления.

В бесчисленных памфлетах и брошюрах буржуазные публицисты решительно осуждали феодальные привилегии. По существу тон был резче действительных намерений. Крупная буржуазия, тем более либеральные дворяне, игравшие виднейшую роль во всей кампании, вовсе не чуждались компромисса с силами «старого порядка». **Буржуазные публицисты деликатно обходили вопрос о феодальных повинностях. Пример Дофине открыл, казалось, перспективу умеренных буржуазных реформ на базе такого компромисса. Еще летом 1788 г. оппозиционное движение в этой провинции возглавила буржуазия, и Ж.-Ж.Мунье сумел выработать компромиссную программу.** Привилегированные согласились на двойное представительство третьего сословия и поименное голосование. Буржуазия гарантировала взамен «справедливый и пропорциональный» выкуп сеньориальных повинностей и всех привилегий, связанных с «благородностью» дворянских земель (*terres nobles*)⁴. Таким образом, во имя соглашения с дворянством Мунье и верхи буржуазии были готовы пожертвовать интересами крестьян.

Однако эта первая попытка компромисса не удалась. Лишь меньшинство дворянства настолько прониклось буржуазными тенденциями, что было готово на более или менее далеко идущую перестройку в этом направлении. Поэтому привилегированные забили тревогу сразу, как только политический кризис стал перехлестывать рамки семейных распри в господствовавших верхах старого порядка, как только подняло голову третье сословие и раздалась глубинные толчки в толще народных масс. Это произошло уже в конце 1788 г.⁵ Под нарастающим давлением снизу дворянство пошло на немаловажную уступку, отказавшись от своих налоговых привилегий; но в своем большинстве оно продолжало отстаивать посословное голосование в Генеральных штатах, которое должно было обеспечить политическое верховенство привилегированных сословий.

В обстановке, когда основная часть привилегированных не шла на политические уступки принципиального порядка, а позиция, занятая монархией, ослабляла традиционные для буржуазного политического сознания надежды на добрую волю короля, важнейшей опорой буржуазии в ее борьбе за власть выступило народное движение. Объединение с народным движением, нанесшим во второй половине июля 1789 г. смертельный удар абсолютизму, обеспечило победу буржуазии; это и было началом революции. Но само объединение наметилось раньше, так же как не в июле, а задолго до него народные массы вышли на арену борьбы.

Общий очерк массовых народных движений периода революционной ситуации был создан, после первой попытки Ф.Саньяка, Ж.Лефевром; в наши дни специальное исследование этого вопроса предпринято советским историком З.А.Чеканцевой⁶. Нами учтены материалы этих работ; использованы также материалы печатных инвентарей департаментских архивов и локальной литературы.

С какого времени начали приходить в движение крестьянские массы? Резкое усиление народных волнений А.Матьез связывал с выборами в Генеральные штаты в марте 1789 г.⁷ Бесспорно, они сыграли большую роль в развязывании народного возмущения. Однако еще Э.Шерэ писал, имея в виду конец лета 1788 г.: «Даже крестьяне начали волноваться; можно сказать, к концу министерской деятельности Бриенна и они, наконец, выступили на сцену»⁸. Шерэ не мог основательно аргументировать свое утверждение, но он, несомненно, близок к истине. Уже начавшие разгораться в 1787 г. распри в правящих «верхах» способствовали «раскачке» народных низов. В.И.Ленин в своем анализе признаков революционной ситуации отмечал, что «кризис верхов» создает «трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов», что массы вовлекаются в движение «как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами»...»⁹. Это обобщение полностью подтверждается историей кризиса 1788—1789 гг. З.А.Чеканцева, основываясь на сделанном ею подсчете народных выступлений 1787—1789 гг., отмечает, что начало подъема народных движений следует отнести именно к весне 1788 г., когда в верхах явно обнаружился раскол и обострилась политическая борьба¹⁰.

В борьбе с королевской администрацией и попытками реформ аристократическая оппозиция пыталась адресоваться к народным «низам». Она не остановилась перед прямым разжиганием народных волнений. В Бретани ей удалось вызвать волнения в городах. В Дофине и Беарне выступили и крестьяне.

Во время знаменитого «дня черепиц» в Гренобле 7 июня 1788 г. в защиту парламента, члены которого получили приказ о высылке, восстали городские ремесленники, носильщики, рыночные торговки, к ним присоединились поднятые набатом жители окрестных деревень". Восстание победило, и парламент был возвращен в свой дворец, хотя королевские власти вывели на улицы 2 пехотных полка. События в Беарне очень схожи с гренобльскими: 19 июня 1788 г. отряды крестьян-горцев ринулись в г.По, завладели артиллерией, осадили дом королевского комиссара и добились незаконного открытия местного парламента¹².

Интересно изучить механизм возникновения этих волнений, состав и поведение восставших, причины, побудившие крестьян выступить в поддержку своих естественных противников — парламента и привилегированных. Очевидно, подстрекатели (в Гренобле это была связанная с парламентом судейская челядь) использовали ненависть народа к налоговому гнету, поскольку оппозиционные парламента выступали в роли защитников налогоплательщиков от произвола королевского фиска. Однако коренные интересы крестьян решительно противопоставляли их в конце XVIII в. в равной мере и дворянству шпаги, и дворянству мантии; как раз в 1787—1789 гг. сложившаяся в стране экономическая обстановка резко усилила это противостояние.

2. ОБОСТРЕНИЕ НИЩЕТЫ и НОВЫЙ ПОДЪЕМ «ВОЙНЫ за ХЛЕБ»

Воздействие постоянных структурных факторов аграрной системы, обостривших массовое недовольство, резко усилилось в 1787—1789 гг. экономическим кризисом. Его общий характер был показан Ф.В.Потемкиным, который пришел к выводу, что кризис 1787—1789 гг. был «характерным для мануфактурной стадии капитализма. И это был общий кризис феодально-абсолютистского строя... Экономический кризис углублял и обострял возникшую революционную ситуацию классического типа»¹³.

Торговый договор 1786 г. с Англией сыграл большую роль в усилении болезненных явлений, поразивших промышленное производство. Последствия договора обрушились на промышленность, уже ослабленную затруднениями, длившимися целый ряд лет. Среди факторов, вызвавших эти затруднения, историки отмечают ухудшение условий деревенского сбыта в связи с обнищанием многочисленного винодельческого населения (из-за перепроизводства и низких цен на вино в 1778—1787 гг.), засухой и фуражным голодом 1785 г., относительным падением цен на хлеб в основных зерновых районах Франции в 70—80-е годы (до 1787 г.), дороговизну промышленного сырья в результате «фуражного голода» и эпизоотии 1785 г., а также «хлопкового голода» вследствие Войны за независимость в Северной Америке. Упадок промышленности, безработица наметились в ряде районов хлопчатобумажного и шерстяного производства с конца 1787 г. (Нормандия, Северо-Восточная Франция); они распространялись в 1788 г. и к началу следующего года захватили разные отрасли в Пикардии, Нормандии, Иль-де-Франсе, Шампани, Орлеане, Ниверне, Дофине, в городах Бурже, Седане, Лионе, Каркассоне, Туре, Марселе.

Со второй половины 1788 г., а особенно с весны 1789 г. разразился и своеобразный аграрный кризис. Он идентичен кризисным явлениям, не раз повторявшимся в течение XVIII в. Это был не кризис перепроизводства, а, напротив, кризис недопроизводства, не кризис сбыта, но кризис дороговизны, самый трагический после 1709 г. В основе его лежал низкий уровень производительных сил в сельском хозяйстве, его нестойкость перед воздействием природных факторов. Последние оказались в 1788—1789 гг. исключительно неблагоприятными. Лето было вначале во многих местах на редкость дождливое, потом наступила засуха. Знаменитое июльское градобитие повредило посевы в важнейших зерновых местностях. Хлеба было собрано почти на 1/4 меньше, чем в средние по урожайности годы. Перспективы на 1789 г. внушали тревогу — зима 1788/89 г. выдалась суровой; холода начались в ноябре—декабре, выпало много снега, морозы достигали 17—18°, замерзли реки. Для Франции это явилось небывалым бедствием¹⁴.

Рост дороговизны начался с июня — августа 1788 г. и достиг апогея в июле 1789 г.

Анатолий Васильевич АДО

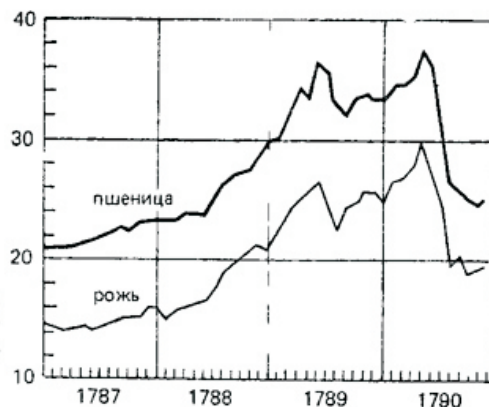
КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1789-1794 гг.

М.: издательство МГУ. 1987. Издание 2-е, переработанное и дополненное

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Цены на пшеницу и рожь в 1787—1790 гг., в ливрах за 1 парижское сетье (156 литров) (Vovelle M. La chute de la monarchie: 1787—1792. P., 1972. P. 102)

Особый характер имел кризис в виноделии¹⁵. Хозяйство мелких крестьян-виноделов было товарным по самой сути производства. На протяжении ряда лет (1778—1787) виноделы страдали от перепроизводства, трудностей сбыта, разрыва в ценах на хлеб и вино¹⁶. В 1787—1789 гг. цены на вино поднялись, но вздорожание хлеба и потери в результате летних гроз 1788 г. и суровой зимы поставили массу мелких и мельчайших виноделов на грань разорения.

Последствия неурожая, дороговизны, безработицы для крестьянства были катастрофическими, прежде всего для всех слоев деревенского населения, регулярно покупавших хлеб, живших полностью или отчасти наемным трудом. В 1789 г. доля хлеба в бюджете поденщика поднялась с обычных 50 до 88% (против 71% во время знаменитого кризиса 1741 г.)¹⁷. Волна пауперизации захлестнула и маломощных середняков, и хозяев, сводивших в обычное время концы с концами. Для этих последних проблема доходности хозяйства превратилась в проблему продовольственного минимума.

В результате во многих местах к весне 1789 г. беднота голодала. В первой половине 1789 г. заметно возросла смертность; то и дело в памятных заметках юре попадаются лаконичные записи: «...многие умерли от холода», «много было больных и умерших».

* * *

Обострение народной нищеты сыграло громадную роль в революционной мобилизации масс значительно раньше наибольшего обострения политического кризиса накануне взятия Бастилии в июле 1789 г. В течение года подъем народных движений захлестнул страну. Без учета их воздействия не может быть понято и дальнейшее развитие политического кризиса, точнее — эти движения стали одним из его важнейших динамических факторов, испытывая, в свою очередь, влияние событий, происходивших в сфере политической в узком смысле слова.

Наибольший размах, безусловно, получили выступления продовольственного типа. В этом смысле существует прямая преемственность движений 1788—1789 г. и народных волнений 40—70-х годов, вплоть до «мучной войны». Обычно в общих работах ограничиваются обзором весенних и летних выступлений 1789 г. Между тем первые бунты начались летом 1788 г., почти одновременно со вспышкой сопротивления судебной реформе. 14, 17, 20 июня произошли бунты на рынке в Реймсе; в июле городские власти тревожились в связи с «замыслами бунта в двадцати приходах окрестностей г.Понтавер с целью помешать вывозу зерна через этот порт»¹⁸. (Понтавер расположен на р.Эне, одной из водных артерий хлебного снабжения Парижа.) Крупные волнения в Бретани начались также летом 1788 г. В августе интендант запрашивал субделегатов о причинах многочисленных хлебных бунтов в провинции. Ответы были полны тревоги. Субделегат из Третье сообщил о «бунтах и мятежах». «Чернь не признает больше ни приказов короля, ни ваших, ни судей, ни жандармерии, ни чиновников правосудия, не признает ничего»¹⁹, — писал он. Летом 1788 — зимой 1788/89 г. голодные бунты произошли в бретонских городах Ренн, Нант, Пор-Лоне, Кемпер, Пон-Круа, Кемперле, Морле, Третье, Ля-Рош-Дерьян, Пемполь, Ламбаль, Сен-Бриё, Лезадриё, Банн, Энбон, Бо²⁰.

С сентября 1788 г. продовольственные бунты и волнения стали учащаться в других провинциях: в сентябре — в районе бурга Авуаз (Мэн)²¹, в местечках Жарнаж, Парсак, Пионна и окрестных деревнях (Марш), в ноябре — в Гайаке (область Альбижуа, Лангедок), в декабре — в Ножан-сюр-Сене (Шампань)²² и т.д.— мы не можем сейчас дать сколько-нибудь полный перечень народных выступлений второй половины 1788 г.

Волнения нарастали в течение первых месяцев 1789 г. и достигли апогея в марте — апреле, т.е. ко времени обычного наступления сезонной дороговизны перед началом летних полевых работ, которое всегда было критическим. Сыграла свою роль и проходившая кампания выборов в Генеральные штаты.

Движение охватило прежде всего города и местечки. Однако возникавшие на продовольственной почве волнения и стычки, угрозы бунтов и сами бунты стали к весне 1789 г. повседневным явлением и деревенской жизни. Из-за крайней распыленности они вряд ли поддаются общему учету, но выделить главные очаги их концентрации вполне возможно (см. карту на с.76). Это прежде всего некоторые местности в районах крупного фермерства, аграрного перенаселения и сельского мануфактурного производства. На стыке трех провинций — Камбрези, Артуа и Пикардии — волнения носили преимущественно крестьянский характер и переросли в мае в массовое вооруженное движение²³, охватившее Камбрези, Тьераш (район Гиза, Вассиньи, Боена) и Вермандуа (район Сен-Кантена). Отряды до 500—700 человек, вооруженных косами, ножами, вилами, палками, ружьями, совершали походы за хлебом на рынки, где устанавливали на него принудительно низкие цены. Наряду с мужчинами в этом движении участвовали и играли активную роль женщины и даже дети.

На рынках Парижского района, куда стекалось множество деревенской бедноты, волнения стали постоянными в марте и апреле: 27 марта народ таксировал хлеб на рынке в Пон-Сент-Максансе, 28 марта вспыхнули волнения на рынке в Рамбуйе, 14—15 апреля — в Монлери, где собралось до 8 тыс. человек, 25 апреля — опять в Рамбуйе²⁴. В Нормандии бурное народное движение поднялось тоже в марте — апреле²⁵. Наряду с городскими низами (бунты в Кане 5 января и 23—25 апреля, в Сен-Ло 26 марта, 26 апреля, 12 июня, в Алансоне 16—17 апреля, в Руане 23 апреля) самым активным образом включилась в борьбу за хлеб деревенская беднота Нормандии. Борьба не переросла здесь в аграрное восстание, как в Камбрези и Вермандуа; это были главным образом задержания хлебных обозов, захват и принудительная продажа зерна по таксе, обыски на фермах, волнения на рынках²⁶.

В областях традиционной «мелкой культуры» к весне 1789 г. волнения развернулись особенно на Юге. Всегда ввозившие хлеб Восточный Лангедок, Прованс, Нижнее Дофине очень сильно пострадали от дороговизны и безработицы, тем более что горные местности Восточного Лангедока и Дофине были районами массового крестьянского отходничества. В марте брожение усилилось в Лангедоке (бунт 29 марта в Вильнев-лез-Авиньон), в последующие месяцы (до ноября 1789 г.) на территории генеральства вспыхнуло более 40 бунтов. В Жеводане и во всем районе между Ле-Пюи и Обна к лету 1789 г. почти прервалась всякая циркуляция хлебных грузов²⁷. В Дофине в течение марта — апреля произошли продовольственные бунты в городах Гренобль, Гап, Баланс, Мане, Ди, Крест, Роман, Монтелимар, Бюи, множество инцидентов в сельской местности²⁸. В Провансе в конце марта — начале апреля вспыхнуло большое восстание²⁹. Как и в других местах, сигнал подали города (бунты в Марселе 23 марта, в Тулоне 23 марта, в Эксе 25 марта). В течение нескольких дней поднялся почти весь Прованс. «Экс, Марсель, Тулон, Иер, Опс, Баржоль, Сен-Максимэн... не считая значительного числа бургов и деревень, являются почти одновременно добычей... ярости разнузданной черни», — говорилось в майском докладе администрации Прованса Неккеру³⁰. Здесь не возникло больших отрядов, как в Вермандуа и Тьераше, движение было скорее цепной реакцией множества городских и деревенских массовых выступлений — захватов хлеба в казенных и частных амбарах, принудительных снижений цен на

продовольствие³¹. Помимо отмеченных районов волнения с большим или меньшим размахом охватили по крайней мере еще 7—8 провинций. На Западе, в Пуату (с апреля 1789 г.)³² и особенно в Мэне (март—июль 1789 г.), крестьяне срывали вывоз зерна, останавливали обозы, делили захваченный хлеб³³. На Востоке, прежде всего в промышленной Шампани, произошли восстания в Реймсе, бунты сельских ткачей в долине р.Сюип (9—10 марта), «восстание бедняков» («la revoque des pauvres») в сельских приходах вокруг Реймса, волнения виноделов в Ля-Монтань-де-Реймсе, Амбонне, Бузи (12 мая 1789 г.)³⁴, возмущение крестьян на рынке в Сансе (13 июня 1789 г.). В Центре была охвачена угрожающим брожением провинция Берри; в Оверни взбунтовались 7 приходов вокруг г. Тьер (9—10 июня 1789 г.), в Лионне хлебные бунты вспыхнули в приходе Сен-Жан-ле-Пандю (9 апреля), местечке Амплепюи (11 апреля), городке Боже (29 апреля 1789 г.), не говоря о большом рабочем бунте в Сент-Этьене (8 апреля)³⁵. На Юго-Западе брожением были охвачены Керои (март 1789 г.) и Перигор; наиболее серьезные крестьянские волнения отмечены в приходе Сент-Альвер, в местечках Марей и Бурдей, в деревнях вокруг Бержерака, в Бле (на берегу Жиронды) и Монферране (на берегу Жера)³⁶.

Во время этих движений, где общий интерес часто объединял мелкий люд города и деревни, вновь и вновь воспроизводились уже знакомые нам формы массового действия: попытки задержать хлеб, не допустить его вывоза за пределы коммуны, местности, захват и раздел (иногда распродажа по низкой цене) хлебных грузов, опустошение богатых амбаров, установление твердых цен на рынках, обыски на фермах и принудительная продажа зерна. Все эти методы сохраняются и в революционные годы, обрастая социальной аргументацией и кристаллизуясь в конечном счете в идее «максимума».

3. ОТ БОРЬБЫ за ХЛЕБ — к НАПАДЕНИЮ на ОСНОВЫ ФЕОДАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Продовольственные волнения были борьбой обнищавшего, голодного мелкого люда за первейшее условие жизни, за хлеб. Но они были в то же время важнейшим элементом разгоравшейся в деревне социальной войны. Борьба за хлеб логикой вещей становилась борьбой тех, кто его не имел, против тех, кто обладал им в избытке и оказывался в глазах народа виновником дороговизны и нищеты.

Естественно, богатые фермеры, хлеботорговцы, буржуа занимали видное место среди тех, кого обвиняли и атаковали народные толпы в 1788—1789 гг. Однако продовольственные бунты все более определенно начали перерастать в крестьянское движение, направленное уже прямо против феодального класса. К этому неизбежно вела простая логика экономической жизни — в разгаре общей нищеты амбары получателей десятины, натуральных повинностей и арендной платы были полны хлеба³⁷. (Выше была отмечена роль хлебных богатств дворян и церкви в общем балансе хлебной торговли.)

Походы за хлебом в монастыри и замки, нападения на дворян и прелатов как на владельцев зерна и предполагаемых скупщиков становились важным первичным элементом антисеньориального движения начала 1789 г. Одновременно в массовом движении стихийно возникала и более широкая постановка вопроса — не просто захватить хлеб, но и сломать механизм присвоения, посредством которого эти амбары обильно пополнялись даже в момент всеобщей нужды. Крестьяне атаковали налоги³⁸, феодальные повинности, отчасти земельные узурпации и огораживания, совершенные привилегированными землевладельцами. Четыре важнейших очага «жакерии» совпадали в основном с зонами наиболее интенсивных продовольственных движений. В Парижско-Версальском районе, районе громадных охотничьих угодий короля, принцев и придворной знати, крестьяне ожесточенно выступали против сеньориального права охоты³⁹. Массовое истребление дичи вооруженными отрядами крестьян началось в конце 1788 г. в охотничьих угодьях принца Конти между Лиль-Аданом и Понтуазом. В марте движение расширилось, жители Пьерле, Эрбле, Конфлана вторглись с той же целью на земли графа Мерси-Аржанто, жители Жанвилье — во владения герцога Орлеанского. В мае отряды крестьян истребляли дичь возле Фонтенбло, в округе Мёлана, в июне — на землях королевы в Сен-Клу, в районе Креси-ан-Бри и Ланьи. Крестьяне разгоняли лесную стражу и оказывали сопротивление жандармерии. Не ограничившись истреблением дичи, в Шату они разрушили изгородь и вернули захваченный сеньором участок дороги. Крестьяне пяти деревень — Вильпаризис, Вожур, Вер-Галан, Вильпэнт и Трамбле — учинили массовые порубки в лесах аббатства Сен-Дени, жители Корбей — в лесах маркиза Де Франье. Иногда в этом движении чувствуется отзвук парижских событий: во главе возмущения в Шату стоял Пьер, виноградарь, который только что «принес добрые вести из Парижа»; в Монтрёй-су-Буа крестьяне пригрозили, что с жандармским бригадиром «будет поступлено так же, как с Ревельоном и Анрио». На Севере во время большого продовольственного восстания в Камбрези, Вермандуа и области Тьераш (май 1789 г.), о котором шла речь ранее, хлебные запасы монастырей и сеньоров были одним из главных объектов крестьянских нашествий (аббатства Восель, Валенкур, Оннекур, Мон-Сен-Мартэн, замок сеньора в Валенкуре и др.). 11 мая в походе за хлебом на аббатство Верже

участвовало 700—800 крестьян⁴⁰. Одновременно 10 деревень вокруг Уази объединились для совместного истребления дичи и заявили, кроме того, что не будут платить сеньору терраж. В начале июля во Фландрии в связи со сдачей в аренду десятин начались волнения в окрестностях Лилля. Однако в наиболее классических формах движение против феодальных прав развернулось в Провансе и Дофине. Мы уже говорили о восстании, охватившем города и деревни Прованса в конце марта — начале апреля 1789 г., но речь тогда шла о продовольственном его аспекте. Между тем оно сразу переросло рамки хлебного бунта и оказалось направленным против налогов, с одной стороны, против привилегированных — с другой. Во многих местах восставшие сорвали взимание ввозных пошлин (октруа) и мельничного побора («riquet»), кое-где (Иер, Ла-Сен, Бриньоль) разгромили налоговые бюро. Как и на Севере, они захватывали зерно в амбарах монастырей; в Маноске, Рьезе, Эксе епископы подверглись нападкам и оскорблениям. Одновременно крестьяне выступили против феодальных повинностей. Военный губернатор провинции писал: народ полагает, будто «король желает, чтобы во всем было равенство, что он не хочет ни сеньоров, ни епископов, ни сословий, ни десятины, ни сеньориальных прав»⁴¹. Во многих местах агенты сеньоров были вынуждены отдать феодальные документы, возместить штрафы, отречься от феодальных повинностей. В Солье и Бесс были разгромлены замки, в Пертюю разрушена баналитетная печь, замок в Солейла атакован, в Пенье — осажден (сеньор подписал отказ от своих прав), в Опсе маркиз де Монферра, сеньор одного из приходов был убит. Наконец, в виде реакции на захват общинных земель крестьяне сломали изгороди и выпустили скот на узурпированное общинное пастбище. И. Тэн назвал события в Провансе «первой жакерией» среди тех семи, которые он насчитывал до 1793 г.⁴² Действительно, многое в этом движении сближает его с крестьянскими восстаниями лета 1789 — осени 1792 г. С неменьшим основанием это можно сказать и о первых вспышках крестьянского возмущения в соседней провинции Дофине⁴³. С начала февраля в коммунах Вьеннуа и бальяжа Сен-Марселин развернулась кампания против решения провинциальных штатов о выкупе «благородности» дворянских земель (см. выше, с.78); в деревнях проходили многолюдные собрания жителей, на которых принимались протесты. Некоторые коммуны начали заодно выступать и против феодальных повинностей. В апреле движение резко активизировалось, и 16—20-го числа три коммуны неподалеку от Гапа — Авансон, Сент-Этьен и Вальсер — восстали против своего сеньора; его замок был обыскан сверху донизу, крестьяне захватили зерно, внесенное ранее в счет феодальных рент, служащие сеньора (он был в отъезде) обещали доставить к 26 апреля полное его отречение от всех феодальных прав. «Только и говорят ежедневно о разрушительных проектах против дворянства, о поджоге замков и сожжении феодальных титулов, — доносил в апреле президент Гренобльского парламента. — В кантонах, где брожение получило наименьший размах, общины принимают решения не платить больше ни рент, ни других сеньориальных повинностей, установить их выкуп по умеренной цене, уменьшить размеры случайных повинностей...»⁴⁴ Эти события в Дофине — образец широкого общекрестьянского движения, объединившего сельскую общину против сеньора. Движение было неплохо организовано, направляющая роль в нем сельских верхов кажется несомненной; достаточно заметить, что антифеодальные постановления ряда коммун были тогда же напечатаны в типографиях⁴⁵.

В других провинциях до массовых выступлений такого масштаба дело не дошло, но брожение нарастало повсюду, множились локальные инциденты. Многие сообщения с мест в этом смысле достаточно красноречивы. В Бретани «умы настолько накалены, что угрозы, которые я слышал, заставляют меня, как и всех здравомыслящих людей, опасаться бунтов и ужасных последствий сбора десятин, — писал субделегат Плоэрмеля 4 июля 1789 г. — Народ здесь чрезвычайно возбужден тем, что, как он полагает, он не должен более платить ни десятин, ни феодальных повинностей»⁴⁶. Из Анжу сообщили о «великом истреблении дичи», из Шампани — о том, что «враждебность деревенских жителей против их сеньоров крайняя повсюду» (письмо одного из местных сеньоров от 7 июня 1789 г.). Во Франш-Конте «многие кантоны решили отказаться от всяких взносов и платежей до тех пор, пока порядок вещей не будет полностью изменен, здесь теперь момент всеобщего возмущения» (из местной газеты от 5 января 1789 г.). «Во многих приходах наших окрестностей, — писали 7 июля из Лиона, — ... отказываются от уплаты десятины и деревни теперь не более спокойны, чем города». В Виваре «ожесточение умов в настоящий момент столь велико, что коммуны хотят освободиться от всех сеньориальных повинностей» (письмо управителя герцога Субиза от 27 марта)⁴⁷. С апреля здесь вновь действовали «вооруженные маски». Они совершили нападения на двух нотариусов. Вновь объявился знаменитый главарь их Дегу Лашан.

4. АГРАРНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ПРИХОДСКИХ НАКАЗОВ и «ВЕЛИКАЯ НАДЕЖДА» КРЕСТЬЯНСКИХ МАСС

«Крестьянская революция» 1789—1793 гг. не может быть вполне понятна без учета кампании по выборам в Генеральные штаты и наказов сельских приходов. Именно в этих наказах

сформулированы жалобы и требования, суммирование которых дает нам то, что можно назвать крестьянской аграрной программой в том виде, как она складывалась на подступах к революции. Непосредственный сельский производитель, добивавшийся наиболее благоприятных условий для укрепления и расширения своего хозяйства, — такова основная фигура, выступавшая за пестрой гаммой заполнявших наказаы конкретных сетований и пожеланий.

В деревенских наказах отразился прежде всего всеобщий единодушный протест против налогового гнета и сословной пристрастности всей системы фиска. Энергичная атака против фискальных привилегий первых сословий, которую вела в это время буржуазия, облегчала задачу крестьянам, помогая им сформулировать свои требования в этом вопросе особенно решительно.

Проблема сеньориального строя, т.е. в конечном счете проблема превращения держания, «собственности под феодальными вывесками», в свободную крестьянскую собственность, заняла в наказах видное место. Меньшее, однако, чем вопрос о налогах, и не только потому, что объем сеньориальных повинностей часто был меньше суммы налога, а иногда незначителен. Дело в том, что проблему эту вообще труднее было затронуть. Во-первых, председателем на собрании часто был чиновник сеньориального суда, во-вторых, и это особенно важно, постановка ее затрагивала деликатнейшую тему частной собственности. Далекое не всегда крестьянам удавалось внести в наказ соответствующую статью или сформулировать ее достаточно определенно.

Наиболее решительны наказаы в отношении личных повинностей и барщин — их требовали ликвидировать без всякого выкупа; мысль о происхождении их из насилий и узурпации со стороны феодалов прочно утвердилась в крестьянстве. К этому, впрочем, пришла и буржуазная правовая мысль и публицистика, влияние их очень ощутимо в соответствующих статьях наказов. С основными, «реальными» повинностями дело обстояло много сложнее. Разработанная февдистами теория концессионного права выводила их из первоначальной уступки земли, сделанной некогда феодалом в пользу держателя, и наделяла всеми атрибутами собственности. Эта идея была широко принята и буржуазным правовым сознанием. Она обосновывала необходимость выкупа, дальше этого не шли даже самые смелые реформаторы. В большинстве своем и крестьянские наказаы не отвергали выкупа; мы видели» что даже в массовом движении они посягали пока преимущественно на личные повинности.

Однако авторы более решительных наказов уже стремились вырваться за рамки этих представлений. Прежде всего они требовали убедительных доказательств от сеньора. Это была уже попытка рационально подойти к оценке правомерности феодальных повинностей, сведя ее к договору, равноправному контракту сторон. Наказаы деревень Ольней-о-Планш и Конде-сюр-Марн (Шалонский бальяж) типичны для данной группы. Они предлагали: пусть «платежи, происхождение которых не будет доказано достоверными грамотами... будут недействительны, и коммуны не обязаны их уплачивать»; пусть все повинности, «которые являются делом насилия и узурпации, будут уничтожены, и никакое из этих прав не будет взиматься в случае, если грамоты об уступке земли не будут представлены»⁴⁸. Отсюда легче было перейти и до мыслей о безоговорочной ликвидации. Иногда их высказывали робко, как наказ прихода Молитар (Блуасский бальяж), который попросил отменить шампар, «или, если это решение кажется слишком суровым и не будет одобрено Штатами, по крайней мере определить меру выкупа»⁴⁹. Наиболее смелые требовали отменить повинности безвозмездно⁵⁰. Некоторые даже специально оговаривали свой отказ от идеи выкупа; коммуна Марли-ла-Виль (окрестности Парижа) привела мотивировку — народ, который почти один нес до сих пор все бремя налогов, «купил уже достаточно дорого свое освобождение от феодальных повинностей»⁵¹.

Естественно, видное место в наказах заняла собственно земельная проблема. Они не потребовали, однако, конфискации земель сеньориального домена. Неодолимая тяга крестьян к земле отразилась в наказах во множестве других требований, продиктованных своеобразием аграрных условий последней трети века. Наказаы добивались расширения крестьянского землевладения и особенно землепользования. Согласно их наиболее последовательным пожеланиям крупные землевладельцы должны были отказаться от притязаний на ланды и пустоши, вернуть захваченные общинные владения, восстановить все крестьянские права пользования и, больше того, не вести собственного крупного хозяйства. Земли сеньоров и церкви предлагалось сдать в аренду крестьянам на самых благоприятных условиях с точки зрения цен, сроков, прочности прав арендатора⁵².

Такова в основном сумма требований, более или менее ясно отразившаяся в наказах и объединявшая все крестьянство, во всяком случае его подавляющее большинство.

Однако наиболее радикальной аграрной программой в годы революции будет не общекрестьянская, а крестьянско-бедняцкая программа. Это различие интересов дало о себе знать и в наказах, хотя далеко не в полной мере. Как ни трудно было деревенским низам заставить услышать свой голос, иногда им удавалось этого добиться. Проблема земли — вот что волновало бедноту и низший слой середняков. Протест против концентрации землевладения и землепользования, против создания крупных ферм в областях денежной аренды, пробивавшаяся иногда идея поравнения деревенских хозяйственных комплексов отразили чаяния прежде всего

(хотя и не исключительно) сельских низов и были направлены уже не только против сеньора или вообще крупного землевладельца, но и против складывавшихся форм капиталистического производства. В сущности ту же жадную тягу к земле отразили и частые требования раздела общинных земель, и упорная привязанность бедняков и низшего слоя середняков к общинным сервитутам и регламентация земледелия, их протесты против огораживаний и натиска «аграрного индивидуализма», связанного с проникавшими в аграрную жизнь капиталистическими тенденциями.

Но историческое значение наказов не только в том, что в них крестьяне смогли сформулировать свои нужды и требования. Сама процедура выборов и составления приходских наказов сыграла большую роль в революционной мобилизации деревенского населения. Конечно, степень крестьянской активности не следует преувеличивать; бывало, что на собрание деревни в 230 дворов являлось 8 человек, деревни в 260 дворов — 16 человек. Случалось и так, что собрание пассивно следовало за председателем — агентом сеньора или склонялось перед влиянием самого сеньора. И все же общее умонастроение деревни характеризовали скорее не эти вполне понятные эпизоды, а то, что, несмотря на присутствие связанных с сеньором влиятельных лиц, крестьяне часто добивались записи в наказаниях своих протестов и пожеланий⁵³. Сообщение одного из служащих сеньора — участника собрания в коммуне Пон-сюр-Сен в Шампани показательное. «Напрасно он употребил все усилия, чтобы выбросить из наказания статьи об отмене баналитетов, права охоты и других сеньориальных прав... — записано с его слов в донесении сеньору. — Заговор и упорство народа являются всеобщими в этом вопросе и невозможно их (крестьян) от этого отвратить, так как именно им дана свобода составлять свои жалобы». Они не боялись вступать и в прямые конфликты. Упоминания о таких конфликтах содержатся в протоколах многих приходских собраний⁵⁴. А сколько случаев крестьянского упорства, сопротивления враждебным влияниям, споров, от которых, как круги по воде, расходились рассказы, слухи, импульсы возбуждения, остались неизвестными, не попали в протоколы собраний!⁵⁵

Но дело не только в этом; революционизирующим фактором становилась и сама запись пожеланий в наказ. Она пробудила нетерпеливое ожидание перемен к лучшему, «великую надежду» («la grande esperance» — выражение, удачно найденное Ж.Лефевром). От надежды не так труден был шаг к уверенности, ожидание было слишком страстным, чтобы продолжаться долго. Уже в апреле — июне 1789 г. запись пожеланий в наказах выступала в качестве морального оправдания крестьянского самоуправления, источником мятежных разговоров и замыслов, как это убедительно показал Ж.Лефевр⁵⁶. Наконец, масштабам надежд и ожиданий, всколыхнувших сельскую массу, соответствовала глубина ее разочарования, когда заседавшие два с лишним месяца Генеральные штаты ничего не сделали для крестьян. С точки зрения социально-психологической взрыв июльских восстаний 1789 г. не может быть понят вне связи с выборной кампанией и составлением наказов.

5. КРЕСТЬЯНЕ и БУРЖУАЗИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ СОЮЗА и его ПРЕДЕЛЫ

К началу лета 1789 г., когда слабевшая монархия тщетно старалась задержать неумолимый ход событий, вся ее система принуждения была расшатана народными движениями. Этот факт давно замечен историками, хотя и не оценен, как нам кажется, во всем своем значении. Правительство пыталось прибегнуть к репрессиям: 7 мая был издан королевский приказ о подавлении беспорядков в Провансе, 11 мая — в Иль-де-Франсе, 24 мая — о передаче всех дел по народным выступлениям в ведение превокатальной юстиции, решавшей окончательно и в последней инстанции. Но захлестнутая потоком волнений власть на местах колебалась. «В момент подобного брожения следует избегать мер, могущих возмутить народ; неизвестно, что может произойти, если позволить себе казнить кого-нибудь из участников бунтов из-за вывоза зерна», — писал интендант Бретани в ноябре 1788 г.⁵⁷ Донесение интенданта из Дофине (июнь 1789 г.) аналогично: «Собравшиеся палаты (парламента), боясь вызвать или ускорить общее восстание, не осмелились употребить свою власть и предписать исполнение старых ордонансов, относящихся к этому предмету»⁵⁸ (речь идет о волнениях против феодальных повинностей). Малочисленная жандармерия оказывалась бессильной, позиция солдат не внушала уверенности⁵⁹. Это ослабление старой власти в результате крестьянского, как и всего народного движения в целом, было в эти месяцы на пользу буржуазии.

«...Ничто так не задерживало победу французской буржуазии, как то, что лишь в 1789 г. она решилась действовать заодно с крестьянами», — писал К.Маркс⁶⁰. Выше мы отмечали, что логика борьбы 1788—1789 гг. как раз и подводила политически активные элементы буржуазии к пониманию неотложной необходимости взять в свои руки политическое руководство сельской массой. Там, где конфликт буржуазии и привилегированных принял наиболее резкие формы, поиски союза с крестьянством выступили особенно наглядно. В Бретани с начала января 1789 г. буржуа-«патриоты» направили по деревням манифест, призывавший сельские коммуны

поддержать третье сословие против дворянства (для населения Нижней Бретани он был переведен на бретонский язык), рассылали послания и циркуляры⁶¹. Когда в октябре — декабре 1788 г., а затем в первые месяцы 1789 г. во Франш-Конте развернулась борьба третьего сословия против упорных попыток дворян отстоять свои привилегии в провинциальных, а затем в Генеральных штатах, в нее были вовлечены и некоторые деревни, особенно в районе г.Люр⁶².

В потоке брошюр предреволюционных месяцев выделяется целая группа сочинений, написанных для деревни; помимо таких уже завоевавших известность лиц, как Кондорсе, Мунье, Лекинью, Серван, Сийес, Рабо-Сент-Этьен, Тарже, Петьон, Вольней, множество безвестных авторов, ринувшихся на политическую арену в это бурное время, адресовали крестьянам свои *Considerations, Conseils, Avis, Observations, Instructions, Cathechismes aux habitants de la campagne* и т.п. Вышедшие из-под пера буржуа образцы легли в основу множества деревенских наказов, через них до крестьян доходили политические лозунги и требования дня.

Еще до революции, в ходе многолетних судебных процессов и конфликтов с сеньорами, крестьяне обращались к юристам, выходцам из семей местных буржуа; кое-где эти люди стали как бы политическими лидерами сельского мира⁶³. Весной 1789 г. некоторые буржуа сельских местечек, нотариусы, адвокаты, медики и т.п. непосредственно возглавляли крестьян на выборах, а позднее — в борьбе против сеньоров. «Более или менее осознанно, — писал Ж.Лефевр, — они отдавали себе отчет в том, что опрокинуть старый режим можно лишь силой и что только народ может поставить ее им на службу»⁶⁴. В ходе бальяжных собраний крестьянские депутаты вошли в контакт с городскими «патриотами» и принесли затем в деревню отзвуки политических столкновений. В дальнейшем из числа этих людей, как правило, зажиточных крестьян, выделялись кадры руководителей в борьбе с сеньором, персонал будущих сельских муниципалитетов. В целом единение буржуазии и крестьян против старого порядка при политически направляющей роли буржуазии сложилось в главных чертах именно во время революционной ситуации. Связанная с этим процессом сумма конкретных обстоятельств сыграла большую роль в формировании в крестьянских умах определенных общественно-политических представлений. Они ярко скажутся летом 1789 г., когда вспыхнет первая «жакерия» революционных лет, картину которой мы попытаемся набросать ниже.

Несомненно, это был союз, но это далеко не была полная гармония стремлений и интересов. Французская буржуазия в общем достаточно сознательно и энергично шла на блок с начавшим подниматься крестьянством, больше того, она сама помогала ему подняться. В этом смысле французской буржуазии XVIII в. принадлежит особое место в истории европейской буржуазии. Это не значит, однако, что деревенский союзник не внушал с самого начала тревожных опасений буржуазии вообще, разным ее фракциям в разной степени и связи в частности.

Одно важное противоречие характеризовало позицию французской буржуазии на подступах к революции. В разгар политического кризиса она решительно атаковала весь режим сословной исключительности и привилегий. Но она не выдвинула при этом в качестве насущнейшей задачи дня столь же решительное устранение его экономической основы, т.е. прежде всего феодальной структуры поземельной собственности и земельных богатств, на которых базировалось социальное и политическое верховенство дворянства. Нельзя сказать, что эта проблема была ею полностью обойдена, — буржуазная публицистика и указы потребовали ликвидации сеньориального порядка. Однако в основу этих требований была положена компромиссная идея выкупа, обоснованная еще до революции П.Ф.Бонсерфом⁶⁵. От этого принципа основная масса буржуазии не отступит даже в самые критические дни революции.

Напротив, положение крестьян толкало их к постановке в первую очередь именно аграрных проблем, среди которых ликвидация феодальной структуры землевладения выдвигалась как важнейшее требование. Компромиссная идея выкупа феодальных повинностей еще не отвергалась деревней. Более того, именно такое решение вопроса преобладало в наказах. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, согласие наказов на выкуп было данью времени и обстоятельствам, оно не диктовалось глубокими интересами крестьян. Кроме того, для крестьян освобождение земли было насущнейшим, жизненно важным вопросом, они ждали его немедленного решения. Для буржуазии это была лишь одна из задач неопределенного будущего.

Таким образом, существенное расхождение интересов возникало уже в связи с коренными вопросами «первой социальной войны» в деревне. Но в это время оно не успело резко выразиться в реальной борьбе. Основным источником открытого конфликта низов деревенского третьего сословия и городской и сельской буржуазии во время революционной ситуации были движения на продовольственной почве. В борьбе за хлеб сельская беднота часто не склонна была проводить особо тонких различий между богачом «благородным» и «неблагородным». В Бретани, доносил интендант 3 октября 1788 г., «зародыш бунта существует постоянно... против дворян и крупных собственников, которых упрекают в создании запасов зерна»; в приходе Бо (возле Понтиви, Бретань) в августе 1788 г. раздавались призывы «сокрушить всех буржуа и всех дворян»⁶⁶. Приход Панпру (Пуату), жалующийся на тяжесть налогов, требовал: пусть платит «этот богатый негодяй, который ничем не занимается, кроме своей коммерции, этот богатый капиталист,

торгующий бумагами, которые он носит в своем портфеле»⁶⁷. Во время волнений в Камбрези, Вермандуа, в районе Сен-Кантена, в Нормандии крестьяне совершали набеги на фермы, захватывали или забирали по таксе зерно. В конце марта в Эно они угрожали во многих деревнях поджогом, если фермеры не отвезут хлеб на рынок. Нищенство, этот бич французской деревни конца старого порядка, в первой половине 1789 г. особенно часто принимало групповой и агрессивный характер. По 10 и больше человек нищие являлись на фермы, требуя хлеба. Прав Ж.Лефевр: «...законники, рантье, негоцианты, богатые фермеры и земледельцы, евреи в Эльзасе⁶⁸ были под угрозой, как аббат и дворянин», «буржуа опасались этих жадных и голодных деревенских жителей, которые являлись на помощь городскому плебейству, они боялись, как бы, разграбив зерно, не напали на жилища богатых»⁶⁹.

Социальный страх, симптомы которого дали себя знать еще перед революцией, страх всех имущих перед лицом поднимавшейся озлобленной массы бедных людей начал особенно ощущаться буржуазией с весны 1789 г., и движение в деревне сыграло здесь не последнюю роль. С приближением жатвы он усилился. Имушие боялись наплыва сезонников и волнений батраков и поденщиков, боялись, что изголодавшаяся беднота начнет скашивать хлеб. Во многих местах просили прислать войска. Так, власти городка Мерюзэ (Лангедок) потребовали 50 солдат. В их письме говорилось, что ежегодно сюда является до 4 тыс. жнецов, постоянно случаются беспорядки, «чего же следует опасаться в этом году, когда головы народа возбуждены и помышляют лишь о мятеже!» (24 мая 1789 г.)⁷⁰. Активизировалась буржуазная милиция; там, где она отсутствовала, ее начали создавать, организовывали стражу и патрули (Сен-Кантен, Амьен, Мортань в Пуату, Кан, Этамп, Труа, Бар-сюр-Об, Сане, Орлеан, Божанси, Нейи-Сен-Фрон, Гайяк, Лиму, Экс и т.д.). Кое-где размах народного возмущения привел к временному объединению буржуазии и привилегированных против «эксцессов черни» (в Провансе, в городах Кан, Этамп). Это, впрочем, не снимало острейших противоречий между буржуазией и первыми сословиями. В конечном счете в это время именно они выступали на первый план, тем более что страшный призрак «аграрного закона» был еще едва различим⁷¹.

* * *

Общенациональный политический кризис, непосредственно предшествовавший Французской революции, был ознаменован мощной волной народного движения, в котором отчетливо выделялась крестьянская струя. Этот подъем борьбы являлся непосредственным продолжением массовых движений второй половины XVIII в. с характерным для них преобладанием продовольственных выступлений. Вместе с тем он был важнейшим органическим элементом сложившейся в стране революционной ситуации. Это придало ему новое значение и обусловило некоторые его существенные черты.

Особенностью революционной ситуации 1788—1789 гг. было то, что кризис старой власти был развязан сначала (1787 — середина 1788 г.) резким обострением раздоров в правящих верхах французского общества. Кризис приобрел принципиально новые черты с осени 1788 г., когда с самостоятельной политической программой выступила буржуазия. Но только в опоре на массовое народное движение политическое наступление буржуазии обрело недостающую ему материальную силу и могло рассчитывать на серьезный успех. Народные движения сыграли роль решающего динамического фактора, обусловившего нарастание революционного кризиса и его превращение в революцию.

В целом, по подсчетам З.А.Чеканцевой, с мая 1788 по 14 июля 1789 г. в 329 городах и местечках страны имели место 445 открытых народных выступлений (из них 370 — в первой половине 1789 г.)⁷².

В этот период города являлись инициаторами движения; в районах наиболее крупных народных волнений сигналом для деревни были городские восстания. Но к весне 1789 г. и крестьянское море глубоко всколыхнулось. В итоге, когда королевская власть, объединившись с привилегированными, попыталась сорвать политическое возвышение буржуазии, сила сопротивления монархии была уже предельно ослаблена именно размахом народных движений.

Однако, учиняя бунты и сорища, добываясь занесения своих пожеланий в наказы, крестьяне помышляли не о политическом торжестве буржуазии. Они руководствовались своими насущными материальными интересами, своими нуждами и бедами. На первый план в массовом движении выдвинулась в это время прямая борьба за хлеб. Продовольственные «неаграрные бунты» преобладали не только в городских народных выступлениях (которым принадлежала во время предреволюционного кризиса инициативная роль), но и в массовых волнениях в деревне. Рост продовольственного движения, которое достигло пика в марте—начале мая 1789 г., сопровождался определенной его трансформацией. В течение 1788 г. основным типом народных выступлений в городах и сельской местности был «бунт-препятствие», т.е. попытка сорвать вывоз зерна за пределы города, местечка (бурга), ближайшей сельской округи. К весне 1789 г. широкое распространение получила более организованная форма коллективного действия — «народная таксация», принудительная продажа зерна по установленной народом цене. Часто таксация осуществлялась во время «рыночных бунтов». В ходе этих выступлений кристаллизовалась

определенная сумма требований, которые получают дальнейшее развитие в мощных продовольственных восстаниях 1790—1792 гг. и отчасти станут элементами той грандиозной попытки государственного регулирования продовольственного рынка, которая воплотится в якобинской системе «максимума».

Наряду с продовольственными движениями, порой прямо переплетаясь с ними, развивался народный протест против налогового гнета, главным образом — против косвенных налогов (ввозных продовольственных пошлин, взимаемых у городских застав; налогов на напитки, на соль и др.), которые казались особенно нетерпимыми в условиях продовольственной нехватки и экономического кризиса и задевали, прямо или косвенно, наибольшую массу людей. Именно весной 1789 г. вызревал тот народный порыв, который в первые же месяцы начавшейся в июле революции, опрокинет всю старую систему косвенного обложения.

Наконец, в общем потоке массовых движений все более определенно стала выделяться антисеньориальная струя. Походы за хлебом в амбары церкви и владельцев сеньорий, в замки и монастыри были одним из начальных элементов перерастания движения продовольственного в движение аграрного типа, направленное против сеньориального порядка. Первые зарницы антисеньориальной «жакерии» обнаружены еще за несколько месяцев до взятия Бастилии, весной 1789 г. Наиболее ярко они вспыхнули во время восстания в Провансе в марте—начале апреля в ходе широкого движения против феодальных повинностей, которое развернулось в феврале—апреле в части Дофине и было примечательно высоким уровнем крестьянской самоорганизации. В целом весной—в начале лета 1789 г. имели место не менее 12 прямых нападений крестьян на замки сеньоров, не говоря об отказах от взноса феодальных повинностей, предъявлении сеньорам различных требований и т.д. Именно крестьянское движение поставило в эти месяцы на повестку дня коренную социально-экономическую проблему эпохи — аграрно-крестьянскую, поставило с такой настойчивостью, что попытка отложить ее решение на неопределенное время имела далеко идущие последствия.

Экономический и политический кризис, выборы в Генеральные штаты, составление в деревнях приходских наказов для депутатов оказали воздействие на массовое сознание крестьян, во всяком случае — немалой их части. Вся обстановка в стране пробуждала в крестьянской среде не только недовольство, но и надежду на перемены к лучшему, все более нетерпеливое ожидание этих перемен. Выборы и составление наказов способствовали контактам крестьян с городскими патриотами, приобщению их при посредстве сельских делегатов баляжных избирательных собраний к информации о политической злобе дня.

Движение 1788—1789 гг. раскрыло также многогранность социальных противоречий, вырвавшихся на аграрной почве старого порядка. В ходе него проявились противоречия внутри самого крестьянства, различие и даже противоположность интересов основной массы трудящегося сельского населения и вообще всех имущих, включая городскую и сельскую буржуазию; как и во время хлебных кризисов дореволюционных десятилетий, эти противоречия наиболее ясно обнаружались в продовольственных движениях, в народной борьбе за хлеб.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ и КРЕСТЬЯНСКИЙ НАТИСК на СТАРЫЙ ПОРЯДОК

В середине лета 1789 г. напряженность политических и социальных противоречий достигла апогея и привела к открытому взрыву; началась революция. Восстание в Париже 11—14 июля сорвало намечавшийся двором реакционный переворот, а главное — утвердило роль Национального Учредительного собрания как единственного суверенного носителя верховной власти в стране. Отныне с абсолютизмом было покончено. Парижское восстание было первым актом начинавшейся революции. Между 15 и 19 июля о нем стало известно в провинции. Серия городских движений, повторяя в той или иной форме парижский пример, повсюду закрепляла за буржуазией власть в городском самоуправлении. Так в течение нескольких дней совершился политический переворот громадного значения — переход власти в руки нового общественного класса, буржуазии, в блоке с узким слоем либеральной знати. Экономическая сила, идейная и политическая зрелость буржуазии сделали этот переворот необходимым и возможным. Народные выступления в городах — прежде всего в Париже — обеспечили его первые шаги. Но только вмешательство крестьянства поставило одержанную победу на прочную основу. В этом смысле значение массового вооруженного движения, вспыхнувшего в деревне во второй половине июля, трудно переоценить. Это была «вторая жакерия», по исчислению И.Тэна. Не отказываясь от термина, но ведя отсчет с начала революции, мы назовем его «первой жакерией».

1. «ПЕРВАЯ ЖАКЕРИЯ». ОБЩАЯ КАРТИНА КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ

Июльское движение 1789 г. относится к числу наиболее изученных. Историк располагает не только многочисленными местными публикациями и исследованиями, но и превосходным обобщающим трудом, принадлежащим перу Ж.Лефевра¹. Восстания начались с 20-х чисел июля, в течение недели они охватили несколько районов, удаленных друг от друга иногда на многие сотни километров. Эта одновременность восстаний, совпавших с волнами паники «великого страха»*, поразила современников и породила версию о централизованном заговоре революционеров (или контрреволюционеров), надолго утвердившуюся в историографии. Первые серьезные исследования «великого страха» и крестьянских восстаний, а затем осуществленный Ж.Лефевром синтез показали ее беспочвенность и распутали сложный клубок социально-экономических и социально-психологических условий, побудивших крестьян подняться почти в одни и те же дни на Востоке, Севере и Западе Франции.

Несомненно, известие о парижском восстании сыграло роль важнейшего толчка, который привел в движение деревню и дал центростремительный импульс распыленной сельской массе. Далеко не всегда это воздействие было непосредственным — чаще ближайшим импульсом для крестьян являлся пример местных городских центров, последовавших за столицей (а иногда и опережавших ее). Но поразительный эффект этого первотолчка объясняется прежде всего сложившимися в деревне к середине июля объективными условиями и народными настроениями. Экономический кризис продолжался, безработица не рассасывалась, дороговизна свирепствовала и в июле достигла максимума. С начала месяца вновь усилились продовольственные выступления. В это время подспела жатва и вместе с нею срок уплаты десятин и натуральных повинностей — крестьяне вновь столкнулись с требованиями сборщиков, сеньоров и их агентов. Между тем с момента составления наказов сельские приходы ждали их реального результата уже больше 3 месяцев. В конце мая—июне волнения в деревне несколько утихли — крестьяне надеялись на близкие реформы. Надежды не оправдались. Но почему? Смутные известия об ожесточенной борьбе в Генеральных штатах, о сопротивлении привилегированных третьему сословию, о «заговоре аристократии»², о первых декретах Собрания проникали в деревню. Сообщения современников о мятежных разговорах, о неформальных замыслах, вызревавших в крестьянской среде, помогают понять единодушие и динамизм крестьянской реакции³.

Вооруженный крестьянский натиск летом 1789 г. складывался из семи значительных восстаний на востоке, отчасти на западе и севере Франции (см. карту на с. 98). Рискуя повторить сказанное Ж.Лефевром, мы коротко проследим перипетии каждого из них.

Восточная Франция, от Эльзаса до Виваре и Дофине⁴, была охвачена движением в наибольшей мере. Первой вспыхнула провинция Франш-Конте⁴. Напряжение здесь нарастало с конца 1788 г., дворяне и парламентская магистратура ожесточенно сопротивлялись претензиям третьего сословия, еще в декабре интендант опасался угрозы «жакерии»⁵. Сигналом к общему возмущению стал происшедший 19 июля случай в замке Кэнси, возле Везуля. Во время праздника, собравшего окрестных крестьян, взорвался по неизвестной причине приготовленный для фейерверка бочонок с порохом; были жертвы. Крестьяне, убежденные, что взрыв — результат злоумышления сеньора, подожгли замок, а в течение следующего дня опустошили все поместье. С 21 июля поднялась вся округа. Восстание распространялось от Везуля как исходной точки

К востоку от него замок Сольси был сожжен в тот же день; 21—22 июля сгорели архивы аббатства в Люре, аббатство Битэн было разрушено крестьянским отрядом. До 3 августа еще 6 замков (Со, Монжюстэн, Молан, Женеврэй, Франшвилль, Шатенуа) были разорены или испытали нашествия восставших крестьян. Восстание в этой стороне дошло до р.Оншон, где было остановлено отрядом кавалерии из гарнизона Бельфора. На Севере оно охватило всю местность до истоков Соны и р.Коне, выйдя за пределы Франш-Конте и затронув южный край Лотарингии. Нападению подверглись замки Клерфонтен, Фаверне, знаменитое Люксейское аббатство, приорства в местечках Фонтен и Эриваль; в г.Ремирмон жители окрестных деревень явились требовать от местного капитула отречения от феодальных прав. Западнее верхнего течения Соны, недалеко от г.Ламарш, были осаждены аббатства Флабемон (в коммуне Тиньекур) и Моризекур⁶. На запад и юго-запад от Везуля (в междуречье Соны и Оншона) крестьяне атаковали замки в приходах Се-сюр-Сон, Фран, аббатство Шарите; на северо-востоке — аббатство Серлье. В Больё (возле Фей-Бийо) они заставили монахов отказаться от судебного процесса из-за общинных прав пользования. На юге и юго-востоке восстание охватило долину р.Оншон (разгром замка Авиле

* В нашей учебной и популярной литературе «великий страх» 1789 г нередко упрощенно трактуется как социальный страх, охвативший лишь дворян и буржуа перед лицом народных восстаний. Между тем волны паники, охватившей между 20 июля и 6 августа 1789 г. города и деревни большей части Франции, были также сложным явлением массовой, прежде всего крестьянской, социальной психологии. Как показал Ж.Лефевр, в разных районах страны возникли шесть первичных и множество последующих локальных источников «великого страха», из которых токи массовой тревоги быстро распространялись, охватывая все новые города и деревни (см. карту-схему на с.106).

и монастыря Труа-Руа), перешагнуло р.Ду между коммунами Лиль и Бом-ле-Дам; 26—29 июля отряды крестьян запросили феодальные земельные описи в аббатствах Лье-Круассан, Грас-Дьё, Шо и Лантена; коммуна Эталан (20 км от Безансона) потребовала выдачи феодальных «титолов» безансонского архиепископа. Еще дальше на юго-восток, в районе верхнего течения Ду, возник самостоятельный очаг возмущения, связанный, очевидно, с восстанием против ввозных пошлин в г.Понтарлье 21 июля. Замок Момироль был разгромлен, а в аббатстве Мутье-Отпьер захватили архив. Восставшие угрожали приорству Мут (у истоков Ду) и монастырю Сент-Мари. 29 июля несколько тысяч крестьян-горцев спустились в местечки Виллафан и Шантран за архивами нескольких сеньорий, хранившихся у здешних нотариусов, сожгли бумаги или унесли с собой. Через день с той же целью пришли в Понтарлье делегаты от вассалов аббатства Монбенуа и, пригрозив пожаром, захватили бумаги. Южнее территория будущего департамента Юра осталась незатронутой восстанием; лишь в окрестностях Лон-ле-Сонье крестьяне разгромили замок Бофор⁷.

Всего, по данным современника событий, 40 замков и дворянских домов испытали крестьянские нашествия, из них 2 были сожжены и 14 сильно разрушены. Церковь пострадала меньше — один монастырь был полностью разгромлен, другой — сильно поврежден, 7 посещены «разбойниками».

В пограничном с Франш-Конте Эльзасе после 14 июля восстания и манифестации против муниципальной олигархии старого порядка начались в городах: Страсбурге 21 июля, затем до 25 числа в Кольмаре, Саверне, Агно, Баре, Оберне, Кайзерберге, Мёнстере, Бризахе, Юенге. Деревни поднялись в основном с 25 июля⁸. Начавшись в Нижнем Эльзасе, движение распространялось с севера на юг. 25 июля крестьяне угрожали замку Ротау (в долине р.Брюш); в тот же день южнее его сельские жители долины Сент-Мари-0-Мин и Орбе вторглись в Рибовилле, где находились канцелярия и бумаги герцога Рибоьера. В районе Саверна 26—28 июля крестьяне угрожали аббатству Сен-Жан-де-Шу, а в окрестностях Агно — аббатству Небур. Монастыри Андло, Марбах, Мармутье тоже зывали к властям о помощи. В Нижнем Эльзасе, однако, до поджогов и разгромов дело не дошло, многие сеньоры сумели ограничиться уступками. На юге, в Верхнем Эльзасе, события приняли гораздо более серьезный характер. 25—30 июля здесь развернулось восстание, втянувшее тысячи крестьян в районе городов Сент-Амарэн, Мазво, Гебвиллер. В Мальмерспахе крестьяне разбили контору налогового откупа, у сборщика Мюрбахского аббатства потребовали сеньориальные документы и квитанции об уплате наложенных на крестьян штрафов. Не получив их, восставшие разгромили дом сборщика, а заодно и дома лесных стражников, исконных врагов крестьянского мира во всех лесистых местностях Франции (25—26 июля). На следующий день (27 июля) организовался большой крестьянский отряд из жителей многих деревень, он двинулся, минуя Сернэ и Уфхольц, в г.Гебвиллер, главную резиденцию Мюрбахского капитула. Целью похода опять были феодальные документы. Сами каноники бежали, архивы были тайно вывезены еще раньше; в итоге замок аббата и дома каноников стали объектами крестьянской ярости. В это же время два других отряда «жаков», придя в Лаутенбах, вынудили местный капитул отказаться от присвоенных в середине века прав пользования в лесах. Южнее, в долине Зундгау, восстание распространилось от Мюлуза до швейцарской границы. 27—28 июля в районе г.Юенг жители деревень Эзенжан и Ранопаеш попытались захватить архивы нескольких сеньорий, отправленные под сильной охраной для укрытия в городе. 29—30 июля в долине р. Иль крестьяне предали разгрому замки Ирсенжан, Карспах, Хирцваш, Обьвилле; в Феррете та же участь постигла дом бальи, в г.Ландсер — контору бальяжа. Это были последние дни восстания; 27 июля генерал Витингоф начал против него карательную экспедицию.

В эти же дни ареной одного из крупнейших за все революционные годы крестьянских возмущений стала область Макопне, в междуречье Гроны и Соны. Однако волнения перешагнули Грону на западе и Сону на востоке, охватив большой район между городами Вильфранш, Макон, Ключи и Турню. Отзвуки их мы обнаруживаем также около Шалона на севере, Луана и Бурка к югу⁹. Знаменитая «жакерия» в Маконне, которая бушевала особенно 26—30 июля на протяжении почти 100 км с севера на юг и 40 км с запада на восток, началась выступлением крестьян винодельческой деревни Иже. 21 июля они потребовали у сеньора снять изгородь вокруг деревенского родника; некоторые пригрозили поджогом. Крестьяне ждали 4 дня; 26 июля, в воскресенье, традиционный день начала деревенских мятежей*, прослушав мессу, они сами сломали изгородь, а заодно — ригу, построенную сеньором на присвоенной им общинной земле. Жители ближней деревни Верзе, созданные набатом, присоединились к соседям. После полудня

* Воскресенье — нерабочий день — был также и днем воскресной мессы, на которую традиционно собирались крестьяне прихода, т.е. ближайшей округи. Все это создавало условия для общения, обмена новостями и мнениями, принятия коллективных решений. Очень часто именно после мессы возникало бурное крестьянское собрание, решавшее предпринять поход на замок за феодальными «титулами», вернуть захваченные сеньором общинные угодья, ударить в набат, чтобы собрать больше людей и т.д. Нередко восстание начиналось на следующий день, т.е. в понедельник.

крестьяне двинулись к замку, чтобы предъявить сеньору новые требования. Сеньор бежал, и на заре следующего дня его замок был разгромлен. В этот же день поднялась вся западная возвышенная местность Маконне.

Из Иже одни из восставших спустились к Перонну, где возник еще один очаг «жакерии». Другие сожгли архив в замке Азе и отправились дальше на север, увлекая по дороге местных жителей. По пути они напали на замки в приходах Во-сюр-Верзе, Во-сюр-Эн, Сен-Морис, монастырскую ферму в Басси. В этот же день множество крестьян устремились на Люньи, до 2 тыс. человек собрались здесь после полудня. Замок местного сеньора был сожжен, часть людей пошла дальше на север, другие повернули на юго-восток и вечером под проливным дождем достигли Вире, занимаясь, как и всюду, поисками «феодалных титулов». Они сожгли захваченные у нотариуса земельные описи, всячески угрожали местному кюре. На следующий день (28 июля) восстание распространилось на восток. Крестьяне возвышенной части Маконне спустились в долину Соны, к ним присоединились местные виноделы. Из Вире восставшие направились на Флервиль, а затем продолжили путь вдоль Соны, пройдя Сент-Альбен. В этот же день отряд, вышедший из Иже, разгромил замок в Лезе и тоже вышел к Соне. Другая группа восставших действовала в Озене; весь вечер и часть ночи они были заняты опустошением сеньориального замка. Наконец, множество бунтовщиков соединились в Сенозане, у богатейшего в Маконне замка семьи Талейранов. Подоженный, он пылал всю ночь; говорили, что пламя видели из Макона (в 12 км). Тем временем на севере группы «жаков» из Люньи прошли Монбелле, Юшизи, Фарж, Виллер, нападая на замки и церковные строения. Крестьяне двинулись дальше к Турню, но были отброшены буржуазной милицией и повернули на запад, к Озене. Здесь они рассеялись в горной местности, отдельные группы добрались 29 июля до прихода Корматен. Сеньор сумел организовать сопротивление, вероятно, с помощью буржуа из Турню. По крестьянам был открыт огонь, часть их в ночь на 30 перешла Грону у Савиньи и достигла Серей, вызвав панику в Сен-Женгу-Руайяле; здесь их разогнала буржуазная милиция.

Днем раньше, 29 июля, люди, сжегшие замок Талейранов в Сенозане, увлекая других, отправились на противоположный край междуречья, на знаменитое Ключийское аббатство. Несколько тысяч человек продвигались через леса к долине Гроны. Но и здесь уже организовалось сопротивление; буржуазная милиция Ключи преградила им дорогу и открыла огонь. Лишь отдельные группы восставших совершили еще от Ключи набег на замки Варранж и Бут-о-Ван (4—5 км от Ключи). Отброшенное на севере и западе, восстание распространилось на южное Маконне и часть Божоле. Еще 26 и 27 июля крестьяне разорили захваченные сеньорами общинные владения в деревнях Лен и Пьеркло; 28—31 июля начались нападения на замки и церковные учреждения: в приходах Эссерто, Шассела, Берзе-ла-Шатель, Пьеркло, Сен-Пуэн, Пуйи, Фюиссе, Жюйе, Шассиньоль, Тиль (нападения на замки), Солютре (поджог строений аббатства), Давайе (разгром приорства), Вержиссон (разгром владений богатого буржуа).

Но уже со всех сторон наступала буржуазная милиция, жандармерия, позднее прибыли войска. По подсчету современного исследователя, 2 замка (в Люньи и Сенозане) были полностью сожжены и разрушены, разгромлено 14 замков, 6 монастырей и иных церковных зданий. В подсчет не вошли нападения, во время которых крестьяне ограничивались требованием феодальных документов и других уступок. Местный историк начала века полагал, что всего 120 замков, дворянских и буржуазных домов подверглись крестьянским вооруженным визитам¹⁰.

Восстание в Дофине началось двумя днями позднее восстания в Маконне¹¹. Оно относится к числу тех крестьянских выступлений, которые не предшествовали волнам паники «великого страха» (как во Франш-Конте, Эльзасе, Маконне), но были одним из его непосредственных результатов. В связи с близостью савойской границы волна «великого страха», возникшая в результате восстания во Франш-Конте, приняла здесь специфическую форму — сначала она распространялась в виде слухов о нашествии разбойников, но в день всеобщей паники в Дофине, 27 июля, речь шла уже о вторжении 20 тыс. савойцев, грабящих все и вся на пути. Между 5 и 7 часами вечера из г. Ла-Тур-дю-Пэн эта страшная новость пришла в городок Бургуэн на р.Бурбр. В городе и окрестных деревнях немедленно ударили в набат. С вечера, несмотря на ливший весь день дождь, со всех сторон в город стали прибывать крестьяне. Они шли сражаться с иноземцами, организовавшись в приходские отряды во главе с синдиками, нотаблями; иногда вместе с ними шагали кюре. Все были вооружены, несли косы, вилы, топоры, ружья. К утру их собралось до 5 тыс. человек. Но уже в полночь выяснилась вздорность всей паники: ни савойцев, ни разбойников нигде не оказалось. По условиям времени реакция крестьян была вполне понятной: они сочли ложную тревогу злокозненным умыслом дворян. «Это проклятые дворяне подняли тревогу»; «они хотят разорить нас и погубить третье сословие»; «не будет лучшего случая, мы здесь все вместе, надо им отомстить и их разорить»; надо пойти «к дворянам и тем кюре, которые их поддерживают», — все это засвидетельствованные участниками событий разговоры среди полных негодования крестьян¹².

На заре, построившись в длинную колонну, они выступили из города по лионской дороге к де-Во, замку одного из президентов Гренобльского парламента. Впереди били в барабан и тащили уведенного силой офицера жандармерии. Так началось восстание, назревавшее здесь со времени политических схваток 1788 г. и весенних продовольственных и антидворянских выступлений.

Предав огню замок де-Во, «жаки» явились в Верпильер и разорили замок Мерье; жители Верпильера и окрестных деревень действовали вместе. Дальше армия «жаков» разделилась. Основная масса их отчасти разошлась по домам, отчасти вышла из Верпильера к югу, подняв близлежащие деревни. Восстание в этом районе продолжалось до конца месяца, особенно 29—30 июля; несколько замков подверглись атаке. Небольшое же ядро наиболее решительных бунтовщиков двинулось к северу и 28, 29 и 30 июля прошло всю северную часть Вьеннуа, увлекая местных крестьян, нападая на замки, сжигая архивы, иногда и помещичьи дома, расположенные по берегам р.Бурбр и вдоль Роны, по соседству с областями Бюжи и Бресс. 29 июля отряд был атакован посланными из Лиона драгунами, потерял 3 человека убитыми на месте и 2 смертельно ранеными. Он, однако, продолжал поход, сжег замки Жон, Вилетт, Антон, разбил несколько контор налогового откупа и, перейдя р.Бурбр, успел еще сжечь замок Вен к северу от Кремье. Здесь, в районе Кремье, Верна и Амблерё, действия лионской милиции положили конец существованию отряда.

В районе Бургуэна, исходного пункта восстания, 28—30 июля поднялись все окрестные деревни, несколько раз отряды входили в город и сжигали на площади забранные у нотариусов феодальные документы. Движение здесь распространилось до Роны и р. Гиер и было подавлено 31 июля буржуазной милицией. Восточнее, в районе городка Ла-Тур-дю-Пэн, очаг возмущения возник 29 июля. Объединившиеся приходы Селе, Сен-Виктор, Сериан захватили архив в местечке Манье; замки в приходах Кюрье, Турню, Молетт, Дьемоз подверглись нашествиям. В Северном Вьеннуа восстание кончилось к началу августа.

На юге в это время оно было в разгаре. В направлении на юго-запад восстание 29—31 июля перешагнуло р.Везон и подошло к Пеаж-де-Руссильону. Замок Орнасье был сожжен 31 июля, замок в деревне Тер-Басс подвергся нападению 3 августа. Здесь против «жаков» выступили драгуны и буржуазная милиция из городков Серьер и Сен-Рамбер, в результате дальше на юго-запад восстание не пошло. На юго-востоке, в районе местечка Вирье, с 1 августа крестьяне начали методически уничтожать сеньориальные описи; между 1 и 7 августа поднялись приходы Шабон, Вланден, Монревель, Досен, Бизонн. Здесь бунтовщики не поджигали и не громили замков (кроме одного из них в приходе Пэн), ограничиваясь захватом документов (в приходах Шартрё, Сильв-Бенит, в замках Вирье, Лепен, Сюсень, Шателар) и требованием отказа от сеньориальных повинностей. 9 августа крестьяне приходов Эйдош и Флашер сожгли захваченную у нотариуса в Кот-Сент-Андре земельную опись. Это была последняя вспышка дофинуазского восстания. Буржуазная милиция и войска положили ему конец. Его общий итог генеральный прокурор Гренобльского парламента оценивал так: 9 замков сожжено, 43 разгромлено, в 1.3 сожжены архивы¹³.

Восстание крестьян в области Виваре (юго-западнее Дофине) также не предшествовало панике «великого страха», а последовало за ней¹⁴. Связь между ними лишь косвенная. Волна паники, всколыхнувшая Дофине 27 июля, проникла в Виваре к вечеру следующего дня через г. Ле-Пузен, на Роне. Сигнал тревоги почти не изменился — пошел слух, что 10 тыс. савойцев под командой графа Артуа вторглись, опустошая все на пути. Дальнейшее очень напоминает обрисованный выше ход событий в Бургуэне. Забили в набат; вооруженные крестьяне стекались в город для отпора врагам. Когда выяснилась ложность тревоги, возмущение обернулось против дворян. Ночью один из дворян был убит в Ле-Пузене, днем 29 июля южнее, в Шомераке, восставшие напали на замок другого, подозревавшегося в организации контрреволюционных дворянских сборищ. После этого крестьяне разошлись по домам. Но с 3 августа в деревнях распространилось известие о восстании в Дофине — импульс, побудивший вновь взяться за оружие, на этот раз с самого начала против дворян. Восстание охватило обширный район Нижнего Виваре между Роней и р. Ардеш; оно распадается на ряд выступлений и конфликтов, растянувшихся во времени почти на три недели.

9 августа в местечке Рошмор большая толпа вооруженных крестьян напала на дворянские дома и сожгла на площади найденные в них документы; на завтра эти же люди сожгли архив в соседнем приходе Мейс. Дальше движение захватило район Вивье; в Апсе, Сен-Монтане (в 35 км к югу от Рошмора), Тютэсе, Мейра, Монпеза (верховья р.Ардеш) были захвачены архивы; замки в приходах АПС, Сен-Монтан, Шеденак крестьяне разгромили, в Бюрзе — сожгли. 12 августа в г.Вильнев-де-Берг восставшие бросили в реку бумаги судебной канцелярии бальяжа. Через неделю (19 августа) восстали крестьяне прихода Тэн (возле Турнона, на Роне), требуя возвращения взысканных сеньором штрафов. В горах начались массовые порубки лесов монастырей Мазан, Бонфуа, Шамбон. Только к концу августа волнения утихли.

Крестьянам Восточной Франции принадлежит первенство в развитии «крестьянской революции» летом 1789 г. На западе вспыхнуло лишь одно восстание — в Нормандском бокаже¹⁵ и части Нижнего Мэна. Городские восстания (17—18 июля в Фалезе, 20—21 в Кане, 21—22 в Мамере, 22—23 июля в Мортене и Аржантане), очевидно, и здесь подтолкнули деревню. 19 июля около 300 вооруженных крестьян сожгли архив графа де-Васси в одном из его имений в окрестностях Фалеза. Это была первая искра. Через 3 дня, 23 июля, в Клеси 400 «жаков» разгромили замок и сожгли бумаги того же де-Васси; 23—25 июля восстание быстро распространилось к югу на обширный район между реками Орн и Нуаро. Известия о панике «великого страха», охватившей 23—24 июля часть Нормандии и Мэна («безумные четверг и пятница»), способствовали развитию волнений. Крестьянским вооруженным нападениям подверглись большинство помещичьих домов, расположенных между р.Орн на востоке, городами Флер на западе и Ферте-Масе на юге (в Конде-сюр-Нуаро, Калиньи, Дюрсе, Сен-Дени, Бриузе, Сере, Линьоне, Ране). Как правило, это были походы крестьян в дома своих сеньоров за земельными описями, сопровождавшиеся более или менее значительными «эксцессами» в замках¹⁶.

Самым насильственным эпизодом нормандского восстания были события в больших приходах Кулонш и Соважер, вовлекшие соседние деревни (неподалеку от г.Ферте-Масе). Три дня — 24, 25, 26 июля — колокол в Кулонше звонил почти непрерывно. Жители ворвались в помещения замка, сожгли найденные бумаги. С 3 часов утра 27 июля ударили в набат и в соседнем приходе Соважер. Вооруженные ружьями, саблями, серпами, самодельными пиками, 600—700 крестьян, увлекая с собою 2 юре и нотариуса, отправились к замку Вожуа. Флейтисты и барабанщики оживляли шествие. Архивы замка были сожжены, сеньор полностью отказался от феодальных прав. К концу дела восставших собралось уже около 2 тыс. Из Вожуа они пошли к югу, в замок Кутерн (на берегу Майенны), сожгли здесь документы, получили письменный отказ от феодальных прав, опустошили продовольственные и винные запасы. В этот же день крестьяне деревни Антуаньи сожгли архив замка Монсо; в Ла-Мотт-Фуке к замку пришли около 800 «жаков»; результат похода был тот же — сожжение бумаг, освобождение от повинностей. Дальше на восток восстание достигло Сэ (у истоков Орна); 29 июля крестьяне уничтожили бумаги в Сент-Кристофе, 2 августа в Сент-Илер-ле-Жераре.

Вместе с событиями в Кутерне восстание вступило в пределы Нижнего Мэна¹⁷ и тут же перешагнуло р.Майенн. 28 июля «жаки» сожгли архивы нескольких замков по левому берегу Майенны (в Мадре, Бермандьере, Сен-Жюльен-дю-Ферру); 30 июля поход на замок Отвиль (его архив был предан огню) собрал до 1,5 тыс. крестьян из приходов Мадре, Шапель, Жаврон, Нейиле-Ванден. Последние вспышки восстания падают на первые дни августа. 3 августа около 600 человек отправились за «титулами» в замок Буатибо возле Лассе, но были рассеяны ружейным огнем кавалеристов и милиции Лассе. В тот же день дровосеки из Фонтэн-Даниэля пошли громить соляные амбары в Майенне, а через 2 дня (5—6 августа) до 2 тыс. крестьян устремились с той же целью в Лассе. Солдаты, поддержанные милицией, помешали этому замыслу.

Помимо главного очага в Нормандском бокаже и Нижнем Мэне в обеих провинциях разгорелось немало вооруженных стычек меньшего масштаба. 22 июля, когда из-за паники «великого страха» набат созвал в г. Мортань окрестных крестьян, они вместе с горожанами сожгли бумаги налогового откупа и сами установили таксу на соль, табак, мясо¹⁸. В районе Байе и Кана (область Бес-сан) подверглись нашествиям крестьян замки Видувиль, Тийи, Атайе, Экрамвиль, Отто; в окрестностях Сен-Ло были разрушены несколько дворянских голубятен¹⁹. В Мэне волна «великого страха», пришедшая в ночь на 23 июля, вызвала, кроме того, кровавый инцидент в г.Баллон. К утру здесь собрались около 6 тыс. поднятых набатом крестьян — картина, уже знакомая нам по событиям в Бургуэне, Ле-Пузене, Мортане. Не заставили себя ждать и результаты ложной тревоги — страх перед «разбойниками» трансформировался в жестокий взрыв социальной ненависти; Кюро, богатый негодичант, и его зять Монтессон, крупный сеньор, были убиты, толпа пронесла их головы на пиках по городу²⁰.

Движение, охватившее крайний север Франции (главным образом Эно и Камбрези), имело меньший резонанс, но было достаточно сильным и включено нами в число важнейших эпизодов «первой жакерии» лета 1789 г.²¹ Оно началось 16—18 июля в районе Лилля — ряд сельских приходов потребовал снизить размер десятины; 22 июля несколько сотен крестьян вторглись в город и вынудили здешних каноников уменьшить размер десятины. Отсюда возмущение распространилось на юго-восток. 23 июля 600 крестьян осадили аббатство Аншен, добились отказа от десятины и обязательства возместить 42 тыс. ливров в счет проигранного крестьянами процесса. В области Эно крестьянское движение приняло сразу вооруженный характер и тесно переплелось с городскими восстаниями (24 июля в Валансьенне, 26 — в Камбре, 27 — в Дуэ и Мобеже); возможно, они и здесь дали первый толчок. 25 июля восстали 5 приходов у р.Эско (Мортань, Флин, Брюль, Нотр-Дам-о-Буа, Шато л'Аббе). Вооруженные крестьяне явились к монастырю Шато, увлекая с собою бальи, эшевенон, нотариуса. Результатом похода было

отречение аббата от феодальных повинностей, обещание возместить расходы судебного процесса из-за шампара, обосновать документами права на земли, которые жители считали общинными. В тот же день сеньор приходов Фор-де-Мортань и Флин по требованию восставших отказался от шампара. 26 июля, после воскресной мессы, жители Нотр-Дам-о-Буа решили продолжить начатое накануне. Они вновь пошли на Мортань к замку графа де-Ламарка и добились уступки лесных пользования и древесных посадок²².

В долине р.Скарп крестьяне 5 приходов вторглись 25 июля в Маршьен-Виль и заставили здешнее аббатство вернуть захваченную общинную землю; 29 июля та же участь постигла аббатства Флин, осажденное почти 700 крестьянами, и Викуань. Южнее р.Самбры крестьяне прихода Теньер полностью разгромили аббатство Маройль, а 400 жителей прихода Домпьер осадили монастырь Льесси и добились отказа от десятины и всех феодальных прав. В начале августа восстание прекратилось, отчасти после вмешательства войск.

Таким образом, в различных районах Франции в последней декаде июля — начале августа 1789 г. вспыхнули 7 значительных крестьянских восстаний: в Верхнем, отчасти и Нижнем Эльзасе, во Франш-Конте, Маконне, захватывая северный край Божоле, в Дофине (Вьеннуа), Виваре, Нормандии (Нормандском бокаже и части Нижнего Мэна), на крайнем севере страны (особенно в области Эно)²³. Пять из них (во Франш-Конте, в Эльзасе, Маконне, Нормандии и Эно) предшествовали «великому страху»; в Дофине и Виваре толчком к восстаниям явились дошедшие сюда токи паники «великого страха» (см. карту на с.106).

* * *

Восстания лета 1789 г. были началом «крестьянской революции», которая так ярко выделяет Великую французскую революцию конца XVIII в. Во многом они продолжали традицию крестьянских антифеодальных мятежей, сохраняя не только присущую им силу массового порыва, но и слабости, связанные с природой крестьянства как класса.

В отличие от восстаний, прямо родившихся из «великого страха», остальные не были спонтанным взрывом народных страстей. Они подготовлялись «зачинщиками» в одной или нескольких деревнях. Отряды восставших двигались в некотором порядке во главе с импровизированными вожаками, нередко деревенскими синдиками. Барабаны и флейты оживляли шествие, ободряли участников, оповещали о нем встречные деревни. Иногда «жаки» пытались соблюсти военный порядок. Приближаясь к замку Вожуа (Нормандский бокаж), крестьяне перестроили ряды — впереди стали те, кто имел ружья, затем — обладатели кос, вил, сабель, багров; «бунтовщики», вооруженные просто палками, замыкали колонну.

Однако для организации восстания и руководства им требовались знания и опыт. У замка Вожуа добровольным «капитаном» выступил адвокат из Ферте-Масе, будущий якобинец и местный «Марат», Мартэн Дюплесси. Конечно, таких добровольцев из среды имущих и образованных были единицы. Отсюда традиционная черта крестьянских восстаний — стремление силой увлечь с собой местных буржуа, нотариусов, кюре, иногда даже дворян; их присутствие должно было, кроме того, дать движению некоторую санкцию легальности. Жители коммуны Сент-Альбан (Дофине), шагая в Бургуэн, захватили с собой нотариуса, дворянина и чиновника судебной канцелярии. «Они нас принудили идти с ними, — показывал последний, — и даже заставили г-на Берте (нотариуса) взять ружье... и шагать во главе, понуждая его... командовать ими и направлять их поход, так как хотели осуществить его военным порядком и с оружием»²⁴.

Обычно выступали не все жители деревень, были колеблющиеся, пассивные. Отсюда еще одна старая черта деревенских мятежей — стремление участников вовлечь как можно больше людей, «взбунтовать» соседние деревни. Несомненно, во многих случаях достаточно было удара в набат на колокольне, подстрекательских речей, сообщения, что все «вокруг делают так», «надо сделать, как все», подложного королевского приказа. Но прибегали и к угрозам, даже к насилию. Угрожали поджечь дома тех, кто откажется примкнуть, иных просто тащили за ворот. «Ты из третьего сословия? — спросили работавшего на поле крестьянина (Северное Вьеннуа, Дофине). — Платишь налоги королю? Иди с нами». Отказываясь, тот даже лег на землю, но был, однако, поднят и увлечен в поход²⁵.

Не приходится говорить о централизованном руководстве крестьянской вооруженной борьбой. Война распадалась на серию местных боев. Восстания в Нормандии, Эно, Франш-Конте возникли вполне независимо одно от другого. Связь между восстаниями на востоке была, но не организационная, а воздействием силы примера*. Крестьянские марши в пределах отдельного восстания также не имели общего плана и руководства. Как правило, это были либо экспедиции деревень одной сеньории против замка сеньора**, либо более дальние походы отрядов из

* Восстание во Франш-Конте способствовало взрыву в Эльзасе и Маконне, решающим толчком к восстанию в Виваре явились известия о поджогах замков в Дофине.

** Нередко даже деревни одной сеньории действовали автономно. В монастыре Сильв-Бенит (Дофине) в течение 3 дней являлись крестьянские отряды; каждый вырезал из земельной описи только страницы, относящиеся к его деревням. В конце концов от описи остался один переплет.

крестьян многих деревень против нескольких замков или монастырей, иногда — в близлежащий город за феодальными документами, для разгрома соляных амбаров и т.п. Обычно поход против местного замка объединял 150—200, нередко 300—400 человек. В наиболее важных экспедициях или вокруг самых известных замков и аббатств собиралось и несколько тысяч человек: у замков Вожуа и Отвиль (Нормандский бокаж) — около 2 тыс., у замка Сенозан (Маконне) и в г.Геввиллер (Эльзас) — до 4 тыс.; в Виллафан и Шатран (Франш-Конте) спустились из окрестных горных деревень за архивами сеньорий 6 тыс. крестьян. Ни в одном из крупных восстаний не появилось общепризнанного руководителя, не было и той иерархии «капитанов», которая возникла, например, в Жакерии 1358 г. Конечно, в каждом выступлении выделялись из общей массы «подстрекатели», «зачинщики», вожаки. Но, совершив поход, они растворялись в толпе (если не попадали в тюрьму).

Тем не менее вполне права А.Д.Люблинская, противопоставляя восстания XVI—XVII вв., как локальные, крестьянскому движению революционного времени, как общенациональному²⁶. Необходимо отметить, во-первых, синхронность летних восстаний (всюду, кроме Виваре, движение обрело наибольшую силу между 25 и 30 июля)^{***}, во-вторых, концентрацию крестьянских усилий вокруг главных общих целей, прежде всего уничтожения сеньориального порядка и основанных на нем земельных захватов.

Важно также учитывать, что интенсивность воздействия летних восстаний на общественное мнение, сила давления, оказанного на государственную власть, определялись не только размахом самих восстаний. Одновременно произошло громадное оживление всех бесчисленных форм пассивного и активного крестьянского сопротивления: отказы платить десятину, феодальные повинности, налоги; массовая контрабанда; разрушение изгородей; коллективные потравы на узурпированных у общин землях; нашествия в леса, массовая охота, порубки, потравы на лесных посадках и т.д. и т.п. Это сочетание коллективных вооруженных выступлений, всегда ограниченных сравнительно небольшой территорией, и бесконечного числа более или менее мирных актов борьбы, мелких сельских правонарушений, местных, но подчас ожесточенных социальных конфликтов останется характернейшей чертой деревенской жизни вплоть до 1793 г., когда большое сельское восстание сойдет с повестки дня вместе с сеньорией, которую оно уничтожит.

Наконец (ниже мы к этому вернемся), заслуживают внимания некоторые черты тех элементов массового политического сознания крестьян, которые прослеживаются в движении.

2. ЦЕЛИ и ТРЕБОВАНИЯ КРЕСТЬЯН. АНТИФЕОДАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ

Франция не знала восстаний такого масштаба со времени больших мятежей начала века: лишь «мучная война» 1775 г. выдерживает сравнение с крестьянскими походами последних дней июля 1789 г. Но дело не только в масштабе коллективного вооруженного действия; изменился его социальный характер. На смену борьбе за хлеб, которая доминировала еще в период весенних волнений, пришла война против сеньориального строя. Конечно, продовольственные бедствия сыграли роль в обострении социальной напряженности в районах «первой жакерии». Однако вспыхнувшие движения отнюдь не были только восстаниями бедноты. Повсюду в этих районах цепко держалась власть сеньории, и «феодальная реакция» давно внесла озлобление в крестьянскую среду. Так было во Франш-Конте и на всем Северо-Востоке; в бальяже Амон, исходном районе летнего восстания, больше сотни деревень подчинялись мэнам²⁷. В соседнем Эльзасе лишь в конце XVII — начале XVIII в. было подавлено военной силой крестьянское движение против сеньориальных барщин²⁸. В Маконне «тяготы, возложенные привилегированными, — пишет местный исследователь, — были еще более невыносимыми для мелких держателей и батраков в винодельческой местности», чем бремя тальи и налогов с напитков (aides)²⁹. В Дофине «феодальная реакция» казалась тем более нетерпимой, что формально провинция была «*rays d'alleux*». Области Эно и Камбрези, восставшие еще весной, а затем в июле, в значительно большей мере страдали от притязаний сеньории, чем соседняя Фландрия³⁰, так же как Нижний Мэн в сравнении с Верхним Мэном³¹. Наконец, повсюду в районах летних восстаний наступление сеньоров на общинные земли и сервитута резко обострило недовольство в деревне.

Разумеется, каждое восстание имело свои черты, продиктованные особенностями разных районов страны. И все же бросается в глаза скорее общность главных целей и форм крестьянского действия. Феодальные повинности были важнейшим объектом нападения. Отсюда первая задача крестьянских походов — поиски и уничтожение феодальных описей — «титулов» или «терье». «Символ сеньориального порядка и инструмент феодальной эксплуатации — терье, — пишет А.Собуль, — кристаллизует ненависть крестьян»³². Обоснованность этого вывода подтверждается как ходом летних восстаний, так и сохранившимися свидетельствами самих «жаков». Целью похода на замки Вожуа и Кулонш (Нормандский бокаж) было сожжение «великой

описи Кулонша, который весит больше ста фунтов». «Мы ее подписывали, — говорили «бунтовщики», разыскивая земельную опись в замке Ла-Мотт-Фуке, — она должна быть похожа на требник»³³. «Наша территория наводнена терье, — утверждала коммуна Данжу (Дофине), — большинство которых составлены несправедливо, плохо и может быть тиранически»³⁴. В походах за сеньориальными земельными описями видна вполне определенная целенаправленность действий восставших — крестьян XVIII в., четко сознававших важность правового документа на владение собственностью.

«Жаки» разыскивали «терье» упорно и методично; не найдя в одном месте, отправлялись в другое. За ними снаряжались походы в города (Бургуэн, Понтарлье, Гебвиллер), их захватывали в нотариальных конторах. Чтобы дело было вернее, крестьяне брали с собой нотариуса: важно было не просто сжечь найденные в замке бумаги, надо было найти именно те, где записаны повинности. В замке Кюрье (Дофине) отряду «жаков» отдали связку бумаг с пометкой: «Бесполезные и считающиеся таковыми». Для верности восставшие сожгли их, но на другой день пришли опять, на этот раз с нотариусом³⁵. Нотариус был полезен и в другом отношении — он помогал составить в должной форме отречение сеньора от феодальных повинностей. Получение такой вырванной с помощью угрозы бумаги наряду с захватом и уничтожением сеньориальных документов являлось частой целью восставших крестьян. Ф.-Ж.Эсс высказал предположение, что локализация этих форм крестьянского действия была связана с «кутумной географией» Франции: захват и уничтожение «терье» преобладали в Франш-Конте, Маконне, Дофине и Виваре — провинциях, где действовало правило «нет сеньора без законного титула» и уничтожение титула было как бы равнозначно отмене феодальных прав; принуждение же к формальному отказу от повинностей характерно скорее для районов с кутумным правилом «нет земли без сеньора» (Эно, Камбрези, Прованс)³⁶. История летних восстаний 1789 г. отчасти подтверждает это предположение. В последующие годы такое различие между восстаниями по местностям, не безусловное и для 1789 г. (в Нижней Нормандии и Мэне, в Эльзасе практиковались и захват документов, и требование отказа от повинностей), отчетливо не прослеживается, а сам арсенал применявшихся крестьянами средств борьбы обогащается новыми элементами.

Таким образом, «война против замков» летом 1789 г. была в конечном счете борьбой за освобождение крестьянского держания, его превращение в свободную крестьянскую собственность. Революционное действие вторглось в мучительно тянувшийся эволюционный процесс — и только оно смогло в конечном счете его довершить. Вокруг этой цели независимо друг от друга сконцентрировали свои усилия участники восстаний на Севере, Востоке, Западе. В этом характернейшая черта и сила летних восстаний.

В собственно земельном вопросе на первом плане по-прежнему была обострившаяся перед революцией проблема возвращения узурпированных у сельских коммун земель, восстановления коллективных прав пользования. Естественно, борьба за ее решение в конкретных проявлениях особенно зависела от локальных черт того или иного сельского микромира. В одном месте крестьяне вырубали проведенные на общинных пустошах, вдоль дорог и улиц древесные посадки (борьба против «droit de plantis» в Эно), в другом — скашивали посеянные на захваченных участках хлеба и травы (у замка Ла-Мотт-Фуке в Нормандском бокаже), ломали изгороди, засыпали канавы-межи, вылавливали рыбу в прудах (в приходах Линьу, Бриуз, Нормандский бокаж), в третьем — захватывали речные острова (на Роне, в Виваре), устраивали массовые потравы на огороженных участках. Повсюду сельские жители устремились в леса; во Франш-Конте были разгромлены лесопильни и кузнечные мастерские, разрешенные сеньорами к большому ущербу для лесов.

Роль «феодальной реакции» в созревании возмущения предстает в ходе летних восстаний со всей очевидностью, особенно ярко в наиболее ожесточенных акциях «жаков». Единственный известный нам случай жестокой физической расправы с сеньором — маркизом де Фальконе в Ла-Мотт-Фуке (Нормандский бокаж)³⁷ — становится яснее, если учесть, что сеньор захватил общинную дорогу, запретил крестьянам выпас в лесной поросли, что с 1780 г. коммуна вела против него судебный процесс. Следствием «феодальной реакции» была и одна из частых акций восставших крестьян — требование возместить расходы проигранных коммунами процессов, взысканные сеньорами штрафы.

Разумеется, увлеченные общим порывом народного мятежа, крестьяне не ограничивались поисками феодальных документов. Вновь и вновь использовались в ходе восстаний традиционные методы, присущие стихии крестьянского бунта. Не всегда, но часто замки подвергались разгрому; бунтовщики ломали мебель, убранство, били стекла, посуду, захватывали и потребляли на месте продовольствие, выпивали вино. Крестьянские дома заполнялись доставленными из замков вещами. Не сказывалось ли в этих грабежах смутное понимание восставшими того, что, захватывая имущество дворян и их агентуры, они лишь возвращают награбленное? В июле 1789 г. одна из участниц «сборища», шедшего к замку Бресс (Виваре), восклицала: «Если они (т.е. дворяне. — А.А.) имеют красивую одежду и едят лакомые куски, кто за них платит, как не бедный крестьянин?»³⁸ Наконец, крестьяне предавали истребляющему огню не только сеньориальные до-

кументы, но и их вместилища — замки сеньоров, хотя не всюду и далеко не всегда.

Примечательно вместе с тем, что случаи физической расправы с сеньорами (и их служащими) были исключительно редки. Идея (и особенно практика) истребления дворян как средства решения социальных проблем, имевшая распространение во время Жакерии 1358 г. и восстаний XVII в., исчезла в 1789 г. Конечно, не было недостатка в угрозах; в одном месте «жаки» грозили повесить сеньора и даже заявили, что несут для этого 25 футов веревки, в другом — прицеливались в хозяина замка из ружья, в третьем — на него замахнулись дубиной. Тем более обычны были словесные поношения дворян и духовных лиц, тут крестьяне не скупались на слова. Агенты сеньории — управители, откупщики повинностей, февдисты, генеральные фермеры — преследовались особенно ожесточенно. Но и здесь дело ограничивалось обычно разгромом их домов, реже восставшие пускали в ход палки и кулаки. В целом крестьяне вполне осознанно занимались искоренением не лиц, а вещественных воплощений сеньориального строя («терье», замков, изгородей вокруг захваченных общинных земель и т.п.), по существу же — самого этого строя как такового*.

* * *

Исследователи аграрной истории Франции конца XVIII в. согласны в том, что как ни глубоко проникла к этому времени социальная рознь в недра сельской общины, последняя все еще была способна выступить против сеньора, «аристократа» единодушно. Это объединение социально разнородных элементов крестьянства представляется нам одной из важнейших черт «первой жакерии» периода революции, как и последующих «жакерии» 1789—1792 гг. Беднота, «батраки», поденщики активно участвовали в походах; сельский наемный работник был «капитаном» отряда, поджигавшего замки на севере Вьеннуа (Дофине)³⁹. В Маконне «эти батраки (mapoeuvres) первыми пойдут против замков, подстрекая в кабаках рабочих, каменотесов или ткачей, таких же беспокойных, как они сами»⁴³. Работники деревенской промышленности, сельского железодельного (Нормандия), текстильного (Нормандия, Мэн) производства, кузнецы, плотники, портные, ткачи и т.д. нередко встречаются не только среди «бунтовщиков», но и «зачинщиков». В числе «жаков», осужденных к галерам и виселице в Маконне, были пильщик, плотник, корзиночник, веревочник, 2 каменщика, слесарь. Одним из «капитанов» «сборища» у замка Ла-Мотт-Фуке (Нормандский бокаж) выступил Франсуа Радиг, портной; веревочник Луи Гойе был повешен по этому же делу.

Вместе с тем в движении участвовали средние и зажиточные слои деревни. Нередко зажиточные и даже богатые крестьяне выступали (явно или подспудно) как «подстрекатели». Об этом говорит замеченная многими исследователями роль деревенского муниципального персонала. «Синдики, сборщики и депутаты бальяжных собраний, — резюмировал Ж.Лефевр, — находятся часто в первых рядах, и не всегда из страха, далеко нет»⁴¹. Очевидно, немало местных возмущений обязано своим возникновением инициативе приходских богатеев и синдигов. Поход против замков Линью и Бриуз (Нормандский бокаж) явно был подготовлен Луи Жибо, одним из богатых хозяев прихода. «Шагайте ребята, — говорил он, угощая крестьян вином, — сделайте дело как следует и старайтесь ничего не упустить, сжечь все»⁴². Интересны и показания владельца сеньории в районе Байё. 3 августа он узнал, что Гильмет, «богатый вассал», подговаривает дровосеков, саботье и угольщиков пойти сжечь титулы и замок владельца сеньории⁴³. Гильмет роздал этим людям 200 фунтов хлеба, 100 фунтов сала, выкатил бочку сидра. На другой день он сам явился во главе 80 вооруженных людей и потребовал с пистолетом в руках, чтобы сеньор отдал свои бумаги, возместил взысканные ренты и еще оплатил рабочий день пришедших к замку угольщиков и саботье.**

В общем эта позиция верхов крестьянства понятна; успешный бунт против сеньора сулил им немалые выгоды. Правда, вовлекая бедноту, он таил и опасность — кто мог дать гарантию, где остановится ярость неимущих? Эту опасность крепкособственнические слои крестьян ощутили уже летом 1789 г. Выше отмечалось, что в конце июля, в момент крестьянских и городских восстаний, Францию пронизали волны паники, «великого страха». Сами по себе такого рода коллективные паники, «страхи» были нередким явлением в средневековой французской деревне; революция конца XVIII в. ознаменовалась их последним столь массовым проявлением⁴⁴. Однако «великий страх» 1789 г. — не только восходившая к прошлому социально-психологическая реакция сельского люда. В нем нашли отражение вполне реальные особенности социальной и политической обстановки в условиях начинавшейся революции (см. ниже, с.120). Явственно проявились в нем и черты двойственной социальной и психологической природы крестьянина.

* Известные 3 случая убийства — дворянина д'Арбалестье в Пузене (Виваре), негодянта Кюро и сеньора Монтессона в Баллоне (Мэн) — были связаны со взрывом народных страстей в момент «великого страха» (см. выше, с.107, 109).

** Подстрекая бедноту, сельские нотабли пытались иногда остаться в стороне. Тот же Луи Жибо хотел уклониться от участия в походе, заявив, что сочень занят и что все пройдет так же хорошо и без него».

Конкретные инциденты, вызвавшие панику, могли быть очень различны, вплоть до замеченного на горизонте стада коров или встреченных в лесу нескольких нищих, — это не меняло социального смысла крестьянской реакции. Но некоторые такие исходные импульсы характерны и сами по себе. Немало локальных паник было вызвано акциями голодной бедноты или слухами о них. Волна «страха», прошедшая 27 июля в Пикардии, становится яснее, если учесть, что 18 июля «деревенские жители» разгромили налоговые заставы в Перонне, 20 и 22 июля толпа бедняков требовала дешевого хлеба на рынке в Руа. «Наши деревни, — доносила жандармерия 27 июля, — в крайнем возбуждении, необходима присылка войск; чтобы защитить жатву, находящуюся в величайшей опасности»⁴⁵. В области Ко (Нормандия) местная волна «страха» была связана с возмущением текстильных рабочих и поденщиков в Люнере и окрестных приходах, которые отправлялись таксировать хлеб по домам богатых хозяев⁴⁶. В Тане (Ниверне) панику вызвало известие о том, что 900 рабочих со стройки Шатильонского канала предаются грабежу, заявляя, что они голодны, в районе Кламси поводом к ней стал конфликт между фермерами и рабочими, в Марсийи-ле-Айе (Южная Шампань) — слух о приближении отряда в 250 подмастерьев, замысливших забрать деньги у некоторых жителей⁴⁷.

Одной из частых причин паники, особенно в таких районах, как Пикардия, Иль-Де-Франс, Бри, был слух о разорении посевов злоумышленниками. Очевидно, что в этом факте отражался страх хозяина, имевшего поле, перед неимущим, его лишенным. Муниципалитет и «главные жители» 5 приходов Пикардии ясно выразили это в заявлении Провинциальному собранию: «Дороговизна и редкость хлеба порождают в их местности постоянные бунты, они не находятся в безопасности у себя дома, чернь их приходов угрожает разграбить и разорить их зерно во время близкой жатвы...»⁴⁸. Именно эта консервативно-собственническая линия крестьянского «страха» найдет продолжение в 1848 г. — в деревнях будут бояться «разделителей», «парижских бунтовщиков»⁴⁹.

Однако в 1789 г. преобладало другое. Взяв оружие против «разбойников», крестьянин поворачивал его против привилегированных (восстание в Дофине — наиболее яркий, но не единственный пример), социальный страх уступал место социальной ненависти, революционный рассудок брал верх над консервативным предрассудком, опасение за свою собственность не мешало атаковать собственность феодальную. В глазах даже зажиточного крестьянина феодальные повинности были скорее противозаконным посягательством на его владельческие права, чем нормальным видом собственности. Юридическая эволюция цензивы и «феодальная реакция» укрепили этот взгляд, собственнический инстинкт крестьянина становился революционной силой, поскольку речь шла о борьбе против сеньора.

3. КРЕСТЬЯНСКАЯ «ВОЙНА ПРОТИВ ЗАМКОВ», БУРЖУАЗИЯ И ТРУДОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ

Среди ряда обстоятельств, в силу которых начиная с 1789 г. борьба крестьян приобретала общенациональный характер, а их требования получали, хотя бы в известной мере, законодательное оформление в масштабе страны, одно играло решающую роль — крестьянское движение развивалось как органическая часть гигантского общенационального движения — буржуазно-демократической революции.

Впервые в таких масштабах совпали массовые выступления крестьян и «мелкого люда» городов — совпали по времени, отчасти и по цели, если учесть «антиаристократическую» заостренность городских восстаний. Размах городских народных движений в июле известен и был нами отмечен выше.

Но дело не только в этом. Обобщая исторический опыт буржуазных революций, В.И. Ленин подчеркивал, что «организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»⁵⁰. В годы Французской революции эту роль могла выполнить лишь буржуазия, и мы отмечали формирование крестьянско-буржуазного блока в период революционной ситуации. Значит ли это, что революционные буржуа 1789 г. готовили и возглавляли крестьянские восстания? Именно в этом обвиняла их и даже Национальное собрание аристократическая партия.

Возможно, революционная проповедь некоторых патриотов из интеллигентов-демократов подливала масло в огонь. Во время восстания в Виваре обвиняли некоего д'Эйзака, клерк нимского прокурора, в ведении опасных речей, «клонящихся к тому, чтобы возбудить ярость народа против духовных лиц и сеньоров»⁵¹. Ж.Лефевр привел несколько других случаев⁵², число их можно увеличить. Отдельные буржуа встречаются и среди подстрекателей. Напомним поход на замок Кулонш, когда богатый торговец железом Шарль Мартэн с утра помогал зачинщикам поднимать крестьян, а потом шел во главе толпы. Его сын, Мартэн Дюплесси, адвокат в Ферте-Масе, был главным руководителем «бунта»; в будущем он станет одним из самых энергичных якобинцев дистрикта Лассе, приняв имя Марат-Мартэн.

Однако в основной массе французские буржуа-патриоты 1789г. не только не возглавляли сельские мятежи, но и боялись и нередко подавляли их. Дело в другом — самим фактом собственного выступления от имени третьего сословия против политического господства и социальной исключительности привилегированных сословий буржуазия давала крестьянству некоторую сумму объединяющих лозунгов и представлений. В ходе «великого страха» и аграрных восстаний отчетливо обнаружилось, что наряду с традиционными представлениями (в частности, упованиями на отеческую заботу монарха) в крестьянском сознании утверждались важные новые идеи, внесенные политической практикой буржуазии, прежде всего представление о третьем сословии и о Национальном собрании, как мощных заступниках справедливости и интересов крестьян, принадлежащих также к победоносному третьему сословию. Эти новые идеи становились в деревне мобилизующим фактором первостепенного значения.

Конечно, «феодалная реакция» и натиск фиска задолго до революции усиливали недовольство крестьянства. Ж.Лефевр был прав, говоря, что выступления крестьян имели собственные и вполне достаточные резоны. Но насколько увеличились возможности массированного, более или менее единовременного выступления, когда крестьяне ощутили себя неотъемлемой частью сильного и победоносного третьего сословия⁵³. На самой вершине государственной пирамиды они обрели точку опоры в лице Национального собрания, которое борется против аристократии и ее привилегий. Больше того, сам король выступает теперь вместе с третьим сословием! Традиционные роялистские, «царистские», иллюзии обретали новый смысл. Еще со времени составления наказов росло убеждение, что король решил прийти на помощь крестьянам⁵⁴; оно тем более укрепилось теперь, когда король присоединился к Национальному собранию и одобрил парижскую революцию. «Э, господин, — заявили сеньору в Ла-Мотт-Фуке (Нормандия), — вы теперь не больший сеньор, чем король, который объявил, что он из третьего сословия»⁵⁵.

В этих условиях по-иному представлялось и восстание против местного аристократа, сеньора — не является ли оно теперь не только возможным, но и разрешенным, даже прямо предписанным королем, который заодно с Национальным собранием? Нет ни одного крупного восстания летом 1789 г., в котором не сыграли бы своей роли упорнейшие слухи, разговоры о «приказах короля», реже — Национального собрания⁵⁶. «Приказами короля» пользовались (и их распространяли) «зачинщики» и «подстрекатели».

Это своеобразное «идеологическое» оформление летних мятежей позволяет нам сделать вывод о наличии элементарного политического сознания у крестьянской массы. Оно накладывало отпечаток на формы и характер крестьянских восстаний, начиная с лета 1789 г., и резко отличало их от бунтов и волнений дореволюционных лет⁵⁷. Вполне определенные политические тенденции можно проследить уже в ходе летней «жакерии» 1789 г. Не было (и не будет) крестьянской политической программы в смысле самостоятельных представлений относительно общеполитического преобразования страны. Но было некоторое представление об общей политической ситуации момента, которое сводилось к тому, что Франция разделилась на два противостоящих друг другу лагеря — третье сословие, совершившее революцию, и аристократов, которые этой революции противятся. Это отразилось в некоторых особенностях «великого страха» в деревне. Весть о приближении банд разбойников сыграла, как известно, важнейшую роль в возникновении знаменитых июльских паник. Но ужас перед разбойниками тесно сплетался со страхом перед «заговором аристократов»; дворяне и разбойники объединились в крестьянском сознании в единое целое. Очевидно, здесь играла роль старая устная традиция, восходившая к насилиям «бригандов» времен Жакерии 1358 г., к разбоям обнищавших дворян в XVI—XVII вв. Но вначале революции она также наполнялась новым содержанием. Важно отметить один слух, упорно державшийся в разных провинциях — приближаются, вот-вот подойдут иностранные войска, которые разоряют страну. Говорили о немецких и австрийских войсках, об англичанах, испанцах, сардинцах и даже поляках и шведах.

Главное же — это вторжение считали результатом заговора аристократов, махинаций эмигрантов. Нередко во главе его «ставили» принцев — принца Конде, чаще графа д'Артуа. Рассказ о событиях в дневнике грамотного крестьянина из окрестностей Каора хорошо передает это народное убеждение: «...монсеньор граф д'Артуа идет в сопровождении 40 тыс. разбойников, которых он собрал из Швеции и других северных стран, и они освободили еще для пополнения этого войска каторжников с галер и всех преступников... и с этой опасной армией он хочет разорить Францию и обуздать третье сословие за то, что оно желает заставить дворян и духовенство платить королевские денье», и этому отряду «помогают французские дворяне и духовенство»⁵⁸.

Разумеется, тревожные известия, становившиеся в июле 1789 г. мотивом насильственных действий крестьян, оказывались в каждом конкретном случае ложными. Можно ли, однако, на этом основании делать вывод, что «великий страх» был лишь проявлением иррационального в своей основе народного сознания эпохи, простым возрождением извечных сельских паник?⁵⁹ Не отразилась ли в этих народных действиях, напротив, верность общественного инстинкта

разбуженной революцией крестьянской массы, сумевшей в тот самый момент, когда бегством графа д'Артуа началась эмиграция, почувствовать таившиеся в ней опасности и как бы предугадать дальнейший ход событий? Тревога перед возможностью нашествия эмигрантов и иностранных войск прочно останется в народных, в том числе крестьянских, умах. Она наложит яркую печать на новую волну восстаний весной 1792 г., когда заговор и вторжение станут реальным фактом, но еще летом 1789 г. убеждение в существовании «аристократического заговора» толкало крестьян к ответному действию, вызывало, говоря словами Ж.Лефевра, «оборонительную и карательную реакцию». Замечательна одна черта крестьянской психологии этих дней. Когда приходила весть о приближении разбойников, иностранцев и т.п., охваченные паникой люди, естественно, разбегались, прятались. Но рождался и другой импульс — мужчины вооружались, спешили выступить против врага, прийти на помощь соседнему местечку, городу*.

Поэтому многие крестьянские выступления летом 1789 г., связанные непосредственно с «великим страхом», были и своеобразными актами политической борьбы, защиты революции от дворян-заговорщиков. Интересны в этом смысле действия, например, пикардийских крестьян — во время «великого страха» в Мондидье жители деревень Брош и Аржикур привели с собой сеньоров и заставили их объявить перед собравшимся народом, что они — за третье сословие. «По этому примеру, — говорится в одном из документов того времени, — народ потребовал такой же декларации от всех сеньоров кантона, и они являются теперь ежедневно, чтобы заявить о своем символе веры»⁶⁰.

В целом пробуждавшиеся общественно-политические представления крестьян совпадали с буржуазным лозунгом момента — все третье сословие против аристократии. Крестьяне сознавали себя частью третьего сословия, борющегося с привилегированными, это объединяло, придавало силы, служило одним из мотивов, побуждавших к массовому действию. Новые представления не рождались стихийно в крестьянской среде, они шли от буржуа-патриотов, особенно со времени выборов в Генеральные штаты. В этом именно и проявилась прежде всего централизующая роль революционной буржуазии 1789 г.

* * *

Все сказанное не означает, что затронутые восстаниями крестьян интересы ограничились рамками общей противоположности третьего сословия и аристократии. Конфликты были глубже, а возникавшая в ходе восстаний расстановка сил далеко не такой однозначной. Эту сторону дела подчеркивал еще Ж. Жорес; результаты последующих исследований подтверждают его выводы. Выше мы отмечали элементы «социального страха» в среде собственнического крестьянства. «Социальный страх» крупной буржуазии 1789 г. был гораздо глубже и в наиболее острый момент кризиса мог перевесить ее враждебность силам старого порядка. Поэтому вооруженная борьба буржуазии летом 1789 г. была направлена против сил «анархии» не меньше, если не больше, чем против аристократии.

Поучительна история репрессий против «первой жакерии». В общем они были суровы, подчас жестоки. Аграрные восстания крестьян, увлекаемых классовой ненавистью, стихийным порывом, не привели к человеческим жертвам. Зато под пулями и на виселицах погибло, очевидно, свыше сотни бунтовщиков. Старый аппарат принуждения и подавления был сильно расшатан, но в борьбе с революционным крестьянством его активно поддержали, отчасти прямо подменили созданные буржуазией комитеты и милиция. В Эно, Эльзасе, Франш-Конте действовали главным образом войска. В Нормандском бокаже, особенно же в Маконне и Дофине, руководство усмирением взяла в свои руки буржуазия. В Маконне она действовала с подлинной жестокостью. 27 июля милиция из Турню напала на «разбойников» возле Люньи и Сен-Женгу-де-Сиссе, захватила пленных; 28 июля результатом операции Ключийской милиции было 5 убитых и 150 арестованных; 30 июля выступила милиция Макона; возле Юриньи после стычки с восставшими в плен было взято 50, убито 20 человек. Довершили подавление войска. Затем началась судебная расправа. В Турню с 1 августа заседал чрезвычайный трибунал во главе с бальи. К повешению были приговорены 12 человек, к клейму и галерам — 4, к тюремному заключению — 6. С 7 августа начал работу импровизированный городской постоянный комитет. В Ключи такой комитет заседал 31 июля и вынес 7 смертных приговоров, 3 крестьянина были повешены у городских ворот. По приговору комитета Макона повесили 31 июля на городской площади 4 человека. Всего комитеты Макона, Турню и Ключи вынесли 32 смертных приговора. В Дофине выступали совместно войска и буржуазная милиция. На севере Вьеннуа репрессии исходили из Лиона. 29 июля драгуны из лионского гарнизона напали на бунтовщиков в Мезьё, пленили 20, убили и смертельно ранили 5 человек. В ночь на 30 июля

* Оливье, служивший у княгини Голицыной, был поражен этим, проезжая пантёй (по дороге от Суассона на Париж) в местечке ждали вооруженную До зубов банду разбойников в 2 тыс. человек, бил набат, плакали перепуганные женщины, 360 крестьян вооружились вилами, косами, вертелами, палками и приготовились выступить навстречу врагу (Отдел рукописей Госуд библ им. Бенина, ф.64. Вяземы, картон 105, ед.хр.84 Письмо Оливье Голицыной от с августа 1789 г.).

выступили тремя колоннами волонтеры лионской милиции. Один из отрядов завязал схватку с крестьянами. «Земля, — говорилось в реляции, — была усеяна трупами тех, кто предназначен ее обрабатывать...»⁶¹ На юге усмирением занимался Гренобль. В начале августа промежуточная комиссия штатов Дофине послала отряды солдат, артиллерию, буржуазную милицию, и до 20 августа они патрулировали районы возмущения. В одном Вьенне к концу августа скопилось 30 заключенных (были они также в Лионе, Балансе, Гренобле). Судебное разбирательство вела превотальная юстиция; 7—8 августа были повешены 2 человека в Балансе, 4 во Вьенне. Двоих после повешения обезглавили: головы возили по деревням — для устрашения.

* * *

Как отнеслись городские «низы» к карательному рвению вооруженных буржуа? Не по всем районам мы располагаем необходимой информацией, но некоторые известные факты красноречивы. «Наша тюрьма ненадежна, — заявляли власти Турню (Маконне) в разгар репрессий, — многие люди из народа считают, что поджигатели не заслуживают наказания». Жестокости городского Комитета вызвали ропот в Маконе: «Разве не является желанием Генеральных штатов уничтожение десятины? Почему вы обращаетесь как с разбойниками с теми, кто отказался ее платить?»⁶² Тогда же получил широкую известность прием, оказанный лионскими плебеями, вернувшимся после подавления крестьян волонтерам. Жители трудового предместья Гийотьер встретили «мюскаденов-победителей» градом камней с крыш и верхних этажей и попытались освободить пленных «разбойников»⁶³. Городские низы Дофине заняли не менее энергичную позицию. Первая военная экспедиция против крестьян 30 июля была вообще сорвана. В Гренобле началось возмущение; его участники «грозили убить храбрых и порядочных граждан, которые пожелали бы присоединиться к вооруженным отрядам, которые предполагалось послать» (из донесения городских властей); пришлось отозвать уже посланных солдат и волонтеров. Во Вьенне «множество людей из народа» собрались вокруг тюрьмы, требовали освободить арестованных крестьян, угрожали городскому постоянному комитету. Комитет уступил. Лишь позднее, справившись сначала с волнениями в городах (особенно в Гренобле), власти смогли заняться этим в деревне и отпущенных было крестьян вновь арестовали.

Таким образом, уже летом 1789 г. единый революционный порыв третьего сословия против старого порядка оказался одновременно и началом вооруженных выступлений одной части третьего сословия против другой, которой были в тот момент не только (может быть, и не столько) городские низы, но в первую очередь крестьяне. Именно с этого времени вооруженные походы буржуазной милиции в бунтующие деревни станут таким же повседневным явлением, как и сами крестьянские возмущения. Летом 1789 г. (как перед этим весной) в борьбе против «эксцессов черни» спорадически обнаруживалось здесь и там сближение буржуазии и привилегированных⁶⁴.

Значит ли это, что уже летом 1789 г. сместился водораздел классовой борьбы в стране и произошел разрыв антидворянского блока третьего сословия? Нет, время для этого тогда еще не пришло. В самих районах восстаний буржуазное общественное мнение (вернее, его часть) заметно эволюционировало, оправившись от вызванного крестьянскими насилиями шока. Лион и Дофине дают пример такой эволюции. Когда восстание прекратилось и начала свирепствовать превотальная юстиция, нотабли Бургуэна подняли голос протеста: «Большое число жителей, драгоценных, так как это люди порядочные и полезные, скорбят об эксцессах, в которых они участвовали... Порядочные и добродетельные граждане, которые имели несчастье впасть в заблуждение, достойны скорее жалости, чем осуждения»⁶⁵. В это же время встал на защиту крестьян умеренно-патриотический «Лионский курьер», начавший выходить с 1 сентября: «Необходимы, без сомнения, примеры суровости... Однако движения были столь стремительны, тревоги настолько возбудили и даже помutilи умы; известно к тому же, что первый толчок дали зачинщики, которые, несомненно, не принадлежат к третьему сословию. Следует поэтому опасаться, как бы... не впадала в ошибки карающая рука правосудия. И если привилегированные искренне отказываются от своих привилегий, они должны сами просить, чтобы были забыты заблуждения, жертвой которых они стали»⁶⁶.

Для не успевшей еще четко дифференцироваться в 1789—1790 гг. «партии патриотов» была в общем характерна такая позиция: насилия крестьян предосудительны и заслуживают кары, но им можно найти оправдание в суровости феодального режима; вероятно даже, они совершены из-за тайных подстрекательств самих дворян, желающих погубить революцию в хаосе анархии.

4. КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ И УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ. НАЧАЛО АГРАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

События знаменитой ночи 4 августа 1789 г. и последующих дней хорошо изучены⁶⁷. Мы ограничимся кратким итогом и указанием на некоторые аспекты, недостаточно подчеркнутые историками. «Национальное собрание, — пишет А.Собуль, — следило за событиями в бессилии и растерянности... Узаконит ли оно новое положение дел в деревне? Или откажется от всякой уступки, рискуя создать непреодолимую пропасть между буржуазией и крестьянством?»⁶⁸ Как

известно, Собрание избрало средний путь — оно прибегло к репрессиям, но и пошло на уступки. Тем самым оно показало пример — вплоть до 1792 г. сочетание этих элементов останется основной чертой политики революционных собраний в деревне.

Первое побуждение Собрания было карательным и в этом смысле целиком совпадало с реакцией провинциальных буржуа, напуганных восстаниями. С начала 20-х чисел июля в Собрание шел поток писем от дворян и буржуа, от частных лиц и учреждений, взывавших в один голос о помощи. В материалах созданного 28 июля Комитета докладов (Comite des rapports) эти документы представлены в изобилии. Наконец, 3 августа от имени Комитета докладов выступил Сальмон, депутат третьего сословия Орлеанского баляжа. Сальмон бил тревогу — повсюду собственность является добычей «ужаснейшего разбойничества», «замки сожжены, монастыри разрушены, фермы преданы грабежу. Налоги, сеньориальные платежи, все уничтожено...»⁶⁹ На следующий день вечером Тарже предложил Собранию доработанный проект постановления, в котором крестьянские беспорядки сурово осуждались, предписывалась неукоснительная уплата налогов «и всех существующих платежей и повинностей». В этот решающий момент обсуждение проекта было прервано речами Ноайля, д'Эгильона, Ле Ген де Керангаля, которые поставили вопрос о необходимости сделать уступки крестьянам. После этого начался знаменитый поток отречений «ночи 4 августа». Нередко, однако, говоря об августовских декретах, забывают, что обсуждение карательных мер было прервано, но не оставлено. 10 августа Собрание вернулось к проекту Комитета докладов и приняло декрет «О восстановлении общественного спокойствия»⁷⁰. Декрет не оставлял сомнений в решимости буржуазии направить против крестьян не только национальную гвардию, но и войска: «... все мятежные сборища, будь то в городе или в деревне, будут немедленно рассеяны национальной милицией, жандармерией и войсками по простому требованию муниципалитетов». Одновременно (11 августа) король подтвердил декларацию 21 мая о передаче превотальным судам всех дел о «народных волнениях, сборищах и эксцессах», а 14 августа издал ордонанс об участии войск в их подавлении.

Однако наиболее дальновидные депутаты буржуазии, а еще раньше некоторые представители либеральной знати сумели понять опасность политики репрессий и предложили дополнить ее политикой уступок. Инициатором выступил либеральный герцог д'Эгильон, один из самых богатых сеньоров королевства, хотя виконт де Ноайль, участник американской войны, и перехватил инициативу непосредственно на заседании 4 августа. В течение ночи с 4 на 5 августа (заседание закрылось около часу пополудни) были одобрены основные пункты уступок: отмена серважа и мэн-морта; возможность выкупа так называемых «реальных» (или «вещных») феодальных повинностей; уничтожение сеньориального суда; отмена исключительного права охоты, содержания голубятен и крольчатников; замена десятины денежным оброком и ее выкуп. 11 августа, после 6-дневного обсуждения, был принят окончательный текст «Декрета относительно уничтожения привилегий». Первые 6 статей (из 19) были посвящены аграрным делам. Все феодальные повинности, связанные с личным и реальным мэнмортом, с личной зависимостью, как и заменяющие их, уничтожались безвозмездно. Все остальные феодальные и цензуальные повинности, шампары всех видов и наименований, вечнаследственные поземельные платежи, денежные и натуральные, какого бы происхождения они ни были, подлежали выкупу (ст.1 и 6). Исключительное право содержания открытых голубятен и кроличьих садков также отменялось; безвозмездно ликвидировалась сеньориальная юрисдикция (ст.4). Наконец, отменялась без выкупа церковная десятина; должны были выкупаться десятины инфеодированные (ст.6).

Большое позитивное значение августовских решений не вызывает сомнений. Это было первое реальное завоевание крестьян. Оно состоит прежде всего в самой постановке аграрной проблемы в порядок дня Французской революции. Еще 3 августа Сальмон упоминал ее среди «частных задач», на решение которых не может отвлекаться Национальное собрание, «занятое неутомимо всем, что касается Конституции и возрождения государства». Решения 4—11 августа сразу же выдвинули аграрный вопрос в число первостепенных. Громадное значение имело и провозглашение отмены «феодального порядка» в качестве одного из принципов революции. «Национальное собрание полностью уничтожает феодальный порядок» — эту первую фразу 1-й статьи августовских решений с полным основанием следует числить среди важнейших актов Французской революции.

Важно также напомнить, что прямые результаты крестьянских восстаний вышли за узкоаграрные рамки. Начав с феодальных повинностей, Учредительное собрание обрушилось в том же ночном заседании 4 августа на сословные привилегии и феодальный партикуляризм. Было введено равенство всех перед законом, отменены дворянские привилегии, «вольности» и всякого рода частные привилегии городов и провинций. Логика обсуждения и принятых в его итоге решений отразила реальную логику исторических связей, значение атакованных крестьянами феодальных отношений поземельной собственности как основы всей социальной и юридической структуры старого порядка.

Вместе с тем декреты 4—11 августа заслужили суровую критику не только историков, но и таких современников, как Марат и Бабеф. Действительно, декреты ничего не давали крестьянству немедленно. Во-первых, они еще подлежали утверждению королем и получили его санкцию лишь 3 ноября 1789 г. Во-вторых, по своему характеру они были скорее декларацией принципов будущего законодательства, чем положительным законом, дававшим немедленные результаты. Каковы ближайшие практические последствия «полной отмены феодального порядка»? Какие именно повинности должны выкупаться? Каков порядок выкупной операции, ее такса? Чем должна быть заменена десятина? Что придет на смену сеньориальной юрисдикции? Все это еще надо было определить, разработав серию законодательных мер. Но когда это будет сделано? Нередко упускают из виду, что последней, 19-й, статьей декретов Собрание вернулось к исходной позиции, оставленной было 4 августа — статья откладывала решение вопроса на неопределенное время, обещая заняться созданием новых законов только после выработки конституции. Вплоть до появления этих новых законов все реальные феодальные повинности, все виды десятин по-прежнему должны были уплачиваться обычным порядком, а сеньориальные суды продолжать свою деятельность. Таким образом, обещания пока повисали в воздухе.

Но главная причина практической иллюзорности для крестьян одобренной 4—11 августа полной «отмены феодального порядка» коренилась в самом принципе, положенном в ее основу, — разделении повинностей на 2 категории, различавшиеся по их юридической природе, и выкупе той их части, которая не вытекала прямо из отношений личной зависимости. Именно в этом принципе был стержень всего законодательного сооружения, которое начали возводить.

Декрет исходил из безоговорочного признания основных феодальных повинностей законной частной собственностью их владельцев. Его главные положения были сформулированы под прямым влиянием тех попыток согласовать отмену феодальных повинностей с утверждением незыблемости частной собственности, которые обосновывались во второй половине XVIII в. Тюрго, Бонсерфом, Дюпон-де-Немуром. Идея компромисса пронизывала эти попытки так же, как и рассмотренные выше аграрные статьи декрета 11 августа.

Наконец, необходимо еще одно замечание. В постановке аграрной проблемы Собрание целиком шло за тем, что наиболее настойчиво и угрожающе навязывало в этот момент крестьянство. Поэтому декреты отразили лишь один (хотя и первостепенно важный) аспект аграрного вопроса, обусловленный существованием сеньориального строя. Другие аспекты (в частности, относящиеся к общинным землям), которые волновали крестьянство, но не вставали с такой остротой в ходе летних движений, остались пока вне поля зрения законодателя.

* * *

В целом бурно поднявшееся летом 1789 г. крестьянское движение было направлено прежде всего против общекрестьянских бедствий. Не лишено элементов политического сознания и действия, оно развернулось как движение преимущественно социальное. В отличие от дореволюционных лет и весенних месяцев 1789 г. не хлебная проблема, а вопрос о феодальных повинностях, т.е. о характере поземельной собственности, а также о сеньориальных земельных захватах выдвинулся на первый план.

Именно в ходе летних выступлений историческая роль крестьян как боевой силы буржуазно-демократической революции выявилась со всей очевидностью. Восстания крестьян летом 1789 г. были подавлены каждое в отдельности. Движение в целом одержало победу — частичную и очень неполную. Оно вынудило буржуазию поставить аграрный вопрос в порядок дня начавшейся революции; оно добилось провозглашения в принципе «полной отмены феодального порядка».

Заостренные против феодальной собственности, феодальных «титулов», владельцев сеньорий и дворянских замков летние восстания лишь по касательной заделали материальные интересы буржуазии, в первую очередь тех ее слоев, которые были причастны к сеньории. Тем не менее крестьянские «эксцессы» вызвали страх и негодование буржуазии и энергичное выступление буржуазных милиций против бунтующих деревень. Эти столкновения, однако, протекали еще в рамках того раскола «всей рации на два больших лагеря»⁷¹, который был характерен для начала революции в целом. Крупная буржуазия едва заполучила и не успела укрепить свою власть. Она видела основного врага в дворянстве, «анархия толпы» еще не выросла в ее глазах до масштабов главной опасности. Карательное рвение городских комитетов, милиций, самого Собрания свидетельствовало в этот момент не о перемене фронта, а об органическом неприятии крупной буржуазией революционного народного действия, «эксцессов» как метода свершения революции. Крестьянское (как и плебейское-) насилие резко противоречило той концепции революции как более или менее упорядоченного политического переворота в рамках незыблемых принципов неприкосновенности личности и собственности, с которой французское либеральное общество вступало в «первый год свободы». **Характерно, что либеральное общественное мнение сами крестьянские мятежи приписало проискам аристократов, их желанию убить революцию разгулом анархии. Заблуждение, в высшей степени характерное для политического мышления буржуазных революционеров 1789—1793 гг. и даже для демократов II г. Республики — объявят ведь якобинцы «бешеных»**

ПОПЫТКА КОМПРОМИССА со СТАРЫМ ПОРЯДКОМ и РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ в ДЕРЕВНЕ

Решающее выступление народных масс летом 1789 г. обеспечило переход власти в руки торжествующей буржуазии. В течение двух лет после принятия августовских декретов и Декларации прав человека и гражданина шла интенсивная законодательная и организационная работа по расчистке Франции от старых институтов и созданию нового политического и социального порядка: завершение политического объединения страны, разрушение абсолютистско-бюрократической и сословной государственной машины, полное переустройство местной администрации и суда, утверждение буржуазных политических свобод и гражданского равенства, устранение преград с пути предпринимательской инициативы, консолидация внутреннего рынка. Все это отвечало назревшим потребностям развития капиталистических отношений и прочно вошло в общественную структуру буржуазной Франции.

И тем не менее преобразовательная деятельность Учредительного собрания ясно отмечена либерально-буржуазной непоследовательностью. В современной французской литературе наиболее глубоко раскрыл общий характер и социальную природу политической линии блока умеренных буржуа и либеральных дворян А.Собуль, охарактеризовав ее как попытку компромисса с аристократией. Эту линию он обнаружил и в решении аграрной проблемы: «Выкуп феодальных повинностей составлял экономическую основу компромисса с аристократией, которого добивалась с 1789 года часть буржуазии... Благодаря выкупу отмена феодализма осуществлялась в форме компромисса, в высшей степени благоприятного для аристократии»¹.

Однако с первых шагов политика компромисса встретила нараставшее сопротивление, которое в конечном счете привело к ее краху. Лишь узкий слой либеральных аристократов был готов отказаться от наследственных дворянских прав и привилегий в обмен на привилегии, которые могло дать в рамках цензовой избирательной системы обладание богатством. Не получив прочной поддержки дворянства, политика компромисса натолкнулась и на решительный отпор слева. Против нее выступила французская демократия, в рядах которой крестьянство играло в этот период особую роль. «За полное освобождение земли, — пишет А.Собуль, — крестьянская революция продолжалась в различных формах вплоть до 1793 года. Это была подлинная гражданская война, которая еще ждет своего историка. Она сделала невозможным всякий компромисс с феодальной аристократией; она двигала вперед буржуазную революцию»². Очерк истории этой войны в 1789—1791 гг. и составляет предмет настоящей главы.

1. ВОПРОС О ФЕОДАЛЬНЫХ ПОВИННОСТЯХ — ВЫКУП или ОТМЕНА? «ВТОРАЯ ЖАКЕРИЯ» и НОВЫЕ АГРАРНЫЕ ЗАКОНЫ

Летние восстания 1789 г. окончательно выдвинули вопрос о феодальных повинностях на передний план социальной борьбы в деревне. Борьба против «феодального комплекса» останется основным стержнем «жакерии», которые будут периодически возобновляться на протяжении трех лет после принятия августовских решений 1789 г.

Волна «первой жакерии» спала во второй половине августа 1789 г. Известную роль в этом сыграло сообщение об августовских декретах (не забудем, однако, о суровых репрессиях и декрете 10 августа «О восстановлении общественного спокойствия»). В течение осени борьба сводилась преимущественно к многочисленным отказам от внесения десятин и повинностей. Она была особенно результативна в районах, где крестьяне выступали весной и летом (Эно, Камбрези, Дофине, Нижняя Нормандия). Многочисленные жалобы на индивидуальные и коллективные отказы, вести о спорах и столкновениях с кредиторами рент приходили отовсюду. Но к прямому насилию крестьяне прибегали редко. За период с конца августа до конца ноября нам удалось отметить лишь 5—6 актов коллективного возмущения, принявших насильственный характер. Однако вся обстановка в деревне вела к новому обострению борьбы. Сеньориальный порядок, осужденный в наказах, атакованный во время июльских восстаний, наконец, принципиально отмененный в августе, реально продолжал существовать. Сами декреты, вотированные в целом 11 августа, получили королевскую санкцию и официально вступили в силу лишь 3 ноября 1789 г. Сеньоры, их управители и откупщики по-прежнему требовали внесения повинностей, держались за права и привилегии, нередко упраздненные декретами 4—11 августа. Оставались старые судебные учреждения, включая сеньориальные суды, сохранявшие полномочия до судебной реорганизации, завершенной лишь 16 августа 1790 г. Множество процессов по поводу

Анатолий Васильевич АДО

* Множество крестьян, арестованных летом, продолжали находиться в тюрьмах. В октябре была отменена чрезвычайная процедура в превотальных судах, но начатые процессы продолжались.

феодалных прав продолжалось и было вновь начато против крестьян в конце 1789 — начале 1790 г.

Новая волна крестьянского возмущения поднялась в конце 1789 г. — восстания начались в первые недели декабря и продолжались до февраля 1790 г. Это была «вторая жакерия» периода революции. До сих пор историками не воссоздана ее полная картина, хотя первые попытки были сделаны еще современниками по следам событий³. Неудивительно, что в обобщающих работах эти восстания не вписаны должным образом в динамику революционных событий, а иногда совсем не учитываются.

Между тем, не принимая во внимание этой новой «жакерии», нельзя понять сдвигов 1790 г. в аграрном законодательстве; без нее вся история революции этих месяцев окажется обедненной.

Летом 1789 г. восстания крестьян охватили главным образом восточные и юго-восточные районы страны, лишь отчасти ее крайний север и запад. Теперь их основной центр сместился на запад (часть Бретани) и особенно на юго-запад, в обширный район между городами Перигё, Тюль, Ориак, Монтобан и Ажен⁴ (см. карту на с.130).

Возмущение началось на стыке Нижнего Лимузена, Верхнего Керси и Перигора. С начала декабря отсюда стали поступать жалобы на то, что отказ от уплаты феодальных повинностей перерастает в бунт, сопровождается «коалициями», «сборищами», угрозами⁵. Первые вооруженные выступления произошли в эти же дни в Перигоре. С событий в этой провинции целесообразно и начать обзор зимних восстаний⁶.

Основным очагом восстания в *Перигоре* была область Сарладе. 29—30 ноября толпа крестьян осадила замок Лафори возле Салиньяка. С сеньора взыскали расписки и деньги в возмещение уплаченных ему раньше крестьянами повинностей и недоимок. В приходе Жейяк владельца сеньории заставили вернуть полученные им за 1789 г. феодальные платежи; в Сен-Женье сеньору угрожал бурное вооруженное «сборище». В эти же дни севернее, в приходах Ладуз и Лакропт, попытка собрать ренты вызвала «сборища», угрозы: «Первый, кто уплатит ренты, будет повешен» (30 ноября, 6 декабря). Трое зачинщиков этих первых, еще разрозненных выступлений были арестованы и заключены в тюрьму г.Сарла. В ответ в ночь с 14 на 15 января ударили в набат в 12 приходах вокруг Салиньяка. С утра громадный отряд в 4—5 тыс. крестьян занял г.Сарла, освободил из тюрьмы арестованных крестьян и водворил туда захваченного дворянина.

Эти события стали сигналом для возмущения во всем юго-восточном Перигоре. Восстание достигло кульминационной точки в 20-х числах января. К этому времени оно приняло своеобразный характер — крестьяне уничтожали церковные скамьи дворян, судейских, сельских буржуа и нотаблей, разрушали флюгеры, венчавшие башни дворянских замков, а главное — сажали во множестве местечек и деревень «майские деревья»⁷. Движение такого типа зародилось еще в начале января в Лимузене и распространялось с севера на юг долинами рек Корреза, Везера и Дордони. В середине 20-х чисел оно достигло района г.Монтиньяк, который стал одним из его центров. 24 января в здешнем приходе Ла-Шапель-Обарей крестьяне посадили «майское дерево», на вершине его красовался снятый с замка флюгер. Дело увенчалось обильной трапезой за счет сеньора и юре. С утра 25 января эти же люди вытащили скамьи из церкви, забили в набат и, построившись в колонну, пошли в соседнюю коммуну Валажюль, где с местными жителями посадили «майское дерево» и обыскали замок. На следующий день возросший до 300 человек отряд посадил «майское дерево» в коммуне Тонак. Как и в других местах, у дворян и юре потребовали вернуть уплаченные им десятины и ренты. В самом Монтиньяке возник еще один вооруженный отряд из жителей города и близких сел, совершивший рейд по окрестным сеньориям. К 30 января движение достигло местечек Сент-Альвер и Вер. В приходе Пона (7 км от Сент-Альвера) восставшие сожгли церковные скамьи, посадили «майское дерево», зачинщик провозгласил, что отныне «запрещено платить ренты сеньорам». 31 января громадный костер из церковных скамей запылал на площади в большом бурге Сандрьё, 2 февраля сцена повторилась в соседнем приходе Салон. На левом берегу Дордони возмущение захватило в последние дни января кантон Кадуэн. В большом приходе Кабан образовался отряд, который действовал 27—31 января в коммунах Аль, Кюссак, Бадфоль. В целом восстание затронуло почти все деревни Сарладе и вышло за его пределы. О «бунтах» и «беспорядках» сообщили юре 35 приходов. К началу февраля сюда была стянута жандармерия из Бельве, Совтера, Бержерака, Либурна; из Каора прибыли солдаты, приехал сам генеральный прево Гюйенны. В тюрьму г.Сарла свозили арестованных крестьян. Волнения временно утихли.

В *Нижнем Лимузене* основным центром восстания был район г.Брив, непосредственно примыкающий к Сарладе⁸. Первое крупное выступление произошло 6 декабря в приходе Лиссак: крестьяне поставили у замка виселицу, грозя повесить того, кто будет взимать или платить феодальные ренты; позднее они ворвались в замок, сеньор подвергся ожесточенным нападкам и угрозам восставших.

В дальнейшем в Нижнем Лимузене в десятках приходов развернулась посадка «майских деревьев», которая сопровождалась войной против церковных скамей, флюгеров, знаков сеньориального суда. Вооруженные акции крестьян принимали и более насильственный характер. В первые дни января громадное аутодафе из церковных скамей было устроено на площади в Шанте (16 км от Тюля); заодно восставшие разрушили запруды сеньора, выловили рыбу, заставили выдать расписки за невнесенные ренты. Как и в Перигоре, движение достигло апогея в последней декаде января. В большом бурге Аласак «жаки» сожгли на площади церковные скамьи, затем осадили замок, в котором укрылись сеньор и местные буржуа. Дома 11 из них были разгромлены. Забил набат на высокой башне прихода, запылала костры на перекрестках, поскакали гонцы за помощью в окрестные деревни. Вечером следующего дня замок был взят и разгромлен. Другое сражение развернулось неподалеку, в местечке Фавар (10 км от Тюля). 24 января жители ближних деревень решили спустить сеньориальные пруды и выловить рыбу. Подоспевший из Тюля отряд жандармов разогнал толпу и арестовал 18 крестьян. Тогда ночью ударили в набат в приходах Сен-Жермен, Сент-Илер, Шамейрак, Фавар. К утру собралось 800—900 вооруженных людей, которые потребовали освободить арестованных. В этот момент из Тюля подоспели национальная гвардия и жандармы. Завязалась схватка, несколько крестьян было убито, многие ранены, десятки арестованы.

Как и в Перигоре, волнения на некоторое время утихли с февраля. В Тюле расположилась рота кавалерии, в район восстания выехал с большим вооруженным эскортом главный прево Лимузена, заработал превотальный трибунал.

Движение в провинции Керси было непосредственным продолжением событий в Перигоре и Лимузене (хотя первые выступления произошли и здесь в декабре). В начале января оно распространилось на северную часть Верхнего Керси, затем на юго-восток, в направлении Фижака, на юг, к Каору, еще южнее, в Нижнее Керси. Раньше всего волнения достигли сельских коммун вокруг г.Мартель в Верхнем Керси, где по набату поднялись против сеньора 6 приходов. В следующие недели очаги вооруженного возмущения стали возникать во многих других местах Верхнего Керси. 19 января держатели сеньории де Тушбёф в коммуне Пейриль разорили замок, добиваясь у сеньора отказа от взимания повинностей и возвращения уже взысканного. В близлежащем приходе Монтамель крестьяне уничтожили церковные скамьи, сбили флюгер с замка, захватили хлеб в амбарах сеньора. Общий хоровод вокруг украшенного зерновыми мерами «майского дерева» завершил этот бунт⁹. Аналогичная сцена повторилась в приходе Буасьер. Юго-западнее, в районе г.Пюи л'Эвек, крестьяне напали на замки нескольких сеньоров, захватив собранное в счет феодалных повинностей зерно. В большом бургe Сен-Жери вооруженные топорами и ружьями цензитарии отправились к трем сеньорам заявить, что «не желают больше платить ренты» (21 января). В местечке Аркамбаль «жаки» напали на замок (26 января). Восточнее, в Бегу (пригород Каора), восставшие держатели потребовали выдачи «первоначальных титулов» (27 января). В южной части Верхнего Керси вооруженное возмущение возникло 28 января в коммуне Сьерак. Разграбив замок, крестьяне выступили 29 января против замков Флоньяк (4 км от Кастельно-де-Монратье), Буасс (в Кастельно-де-Монратье), захватили замок Лабарт (4 км от Мольера); с ними объединились местные жители.

В последние дни января восстание вступило в пределы Нижнего Керси. Поднялись крестьяне в сеньориях маркиза де Лостанж, главного сенешала Керси. В приходе Сен-Поль-ла-Буффи они напали на один из его замков, взломали амбары и взяли зерно. Явившись 30 января в г.Монпеза, «жаки» разорили здесь другой замок маркиза, дом февдиста, завладели зерном, уничтожили сеньориальные документы. Отсюда часть людей добралась до прихода Бельфор; там они захватили замок, в котором и оставались 5 дней, пока не кончились в кладовых съестные припасы. В начале февраля «разбойничества» охватили весь район между городами Коссад, Реальвиль, Мирабель. Замки Оти, Кантемерль, Коломбье (в бургe Коссад), Латур (принадлежавший известному реакционному депутату Казалесу), аббатство Гард-Дье испытали крестьянские нашествия. Западнее, вокруг коммун Мольер и Ла-франсэз, многие сеньоры, юре, буржуа подверглись угрозам, нападкам. В опасности оказались даже ближайшиe окрестности Монтобана. В районе Лозерты волнения также вспыхнули в первые дни февраля. Нападение на замок Кампарно (возле Муассака) было, очевидно, одним из наиболее значительных, крестьяне уничтожили в замке архивы, разгромили помещения, как обычно, захватили найденные в кладовых и погребах провизию и вина. Нам не удалось полностью восстановить ход восстания в Керси. Волна движения, вероятно, лишь на короткое время спала в конце зимы.

В область Ажене движение распространилось с севера, из Перигора, и с востока, из Керси¹⁰. Выступления начались в северо-восточной части Ажене, смежной с Керси, во второй половине января 1790 г. 20 января около 600 вооруженных людей пришли к замку Бланкфор, заставили отдать собранные ренты, сеньориальную поземельную опись, зерновые меры. Через день такая же операция была совершена у замка Латрей в приходе Сен-Фрон. В последние дни месяца восстание охватило район коммун Турнон, Тезак, Монтейраль, Фюмель. Около 500 крестьян взыскали контрибуции в двух замках, завладели титулами и угрожали поджогом. 27 января часть

этого отряда вошла в г.Фюмель. Предав огню церковные скамьи и забрав у сеньора зерно, «жаки» ушли. Приход Кюзорн (7 км от Фюмеля) восстал 26—27 января. Повторились обычные сцены — набат, расправа с церковными скамьями, флюгером, зерновыми мерами, захват сеньориальной поземельной описи. На следующий день в этом краю организовался еще один поход: 800 крестьян из четырех приходов отправились в г.Монтегю жечь церковные скамьи и зерновые меры. Северо-западнее, по границе с Перигором, исходным центром восстания был район городов Вильреаль и Монфланкен. Во многих деревнях «жаки» принялись ломать церковные скамьи, взимать денежную и особенно продовольственную дань с кюре и просто частных лиц. 28 января около 1000 окрестных крестьян взыскали контрибуцию с кюре в приходе Паризо-ан-Ажене; 29—30 января «мятежные сборища» возобновились неподалеку. В приходе Сент-Этроп-де-Борн крестьяне разгромили дом кюре, у сеньора забрали зерно. Атакующие милицией из Монфланкена в Монтаньяке, где они были заняты уничтожением церковных скамей, участники восстания рассеялись, потеряв 28 пленных. Но часть их примкнула к другому отряду, который возник севернее; 1 февраля он снял флюгер и сжег бумаги сеньора в г.Кастийонес, а 2 февраля, пройдя приходы Сель, Бризак, Лартиг, Луграт и увеличившись до 600 человек, вступил в г.Канкон. Вместе с национальной гвардией восставшие взыскали контрибуцию с кюре, сожгли зерновые меры, взломали сеньориальный амбар; 3 февраля с утра они большой колонной выступили на юг, к г.Кассней. В город крестьяне (их было уже около 1200) не вошли, но сеньор, граф де Бомон, выдал им письменный отказ от феодальных прав. В дальнейшем движение распространилось в глубь Ажене. 4 февраля восстали крестьяне прихода Бурбон*. Поднимая по дороге новые деревни, они выступили на замок Лаведан (10 км от г.Прессас), где их собралось около 800. Цель похода — уничтожение флюгеров, церковных скамей, символов сеньориальной юстиции. 8—9 февраля поднялись держатели в имениях герцога д'Эгильона¹¹, восстание последовательно охватило здесь не меньше 8 приходов, в итоге 11 февраля колонна «жаков» вступила в г.Прессас. Отсюда, увлекая силой местных нотаблей, пошли жечь церковные скамьи в соседних деревнях; 12—13 февраля эта волна докатилась до г.Пор-Сент-Мари и окрестных деревень. Здесь после короткой стычки с национальной гвардией Пор-Сент-Мари «сборища» разошлись.

Влияние возмущения в Керси сказалось также в некоторых местностях Оверни, Руэрга, части Лангедока (область Альбижуа). В начале января волнениями был затронут юго-западный край *Верхней Оверни*¹². Около 400 крестьян прихода Сен-Сирг вторглись 5 января в г.Мор, желая получить расписки за неуплаченные повинности предыдущего года. Волнения обнаружались также в приходах Сент-Этьен-де-Мор, Кезак и некоторых других. Крестьяне «соединились в сборища, направились к сеньорам, их откупщикам, к различным частным лицам... чтобы принудить их выдать расписки за (неуплаченные) цензы и ренты... отдать документы заключенных с ними договоров... другие грабили дома, унесли мебель, разлили вино в погребах...»¹³ 3 февраля в Мор пришли национальная гвардия из Клермон-Феррана, жандармы, отряд солдат. Это локализовало, а затем и остановило волнения. В *Руэрге* волнения затронули в феврале юго-западный край области. 12—15 февраля жители приходов Мосель, Магрэн (теперь часть коммуны Кальмон), Сент-Илер разорили владения аббатства Бонкомб, добиваясь отказа от шампара и десятины¹⁴. 3—4 февраля попытка сеньора вывезти свой архив привела к большому возмущению в приходе Бурназель (8 км от Риньяка) и соседних деревнях. Крестьяне захватили архив, разграбили замок, унесли» как нередко бывало, даже снятые с петель окна и двери¹⁵. Вряд, ли этим ограничились действия руэргских крестьян, но их полная картина еще должна быть воссоздана. То же надо сказать о восстании в северо-восточной части *Альбижуа*, примыкающей к Руэргу¹⁶. «Мы окружены разбойниками, которые грабят, разоряют и жгут замки, — сообщал 15 февраля муниципалитет Альби. — Уверяют даже, что они выразили преступное намерение завладеть драгоценными архивами нотариусов»; в марте, подводя итоги событий, городские власти добавляли: «...их (т.е. владельцев фьефов, сеньоров, дворян. — А.А.) бумаги и архивы были сожжены, их жилища разграблены, многие замки полностью или частично разрушены...»¹⁷ К середине февраля в этой части Альбижуа подверглись нападению и потеряли архивы 11 замков. 18 февраля отряд «жаков» (около 400 человек) подошел к Балансу, но был рассеян городской милицией, потеряв 5 убитых; 19—21 февраля национальные гвардейцы городов Амбьяле, Баланса, Альби провели большую операцию по наведению «порядка», захваченных пленных отправили в Тулузу.

Таким образом, на юго-западе Франции крестьянские восстания затронули в той или иной мере города и деревни, расположенные на территории 8 современных департаментов: Коррез, Дордонь, Ло, Ло-и-Гаронна, Тарн-и-Гаронна, Тарн, Авейрон, Канталь. Движением было охвачено в общей сложности около 300 сельских приходов; до 100 замков подверглись крестьянским нашествиям.

Анатолий Васильевич АДО

КРЕСТЬЯНЕ И ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1789-1794 ГГ.

* Сейчас часть коммуны Николь, на берегу Ло в 12 км от г.Пор-Сент-Мари.

На северо-западе в это же время восстали крестьяне *Верхней Бретани*. Бретонское восстание детально обследовал А.Сэ¹⁸. Оно развернулось между 17 января и 4 февраля в районе, который приблизительно очерчивается линией Ренн—Сен-Меэн—Плоэрмель—Мальтруа—Редон—Бен—Ренн. По подсчетам А.Сэ, 30 восставших приходо совершили нападения на 14 замков. Материалы рейнского муниципалитета упоминают, кроме того, еще о 17 замках, подвергшихся нападениям. Исходным пунктом и наиболее бурным очагом восстания был район Плоэрмеля, особенно приходы Оган, Гер и Мор, где действовали наиболее значительные и организованные отряды, состоявшие из жителей нескольких сел и совершавшие рейды сразу против нескольких замков. Севернее, в округе Монфора, волнения обычно ограничивались выступлением того или иного прихода против собственного сеньора и его замка. События в приходе Брей-Уссу (кантон Плелан) типичны для этой местности: 26 января около 80 вассалов вытребовали у сеньора письменное отречение от феодальных прав, вытащили из замка и сожгли во дворе архив. Из Ренна в восставшие местности были посланы военные отряды (около 300 человек), у Пиприака произошла стычка, стоившая крестьянам двух убитых. Очевидно, были некоторые волнения в соседних департаментах Кот-дю-Нор и Нижняя Луара. Мэр Динана просил помощи ввиду «несчастных событий, угрожающих городу и соседним деревням со стороны собравшихся в сборища разбойников»¹⁹. 20 февраля муниципалитет Нанта призывал к миру тех, «кто образует сборища, объединяясь, чтобы идти либо к сеньорам, либо к другим частным лицам...», кто «является толпой к кому-либо есть его хлеб, пить его вино, требовать денег, сжигать бумаги...»²⁰.

* * *

Географическое смещение — сравнительно с летом 1789 г.— главного центра «жакерии» с востока на запад и юго-запад не изменило в принципе ее основного характера. Она оставалась войной против сеньории. Поэтому мало изменились и преобладающие формы крестьянского действия: захват, сожжение феодальных документов, понуждение сеньоров к формальному отречению от сеньориальных прав. Естественно, вновь и вновь возобновлялись традиционные сцены: разгром замков (иногда и домов буржуа), захват вещей, мебели, сельскохозяйственных орудий, продовольствия, вина, коллективные пиршества, иногда песни и танцы в ознаменование победы*. На этом сходились показания всех очевидцев событий, их участников, жертв, организаторов репрессий. Вот свидетельства некоторых документов. В Верхней Бретани «крестьяне повсюду собираются... идут отрядами в 2, 3, 4 и 7 сотен человек, грабя и поджигая замки сеньоров... Они хотят полного отказа от десятин и феодальных обязательств, что побуждает их жечь все бумаги, которые они находят»²¹. В Перигоре и Керси «эти бунтовщики шумно собираются под устрашающий звон колоколов, идут, полные ярости, к своему сеньору, взламывают двери его жилища... требуют, чтобы им отдали первоначальные титулы, цензуальные договоры со времени установления фьефов, рвут их на части...»²². В Руэрге «они хотели бы, чтобы не было больше ни сеньоров, ни владельцев десятин... а потому они считают, что важно уничтожить все цензуальные и сеньориальные титулы, вот что их главным образом занимает»²³. На юго-западе наряду с титулами крестьяне с особым ожесточением уничтожали захваченные в замках зерновые меры и решета: сжигали их, ломали, когда не могли сжечь (часто они изготовлялись из меди или бронзы). Эта ненависть к мерам — результат, во-первых, большой роли, которую играли в этом районе натуральные повинности («ренты»), взимаемые высококачественным, пропущенным через решета зерном, во-вторых, «феодальной реакции» — крестьяне были глубоко убеждены, что меры увеличены в пользу получателей «рент».

Как и в связи с летними событиями 1789 г., современники (а за ними историки тэновского толка) много писали о совершенных якобы крестьянами убийствах, о потоках пролитой крови и т.п. Мы не располагаем, однако, ни одним достоверным фактом такого рода. Конечно, в адрес сеньоров, их агентуры, февдистов произносилось множество крепких слов, звучали самые ужасающие угрозы. В Керси «жаки» говорили, что по военному закону следует из трех дворян убить одного, из трех священников — одного; нападая на замок графа Клермона (Перигор), они кричали: «...надо убить всех сеньоров, начав с этого, искоренить дворянство, не оставив от него никаких следов»²⁴; в приходе Лапужад (Ажене) один из «жаков» заявлял, помешивая в костре, разведенном во дворе разгромленного замка: «...я бы хотел иметь тут всех дворян и священников, я бы их с удовольствием поджарил и держал бы в огне, пока от них не осталось бы никаких следов»²⁵. Но дальше угроз и отдельных актов насилия восставшие не шли. Как и летом 1789 г., крестьяне добивались уничтожения не лиц, а определенного социального порядка.

Обычно крестьянские отряды насчитывали 100—300 человек, некоторые крупные выступления собирали и больше: в бурге Алласак — около 700, в наваре — 800—900 (Перигор), у замка Шапель-Буэксик — 500—600 (Бретань); редко возникали отряды в тысячу и более человек.

Наконец, еще одна черта зимних восстаний ярко проявилась повсюду на юго-западе — уничтожение флюгеров и церковных скамей. Озлобление против этих, казалось бы, безобидных предметов исторически вполне объяснимо. Флюгер был привилегией сеньора, символом сеньориального суда. Увенчивая башни или высокие крыши замка, надменно возвышавшиеся над скромными жилищами крестьян, он демонстрировал верховенство феодального господина. Тот же смысл имела церковная скамья, на которой во время службы восседал сеньор, в то время как масса прихожан, стоя, теснилась сзади. Свергая эти символы, крестьяне по-своему утверждали конец сословных привилегий, свое человеческое и гражданское достоинство. Эта война против феодальных эмблем будет продолжаться до 1793 г., она обрушится на дворянские гербы, башни и крыши замков, зубцы на оградах; она захватит города и отчасти будет узаконена декретами революционных собраний. Символам феодального угнетения крестьяне противопоставили символ революционного освобождения и равенства — «майское дерево». Дерево украшали лентами, надписями, на нем вешали низвергнутые знаки и орудия феодального господства — флюгеры, зерновые меры, решета, совки и метелки, служившие при взимании натуральных рент.

Позиция местной буржуазии в условиях нового подъема крестьянских восстаний была во многом идентична той, которую она занимала летом 1789 г. Напуганные восстаниями буржуа городов и некоторых бургов с большим или меньшим рвением участвовали в их подавлении вместе с жандармерией и войсками. В Бретани рейд по восставшим деревням совершали отряды войск (около 300 человек), посланные Временным комитетом Ренна (двое крестьян были убиты); использовались для усмирения крестьян также жандармерия и национальная гвардия. В Перигоре захваченных бунтовщиков судил превотальный порядок (т.е. в чрезвычайном заседании и без права апелляции) президиальный суд в г.Сарла. Жеро Лавалья, одного из главных вожаков восставших крестьян, приговорили к повешению, его соучастников — к галерам и клеймению раскаленным железом. В Лимузене вдохновителем карательных мер выступил городской комитет Тюля. Перед превотальным трибуналом предстали 19 февраля 26 захваченных крестьян. Четверо были приговорены к позорному ошейнику и плетям, еще четверо — к году тюрьмы, два «пахаря», Антуан Дюпейру и Пьер Бонне, — к виселице (25 февраля их повесили на городской площади Тюля). В Руэрге и Ажене разгон «сборищ» и аресты осуществила национальная гвардия пяти городов. В Альбижиа 18—21 февраля поход провели национальные гвардейцы (около 300 человек) городов Амбьяле, Баланса, Альби; судя по донесениям муниципалитетов, было убито 14 крестьян.

Однако, как и летом 1789 г., позиция местной буржуазии отнюдь не исчерпывалась ее активным участием в репрессиях. К концу зимы появились новые факторы, делавшие картину еще более многогранной: дало себя знать политическое размежевание внутри «партии патриотов», что не могло не сказаться на ее отношении к новому обострению классовой борьбы в деревне. Разумеется, случаи прямого или косвенного участия буржуа в крестьянских выступлениях по-прежнему были крайне редки. Значительно более широкий характер носила кампания в защиту крестьян, подвергшихся суровым преследованиям. С февраля 1790 г. в Учредительное собрание стали поступать просьбы от городских комитетов и муниципалитетов об амнистии и смягчении репрессий. Эти документы далеки от одобрения крестьянских «эксцессов». Но авторы их находили смягчающие обстоятельства в суровости феодального угнетения и именно против него направляли главный удар. Одним из первых было решение так называемой «федерации в Понтиви»²⁶, собравшейся под прямым воздействием бретонского восстания: «...исключительная суровость феодального режима явилась причиной этих эксцессов», крестьяне — «несчастные жертвы феодального деспотизма»²⁷. Петиции об амнистии прислали муниципалитеты Нанта²⁸, Периге²⁹, Родеза³⁰. В защиту крестьян выступило и общественное мнение г.Брив, одного из главных городских центров Лимузена: 128 горожан подписали заявление, с которым отправилась в Париж специальная депутация. Ответственность за восстание они возлагали на дворян: «...наши привилегированные, наши богатые собственники привыкли в счастье и довольстве поедать хлеб, добытый в поте лица народом... За все зло, весь ущерб ответственны богатые, привилегированные»³¹. Такую же позицию занял П.В.Верньо, защищавший «бунтовщиков» в трибунале Бордоского дистрикта, куда были переданы дела участников восстания в Лимузене. Это было первое публичное выступление, принесшее известность одному из будущих вождей Жиронды³². В возмущении крестьян он увидел законную реакцию на феодальное угнетение: после начала революции «вместе со смутным ощущением своей силы пробудилось в их сердцах сознание того великого угнетения, жертвами которого они были... Их взгляды устремлялись с мрачной тревогой и гневом на эти роскошные замки... откуда, как разрушительный поток, не раз низвергались на опустошенные деревни капризы гордыни, посягательства всемогущей алчности, произвольные приказы и притеснения всякого рода».

Таким образом, кампания в защиту арестованных крестьян находила опору в той массе буржуа-патриотов, для которой отрицательное или сдержанно-неодобрительное отношение к крестьянскому насилию не заслоняло пока основной линии борьбы с феодальным классом, а значит, для них не потеряла свою ценность и поддержка со стороны крестьянства, тем более что они еще надеялись сохранить ее, оставаясь на базе декретов 4—11 августа. На общей платформе милосердия к крестьянам и осуждения феодального угнетения объединялись и демократы, и будущие жирондисты, и даже сравнительно умеренные либералы. Дальнейшее развитие революции внесет существенные поправки в эту картину.

* * *

С конца 1789 г. в Собрание начали поступать сообщения о новых крестьянских восстаниях. В январе зазвучал уже подлинный голос тревоги. 16 января вопрос о народных движениях поставил в Собрании сам хранитель печати (министр юстиции): «Вооруженные разбойники совершают во многих провинциях величайшие эксцессы; всякая собственность станет вскоре их добычей, если не удастся, наконец, восстановить порядок и царство законов». 28 января Мирабо-младший сообщил о восстаниях в Нижнем Лимузене, Керси и Бретани и передал в Следственный комитет доклад о событиях: «Это восстание не что иное, как новая жакерия, т.е. война тех, кто не имеет ничего, против тех, кто владеет собственностью». 2 февраля о том же заявил маркиз Фуко, депутат от дворянства Перигора: «Зло усиливается... нападают на всякую собственность; я вас умоляю, я вас заклинаю от имени моей провинции принять это зло в соображение». 4 февраля полную тревоги речь о «новых эксцессах», о «распаде всех уз порядка и подчинения» произнес лично явившийся на заседание король. Через 5 дней с отчетом о волнениях в Керси, Руэрге, Перигоре, Нижнем Лимузене и части Нижней Бретани выступил председатель Комитета докладов аббат Грегуар. 16 февраля в мемуаре, зачитанном от имени короля, снова говорилось о необходимости покончить с восстаниями³³.

Таким образом, перед Национальным собранием вновь во весь рост встал вопрос об умиротворении восставшей деревни; крестьяне опять вынудили законодателей прислушаться к своему голосу. Как и в августе 1789 г., последние позаботились прежде всего о мерах подавления. 23 февраля Собрание приняло «Декрет о безопасности личности, собственности и взимания налогов», который еще раз строго обязал муниципалитеты применять «военный закон» и возлагал на коммуны, не выступившие против народных волнений, материальную ответственность за причиненный ущерб. Начавшееся политическое размежевание в рядах буржуазии проявилось при обсуждении этого декрета. Будущие фельяны — Мирабо, Ле-Шапелье, Лафайет, д'Эгийон — настаивали на применении силы. Немногочисленные депутаты крайней левой — Ланжюине, Петьон и особенно Робеспьер³⁴ подняли голос в защиту крестьян. Но и в этих одиноко прозвучавших выступлениях не было предложено ничего, что отразило бы насущные социально-экономические требования деревни. Левых волновала политическая сторона вопроса. Они резонно считали, что вооруженное подавление народа ослабит силы революции, которая родилась из народного восстания. Тем более интересы крестьян были чужды умеренным депутатам. Поэтому заслуживает внимания примечательный факт — как и в августе 1789 г., почин в постановке аграрного вопроса исходил от дворянства, но теперь не от его либерального меньшинства, а из среды правых. Подлинным инициатором этого дела выступил маркиз Фуко-де-Лардимали, богатый сеньор из охваченного восстанием Перигора. Еще 26 декабря, затем 16 января он безрезультатно предлагал вернуться к вопросу о феодальных повинностях. Вновь этот вопрос был поставлен им 2 февраля. На этот раз его поддержали: **8 февраля Феодальный комитет представил Собранию проект «Общего декрета относительно феодальных прав, отмененных без выкупа и объявленных выкупаемыми»; 15 марта он был утвержден без существенных изменений.**

Теоретические основы этого знаменитого закона были разработаны крупным юристом и ведущим деятелем Комитета феодальных прав Мерленом из Дуэ. Мерлен исходил из тех попыток применить к истолкованию феодальных отношений основные начала буржуазного права, которые отличали уже деятельность февдистов XVIII в. (см. гл.2, с.88). Созданная им концепция была принята Собранием. Весь комплекс феодальных прав и повинностей был поделен на две большие категории — личные и реальные (вещные). Устанавливая различие тех и других, законодатели ввели критерий происхождения. Личные повинности были объявлены результатом узурпации, «поддержанной сеньориальной властью и узаконенной правом сильного» в смутные времена феодализма. Их-то Собрание и признало основным элементом «феодального порядка» в подлинном смысле слова, подлежащим безвозмездной отмене. Напротив, важнейшие повинности держателей по отношению к сеньорам рассматривались как результаты земельных уступок, сделанных некогда вторыми в пользу первых. С точки зрения Мерлена, лишь их юридическая форма являлась феодальной, по сути же они — следствие законных сделок, договоров о передаче недвижимости, т.е. обычные поземельные ренты. Их отмена, считал он, была бы посягательством на частную собственность, надо лишь изменить их юридическую природу, очистить ее от феодальных наслоений и обеспечить держателям возможность выкупа.

Таким образом, теоретической основой закона была своеобразная формально-юридическая концепция феодализма, которая включала в число феодальных институтов отношения вассалитета и личной зависимости и выключала из сферы «феодального» всю сумму собственно поземельных отношений сеньора и держателя (именно этот взгляд будет унаследован затем буржуазной правовой и исторической наукой)*. Конкретное содержание закона показывает, что в истолковании общих принципов всегда принимался вариант, в наибольшей мере выгодный владельцу сеньории и в наименьшей мере — держателю.

Первый раздел закона разрушал феодальную юридическую структуру земельной собственности, ликвидировал иерархию держаний и все связанные с этим права и обязательства. Отныне не оставалось ни фьефов, ни цензив, их место заняла обычная поземельная собственность, в равной мере подчиненная общему праву страны. Второй раздел был посвящен сеньориальным правам, отмененным без выкупа, большая часть его 39 статей содержала перечисление упраздненных личных повинностей. Но центр тяжести закона лежал в его третьем разделе «О сеньориальных правах, подлежащих выкупу». Устанавливалось, что сохраняются с возможностью выкупа «все выгодные феодальные или цензуальные права, которые являются ценой и условием первоначальной уступки земли». Таковыми считались, при отсутствии доказательств противного, ценз, шампар во всех его разновидностях, инфеодированные десятины, платежи при перемене владельца и так далее. В *презумпции в пользу сеньора* — основа всего этого законодательного построения. Облачая феодальные повинности в буржуазную правовую форму. Собрание прямо отступало здесь от элементарных норм буржуазного правосознания. Не требуя от сеньора доказательства, что та или иная повинность — *действительно* результат земельной уступки, оно объявляло таковым сам факт владения. Правда, крестьянин мог оспаривать законность платежа, но при этом он сам должен был доказывать, что спорная повинность не произошла от земельной уступки. «Разве должник может когда-либо доказать, что он не должен? — резонно замечал стоявший на строго буржуазной правовой позиции Ф.Саньяк.— Нельзя доказать несуществование обязательства; это противно здравому смыслу и невозможно»³⁵.

Декретом 3—9 мая** Собрание установило процедуру и размер выкупа, определив его из расчета 4—5% дохода от основного капитала ренты. Одновременно с постоянными повинностями держатель был обязан выкупить и «случайные» права, т.е. пошлины при переходе имуществ из рук в руки, даже если он никогда их не платил. Выкуп был индивидуальным и факультативным, не предусматривалось никаких мер государственного кредитования или иной финансовой поддержки крестьянина***.

В отношении Учредительного собрания к феодальной структуре поземельной собственности попытка компромисса выступает с предельной отчетливостью. Это не был, однако, компромисс по образцу Английской революции XVII в., в результате которой лорды-землевладельцы присвоили буржуазное право собственности на свои феодальные владения. Правда, и во Франции раздавались голоса, предлагавшие отменить безвозмездно все феодальные повинности, а взамен превратить *dominium directum*, номинальное право собственности сеньора на зависимые земли (или их часть), в безусловную, т.е. буржуазную собственность³⁶. Длительная экономическая и юридическая эволюция крестьянского держания сделала невозможным такое решение вопроса. Поэтому пошли по другому пути. Крестьянское держание, как и сеньориальный домен, утрачивало свою феодальную правовую форму, но для крестьян это оказывалось в значительной мере юридической иллюзией, дело сводилось «к реформе одних слов, одних названий»³⁷.

Анатолий Васильевич АДО

КРЕСТЬЯНЕ И ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1789-1794 ГГ.

М.: издательство МГУ. 1987. Издание 2-е, переработанное и дополненное

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

* В последующие годы одним из важнейших результатов революции будет законодательное расширение понятия «феодальное», пока оно не обнимет собой в якобинском законодательстве именно поземельные отношения сеньора и держателя. В этом смысле якобинская трактовка феодализма окажется ближе всего к научной, что неудивительно, поскольку она явится наиболее полным результатом общественной борьбы, возникшей на почве этих феодальных поземельных отношений.

** Двойная датировка декретов отражает специфику законодательного процесса в период Учредительного и Законодательного собраний. Первая (и основная) дата обозначает день принятия закона Собранием, вторая — день одобрения закона королем.

*** Несколько иначе был решен вопрос о судьбе десятины. Декрет 14—20 апреля 1790 г. отменил церковные десятины начиная с 1 января 1791 г., до этого срока они должны были уплачиваться по-прежнему. Инфеодированные десятины подлежали выкупу, порядок его установил декрет 23 декабря 1790 г.; десятины, обоснованные земельной уступкой, выкупались на тех же основаниях, что и другие повинности, владельцы остальных получали возмещение из казны.

Принципиальная оценка К.Марксом прусского аграрного законопроекта 1848 г. полностью применима к творению французского Учредительного собрания 1790 г. И там и здесь основным принципом являлось стремление «безвозмездно отменить все, что вытекает из сеньориальной власти и наследственной крепостной зависимости, все же прочее — лишь за выкуп»; и там и здесь результатом было «сохранение феодальных прав, санкционирование их под видом (иллюзорного) выкупа...»³⁸ Очищенные от феодальной юридической оболочки сеньориальные повинности превращались в разновидность вечного наследственного поземельного рента, обременяющих крестьянское хозяйство в пользу «бывших сеньоров»^{****}.

Законы 15—28 марта и 3—9 мая 1790 г., регулировавшие все отношения, связанные с феодальными повинностями, действовали до июня—августа 1792 г. Поспешили ли крестьяне освободить свои земли путем выкупа? «Выкупы феодальных прав были, — писал Олар, — и хотя не был и не мог быть сделан статистический подсчет, можно утверждать, что их было много»³⁹. До сих пор о судьбе феодальных повинностей в годы революции мы знаем недостаточно. Имеются специальные исследования, относящиеся к шести департаментам: Нор, Верхняя Вьенна, Ду, Жиронда, Нижняя Шаранта, Нижняя Сена. В целом их результаты расходятся с оценкой Олара. Исследования показывают, что выкупные операции начались в июне—июле 1790 г. и продолжались до 1792—1793 гг.; в департаменте Нижняя Шаранта их было не менее полутора тысяч. Однако выкупы были очень немногочисленны по сравнению с общим числом обязательных повинностей лиц. Совершали их не столько крестьяне, сколько зажиточные люди из некрестьянской среды. Выкупались преимущественно повинности, принадлежавшие нации, т.е. государству (выкуп их был несколько облегчен)⁴⁰.

Но если закон о выкупе потерпел явную неудачу, то в какой мере продолжали реально существовать сохраненные феодальные повинности? Первые исследователи аграрной истории революции (А.Дониоль и Н.И.Кареев) склонялись к мысли об их фактическом отмирании уже после 1789 г.⁴¹ Напротив, Ж.Жорес и А.Олар полагали, что феодальные повинности сохраняли свою ценность, что «уплата была правилом, а неуплата — исключением»⁴². Несомненно, никогда не удастся с абсолютной точностью установить, в какой мере продолжалась уплата повинностей, тем более что в каждом районе это зависело от многих местных условий. Все же кажется очевидным, что положение было далеко от того, как его представляли Дониоль и Кареев. Уже простой факт бесконечной вереницы протестов, волнений, восстаний заставляет полагать, что феодальные повинности оставались ощутимой реальностью — ведь не с юридическим же фантомом сражались крестьяне. Историками давно отмечено, что после закона 15 марта 1790 г. бывшие сеньоры, их управители, откупщики феодальных повинностей настойчиво старались добиться взыскания сохраненных платежей и далеко не всегда безуспешно. Судебные понуждения к уплате были частым, во многих местах массовым явлением. Новые трибуналы, утвердившиеся к концу 1790 г., выносили многочисленные приговоры.

Итак, с одной стороны, иллюзорные для основной массы крестьян, невыгодные и обременительные для крестьянства в целом условия выкупа, с другой — сохранение важнейших феодальных повинностей в форме поземельного рента и настойчивые попытки владельцев сеньорий и буржуазного государства реализовать «бывшие феодальные повинности»^{****} — вот чем оказался для крестьян новый аграрный порядок, вошедший в силу с весны 1790 г.

* * *

Среди историков нет двух мнений о реакции деревни на эту политику компромисса. Попытки утвердить новый земельный режим сразу же натолкнулись на ожесточенное сопротивление крестьянства.

Широчайшее распространение получила наиболее элементарная, петиционная форма борьбы. По мере того как до крестьян доходили мартовские и майские декреты, поток посланий устремился в Национальное собрание. Начиная с Н.И.Кареева, который первым всерьез обследовал материалы Комитета феодальных прав, эти документы неоднократно изучались и в основной своей части опубликованы Ф.Саньяком и П.Кароном. Общий вывод не внушает сомнений: «Почти все документы — это резкая или умеренная критика сеньориального режима. Большой декрет 15—28 марта 1790 г. вызвал лишь протесты, часто очень горячие; нет ни одного

**** После принятия законов об отмене феодального порядка к его главным атрибутам стало применяться определение «бывший» (ci-devant): «бывшие феодальные повинности», «бывшие сеньоры», с 1793 г. — «бывшие замки».

***** После национализации королевского домена и церковных владений «нация», т.е. буржуазное государство, в руки которого перешли принадлежащие домену и церкви сеньории, сама оказалась крупнейшим «бывшим сеньором». Конфискованные феодальные повинности были причислены к разряду «бестелесных» национальных имуществ, и Учредительное собрание посвятило немало усилий их реализации. В 1791 г. была создана специальная администрация национальных имуществ (La Regie nationale de l'enregistrement et des domaines), в руки которой перешли и все дела о взыскании, выкупе, аренде принадлежавших государству феодальных прав. Новое ведомство с гораздо большим рвением, чем власти департаментов и дистриктов, стремилось обеспечить поступление феодальных повинностей, особенно случайных.

исключения во всей массе документов серии D XIV»⁴³.

Крестьяне не ограничивались подачей петиций; прямое и косвенное неповиновение новому закону стало характерной чертой деревенской жизни сразу, как только он вступил в силу. Отказ от уплаты повинностей был массовым явлением. Иногда крестьянам удавалось настоять на своем и сорвать взимание платежей; часто они бывали вынуждены смириться под давлением суда и администрации. Можно было бы заполнить немало страниц примерами того и другого. Но лишь серия локальных работ позволит точно определить эффективность крестьянского сопротивления в национальном масштабе.

Мы можем, однако, уже теперь более или менее полно установить случаи, когда сопротивление перерастало в прямое коллективное действие, в революционное насилие (см. карту на с.130). Фактически очаги «жакерии» существовали в 1790—1791 гг. постоянно, то затухая, то вновь разгораясь. Первое после оформления мартовского закона вооруженное выступление вспыхнуло в апреле 1790 г. в Сентонже⁴⁴. Оно охватило не меньше пяти приходов на границе с Жирондой и известно главным образом тем, что в подстрекательстве к нему был обвинен Жак Ру, в то время викарий в Сен-Тома-де-Конак (в действительности Жак Ру не являлся его инициатором и тогда же сумел доказать свое алиби)⁴⁵. Выступление крестьян вызвала попытка сеньора Пати де Бельгарда, советника Бордосского парламента, взыскать судебным порядком феодальные повинности. Оно началось 25 апреля, как обычно, в воскресный день. Сначала крестьяне сломали все скамьи из приходской дерквы в Сен-Тома-де-Конак. Через два дня вооруженные жители нескольких коммун сожгли замок Буарон в Сен-Бонне. Отсюда они пришли в Сен-Жорж-дез-Агу, где был второй фьеф де Бельгарда, вместе с тамошними крестьянами сожгли имение, разгромили дом фискального прокурора. После этого взялись за соседних сеньоров. Двое из них под угрозой поджога замков выдали письменное отречение от феодальных повинностей. Расходясь по домам, крестьяне договорились продолжить поход на следующий день; общее число их очевидцы событий определяли в 500—600 человек. Но буржуа соседних городов уже успели собрать силы. В течение двух дней порядок наводили 100 национальных гвардейцев из Сента, 100 солдат, буржуазная милиция из Сен-Жени и Пона, 25 жандармов. Встреченные как победители, они вступили 3 мая в Сент. Зрелище напоминало возвращение с победоносной войны: впереди — отряд буржуазной милиции, гордо шагавший под звуки музыки, за ним выстроенные в две линии солдаты и национальные гвардейцы, а между ними понуро плелись связанные попарно 117 захваченных крестьян. Однако глухое брожение в этой части Сентонжа продолжалось; сомнительно, чтобы удалось восстановить здесь взимание феодальных платежей.

Новая полоса аграрного движения пришлось на лето того же года. Близилась и вскоре наступила жатва; со всей остротой вставал вопрос об уплате десятины и натуральных повинностей. Учредительное собрание пыталось предотвратить новую вспышку волнений. Декретом 18 июня 1790 г. оно запретило «любим лицам чинить препятствия взиманию десятины и шампара каким бы то ни было образом: писаниями, речами, угрозами, самоуправством или иначе, под угрозой преследования их как нарушителей общественного спокойствия». Однако уже с июня начались волнения. Менее серьезные, чем зимой, они приняли наиболее тревожный характер в области Гатине, оказавшейся по новому административному делению в департаментах Сена-и-Марна, Луаре, отчасти Йонна.

Расположенная восточнее и южнее пшеничных житниц и районов крупного фермерства Бос и Бри, *Гатине* была краем небогатой «мелкой культуры». Натуральные платежи из доли урожая доставляли здесь важную статью дохода владельцев сеньорой (шампар достигал 1/8 урожая). Исходным толчком возмущения, которое отразило протест против установленной Собранием презумпции в пользу сеньора, было требование предъявить документы на право взимания шампара. Одновременно крестьяне добивались перевода натуральных взносов в денежные и отказались платить десятину. Движение вышло, по-видимому, из департамента Йонна⁴⁶. К июлю коллективный отказ от уплаты повинностей распространился в дистрикте Тоннер и особенно в Сансском дистрикте. Кое-где он перерос в прямые акты насилия. 20 июня около 200 цензитариев коммуны Вильнев л'Аршевек осадили замок Ла-Мот, добиваясь выдачи титулов и возмещения неправильно взысканных рент⁴⁷. Но в основном волнения проходили в форме упорного отказа вносить десятину и шампар. В протоколах администрации упомянуты свыше 30 непокорных коммун; в некоторых коммунах восставшими были «воздвигнуты виселицы и приготовлены веревки, чтобы повесить тех, кто осмелится взимать шампар, и даже тех, кто его уплатит». В северо-западной части Гатине (дистр.Питивье департ.Луаре и особенно Немурский дистр. департ.Сена-и-Марна) волнения были более бурными⁴⁸. 10 июля администрация департамента сообщила в Париж: «Уже больше 80 приходов категорически отказались платить. В одних приходах силой прогнали судебных приставов, явившихся вызвать в суд отказчиков; в других поставили виселицы...»⁴⁹ Учредительное собрание реагировало сразу и действовало без промедлений. Вопрос о движении в Гатине был обсужден 13 июля. Особым декретом Собрание потребовало от короля направить против мятежных крестьян регулярные войска, и 27 июля в Сену-и-Марну прибыло 100 человек парижской национальной гвардии вместе с солдатами Лотарингского и

Бургундского полков. Военные отряды двигались от одного непокорного прихода к другому, заставляя крестьян подписывать обязательства об уплате шампара⁵⁰. Только к концу месяца удалось сломить упорное сопротивление деревень. Крестьяне Гатине уплатили в 1790 г. десятину и шампар либо возместили их деньгами, поскольку урожай уже был срезан с полей⁵¹.

После Гатине наиболее беспокойным районом оставался юго-запад. В *Ангумуа*, *Перигоре*, *Керси*, в меньшей мере в Ажене, очень частым был отказ от уплаты десятины. В приходе Белон (Шаранта) крестьяне заявили, что они желают «сами распоряжаться своими десятинами», угрожали убить за попытку их изъять. Отказ платить десятину являлся почти всеобщим в этой местности⁵². Та же картина наблюдалась в Ло и Дордони. Кюре из приходов Женду и Сент-Илер (июнь 1790 г.) сообщали: «После того как они (крестьяне. — А.А.) были очевидцами бунтов в Керси, они считают, что им все дозволено»; многие «готовы скорее дать себя обезглавить, чем уплатить десятину»⁵³. В Перигоре 27 июня крестьяне коммуны Сен-Пантали-д'Ан ворвались в замок сеньора, захватили оружие и зерновые меры⁵⁴. Южнее, в ряде коммун департамента Жер⁵⁵ и в Арьеже, сопротивление взысканию рент напоминало события в Гатине. В районе Мирпуа, говорилось в сообщениях, поступавших в Феодальный комитет, «почти все цензитарии решили совершенно не платить сеньориальные повинности», «во всей этой местности отказываются платить агрье» (разновидность шампара. — А.А.); «некоторые сеньоры попытались послать судебных приставов... их посадили под замок, а выпустив, пригрозили повесить, если они осмелятся вернуться»⁵⁶.

В других районах страны отказы вносить десятину и повинности не переросли в такой массовый отпор, хотя несколько дворянских замков и подверглись нападениям.

2. ТРЕТЬЯ и ЧЕТВЕРТАЯ «ЖАКЕРИИ»

Со всей остротой вопрос о феодальных повинностях вновь встал к концу осени 1790 г. Именно к этому времени, когда в деревне шла долгая работа по обмолоту, на рынок поступало новое зерно, продукты виноделия и животноводства и в крестьянских кошельках заводились монеты, было приурочено взимание повинностей. В эти сроки, так же как в предыдущем году, поднялась новая волна восстаний. Считая от «великого страха», это была «третья жакерия» эпохи Французской революции (октябрь 1790 — февраль 1791 г.). Ее общая картина детально не прослежена; она не учитывается обычно авторами сводных трудов, в том числе и новейших.

Авангардные столкновения новой «жакерии» начались в октябре в *Сентонже* (департ. Нижняя Шаранта), на этот раз в северо-восточном его краю (дистр. Сен-Жан-д'Анжели)⁵⁷. Главным центром сопротивления сеньорам стал большой бург Варез, где вели агитацию против феодальных прав два зажиточных его обитателя — Лабру и Лапланш. В ночь на 21 октября в Варез был послан судебный пристав с 25 солдатами, который арестовал Лапланша. Сбежали жители, в толпе раздавались угрозы и проклятия. Солдаты открыли огонь, мужчина и трое женщин были убиты. Затем отряд ускакал в Сен-Жан-д'Анжели. Яростное возмущение охватило деревня. Немедленно родился план большого похода на Сен-Жан-д'Анжели, чтобы отомстить за погибших и освободить Лапланша. В течение двух дней восстала вся местность; набат, традиционный знак сельского мятежа, слышался повсюду. К Варезу стекались колонны вооруженных крестьян, деревенской национальной гвардии с развернутыми знаменами, барабанами, увлекая сельских кюре и муниципалитеты более десятка коммун. В местечке возник вооруженный лагерь. Мэр Вареза местный буржуа Латьерс отказался присоединиться к восставшим. Обвиненный в предательстве, он был схвачен, ему угрожали смертью. Утром 23 октября крестьянская армия направилась на Сен-Жан-д'Анжели. Численность ее оценивали по-разному — от 1600 до 3000 человек. Город был в панике, директория дистрикта разбежалась. Лапланш был немедленно освобожден; Латьерс, приведенный в Сен-Жан-д'Анжели, пал жертвой народного возмущения⁵⁸. Против крестьян директория департамента двинула национальную гвардию, отряды линейных войск с четырьмя орудиями, конных добровольцев — всего около 700 человек. 25 октября они начали операции в восставшем районе, законченные к 27—28 октября. Было захвачено больше 100 крестьян, в тюрьму заключено 25, дела их были переданы позднее в трибунал Ла-Рошели⁵⁹. Крестьяне временно подчинились. В бумагах Комитета докладов хранятся несколько десятков коротеньких справок, подписанных в декабре 1790 г. сельскими муниципалитетами района Сен-Жан-д'Анжели, в которых удостоверяется уплата десятины и феодальных повинностей за 1790 г.

Юго-восточнее Сентонжа, в Перигоре, крестьяне упорствовали в отказе вносить феодальные ренты; требование оправдать ренты «первоначальными титулами» получило всеобщий характер. В некоторых деревнях крестьяне ответили силой на попытки взыскать повинности. В приходе Кальвьяк отряд национальной гвардии из г.Сарла, посланный арестовать трех «подстрекателей», призывавших к разрушению замков, был встречен ружейным огнем⁶⁰. В соседнем *Керси* (департ.Ло)* развернулось в конце 1790 г. новое восстание, одно из самых больших за все

* В 1790 г. область Керси целиком входила в департамент Ло, часть которого позднее была выделена в

революционные годы⁶¹.

Брожение в Керси возобновилось летом 1790 г. и продолжалось всю осень. К ноябрю в деревнях появились виселицы — как обычно, для устрашения дворян и тех, кто осмелится уплатить повинности. Одновременно повсюду сажали «майские деревья». В дистрикте Гурдон их посадили в каждой деревне, а в некоторых даже по 2—3 таких символа свободы и равенства. В этом дистрикте и вспыхнуло восстание. Директория дистрикта подтолкнула события, послав в деревни воинский отряд искоренять «знаки мятежа», в том числе и «майские деревья». 3 декабря он подошел к бургу Сен-Жермен. Завидев войска, жители ударили в набат. Его подхватили в соседних приходах. Отовсюду устремились на помощь Сен-Жермену крестьянские отряды, соединяясь вместе и образуя «крестьянскую армию» в 4—4,5 тыс. человек. 4 декабря крестьяне ворвались в Гурдон и два дня оставались полными хозяевами города. Администрация дистрикта сбежала. Крестьяне разгромили монастырь Сент-Клэр и дома многих буржуа, затем оставили город. Волна «жакерии» захлестнула сельскую местность Гурдонского дистрикта, перекинулась в соседние дистрикты Каора и Лозерты. Восстание продолжалось до второй половины января 1791 г. Оно распространилось также на дистрикт Фижак, в меньшей мере — на дистрикт Сен-Сере. В общей сложности подверглись нападению несколько десятков домов и замков дворян и буржуа: около 30 в одном дистрикте Лозерты. 7 декабря посланцы директории департамента сообщили о начавшемся восстании Национальному собранию; 13 декабря оно решило послать в мятежный департамент войска и двух комиссаров. Депутаты Собрания Робен и Годар — юристы, члены Якобинского клуба, прибыли в Керси 26 декабря и покинули его 7 февраля, проявив большую энергию и гибкость в исполнении своей нелегкой миссии. Комиссары вели беседы с сотнями крестьян. В Фижаке они встретились с представителями 83 муниципалитетов дистрикта (из 90); мэры и прокуроры сельских коммун являлись обычно в сопровождении крестьян, иной раз до 50 человек⁶².

Комиссарам удалось прекратить восстание, не прибегая к силе, хотя департамент был занят войсками. Однако уплата повинностей в департаменте так и не возобновились. Через месяц опять начались вооруженные выступления: в дистрикте Фижак были сожжены или разорены 7—8 дворянских замков (март 1791 г.).⁶³

Смежная с Керси северо-восточная часть Ажене (департ. Ло-и-Гаррона) испытала сильное воздействие восстания в Керси и в течение декабря—января была охвачена волнениями. В дистриктах Монфланкен и Вильнёв-сюр-Ло вспыхивали небольшие бунты и возникла угроза восстания. Среди крестьян шли разговоры о том, что «приказано сжигать замки». Директория департамента спешно послала комиссаров с отрядом линейных войск и к концу марта энергичным вмешательством предотвратила назревавший взрыв⁶⁴.

Помимо юго-запада наиболее заметное движение было на северо-западе, в *Бретани*. На этот раз восстали деревни в восточной части департамента Кот-дю-Нор (кантоны Динан, Эвран и Кондинанского дистрикта, кантон Брон одноименного дистрикта). Отчасти был задет и западный край департамента Иль-и-Вилен. «Причиной восстания, — писала парижская газета «Курьер», — является суровость, с которой бывшие сеньоры требовали свои повинности и ренты». Это сообщение совпадает с мнением директории департамента Иль-и-Вилен: «Как кажется, восстание вызвано тем, что различные собственники фьефов потребовали уплаты рент»⁶⁵. Первый очаг восстания возник в кантоне Эвран (департ. Кот-дю-Нор, Динанский дистрикт) в 20-х числах января. Всего, судя по донесению директории, крестьяне в этом районе посетили шесть замков, два из них в приходе Шатонэф, другие — в Сент-Тюаль (кантон Тентеньяк) и в дистрикте Сен-Мало (департ. Иль-и-Вилен). Повсюду крестьяне требовали письменные отречения от феодальных повинностей, сжигали сеньориальные титулы, забирали продовольствие и вино, иногда заставляли выдавать деньги за проигранные процессы и для оплаты трудов, затраченных на участие в восстании. 26 января директории дистриктов направили против крестьян роту солдат с двумя орудиями и национальных гвардейцев из Сен-Мало, Сен-Сервана, Доля, Динана — всего около 1000 человек. Они открыли огонь и рассеяли «бунтовщиков», захватив 86 пленных.

Другой центр восстания образовался в районе прихода Плюмодэн (кантон Кон, департ. Кот-дю-Нор). 21 января около 500 человек ворвались в аббатство Болье, сожгли феодальные титулы и получили письменный отказ от повинностей. Через два дня драматические события развернулись у замка Ивиньяк. Сюда пришли 600 вооруженных крестьян из 12 коммун, требуя выдачи феодальных титулов. Однако сеньор успел собрать соседей-дворян и их слуг; от дистрикта Брон он получил 40 драгун. Крестьян встретили ружейные залпы. Многие были ранены, а 5 человек убиты.

К началу февраля закончилось умиротворение этого района. Но теперь волнения охватили восточную часть департамента Морбиан и смежные приходы в департаменте Иль-и-Вилен. Не располагая о них детальным материалом, ограничимся ссылкой на доклад посланных сюда комиссаров Собрания (он отражает положение в феврале—начале марта): «...бывшие сеньориальные повинности не выкупаются и не уплачиваются; десятина за 1790 г. не уплачена совершенно... приходы разных местностей сговариваются между собой, чтобы избавиться от всяких частных и публичных повинностей. Так, приход Карантуар Рошфорского дистрикта

объединился с несколькими приходами в департаменте Иль-и-Вилен, и они не только отказываются платить земельные ренты, но и разоряют владения их бывших сеньоров...»⁶⁶

В конце февраля очаг аграрных волнений возник также в *Пикардии*, в дистрикте Мондидье (департ.Сомма). С лета 1790 г. многие коммуны противились уплате десятины и шампара. В коммуне Давенекур 25 февраля 1791 г. мэры и члены муниципалитета потребовали вернуть общинные земли, упразднить баналитет, пересмотреть земельную опись, вступить в переговоры о выкупе феодальных прав. Неуступчивость графини Ламир привела к тому, что крестьяне ударили в колокол, ворвались в замок и вынудили ее принять их требования. Администрация департамента послала жандармов и солдат; шесть крестьян были заключены в тюрьму и преданы суду (обвиняемых защищал Бабеф)⁶⁷. Волнения не ограничились Давенекуром. Вся местность от местечка Морей до Мондидье была охвачена «опасным брожением». В коммуне Аржикур 27 февраля возник бунт, после которого сеньор скрылся в Мондидье. Из прихода Бекиньи сбежал кюре — крестьяне потребовали у него возместить расходы процесса из-за десятины, проигранного коммунной в 1782 г. Размещенный в Морей отряд линейных войск остановил дальнейшее распространение волнений.

Волна движения не ограничилась указанными выше районами. С конца 1790 — начала 1791 г. стало усиливаться крестьянское недовольство в департаментах Центра и Юга. В Верхней Оверни (департ.Канталь) во многих деревнях сооружались виселицы, «эти ужасные знаки, — по выражению дирекции департамента, — поставленные нарушителями закона в знак отказа от уплаты ценов». Одновременно здесь появились «майские деревья» с их обычными украшениями — зерновыми мерами, надписями «последняя расписка за ренты»⁶⁸ и т.п. В Лимузене с февраля возобновилось разрушение дворянских прудов⁶⁹. Возбуждение постепенно нарастало в Виваре, в Нижнем Лангедоке⁷⁰.

* * *

Новая вспышка массовых выступлений в деревне произошла летом 1791 г. Она давно отмечена историками. И.Тэн назвал ее «пятой жакерией»⁷¹. Считая с лета 1789 г., это «четвертая жакерия». Немногие попытки общего обзора этого движения ограничены выявлением событий, связанных с реакцией деревни на бегство Людовика XVI⁷². Конечно, с обострением политической ситуации в стране усилилось недовольство в деревне (которое и само по себе было существенным компонентом нарастающей к лету 1791 г. политической неустойчивости). Но надо учесть и то, что приближалась жатва, опять возникал жгучий вопрос о натуральных повинностях. Учредительное собрание упорствовало. Как и в предыдущем году, в предвидении волнений оно издало инструкцию о феодальных правах, на этот раз не 18, а 15 июня. Всякий, кто откажется платить повинности, провозглашался «нарушителем закона, узурпатором чужой собственности, плохим гражданином», достойным суровой кары. Однако упорствовали и крестьяне.

Аграрное движение возобновилось с конца весны. В *Гатине* опять развернулось сопротивление многие коммуны, особенно в Санском, отчасти Аваллонском дистриктах (департ.Йонна). Очевидно, на этот раз они добились своего: дирекция Санского дистрикта отказалась прибегнуть к силе, ссылаясь на угрозу «ужасающего бунта». 1 августа она рекомендовала арендаторам и владельцам шампара уступить и начать вместе с крестьянами проверку феодальных титулов⁷³. Для крестьян Немурского дистрикта (Сена-и-Марна) новая попытка возмущения оказалась менее успешной. Администрация послала солдат на постой в непокорные деревни. Крестьяне продолжали упорствовать и «уступили только тогда, когда достаточно испытали все неудобства, связанные с пребыванием такого рода гостей»⁷⁴. Сопротивление взысканию шампара вылилось в волнения и в северной части Парижского района (департаменты *Уаза и Сомма*). В Уазе, по словам М.Домманже, «это было своего рода восстание», «для восстановления порядка понадобилось прибегнуть к жандармерии, двум ротам швейцарцев, сотням национальных гвардейцев и кавалеристам 17-го и 18-го полков»⁷⁵. В Сомме в июне—июле многие коммуны протестовали против уплаты шампара, происходили «сборища». Дирекция департамента послала в некоторые коммуны солдат⁷⁶. Мы мало знаем о положении в этом районе, «изучение борьбы против шампара в Вермандуа, — отмечал Р.Легран, — заслуживает углубленных поисков в локальных архивах»⁷⁷.

Ареной энергичного движения был также Юго-Запад. В начале июня волнения опять вспыхнули в *Сентонже*, в дистрикте Монльё (Нижняя Шаранта). Крестьяне нескольких коммун (Клерак, Ориньоль и др.) выбросили из церквей скамьи и «предались еще более преступным эксцессам по отношению к владельцам бывших сеньориальных повинностей, врываясь в их дома, понуждая их к отречению от этих повинностей, отнимая титулы»⁷⁸. Одновременно бурное движение развернулось в соседних районах *Ангуама* (дистр. Барбезьё, отчасти Ангулем, департ.Шаранта)⁷⁹. «Причина этого восстания, — писала газета будущего жирондиста Горса, — проистекает из упорного отказа крестьян уплачивать ренты бывших сеньоров»⁸⁰. Действительно, в коммунах Бланзак, Мэнфон, Сент-Андре, Крессак и более чем в десятке других крестьяне отказались вносить шампар (агрье) и другие повинности, потребовали вернуть ренты, собранные в 1789—1790 гг., врывались в дома их владельцев, воздвигали виселицы и т.п. Дирекция департамента мобилизовала 200 с лишним солдат с 4 орудиями, 500 национальных гвардейцев из

Ангулема и других городов; 17 июня эта армия заставила крестьян временно покориться. Южнее, в *Жиронде*, в течение июня—июля сложилась напряженная обстановка во многих деревнях дистрикта Леспар (особенно в коммунах Бегадан, Сент-Иран, Сен-Кристоф, Вензак, Сиврак). Крестьяне упорно и организованно отказывались платить агрье, сопротивлялись исполнению судебных решений. Администрация сообщала о создании «преступных коалиций», о «духе неповиновения», о появлении «афиш, угрожающих самым суровым наказанием тем, кто осмелится уплатить повинности»⁸¹. В течение лета 1791 г. очаги волнений много раз возникали в *Керси*. В начале июня были посланы войска в дистрикт Гурдон, чтобы подавить начавшиеся в конце мая волнения. 27 июля в коммуне Ларок-дез-Ар (Каорский дистрикт) крестьяне учинили «угрозы и самоуправства» в дворянском имении. В августе и начале сентября «дух мятежа» господствовал в дистрикте Лозерты, крестьяне напали на замки в Сент-Сипрпен и Ферьер⁸². В *Перигоре* возмущение вспыхнуло с начала августа в дистриктах Бержерак, Перигё, Риберак, Мюссидан и Эксидай. Во время обмолота и раздела зерна издольщики отказались отдать землевладельцам часть урожая, выделявшуюся для уплаты феодальных повинностей. В деревнях появились виселицы, звучали «мятежные речи». Коммуны объединялись в «коалиции» и требовали письменных отречений от рент. Вооруженные отряды сельской национальной гвардии поддерживали эти требования недвусмысленными угрозами. 19—20 августа департамент начал усмирять восстание; 300 городских национальных гвардейцев и жандармерия взяли в плен 80 крестьян в кантон Ладь, В, Брантом, Агонак (дистрикт Перигё). Позднее была послана национальная гвардия в дистрикты Риберак и Мюссидан⁸³. Летом 1791 г. волнения издольщиков происходили также в департаментах Ланды и Тарн.

С конца весны пришли в движение многие деревни *Центрального массива*. В департаменте Коррез (дистрикты Тюль и Изерш) волнения возобновились в мае⁸⁴. В июне директория сообщила: «Во многих местах департамента возникают бунты, открыто нападают на пруды», «многие коммуны посадили "майские деревья", снабженные железными крюками, чтобы повесить первого, кто уплатит или потребует ренту», национальная гвардия утомлена и не может справиться с волнениями»⁸⁵. По просьбе директории в департамент прибыло 3 роты линейных войск, в деревни было послано, кроме того, около 500 национальных гвардейцев. Но в августе солдат отозвали и «бунты» вспыхнули с новой силой. В дистриктах Тюль и Иссель крестьяне опять принялись разрушать плотины сеньориальных прудов. Вблизи пруда Сен-Виктур восставшие столкнулись с национальной гвардией, двое из них были убиты, многие ранены. Характер событий в смежном департаменте Верхняя Вьенна ясен из обращения его директории к крестьянам (10 июня 1791 г.): «Граждане, не верьте этим коварным наущениям, что можно не платить ренты, помещайте, если хотите, флюгеры на ваши риги, но не посягайте на замки, пруды, церковные скамьи, которые являются собственностью...»⁸⁶ Волнения не утихли и в начале осени. 7 сентября директория жаловалась: «Уплата рент вызывает бунты в нашем департаменте»⁸⁷. В соседнем Марше (департ.Крез) восстание охватило дистрикт Ла-Сутеррен⁸⁸. 19 августа мэрам и командирам отрядов национальной гвардии множества коммун (50, если верить властям дистрикта и города) было разослано анонимное извещение: «Пусть все добрые граждане соберутся 23 числа сего месяца в 9 часов утра на дорогах, ведущих в Сутеррен, в 1,5 лье от города, чтобы войти в него с оружием и потребовать у дистрикта показать декреты и заставить передать комиссарам, которых они изберут на своих собраниях, титулы собственников рент»⁸⁹. С утра в назначенный день к Сутеррену стали стекаться вооруженные отряды. По оценке властей, собралось не меньше 4—5 тыс. крестьян. Власти стянули в город солдат, жандармов, национальную гвардию из нескольких городов и бургов — всего около 600 человек. После 4-часового столкновения крестьяне были рассеяны, 80 человек попали в плен, трое ранены и, возможно, двое убиты. Победителям достались трофеи: 52 ружья, 2 пистолета, 3 алебарды, 47 вил, 7 ножей ремесленников-саботье, 1 коса и знамя национальной гвардии одной из сельских коммун.

Все эти события «четвертой жакерии» — на Юго-Западе, в Центре, в Пикардии — были новым эпизодом крестьянской войны против сеньориального порядка. Вместе с тем летнее движение 1791 г. отмечено рядом специфических черт, роднящих его с событиями лета 1789 г. Как и последние, оно развернулось в момент острейшего политического кризиса, толчок которому дало на этот раз бегство Людовика XVI. С новой силой ожили в народе опасения заговора аристократии и угрозы иностранного вторжения. Естественной реакцией крестьян были нападения на дворян и их замки*.

Волна «четвертой жакерии» спала к началу осени 1791 г. В дальнейшем, вплоть до конца года, в деревне не было значительных массовых выступлений.

* Об этих крестьянских выступлениях, непосредственно связанных с событиями вареннского кризиса, см. с.204—206 нашей книги.

3. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ АНТИСЕНЬОРИАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ 1789—1791 гг. ПОЛИТИКА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Итак, крестьянское антисеньориальное восстание оставалось одним из важнейших явлений социальной жизни Франции и в 1790 и в 1791 г., останется им и в 1792 г. В ходе этого движения определились некоторые районы, где борьба приобрела особенно постоянный характер и крестьянские выступления, подавленные и рассеянные, возникали вновь и вновь. Это были прежде всего провинции Юго-Запада, имевшие давнюю традицию крестьянских восстаний, районы «кроканов» конца XVI—XVII в. — Керси, Перигор, Ажене, Сентонж, Ангума, Лимузен; движение захватило часть Оверни, Бретани, область Гатине. Истоки непрерывной цепи восстаний в Керси тщательно изучили на месте комиссары Собрания Робен и Годар. Их выводы могут быть отнесены и к объяснению причин волнений в соседних районах Перигора и Ажене. Во многих местах, писали они, «был увеличен объем мер, которые служили для взимания сеньориальных повинностей. В большинстве имелись также специальные решета, при помощи которых сортировали зерно... так что мера зерна рент стоила на рынке всегда на 30 су дороже». Сами повинности «возрастали от срока к сроку усилиями их откупщиков, управляющих, агентов сеньора и особенно февдистов. Эти февдисты... получали в свою пользу недоимки того, что называли здесь «открытиями» (decouvertes), и они открывали много, так как были заинтересованы в том, чтобы открыть»⁹⁰. Сходным образом толковал причины восстания в Агума член директории дистрикта Барбезье Бушри: «Держатели жалуются, и почти всюду обоснованно, что меры для взимания повинностей были сильно увеличены, а величины арпана или журнала уменьшена... Как! — (жалуется крестьянин. — А.А.) — Сеньор увеличивает на треть, на четверть старинные меры, он уменьшает журнал, а я должен временно платить? Как! Сеньор, проверяя свои владения, включает в феодальную поземельную опись дороги, ручьи, которые не были включены в старые цензуальные договоры... он заставляет цензитариев подписывать неверные декларации и акты признания, а я должен временно платить?»⁹¹ В Верхней Бретани восстанию способствовали «ужасные воспоминания о... тирании бывших сеньоров, их управителей и доверенных лиц, об их кражах и вымогательствах; меры для взимания повинностей почти всюду были увеличены на 1/6, а за то зерно, которое бедняки не доставляли в амбары сеньоров, их принуждали платить непомерные цены, всегда выше, чем рыночные»⁹².

Таким образом, районами наиболее интенсивного и постоянного движения против феодальных повинностей были в основном области мелкого крестьянского хозяйства, где сохранила большие позиции мелкая собственность⁹³. Феодальные повинности играли здесь очень значительную роль в доходах сеньоров⁹⁴. Владельцы сеньорий были связаны с продовольственным рынком, стремились сохранить и приумножить натуральные крестьянские обязательства. За некоторыми исключениями здесь господствовала издольщина, феодальные повинности наслаивались на арендные взносы. В руках дворян и буржуа-землевладельцев скапливались большие товарные запасы. В результате значительная часть крестьян была вынуждена покупать на рынке хлеб, произведенный в их хозяйстве и изъятый в счет сеньориальных и издольных рент.

В этой связи надо подчеркнуть, что вопрос о десятине и феодальных правах задевал кровные интересы не только крестьян-собственников, но и арендаторов, прежде всего издольщиков обширной зоны половничества. Десятина изымалась обычно до раздела всего продукта между землевладельцем и издольщиком, на долю последнего падала, следовательно, половина платежа. Отменив десятину с 1 января 1791 г., Собрание позаботилось, чтобы это было в пользу земельных собственников. Декретом 1—10 декабря 1790 г. (затем декретом 11 марта — 10 апреля 1791 г.) оно обязало арендаторов и издольщиков по-прежнему отдавать землевладельцу часть продукта, которая раньше шла на уплату десятины. В результате для всей массы крестьян — арендаторов и издольщиков — отмена десятины решительно ничего не дала. Что касается феодальных повинностей, то их, кроме шампара (как и десятина, он изымался до раздела продукта, и половина его падала на издольщика), землевладелец обычно перекладывал на арендатора. Неудивительно, что в общем потоке антисеньориальной борьбы отчетливо видны усилия крестьян-съемщиков, особенно издольщиков. Так, во время восстания в Шаранте (начало июня 1791 г.) «люди, лишенные собственности, издольщики, колоны, очень мелкие собственники» «восстали против своих хозяев», отказались платить ренты, которые землевладельцы изымали до раздела продукта, чтобы отдать сеньорам, и потребовали вернуть то, что они уплатили в 1789 и 1790 гг.⁹⁵ В волнениях в Перигоре летом 1791 г. участвовали преимущественно издольщики; администрация сообщала, что «жители деревень... не только не хотят платить годовые повинности в деньгах, зерне и т.п., известные под названием феодальных и сеньориальных рент, но издольщики отказываются также вносить платежи, о которых они условились с собственниками, чьи земли они обрабатывают; они требуют с оружием в руках устных и письменных отречений, они хотят... добиться возвращения того, что было уже уплачено в предыдущие годы»⁹⁶. В

департаментах Ланды и Тарн издольщики восстали против десятины во время жатвы 1791 г. В некоторых коммунах дистрикта Мон-де-Марсан (Ланды) было захвачено зерно в амбарах земельных собственников. В деревнях вокруг г.Пюилоранс (Тарн) в конце июля начались волнения в связи со «стойким сговором между колоннами и издольщиками не уплачивать десятину собственникам согласно декрету 11 марта 1791 г.»; «взимание десятины вызвало много беспорядков в этом департаменте»⁹⁷.

Наблюдая перипетии войны против сеньориального строя в эти годы, можно уловить и известную закономерность ее подъемов и спадов. В большой мере она связана с особенностями функционирования самой сеньориальной системы. Движение начинало нарастать с приближением жатвы и в ходе нее, когда приходило время уплаты десятины и шампара; оно вновь разгоралось в конце осени — начале зимы, когда истекали годовичные сроки уплаты повинностей (лето 1789 г., декабрь 1789 — февраль 1790 г., лето 1790 г., октябрь 1790 — февраль 1791 г., конец весны и лето 1791 г.).

Конкретные формы крестьянских действий в 1790—1791 гг. оставались во многом те же, что и в восстаниях 1789 г., хотя они и происходили в иных районах. Это были массовый отказ от уплаты феодальных повинностей (порой хорошо организованный, как в области Гатине), понуждение сеньоров к формальному отречению от феодальных прав, захват и уничтожение сеньориальных поземельных описей (иногда и целиком архива), наконец, вторжения в замки и монастыри^{*}, нередко их разграбление, поджог. Угрозы адресовались не только сеньору и его персоналу — они использовались и для устрашения колеблющихся из своей среды. Отсюда сооружение символических виселиц для тех, кто не только потребует, но и уплатит феодальные повинности.

Новым элементом было требование к сеньорам вернуть повинности, уже уплаченные крестьянами с начала революции, т.е. в 1789—1790 гг. Кроме того, почти во всех сельских бунтах и восстаниях этих лет настойчиво звучало требование подвергнуть тщательной проверке подлинные, «первоначальные» титулы сеньоров, чтобы установить, удостоверяют ли они их права на взыскание повинностей. Встречавшееся уже в конфликтах дореволюционного времени, оно оказалось в новых условиях проявлением своеобразного крестьянского правотворчества. Презумпции в пользу сеньора в вопросе о феодальных повинностях, установленной Учредительным собранием, крестьяне противопоставили презумпцию в пользу держателя. При этом толкование и применение этого требования восставшими крестьянами показывает, что речь шла по существу о полной отмене повинностей. Оно было в большой мере навеяно опытом «феодальной реакции». Крестьяне считали, что владельцы сеньорий не сумеют обосновать большинство своих прав, а так как они еще должны будут возместить бывшим держателям незаконно взысканное, это возмещение покроет то, что может остаться у сеньоров после проверки документов. Именно так обосновывали свою правоту крестьяне Керси в долгих беседах с посланцами Учредительного собрания Робеном и Годаром. Многие годы, говорили они, сеньоры ложью и насилием заставляли платить гораздо больше того, что записано в документах» в результате сами сеньоры стали неоплатными должниками крестьян — «возмещения должны быть, по их (крестьян. — А.А.) мнению, столь значительны, что, возможно, всего имущества сеньора окажется для этого недостаточным»⁹⁸.

Выше отмечались и такие методы крестьянских действий, родившиеся в начальные годы революции, как возникшее в начале 1790 г. на Юго-Западе (Перигор, Керси, Лимузен) движение посадки «майских деревьев», украшенных поверженными «символами феодализма», уничтожение церковных скамей дворян и буржуа. В ходе восстаний разворачивались и колоритные сцены народного торжества. Захваченное продовольствие, вино потреблялись в импровизированном застолье, возникали танцы, иногда устраивался хоровод вокруг «майских деревьев». На площади местечка (бурга), городка разводился яркий костер из церковных скамей. Так бунт, восстание трансформировались в народные празднества. Проявления народной культуры вырастали из акта социального протеста и переплетались с ним.

* * *

Восстания крестьян в 1790—1791 гг. представляются более организованными, чем во время «первой жакерии» лета 1789 г. Среди непосредственных лидеров по-прежнему были отдельные буржуа, даже дворяне. Но все же возникновение и развертывание восстаний оказывались прежде всего результатом крестьянской самоорганизации (при неизбежных проявлениях неконтролируемой народной стихии). В этой связи очень важен вопрос о роли созданного революцией нового муниципального строя, тесно переплетающийся с другим — в какой мере сохранялось антифеодальное единство крестьянского мира после законов об отмене «феодального порядка», принятых Учредительным собранием?

* В ходе восстаний даже усадьбы юре иногда подвергались нашествиям, «Жаки» забирали взысканную с крестьян десятину, продовольствие, вино, требовали денежных контрибуций.

Крестьянские петиции этого времени в принципе не отвергали выкупа; написанные верхними слоями деревни, нотаблями, членами муниципалитетов, они требовали резко облегчить его условия. Авторы петиций отказывались признавать презумпцию в пользу сеньора, добивались предъявления им документов, удостоверяющих уступку земли, коммутации натуральных рент денежными, раздельного выкупа постоянных и случайных повинностей (или полной отмены последних), рассрочки выкупных платежей, финансовой помощи государства; в некоторых документах явно слышался примирительный тон⁹⁹. Все это наводит на мысль, что еще в 1790 г. умеренная буржуазия располагала известной возможностью расколоть крестьянство и привлечь его зажиточную верхушку. Но такая возможность не могла быть реализована на базе компромисса 1789—1791 гг. Зажиточный крестьянин решительно не хотел тратить свои накопления на одновременную уплату высокого выкупа, тем более в тот момент, когда открывалась возможность приобретения земли из национального фонда. Характерно, что нередкие попытки буржуазных властей опереться в защите феодальных повинностей на собственническую природу этой категории крестьян¹⁰⁰ неизменно терпели неудачу, поскольку именно их частнособственнические инстинкты грубо ущемлялись законами Учредительного собрания. Но тем самым продлевалась во времени антифеодальная солидарность сельской общины. По-прежнему в ходе «жакерии» верхние слои крестьян отнюдь не были в стороне от движения¹⁰¹. Несомненным свидетельством этого является позиция сельских муниципалитетов и отчасти деревенской национальной гвардии. В январе—марте 1790 г. в деревнях были избраны новые органы сельской власти^{**}. Естественно, к муниципальным должностям пришли главным образом экономически наиболее крепкие слои крестьян. Тем не менее первые же шаги новой сельской власти показали, что в борьбе против сеньориальных порядков большинство сельских муниципалитетов выражало общекрестьянский интерес. Все важнейшие крестьянские выступления 1790—1791 гг. проходили с тем или иным участием муниципалитетов. Директория департамента Ло (Керси) доносила Собранию в сентябре 1790 г.: «Что нас больше всего удручает, господа, что делает зло особенно опасным, так это то, что во многих местах члены муниципалитетов являются или тайными зачинщиками, или сообщниками, или равнодушными свидетелями беспорядков»¹⁰². В соседнем Перигоре (август 1791 г.) «члены муниципалитетов были иногда сообщниками беспорядков, шагая во главе бунтовщиков»¹⁰³. Как свидетельствуют документы, то же самое наблюдалось в Сентонже и Ангума: «Многие приходы Нижней Шаранты... отказываются от уплаты бывших феодальных повинностей; члены муниципалитетов и национальные гвардейцы не только не препятствуют этому отказу, но поощряют и даже предписывают его»; «члены муниципалитета Сен-Тома-де-Конак находятся во главе разбойников и являются главными подстрекателями уже совершенных эксцессов...»¹⁰⁴. Когда 23 августа 1791 г. крестьянские отряды двинулись на г.Ла-Сутерен (Крез), «большинство взбунтовавшихся приходов возглавили их муниципалитеты... они могли и должны были предотвратить все это зло, но они, напротив, много ему способствовали»¹⁰⁵. Таким образом сельские муниципалитеты часто оказывались естественной, опиравшейся на вековую общинную традицию, организующей ячейкой крестьянского сопротивления феодальным повинностям^{***}. Созданные в деревнях отряды национальной гвардии поставляли сельским мятежам не чуждую организованности вооруженную силу. Все это придавало характерные черты многим крестьянским походам 1790—1792 гг. Мэры и члены муниципалитетов, опоясанные трехцветными шарфами, шли во главе крестьянских колонн, в составе которых были и национальные гвардейцы с оружием, нередко в форме, с трехцветным знаменем, барабаном. Отсюда и большая организованность наиболее крупных из этих движений, большие возможности создать «коалицию приходов». Организация таких «коалиций» неизменно была первейшей заботой «зачинщиков». Мы видели, что выступления обычно исподволь подготавливались. В деревни рассылались гонцы, доставлялись полученные добром или силой приказы муниципалитетов, командиров национальной гвардии, в которых указывались время и место сбора, цель похода и т.п. (именно так было во время восстаний в Гатике, в районе Динана, в районе Сен-Жан-д'Анжели).

Анатолий Васильевич АДО

КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1789-1794 гг.

М.: издательство МГУ. 1987. Издание 2-е, переработанное и дополненное

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

** Согласно закону 14 декабря 1789 г. в каждой коммуне (так назывались теперь первичные административные подразделения в деревне) активные граждане избирали членов муниципалитета и мэра, которые вели текущие дела, а также прокурора коммуны и нотаблей. Вместе они составляли совет коммуны, собиравшийся периодически для решения наиболее важных вопросов. Избраны могли быть только граждане, платившие прямой налог размером не менее средней 10-дневной заработной платы в данной местности. Сеньор (теперь уже «бывший сеньор») и юре отныне перестали быть обязательными членами сельского муниципалитета.

*** Конечно, бывало и так, что муниципалитеты пытались воспротивиться «крайностям», занимали двусмысленную позицию, заявляли, что были вовлечены в беспорядки угрозами и силой (что тоже нередко соответствовало истине).

Учредительное собрание хорошо видело, какую опасность таит упорное сопротивление деревень. Вопрос о феодальных повинностях занимал одно из центральных мест в его заботах; между маем 1790 г. и концом сентября 1791 г. Собрание посвятило ему около 70 специальных декретов или отдельных статей в декретах, касавшихся других вопросов. Общий смысл этой его активности уже получил верную оценку историков. «Крестьянскому ожесточению против сохранения сеньориальных прав, — писал А.Олар, — Учредительное собрание и королевское правительство противопоставили лишь консервативную и репрессивную политику, поистине буржуазную и антинародную»¹⁰⁶. Действительно, оно последовательно стремилось довести до конца дело, начатое в августе 1789 — марте 1790 г. Собрание детализировало основные положения законов применительно к тем или иным частным сторонам системы феодальных связей, распространяло их на сферы поземельных отношений, еще не затронутые законодательством, уточняло порядок и процедуру выкупных операций.

Лишь в немногих частных вопросах оно пошло навстречу крестьянам. Во-первых, было покончено с почетными правами сеньоров, что естественно вытекало из уничтожения сословных привилегий и отмены сеньориального суда. Декрет 13—20 апреля 1791 г. обязал бывших сеньоров в течение 2 месяцев убрать из церквей скамьи, гербы, ликвидировать в деревнях знаки феодального суда (виселицы и позорные столбы), уничтожил исключительное право сеньора на сооружение флюгеров. Во-вторых, желая ускорить поступление в казну выкупных платежей, Учредительное собрание облегчило условия выкупа феодальных повинностей, принадлежавших «нации». Декрет 14—19 ноября 1790 г. разрешил раздельно выкупать постоянные и случайные права и вносить в рассрочку (на 34 месяца) сумму выкупа. Декретом 9—20 апреля 1791 г. был разрешен также раздельный выкуп у «нации» солидарных повинностей. Наконец, в ответ на бесчисленные крестьянские протесты Учредительное собрание дало дополнительное разъяснение статьи 2-й части III декрета от 15—28 марта 1790 г., подчеркнув, что бывший сеньор не может отвергнуть требование «бывших вассалов, держателей или цензитариев» о предъявлении для проверки феодальных титулов (декрет от 15—19 июня 1791 г.).

Всякие дальнейшие уступки, которые могли бы затронуть принципиальную основу системы, Собрание отвергло самым категорическим образом. Крестьяне добивались перевода натуральных повинностей в денежные. Собрание специально постановило, что десятина за 1790 г., шампар, терраж и все натуральные платежи должны вноситься вплоть до выкупа в том же размере и в натуре (декреты 18—23 июня 1790 г., 19 августа — 12 сентября 1791 г.). Крестьяне требовали отмены презумпции в пользу сеньора; Собрание вновь подтвердило, что «бывший сеньор, издавна и бесспорно владеющий правом на взимание ренты с земельного участка, не нуждается ни в каком титуле, ни в каком особом документе для подтверждения законности этой ренты» (разъяснение Комитета феодальных прав от 27 октября 1790 г., декрет 15—19 июня 1791 г.). До последних дней своей деятельности Учредительное собрание не отказывалось от твердого намерения сломить сопротивление крестьян. Оно понимало, что придется прибегнуть к силе, и не останавливалось перед открытым конфликтом. Достаточно вчитаться в тексты декретов. Декрет 18-23 июня 1790 г. (ст.5) запрещал «любому лицу чинить любые препятствия взиманию десятины и шампаров... под угрозой преследования в качестве нарушителя общественного спокойствия». Через месяц Собрание заявило, что «будут преследоваться судебным порядком все нарушители декрета 18—23 июня об уплате десятины, шампаров и других бывших сеньориальных прав», и поручило своему председателю просить короля «привести в готовность регулярные войска, чтобы... прийти на помощь национальным гвардейцам для восстановления порядка там, где он будет нарушен» (декрет 13—18 июля 1790 г.). Еще через 2 недели оно потребовало от короля «самых точных и срочных приказаний, чтобы на всем протяжении королевства... трибуналы преследовали и карали по всей строгости законов всех, кто... противится... уплате десятины за этот год, а также шампара, агрье и других бывших сеньориальных повинностей» (декрет 3—5 августа 1790 г.)¹⁰⁷. В середине сентября в ответ на сообщение Сен-Приста (министр внутренних дел) о том, что «крестьяне «вопреки декретам Национального собрания пытаются ... избавиться от уплаты десятины, шампара и других бывших феодальных повинностей», Собрание вновь обязало исполнительную власть обеспечить соблюдение изданных им постановлений¹⁰⁸. Выше мы видели, что декреты не оставались на бумаге, — власти многократно провозглашали «военный закон», посылали в мятежные районы жандармов, национальную гвардию, линейные войска, вплоть до артиллерии; восставшие несли потери ранеными и убитыми.

Своеобразное политическое завещание Собрания в этом важнейшем вопросе — «Декрет и инструкция относительно шампара, терража и других бывших сеньориальных повинностей», принятые 15—19 июня 1791 г. «Пора, наконец, чтобы прекратились эти беспорядки... пора гражданам, труд которых оплодотворяет поля и кормит государство, вернуться к исполнению своих обязанностей и относиться к собственности со всем должным ей уважением» — таков лейтмотив документа. Крестьянам предлагалось полное и «безусловное подчинение.

Эту меру необходимо рассматривать в общем контексте буржуазной политики середины 1791 г. Готовясь сойти с исторической сцены, умеренное большинство Собрания прилагало отчаянные усилия, чтобы упрочить уже давший угрожающие трещины режим компромисса между умеренной буржуазией и аристократией. Подавление нараставшего натиска демократии, в первую очередь крестьянской, являлось непереносимым условием такой стабилизации. Было бы неверно поэтому связывать декрет 15—19 июня только с обычным приближением жатвы. Его значение шире и выступает особенно наглядно, если учесть, что днем раньше был принят знаменитый закон Ле-Шапелье, что как раз в это время Собрание исключило из национальной гвардии пассивных граждан, запретило коллективные петиции, разрешило неконституционный католический культ, а вожди умеренной буржуазии и либеральных дворян готовили пересмотр конституции. Вареннский кризис, разразившийся в конце июня, сорвал этот замысел.

4. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ и КРУШЕНИЕ ФИСКАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ АБСОЛЮТИЗМА

В 1789 — начале 1791 г. наряду с антисеньориальной войной ожесточенная борьба против старой сословно-пристрастной налоговой системы была важнейшим элементом крестьянского (как и городского) движения. Обе линии борьбы нередко сливались в единый поток, в конечном счете его напор сокрушил фискальное здание старого порядка.

Массовое сопротивление уплате налогов развернулось еще весной. В первую очередь оно было направлено против косвенных сборов. Вызывавшие особую ненависть накануне революции, они оказались нестерпимы в условиях экономического кризиса, дороговизны и безработицы, сведших до минимума покупательную способность масс. Летом 1789 г., после того как были разгромлены парижские налоговые заставы, пала Бастилия и по всей стране начались крестьянские и городские восстания, «вся сложная и казавшаяся нерушимой система взимания косвенных налогов внезапно рухнула»¹⁰⁹. В июле и августе во множестве городов и местечек народ разгромил заставы, налоговые конторы, уничтожил документы откупного ведомства. Весь аппарат, занимавшийся взысканием налогов и принуждением к их уплате, был в значительной мере парализован. «Во многих провинциях,— заявил 27 августа Ж.Неккер, — контрабанда осуществляется вооруженной рукой и защитники доходов фиска по большей части рассеялись, будучи не в состоянии противиться растущему сопротивлению»¹¹⁰. Первыми очагами восстания против косвенных сборов, особенно габели, были местности, смежные с провинциями, освобожденными от соляного налога (так называемыми *paus exempts*, как Артуа или Бретань). Близость этих провинций удваивала ненависть в соседних районах и создавала прочную основу для контрабанды. Поэтому возмущение против габели вспыхнуло на западе и отсюда шло на Восток и в Центр. М.Марион считает, что оно зародилось в Анжу и Пикардии, затем распространилось на Нормандию, Турень, Суассонне, Иль-де-Франс, Орлеане, Берри, Бурбонне, а затем на Шампань и Бургундию¹¹¹. К августу от косвенных налогов практически освободились жители Анжу, Турени, Нормандии, Пикардии, Суассонне, Лотарингии и Руссильона. Одновременно резко упало поступление прямых налогов. 7 августа Неккер объявил, что сборщики талли, двадцатины и капитации находятся «в отчаянном положении»¹¹².

Таким образом, первый массовый натиск против налогового гнета по времени совпадал с общим подъемом народных движений в преддверии и в самом начале революции и завершился хотя и не полной, но ощутимой победой. Налоговые поступления стремительно падали. К сентябрю 1789 г. казна была на грани катастрофы. Едва заполучившая власть, буржуазия оказалась перед лицом того самого финансового кризиса, который сыграл столь роковую роль в ослаблении позиций абсолютизма и был теперь многократно обострен фактической стачкой массы налогоплательщиков.

Здесь-то и обнаружилась двойственная сущность стоявших у власти умеренных либералов. Они с трепетом остановились перед важнейшей статьей расхода, обременявшей казну, — государственным долгом. Сама мысль о государственном банкротстве вызывала у них негодование. В Якобинском клубе с содроганием указывали, что частные состояния «рухнут вслед за крушением достояния общественного»¹¹³. Одушевленное заботой о незыблемости частной собственности, Учредительное собрание не только взвалило на неокрепшие плечи революции гигантский государственный долг старой монархии, но и увеличило его почти на 1/3, обязавшись выкупить инфеодированные десятины (около 100 млн ливров) и отмененные должности по судейскому и финансовому ведомствам (150 и 450 млн), а также взяв на себя долги духовенства (149 млн). Одна лишь сумма годового процента должна была составить 262 млн ливров (на 22 млн больше, чем все расходы государства по управлению) при общем объеме долга в 4 млрд 262 млн ливров (из них 3 млрд 119 млн — долги старого режима)¹¹⁴.

Правда, деятели Учредительного собрания ликвидировали фискальные привилегии, наложили руку на имущества духовенства, прибегли к ассигнатам. Кроме того, они намеревались перестроить всю систему налогов, унаследованную от абсолютизма, — она вызывала не только ненависть народных масс, но и острое недовольство основной массы буржуазии. Это требовало, однако, детальной реорганизации и времени. Новые налоги были введены в начале 1791 г., а стали поступать лишь в июле — сентябре. Между тем деньги требовались немедленно. Не помышляя о том, чтобы выйти из кризиса за счет клики финансистов, Собрание решило временно восстановить старые налоги. Декрет 23—27 сентября предписал восстановить заставы, возобновить взыскание всех косвенных налогов, включая ввозные, продовольственные и питейные пошлины — эд и октруа и знаменитую габель. Правда, цену на соль в районах «большой габели» снизили вдвое (с 12 до 6 су за фунт), отменили обязательство покупать строго фиксированное количество соли, запретили домашние обыски.

«Сила и размах движения протеста в стране против декрета Собрания от 23 сентября о восстановлении застав и взимании всех косвенных налогов, в том числе на соль, превзошли все ожидания»¹¹⁵. Роль крестьянских масс в этом движении была очень велика. Провинции, где существовала «большая габель», оказались в авангарде сопротивления. Особенно большой размах оно приняло в Анжу. 24 октября чрезвычайные делегаты провинции доложили Собранию о всеобщем народном возмущении против косвенных налогов, о том, что налоговые заставы разрушены, взимание налогов прервано и «жители городов и деревень заявили, что не будут платить ничего, если их попытаются подчинить даже смягченному режиму габели»¹¹⁶. Восстановление соляного налога было здесь сорвано; в феврале 1790 г. депутат от Анжу на федерации в Понтиви заявил: «Ненависть крестьян против этого налога такова, что они готовы пожертвовать жизнью... потоки крови прольются в Анжу, если даже временно здесь вновь появится габель»¹¹⁷. События в Анжу вызвали широкий отклик и повлияли на развитие антиналогового движения.

Основной формой сопротивления косвенным налогам оставались массовая контрабандная продажа соли, табака, беспошлинный ввоз в города и рыночные местечки вина, мяса и т.п. Служащие фиска подвергались угрозам, попытки взыскать пошлины или захватить контрабандный товар приводили к бунтам, в которых участвовали крестьяне и горожане. Так обстояло дело в соседних с Анжу провинциях Мэн¹¹⁸, Пуату¹¹⁹, особенно Турень, где в конце 1789 г. повсеместно продавалась контрабандная соль (за 1 су вместо законных 6), а крестьяне категорически отказывались платить ввозные пошлины на вино и мясо¹²⁰. В Силле-ле-Гийоме попытка захватить контрабандный табак вызвала «огромное сборище городских и деревенских жителей», которые забросали градом камней драгун и жандармов и осадили их в казарме и налоговой конторе¹²¹. Сходное положение.. было в Нормандии, также подчиненной режиму «большой габели» (кроме западной ее части): в широчайших размерах продолжалась соляная контрабанда, взыскание продовольственных пошлин наталкивалось на постоянные трудности¹²². «Все Берри, — доносил 21 декабря 1789 г. комитет г.Кон-на-Луаре, — наводнено контрабандной солью, повсюду от Орлеана до наших мест она продается открыто на площадях и перед дверьми приходских церквей по воскресеньям и в праздничные дни»; в городе был размещен военный отряд, чтобы перекрыть провоз соли по Луаре, но «большое число приходов Берри и нашего берега (т.е. Ниверне. — А.А.) составили сборище, чтобы его отбросить, многих они избili и тяжело ранили»¹²³. Через 2 недели бунт против служащих соляного откупа вспыхнул в Шарите-на-Луаре, крестьяне окрестных приходов заставили освободить арестованного контрабандиста¹²⁴. На широкое распространение соляной контрабанды ссылался в начале января 1790 г. муниципалитет Сен-Фаржо: «Во всем королевстве, а особенно в соседних городах, таких, как Орлеан, Монтаржи, Осер, Бурж, Туей и Кон-сюр-Луар, соль продается открыто», пресечь продажу значило бы «разжечь пламя смертоубийственной гражданской войны»¹²⁵. По северному краю районов «большой габели» важным центром движения была Пикардия; с весны 1790 г. активную роль в нем играл Г.Бабеф¹²⁶. 11 ноября 1780 г. интендант писал Сен-Присту о провале попыток восстановить габель в приходах, пограничных с Артуа, по берегам р.Оти, где жители прогнали всех служащих соляного откупа, в Абвиле, Перонне. Сен-Кантен был в том же положении, «большая часть городских жителей, все крестьяне окрестных приходов решили воспротивиться восстановлению габели». Об открытой продаже контрабандной соли, о том, что почти полностью прекратилось поступление доходов от октруа и эд, интендант вновь сообщил 6 декабря¹²⁷. Повсюду служащие налоговых откупов подвергались угрозам, кое-где насилиям. 17 февраля в бурге Эрен (Сомма) был разгромлен дом сборщика соляного откупа; 23 февраля при попытке служащих оформить документы по взысканию эд в деревне Марей (возле Абвиля) сбежали крестьяне трех приходов с косами, вилами, палками, прогнали служащих и солдат, порвали документы¹²⁸. В Южной Франции Лангедок, Лионне, Дофине, Прованс являлись провинциями «малой габели». Тем не менее к концу 1789 — началу 1790 г. соляная контрабанда и беспошлинная продажа табака приняли в Лангедоке широчайшие размеры. 19 ноября 1789 г. генеральный синдик провинциальных штатов сообщил: «...соль, табак, всевозможные иностранные товары ввозятся вооруженными контрабандистами, ко-

торые спускаются с гор Руссильона, эти товары продавались и постоянно продаются на рынках Нижнего Лангедока...»¹²⁹

Таким образом, попытка заставить массу налогоплательщиков, в первую очередь крестьян, нести немного облегченное бремя старых косвенных налогов, натолкнулась на почти непреодолимые трудности. Народ не желал платить. В районах, где происходили волнения, поступления снизились в наибольшей степени (см. табл.).

Денежные поступления от продажи соли в районах «большой габели»¹³⁰

Управление «большой габели»	Поступления за январь (в ливрах)	
	1789 г.	1790 г.*
Алансон	205 039	1 240
Амьен	160 143	604
Анже	95 985	—
Кан	108 213	3 469
Шалон-на-Марне	216 538	74 256
Шалон-на-Соне	184 964	84 996
Шатору	124 945	1 302
Дижон	200 766	82 837
Лангр	176 756	90 648
Лаваль	90 096	3
Ле-Ман	200 185	351
Мулен	101 135	40 882
Орлеан	290 857	4 283
Сен-Кантен	66 645	386
Суассон	185 230	8 752
Тур	162 186	444
Соляные амбары Парижа	337 875	36 165

* С октября 1789 г. цена соли была снижена с 12 до 6 су за фунт.

Стало очевидно, что дальнейшее сохранение габели становится невозможным и опасным; целые провинции, отмечал в докладе Собранию П.С.Дюпон де Немур, «вопреки вашим декретам... освободились при помощи восстаний от налога на соль»¹³¹. Собранию оставалось лишь санкционировать совершившийся факт. Декрет 21—30 марта 1790 г. отменил все разновидности налога на соль.

Брешь в бюджете 1790 года предполагалось закрыть введением взамен габели и упраздненных второстепенных косвенных сборов специального дополнения (*impot de remplacement*) к сохраненным налогам. Попытка полностью провалилась. Вместо 51,5 млн ливров казна получила к апрелю 1792 г. 284617; 17 прериаля II г. Республики (5 июня 1794 г.) Конвент отменил эти дополнительные су. Таким образом, рухнул ненавистный соляной налог. Это была важная победа народных масс Франции, не в последнюю очередь победа крестьян.

Уступив в вопросе о габели, Собрание упорно держалось за остальные косвенные налоги^{**}. Важнейшими из них оставались налоги на съестные припасы, эд (годовые поступления в казну от габели оценивались в 63 млн ливров, *Regie des aides* должна была вносить свыше 50 млн). Против них и направилось теперь общее возмущение. Антиналоговое движение по-прежнему объединяло массу городского и деревенского мелкого люда. Очень активна была многочисленная армия трактирщиков, кабатчиков, торговцев. Несомненно, однако, что крестьяне (и не только виноградари) были важной силой сопротивления, налоги на припасы и напитки ущемляли их одновременно как продавцов и как потребителей. В целом усилия по восстановлению косвенных сборов не принесли большего успеха, чем попытки вновь утвердить габель.

18 августа 1790 года генеральный контролер представил Собранию «ужасающую картину сильнейших бунтов, которые разразились во многих местах против взыскания пошлин и против сборщиков. Некоторые из них оказались жертвой своей верной службы общественной казне, еще большее число их... было вынуждено прекратить свои операции, либо вернуть захваченную контрабанду, либо вообще покинуть свои посты»¹³². «Наиболее полное крушение, — отмечал М.Марион, — произошло, по-видимому, в области взимания эд. Восстание, которое вспыхнуло в

** Целым рядом декретов оно требовало уплаты оставшихся косвенных сборов, обязывало муниципалитеты и местную администрацию обеспечить их исправное поступление (декреты 28—31 января, 12—21 сентября, 22—27 сентября, 22 декабря 1790 г.). Помимо этих общих решений в течение 1790 г. был принят ряд частных декретов — о косвенных сборах в отдельных провинциях и городах (Эно, Фландрия, Пикардия, Лотарингия, Лион).

которое вспыхнуло в Пикардии... распространялось, вызывая всеобщую тревогу...»¹³³ Действительно, центром сопротивления оказались с весны 1790 г. генеральства Амьена и Суассона (департаменты Сомма, Эна и отчасти Па-де-Кале). Движение это широчайшим образом захватило пикардийскую деревню. Настроение крестьян было самым угрожающим. В приходах Кеби и Манкур жители «громогласно заявили, что если вздумают требовать с них уплату пошлин, больше сорока коммун явятся на помощь по первому сигналу». К началу июля сопротивление захватило дистрикты Лана и Вержена (департ.Эна). 12 июля генеральный контролер финансов Ламбер сообщал: «...вся эта местность находится в состоянии ужасающего возбуждения», жители угрожают повесить налоговых служащих, во многих трактирах уже приготовлены веревки; 4 июля образовалось громадное «сборище» в 4—5 тыс. крестьян, которые пошли «от замка к замку, заставляя сеньоров отказываться от терража»; 6 июля они учинили «ужасающий разгром» в замке Марфонтэн, принадлежавшем маркизу де Ноайль¹³⁴. В августе Учредительное собрание посвятило этому восстанию 2 декрета (от 4—15 и 10—18 августа 1790 г.), угрожая строго преследовать тех, кто не платит налога. Тщетная попытка — в сентябре директория Соммы отметила, что «взимание эд и октруа почти уничтожено»¹³⁵.

Севернее Пикардии сопротивление косвенным налогам было, очевидно, довольно энергичным в Эно¹³⁶ и Артуа¹³⁷, но о нем мы знаем мало. Так же, как в районе Лана, движение против шампара в Гатине летом 1790 г. сопровождалось выступлениями против эд. «В течение последних 15 месяцев, — сообщал в июне управитель откупного управления Сансского округа, — налоговые служащие непрестанно подвергаются угрозам и оскорблениям... жители ежедневно и открыто уклоняются от уплаты пошлин... В провинции убеждены, что все пошлыны уничтожены, что возрождение государства должно привести к освобождению от всех налогов»¹³⁸.

Из числа северо-западных провинций в Нормандии, по сведениям Мариона, в течение 1790 г. волнения против эд произошли в Байе (департ.Кальвадос), Валоне (департ.Манш), Се (департ.Орн); в дистрикт Сен-Ло (департ.Манш) в октябре пришлось послать войска и жандармерию, чтобы обеспечить взыскание пошлин на сельских ярмарках¹³⁹. В январе 1791 г. в районе Кана образовался «отряд разбойников числом около 300», осуществлявший контрабанду табаком; муниципалитет просил срочно прислать полк драгун¹⁴⁰. В Бретани антисеньориальное восстание начала 1791 г. повернулось также против косвенных налогов. Из Динана сообщали, что без помощи войск «невозможно восстановить... взимание пошлин ни в городе, ни в тех деревнях, где оно прервано... В Эвроне налоговым служащим угрожали и заставили их скрыться, дом сборщиков был разграблен...»¹⁴¹ Южнее, на берегу Луары, захват груженного контрабандным товаром судна вызвал 27—28 июня 1790 г. «ужасающий бунт» против сборщика проездных пошлин в Энгранде. Восточнее, по течению Луары, взыскание эд встретило ожесточенное сопротивление в Берри — волнения вспыхнули в Левру (октябрь 1790 г.), Ле-Шатре, Аржантоне (ноябрь). Особую тревогу вызвало возмущение виноградарей Иссудена 12 и 17 октября. Против них использовали «военный закон» и послали войска, в ноябре Иссуден все еще был занят солдатами¹⁴². Мы почти не имеем сведений о положении дел в Восточной Франции. Очевидно, в Лотарингии сопротивление косвенным сборам приняло значительные размеры, поскольку 8 сентября 1790 г. Учредительное собрание издало направленный против него особый декрет. Что касается Эльзаса, то мы знаем об одном значительном бунте против служащих налогового откупа — в коммуне Боном (Верхний Рейн) в июне 1790 г.¹⁴³ По течению Роны крупнейшим центром борьбы оставался Лион, имевший многочисленное трудовое население и торговые связи с сельской округой. Здесь 8—10 июля 1790 г. были вновь разрушены заставы, и в город устремился из деревни поток беспошлинных продовольственных товаров. К концу июля власти подавили бунт, но так и не осмелились опубликовать специальный декрет Собрания 13—17 июля 1790 г. В Лангедоке взыскание эквивалента (местной разновидности эд) наталкивалось на многочисленные отказы и угрозы¹⁴⁴. На крайнем Юге, в Руссильоне, по утверждению Мариона, «возмущение против взимания пошлин было постоянным, налоговые служащие были вынуждены исчезнуть»¹⁴⁵.

Народная борьба против косвенных налогов не всегда принимала форму прямого насилия. Пассивное сопротивление, уклонение всеми возможными путями от контроля откупного ведомства и отказ платить играли в ней не меньшую роль. Средства принуждения, которыми располагало государство, были малоэффективными. Деревенские, нередко и городские муниципалитеты, всячески избегали оказывать вооруженную поддержку служащим фиска. Как правило, нельзя было рассчитывать в этом вопросе и на национальную гвардию. Старый же аппарат принуждения, существовавший при откупном ведомстве, был парализован. Правда, иногда властями посылались отряды линейных войск, подчас и городской национальной гвардии, главным образом в районы открытых бунтов; департаментская и окружная администрация старалась возобновить взыскание податей. И все же восстановить косвенное обложение в сколько-нибудь серьезных размерах не удалось.

Избранная Собранием линия финансовой политики требовала исправного поступления не только косвенных, но и прямых налогов старого порядка. В отличие от косвенных прямые налоги не сдавались на откуп, а взимались непосредственно государством. Целым рядом общих и частных постановлений оно подтвердило их временное сохранение. Декрет 30 января — 3 февраля оставил на 1790 г. старую процедуру их взыскания и занятый этим громоздкий чиновничий аппарат. По замыслу законодателей, и в 1789, и в 1790 гг. французский крестьянин по-прежнему должен был нести на своих плечах не только основную массу косвенных сборов, но и талью, капитацию, двадцатину. Мы видели, как был сорван этот замысел в области косвенных налогов. Отнеслись ли крестьяне с большей покорностью к налогам прямым?

10 августа 1790 г., сообщая Собранию о «постоянном и всеобщем бунте» против косвенных налогов, генеральный контролер Ламбер добавил: «Пусть Собрание знает, что прямые налоги также не избежали нападения...»¹⁴⁶ Это нападение не приняло таких насильственных форм, как борьба против габели и эд. Сама процедура взыскания так называемых «ординарных налогов», т.е. тальи и капитации, создавала для крестьян иные возможности сопротивления. Раскладкой налога и составлением списков ведали муниципалитеты. С начала 1790 г. этим должны были заниматься вновь избранные деревенские муниципальные органы власти.

Задача была для них трудна, значительная часть их членов была малограмотна, иногда и вовсе неграмотна. Кроме того, муниципалитеты попросту не спешили с составлением списков. Декретом 15—25 мая 1790 г. Собрание обязало их закончить эту работу в ближайшие 2 недели. К августу из 20040 доходов в бывших *raus d'election* указанию подчинились 18141; между тем финансовый год тальи начался еще в октябре 1789 г. Но составление списков было только первым шагом — надо было еще заставить крестьянина платить. Это было непросто и при старом порядке; с началом революции трудности взимания налогов многократно умножились.

В связи с возмущением против тальи в дер. Эглиз-нёв-де-Лиар (департ. Пюи-де-Дом) Собрание 10 июля 1790 г. предписало исполнительной власти «принять все необходимые меры для предотвращения бунтов и взыскания прямых налогов»; через 3 дня (декрет 13—22 июля) оно потребовало от только что организованных директорий дистриктов и департаментов оказать немедленную помощь налоговым чиновникам. Дело, однако, подвигалось из рук вон плохо. Сборщики из числа жителей старались уклониться от своих обязанностей. Муниципалитеты и национальные гвардии не хотели прибегать к мерам принуждения. В июле — августе в деревнях департамента Од поднялось массовое возмущение — крестьяне угрожали служащим тальи; направленные в эти села гарнизоны были прогнаны¹⁴⁷. 27 ноября Ламбер жаловался на «упорное сопротивление (взиманию прямых налогов. — А.А.), потворство многих муниципалитетов, часто состоящих из неисправных налогоплательщиков, слабость, а иногда решительное нежелание действовать со стороны национальных гвардейцев»¹⁴⁸. Собрание и высшая администрация умножали декреты, инструкции, прокламации. Закон 3 февраля 1791 г. предписал уплатить недоимки в течение первой половины текущего года, декрет 20 мая обязал дистрикты и муниципалитеты обеспечить принуждение недоимщиков. Полученные результаты не были равноценны затраченным усилиям.

Результаты народного сопротивления могут быть суммированы в цифрах: в 1788 г. сданные на откуп косвенные налоги принесли 205 млн ливров, в 1790 — чуть больше 32 млн, в 1791 г. — 21,5 млн. Из них налоги генерального откупа — габель, налог на табак, парижские таможенные сборы дали около 18,5 млн ливров в 1790 г. вместо 153 млн в 1788 г., эд — 13,75 млн в 1790 г. вместо 52 млн в 1788 г.¹⁴⁹ Крушение прямых налогов было менее полным, но достаточно ощутимым. Общая сумма «ординарных налогов» составляла в 1790 г. около 180 млн ливров; к 10 ноября 1790 г. было собрано 33 млн, к маю следующего года около половины, к сентябрю оставалось не уплачено еще 43,95 млн¹⁵⁰. В том же финансовом году из общей суммы прямых налогов в 256 млн ливров (включая введенное революцией обложение привилегированных) удалось в конечном счете, по оценке Мариона, собрать 150 млн. Чистый выигрыш налогоплательщиков, не в последнюю очередь крестьянства, был велик — неуплаченные или уплаченные терявшими ценность ассигнатами недоимки по прямым налогам плюс миллионы ливров невнесенных косвенных сборов.

Это был реальный результат народного движения. В начале 1791 г. оно завершилось и законодательной победой: 12 февраля была уничтожена табачная монополия; 19 февраля Собрание декретировало отмену с 1 мая всех въездных пошлин, которые уплачивались при ввозе товаров в города; закон 2—17 марта отменил с 1 мая все виды эд; одновременно с введением поземельного налога (декрет 23 ноября — 1 декабря 1790 г.) и налога на движимость (декрет 13 января 1791 г.) перестали существовать старые прямые налоги. Со второй половины года новая налоговая система начала с большими трудностями входить в жизнь.

Разрабатывая новую фискальную систему, Учредительное собрание в немалой мере вдохновлялось идеями физиократов о «территориальном налоге», облагающем «чистый продукт», единственным источником которого является земля. Известна глубоко раскрытая К.Марксом буржуазная сущность этих идей. «Французская революция, — заметил К.Маркс, — вопреки возражениям Редерера и других, приняла эту налоговую теорию»¹⁵¹. Действительно, Собрание перенесло центр тяжести налогообложения на прямые налоги, в первую очередь на поземельный, сумма которого превышала все прямые налоги старого режима, вместе взятые*. Принесла ли эта система с ее акцентом на земельное обложение облегчение непосредственному сельскому производителю, расширила ли она для него возможности накопления? Творцы новой системы отвечали положительно на этот вопрос, ссылаясь на отмену фискальных изъятий, на то, что крестьянин освободился от десятины и части феодальных повинностей, от косвенных налогов, на то, что поземельный налог не мог превышать 1/6 чистого дохода и теоретически обложение было пропорционально доходу.

На несколько лет, очевидно, облегчение было получено. С точки зрения фискальной результаты революции для крестьян определяются не только характерными чертами новой налоговой системы. С 1792 г. наступила на ряд лет длительная инфляция, она оказалась выгодной для середняков и крестьянской верхушки. Продавая продукты своего хозяйства по стремительно возрастающим ценам, они вносили арендную плату и налоги обесценивавшимися ассигнатами. Кроме того, в обстановке революционного кризиса платежи вообще вносились нерегулярно.

Но это облегчение оказалось довольно кратковременным. Многие зависело от практического применения новой системы, в частности от раскладки налога. Крупные землевладельцы, которые по идее физиократов и по замыслу законодателей должны были нести основную тяжесть налога, старались переложить его на крестьян-арендаторов (последние облагались помимо этого налогом с движимости). Вдобавок во Франции не было земельного кадастра, и Собрание распределило земельный налог между департаментами в зависимости от суммы старых налогов, падавших на эту территорию. В итоге в некоторых департаментах новые налоги оказались выше старых¹⁵².

После термидора все более законченные черты начала приобретать та система эксплуатации крестьянина крупной буржуазией через посредство налога, последствия которой были раскрыты К.Марксом. Директория добавила прямой налог на окна и двери и восстановила октруа. Консульство и особенно Империя еще более решительно стали на путь восстановления сметенных народным движением 1789—1791 гг. косвенных налогов¹⁵³. Были увеличены число застав и отчисления от их доходов в казну, вновь появились налоги с питей, и налоговые чиновники («погребные крысы» — «rats de cave»), совсем как при старом режиме, получили право контролировать крестьянские погреба. Наконец, ожил, хотя и не в прежних варварских формах, налог на соль, возродился табачный акциз.

5. БОРЬБА ЗА ЗЕМЛЮ В АГРАРНОМ ДВИЖЕНИИ 1789—1791 гг.

В 1789—1791 гг. уничтожение феодальных повинностей оставалось главным требованием деревни. Однако даже самая полная ликвидация сеньориального порядка могла удовлетворить только самостоятельных крестьян-землевладельцев. Напомним, что лишь около 35—40% земельной площади принадлежало крестьянам и земельная нужда была уделом большинства сельского населения. Естественно, что упорная борьба за землю шла во французской деревне на протяжении всей революции. Особую остроту она приобрела в 1792—1793 гг., когда определилась неизбежность падения сеньориального строя. Поэтому важнейшие вопросы крестьянской борьбы за то или иное перераспределение земельной собственности будут рассмотрены в связи с аграрным движением именно этих лет. Однако и раньше, в 1789—1791 гг., на развитии социальной борьбы в деревне уже отразилась жадная тяга крестьян к земле.

Еще перед революцией среди всего комплекса земельных вопросов наиболее дала о себе знать борьба из-за общинных земель. В первые же месяцы революции она возобновилась с удвоенной энергией, причем крестьяне, до этого осуществлявшие тяжелую и редко успешную оборону, стали стороной атакующей. Прежде всего они потребовали вернуть общинам все земли, захваченные в период «феодальной реакции» и раньше. Одновременно возник и более широкий вопрос о праве собственности на все пустопорожные земли, не бывшие бесспорными владениями общин. После декретов 4—11 августа 1789 г. и последующих законов, которые превратили сеньоров в простых частных лиц, предстояло решить, кто будет законным хозяином обширного фонда незанятых земель. На него настойчиво претендовали общины. В сущности эта борьба смыкалась с общим наступлением против феодальных прав и привилегий бывших сеньоров. Не

* В ближайшем году от поземельного налога было намечено получить 240 млн ливров, от налога на движимость — 60 млн, от т.наз. patente (налога на коммерческие операции) — 12 млн. Сюда надо добавить по 4 дополнительных су с каждого ливра земельного налога для нужд департаментской администрации (48 млн ливров) и еще по 1 су на расходы, связанные с взысканием налога (12 млн).

случайно в период деятельности Учредительного собрания общинными землями занимался главным образом его Комитет феодальных прав.

Уже во время первого подъема сельских восстаний против феодальных повинностей летом 1789 г. крестьяне стали явочным порядком забирать отнятые у общин земли, разрушали возведенные вокруг них изгороди, скашивали хлеба и травы. Толчком для громадного восстания в Маконне (см. гл.3) явился острый конфликт с сеньором именно из-за общинного владения¹⁵⁴. Выступившие против феодальных прав крестьяне Франш-Конте решительно потребовали также вернуть им все захваченные сеньорами общинные земли¹⁵⁵. В той или иной мере эта борьба обнаружилась в ходе других летних восстаний, особенно в Нормандском бокаже и Верхнем Мэне¹⁵⁶.

Когда в начале 1790 г. поднялась «вторая жакерия», вопрос об общинных землях остро встал в Бретани¹⁵⁷. Перед революцией здесь широко практиковался так называемый аффеаж — сеньоры присваивали участки пустошей на территории фьефа и, обложив рентой, передавали в частное владение (обычно богатым хозяевам или буржуа). С первых месяцев революции крестьяне начали подлинную войну с аффеажистами — засыпали канавы и ломали изгороди, обозначавшие границы их земель, выпускали на эти земли скот и т.п.

В некоторых районах борьба за овладение общинными землями приняла своеобразную форму «войны против деревьев», по выражению Ж.Лефевра. Пользуясь так называемыми *droit de plantis* и *droit de voyerie*^{*}, сеньоры широко практиковали посадку деревьев, в частности плодовых, на общинных пустошах, выгонах, по краям дорог, улиц, площадей. С началом революции крестьяне принялись собирать плоды, рубить посадки. Движение получило особенный размах во Фландрии, Эно, Камбрези, Пикардии¹⁵⁸.

К концу 1789 и в начале следующего года Учредительное собрание вынуждено реагировать на настойчивое давление деревень. Задача оказалась для него чрезвычайно сложной. Земельные захваты сеньоров были, как правило, должным образом юридически оформлены, а многие узурпированные земли отчуждены третьим лицам и являлись для них благоприобретенным имуществом. Поэтому вставал вопрос, во-первых, о незыблемости принципа частной собственности, во-вторых, о непосредственных интересах не только сеньориального, но и буржуазного землевладения. Неудивительно, что первая реакция Учредительного собрания была отрицательной. Статья 2 декрета 11 декабря 1789 г. просто запретила общинам «захватывать леса, пастбища, пустоши, на которые они не имели действительного права собственности к 4 августа текущего года»; разрешалось лишь «обжаловать законным путем узурпации, которые как они полагают, были произведены». Позднее, декретом 15—28 марта 1790 г. (ст.30 разд.II) Собрание отменило на будущее время право триажа, установленное ордонансом 1669 г. о лесах и водах. Однако главное было в том, чтобы придать отмене обратную силу, вернуть общинам ранее отнятые земли. Именно этого не хотело умеренное большинство Собрания; оно отвергло предложения Робеспьера, энергично защищавшего интересы крестьян¹⁵⁹, и ограничилось незначительной уступкой — аннулировало только триажи, совершенные в течение последних 30 лет в нарушение ордонанса 1669 г. (ст.31 разд.II закона 15—28 марта 1790 г.). В течение 5 лет крестьяне могли требовать через суд возвращения этих земель. Главное оставалось, таким образом, нерешенным. То же следует сказать и о древесных насаждениях сеньоров на общинных землях; декрет 26 июля — 15 августа отменил на будущее время «право посадок», но он сохранил за сеньорами право на уже посаженные деревья.

Естественно, что борьба за восстановление общинного земельного фонда стала занимать все более заметное место в аграрных конфликтах. Многие деревни использовали предоставленные им легальные возможности. С середины 1790 г. усилился приток петиций в Учредительное собрание. Число начатых сельскими коммунами судебных дел против захватчиков общинных земель также увеличилось. Однако судебные возможности коммун были ограничены. В лучшем случае они могли вернуть только земли, отобранные в явное нарушение ордонанса 1669 г. Чтобы начать процесс, надо было получить разрешение директории департамента, представив оправдательные документы, «титулы»; далеко не все коммуны их имели. Судебные действия требовали времени и денежных затрат.

С середины 1790 г., видя ненадежность законных путей, сельские общины все чаще стали прибегать к «прямому действию». Иногда деревенские муниципалитеты или сходы попросту объявляли общинным тот или иной земельный участок и решали немедленно вступить во владение им¹⁶⁰. В то же время множилось открытые «беспорядки», небольшие бунты. На Севере Франции продолжалась «война против деревьев». Событие в коммуне Мизи (Сена-и-Марна) — одно из многочисленных и характерных для нее. Во главе с муниципалитетом жители принялись вырубать деревья, посаженные бывшим сеньором вдоль Йонны. Из Монтеро прибыли национальные гвардейцы и солдаты с двумя пушками; крестьяне, однако, отказались разойтись. Как докладывал командир присланного военного отряда, участники волнений заявили ему, что

^{*} Первое из них — право сеньоров сажать деревья и кусты вдоль дорог, у водоемов и на общинных угодьях, второе — право сеньоров осуществлять надзор за улицами, дорогами, мостами и т.п.

«они здесь на своей земле, они рубят деревья, которые им принадлежат, и они имеют право это делать». В завязавшейся стычке было захвачено 13 «бунтовщиков», их отвели в тюрьму Монтеро¹⁶¹.

В то время как в Северной Франции шла «война против деревьев», в Бретани все более остро вставал вопрос о возвращении аффеажированных земель. Владельцы их жили в состоянии вечной неуверенности и страха. На землях, аффеажированных Ре-донским аббатством (департ.Иль-и-Вилен), «были засыпаны каналы, ограждавшие земельные участки, спилены под корень деревья, даже жатва не была пощажена». В феврале 1791 г. против крестьян послали из Редона национальную гвардию, солдат; «двое этих несчастных были убиты, 14 других арестованы»¹⁶². В марте 1791 г. из департамента Морбиан сообщалось, что в нескольких дистриктах жители «разрушают каналы вокруг вновь аффеажированных земель, не обращая внимания на посеянные здесь зерновые»¹⁶³. В другом бретонском департаменте — Нижняя Луара — во многих приходах земли аффеажистов стали «добычей опустошения и разгрома»; крестьяне разрушали изгороди; загоняли на поля скот и т.д.¹⁶⁴

Мы мало знаем о борьбе за восстановление общинного земельного фонда в Шампани, Бургундии и северо-восточных провинциях. В департаменте Йонна некоторые коммуны начали судебные процессы и прибегли к самочинным захватам¹⁶⁵, в коммуне Иль-сюр-ла-Серен в сентябре и октябре 1790 г. крестьяне несколько раз разрушали изгороди вокруг узурпированных земель; 5 декабря этим занялось большое «сборище», около 600 человек, рассеянное присланной Аваллонским дистриктом военной силой¹⁶⁶.

Движение было довольно сильным по северному краю Центральной Франции. В мае — июне 1790 г. в Ниверне, Бурбонне, части Бери и области Шароле вспыхнуло большое крестьянское восстание. Оно носило главным образом продовольственный характер (о нем см. с.193—194), но был выдвинут также целый ряд аграрных требований, в том числе о возвращении общинных земель. В Берри, доносил в июне командующий группы войск центральных провинций (Бершини), крестьяне «оскорбляют земельных собственников... завладевают всеми общинными землями», мэры «становятся во главе («сборищ». — А.А.), чтобы завладеть общинными и частными владениями»; вокруг Невера (Ниверне) «заставляют отдавать целые домены»¹⁶⁷. 4 июня крестьяне 7 коммун кантона Шатийон-ан-Базау составили и нотариально оформили программу требований. Один из ее пунктов гласил: «...сеньоры нашего департамента вернут все участки (bordelages) и имущества, незаконно приобретенные ими (mal acquis)... будут возвращены все незаконно приобретенные имущества (on entera dans les biens mal acquis)»¹⁶⁸. В департаменте Эндр большой бунт вспыхнул на этой же почве в коммуне Нере: 22 июля забил набат, толпа крестьян отправилась на поле, бывшее некогда общинным выпасом, а потом захваченное аббатством, и принялась снимать урожай; некоторые имели ружья. Из Шатра тут же прибыли национальные гвардейцы и жандармы; часть крестьян оказала им сопротивление, «один из самых мятежных получил удар саблей по голове», 14 человек были приведены в городскую тюрьму. Во многих соседних приходах, писал муниципалитет Шатра, «крестьяне обнаружили намерения, способные вызвать тревогу у земельных собственников и владельцев десятин... и этот урок научит их лучше, чем декреты, сообщением которых юре слишком часто пренебрегают»¹⁶⁹.

Ряд выступлений мы можем отметить в департаментах юго-запада и юго-востока. В Авейроне «довольно большое число коммун, утверждая, что часть их земель была узурпирована, насильственно завладело ими»¹⁷⁰. В Нижних Пиренеях крестьяне сельских предместий начисто разорили помещика-буржуа, устроившего имение на инфеодированных королевским доменом ландах возле г. По: между маем 1789 г. и июлем 1790 г. они в несколько приемов «сожгли молодые лесные посадки, разрушили каналы, разграбили лес... выпустили скот на посевах... на луга, в сады, на участок, засеянный маисом и просом»¹⁷¹. В департаментах Гар и Ардеш во многих коммунах жители вырубали посаженные вдоль дорог деревья, захватывали выпасы, ланды, пустоши, болотистые земли¹⁷². В бассейне Роны крестьяне принялись осваивать наносные речные острова (до революции их неизменно захватывали сеньоры). В двух коммунах — Клэ и Косее (департ.Изер) — это привело к жестокому конфликту с гренобльским буржуа, который завладел через суд островами на р. Драк. В воскресенье 6 июня 1790 г., когда после мессы было объявлено судебное решение, новоявленного владельца избил толпа разъяренных крестьян. Из Гренобля прибыли более 200 солдат и национальных гвардейцев; три крестьянина попали в тюрьму¹⁷³.

Учредительное собрание по-прежнему упорствовало. Оно так и не передало сельским общинам право собственности на пустопорожние земли. За малыми исключениями, Собрание брало под защиту совершенные до революции захваты общинных владений и пустошей. Оно подтвердило эту позицию декретом 15—26 мая 1790 г., принятым в ответ на крестьянские «беспорядки и самоуправства». «Объявляя отмену триажа, — гласил этот новый декрет, — Собрание не имело намерения ни предрешать что бы то ни было относительно собственности на леса, выпасы, болотистые земли, пустоши, ни предоставить общинам или их жителям какие-либо новые права на эти имущества». На тех же принципах основаны и декреты 22 мая, 19 сентября, 22 ноября 1790, 13—20 апреля 1791 г., в которых затрагивался в той или иной связи вопрос об

общинных землях. Решение Учредительным собранием этого конкретного аспекта аграрной проблемы вполне отвечало его основной политике компромисса с ранее господствовавшим классом. Поэтому борьба за восстановление и расширение земельных владений общин являлась одной из сторон общекрестьянской борьбы против сеньориального порядка с его практикой триажа, аффеажа, «актов выдела», «права посадки» и т.п., с его претензией на пустоши, ланды, болота и иные необработанные земли**. Возникавшие при этом внутрикрестьянские противоречия были связаны скорее с другой большой проблемой, которая начала волновать сельский мир в дореволюционное время и все настойчивее вставала уже в первые годы революции, — с проблемой использования общинных земель и, шире, с судьбой общинных поземельных распоряжений в целом.

* * *

Практически вопрос сводился к тому, сохранять ли и дальше коллективное пользование общинным земельным фондом или же поделить его и передать в индивидуальное владение членов общин. Существует давняя точка зрения, восходящая к традиции физиократов (она высказана и в современной «Истории сельской Франции»), согласно которой большинство сельского населения добивалось сохранения нераздельности общинных земель, старинной практики их коллективного использования¹⁷⁴. Однако этот взгляд был подвергнут сомнению целым рядом историков. М.Блок отмечал, что еще до революции значительная часть бедноты в поисках выхода из безземелья все более решительно выступала именно за раздел общинного фонда¹⁷⁵. К такому же мнению склонялись Ж.Лефевр и А.Собуль, его высказывал Н.М.Лукин¹⁷⁶. Вопрос этот недостаточно разработан на локальном материале. Наиболее, как нам кажется, убедительную концепцию проблемы в целом выдвинул еще в 30-е годы советский исследователь Е.Н.Петров. Его выводы, относящиеся непосредственно к предреволюционному периоду, основаны на тонком анализе 29 серий приходских наказов различных экономико-географических зон Франции¹⁷⁷.

Е.Н.Петров подверг основательному сомнению представление о крестьянской верхушке как наиболее активной силе, выступавшей за индивидуализацию общинных владений. Естественный с точки зрения чисто теоретической, этот вывод не учитывает специфику самого типа зажиточных и даже богатых крестьян, которым в большинстве случаев было далеко до уровня современных им английских капиталистических фермеров. Очень часто они продолжали вести экстенсивное хозяйство, рост хлебных цен побуждал к расширению запашки в зерновых районах за счет других угодий. Понятно, что общинные земли и пустоши приобретали особую ценность как важнейший кормовой ресурс. Под вывеской общего владения фактически их захватывали верхние слои деревни; в этих районах действительное экономическое значение общинных земель и пастбищных прав заключалось «в поддержании экономической мощи крепких крестьянских хозяйств»¹⁷⁸. В тех же случаях, когда созревали условия, делавшие выгодным для крестьянской верхушки изменение системы хозяйства, общинные земли в своем прежнем качестве теряли для нее свое значение, и она склонялась к их разделу. Но она требовала раздела, который дал бы ей львиную долю, т.е. прямо пропорционально сумме налогов, собственности или размерам хозяйства.

С другой стороны, Е.Н.Петров отверг упрощенное представление о безоговорочной привязанности мелкого крестьянства к общинному землевладению. Сама эта масса не была социально однородной. Поскольку удастся выявить позицию средних крестьян, подтверждается предположение Н.М.Лукина об их заинтересованности в сохранении общинных земель, которые были необходимым дополнением их хозяйства, обеспечивая прокорм скота. Но чем больше общинные земли начинали служить не массе общинников, а богатым «пахарям», «чем больше недостаточные крестьяне страдали от малоземелья, тем более они начинали ценить общинные земли не по их прямому назначению, а как такие, которые хотя и не очень хорошие, но все же годятся для обработки. Борьба за общинные земли для этих элементов сливалась с борьбой за наделение землей, а следовательно, заставляла требовать их раздела»¹⁷⁹.

Наиболее определенной, по мнению Е.Н.Петрова, была позиция крестьянской бедноты, и здесь его выводы смыкаются с мнением Н.М.Лукина и наблюдениями А.Собуля. В поисках выхода из безземелья она возлагала надежды на раздел, причем на самых демократических началах — по душам и даже обратно пропорционально земельной обеспеченности с лишением богатых прав на участки.

Анатолий Васильевич АДО

КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1789-1794 гг.

М.: издательство МГУ, 1987. Издание 2-е, переработанное и дополненное

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

** Правда, значительная часть земель, захваченных у общин или освоенных из пустовавшего земельного массива, была передана на тех или иных условиях (наследственного или долгосрочного держания или аренды, краткосрочной аренды) крестьянам-возделывателям. Кроме того, в XVIII в. ланды и пустоши осваивали сами крестьяне, подталкиваемые высокими хлебными ценами и растущим малоземельем. Восстановление общинного фонда ставило под вопрос судьбу их владения. Поэтому в разразившейся борьбе обозначились разногласия внутри самих сельских общин. В целом ряде петиций различим голос богатых и зажиточных хозяев, расположившихся на вновь освоенных землях и подвергавшихся теперь нападкам маломощных крестьян.

С развитием революции возрос о разделе общинных земель должен был вставать со все большей остротой. После аграрных законов 1789—1790 гг. порвалась связь между возможностью раздела и посягательством на общинный фонд со стороны сеньора. Вскочилась сельская беднота, разгоралась ее активность. В Собрание стремились петиции с просьбой о разделе общинных имуществ или протесты против него от частных лиц и органов власти¹⁸⁰. Летом 1790 г. начались самочинные разделы, и администрация ряда департаментов забила тревогу.

«Самочинные разделы общинных земель, — отмечал Е.Н.Петров, — были частым явлением еще в первые годы революции и приводили к местным крестьянским восстаниям»¹⁸¹. Это утверждение он не мог подкрепить обширной аргументацией. В действительности трудно дать полный обзор этих конфликтов ввиду их узкоместного характера: они редко фиксировались в бумагах Комитета докладов и Следственного комитета. Тем не менее выводы Е.Н.Петрова об особой остроте этого вопроса на Севере Востоке и Юго-Востоке нам представляются верными. Уже в августе 1790 г. директория Верхнего Рейна сообщала, что в департаменте «многие занимаются разделом общинных владений» и это «приводит к расколам и раздорам, которые с каждым днем становятся все более многочисленными и озлобленными»¹⁸². В Нижнем Рейне, как отмечал местный историк, еще в 1787—1788 гг. «бесчисленные просьбы» о разделе общинных земель были посланы коммунарами в исполнительную комиссию штатов Эльзаса, настойчивые требования возобновились в первые годы революции¹⁸³. В Лотарингии раздел общинных земель вызывал конфликты еще в преддверии революции. В марте — мае 1790 г. в Собрание поступили первые сообщения об уже совершившихся или замысленных самочинных разделах¹⁸⁴. К концу года администрация департамента Мерт должна была заниматься делами по крайней мере 32 коммун, которые просили о разделе или произвели его без разрешения¹⁸⁵. Очевидно, стремление к разделу было сильно в некоторых юго-восточных департаментах. Мы знаем лишь о двух случаях разделов в Дофине¹⁸⁶, но брожение, очевидно, достигло тревожных размеров в декабре 1790 г. Совет департамента Изер адресовал крестьянам специальную прокламацию, запрещая «завладевать общинными землями или менять их нынешний режим. Всякий муниципалитет, всякая корпорация или частное лицо, вознамерившееся их разделить, продать или распорядиться ими под любым другим предлогом, совершило бы тяжкое преступление против нации». Летом и осенью 1790 г. начались попытки разделов в департаменте Гар (Восточный Лангедок.), они сопровождались иногда «сборищами» и угрозами против несогласных (в шести коммунах)¹⁸⁸.

Несколько позднее в борьбу вокруг разделов стали втягиваться другие районы, в частности юго-запад. В департаменте Ло вопрос назрел ко времени большого восстания зимой 1790/91 г. Комиссары Собрания, объезжавшие департамент, писали «Мы выступали большое число жалоб, относящихся к разным предметам — об общинных землях, которые крестьяне хотят разослать (курсив мой — А.А.), о таксе выкупа феодальных повинностей» и т.п. В марте 1791 г. в трех коммунах произошли волнения в связи с разделами. В июле муниципалитет коммуны Мартель сообщал: «Народ с нетерпением стремится к разделу общинных земель, это желание наталкивается повсюду на противоречие интересов и является одной из главных причин, если не восстания, то по крайней мере волнений»¹⁸⁹. Директория соседнего Авейрона в отчете за 1791 г. также отметила, что «в течение этого года поступили многочисленные требования относительно раздела общинных земель»¹⁹⁰. Юго-западнее серьезные волнения из-за общинных земель произошли в Памье и соседних деревнях (департ.Арьеж, апрель 1790 г.), в Кастельно-Маньеак (департ.Верхн.Пиренеи, февраль 1791 г.)¹⁹¹. В той или иной мере вопрос о разделе вызывал столкновения в Эно, Камбрези, Пикардии, Иль-де-Франсе¹⁹².

Как определялись в условиях первых двух лет революции позиции разных слоев крестьян. Основным опубликованным источником для периода Учредительного собрания являются очень лаконичные протоколы Комитета земледелия и торговли. Характерно, что первые же ученые, взявшие в руки эти документы, пришли к однозначным заключениям. Маститый историк и географ А.Деманжон увидел в них «беспощадную борьбу за землю, за ланды, пустоши, увлажненные земли», борьбу, влекущую за собой «тысячи локальных столкновений на каждом поле пахари, уже владеющие землей, должны кормить скот, они протестуют против исчезновения этих пустопорожних земель Батраки, сельские рабочие, не владеющие ничем, жаждут получить клочок земли, который даст им больше независимости и благосостояния, сделав их собственниками»¹⁹³. Молодой тогда Л.Февр тоже был поражен «силой, с которой развертывается конфликт между крупными и мелкими крестьянами между пахарями и батраками», нехватка земли «побуждает бедняков, батраков страстно требовать раздела общинных владений. Но против этого раздела восстают богатые пахари. Они стремятся ему помешать, объявляют его бесполезным, чинят препятствия его проведению в жизнь»¹⁹⁴.

Вывод Деманжона и Февра несколько прямолинейен, они различали лишь полярные слои в крестьянской массе, но и сам характер документов не позволяет в данном случае идти глубже. Тем не менее общее направление их суждений убедительно, обратившийся к тем же документам Е.Н.Петров пришел к близкому заключению. Он отметил, что в петициях уже этого времени поражает активность бедноты, которая добивалась расчистки пустошей и раздела общинных земель. Ему противилось меньшинство, «главные жители», «главные собственники», «пахари», в фактическом распоряжении которых уже находилась львиная доля этих земель¹⁹⁵. К этому выводу подводят и другие документы и исследования¹⁹⁶. В целом для периода Учредительного собрания кажется несомненным, что точка зрения о привязанности бедноты к старообщинному порядку использования земель сельских коммун и индивидуалистических по преимуществу устремлениях крестьянских «верхов» не находит подтверждения. Правда, не всегда крестьянские требования раздела подразумевали раздел в полную собственность. Как показал Г.Икни на материале департамента Уаза, некоторые деревни с 1790 г., осуществляя раздел, предоставляли участки в пользование, сохраняя право владения за общиной (15 деревень совершили здесь раздел на таких основаниях в 1790 — первой половине 1792 г.)¹⁹⁷.

Учредительное собрание довольно ясно выразило свою симпатию к разделу, но, так ничего и не предприняв, остановилось в нерешительности перед сложным клубком усилившихся противоречий. Что же парализовало волю законодателей? «Главной причиной всего этого промедления, — полагал Е.Н.Петров, — этой неспособности по острому вопросу найти удовлетворительное решение является то, что большая часть сельскохозяйственной группы буржуазии тормозила неприятное для нее решение вопроса»¹⁹⁸. Надо учесть также, что в 1789—1791 гг. движение за раздел лишь начинало разгораться, давление снизу не достигло еще той степени, которая сделала бы неизбежным то или иное законодательное решение.

* * *

Если по вопросу о разделе общинных земель мнения ученых существенно разнятся, то в отношении общинных земельных распоряжений и коллективных прав пользования почти все историки сходятся на том, что богатые и зажиточные крестьяне добивались ликвидации общинных прав и ограничений, большинство же мелкого крестьянства требовало их сохранения и упрочения*. Для этого вывода имеются веские основания, хотя он и нуждается в некоторых уточнениях**.

Вопрос о правах пользования сельских общин возник с первых шагов революции. В Собрание пошел все более полноводный поток петиций, в деревнях начались волнения. В каких направлениях развивалась эта борьба в 1789—1791 гг.?

Позиции определились наиболее ясно в отношении к полевым сервитутам — гланажу (праву бедноты на сбор колосьев после жатвы) и шомажу (праву на скашивание жнивья). Богатые и зажиточные хозяева, несомненно и середняки, стремились оградить свои поля от вторжения неимущих. Они адресовали петиции в Собрание, посылали на поля своих работников, детей и жен, запрещали через муниципалитеты сбор колосьев до увоза снопов, до восхода и после захода солнца и т.п.¹⁹⁹ Бедняки бурно протестовали, они отстаивали свое право идти за жнецами, собирая колосья, они требовали, чтобы хлеб жали серпом, а не скашивали косой, которая низко срезает стебли, они говорили: «...по закону, данному нам от бога, колосья и солома должны принадлежать бедняку»²⁰⁰.

С первых месяцев революции взялись и за восстановление коллективных прав пользования. Складывается впечатление, что в этот период речь шла не столько о том, чтобы защитить права пользования на собственно крестьянских землях²⁰¹, сколько о стремлении крестьян максимально расширить территориальную сферу общинных пользования. В первую очередь они выдвигали вопрос о своих правах на луга и леса. Эти права имели величайшую ценность и перед революцией особенно настойчиво урезывались. Но большая часть лугов и лесов принадлежала крупным землевладельцам, особенно бывшим привилегированным. Против них-то и поворачивалось прежде всего это крестьянское наступление. Крестьяне требовали восстановления общего выпаса после первого укоса на огороженных лугах и принялись осуществлять его явочным порядком. Сопrotивление этим действиям вызывало локальные бунты, которые были, очевидно, довольно частыми. Укажем в качестве примера на два характерных конфликта. В июле 1790 г. крестьяне коммуны Каликс (департ.Кальвадос) сломали изгороди и выгнали стадо на луга местного аббатства. «Вся эта часть лугов, окруженная изгородями, — заявили они, является узурпацией у

* Раздел общинных угодий должен был снабдить маломощных крестьян пахотными участками (или расширить имевшиеся парцеллы), пастбищные сервитуты — обеспечить прокорм скота.

** Надо принять во внимание технико-экономический уровень многих зажиточных и богатых хозяйств. Ко времени революции даже фермеры области Бос считали выгодным трехпольный севооборот и не помышляли о сеяных травах или турнепсе. Поэтому сплошь и рядом богатые крестьяне должны были испытывать нужду не только в общинных выгонах, но и в праве коллективного выпаса. Надо принять во внимание технико-экономический уровень многих зажиточных и богатых хозяйств. Ко времени революции даже фермеры области Бос считали выгодным трехпольный севооборот и не помышляли о сеяных травах или турнепсе. Поэтому сплошь и рядом богатые крестьяне должны были испытывать нужду не только в общинных выгонах, но и в праве коллективного выпаса.

бедных, и если до сих пор они молчали, так это потому, что большая часть их зависит от аббатства и они боялись лишиться своего хлеба; в прошлом году здесь уже пасли животных и продолжают это делать в нынешнем». Власти вызвали национальную гвардию, жандармов, отряд солдат. Завязалась перестрелка. Крестьян было около 500, но лишь некоторые с ружьями; женщины ободряли бойцов и стыдили бежавших²⁰². Сходные волнения начались почти в это же время в районе Шатору (департ.Эндр). В коммуны Клюй был направлен отряд солдат для устранения беспорядков, которым предались крестьяне, — под предлогом свободы они рубили живые изгороди и засыпали рвы, устроенные вокруг владений сеньоров. 14 наиболее виновных мятежников были арестованы и помещены в тюрьму Шатору»²⁰³.

Примечательным явлением сельской жизни революционных лет было и массовое вторжение крестьян в леса: охота, изгнание лесной стражи, выпас скота, порубки и т.п., вплоть до полного истребления молодой поросли и посадок. Уже 11 декабря 1789 г., выступая от имени Комитета доменов, Б.Барер доложил Собранию о всеобщем опустошении лесов — королевских, церковных, частновладельческих²⁰⁴. В особенности это относилось к лесам церковным и домениальным крестьяне, ощущая себя частью революционной нации, естественно, приходили к мысли о своем праве использовать леса, объявленные национальными. На это часто указывали местные власти Совет департамента Эндр констатировал 24 ноября 1790 г.: «Народ, введенный в заблуждение ложным истолкованием декретов Национального собрания собираюсь в вооруженные сборища, совершил величайшие самоуправства в лесах — королевских, церковных, а также принадлежащих общинам и частным лицам. В наибольшей мере были преданы грабежу национальные леса этого департамента»²⁰⁵. Сообщая о нашествиях на церковные леса, чиновники лесного ведомства в Сен-Марселэн (Дофине) полагали, что «декрет Высокого Собрания, провозгласивший церковные имущества в распоряжении нации, и разнесшийся в деревнях слух о ликвидации ведомства лесной охраны вызвали, вероятно, этот взрыв»²⁰⁶. Не избежали общей участи знаменитые королевские лесные массивы. Летом 1791 г стало известно о намерении окрестных деревень совершить организованное вторжение в Компьенский лес²⁰⁷. Одно из досье в бумагах общей полиции почти целиком заполнено документами о крестьянских самоуправствах в лесу Фонтенбло (выпасе скота, вооруженном сопротивлении лесной страже и т.п.)²⁰⁸. Командир национальной гвардии Версаля доносил о непрерывных «жалобах на опустошение лесов во владениях короля», в сентябре 1791 г. восемь приходов в пределах версальских лесопарков учинили «охотничий бунт», около 600 человек общими силами истребляли дичь Нечто подобное происходило вокруг знаменитого замка Шамбор (департ.Луар-и-Шер)²⁰⁹.

Учредительное собрание было, безусловно, враждебно общинным распорядкам и крестьянским правам пользования Оно, однако, понимало, что попытка уничтожить одним росчерком пера эту систему приведет к крупнейшим социальным потрясениям. Поэтому оно стало на путь компромисса²¹⁰. Были отменены связанные с пастбищными сервитутами права сеньоров — право отдельного стада и его разновидности. Но Собрание отказалось от принудительной отмены пастбищных прав общин на пахотных землях и лугах. Оно лишь постаралось максимально их ограничить и создать благоприятные правовые условия для их постепенной ликвидации.

Оно предоставило каждому собственнику полную свободу огораживаний и запретило общий выпас на огороженной земле, количество скота, которое собственник мог посылать на чужие земли, сокращалось пропорционально огороженной части его владений. Кроме того, рядом актов Собрание постаралось оградить собственников лесов от притязаний крестьянских общин Что касается естественных лугов, то они были закрыты для общего выпаса до первого укоса — в итоге владельцы неогороженных лугов не получили права на вторые травы Н.М.Лукин, несомненно, преувеличивал полагая, что «революционное законодательство радикально разрешило вопрос о сервитутах»²¹¹, на самом деле этот вопрос будет стоять еще в течение всего XIX в.

Фактически, однако, в первые же годы революции крестьянам удалось не только восстановить, но и расширить общинные права пользования Ж.Лефевр отмечал, что если петиции 1789—1791 гг. настойчиво добивались восстановления традиционных прав общин, то в позднейшие годы они почти не требовали этого «В картонах Комитета земледелия мы скорее находим такие петиции, которые показывают, что порядки, созданные восстанием, продолжали существовать вопреки Сельскому кодексу, и понятно, что деревенская беднота этим удовлетворялась»²¹².

Уже до революции, по мере того как прогрессировала земельная нужда, крестьяне подумывали о том, как бы заполучить участок земли за счет крупного землевладения. Многие наказы предложили поделить земли королевского домена и церкви на мелкие участки и либо продавать их по умеренной цене, либо наделять ими бедняков за посильную ренту. Поэтому секуляризация декретом 2 ноября 1789 г церковных земель и образование громадного фонда «национальных имуществ первого происхождения» (куда вошли также коронные земли, княжеские уделы и некоторые другие владения) должна были пробудить самые радужные надежды. Но все зависело от того, каким образом «нация» распорядится этим земельным фондом. В условиях бурного аграрного движения социальная сторона проблемы не могла быть обойдена

Учредительным собранием. Преамбула закона 14—17 мая 1790 г., который определил порядок продажи национальных имуществ, гласила, что целью операции является достижение «хорошего порядка в государственных финансах и счастливое увеличение числа собственников, особенно среди деревенских жителей»²¹³. Однако в основу принятого порядка отчуждения был положен принцип конкурсной продажи с торгов. Предусмотренное законом дробление крупных имений практиковалось неохотно и было резко ограничено декретом 3—17 ноября 1790 г. В целом установленный в 1790 г. порядок отчуждения в наибольшей мере благоприятствовал городской и деревенской буржуазии, открывал скромные возможности для среднего крестьянства и совсем оттеснял бедноту, лишая надежд батраков и поденщиков.

Крестьяне боролись за то, чтобы все-таки получить доступ к землям национального фонда, они «пытались добиться изменения декрета 14 мая или еще чаще обойти его» В адрес администрации шли жалобы и петиции, просьбы изменить порядок отчуждения в пользу тех, кто не имел средств для покупки. Раздавались и требования прямого наделения бедняков parcelлой за умеренную ренту²¹⁴. Кроме того, крестьяне постарались использовать и те возможности, которые допускал закон о распродаже — во многих местах стали возникать выявленные еще И.В.Лучицким крестьянские объединения для совместной покупки национальных имуществ. Группы крестьян, даже целые коммуны (как в Эно и Камбрези), покупали землю и делили ее потом между участниками сообщества^{**}. Нередко объединение ресурсов для законной покупки они дополняли давлением, угрозами, даже насилием. Ж.Лефевр показал, как это происходило в Эно и Камбрези. Крестьяне старались воздействовать на экспертов, занимавшихся оценкой имений, заставляя их назначать невысокую цену. В день торгов они сопровождали толпой своих уполномоченных, заполняли аукционный зал, угрозами, иногда кулаками устраняли конкурентов, добивались покупки имения по исходной оценке или с минимальной надбавкой.

И все же не только бедноте, но и средним крестьянам было трудно, часто и невозможно заполучить таким образом страстно желаемый клочок земли. Все это побуждало их изыскивать иные пути в борьбе за землю, тем более что национальные имущества составляли лишь меньшую часть крупного землевладения вообще и были далеко не в каждой коммуне.

Известно, что уже в 1789—1791 гг. идея «аграрного закона» т.е. радикального земельного поравнения, распространилась в публицистике, проникла в большую прессу, стала объектом полемики. Наряду с проектами, носившими отвлеченный характер, появлялись и такие, как план «черного передела» Ретифа де ля Бретона, выделявшийся превосходным учетом всех сложностей аграрной жизни Франции и призывом к немедленному разделу. В какой мере, однако, все это литературное движение могло иметь корни не только в заветных стремлениях, «чаяниях» определенных слоев крестьянства, но и в реальной классовой борьбе в деревне в первые годы революции? «Кое-где, — писал А.Олар, — начали говорить об «аграрном законе», вследствие ли неосторожности, или по недоброжелательству эти слова были произнесены и в деревнях, что повлекло за собой насильственные действия». Олар не мог обосновать своего утверждения, заметив лишь, что «до нас дошли только смутные известия об этом»²¹⁵. Первые сведения такого рода относятся к весне и лету 1789 г. Посланная 7 мая в охваченный народными восстаниями Прованс королевская прокламация гласила: «Его Величество, с прискорбием видя, что в Провансе продолжается брожение... что народу внушили, будто собственность должна быть общей, состояния равными, а все классы граждан уравнины, заявляет о своем неуклонном желании поддерживать все права собственности его подданных...» (здесь и далее курсив мой. — А.А.). 8 августа 1789 г., сообщая о восстании в Дофине, генеральный прокурор Гренобльского парламента писал: крестьян «убедили, что Король и Национальное собрание разрешили эти разбойничества, что, истребив дворян, они разделят между собой их земли»²¹⁶. Отблеск страха перед «аграрным законом» мы находим и в сообщениях о действиях участников зимних восстаний начала 1790 г.²¹⁷ и восстаний, охвативших в мае—июне 1790 г. Бурбонне, Ниверне и прилегающие местности. «Дух примитивного равенства, — доносил 10 июня муниципалитет Корбиньи (департ. Ньевр), — пробуждается среди них: возможно, вскоре они попытаются потребовать раздела земель или осуществят его сами вооруженной рукой»²¹⁸. Депутат от г.Шароль (департ. Сона-и-Луара), выступая 5 июня в Собрании, заявил уже прямо, что «злоумышленники» «провозглашают аграрный закон, ставят колья среди посевов, чтобы призвать крестьян к разделу частных владений»²¹⁹. Летом 1791 г. аналогичные жалобы раздавались из Перигора: «...вооруженный народ... образует многочисленные сборища, коалиции между приходами, врывается в дома частных лиц... в некоторых кантонах, наконец, он обнаружил проекты раздела земель»²²⁰. Приведем и любопытное сообщение графа Лорагэ в письме к Бабефу (июль 1790 г.): **один «скандалист из Блеранкура по имени С.-Жюст» вызвал бунт в окрестностях, в результате крестьяне «не только прекратили платить аренду, но и хотели приступить к разделу земель»**²²¹.

^{**} Такие объединения были отмечены исследователями в департаментах Нор, Па-де-Кале, Сомма, Уаза, Эна, Кот-д'Ор, Луара, Рона, Гар, Буш-дю-Рон, Ардеш.

Проверка приведенных сообщений показывает, что они далеко не точно отражали реальное положение дел. В крестьянском движении этих лет мы не встречаем требования конфискации и раздела дворянского (тем более вообще всякого крупного) землевладения. Нет и резко выраженного требования общего земельного поравнения. И все же эти сообщения не были простой данью «социальному страху» имущих верхов. Разными путями, не прямо, а косвенно крестьяне подходили к посягательству на крупное землевладение. Эгалитарная тенденция наметилась уже в аграрном движении этих лет.

Прежде всего национализация церковных земель могла вызвать попытки крестьян поделить их помимо всяких торгов. Лефевр приводит пример двух коммун (в Вермандуа и Ангума)²²². Очевидно, таких поползновений было больше. 3 марта 1791 г. директория департамента Крез сообщала: «В некоторых кантонах, особенно в горах, говорят: церковные имущества являются национальными; мы образуем нацию, следовательно, они нам принадлежат, у нас нет нужды продавать их, а надо их поделить»²²³. Любопытное сообщение в том же роде из Дофине поместила одна из парижских газет — в дистрикте Монтелимар (департ.Дром): «Жители нескольких деревень... хотели повесить лиц, купивших национальные имущества, и конфисковали эти имущества в свою пользу»; двух комиссаров, присланных дистриктом, они «заставили... подписать и утвердить акт о разделе этих имуществ, которые должны принадлежать тем, кто их конфисковал, так как они являются частью нации»²²⁴. Департамент послал на усмирение бунта две роты солдат с артиллерией; мы не знаем, чем кончилось дело.

К посягательству на крупное землевладение вела и логика борьбы за восстановление общинного земельного фонда. Все цитированные выше тревожные сообщения о «провозглашении аграрного закона» и «разделе земель» конкретно связаны именно с крестьянскими захватами бывших общинных владений²²⁵. При этом кое-где стали толковать очень расширительно сам принцип возвращения общинам их земель. Коммуны предпринимали организованный «розыск узурпации». Они требовали проверки поземельных титулов своих сеньоров, а в некоторых случаях и полного пересмотра прав собственности сеньоров вообще на все их владения. Коммуна Куссе (департ.Вогезы) так и записала в своей петиции: пусть Собрание прикажет «нашим сеньорам представить первоначальные титулы на все, чем они владеют на территории Куссе... и чтобы все сверх законно им принадлежащего было возвращено упомянутой коммуне»²²⁶. Это требование мы встречаем неоднократно. Управитель герцога Клермон-Тоннера 8 июня 1790 г. доносил хозяину из коммуны Эпинак (департ.Сона-и-Луара): «Жители сломали ограду вокруг ваших лугов, полученных путем триажа... Они опустошают ваши леса... они говорят, что они хозяева, что они... заставят вас доказать, откуда взялись все ваши имущества (qu'ils vous feront prouver d'ou vous viennent tous vos biens)»²²⁷. По существу в этой идее проверки всех земельных владений бывших сеньоров имелась в зародыше мысль, что дворянские земельные богатства — результат ограбления крестьян, узурпация. Поэтому известный вывод Ж.Лефевра, что французские крестьяне не требовали экспроприации тех, кто не был подозрительным или эмигрантом²²⁸, в основном верный, нуждается в некотором уточнении.

Но Ж.Лефевр, безусловно, прав в том, что широчайшее распространение во Франции мелкокрестьянской аренды во многом определило своеобразные формы эгалитарных тенденций в крестьянском движении революционных лет. Действительно, не посягая прямо на крупное землевладение, крестьяне выдвинули целый ряд требований, клонившихся к тому, чтобы максимально урезать права крупного собственника и, напротив, максимально упрочить права крестьянина-возделывателя на снимаемую им землю. В областях денежной аренды протестовали против объединения ферм в крупные хозяйственные комплексы и сдачу их целиком богатым фермерам. Это прозвучало в наказах; с осени 1789 г. начали поступать петиции, еще не очень многочисленные, предлагавшие раздробить крупные фермы и даже установить законодательно максимально допустимый размер сдаваемых в аренду хозяйств²²⁹. В районах издольщины арендаторы стремились пресечь произвол крупных землевладельцев и генеральных фермеров, уничтожить обременявшие половника сверх доли урожая натуральные повинности, барщины, денежные взносы, укрепить его положение на земле, продлив сроки аренды и гарантируя ее нерасторжимость. Наиболее решительные выступали за упразднение самого института генеральных фермеров, считая, что земля должна находиться только в руках непосредственных возделывателей²³⁰.

Борьба издольщиков уже в 1789—1791 гг. приобретала иногда довольно бурные формы. Напомним о событиях в коммуне Исси-л'Эвек (департ. Сона-и-Луара), связанных с именем «красного юре» Жана Франсуа Кариона. Объединив вокруг себя мелких крестьян, издольщиков и батраков, юре организовал Комитет, который в октябре 1789 г. захватил всю полноту власти в коммуне и принялся за социальные реформы. Особым регламентом он определил минимальный срок аренды в три года, запретил сгонять издольщиков без его ведома, а также всякие сборы сверх половины урожая и приплода скота. Комитет располагал военной силой — 60 поденщиков составили национальную милицию. Энергичная социальная политика «красного юре», который в марте -1790 г. был избран мэром коммуны, привела к тому, что местные богачи начали против

него судебное дело в Шатле. Обвиненный в «оскорблении нации», Карион был арестован, и лишь в 1791 г. ему удалось выйти из тюрьмы²³¹.

Безусловно, эта борьба за землю была направлена прежде всего против бывших привилегированных. Но уже в начале революции она затрагивала интересы городской и сельской буржуазии. С одной стороны, это были буржуа-землевладельцы, сдававшие земли издольщикам, генеральные фермеры, часто арендовавшие вместе с имением феодальные повинности. Во время восстания в департаментах Алье, Ньевр, Сона-и-Луара озлобление против них было чрезвычайным. В одном месте (кантон Сен-Жермен-ан-Вири, Ньевр) крестьяне, «вооружившись толстыми палками, схватили всех буржуа, тащили их с яростью и угрозами убить»; в другом (Сен-Пьер-ле-Мутье) «дошли в своих угрозах и варварстве до того, что грозили истребить всех буржуа»²³². «Не мы ли хозяева? — заявлял один из зачинщиков движения в Соне-и-Луаре. — Мы уже прогнали часть дворян в другие страны... надо было прогнать также и буржуа»²³³. С другой стороны, не меньшую враждебность вызывали капиталистические фермеры районов денежной аренды — достаточно вчитаться в направленные против них петиции. В сущности крестьянские уравнивательные требования ставили под вопрос само существование этого слоя сельской буржуазии.

Из всего сказанного было бы неверно заключить, что борьба за дробление землепользования объединяла только деревенскую бедноту. Изучая наказания, Е.Н.Петров, заметил, что против земельной концентрации выступали и хозяйственные мужики, зажиточные «пахари». К тому же выводу приходил Ж.Лефевр²³⁴. Вчитываясь в еще немногочисленные петиции 1789—1791 гг. против концентрации землепользования, мы не находим в большинстве из них требований радикального земельного поравнения. Петиции не жалели черных красок, описывая жадность фермеров, объединявших по 600, 800, 1000 арпанов земли. Но предлагавшийся ими максимальный размер фермы достаточно высок — обычно 3—4 «плуга», 200—300 арпанов; столько земли имело обычно хозяйство не только зажиточного, но и богатого крестьянина. Правда, петиции выступали за поденщиков, бедняков, предлагали выделить для них маленькие участки земли. Но они защищали их главным образом постольку, поскольку те подвергались монопольной эксплуатации богатых фермеров. В целом за большинством петиций 1789—1791 гг. чувствуется довольно широкий блок зажиточных, средних крестьян и бедноты, связанных общим интересом и против сеньора, и против эксплуататоров и экспроприаторов из среды капиталистических фермеров и «буржуа» разного толка.

Вместе с тем в аргументации отдельных петиций можно проследить и более радикальную эгалитарную струю, которая явно питалась интересами и настроениями бедноты. Авторы их брали под сомнение абсолютную ценность права собственности, противопоставляя ему право каждого человека на существование. «Никому не дано право располагать своей собственностью во вред обществу, — говорилось в петиции муниципалитета Морнан (департ.Сона-и-Луара), составленной юре Франше, — она скорее принадлежит ему, нежели владельцу»²³⁵. Кое-где появились люди, пытавшиеся проповедовать в крестьянской среде уравнивательные идеи. Напомним, что во время волнений в приходе Сен-Тома-де-Конак Жака Ру обвинили в проповеди «опасной доктрины... что земли принадлежат в равной мере всем»²³⁶. Делом еще одного уравнивателя занимался в январе 1790 г. муниципалитет коммуны Бургёй (департ.Шер). Из показаний свидетелей явствует, что приходский юре Жак Бенуа не раз произносил во время проповедей «самые поджигательные речи»; он заявлял, что «бедные имеют право на имущество богатых, что они могут явиться к их дверям с евангелием в руках и потребовать имущество, на которое имеют право», что «бедные могут потребовать четвертую часть имущества богатых» и т.п.²³⁷ В «поджигательских речах» обвинили и викария прихода Кальвьяк (департ.Дордонь). Он «читал в проповеди фальшивые декреты, предписывающие сожжение замков», говорил, «что надо поделить земли». «Общеизвестно, что национальная гвардия Кальвьяка, составленная лишь из бедных (misérables) колонов или земледельцев, целиком предана этому викарию», — писал королевский прокурор при трибунале г.Сарла²³⁸. Разумеется, даже самые умеренные крестьянские пожелания об уравнивании землепользования и ограничении прав крупных землевладельцев не нашли никакого позитивного отклика в Учредительном собрании. В протоколах Комитета земледелия и торговли сообщения о петициях такого рода заканчиваются обычно стереотипной формулой — «решено не обсуждать». Декретом 2 июня 1790 г., принятым в связи с восстанием в Бурбонне и Ниверне, Собрание объявило врагом Конституции всякого, кто будет подстрекать к возмущению, предлагая «какие бы то ни было регламенты» относительно «цены и длительности аренд, осуществления священных прав частной собственности». Разочарование крестьян было полное.

* * *

Резюмируя постановку крестьянами земельного вопроса в том виде, как она начала вырисовываться в первые годы революции, уместно привести ленинскую характеристику, относящуюся к борьбе за землю в России в начале XX в.: «У крестьянина есть только вполне назревшее, выстрадавшее, так сказать, и закаленное долгими годами угнетения, требование обновить, укрепить, упрочить, расширить мелкое земледелие, сделать его господствующим, и

только»²³⁹. В сущности за это и шла борьба французских крестьян — укрепить, расширить мелкое земледелие, вернуть ему утраченные в результате аграрной концентрации и «феодальной реакции» позиции. Эта борьба не выдвинула какого-то единого лозунга, способного в лапидарной формуле выразить всю сумму крестьянских требований. В условиях Франции того времени такого объединяющего все крестьянство лозунга в земельном вопросе и не могло быть.

В 1789—1791 гг. крестьяне разными средствами боролись за проведение в жизнь целого ряда требований. Они добивались восстановления общинного земельного фонда, косвенно посягая при этом на крупное землевладение бывших привилегированных и отчасти буржуазии. Они хотели восстановить и расширить общинные сервитута и включить таким образом в сферу крестьянского пользования земли крупных землевладельцев и нации. Все эти требования, при наличии тех или иных оговорок, объединяли массу сельского населения от зажиточного крестьянина-возделывателя до бедняка и поденщика.

В крестьянском движении обозначилось также стремление к раздроблению национальных имуществ, разделу крупных имений и хозяйств. При этом, поскольку речь шла не о радикальном земельном поровнении, но об уничтожении лишь наиболее резких контрастов в земельной обеспеченности (именно эти требования преобладали в 1789—1791 гг.), опять-таки самостоятельный «пахарь», средний хозяин брали инициативу и использовали поддержку бедняков, батраков и поденщиков, выражая готовность уделить им скромную долю завоеванного.

Что касается собственных земельных устремлений сельской бедноты, то с ними была связана значительно более решительная уравнивательная тенденция, которая дала себя знать в 1789—1791 гг. Но радикальные уравнивательные пожелания бедноты еще не обособились достаточно заметно от общекрестьянского антифеодального потока.

6. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ВОЛНЕНИЯ.

ИХ МЕСТО В КРЕСТЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ ПЕРВЫХ ЛЕТ РЕВОЛЮЦИИ

Выше отмечалось, что с июля — августа 1789 г. и вплоть до 1792 г. на авансцене массовой борьбы оставалась общекрестьянская война против сеньориального строя. Это не значит, однако, что до начала инфляции и кризиса 1792—1793 гг. полностью утихли военные действия на хлебном фронте. В конце 1789 — первой половине 1790 г. хлебная проблема по-прежнему стояла очень остро. Урожай 1789 г. в целом оказался посредственным, не достигая уровня «среднего года». Цены, достигшие высшей точки в июле, несколько снизились, но все же были слишком высокими для мелкого люда (см. график на с.81). Не был преодолен промышленный кризис. Сотни тысяч лишенных работы людей в городах и деревнях нищенствовали. Вспомним о наблюдениях Н.М.Карамзина, проезжавшего весной 1790 г. Северо-Восточную Францию: «В 30 часов проехали мы 65 французских миль; везде видели приятные места, и на каждой станции были окружены нищими»²⁴⁰. Между тем 29 августа 1789 г. Учредительное собрание, верное принципам экономического либерализма, восстановило свободу хлебной торговли внутри страны, запрещенную было Неккером; отмена регламентации развязывала руки спекулянтам. Все это усиливало недовольство и возбуждение мелкого люда города и деревни.

Продовольственные волнения первых лет революции изучены мало. А.Матьез полагал, что с конца 1789 и до конца 1791 г. «вопрос о хлебе даже не поднимался», «на рынках опять воцарилось спокойствие»; это мнение разделяет в общем и Ж.Рюде²⁴¹. В действительности столкновения на хлебном фронте утихли по крайней мере на 6—7 месяцев позднее, а полностью не прекращались никогда, их не остановил даже превосходный урожай 1790 г.

В общей форме в литературе отмечено, что новая волна массовых хлебных волнений поднялась осенью и в начале зимы 1789 г. Многократно описаны события в Париже и знаменитый поход 5—6 октября на Версаль. Но продовольственные волнения происходили также в целом ряде провинциальных городов и широко затронули деревню. На Севере (будущий департамент Нор) осенью и зимой постоянно происходили инциденты и сохранялось брожение», 21 сентября в Берге вспыхнул бунт против городских эшевенов и торговцев, которых подозревали в злостных спекуляциях и вывозе зерна²⁴². Положение было очень напряженным в Пикардии, одной из хлебных житниц Парижа. 28 ноября субделегат из Абвиля сообщал: сельские муниципалитеты «не допускают покупки хлеботорговцами зерна в деревнях и на фермах»; «муниципалитеты сооружены и воображают, что их оружие только и предназначено для этой цели. Почти все хлеботорговцы находятся под тщательным наблюдением в их домах»²⁴³. Кое-где возникли волнения — 21 ноября в городах Ам и Сен-Кантен, 7 декабря в Блеранмре. В г.Гюиз и ближайших деревнях было сорвано движение хлебных грузов в сторону столицы²⁴⁴. К югу от Парижа осень началась кровавым бунтом. 12 сентября виноделы предместий Орлеана потребовали установления твердых цен на хлеб и захватили обоз с зерном. Солдаты и национальная гвардия открыли огонь, больше десятка бунтовщиков были убиты²⁴⁵. 12—17 сентября парод установил цены на рынке в Блуа и выгнал из города заподозренного в скупке торговца. Позднее крестьяне захватили хлебный обоз и поделили зерно в Ножан-ле-Ротру²⁴⁶. На западе, в Бретани, перевозки

зерна наталкивались на бесчисленные преграды. 17—18 октября при проходе хлебного обоза для флота вспыхнул большой бунт в г.Ланнион; хлеб был захвачен пародом²⁴⁷. В Мэне в сентябре — октябре движение зерна по дорогам было очень затруднено. В деревнях в районе Бомон-сюр-Сарт жители установили ночную стражу для перехвата обозов, шедших в Алансон²⁴⁸. Упорно противились вывозу зерна многие приходы вокруг Эрпе. В Лавале 15 октября толпа заставила полицию произвести домашние обыски у лиц, которых подозревали в сокрытии зерна, 24 октября здесь был захвачен хлебный обоз, то же самое произошло в Коссу²⁴⁹. В Пуату в ноябре 1789 г. «нехватка зерна вызвала многочисленные бунты в деревнях и в городах Брессюир, Сент-Аман и Мушан»²⁵⁰. На Северо-Востоке положение было тревожным в Шампани. 7 октября промежуточная комиссия провинциальных штатов сообщила, что «повсюду совершены насилия над возчиками зерна на рынки». 4—5 ноября народный бунт всколыхнул г.Шалон²⁵¹. На юге в течение всей осени был охвачен волнениями Лангедок. 19 ноября главный синдик провинциальных штатов отмечал в Жеводане «передвижение зерна из города в город, из местечка в местечко непрестанно срывается, народ не слушает никаких законов, и его невозможно удержать силой, так как он вооружен»; в Нижнем Лангедоке в сентябре вспыхнул «громадный бунт в некоторых коммунах диоцеза Мирпуа», «непрестанно сообщают о новых бунтах, тем более ужасных, что с приближением зимы неуклонно сокращаются запасы продовольствия для массы рабочих и деревенских жителей»; в Альбжуа «ремесленник, батрак не имеют работы, города и деревни полны нищих не признают больше ни власти, ни подчинения»²⁵².

В течение зимних месяцев поступление на рынки зерна нового урожая принесло некоторое успокоение Новая, не отмеченная историками серия продовольственных движений началась весной 1790 г. К этому времени положение с продовольствием опять ухудшилось: запасы его истощились, и цены росли. Первое полугодие 1790 г. Лабрусс считает завершающим периодом дороговизны, связанной с хлебным кризисом 1788—1789 гг. Сезонный максимум цен на зерновые был даже выше, чем в 1789 г.²⁵³ Волнения усилились с марта — апреля и продолжались до конца жатвы 1790 г.

Самое значительное продовольственное восстание охватило в мае — июне 1790 г департаменты Алье, Ньевр (бывшие провинции Бурбонне и Ниверне), отчасти соседние департаменты Шер, Сона-и-Луара, Рона-и-Луара (область Форез)²⁵⁴. Основным мотивом восстания была борьба с дороговизной, а одним из главных требований — таксация хлебных цен Народные отряды, обычно в несколько сотен человек, иногда с флейтами, барабанами, вооруженные дубинками, вилами, топорами, цепями, редко ружьями, являясь в города и местечки, местные рыночные центры²⁵⁵. Они заставляли там официальных лиц проводить обыски в богатых домах и амбарах, устанавливая таксу на зерно, продавали его по твердой цене, нередко устраивали обильные трапезы за счет богатых хозяев, располагаясь в доме, во дворе, в саду. **Не обходилось без угроз в адрес дворян, генеральных фермеров, буржуа; иногда их силой тащили на собрания, заставляли подписывать таксу, врывались в дома, толковали о том, что неплохо было бы пронести их головы на пиках или «сделать из 15 буржуа 30», разрубив их пополам. Однако дальше угроз и порки (учиненной, например, хлеботорговцу в Сюре-ле-Контале, обл. Форез) дело обычно не заходило. Убитые были, но, как обычно, — участники народного движения**²⁵⁶.

События в Бурбонне, Ниверне и смежных местностях были самым значительным, но не единственным продовольственным выступлением весной и летом 1790 г. Волнения того же типа вспыхнули в Турени 28 апреля. «Перед лицом бунта, угрожавшего самой их жизни», таксировали зерно члены муниципалитета Шузе-сюр-Луар — 20 су за буассо (около 13 литров) вместо 35 по рыночной цене. 23—25 мая поднялись жители винодельческих приходов Вувре и Верну. Они двинулись в Тур и потребовали от городской власти снизить цену на зерно до 30 су вместо 45 за буассо и разрешить обыски во всех приходах на 5 лье кругом²⁵⁷.

В районах, примыкающих к Парижу, наиболее серьезное движение охватило во второй половине апреля несколько десятков деревень области Ко. Донесение, посланное 24 апреля муниципалитетом г.Дьеп, довольно точно обрисовало его характер: «Они («бунтовщики». — А.А.) соединяются и маршируют, имея часто впереди барабан и рожок, они бьют в набат... и принуждают муниципалитеты и пахарей являться на собрания». На этих собраниях восставшие заставляли письменно принимать их требования о твердых ценах, обысках и др. Буржуазия Дьепа, богатые фермеры в деревнях были охвачены паникой и умоляли короля срочно выслать войска²⁵⁸. С весны 1790 г. вновь усилились волнения в Пикардии, прежде всего многочисленные посягательства на хлебные обозы, направлявшиеся в сторону столицы²⁵⁹. В Булонне в связи с непрерывным брожением в деревнях хлеботорговцы прервали в марте всякие закупки; 12 марта вспыхнул бунт в коммуне Гин, в деревнях опять появился слух, что зерно отправляют за границу²⁶⁰. В департаменте Эна перевозки были особенно затруднены в июне; волнения охватили коммуну Понтавер, а в местечко Бортье вторглись 14 июня за хлебом жители трех соседних коммун²⁶¹. С хлебными перевозками для столицы из области Бри был связан и большой бунт в Мо: 3 марта забили в набат, и народ захватил шедшее по каналу груженное зерном судно. Через неделю

для наведения порядка сюда явились 300 парижских национальных гвардейцев²⁶². В мае 1790 г. продовольственные волнения возобновились на Западе, особенно в департаменте Майенн, где было совершено несколько вооруженных походов за хлебом: в аббатство Фонтен-Даниэль, в замок в коммуне Воторт, в замки Шамплен, Внлэн, Монфло. 9—11 мая кровавая стычка произошла в департаменте Крез, где крестьяне нескольких деревень задержали зерно, закупленное г.Юссель. В результате действий городской национальной гвардии и жандармов три человека были убиты, многие ранены.

Начало уборки обильного урожая 1790 г. не прекратило полностью волнений. 29 июля — 31 августа народным возмущением был охвачен Суассон. Отправка зерна, закупленного г.Мец, вызвала здесь подозрение, не пойдет ли оно за границу. В июле же началась долгая цепь продовольственных бунтов в Каркассоне и окружающих деревнях (департ.Од)²⁶³.

Волнения продолжались и в сентябре. 2—5 сентября восставший народ установил таксу в Ниоре²⁶⁴. В дистрикте Сен-Мексан (департ.Де-Севр), докладывал 18 сентября 1790 г. прокурор-синдик, «постоянные бунты продолжаются в городе и деревнях уже в течение месяца, перевозки зерна прерваны и дистрикту угрожают величайшие несчастья»²⁶⁵. Директория Нижней Шаранты сообщила: «Многие муниципалитеты и национальные гвардии противятся свободному обращению зерна, в некоторых местах хотели таксировать зерно по единой и произвольной цене»²⁶⁶. 6 сентября около 2 тыс. вооруженных жителей г.Анже и окрестных деревень (департ.Мэн-и-Луара) угрожали директории департамента, которая применила «военный закон» и послала для усмирения солдат и национальных гвардейцев; восставшие потеряли много людей, двое были затем повешены²⁶⁷. Как обычно, Учредительное собрание одобрило «мудрое и твердое поведение» местных властей (декрет 14 сентября); трагический факт гибели голодных людей никого не взволновал. В районе Орлеана «сборища» виноделов, поддержанные муниципалитетами, пытались не допустить вывоза муки в Нант. В Жуаньи (департ.Йонна) ремесленники и виноделы задержали силой хлебный обоз, в Сансе 22—23 сентября не дали вывезти зерно для Лиона. В Лон-ле-Сонье, Доле, Муаране (департ.Юра) произошли волнения и бунты²⁶⁸.

С октября—ноября 1790 г. волна продовольственных движений спала. В стране шло общее экономическое оживление, на рынки поступало зерно урожая 1790 г., цены стабилизировались. Критические обычно месяцы весны и начала лета в 1791 г. на хлебном фронте прошли спокойно. Немногие волнения конца 1790 и первой половины 1791 г. (наиболее крупные — в департаменте Эна) были направлены главным образом против хлебных перевозок.

Вновь продовольственная проблема стала выдвигаться в порядок дня с середины лета 1791 г. И.Тэн был прав, заметив, что «около июля 1791 г. волнения, вызываемые неуверенностью в обеспечении хлебом, снова начинаются и больше уже не прекращаются»²⁶⁹.

20 июля 1791 г. опять «взбунтовалась» область Ко (департ. Нижняя Сена). Власти направили туда из Руана 200 солдат и национальных гвардейцев. Возле коммуны Тот дорогу им преградила целая крестьянская армия — 3—4 тыс. человек, вооруженных ружьями, имевших пушку, знамена отрядов национальной гвардии 22 сельских коммун. Впереди были члены муниципалитетов с трехцветными перевязями. **Крестьяне предъявили три требования: установить твердые цены на зерно, регламентировать деятельность хлеботорговцев, отозвать войска**²⁷⁰. В ответ директория департамента выслала еще около 500 человек с двумя орудиями и снарядила чрезвычайного делегата в Учредительное собрание, которое немедленно приняло очередной декрет, осудивший «бунтовщиков» и подтвердивший свободу хлебной торговли²⁷¹. В августе возобновились волнения в Турени. «В некоторых местах, — писал нотариус из Лилльбушара, — были совершены убийства, и национальная гвардия Тура была вынуждена выступить для восстановления спокойствия, в частности в Вандоме и Шато-Рено... Членов директории департамента обвиняют в скупке зерна»²⁷².

В центре и на местах осознали угрозу. В середине сентября продовольственный вопрос вновь встал в Учредительном собрании. Декрет 18—26 сентября осудил «преувеличенные жалобы народа» и грозил суровой карой тем, кто воспротивится свободе обращения зерна. Однако возобновившееся продовольственное движение нарастало в течение осени и зимы. Весной 1792 г. оно вылилось в большие восстания. Это было уже начало той ожесточенной войны за хлеб, которая выдвинется на первые линии социальной борьбы в 1793—1794 г.

* * *

Ведущей силой продовольственного движения была очень неоднородная социально масса сельского населения, которая включала не только деревенскую голытьбу, лишенную хозяйства и собственности. Конечно, бедняки, поденщики, работники сельской промышленности составляли главную армию врагов свободной торговли. В таких районах, как Пикардия, область Ко, где была сильно развита сельская промышленность и утвердилось крупное фермерство, в промышленных местностях Мэна, Лангедока, Шампани в движении преобладали именно эти категории сельского населения. Естественно, крестьяне-виноделы разных социальных уровней также активно участвовали в борьбе за хлеб. Мы отмечаем их роль во время волнений в Жуаньи (департ.Йонна),

в Турени, Орлеане, Бурбонне. В лесных районах чрезвычайно энергичными бойцами этого фронта были работники лесного хозяйства: дровосеки, сплавщики, саботье и т.п. Они активно действовали во время волнений 1790 г. в Мэне, в районе Майеннского леса и леса Фонтен-Даниэль, в Бурбонне и Ниверне. Наконец в продовольственное движение 1789—1791 гг. по-прежнему были вовлечены и мелкие земледельцы, особенно арендаторы и издольщики, вынужденные в плохие годы прикупать хлеб. Именно издольщики преобладали во время волнений в Бурбонне, Ниверне, Шароле, Сентонже. Как и в предыдущие годы, в борьбе за хлеб активно участвовали женщины — в отличие от антифеодальных «жакерии», которые были преимущественно делом мужчин.

В историографии революции политику «максимума» обычно связывают с социальными притязаниями только городского мелкого люда — санкюлотов. Между тем широкая масса крестьянского и полукрестьянского населения не в меньшей мере, чем городские низы, была важнейшей силой той борьбы, которая завершилась в конце концов грандиозной попыткой «всеобщего максимума», этого своеобразнейшего порождения социальной борьбы общественных низов мануфактурной эпохи. Ж.Лефевр совершенно верно подчеркнул; «В противоположность тому, что обычно считают... громадное большинство деревенских людей действовали (в продовольственном вопросе. — А.А.) так же, как народ городов»²⁷³. Ограничимся примером большого «таксаторского» восстания весной 1790 г. в Бурбонне, Ниверне и прилегающих местностях. Оно отнюдь не было только деревенским. Так, в Сент-Амане (департ. Шер) действовал «мелкий люд города и деревни», в Донжоне (департ.Алье) в восстании участвовали «местные жители, объединившиеся со многими окрестными приходами»²⁷⁴. Муниципалитет г.Бурбон-Ланси (департ.Сона-и-Луара) сообщил 5 июня 1790 г.: произошел «всеобщий бунт жителей всех окрестных деревень и дурных подданных в наших стенах». Из резюме судебного следствия мы узнаем точнее об этих «дурных подданных»: в город явились крестьяне, вооруженные «ружьями, железными вилами и другими инструментами», к ним примкнул «низший класс» горожан. «Одна женщина говорила: если не хватит пуль, у меня есть оловянные ложки, я их отдам, чтобы сделать пули, надо идти истреблять буржуа в ратуше; другие говорили, что надо собрать соседние приходы, сжечь и разгромить город, перерезать буржуа; один плотник, работавший на окраине предместья, предлагал рабочим и каменщикам... объединиться и пойти истреблять буржуа»²⁷⁵.

* * *

Продовольственные волнения отражали ставшие традиционными ко времени революции коллективные реакции мелкого деревенского люда на дороговизну и хлебную нехватку. Со всей силой в них сказывалась его глубочайшая враждебность к оптовым закупкам и массовым перевозкам, за которыми всегда виделись спекуляция, рост цен, опустение местных рынков. Мы отмечаем, что волнения на больших путях хлебной торговли — в Пикардии, областях Бос, Бри, на Лангедокском канале — были направлены к тому, чтобы задержать суда и обозы, перекрыть дороги, помешать работе шлюзов и т.п. Естественно, что такого рода «бунт-препятствие» сопровождался нередко захватом зерна, его льготной продажей, реже — просто разделом. Обычны были и обыски на фермах и в помещениях владельцев зерна. «Народная таксация» в 1790—1791 гг. становилась более организованной, получала иногда оформление в виде определенного документа, составленного или продиктованного участниками движения.

За всеми этими действиями, как бы ни были они порой (но отнюдь не всегда) стихийны, импульсивны, вырисовывается некоторая эргономическая программа, лишь отчасти навеянная административной практикой старого порядка и противостоявшая фритредерскому оптимизму буржуазных верхов. Некоторые документы, исходившие непосредственно от крестьян, позволяют выяснить основные контуры этой программы. Это протоколы собраний в коммунах Тиль и Авремениль (область Ко) от 21 и 23 апреля 1790 г.²⁷⁶, письмо мэра коммуны Баруа (Бурбонне) и протокол общего собрания этой коммуны от 16 и 22 мая 1790 г.²⁷⁷ и, наконец, чрезвычайно любопытный протокол, который продиктовали 4 июня 1790 г. в Шатийон-ан-Базау (Ниверне) собравшиеся там крестьяне семи сельских коммун²⁷⁸. Все названные документы строго регламентировали торговлю продовольствием, требовали продавать его по нормированной цене. В протоколе из Шатийон-ан-Базау вопрос о таксе был разработан наиболее детально — в нем фиксировались цены на хлеб, пшеницу, рожь, ячмень, овес, вино, сыр, сливочное и растительное масло, сало, мясо. Больше того, он таксировал промышленные и ремесленные изделия: мыло, шерсть, ткани, обувь (сабо и кожаную обувь, мужскую и женскую отдельно), головные уборы, столы, платки, упряжь для быков.

Социальная мысль крестьян-таксаторов не ограничивалась введением твердых цен. Они вообще хотели максимально сузить всякую крупную торговлю, ограничить продажу хлеба пределами местного рынка, запретить ее на фермах, на дому. Протокол из Шатийон-ан-Базау лаконично устанавливал: «... не будет больше крупных хлеботорговцев... все амбары наших кантонов будут открыты для публичной продажи с оставлением их владельцам продовольствия, необходимого до жатвы». Коммуна Баруа пошла еще дальше — она предложила провести повсюду перепись нуждающихся семей, определить нужное им до жатвы количество зерна, а затем создать в каждом кантоне «общественный амбар» («un grenier public»), откуда зерно

распределялось бы по мандатам муниципалитетов.

Исследователи много раз подчеркивали, что с точки зрения исторической перспективы вся эта программа жесткого ограничения сферы товарного обращения в интересах мелкого люда была не только утопичной, но и консервативной; она стремилась увековечить местную замкнутость, стеснить товарообмен, ограничить его архаичной системой локальных рынков. Все это несомненно. Однако для понимания исторической роли этих движений в конкретных условиях эпохи недостаточно подчеркнуть лишь этот их аспект. Желания деревенских борцов за хлеб не ограничивались вторжением в сферу обращения. От продовольственных требований они подходили к целому ряду других, клонившихся уже к пересмотру собственно поземельных отношений. В разных районах эти требования приобретали разную форму. Многие зависело от того, в чьих руках оказывалась масса товарного хлеба, а это определялось особенностями аграрного облика различных местностей. На Юге и Юго-Западе (отчасти на Западе) борьба за хлеб тесно переплеталась с борьбой против сеньора и буржуа-землевладельца. Распространение натуральных повинностей, издольной и натуральной аренды, естественно, направляло ее по этому руслу. Сообщая, например, 19 ноября 1789 г. о продовольственных волнениях в Жеводане, генеральный синдик штатов Лангедока добавлял: «Народ... считает, что все должно склониться перед его волей... с оружием в руках он совершил неслыханные насилия против сеньоров и крупных собственников Жеводана...»²⁷⁹ Несколько иначе вставал вопрос в районе, где в отношении между арендатором, издольщиком и землевладельцем вклинился слой генеральных фермеров. Протокол, составленный делегатами семи коммун Ниверне, предложил детально разработанную таксу на предметы первой необходимости; кроме того, он гласил: «...все сеньориальные ренты будут уничтожены... сеньоры нашего департамента вернут незаконно захваченные земельные участки и имущества... фермеры будут снимать лишь один домен, который сами будут обрабатывать». В сущности это последнее требование означало ликвидацию самого института посреднической аренды и сдачу всех земель только крестьянам.

В районах, где утверждались капиталистические фермеры, борьба за хлеб, естественно, заострялась прежде всего против них. Петиции, опубликованные Ж.Лефевром, неизменно возлагали на фермеров ответственность за дороговизну. Но они не ограничивались продовольственными требованиями и ставили вопрос о ликвидации корня зла, т.е. о разделе крупных ферм. Записка Фротье наиболее резко сформулировала обе стороны программы мелкого люда; она требовала, во-первых, «чтобы цена на хлеб была нормирована», во-вторых, чтобы были расторгнуты все арендные договоры и «земли были поделены для сдачи внаем населению»²⁸⁰.

Таким образом, в том комплексе требований, которые возникали в деревенской борьбе за хлеб, наряду с явно архаичным стремлением к регламентации и местной замкнутости необходимо выделить и тесно слитые с ним антифеодальные и эгалитарные тенденции, направленные к достижению вполне реальной цели — расширить, упростить мелкое крестьянское хозяйство.

Большинство в Учредительном собрании оставалось глухим к продовольственным требованиям мелкого люда. Оно издавало декрет за декретом, подтверждая свободу хлебной торговли. Лишь очень редкие голоса призывали если не принять народные требования, то по крайней мере прислушаться к горьким жалобам бедноты. Дважды в этой связи брал слово Робеспьер: 29 апреля 1790 г. он протестовал против немедленной посылки войск в восставшую область Ко, 23 сентября 1790 г. — против декрета о подавлении продовольственного бунта в Суассоне²⁸¹. Его выступления не имели последствий. Собрание и в этом вопросе, как во многих других, волновавших деревню, стояло на своем до конца.

7. ВОЛНЕНИЯ И СТАЧКИ СЕЛЬСКИХ РАБОЧИХ

В продовольственных волнениях роль деревенской бедноты, жившей в той или иной мере продажей своей рабочей силы, была очень велика. Однако в данном случае, активно участвуя в массовом движении обще «санкюлотского» типа, рабочие не вырабатывали и не применяли присущие им как наемным труженикам формы социальной борьбы. Вместе с тем еще до революции, особенно с середины XVIII в., в общем потоке социальных движений в деревне все более заметно выделялась особая струя — борьба сельских рабочих за повышение заработной платы с такими ее характерными формами, как коллективный сговор, «коалиция» с целью поднять расценку, отказ от работы — стачка; нередко это сопровождалось «сборищами», угрозами, иногда актами насилия. Масштабы сельского найма были особенно велики на зерновых равнинах Северной Франции; здесь помимо местной бедноты с июля работали на жатве многие тысячи сезонников. Крупные фермеры нанимали десятки жнецов — до 40, даже 80 человек. В больших деревнях концентрировались по несколько сотен рабочих, а иной раз и до полутора тысяч, как в коммуне Митри в районе Мо, где было 13 крупных ферм; в одном дистрикте Крепи-ан-Валуа (департ. Уаза) собиралось в годы революции порядка 6 тыс. пришлых работников²⁸².

Вот тут-то и происходили волнения и стачки жнецов, к которым обычно загодя готовились в великой тревоге фермеры и местные власти. Эти массовые выступления получали особый размах в районах капиталистического фермерства, в зерновых житницах — областях Валуа, Лаонне, Суассонне, Бос, Бри, провинции Берри. В обиходе их называли *vacchanals* (вакханалия, буйство); термин возник, очевидно, в середине века, он употреблялся и в официальных документах.

Во время революции такие стачки приобрели широкий размах. Летом 1790 г. «буйства» разразились в начале августа в области Валуа (в дистр. Санлис и Крепи-ан-Валуа, департ. Уаза). Собрание дистрикта Крепи отметило: в разгар жатвы жнецы «собираются в сборища, с оружием в руках пересекают равнину, принуждают идти с ними всех, кто еще не оставил работу. Драгоценное время теряется в этих эксцессах, и в конце концов угрозами и насилием они заставляют земледельцев аннулировать первоначальное соглашение и обещать им непомерную заработную плату». В августе был послан против жнецов отряд национальной гвардии Версаля — в коммуне Реннмулен они требовали повышения платы и принуждали к стачке других батраков²⁸³.

Наибольшую силу стачечная борьба в деревне приобрела летом 1791 г. В стране был общий экономический подъем. Безработица сократилась, волна продовольственных бунтов схлынула. В этих условиях и выступила отчетливо борьба сельских рабочих за повышение оплаты. Она охватила главным образом департамент Эна (дистрикты Шато-Тьерри и Суассона)²⁸⁴, смежные местности департамента Уаза (дистр. Крепи-ан-Валуа) и началась в июне 1791 г. в кантонах Ла-Ферте-Милон и Нейи-Сен-Фрон. Рабочие, занятые на сенокосе, объединились и потребовали платить больше. В июле и августе развернулись волнения и стачки жнецов. В кантонах Ла-Ферте-Милон и Нейи-Сен-Фрон рабочие громили фермы, но главным образом боролись за повышение расценок. Жнецы бросали работу и вынуждали фермеров увеличивать плату. В кантоне Барон (департ. Уаза) в начале августа они сорганизовались в большой отряд — до 1500 человек и встретили камнями и палками присланных жандармов. В Версиньи (департ. Уаза) их было около 500 человек (6 августа), в Тюри-ан-Валуа (департ. Уаза) — около 300. 7—8 августа волнения жнецов распространились на Суассонне: в директорию департамента пришло сообщение о «мятежных сборищах жнецов, работающих на территории коммун Шодон, Лонпон и в окрестностях». «Цель этих рабочих, — говорится в протоколе директории от 9 августа, — состоит в том, чтобы принудить земледельцев оплачивать их труд по непомерной цене и независимо от того, что было полюбовно решено при найме»²⁸⁵. Администрация направила против жнецов солдат, национальную гвардию и жандармов. В дистрикте Шато-Тьерри воинские отряды были размещены почти на всех крупных фермах; так же поступили власти дистрикта Крепи-ан-Валуа (Уаза). В Суассонском дистрикте прокурор-синдик в сопровождении вооруженной силы совершил поход по деревням. Многие жнецы были арестованы.

Стачки сельскохозяйственных рабочих летом 1791 г. совпали с самым крупным за время революции подъемом борьбы рабочих в городах, особенно в Париже. Хорошо известна реакция Учредительного собрания на эту новую опасность — 14—17 июня 1791 г. был принят антирабочий закон Ле-Шапелье. Реже указывают на тот факт, что в ходе его обсуждения в Собрании был поднят вопрос о включении дополнительных статей специально против стачек сельскохозяйственных рабочих²⁸⁶. 20 июля 1791 г. деревенская буржуазия получила полное удовлетворение. «Жнецам, батракам, сельским рабочим» было запрещено «объединяться между собой с целью добиться повышения и фиксации сдельной оплаты или заработка под угрозой штрафа, не могущего превышать стоимости 12 рабочих дней, и задержания муниципальной полицией».

История закона Ле-Шапелье мало изучена. Мы располагаем, однако, прямым свидетельством его применения уже летом 1791 г. Посылая 9 августа вооруженную силу против «мятежных сборищ» рабочих-жнецов, директория департамента Эна прямо сослалась на закон Ле-Шапелье: «Сборища, о которых идет речь, относятся к категории, предусмотренной законом 17 июня, который называет их бунтовщическими, требует, чтобы они были без промедления рассеяны законно вызванной вооруженной силой и карались по всей строгости законов, направленных против зачинщиков, подстрекателей и вожаков указанных сборищ и всех, совершивших акты насилия и самоуправства»²⁸⁷. Легко заметить, что директория дословно повторила в своем решении репрессивную часть ст. 8 закона Ле-Шапелье и практически исполнила ее. Любопытно, что она сослалась при этом не на постановление от 20 июля 1791 г., специально запретившее стачки сельскохозяйственных рабочих, а именно на закон Ле-Шапелье, где об этих последних нет ни слова. В данном случае буржуазные администраторы превосходно уловили не только букву, но и классовый дух этого закона, ускользавший позднее от внимания некоторых историков, в их числе Ж.Жореса, и с такой силой раскрытый в «Капитале» К.Марксом.

8. ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ (осень 1789—лето 1791 г.)

Несомненно, любое крупное выступление крестьян становилось объективно политическим фактором первостепенного значения. Но наряду с этой объективной стороной вопроса, важна и другая его сторона — в какой мере на побудительных мотивах, целях, размахе сельских движений сказалось элементарное политическое сознание самой крестьянской массы, то или иное понимание ею общенациональных революционных задач.

В этой связи, естественно, возникает и другой важный вопрос: как определялись роль и место крестьян в процессе политического размежевания третьего сословия, которое началось в этот период и достигло особой остроты во время вареннского кризиса.

Мы отмечали, что уже в ходе бурных событий «великого страха» и больших восстаний летом 1789 г. обнаружилось определенные формы общественно-политического самосознания крестьян. Полное доверия к королю и Национальному собранию, они считали себя частью третьего сословия, совершающего революцию против аристократии. Уместно отметить, что крестьянские восстания начала 1790 г. внесли оригинальный вклад в общеполитическую историю революции. Из отмеченной выше практики посадки «майских деревьев» во время «второй жакерии» в Перигоре, Керси и Лимузене родилось охватившее вскоре всю Францию движение по устройству «деревьев свободы» в городах и сельских коммунах страны. М.Вовель оценивает этот факт как наиболее отчетливое проявление «заклучавшего в себе большое будущее контакта между народной культурой и революционным движением»²⁸⁸. Живое дерево или его имитацию — «майское дерево» («дерево свободы») — украшали в деревнях символами разрушаемого «феодального порядка» — флюгерами, снятыми с замков сеньоров, мерами для взыскания зерновых повинностей и т.п. В этих действиях, отмечал историк восстания в Перигоре Ж.Бюсьер, отражалась и «борьба идей, в ходе которой совершается нападение на одни символы и создаются другие»²⁸⁹. Примерно с осени 1790 г. возможно отметить некоторые новые элементы в общественном сознании крестьян. Потеснив освященное традицией имя короля, в нем прочнее утверждалось представление о Национальном собрании как защитнике интересов народа, а на смену понятию «третье сословие» проникало в сельские умы понятие «нация». Многие петиции этих месяцев, нередко написанные красочным народным слогом, фонетическим письмом, отразили доверие деревенских масс к Национальному собранию и возлагавшиеся на него надежды²⁹⁰.

Эти элементарные представления о совершавшейся революции, проникая в деревню, играли большую роль в развязывании социальной борьбы. Они помогали преодолеть чувство изолированности, приниженности, пробуждали дух сопротивления. Указания на этот перелом в крестьянской психологии мы часто встречаем в петициях начального периода революции. В коммуне Альтоф (департ.Мёрт) сеньор узурпировал общинные земли, «и никто, — говорилось в петиции, присланной муниципалитетом (июнь 1790 г.), — не осмелился протестовать, из страха, который внушало его имя и влияние... но с рождением Конституции, которую Национальное собрание установило для счастья Франции, у них возникла надежда вернуть свои потери, теперь, когда восстановлены права человека, они не испытывают больше страха перед могущественным именем и влиянием» (курсив мой. — А.А.). Крестьяне этой деревни поднялись и вернули, а затем поделили захваченные участки²⁹¹.

Важным последствием психологического перелома было то, что надежды на социальное освобождение увязывались в сознании крестьян с общими судьбами революции. Интересна аргументация крестьянских требований. С одной стороны, мы встречаем здесь характерную для крестьянских движений апелляцию к традиции, к старине. Протестуя против захвата общинных земель, прав пользования, объединения ферм, произвола генеральных фермеров, они хотели вернуться к старинным порядкам, нарушенным, искаженным за последнее время, иногда точно указывали — за последние 20—30—40 лет (тем самым петиции датируют приблизительно момент усиления «феодальной реакции» или усиления капиталистических тенденций в этих местностях). Но вместе с тем сама возможность ликвидации этих «злоупотреблений» все более определенно ставилась в зависимость от революции и новой Конституции, с которыми крестьяне связывали свои надежды не просто на восстановление прошлого, но на общее «возрождение королевства», на счастливое будущее. Сами эти понятия — «возрождение», «счастье» прочно утверждались в исходивших от крестьян документах. Жители кантона Льевилье (департ. Уаза) просили о разделе крупных ферм, их письмо (получено 18 декабря 1790 г.) начиналось так: «В момент, когда Национальное собрание занимается возрождением французского государства, все реформы, которые должны увеличить его счастье, предстают мудрому вниманию этого собрания»²⁹² (курсив мой. — А.А.).

Но поскольку надежды на справедливость и «счастье» связывались с революцией, революционно-патриотические мотивы становились дополнительным, а иногда самостоятельным фактором, вызывавшим коллективное крестьянское действие, целью которого было не просто достижение конкретного экономического результата, но и защита революции вообще. Нередко оба мотива тесно переплетались.

Яркий пример тому — разгром замка Бюзе (департ. Верхняя Гаронна), получивший широкий резонанс. Местный сеньор граф Де Кларак незадолго до революции возобновил при помощи февдиста сеньориальную опись, жестоко взыскивал феодальные повинности; еще в 1790 г. он по праву триажа захватил общинную пустошь. Но толчком к восстанию явилось не только это. В начале 1791 г. в замке остановился направлявшийся в эмиграцию маркиз д'Эскейрак, имевший дурную славу в округе — в конце 1790 г., во время крестьянского восстания в Керси, он организовал там вооруженную лигу дворян, которая попыталась противостоять восставшим деревням. Именно его прибытие и вызвало взрыв: в ночь с 8 на 9 января 1791 г. национальные гвардейцы коммун Бюзе и Бесьер вместе с мэром, муниципалитетом и громадной толпой жителей осадили замок и сожгли его дотла. Маркиз д'Эскейрак был убит, графа Кларак отправили в тюрьму в Тулузу (позднее он эмигрировал)²⁹³.

Революционно-патриотические мотивы обнаружались с особенной силой в ходе широкого подъема крестьянского движения летом 1791 г., причиной которого явились события вареннского кризиса.

Политический кризис, вызванный в конце июня бегством Людовика XVI, сразу же нашел широкий отклик в деревне. Контрреволюционный заговор, угроза вторжения, слухи о которых сыграли такую роль во время «великого страха» 1789 г., вновь предстали перед крестьянином — на этот раз уже как реальность. История массовой тревоги и революционной мобилизации лета 1791 г. детально не изучена²⁹⁴. Мы отметим некоторые ее стороны, характеризующие роль крестьян. Важно прежде всего подчеркнуть их роль в событиях непосредственно вокруг Варенна. «Без преувеличения можно утверждать, — пишет автор известной работы о них, — что по существу арест Людовика XVI был делом не того или иного лица... но народной массы, которая толкала и вела вперед, иногда вопреки их воле, действующих лиц драмы»²⁹⁵. Самое прямое участие приняли в этих событиях и крестьяне. Близ восточной границы чувство патриотической тревоги было сильно еще с лета 1789 г. и постоянно оживлялось многочисленными конфликтами между крестьянами и сеньорами. Неудивительно, что когда 21 июня отряд гусар во главе с полковником Шуазелем расположился у деревни Пон-де-Сомм-Вель (это был первый из военных постов, которые по плану генерала Буйе должны были обеспечивать бегство короля, начиная от Шалона), появление солдат вызвало подозрение у окрестных крестьян. Многие сотни их, вооруженные косами, вилами, ружьями, окружили отряд; раздались звуки набата. Боясь кровавой стычки, командир приказал отступить. Сходные события у других постов сорвали намеченный Буйе план военного эскорта. Когда король был задержан в Варенне членами муниципалитета, на помощь им устремились тысячи вооруженных крестьян. Поистине примечательно, с какой быстротой сумели подняться, вооружиться, прибыть на место эти маленькие сельские армии. Из многих деревень ушли почти все мужчины. Женщины готовили припасы, некоторые деревни послали в Варенн повозки с продовольствием, которое распределялось среди национальных гвардейцев. Когда уже после отъезда короля возле Варенна появился сам генерал Буйе с несколькими сотнями кавалеристов, он застал город готовым к обороне, полным вооруженных крестьян. Не уверенный в успехе, Буйе отступил. Тревога распространилась далеко вокруг, готовились выступить деревни, удаленные на десятки километров от Шалона²⁹⁶.

На западе, в Бретани, население опасалось вторжения с моря. В деревнях Матиньон и Планкоет пронесся слух о высадке 5—6 тыс. англичан и эмигрантов. Слух оказался ложным, но для нас важно отметить, что крестьяне немедленно вооружились и приготовились к отражению десанта²⁹⁷.

Широко захватила деревню и стихийная волна обысков и изъятия оружия в дворянских домах и замках. Не только в приморских, пограничных и северо-восточных департаментах (Нор, Нижняя Сена, Кальвадос, Орн, Кот-дю-Нор, Нижняя Луара, Марна), но и в Парижском районе (Сена-и-Марна, Сена-и-Уаза), в департаментах Эндр-и-Луара, Шер, Йонна, Кот-д'Ор, Канталь, Дордонь деревенские муниципалитеты, отряды сельской национальной гвардии, просто отряды крестьян проводили обыски в дворянских домах и замках, разоружали аристократов. Свидетельства современников дают представления о действиях и настроениях деревенского люда. Из писем от 28 июня и 8 июля 1791 г.: в районе Круамар (Нижняя Сена) в деревнях «ходит слух, что король лишен престола и объявлена война. Сильно угрожают священникам и сеньорам, так называемым аристократам. Говорят, что именно они причина всего случившегося»; «муниципалитеты и национальные гвардии обыскали все замки»²⁹⁸. Письмо из Ла-Мот-Фуке (департ. Орн) сообщало 24 июня о революционном возбуждении крестьян этого района: они «грозят сжечь и перебить аристократов и членов неприсягнувшего духовенства», заявляют, что «после этого патриотического усилия они будут спокойны и довольны»²⁹⁹. Из бурга Отфор (Дордонь) управляющий местного сеньора писал:

25 июня «3—4 сотни крестьян собрались в замке... они поклялись в верности конституции, разоружили всех дворян и неприсягнувших священников... обыскали все помещения замка Отфор и вытащили из кордегардии катапульту XIV века...»³⁰⁰

В эти же дни крестьяне прибегли к традиционному методу борьбы — принялись за разгром замков. Выше мы отмечали, что по крайней мере в семи департаментах — Нижняя Луара³⁰¹, Вьенна³⁰², Майенн, Кот-д'Ор, Рона-и-Луара, Тарн, Эро — именно известие о бегстве короля стало первичным импульсом для разгрома дворянских замков, иногда и поджога. В департаменте Кот-д'Ор был разгромлен замок Креансе, принадлежавший отставному офицеру-дворянину. Сходные события развернулись в департаменте Рона-и-Луара. Национальные гвардейцы коммун Морансе и Люсне ворвались 24 июня в замок сеньора в Шапоне, через день был разгромлен замок Полемье; 21 августа национальные гвардии из Тизи и Кюблиз атаковали замок Маньи, захватили оружие и бумаги³⁰³. В департаменте Тарн, узнав о бегстве короля, крестьяне коммун Монклар, Монвалан и Торьяк вооружились и 25—29 июня разгромили замки Сент-Юрсис и Ториак³⁰⁴. Администрация департамента Эро сообщила: «Бегство короля вызвало такое брожение в деревнях, что несколько замков были разграблены и сожжены» (наиболее разрушительному нападению подверглись замки в коммунах Монпейру и Арбора)³⁰⁵.

Характер всех этих актов народного насилия наиболее рельефно раскрывают получившие тогда широкую огласку драматические события в замке Полемье (департ.Рона-и-Луара). Здешний сеньор, Гийен Дюмонте, бывший губернатор французского Сенегала, давно находился в конфликте с крестьянами. В апреле 1790 г. они жаловались Собранию, обвиняя сеньора в вымогательстве незаконных повинностей и узурпациях общинных земель. Кроме того, он слыл непримиримым врагом революции; подозревали, что в его замке хранятся запасы оружия и собираются дворяне-заговорщики. Поэтому 26 июня, в момент тревоги, вызванной известием о бегстве короля, отряды национальной гвардии трех деревень вместе с муниципалитетом отправились совершить обыск в замке и конфисковать оружие. Владелец оказал сопротивление и в завязавшейся схватке был убит. Замок подвергся разгрому и сожжению³⁰⁶. Стремление избавиться от скарредного сеньора и патриотический порыв защитить революцию тесно переплелись в этом и ему подобных походах.

Таким образом, в еще большей мере, чем события 1789 г., летние движения 1791 г. показывают, что размах и действенность крестьянского натиска определялись не только силой обострившейся с середины века социальной ненависти, но и тем, что она была освещена хотя и элементарным, но все же достаточно определенным общественно-политическим сознанием. В известной мере крестьяне жили в это время не только заботами своей коммуны или фермы, но и чувствовали ответственность за судьбы революционного отечества. Эта ответственность становилась дополнительным, а иногда самостоятельным фактором, приводившим в движение сельские массы, особенно в периоды обострения политического кризиса и контрреволюционной опасности — летом 1791, затем, как мы увидим, весной 1792 г.

* * *

Исходным пунктом эволюции революционного сознания крестьян, насколько оно прослеживается в наших источниках, было безусловное доверие Национальному собранию, представление о всеобщем братстве в рядах третьего сословия, имевшее вполне реальную почву в условиях 1789 г. Однако с развитием революции это представление стало превращаться в иллюзию. Городские санкюлоты и идейные представители демократии довольно скоро начали подходить к пониманию этого так же, как, с других позиций, и дальновидные представители аристократии. Своим путем к этому шло и крестьянство. Для него решающее значение имело то, что непременным условием задуманного Учредительным собранием социального и политического компромисса было решение аграрного вопроса в пользу бывших сеньоров и старой буржуазии. Крестьянам становилось все более очевидно, что надежды, возлагавшиеся на «Высокое Национальное собрание», оказались напрасными. Поворот в крестьянских настроениях начал обнаруживаться со второй половины 1790 г. В литературе давно обращено внимание на характерные нотки, зазвучавшие в сельских петициях и массовых выступлениях, — недовольство определенно направлялось не только против бывшего сеньора, но и против самого Национального собрания. Уже в августе 1790 г. во время волнений в департаменте Йонна один из зачинщиков заявлял, «что его мало заботят декреты Национального собрания, что эти декреты оплачены сеньорами»³⁰⁷.

Недовольство обращалось не только против законодателей; масса сельского населения начинала отчужденно противостоять новой буржуазной администрации в целом. Утвердившаяся к лету 1790 г. администрация департаментов и дистриктов во многом отвечала за проведение в жизнь законодательства о феодальных повинностях. На ней, кроме того, лежали заботы о поддержании общественного порядка. Отношение этих органов власти к новому аграрному законодательству зависело от их состава и местных условий. Они ближе стояли к деревне и острее ощущали силу давления снизу. Уже в 1790—1791 гг. некоторые из них высказывались за

уступки крестьянам. Однако во всех случаях вооруженных крестьянских выступлений директории прибегали к «военному закону», посылали на усмирение вооруженную силу, приводили в действие судебный механизм. Все это вовлекало местные власти в бесчисленные конфликты с деревней. Некоторые черты самого новоявленного буржуазного государства вели к тому, что социальная суть конфликта выступала особенно обнаженно. В течение 1789—1791 гг. Французская революция основательно разрушила бюрократический, в том числе репрессивный, механизм старой монархии и заменила его основанной на выборном начале системой управления и суда. В советах и директориях департаментов и дистриктов не было ни одного назначенного сверху чиновника. В них заседали в 1790—1792 гг. избранные в рамках цензовой системы местные буржуа. Только эти органы могли послать вооруженную силу против мятежных граждан. Такой силой была прежде всего городская национальная гвардия, руководимая офицерами, избранными из среды тех же буржуа. Как никогда позднее, имущие буржуа оказывались почти без посредствующих звеньев лицом к лицу с недовольными крестьянами (как и с городскими низами).

Это обстоятельство играло немалую роль в том, что во многих случаях крестьянские выступления обретали вид острого конфликта между городом и деревней. Мы не раз отмечали, что против восставших крестьян выступали отряды городской национальной гвардии, в город везли арестованных, там их судили. В свою очередь более или менее организованные толпы восставших крестьян не раз вторгались в небольшие города — выше говорилось о таких вторжениях. Можно ли, однако, согласиться с мнением некоторых современных авторов, что враждебное противостояние «урбанизации», городу как таковому было вообще коренной чертой крестьянского движения периода революции, поскольку город олицетворял разные формы эксплуатации крестьян, а также «элитистскую» культуру и революционные политические нововведения, «чуждые, неведомые сельской идеологии... людям земли»³⁰⁸.

Наши материалы (отчасти они приведены) убеждают в том, что подобный взгляд чрезвычайно упрощенно трактует сложную проблему отношений города и деревни в революционные годы, дает ее однолинейное решение. В частности, это касается конфликтов 1790—1791 гг. В основе их было столкновение крестьян, добивавшихся революционного уничтожения феодального порядка, с городом как средоточием власти, которая этому противилась, защищая систему компромисса Учредительного собрания. Наиболее драматические конфликты доходили до свержения крестьянами окружных директорий: в департаменте Шаранта (октябрь 1790 г.) под натиском крестьян разбежались все члены директории дистрикта Сен-Жан-д'Анжели; в декабре 1790 г. в Керси крестьяне захватили центр Гурдонского дистрикта, разгромили дома членов его директории, вынужденных на месяц скрыться из города. О том, на какой почве возникали конфликты крестьян с городом, свидетельствуют и угрозы, раздававшиеся в деревнях в адрес администрации. Директория департамента Крез жаловалась на «анонимные письма, угрожающие расправой администрации и трибуналам, особенно этим последним, если они выскажутся за уплату ценза»³⁰⁹; в аббатстве Болье (департ. Кот-дю-Нор) управитель пытался сберечь феодальные титулы, ссылаясь на директорию дистрикта, «тогда они (крестьяне. — А.А.) заявили, что им наплевать на директорию и что они пойдут жечь дистрикт после того, как сожгут титулы сеньоров»³¹⁰.

Конфликт того же порядка отражала еще одна особенность сельской жизни 1790—1791 гг. — постоянные трения между муниципалитетами деревень и высшей администрацией. Выбранные весной 1790 г. муниципалитеты стали объектом резкой критики, обвинений в невежестве, неспособности исполнять свои функции, отчасти обоснованных. Многообразные обязанности муниципалитетов не всегда были под силу новому персоналу, состоявшему нередко из малограмотных и вовсе неграмотных крестьян. И все же главным источником конфликта была проблема не административная, а социальная. Это превосходно объяснил один сеньор из Гатине, сетуя на неуплату шампара: «...муниципалитеты... состоят из должностных лиц, которые едва могут подписать свои имена, но которые очень хорошо понимают свои интересы»³¹¹. Выше отмечалось, что выборные органы сельского самоуправления часто оказывались организующими ячейками крестьянского сопротивления. Неудивительно, что начали раздаваться требования (их немало в бумагах Конституционного комитета и Комитета докладов) ограничить цензовый муниципальный закон 14 декабря 1790 г., лишить избирательного права неграмотных, упразднить вообще деревенские муниципалитеты, заменив их одним муниципалитетом на кантон (что и было позднее проведено директорией).

За всеми этими чертами социальной жизни и настроений деревни нам видится начавшийся процесс отмежевания крестьянства от тех слоев умеренной буржуазии, которые вместе с либеральной частью дворянства осуществляли политическое руководство в первые годы революции. Дает ли это основание для вывода об утрате буржуазией вообще идейно-политической гегемонии в отношении крестьянства? Главный противник крестьян, писал Ж.Вальтер, имея в виду период с 1791 г., «теперь не там (т.е. не в дворянском замке. — А.А.). Он принимает теперь вид новой администрации, учрежденной победоносной буржуазией... Трещина обозначается между революцией и крестьянами. Она расширится, и очень быстро»³¹². Заключение Ж.Вальтера не только слишком поспешно, но и односторонне. Действительно, уже с начала 1791 г.

в некоторых местностях дворяне и особенно неприсягнувшее духовенство, используя неудовлетворенность крестьян, сумели перехватить гегемонию и направить крестьянские выступления не только против буржуазии, но и против революции как таковой. Однако этот «вандейский» поворот части крестьянства был локально ограничен. Восстания и волнения 1790—1791 гг., заостренные даже преимущественно не против дворян, а против умеренных элементов буржуазии (в Бурбонне, Ниверне, Шароле, Перигоре, Шаранте), оставались патриотическими по политической окраске. Больше того, со времени вареннского кризиса участники крестьянских выступлений все чаще начали упрекать умеренных буржуа и администрацию именно в недостатке патриотизма, в потворстве дворянам-заговорщикам. В этих условиях утрата доверия к правящим верхам — творцам компромисса 1789—1791 гг. — создала условия для влияния в крестьянстве более радикальных элементов буржуазии. Со всей очевидностью это выявится во время нового революционного подъема в деревне в конце 1791 — начале 1792 г.

* * *

После того как спала летняя волна массовых выступлений 1789 г., борьба крестьян продолжала оставаться важнейшим органическим элементом революционного движения в стране. Сельский «бунт» постоянно стоял в повестке дня. При этом и в 1790, и в 1791 г. важнейшей формой борьбы крестьян оставалось именно вооруженное восстание, а основным его типом — выступление против сеньориального порядка, «война против замков». Борьба за хлеб после преодоления экономического кризиса 1787—1789 гг. отошла на второй план и часто переплеталась с собственно аграрным движением.

В конце 1789 — середине 1791 г. можно выделить три наиболее крупных подъема массовых антифеодальных движений, причем в отличие от весны и лета 1789 г., когда первичный импульс исходил из города, теперь революционная инициатива целиком принадлежала крестьянству. Первый подъем приходится на декабрь 1789 — февраль 1790 г. (Верхняя Бретань, Лимузен, Керси, Руэрг, Перигор, Ажене, часть Верхней Оверни, Альбижуа); второй — на ноябрь 1790 — февраль 1791 г. (главным образом Верхняя Бретань, Сентонж, Керси, часть Ажене), третий связан (но только отчасти) с событиями вареннского кризиса и развернулся в июне—августе 1791 г. (Мэн, Сентонж, Ангума, Перигор, Нижний Лимузен, Марш, Лионье, часть Нижнего Лангедока). Конец весны и лето 1790 г. также отмечены оживлением массовой борьбы, не достигшей, однако, такого масштаба. Как видно из приведенной хронологии антифеодального движения 1789—1791 гг., его подъемы были подчинены определенному ритму, связанному, во-первых, со сроками взноса денежных и натуральных повинностей (конец осени—начало зимы, летний период жатвы), во вторых, с сезонным ростом дороговизны. Летом 1791 г., как и 1789 г., на крестьян воздействовал также общенациональный политический кризис.

Все, даже наиболее значительные, сельские восстания этого времени сохраняли выявившиеся еще летом 1789 г. характерные черты, такие, как локальная обособленность, отсутствие попыток создать иерархию «капитанов» с единым командованием или особую крестьянскую власть в районах восстания, противостоящую господствующей государственной системе. В то же время установленная революцией новая муниципальная организация деревни и сельская национальная гвардия выступали естественными первичными формами объединения, которые широко использовались крестьянами. В этих рамках оказывались возможными совместные действия десятков деревень, создание вооруженных отрядов до 4—5 тыс. человек.

Поскольку радикальное уничтожение сеньориального порядка выдвигалось в это время на первый план, постольку «аристократ» оставался для крестьян главным врагом, а понятие «аристократ» в основном совпадало с понятием «привилегированный», и особенно с понятиями «бывший дворянин», «бывший сеньор». Вместе с тем в крестьянском движении обнаружилось и острые столкновения между крестьянством и буржуазией. Это обстоятельство особенно подчеркивают современные французские историки. Главное, однако, состоит в том, чтобы выявить природу данного конфликта в той его мере, в какой он обнаружился в 1790—1791 гг.

Мы полагаем, что в целом конфликт между крестьянским движением и руководящими кругами буржуазии в этот период может быть оценен как столкновение в деревне двух альтернатив, двух линий буржуазной революции. Взятые в 1789—1791 гг. власть умеренная буржуазия и либеральное дворянство развернули энергичную деятельность по буржуазному, в том числе и аграрно-буржуазному преобразованию страны. Они взяли курс на торжество «аграрного индивидуализма», сломали всю феодально-иерархическую систему земельной собственности, создали громадный фонд национальных имуществ. Но при этом были сохранены все экономически весомые феодальные повинности в буржуазно-правовой форме выкупаемых поземельных рент. Тем самым слою бывших сеньоров обеспечивался регулярный вычет из крестьянского дохода, а выкупная операция вынуждала крестьян перекладывать в его карманы свои накопления, вместо того чтобы использовать их для улучшения и расширения хозяйства. Незыблемо сохранялось крупное землевладение дворян, вероятность возвращения общинам узурпированных у них земель была сведена к минимуму. Принятый порядок продажи

национальных имуществ открывал лишь скромные возможности для расширения крестьянского землевладения. В сфере собственно политической аграрной политике Учредительного собрания соответствовал курс на ту или иную форму компромисса со старым господствующим классом в рамках конституционной монархии и цензового избирательного режима.

Этому курсу и противостояла линия «крестьянской революции», причем есть основания говорить о ней применительно к 1789—1791 гг. как об общекрестьянской. Полное освобождение сельского производителя от всех последствий сеньориального строя, максимальное расширение общинного земельного фонда и крестьянских прав пользования оставались главными требованиями. Для крестьянской линии были характерны и уравнивательные тенденции, преимущественно умеренные, не доходившие до требования передела земель «по закону равенства». Радикально-уравнивательная струя, связанная с устремлениями сельской бедноты, только начала оформляться и еще не приобрела серьезного общественного влияния. Умеренному буржуа и либеральному аристократу, связанным множеством нитей с феодальными и полуфеодальными формами экономических отношений, проникнутым общекрестьянской тревогой за судьбы собственности, противостоял «радикальный буржуа», французский крестьянин, враждебный старому порядку и как хозяин, и как трудящийся. Правда, этому крестьянину также не были чужды опасливые взгляды в сторону сельских низов. Голодные походы бедноты за хлебом, ее выступления за регламентацию торговли и таксацию, стачки сельскохозяйственных рабочих внушали ему самые тревожные опасения. Но пока не была доведена до конца борьба против сеньориального строя, сохранялась основа и для широкого единства действий разных слоев крестьянства в рамках буржуазно-демократической революции.

В борьбе этих двух линий в 1790—1791 гг. крестьянам удалось реально добиться немногого. Учредительное собрание упорно вело свой курс и принятием Конституции 1791 г. юридически закрепило попытку компромисса; новый, отныне конституционно оформленный режим должен был начать функционировать именно на его основе. В этом смысле крестьянский натиск не дал конкретного результата. Но он сыграл большую роль в том, что еще до того, как созданная Учредительным собранием система успела окончательно конституироваться, она уже дала глубокие трещины.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ В ДЕРЕВНЕ в ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1792 г.

К сентябрю 1791 г. Учредительное собрание приняло пересмотренный текст Конституции. 13 сентября ее одобрил король, на следующий день он торжественно присягнул нации и закону. «Вы должны, господа, все объединить и все примирить. Революция окончена»¹ — так фельян Байи, мэр Парижа, резюмировал, выступая в Собрании, общее настроение умеренных имущих верхов.

Как известно, этот первый опыт конституционной монархии не удался французской буржуазии; восстание 10 августа 1792 г. смело едва установившийся конституционный трон. Но парижское восстание было лишь мощным заключительным аккордом острейшей борьбы, которая развернулась во Франции, особенно с весны 1792 г. «Хорошо известна, — писал Н.М.Лукин, — огромная роль крестьянства, недовольного всей аграрной политикой обоих собраний, в подготовке революции 10 августа и закреплении ее результатов»².

Тем не менее история революционного действия крестьянских масс на отдаленных подступах к летнему кризису изучена недостаточно. В особенности это следует сказать о тех антифеодальных восстаниях, которые всколыхнули департаменты Центра и Юга³. Они не нашли отражения в большинстве специальных и общих работ по истории революции. Ж. Вальтер полагал даже, что после 1791 г. вопрос о «войне против замков» вообще сошел с повестки дня: «Их жгут еще иногда, при случае, но главный враг уже не там»⁴. Лишь в новейших трудах М.Вовеля подчеркнута сила «крестьянского взрыва», грянувшего весной 1792 г., выявлены некоторые характерные черты социального поведения и общественного сознания, которые были присущи участникам сельских восстаний этих критических месяцев⁵.

1. ПРЕДПОСЫЛКИ НОВОГО ПОДЪЕМА МАССОВЫХ ДВИЖЕНИЙ в ДЕРЕВНЕ

После бурного лета 1791 г. народные волнения отчасти утихли осенью и в начале зимы; они возобновились с новой силой в конце зимы и весной 1792 г. Что же определило этот новый взрыв? Ведь для того чтобы поднять тысячи деревенских жителей, разбросанных по деревням и местечкам, по фермам и хуторам, побудить их оставить обычные житейские дела, взять в руки оружие, нужно было новое стечение исключительных обстоятельств.

Отказ крупной буржуазии последовательно решить аграрный вопрос оставался основным источником крестьянского негодования. Разочарование, недовольство, наконец, озлобление нарастали с середины 1790 г. Но именно в конце 1791 — начале 1792 г. они приняли особенно острые формы. Резче зазвучали угрожающие ноты в крестьянских петициях Законодательному собранию⁶.

Поток протестов против законов о выкупе феодальных прав шел в Париж уже полтора года. Под многими петициями — десятки, иногда сотни подписей. Сам факт упорной, непрестанной посылки всей этой массы документов, а значит, и их составления, обсуждения в своей среде, с нотариусом, юристом, кюре отражал глубокое брожение, напряженную работу мысли множества деревенских людей. От каждой посланной петиции, несомненно, кругами расходились разговоры — в домах, на рынках, в трактирах. И наконец, наиболее существенное — каждая посланная в Париж бумага рождала обстановку нетерпеливого ожидания — чем кончится дело, каков будет результат? Тем большее раздражение должно было вызвать нежелание высшей власти пойти навстречу крестьянам. Почему, спрашивали авторы петиции из департамента Луаре, «эти различные петиции, поддержанные бесконечным числом им подобных, посланных из других департаментов, почему не были они приняты Национальным Учредительным собранием, которому все они были адресованы; каким образом... не приняло оно во внимание все эти петиции?» Это послание написано в мае 1792 г., и под ним 411 подписей⁷

Мы не знаем достоверно, попытались ли осенью 1791 г. владельцы и арендаторы феодальных прав с прежней энергией возобновить в обычные сроки их взыскание. Многие, надо полагать, предпочли ослабить напор и прибегли к тактике выжидания. Во всяком случае, в отличие от конца 1789 — первой половины 1791 г. новые восстания вспыхнули не в начале, а в конце зимы и весной. Связано это, очевидно, с тем, что именно к этому времени деревня в наибольшей мере почувствовала воздействие еще двух факторов первостепенного значения — общего обострения политического кризиса и усиления экономических затруднений, роста инфляции и дороговизны.

«Старая, доказанная историей истина гласит, — писал К.Маркс, — что пережившие себя общественные силы ...еще раз перед агонией делают последнее усилие, от обороны переходят к наступлению...»⁸ Зимой — весной 1792 г. Франция оказалась перед фактами именно такого рода. Назревала интервенция; на Западе и Юге страны начались первые вспышки контрреволюционных восстаний.

Сложный вопрос был внесен в деревню расколом духовенства. Во множестве деревень, там, где оказалось два кюре, где вел свою проповедь неприсягнувший священник, крестьянин должен был сделать выбор — чью мессу посещать, у кого крестить новорожденных, у кого отпевать умерших? Касаясь как будто лишь вопроса совести, логикой вещей он должен был стать и политическим решением. Характерно, что приближение пасхи*, обострившее конфликтные ситуации, связанные с расколом духовенства, сыграло большую роль в нарастании общего возмущения в деревнях. Атмосфера растущего беспокойства, ожидания войны и вторжения эмигрантов, характерная для городских центров, проникала и в деревню, рождая тревожные опасения и слухи. Некий Роже говорил в трактире деревни Фуасси (Ионна): «...еще до ближайшего дня святого Иоанна (24 июня) принцы и сеньоры будут восстановлены во всех своих правах, и они запрягут народ в свои плуги, как быков, и в свои кареты, как рабов»⁹. Характерно, что антифеодальные требования петиции нередко прямо связывали с политикой: «Если вы дадите нам законы в соответствии с нашей петицией... — писали в марте 1792 г. активные граждане местечка Ла Тур д'Эг (Воклюз), — мы будем готовы защищать ее (конституцию. — А.А.) до последней капли крови от нашествия наших врагов»¹⁰.

С осени 1791 г. вновь обострился продовольственный вопрос. Урожай 1791 г. был далек от катастрофического недорода 1789 г. В масштабе страны он не создавал угрозы голода. Тем не менее с осени начался неуклонный рост цен на хлеб и зерно. Весной в некоторых департаментах дороговизна достигла критического уровня 1789 г. Как обычно, положение было тяжелее в Центре и на Юге. Цены здесь были значительно выше, чем на Севере, иногда почти вдвое¹¹; в департаментах Верхняя Вьенна, Дордонь, Ло-и-Гаррона, Лозер, Ардеш, Альпы, Верхние Альпы и др. сильно пострадал урожай.

И все же, по общему мнению исследователей, главной причиной дороговизны была не скудость урожая, а начавшаяся инфляция. Звонкая монета исчезала; к декабрю 1791 г. ассигнат упал на 25%, в январе следующего года — на 32, в апреле — на 40%.

Трудности дороговизны и инфляции часто усугубляло недостаточное снабжение рынков. «К весне 1792 г., — замечает В.М.Далин, — обозначились первые симптомы «хлебной забастовки» имущих слоев деревни, сказавшиеся со всей силой через год-полтора, ко времени установления якобинской диктатуры»¹². Богатые фермеры и землевладельцы придерживали зерно, широко использовали право продажи вне рынков. На дому, в трактирах они сбывали его крупными партиями хлеботорговцам, спекулянтам.

Следует учесть и то, что благоприятная промышленная конъюнктура 1791 г. коснулась далеко не в равной мере различных департаментов и отраслей производства¹³. Затруднения в промышленности, связанные с рядом причин (эмиграцией, неурожаем сырьевых культур и дороговизной сырья, сокращением заморской и певантийской торговли), уже чувствовались в Пикардии. Центре Лангедокском промышленном районе. Возрождение древесного угля, леса, железа повредило

* Первый день пасхи падал в этот год на 8 апреля.

деревенскому производству металлоизделий в Нормандии (части департаментов Орн и Эр), дороговизна хлопка — сельскому текстильному производству в Шампани.

Как обычно, экономические затруднения ударили по мелкому деревенскому люду. Вновь усилилось нищенство, иногда с угрозами богачам, с небольшими сборищами Жалобы на это появились уже с конца 1791 г. Обострение нищеты оживляло неприязнь к богатым фермерам, крупным землевладельцам и торговцам. Оно делало также особенно нетерпимым сохранение феодальных прав. Где же взять денег для выкупа, спрашивали с негодованием авторы «Требований дистрикта Шатобриан» (департ Нижняя Луара), «когда истощенный непомерной дороговизной продуктов первой необходимости, приостановкой торговли и всякого рода работ народ, и особенно народ деревень, надолго лишен всяких ресурсов»¹⁴.

Таковы общие условия, определившие новый революционный подъем в деревне в первые месяцы 1792 г. Исследователи с основанием отмечают определенное их сходство с обстановкой 1789 г.: экономические затруднения, дороговизна, обострение политического кризиса, некоторые особенности общественной психологии (возбуждение, беспокойство, местные спорадические «страхи»). Вместе с тем на исходе был 3-й год революции, иное соотношение сил, иная ступень революционной борьбы

Все это придавало массовому движению новые характерные черты. С одной стороны, оно продолжало разгоревшуюся с лета 1789 г. крестьянскую войну против феодальных повинностей; с другой — впервые в таких масштабах после весенних движений 1789 г. возобновилась вооруженная борьба продовольственного характера.

2. «ВОЙНА ПРОТИВ ЗАМКОВ» в ЦЕНТРЕ и на ЮГЕ («ПЯТАЯ ЖАКЕРИЯ»)

За последние 3 месяца 1791 г можно отметить лишь несколько примечательных крестьянских выступлений: восстание издольщиков нескольких коммун в Тарне (октябрь)¹⁵, разрушение отрядами крестьян башен дворянских замков и изъятие оружия у подозреваемых в «аристократизме» в Лозере (кантон Сен-Жермен-де-Кальберг, 15, 21—22 декабря)¹⁶, походы за феодальными «титулами» и обыски в дворянских домах и замках в департаменте Мез (дистр. Гондрекур, конец декабря)¹⁷. С началом 1792 г волнения заметно усилились. На юго-западе, в Керси (департ. Ло), возобновилось большое восстание. Основным его центром стал на этот раз дистрикт Фижак¹⁸. 2 января директория дистрикта писала «Во многих местах нашей территории образовались сборища, они разгромили и сожгли несколько домов и замков, принадлежащих лицам, которых подозревают в том, что они являются участниками сборища в Кобленце». «Все собственники в тревоге, — сообщил 21 января капитан жандармерии из Фижака, — и, как кажется, с основанием, перед ними пример — один соседний замок разрушен полностью, многие другие разграблены, опустошены, частично разрушены. Власти бессильны, служители правосудия запуганы»¹⁹.

Так заканчивался январь 1792 г. С февраля Франция вступила в период длительных и упорных крестьянских восстаний — это была «пятая жакерия», считая с начала революции. Важнейшим театром вооруженного сельского движения этого типа оставался в феврале Юго-Запад и отчасти Центр — в основном те же районы, что и в конце 1789 — первой половине 1791 г. В течение февраля массовые выступления продолжались в департаменте Ло. Одновременно волнения охватили местности, смежные с Керси. В департаменте Тарн (дистр. Альби, Лавор, особенно Гайакский) они были направлены главным образом против неприсягнувших священников, их приверженцев, отчасти против дворянских замков²⁰. «Возмущенные беспорядками, которые чинят неприсягнувшие священники», писали комиссары директории департамента, сельские жители «изгнали многих из их приходо... в убеждении, что они являются врагами Конституции и что это единственное средство добиться мира в их семьях. По тем же причинам некоторые экзальтированные лица попытались атаковать дома бывших дворян»²¹. 12 февраля в г. Рабастанс пришли 1200 сельских национальных гвардейцев из пяти соседних коммун, арестовали неприсягнувших священников и разоружили «подозрительных». На другой день они отправились по деревням вразумить тех, кто не посещает «конституционные» мессы. Посланные директорией департамента два комиссара с отрядом жандармов, волонтеров и драгун в течение 11 дней двигались от коммуны к коммуне и сумели прекратить волнения. Но огонь тлел под пеплом, и в марте они возобновились.

В 20-х числах февраля восстание вспыхнуло в северной части соседнего департамента Верхняя Гаронна. «Большая часть тулузского дистрикта, — писала 1 марта директория департамента, — объята мятежным движением, которое быстро распространилось вплоть до дистрикта Кастель-Сарразен»²². Вооруженные крестьянские «сборища» в 600, 800, 1000 человек нападали на замки, захватывали зерно и провизию, взымали денежные контрибуции, иногда жгли феодальные титулы (в замке бывшего сеньора в Роксерьере), прогоняли неприсягнувших священников. «Повсюду собираются по 4—5 соседних деревень и повсюду грабят, требуют денежных сумм, — говорилось в письме одного из граждан министру внутренних дел, — Всюду

бунтовщики ясно заявили, что хотят пойти против неприсягнувших священников и их сторонников, кажется, что они враждебны аристократам, родственникам эмигрантов и всем тем, кто не дает работы крестьянам»²³. Директория департамента отправила на усмирение восстания жандармерию, роту линейных войск, национальную гвардию, неподалеку от Тулузы дело дошло до перестрелки. Здесь же, на Юго-Западе, в начале февраля возобновились волнения издольщиков в департаменте Ланды²⁴ (дистр. Мон-де-Марсан и Тартас); издольщики протестовали против взимания землевладельцами десятины и одновременно выступали против неприсягнувших священников²⁵.

В марте и начале апреля районом крупных восстаний стал Центральный массив. В середине месяца началось знаменитое восстание в Верхней Оверни (департ.Канталь)²⁶. 11 марта в центре департамента г. Орийак прошло собрание граждан кантона с целью записи волонтеров в армию. Атмосфера была тревожной. Вечером с пением популярной революционной песни «Ca ira» («Дело пойдет») новые волонтеры ходили по городу. Из дома известного аристократа Колине де Ниоселя в них полетели поленья, камни, раздались pistolетные выстрелы. Тотчас же по окрестным деревням раздался слух, что в городе убивают патриотов. Забили в набат в соседнем местечке Арпажон, в Орийак устремились крестьяне, национальные гвардейцы — 600—700 человек с pistolетами, ружьями, саблями, а также топорами и вилами — классическим оружием крестьянских мятежей. Колине де Ниосель был обезглавлен, голову его носили на вилах. В следующие дни от деревни к деревне, от кантона к кантону крестьянская «жакерия» охватила всю юго-восточную часть департамента. Исходным пунктом ее был Арпажон, а наиболее влиятельным вождем — Жан-Батист Мило, командир арпажонской национальной гвардии, будущий монтаньяр, член Конвента, а затем боевой генерал империи.

Восстание имело три основных центра. Первый — в районе коммуны Ла-Фейяд. Здесь обосновались арпажонцы во главе с Мило, сюда стягивались по его приказам национальные гвардии окрестных коммун Жюссак, Рейлак, Марманак, Везак, Прюне, Лабрусс, Роанн, Лакапель-ан-Вези. 19 марта был совершен большой карательный поход в центр кантона — городок Монсальви. Муниципалитет его и часть жителей слыли аристократами и «фанатиками». Составленный муниципалитетом протокол красочно повествует об этом походе: «Сборище более чем в 2400 человек... посеяло здесь отчаяние и ужас. И можно ли было не испытать их, слыша их (восставших. — А.А.) крики и завывания, видя их ружья со штыками, pistolеты, сабли, пики, вилы, косы, топоры и другие орудия, а во главе их... так называемых командиров, особенно же съеров Мило и Вора (Вор - мэр Арпажона. — А.А.)»²⁷. Один за другим окрестные замки Ладинак, Монложи, Ля Бесретт, Сенезарг, Жюнак, Род, Витрак подвергались крестьянским нашествиям. Протокол мирового судьи о разгроме замка Сенезарг дает представление и о судьбе остальных: 21 марта «замок Сенезарг... был разграблен и почти полностью сожжен, на первом этаже... вся мебель была унесена, стенные шкафы, деревянные панели, двери были сломаны и разбиты, хотя огонь и не проник в эти сводчатые апартаменты, все верхние помещения, как и крыша замка, сгорели полностью, от него остались только стены четырех круглых башен громадной высоты, обожженные и поврежденные»²⁸. Крестьяне не только забирали съестные припасы, деньги, сжигали архивы. Измученные продовольственными трудностями люди устраивали коллективные пиршества, принимавшие подчас поистине пантагрюэлевские размеры. Было время поста, и некоторых это беспокоило, но, по словам других, в этот раз «господин епископ разрешил есть скоромное».

Юго-западнее, в Буассе, возник еще один центр восстания. Роль вожака взял на себя Гюг Лак — местный патриот, мэр Буассе. Отсюда и из близлежащих коммун вышли отряды против замков. Фарг (коммуна Витрак), Мюра, Конкан (коммуна Буассе), Ноказ (коммуна Сен-Жюльен-де-Турсак, замок был сожжен) и т.д.

В восточной части департамента, в дистрикте Сен-Флур, образовался третий очаг «жакерии». 26 марта местная директория доносила, что почти во всех муниципалитетах этого дистрикта возникли сборища большей или меньшей величины²⁹. Отряды крестьян и национальных гвардейцев требовали «значительных контрибуций с граждан, подозреваемых в аристократизме, принуждали их идти к мессе, крестить новорожденных и признать конституционного кюре». Замки Вольпильер, Вигуру, Лескюр в кантоне Пьерфор, Рошбрюн (коммуна Орадур), Нейрбрусс (коммуна Сезан) подверглись крестьянским атакам, отчасти были разгромлены.

Дворян, неприсягнувших священников, буржуазные верхи департамента охватила паника, гостиницы и частные дома Клермон-Феррана были переполнены беглецами из Кантала. Директория департамента срочно созвала чрезвычайную сессию совета департамента³⁰ и настойчиво просила прислать войска. В письме на юг генералу Витгенштейну она требовала целый пехотный полк³¹. 31 марта министр Ролан писал Законодательному собранию о «настоятельной необходимости подавить беспорядки» в Кантале. В тот же день депутаты приняли почти без прений репрессивный декрет, 5 апреля де Грав (военный министр) сообщил о посылке войск в департамент³². Эскадрон кавалерии был размещен в деревнях самого мятежного дистрикта Орийак, пол-эскадрона — в Мюра, четыре роты пехоты заняли дистрикт Сен-Флур, еще

две — остальные четыре дистрикта; 22 апреля в Ориак прибыл 22-й кавалерийский полк. Восстание прекратилось, начались судебные преследования.

Восстание в Верхней Оверни непосредственно сочлнулось на юго-востоке с восстанием в Керси (департ.Ло). Начавшееся в январе, несколько утихшее в феврале, оно вновь разгорелось в марте (особенно в Фижакском дистр.). «За последние три месяца, — писал 4 апреля Ролану генеральный прокурор-синдик департамента, — в дистрикте Фижак разграблены и сожжены все дома бывших дворян...»³³ «Целые приходы, — по сообщению дирекции департамента, — объединялись в сборища, шли к бывшим сеньорам... к арендаторам сеньориальных прав и десятины, заставляли их возмещать ренты и десятины за 1789 год и несправедливо взысканное за 29 лет. Муниципалитеты шагали во главе»³⁴. Во многих коммунах крестьяне захватывали и делили общинные земли.

Прямое влияние кантальских событий испытал и соседний Руэрг (депорт.Авейрон). «Зараза слишком близка, — доносила 23 марта дирекция смежного с Канталем дистрикта Мюр-де-Баррес, — мы боимся, что малейшая искра может вызвать большой пожара»³⁵. В начале апреля он загорелся в дистриктах Вильфранш и Обэн. 1 апреля старинный замок Привезак (дистр.Вильфранш) был опустошен и затем сожжен дотла поднятой по набату громадной толпой жителей коммуны и окрестных деревень. Два других замка — Пашэн и Вореи — подверглись разгрому. В толпе говорили, что «надо пойти на дома окрестных буржуа, надо составить список аристократов, и так, чтобы не упустить ни одного»³⁶. Вся округа пришла в волнение, оказались под угрозой окрестные замки. Движение было остановлено отрядами линейных войск, национальной гвардии и жандармерии³⁷.

В Нижней Оберни (депорт.Пюи-де-Дом) с середины марта волнения много раз возникали в Риомском и Клермонском дистриктах. 12 марта в Обьере жители разгромили дома «собственников... которых они называют аристократами». 17 марта около 1,5 тыс. «бунтовщиков» осадили замок Сонад, в окрестностях Клермона. Бывшие сеньоры боялись, как бы их бывшие замки и другие владения не были атакованы; городу Вик-ле-Конту, «сильно подозреваемому в аристократизме»³⁸, угрожало нападение «коммун дистрикта Иссуар, кипящих патриотизмом». Бунты, стычки, угрозы продолжались в 20-х числах, жандармерия и воинские отряды находились в непрерывном движении, тюрьма Клермон-Феррана заполнялась арестованными. В Восточной Оверни и области Веле (департ. Верхняя Луара) волнения были направлены главным образом против неприсягнувших священников и их приверженцев. Вооруженные «сборища», разгромы «молитвенных домов», нападения на дома «подозрительных» и поиски у них оружия произошли в кантонах Рош (7—8 марта), Розьер (18 марта), в городке Крапон (16 марта), в местечках Шаспинак (16 марта), Полиньяк (18 марта), в кантоне Луд³⁹.

Старая провинция Лимузен в первые годы революции являлась, как и область Керси, одним из наиболее беспокойных районов. В 1792 г. она была охвачена восстаниями в течение марта и апреля. В Верхнем Лимузене (департ. Верхняя Вьенна) движение затронуло 4 дистрикта (из 6) — Лимож, Сен-Жюньен, Сен-Леонар, но особенно Сент-Ирье, 17 марта дирекция департамента обрисовала его характер так: «Из нескольких приходов составляются сборища, под дробь барабана, вооруженные кто чем, они отправляются в дома, которые заранее намечают. Их возмущение против сторонников неприсягнувших священников или против семей эмигрантов кажется предлогом этих вторжений»⁴⁰. Являясь в дома дворян, эмигрантов, «подозрительных», отряды крестьян забирали и делили зерно, потребляли на месте припасы, вносили денежные контрибуции. Иной раз отправлялись в ближайший трактир, расходы оплачивала аристократы. Как и годом раньше, большие вооруженные толпы, до 500—600 человек, разрушали плотимы сеньориальных прудов (возвращая таким образом общинные земли) и вылавливали рыбу. Против крестьян двинулись отряды линейных войск и национальная гвардия в сопровождении Комиссаров. Более 30 человек были захвачены на месте. 29 марта дирекция сообщила о прекращении волнений в Верхнем Лимузене.

Но через две недели восстание вспыхнуло в Нижнем Лимузене (депорт.Коррез). 9 апреля, на второй день пасхи, в городе Тюль сторонники неприсягнувших учинили вооруженное «сборище»⁴¹. Патриоты забили в набат. Его подхватили около 20 окрестных деревень, и в город из них устремились на помощь отряды национальной гвардии. Они прибывали всю ночь, к утру собралось не меньше 6 тыс. человек. Разоружив аристократов, «фанатиков», «подозрительных», крестьяне оставили город, и восстание захлестнуло деревню. «События в Тюле, — писала 18 апреля дирекция департамента, — вызвали у всех деревенских граждан величайшее ожесточение, и они бросились на владения эмигрантов и тех, кого считают подозрительными, с неописуемым остервенением... под угрозой все 4 дистрикта сразу... количество сборищ, отправившихся в различные коммуны, слишком велико, чтобы можно было им воспротивиться»⁴².

* Декретом 7 мая 1791 г. Учредительное собрание разрешило сторонникам неприсягнувших священников открывать «молитвенные дома» при условии, что на них будет иметься соответствующая вывеска и проповеди не будут сопровождаться контрреволюционной пропагандой.

Были атакованы около 20 замков (Сен-Клеман, Сен-Базиль, Шанак, Аржанта, Грольер, Сейлак и др.), разрушены плотины многих сеньориальных прудов. Восстание постепенно прекратилось к 20—25 апреля.

Другим центром массового движения стали департаменты Юго-Восточного Лангедока и отчасти Прованса. Первые выступления произошли в департаменте Буш-дю-Рон, в Аптском дистрикте*. 12 марта в г.Апт вторглись около 2 тыс. национальных гвардейцев соседних коммун и на 3 дня захватили его. Они требовали закрытия церкви, где служили неприсягнувшие, изгнания их в 24 часа из города, разоружения «партии фанатиков». На «фанатический город» была наложена контрибуция в пользу дистрикта. Вторжение послужило сигналом. 23 марта директория доносила: «Анархия в нашем дистрикте достигла апогея. Законы открыто попираются, установленные власти без сил, не признаются и оскорбляются... ежедневно происходят восстания... почти все коммуны подверглись вторжениям»⁴³. Волнения в Буш-дю-Роне продолжались в начале апреля; в дистрикте Тараскон подверглись разгрому два замка⁴⁴.

В конце марта началось громадное восстание, охватившее Нижнее Виваре (департ.Ардеш), весь департамент Гар и восточный край департамента Эро. Здесь, в скудных Севеннах, на равнинах Нижнего Лангедока, где земледельческое население было сильно разбавлено полупромышленным, где живы были воспоминания о камизарах и «вооруженных масках», где враги усиленно разжигали старинную рознь между католиками и протестантами**, социальная и политическая борьба была чрезвычайно острой с первых лет революции. Восстание 1792 г. началось 26—27 марта в горной части Виваре⁴⁵, охватив сначала деревни в кантонах Жожак, Тюзэс, Антрэг. Раньше всего подверглись нашествию замки Кастрвиль и Брюже (коммуна Жожак). Стены их башен были разрушены до уровня крыш основного строения. 26 марта толпы восставших (говорили, что 2 тыс.), комиссары департамента писали, что 500 человек двинулись на замок Лоланье (коммуна Сен-Сирк де Прад). Повсюду в деревнях били в набат. «Жаки», захватившие с собой молоты и рычаги, сравнивали с крышами замка его башни, опустошили погреба и внутренние помещения. Отсюда они пошли 27 марта в Прад и Тюзэс и здесь были разрушены башни замков. Кроме того, восставшие «заставили собственников, которых они считали враждебными принципам революции или охваченными фанатизмом, присягнуть конституции, их оружие было отобрано»⁴⁶. Восстание достигло апогея в последние дни марта 30-го числа вооруженные отряды нескольких коммун подожгли величественное сооружение феодальных времен, замок Ла Бастид, принадлежавший графу д'Антрэгу***. Замок пылал всю ночь, в Обна, в четырех лье, было видно зарево пожара. Руины замка высились здесь еще в конце прошлого века.

В первые дни апреля восстание охватило юго-восточную часть департамента, особенно кантоны Бурк Сент-Андеоль и Жуайез (дистр.Танарг). Нападение на несколько замков (в коммунах Соме, Верной, Сент-Марсель-д'Ардеш), приорства в Рибе, Розьере (кантон Жуайез), разрушение изгородей и построек, возведенных на общинных землях и улицах (Бурк-Сент Андеоль, Вильнев-де-Берг), попытки закрыть церкви, где служили неприсягнувшие (Сент-Андре-де Крюзьер), требование возместить взысканные в прошлые годы штрафы и сеньориальные ренты — таковы действия крестьян в этом районе. Они продолжались до 20-х чисел апреля. Директория департамента (генеральным прокурором-синдиком здесь был Буасси д'Англа) писала в Собрание, военному министру, генералам д'Альбиньяку и Монтестью, требовала солдат артиллерии, оружия, созвала чрезвычайную сессию совета департамента (она заседала 6—20 апреля). К 1 апреля удалось послать против восставших несколько сот солдат и национальных гвардейцев, часть бунтовщиков была арестована (больше 30 человек), другие бежали в леса⁴⁷.

В первые дни апреля восстание в Нижнем Виваре сомкнулось с ожесточенной «войной против замков», охватившей весь департамент⁴⁸. Толчком явился трагический случай на Роне 25 марта перевернулась барка, на которой плыли в Авиньон 3 роты волонтеров, 69 человек утонули. Учитывая тревожную обстановку на Юге, надо ли удивляться, что народное мнение приписало гибель волонтеров злему умыслу аристократов? Именно это вызвало ответную реакцию, приведшую к всеобщему восстанию. Оно началось 1—2 апреля разгромом замка Обэ (дистр.Сомьер). Около 1,5 тыс. вооруженных людей, в большей части национальных гвардейцев, ворвались в замок и обнаружили ящики со свинцом и зарядами. Можно представить себе ярость народа — сбывались его худшие опасения. В ту же ночь были сожжены замки в соседних коммунах Галларг и Ожарг, а начиная с утра следующего дня отряды национальной гвардии из десятков коммун и многочисленные крестьянские толпы двинулись на дворянские замки, на дома лиц, подозреваемых в «аристократизме», кое-где — неприсягнувших священников. К 4 апреля в дистрикте Сомьер все было кончено. «Нет больше замков, принадлежащих неблагонадежным

* Город Апт и его округа вошли позднее в департамент Воклюз.

** Отметим, что согласно нашим источникам восстание, затронув католические и протестантские местности, не было осложнено религиозным мотивом, социально политический его характер выступал в чистом виде.

*** Четыре замка д'Антрэга (Ла Бастид, Кастр-Вьей Полянье и Брюле) были сожжены и разгромлены в ходе восстания.

собственникам — доносила директория дистрикта, — постыдные остатки феодализма исчезли в этой местности»⁴⁹. Но в других дистриктах 5—10 апреля восстание лишь набирало силу, захватив сначала южную часть Нимского дистрикта, а затем дистрикты Алее, Изес, Сент-Ипполит и Виган. В эти же дни в его характере произошли важные изменения. Первоначальный мотив — наказание аристократов заговорщиков, — особенно характерный для действий восставших в протестантской части департамента, все более уступал место борьбе против сеньориальных титулов и земельных узурпации. «Восстание в своем принципе, — писала директория департамента, — было направлено против граждан, подозреваемых в неблагонадежности (l'incivisme), и особенно против бывших замков. Оно приобретает сейчас более тревожный характер, во многих местах с оружием в руках захватили и уничтожили титулы бывшей феодальной собственности»⁵⁰. «В некоторых коммунах, — добавлял 12-го числа генеральный прокурор синдик Гриоле, — попытались поделить земли бывших сеньоров»⁵¹. «Размежевывают и делят земли, принадлежащие бывшим сеньорам»⁵², — сообщала Собранию директория департамента. (Крестьяне захватывали и делили земли, которые считали узурпированными у сельских общин). Около 40 замков и в два раза больше домов и иных владений бывших сеньоров, дворян и связанных с ними лиц было сожжено, разгромлено, атаковано.

Восстание вызвало смятение местных властей и созванного на чрезвычайную сессию совета департамента. Войск не хватало, национальная гвардия была ненадежна. В Законодательном собрании о восстании было доложено 13 апреля, 16 апреля оно приняло декрет о срочном «восстановлении порядка» С большим трудом удалось к концу апреля прекратить «беспорядки» и арестовать некоторых «зачинщиков».

В центральной части Севенн (департ. Лозер) произошли в конце апреля волнения в некоторых кантонах дистрикта Флорак. Отряды крестьян опять принялись «разрушать башни и строения, превосходившие высотой дома, к которым они прилегают»⁵⁴.

Крупные крестьянские выступления развернулись весной 1792 г. в Провансе⁵⁵. В конце апреля — 20-х числах мая серия волнений и локальных вооруженных выступлений произошла в департаменте Вар. Тесно сплетаясь с городскими (как в большей или меньшей мере повсюду), они были направлены против эмигрантских замков, неприсягнувших священников и органов местной власти, находившихся в руках умеренных⁵⁶. Восставшие разгромили 28 апреля замок в коммуне Бар (дистр. Грае, ныне департ. Приморские Альпы), 3 мая в коммуне Флайоск (дистр. Драгиньян). В следующие дни, отмечала в решении 10 мая директория департамента, «подобные же самоуправства были совершены в других местах, а в еще большем числе они готовятся, особенно в дистриктах Драгиньян и Грае»⁵⁷. До конца мая подверглись нападениям замки в коммунах Тран, Салерн (дистр. Драгиньян), Монтору, Турнон (дистр. Фрежюс). Директория департамента взывала о помощи, требовала наказания «подстрекателей» и принятия мер против яacobинских обществ. Ареной крестьянских походов против замков стали также дистрикты Динь и Форкалькье в департаменте Нижние Альпы⁵⁸.

За пределами Центра и Юга волнения затронули Юго-Запад. На стыке департаментов Жиронда и Дордонь несколько коммун восстали в начале марта против неприсягнувших священников и «фанатиков» (в дистр. Либурн и Мюссидан)⁵⁹. В департаменте Тарн несколько сот крестьян потребовали 13 марта выдачи феодальных титулов у владельца замка Сен-Жери, «бывшего советника в бывшем парламенте». Около 600 национальных гвардейцев из г. Гайак разоружили было крестьян, но тут на помощь последним подоспела национальная гвардия г. Рабастанс во главе с патриотом Турналем и конституционным кюре. Силы «порядка» с позором отступили, а силы «мятежа», торжествуя, двинулись в Рабастанс, с ветками лавра на шапках и ружейных стволах⁶⁰. В департаменте Верхние Пиренеи деревенские патриоты в кантонах Нестье, Сен-Лоран и Ла-Барт «образовали ожесточенные сборища, вооруженные пиками, ружьями, топорами, косами ... преследовали священников-раскольников вплоть до их домов, заставили их подписать обязательство покинуть приходы, которые они возбуждали»⁶¹.

В северной части страны преобладало продовольственное движение, но в двух смежных департаментах — в Манше и особенно в Иль-и-Вилене — в марте и апреле развернулись выступления против присягнувших священников и их приверженцев⁶².

В целом все эти восстания представляются продолжением того массового движения, которое с 1789 г. объединяло крестьянство в общем русле борьбы против сеньориального строя*. Географическая локализация новой «жакерии» в Центре и на Юге, как и локализация восстаний 1790—1791 гг. главным образом на Юго-Западе и отчасти на Западе, опровергает суждение Леруа Ладюри, что только в Северо-Восточной и Восточной Фракции существовали условия для

* В ходе некоторых восстаний обозначился и другой социальный конфликт — нанимателей и живущих хотя бы отчасти наемным трудом (см. Адо А.В. Революционный подъем во французской деревне весной 1792 // Европа в новое и новейшее время. М., 1966. С.133—134). Таксация продовольствия неоднократно встречалась во время восстания в департаменте Гар, особенно в Виганском дистрикте, где на богатых («этих людей, разжиревших за счет народного пота») была наложена контрибуция для покупки зерна, в департаментах Ло, Тарн, Канталь.

массового антисеньориального движения⁶³.

Наши материалы о составе «зачинщиков» и участников движения, несмотря на свою фрагментарность, позволяют заключить, что в первой половине 1792 г. в нем были так или иначе представлены разные слои крестьянства. Среди привлекавшихся к суду или заподозренных в подстрекательстве мы видим не только бедноту (*journaliers, travailleurs, travailleurs de terre, domestiques*), но и средних и зажиточных крестьян (*laboueurs, agriculteurs, laboureur et marchand***, *maitre-macon*), мельников. Фр. Дальзан, бывший прокурор-синдик дистрикта Флорак в Лозере, писал: **участники «сборищ» «не были ни людьми, пользующимися дурной славой, ни злонамеренными. Напротив, многие были добрые хозяева, зажиточные, известные честностью и хорошим поведением»**⁶⁴. Директория дистрикта Алее (Гар) отмечала наличие в «сборищах» «добрых земледельцев, отличающихся здоровой моралью в обычном течении жизни»⁶⁵.

По-прежнему заметное место в движении принадлежало работникам деревенской промышленности. Наконец, нередкое соучастие или потворство муниципалитетов, активная роль национальной гвардии в восстаниях подтверждают, что речь идет именно об общедемократическом деревенском движении, руководящей силой которого выступали более или менее крепкие в хозяйственном отношении крестьяне. В Кантале, Лозере, в департаментах Тарн, Ардеш, Гар, Буш-дю-Рон, Вар именно сельская национальная гвардия составляла его организационный костяк и главную боевую силу.

О том же говорит и его социально-экономическая программа. Требование предъявить подлинные «первоначальные» титулы, их сожжение (в том числе и титулов, принадлежавших теперь нации), понуждение «бывших сеньоров» к письменному отказу от «бывших феодальных прав», разрушение так называемых «*marques seigneuriales*», т.е. гербов, башен, всякого рода феодальных эмблем, возвращение и иногда раздел общинных земель вновь и вновь повторялись в ходе восстаний. Эти требования и действия — все или некоторые из них — мы встречаем в больших восстаниях в департаментах Ло, Канталь, Ардеш, Гар, в ходе волнений меньшего масштаба в департаментах Нижняя Шаранта, Верхняя Гаронна, Пюи-де-Дом, Авейрон, Тарн, Вар, Мез.

Чаще, чем в предыдущие годы, практиковалось изъятие денежных сумм — от нескольких десятков до нескольких тысяч ливров — у дворян и многих буржуа. Одно из обоснований этих «контрибуции» — возмещение несправедливо взысканных феодальных повинностей, проигранных крестьянами процессов и иных несправедливостей. В местечке Тюэс (департ. Ардеш) делу придали регулярный характер: «...составили с разрешения муниципалитета совет, которому поручено определить эти мнимые возмещения и он послал к разным гражданам отряды вооруженных людей, чтобы принудить их явиться по этому поводу в совет»⁶⁶.

Как обычно, нападения на замки и дома «подозрительных» сопровождалось захватом зерна, продовольствия, часто скота и птицы; восставшие крестьяне громили внутреннее убранство, разжигали из него большие костры во дворах и на деревенских площадях. Нередко они действовали более рачительно, и тогда деревенские дома заполнялись предметами замкового обихода. Приведем отрывок из длинного протокола о массовых обысках в деревнях после разгрома замка Вореи (департ. Авейрон): в доме крестьянина Жана Лаверна были найдены «небольшая шкатулка, украшенная рисунками, железная решетка, небольшая медная кастрюля, пороховница, ножи от стола, сундучок без крышки, наполненный зерном, дверь от комнаты, несколько книг о принципах латинского языка и небольшой кусок серой материи»⁶⁷.

Как и в предыдущие годы, восстание перерастало иногда в народный праздник. Крестьянские походы против замков завершались порой большой коллективной трапезой — на открытом воздухе возле замка, в ближайшем трактире за счет «аристократов». В Виваре устраивали фарандолу. Этот старинный хоровод нередко завершал в 1792—1793 гг. массовые выступления в Южной Франции (в якобинское время во главе его будут иногда выступать командированные в южные департаменты члены Конвента)⁶⁸.

3. УСИЛЕНИЕ БОРЬБЫ за РАЗДЕЛ ОБЩИННЫХ ЗЕМЕЛЬ

Все более пристальное внимание деревень привлекал в этот период и вопрос о земле. С 1791 г. активнейшим образом шла распродажа национальных имуществ. Жорес склонялся к мысли, что еще в 1791 г. она вызывала энтузиазм крестьян и способствовала укреплению революционной солидарности крестьянства и буржуазии⁶⁹. Могла ли, однако, основная масса крестьян с энтузиазмом смотреть на то, как расположенны в их коммунах земли углы в руки буржуазии и «деревенских петухов»? Анатолий Васильевич АДО

КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
** Этим «крестьянином и торговцем» был Гюг Лак, мэр Буассе, один из вожаков восстания в Верхней Оверни (департ. Канталь).
КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1789-1794 гг.

*** «*Coqs du village*» — «деревенские петухи» — так называли наиболее влиятельных в деревнях богатых крестьян.

Очевидно, крестьяне не оставляли попыток получить доступ к национальным имуществам. Продолжали возникать «коалиции» для коллективных покупок. Ж.Лефевр отмечал, что в Камбрези именно в 1792 г. давление крестьян на ход распродажи было особенно интенсивным⁷⁰. Мы не располагаем, однако, необходимой информацией о перипетиях этой борьбы.

По-прежнему в устрашающих масштабах продолжалось вторжение крестьян в национальные леса. С одной стороны, шло фактическое присвоение под выпас лесных опушек, мелкой лесной поросли, молодых посадок, с другой — систематические порубки деревьев, иной раз для своего хозяйства, часто и для продажи. В бумагах общей полиции многие материалы относятся к этим *delits forestieres*, перераставшим иногда в «беспорядки» и столкновения с лесной стражей и жандармерией⁷¹.

Но с особенной настоятельностью в течение этих месяцев выдвигалась проблема общинных земель. Очень острым был все еще не решенный вопрос о восстановлении расхищенного общинного фонда. Крестьяне продолжали посылать настойчивые петиции в Париж⁷², осаждали требованиями местную администрацию, начинали процессы не только против бывших сеньоров и частных лиц, но и против «нации». Захват узурпированных земель, разрушение возведенных на них построек, изгородей и т.п. сопровождали «войну против замков» в Центре и на Юге весной 1792 г., особенно в Керси, Лимузене (разрушение плотин прудов), Виваре, департаменте Гар, отчасти Эро и Вар. «Самоуправства» на этой почве оставались частыми в Бретани, в бумагах общей полиции есть сообщения о волнениях в департаментах Уаза и Марна⁷³.

Однако с конца 1791 — начала 1792 г. все большее место в требованиях деревни занимало не просто возвращение, но раздел общинных земель. Характерно, что в отличие от Учредительного собрания в Законодательном центре тяжести вопроса об общинных землях переместился из Комитета феодальных прав в Комитет земледелия, ведавший вопросами раздела.

Целым рядом обстоятельств вопрос о разделе выдвигался на первый план крестьянских забот. Еще раньше отпала угроза триажей. Принятая Учредительным собранием система распродажи земель национального фонда лишала большую часть крестьян надежды на получение земли этим путем и тем более направляла их внимание в сторону общинных имуществ. Рост дороговизны повышал интерес к ним как возможному источнику пропитания для одних, верного дохода — для других. Поэтому наряду с потоком петиций усилилось давление на местную администрацию и участились самочинные разделы, приводившие иногда к серьезным волнениям. Движение затронуло департаменты Парижского района и Северо-Востока, где развитие капитализма и аграрное перенаселение давно обострили земельную нужду. В департаменте Сомма опять вспыхнули волнения в Руа — беднота претендовала на раздел большого заболоченного выпаса⁷⁴. В департаменте Уаза «большое число коммун, не дожидаясь никакого закона и несмотря на запрещения», поделили общинные земли и пустоши. Очевидно, в департаменте Сена-и-Уаза было нечто подобное — в связи с решением коммуны Месси о разделе директория заметила, что «жители совершили эту узурпацию, лишь следуя многим другим подобным примерам»⁷⁵. В департаменте Сена-и-Марна «во многих муниципалитетах к подстрекатели распространили волнения, ударили в набат и призвали жителей поделить общинные владения, в нескольких коммунах был произведен раздел»⁷⁶. Самовольные разделы имели место в департаментах Об и Марна⁷⁷. На Юге крестьяне принялись за разделы в ходе восстаний 1792 г. Депутат Дюфенье сообщил 5 февраля 1792 г. о столкновениях в департаменте Ло «по поводу раздела общинных земель... Многие коммуны, не дождавшись декрета на этот счет, сами занялись этим делом и уже поделили свои земли»⁷⁸. В декабре 1791 г. на сессии совета департамента Гар обличались «действия некоторых коммун, жители которых намереваются поделить общинные земли» Во время весеннего восстания 1792 г. за раздел принялись около 20 коммун⁷⁹. Восстание в департаменте Ардеш началось с того, что вооруженные жители Сен-Прива (дистр.Куарон) вернули захваченные общинные земли, сломали изгороди и поделили участки; вечером восстановление справедливости было отмечено фарандолой при свете соломенных факелов⁸⁰. В департаменте Изер несколько коммун поделили земли, другие готовили их к обработке и разделу, 9 декабря 1791 г. директория строго запретила «выжигать и выкорчевывать заросли и лес на общинных владениях, расчищать, засеивать и делить эти земли»⁸¹.

Выше мы отмечали, что в вопросе о разделе общинных земель интересы разных слоев крестьян сталкивались. Материалы периода Законодательного собрания позволяют яснее выявить эти интересы. Кажется несомненным, что наиболее настойчиво добивалась раздела, лучше всего поголовного, деревенская беднота, фактически стесненная от пользования общинными угодьями, батраки, мельчайшие крестьяне, занятые и промышленным трудом, но не порывавшие с сельским хозяйством и страстно тянувшиеся к участку земли. У Бабефа, близко связанного с борьбой пикардийских крестьян, не возникало ни малейших сомнений, что раздел отвечает интересам именно «несчастливого класса, который жалуется на то, что до сих пор решительно ничего не было сделано в его пользу»⁸². Настойчивые просьбы о разделе, присланные в Собрание из других районов — Северо-Востока, Юга, исходили от этой социальной среды от «мелкого люда» (*menu*

peuple, petit peuple), «бедняков», жителей «очень бедных, лишенных всего», «не имеющих собственности» и т.п.⁸³ Очевидно, не всегда этими «бедными жителями» была беднота в точном экономическом смысле слова. Например, петиция коммуны Коломбье-сюр-Сель (департ.Кальвадос), предложившая равный раздел по хозяйствам, была прислана от имени «мелких землевладельцев» («des petits fonciers»), «очень бедные» жители Рос-сюр-Мер (департ. Буш-дю-Рон) хотели, однако, поделить земли только между активными гражданами⁸⁴. Есть все основания полагать, что здесь звучит голос середняков, которые с трудом вели хозяйство и надеялись вырваться из малоземелья за счет общинного фонда.

Позиция деревенских верхов выступила очень отчетливо в документах этого времени. Она не всюду была идентичной. Сам экономический тип рождавшегося сельского капиталиста был неоднородным. В условиях роста хлебных цен к разделу склонялись и некоторые крупные хозяева — дальнейшее расширение площади зерновых сулило верный доход. Поэтому кое-где они учиняли самочинные разделы в ущерб бедноте. Директория департамента Уаза сообщала в марте 1792 г. о разделах, «совершенных самым неравным способом... соразмерно с уже имеющейся собственностью, так что бедные семьи ничего не получили от этого общего порыва к дележу». Директория указала и причину этого «порыва» — высокие хлебные цены, которые толкают к расширению до крайности зерновой запашки⁸⁵.

И все же в целом складывается вывод, что именно экономически наиболее крепкие слои крестьянства и крупные фермеры выступали влиятельной силой, которая тормозила решение вопроса⁸⁶. Е.Н.Петров показал, что решающую роль играли здесь интересы экстенсивного животноводства в различных его вариантах⁸⁷. Для хозяев, ведших традиционное зерновое хозяйство и располагавших многочисленным рабочим скотом, даровые общинные пастбища являлись необходимым дополнением такого хозяйства. Богатые крестьяне, разводившие продуктивный скот, пользовались общинными выпасами. Наконец, содержание убойного скота, когда купленный весной молодняк откармливался до осени и продавался на мясо к зиме, тоже основывалось часто на использовании общинных выгонов и пастбищных сервитутов. Раздел общинных земель лишил бы кормовой базы эти виды торгового животноводства. Крупных фермеров настраивало против раздела еще одно опасение, некоторые фермы были устроены на бывших общинных землях, на расчищенных пустошах. Возвращение общинам и раздел земель угрожали самому существованию этих хозяйственных единиц.

Таковы основные позиции разных слоев французской деревни, которые все сильнее сталкивались в связи с судьбой общинных земель по мере того, как становились все более настойчивыми попытки бедноты защищать свои интересы. Требование раздела оказалось к этому времени таким настоятельным, что Собрание было вынуждено взяться за выработку законодательного решения. Однако до 10 августа 1792 г. оно так ничего и не постановило.

4. СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ДЕРЕВНЕ на ПОЧВЕ ДОРОГОВИЗНЫ (осень 1791 — лето 1792 г.)

В «жакерии» 1792 г. достигло наибольшей силы общекрестьянское наступление против феодального порядка и попыток соглашения с ним. Вместе с тем именно в это время на передние линии социальной борьбы вновь выдвигается «война за хлеб». С конца лета и в начале осени 1791 г. уже стало нарастать беспокойство и кое-где возобновились волнения⁸⁸. Они продолжали усиливаться в течение осени и в начале зимы, главным образом в Пикардии и в Парижском районе. В сентябре внезапное вздорожание кривело к серьезному возмущению в департаменте Сена-и-Уаза⁸⁸. Бунты городского и сельского люда вспыхнули на рынках в городах Гонесс (12 сентября), Этамп (12 и 16 сентября), Корбей (16 сентября). **Повсюду народ отбросил жандармерию, таксировал зерно.** В Этампе сбежали муниципалитет и директория дистрикта, сборщик налогов остался единственным представителем администрации. Волнения продолжались до середины октября (Дурдан и окрестность, Корбей), они вспыхивали в ноябре и декабре*. В соседнем департаменте Сена-и-Марна брожение на рынках начало чувствоваться с конца августа. В октябре—ноябре волнения и небольшие бунты происходили по рыночным дням в Мелене (14 и 21 ноября), Фонтенбло (24 ноября) и на других, менее крупных рынках⁹⁰. В декабре массовое вооруженное движение опять развернулось в департаменте Эна⁹¹. 10—17 декабря попыткам вывезти на судах зерно для Парижа препятствовали жители коммуны Понтавер и соседних деревень Баржа смогла двигаться лишь под сильной военной охраной — на ее пути одна за другой поднимались по набату прибрежные деревни. 16 декабря совет департамента сообщал уже о том, что народные волнения скрывают перевозки зерна, повсюду в дистриктах Шони, Лана, Суассона и «большая часть вооруженных сил департамента приведена в движение или находится в состоянии

* 9 ноября произошел бунт на рынке г.Удан, поднятый «сборищем деревенских жителей под предлогом вздорожания зерна», 18 ноября прокурор синдик дистрикта Понтуаэ сообщал о «коалиции между окрестными коммунами... с целью добиться снижения цен на зерно...»

готовности». Южнее, на Луаре, движение хлебных грузов наталкивалось на препятствия с конца лета и в течение всей осени⁹². 6—8 ноября большое восстание в Шомоне (департ. Верхняя Марна) закончилось временной победой народа и продажей зерна по установленной им таксе.

31 декабря Законодательное собрание было вынуждено снова обратиться к обсуждению продовольственного вопроса «в виду волнений и беспокойств в различных департаментах» Оно объявило этот вопрос неотложным, но решило его в прежнем духе. Декрет 6—28 января 1792 г. еще раз призвал к строгому соблюдению свободы хлебной торговли и обращения⁹³. Но в то самое время; когда Собрание обсуждало декрет, продовольственное движение уже переросло в большие народные восстания, которые в течение февраля — марта захлестнули больше десятка департаментов.

* * *

Тремя основными районами этого движения за доступный и дешевый хлеб были смежные департаменты Эна и Уаза, область Бос и прилегающие местности, прибрежные районы Луары.

Первое массовое возмущение вспыхнуло в конце января опять в департаменте Эна Громадная толпа деревенских жителей из 11 коммун пришла в г.Анизи-ле-Шато, требуя открыть хлебные амбары 27 января несколько хлеботорговцев и груз зерна были арестованы в коммуне Брюйер (дистр.Лаон). «Набат, — доносила директория Эны, — забил во всех окрестных приходах, явилось множество вооруженных граждан, целые муниципалитеты в полном составе» 1 февраля «сборище» оставалось на месте, оно разошлось, однако, до прибытия спешно вызванных войск⁹⁴. Через неделю восстание перекинулось в соседний департамент Уаза⁹⁵. 6 февраля крестьяне задержали неподалеку от Нуайона поднимавшиеся по реке четыре судна с зерном. Хлеб разгрузили и сложили в зданиях аббатства Урскам, ставших национальным имуществом, выставили охрану. Выступление подготовлялось «зачинщиками» трех деревень в течение нескольких дней. Народ был поднят набатом и барабанным боем, 6—7 февраля около Урскам собрались 2—3 тыс. вооруженных людей. Другие суда, шедшие из Суассона, были остановлены и разгружены около Аттиши и Шуази-ле-Бака. Военный министр направил сюда воинский отряд во главе с генералом Ги д'Арси. Известие о приближении войск вызвало цепную реакцию, поднявшую с места десятки тысяч людей. В ночь на 13 февраля забили в набат в деревнях департаментов Уаза, Сена, Сомма. К концу следующего дня около 30—40 тыс. человек из 140 с лишним приходов явилось в Урскам, Аттиши, Шуази-ле-Бак. Генерал д'Арси в замешательстве остановил продвижение войск. 15 февраля вопрос встал в Учредительном собрании.

Четыре депутата, среди них Ж.Ромм, будущий монтаньяр, были направлены в Урскам. Умиротворение не удалось, крестьяне стояли на своем и вынудили комиссаров принять для передачи Собранию свою петицию. 18—19 февраля доклад комиссаров обсуждался в Собрании, которое решило прибегнуть к силе. Целая армия — 2400 солдат линейных войск, 8 орудий — во главе с генералом Витингофом выступила из Парижа в Нуайонский дистрикт. Из девяти «мятежников», преданных суду, четверо были приговорены к позорному столбу и 10 годам кандалов.

Едва успели разойтись нуайонские «бунтовщики», как в департаменте Эна началась новая волна массовых выступлений. К 25 февраля они охватили местность между городами Брэн и Вайи⁹⁶. В деревне Вьельарси народ задержал три воза с зерном, принадлежавшим богатому фермеру. Звон колоколов собрал со всей округи 6 тыс. вооруженных крестьян. Зерно измерили и распродали по назначенной тут же цене Движение ширилось, 1 марта директория Эны доносила министру: «Наше положение становится с каждым днем все более тревожным. Волнения растут, на территории департамента умножаются бунты. В настоящий момент кантон Борье, в дистрикте Лапа, кантон Вайи, в дистрикте Суассона находятся в состоянии величайшего возбуждения...» В первые дни марта район волнений расширился к югу, до дистрикта Шато-Тьерри. 3 марта из коммуны Вильнев-сюр-Фер под охраной жандармов вышли возы с зерном, и повторилась картина, обычная для этих дней: по деревням забили в набат, люди взялись за ружья, вилы, топоры, серпы; 3,5 тыс. человек из коммун Бёвард, Нантей, Куанси, Брюйер захватили обоз, назначили цену, измерили и распродали зерно. Директория просила направить в департамент полк линейных войск и разместить двухорудийные батареи в центре каждого из дистриктов. Нарбонн, военный министр, обещал; нам не удалось установить, было ли это сделано.

Южнее и юго-западнее Парижа в конце февраля образовался второй основной очаг массового продовольственного движения — область Бос и прилегающие местности. Отмеченное Ж.Жоресом и А.Матъезом, это движение исследовано в наше время М.Вовелем⁹⁷.

Область Бос, богатая хлебная равнина, была одной из пшеничных житниц Франции и источником продовольственного снабжения столицы. Но с севера, протянувшись от департамента Эр до леса Фонтенбло, ее окаймляли местности белее скудные, в значительной мерз лесистые. Они-то и были исходным пунктом и главным районом движения.

Первый импульс возник 25 февраля в департаменте Эр в лесном массиве вокруг больших коммун Криш и Бретей. «Подстрекателями» явились, очевидно, рабочие гвоздильной мастерской в коммуне Бо-де-Бретей. Затем, 27 февраля, вооруженные толпы таксировали зерно на рынке в местечке Лир. Волна подхватила другие лесные деревни. Отряды «таксаторов» вторглись на рынки в Бретей (29 февраля), Бар, Конш (1 марта); 2 марта это народное войско было уже на рынках в коммунах Бурт, Рюль; 3-го числа оно разделилось — одна часть отправилась к северу, в Ла-Ферьер, другая, пополняясь людьми из лесных деревень, явилась опять в Бретей и объединилась здесь с городскими жителями. Затем последовала таксация железа и дров в лесу Конш. Отряд вырос к этому времени до 10 тыс. человек. 5 марта сами жители коммуны Бретей, проявив инициативу, разослали призывы в соседние коммуны. 13 приходов собрались и таксировали зерно и хлеб на рынке в Верней. Городской муниципалитет насчитал 8 тыс. «мятежников»⁹⁸. Последняя экспедиция — 7 марта (на рынок в Лё-Нёбур) — была самой дальней и, вероятно, наиболее многочисленной: в ней участвовали 25 приходов. Затем движение слабеет.

Такого размаха «войны за хлеб» не видели со времени «мучной войны». Непрерывно заседала директория департамента и дистрикта Эврё, спешно была созвана специальная сессия департаментского совета. Богатые торговцы-булочники г.Легль (департ.Орн) вооружили 1800 человек. Вместе с национальной гвардией и пушками они 5-тысячным отрядом выступили 9 марта из Эврё в район восстания. 6 марта Законодательное собрание решило послать в департамент Эр отряд парижской национальной гвардии с двумя орудиями, 15 марта приняло декрет о судебных репрессиях⁹⁹. В апреле — июне прошли судебные процессы.

Почти одновременно восстание охватило северную часть департамента Эр-и-Луар; возможно, оба очага были связаны между собой. Первые бунты на рынках произошли 14 и 22 февраля в местечке Ла-Луп, 15 и 24 — в Шатонёф. Они возобновились в первые дни марта. 8 марта директория писала министру: «Волнения проявляются почти во всех пунктах департамента, наше положение поистине тревожно. 700—800 разбойников завладели умами деревенских жителей. Увлекая за собой мэров и членов муниципалитетов, они явились на рынки в Ла-Луп, Шатонёф, Брезоль, Сенонш, Ножан-ле-Руа, Ментенон, Эпернон, Галлардон. Во всех этих местах силой устанавливали низкие цены на хлеб»¹⁰⁰.

В эти же дни волнения в Эр сомкнулись с мощным движением в Версальском, Этампском и Корбейском дистриктах департамента Сена-и-Уаза¹⁰¹. Февральская волна продовольственных выступлений захватила эту местность в середине месяца. 13 февраля 2—3 тыс. вооруженных жителей окрестных коммун таксировали зерно в Монлери; в амбарах местного хлеботорговца были найдены мешки с зерном и мукой. «Умы воспламенились» — торговец пал жертвой народной ярости¹⁰². В первые дни марта восстала вся местность. В разных направлениях двинулись большие вооруженные отряды «таксаторов». М.Вовель проследил маршруты этих походов. Их исходным пунктом была лесистая и небогатая округа в районе Ивелин, между г.Лимур, коммунами Рошфор и Сент-Арну. В первый день марта народ таксировал зерно на рынках в Лимуре и Монлери. 2 марта крестьяне нескольких деревень задержали в Этреша большой хлебный обоз, зерно выгрузили и сложили в церкви. 4 марта этот же отряд двинулся в Этамп.

Здесь-то и произошло событие, ставшее одним из фокусов политической борьбы в последующие месяцы¹⁰³. Мэр Этампа, богатый кожевник Симоно, причастный, по слухам, к махинациям с хлебом, выступил, опоясанный своей перевязью, во главе войска, провозгласив «военный закон» и готовый к приказу об открытии огня. В завязавшейся стычке он был убит, шедший рядом прокурор коммуны получил пулевое ранение.

Отряд «таксаторов», выйдя из Этампа, был в тот же день в Монлери. Южнее таксаторская волна докатилась до Анжервиля (7 марта), на севере отряды «мятежников» пытались проникнуть в Версаль. К востоку движение достигло г.Корбей (9 марта), где были большие склады для снабжения столицы. Здесь оно вышло за пределы Сены-и-Уазы, вступив в департамент Сена-и-Марна. 28 февраля около 2 тыс. человек навязали таксу на рынке в г. Мелён. 5 марта жители многих прибрежных к Сене коммун пришли с той же целью в Бри-Конт-Робер, 10 марта «таксаторы» вновь собрались у ворот Мелёна, причем на этот раз их было около 8 тыс. из 30 коммун. Национальной гвардии и отряду линейных войск удалось разоружить их. К западу движение захватило Дурдан (волнения и таксации 19 февраля, 3, 10, 17, 24 марта), Рамбуйе (10 и 17 марта), Эпернон (5, 12, 16 марта)¹⁰⁴. Именно в этом районе оно сомкнулось с аналогичными выступлениями в департаменте Эр.

Восстание продолжалось до начала апреля, постепенно слабея под натиском военных сил 23 марта из Версальского дистрикта сообщали: «Сборища продолжают происходить в этом дистрикте самым незаконным и прискорбным образом. Деревенские жители в избытке заблуждения идут, вооруженные, под дробь барабанов, к земледельцам, производят обыски, заставляют их подписывать обязательства доставлять на рынок зерно, произвольно определяют его количество...»¹⁰⁵ В департаменте Сена-и-Марна в конце марта — начале апреля волнения начались в дистриктах Мо и Куломье (эти попытки таксации в северной части Сены-и-Марны ускользнули от внимания М.Вовеля)¹⁰⁶. 3 апреля об этом докладывала администрация департамента 6 апреля в

Законодательном собрании было зачитано письмо директории, взывавшей о военной помощи.

Как и в других местах, имущие верхи и власти в Сене-и-Уазе были испуганы и принимали энергичные меры. Со 2 марта директория департамента заседала постоянно 6 марта ее председатель докладывал в Собрании, которое тут же решило послать кавалерийский полк, батальон волонтеров, 500 национальных гвардейцев из столицы и 6 орудий¹⁰⁷. Южнее, на Луарском речном пути (главным образом в департамент.Луар-и-Шер), развернулись события, которые с потным основанием можно рассматривать как третий очаг продовольственных движений этих тревожных месяцев. 4 марта громадное народное «сборище», около 6 тыс. человек, задержало в коммуне Мюид плывшие по реке суда. Зерно разгрузили и продали по низкой цене. Затем перегородили речной фарватер и блокировали навигацию. В конце месяца волнения достигли Божанси 28 марта грузчики и другие «люди из народа» заявили, что не пропустят больше суда с хлебом. На помощь явились жители деревень. К этому времени и здесь начались «таксаторские» походы на рынки. «В дистрикте Мер набат звонит почти ежедневно сборища отправляются на рынки, таксируют зерно», — сообщала 3 апреля директория департамента¹⁰⁸. Были вызваны войска 5 апреля, направляясь в Мюид, они столкнулись с крестьянами. Восставшие потеряли 9 человек убитыми, 15 — ранеными, многие были арестованы¹⁰⁹.

Через неделю директория вновь отправила в район восстания комиссара в сопровождении вооруженного отряда В письме министру внутренних дел она просила прислать орудия — многие сельские муниципалитеты, по ее сведениям, имели пушки, захваченные в замках бывших сеньоров¹¹⁰.

В других районах Франции продовольственное движение не приобрело таких впечатляющих размеров Оно, однако, дало себя знать в целом ряде департаментов — вдоль Луары (Эндр-и-Луара), по северному краю Центрального массива (Эндр), на Западе и Юго-Зат1аде (Нижняя Сера, Сарта, Шаранта, Жиронда), в департаментах Марна, Йонна, Дордонь, Ло-и-Гаронна «Начиная с апреля, — пишет М.Вовель, — наблюдается относительное успокоение Очень относительное, однако»¹¹¹.

* * *

Разбирая события в Пикардии, В.М.Далин установил, что восстания 1792 г. произошли как раз там, «где имелось аграрное перенаселение, где значительные слои деревни вынуждены были работать на мануфактуру или наниматься к фермерам и являлись уже не продавцами, и покупателями хлеба»¹¹². Вывод В.М.Далина должен быть отнесен не только к Пикардии. Известно широкое распространение сельской промышленности в охваченных движением местностях Нормандии (в частности, металлического производства в департамент.Эр), наличие капиталистического фермерства и земельного голода массы сельского населения в Сече-и-Уазе¹¹³, в областях Бос и Бри По верному замечанию М.Вовеля, в громадных продовольственных восстаниях 1792 г. отчетливо отразились «формы классовой борьбы, характерные для равнин с преобладанием крупной культуры»¹¹⁴.

В общем «таксаторские» толпы состояли из тех же социальных элементов, какие мы не раз встречали в движении этого типа в развитых районах страны. Как обычно, действовал блок сил. Наряду с массой батраков и полубатраков, работников рассеянной мануфактуры движение увлекло мелких хозяев — покупателей хлеба, виноделов, огородников, ремесленников в некоторых случаях и зажиточных, даже богатых владельцев мастерских¹¹⁶. Наконец, жители лесных деревень, работники лесных промыслов поставляли боевые кадры движения с районе Конш, Бретей (департамент.Эр), Иветин (Сена-и-Уаза). Все эти элементы и составляли основную массу населения в охваченных народной таксацией районах Неудивительно, что снимались с места целые деревни, небольшие города. Восстания недаром так поразили современников — двигались отряды в 2, 3, 6, 8 тыс. человек, увлекая за собой муниципалитеты, маршировали национальные гвардейцы, с оружием, развернутыми знаменами, барабанами. Маршруты «таксаторских» походов достигали 200 км. Такие расстояния не встречались в антисеньориальных восстаниях 1792 г., происходивших преимущественно в гористых местностях со сложным рельефом, сравнительно узкими долинами и небольшими различными местностями.

Замки сеньоров во время продовольственных восстаний этих месяцев остались почти не затронутыми, движение было заострено против владельцев хлебных запасов богатых «пахарей», крупных фермеров, буржуа. Поскольку городские рынки являлись основными центрами приобретения зерна жителями сельской округи, марши «таксаторов» приобретали форму походов в города, против городских властей. Трагический эпизод убийства Симоно, мэра Этампа, ярко иллюстрирует природу конфликта. «Деревни штурмуют города» — так назвал свой очерк о «таксаторских восстаниях» М.Вовель. В то же время он подчеркнул, что фактически в городских стенах местная беднота соединилась с пришлыми «таксаторами» против имущих верхов города¹¹⁷.

Что касается образа действий восставших, то наиболее распространенным оставался **«бунт-препятствие»**, имевший целью сорвать крупные закупки и перевозки зерна. Не случайно самые крупные волнения в районе севернее области Бос концентрировались вокруг важнейших зерновых рынков — Монлери, Этамп, Рамбуи, Дурдан. Бесчисленные захваты судов, обозов, повозок, запреты вывозить зерно из коммуны, часто санкционированные муниципалитетами, — именно эти формы борьбы преобладали на магистральных хлебных дорогах, таких, как Суассон — Париж, Орлеан — Париж, реки Эна, Уаза, Луара, речные каналы. Не новым был и второй элемент действий борцов за доступный и дешевый хлеб — **строгая регламентация хлебной торговли, включая таксацию зерна. Кроме того, стихийно вырабатывалась сумма других мер, которая отчасти также восходила к движениям предыдущих лет, но теперь принимала все более определенные и организованные формы. Зерно должно быть не только дешево, надо еще, чтобы оно всегда было в продаже. Отсюда требование запретить продажу вне рынков и обязать фермеров регулярно снабжать рынки пропорционально своей запашке.** «Фермеры, — жаловалась коммуна Сен-Гобен (департ.Эна), — вместо того чтобы доставлять на рынок зерно пропорционально своей запашке, — а есть среди них такие, кто имеет три или четыре плуга земли, — привозят один или два мешка, почти сплошь ржи, а иногда и только рожь». Коммуна просила фиксировать для фермеров и пахарей «пропорциональное их хозяйству количество зерна, которое они будут доставлять» на рынок, а чтобы не было обмана, разрешить обыски в их домах и амбарах¹¹⁸. Наконец, «таксаторы» думали о том, чтобы зерно попало действительно нуждающимся, и хотели возложить контрольные функции на муниципалитеты. Такие предложения уже появлялись во время аграрно-продовольственного восстания в Ниверне и Бурбонне весной 1790 г. Теперь их пытались применить на практике. Директория департамента Эна сообщала министру внутренних дел: «Муниципалитеты Ла-Ферте-Милон, Куанси и Мариньи хотят принудить земледельцев и торговцев доставлять свое зерно на рынки и предписывают, что зерно будет отпущено лишь тем, кто будет снабжен удостоверением, констатирующим их нужду»¹¹⁹. В Сене-и-Уазе, в окрестностях Монлери, 22 коммуны договорились о том, что они «будут посылать на каждый рынок по 100 вооруженных людей, а муниципалитеты будут выдавать жителям, имеющим, по их мнению, нужду в зерне, удостоверения, по которым зерно будет им продаваться на рынке в первую очередь»; то же самое было сделано в Палезо¹²⁰.

В «таксаторском» движении этих месяцев отразились и специфические интересы работников сельской промышленности, в частности, в департаменте Эр, где находились «старые и многочисленные мануфактуры по производству скобяного товара, гвоздей, ножей, пряжек и т.п.»¹²¹, потреблявшие много железа и дров. Поэтому восставшие нормировали цены на железо и дрова и заставили богатых владельцев железных мастерских «подписать соглашение, продиктованное тщательным размышлением и хорошим знанием положения дел в торговле железом»¹²².

* * *

Как и годом раньше, собственно рабочая струя дала о себе знать во время нового подъема деревенского социального движения. Но условия были для этого менее благоприятны. Уже обозначились признаки экономического кризиса. Дороговизна, опустение рынков опять выдвигали в центр народных забот продовольственную проблему. Военные наборы еще не успели вызвать острую нехватку рабочих рук.

В области Балуа в ходе «весеннего возбуждения 1792 года, — как отметил Домманже, — некоторые рабочие потребовали увеличить заработную плату, которая применялась в ходе предыдущей жатвы»¹²³. Вспыхнули 2—3 стачки (наиболее крупная — 11 августа в кантоне Нантейле-Одуэн, дистрикт Крепи, департ.Уаза), но движение не достигало масштабов 1791 г. В департаменте Сена-и-Марна требования сельских рабочих (возможно, и городских) прозвучали к началу апреля 1792 г. В дистриктах Мо и Розуа народ потребовал «не только таксации зерна и прекращения торговли вне рынков. Батраки (les manoeuvres) и различные категории лиц наемного труда (les differentes classes de gens a gages) предприняли разного рода действия, чтобы заставить хозяев повысить их заработную плату»¹²⁴. В департаменте Сена-и-Уаза выступления рабочих затронули девять коммун в районе Лувр и Пюизё (дистрикт Гонесс). Рабочие обсуждали вопрос о желательной величине заработной платы, а потом коллективно навязывали ее богатым пахарям. Почти одновременно подобные волнения развернулись по соседству, в департаменте Йонна. В начале февраля в полуаграрном городке Жуаньи произошла стачка батраков-виноградарей¹²⁵. Зачинщики ударили в набат на колокольнях трех городских церквей, большая толпа виноделов представила муниципалитету петицию, в которой требовала «повысить их заработную плату (le prix de leur salaires), ссылаясь на вздорожание всех продовольственных припасов и предметов, необходимых для сельскохозяйственных работ»¹²⁶. Велико было негодование «добрых и мирных граждан» Жуаньи, «истинных сынов свободы», т.е. многочисленных буржуа, имевших участки виноградников. Национальная гвардия и жандармерия рассеяли бурное «сборище» виноделов. Но самое интересное, что местные власти опирались при этом на закон Ле-Шапелье. Прокурор коммуны и члены муниципалитета в сопровождении вооруженного отряда обошли город и несколько

раз публично зачитали народу составленную тут же прокламацию. Этот любопытный документ напоминал о «законе, который запрещает сборища против соглашений относительно величины заработной платы», и дословно приводил статьи 4, 7, 8 закона 17 июня 1792 г. (закона Лешапелле) и статьи 10, 11 и 12 закона 3 августа 1791 г. против народных волнений и стачек.

Стачка в Жуаньи была подавлена довольно быстро и не имела серьезных последствий. Иначе повернулось дело на стыке департаментов Йонна и Ньевр. Здесь, в районе Кламси, была громадная сплоченная пристань, где всем заправляли капиталисты-лесоторговцы. Лес, срубленный в массивах Морвана, доставлялся сюда осенью речками и ручьями, из него делали небольшие плоты и по Йонне и Сене отправляли в столицу. По деревьям вдоль Йонны жило множество рабочих-сплавщиков, объединенных в «коалиции», замечательные своей солидарностью и стойкостью. В феврале рабочие-сплавщики потребовали повысить заработную плату. Им было отказано, и с этого времени началась подготовка к стачке¹²⁷. 27 марта сплавщики из деревень Кулонж-сюр-Йонн, Люси-сюр-Йонн, Майн-ле-Шато, Крэн, вооруженные баграми, поленьями, ружьями, вторглись в Кламси; местные рабочие-сплавщики присоединились к пришельцам, всего их собралось более 2 тыс. человек. Город оказался в руках рабочих, навигация остановилась. Национальная гвардия попыталась рассеять «сборище» и потерпела полное поражение. Спасаясь от бунтовщиков, «граждане-солдаты» в одних рубашках забрались в холодные воды Йонны, а «бунтовщики», захватив оружие национальной гвардии и надев ее форму, ходили с триумфом по городским улицам¹²⁸. Выступление рабочих вызвало негодование и единодушный отпор буржуазной власти на всех уровнях — в городе, дистрикте, департаменте и столице. Против сплавщиков было послано 600 национальных гвардейцев из 12 городов и бургов, 90 кавалеристов и жандармов, 5 пушек. Пройдя мятежные коммуны, отряд вступил в департамент Ньевр и направился в Кламси. На городской площади были произнесены речи, а также «пролиты слезы, исторгнутые чувствительностью и признательностью, и растроганные граждане бросились в наши объятия» — так доносили комиссары департамента о завершении похода¹²⁹. Рабочие были усмирены, зачинщики, в том числе «капитан» и «лейтенант» рабочих-сплавщиков, арестованы. Законодательное собрание следило за ходом дела, 1 апреля о событиях докладывал от имени Комиссии двенадцати Тардиво, 13 апреля Собрание полностью одобрило действия местных властей. И «ни один голос, даже на скамьях крайней левой, — с горечью заметил Жорес, — не прозвучал в защиту презираемых бедных лесорубов»¹³⁰.

Мы очень мало знаем о выступлениях рабочих в других районах Франции. Глухие жалобы на них встречаются в протоколах Комитета земледелия и торговли¹³¹.

* * *

В рассмотренном здесь массовом движении сливались борьба всего сельского мелкого люда за дешевый хлеб, борьба мелкоремесленной массы за дешевые сырьевые материалы, требования рабочих повысить заработную плату. Но одна принципиальная основа роднит все эти стороны движения — они отражали специфические интересы сельского трудящегося люда, те его устремления, которые отделяли его от крупной буржуазии и от верхних слоев самого крестьянства. Властное вмешательство в сферу обращения, регламентация торговли в пользу неимущих и малоимущих потребителей были основными ближайшими требованиями. Но одновременно обострение в разгаре революции экономических и продовольственных трудностей явилось мощным фактором, оживившим уравнивательные устремления деревенских масс и эгалитарную мысль ее идейных заступников¹³². В известной петиции, представленной Пьером Доливье Законодательному собранию 1 мая 1792 г. и тогда же частично опубликованной Робеспьером в его газете «Защитник конституции»¹³³, поддержка «максимума» сопровождалась критикой частной земельной собственности. Отражением уравнивательных устремлений была и обострявшаяся борьба за раздел общинных земель. В области Валуа продовольственные движения и народная таксация в первой половине 1792 г. шли параллельно с усилением борьбы за раздел общинных земель¹³⁴. Все эти новые тенденции особенно резко скажутся через несколько месяцев, в итоге восстания 10 августа 1792 г. — «революции равенства».

5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ МАССОВОГО ДВИЖЕНИЯ в ДЕРЕВНЕ

(конец 1791 — первая половина 1792 г.)

В условиях нарастания политического кризиса и национальной угрозы (приближения, затем начала войны) поднявшиеся с небывалой силой волны массовых движений в деревне оказывались важным фактором развития политической ситуации в стране. Зримо усилилась и та политизация коллективного крестьянского действия, которую мы отмечали в связи с событиями вареннского кризиса 1791 г.

Столкнувшись с новым подъемом массового деревенского движения, умеренно-буржуазные власти отказывались видеть в нем позитивное начало, даже признавая патриотический характер осуществляемого крестьянами насилия. Для них это была «анархия» — а именно в ней усматривалась теперь главная опасность момента Вновь, как в 1789—1791 гг., воинские отряды, иногда в 20—30, подчас в 500—600 человек, нередко с пушками, в сопровождении членов администрации, совершали походы против крестьян. Иногда дело кончалось мирно, но бывали вооруженные стычки, раненые, даже убитые, почти всегда — пленные. Во многих местах были начаты судебные процессы, кое-где произнесены судебные приговоры. В то же время до лета 1792 г. вся созданная Учредительным собранием система аграрного законодательства оставалась практически незадействованной.

Неудивительно, что в крестьянской среде вызревали разочарование, недовольство действиями умеренных буржуазных кругов, которые преобладали в органах власти в центре и на местах. В этих настроениях таились немалые политические опасности для революции. Красноречиво письмо, посланное Собранию мэром коммуны Сен-Сир. 5 августа 1792 г.: «...если Национальное собрание считает, что отечество в опасности, то вместо того, чтобы адресоваться к несчастным, которых ничто не трогает, кроме их нищеты, оно должно неотложно декретировать — пусть каждый защищает свою собственность и соответственно пусть каждый покупатель национальных имуществ будет обязан лично отправиться на границу или снарядить против врага по одному кавалеристу на каждые десять тысяч ливров своих покупок под угрозой того, что все приобретенное будет у него отобрано и продано в пользу защитников отечества. Тогда, господин председатель, мы охотно договоримся с богатым буржуа, чтобы идти защищать его собственность, если он настолько труслив, что останется дома»¹³⁵. Пройдет немного времени, и в некоторых районах социальное разочарование крестьян толкнет их в сторону от революции и против нее.

Однако война против замков зимой и весной 1792 г., несмотря на острые, часто сооруженные конфликты крестьян с властями, оставалась — и объективно, и субъективно — в политическом русле революции. Будучи наиболее крупным после 1789 г. подъемом «первой социальной войны» в деревне, «пятая жакерия» развернулась также как своеобразное революционно-патриотическое движение.

Действительно, одной из основных, часто главной целью крестьянских выступлений было сорвать замыслы эмигрантов и заговорщиков, защитить революцию и покарать ее врагов. Наблюдения властей, заявления и действия участников восстаний не оставляют сомнений в этом. «Деревенские жители, — доносил прокурор-синдик дистрикта Фижак (департ.Ло), — выражают опасение, что эмигранты вернутся и что в этом случае замки будут служить им опорой. И они действуют по местной пословице — чтобы предохранить поле от прожорливой сороки, надо сжечь ее гнездо»¹³⁶. Колоритный протокол, составленный командиром национальной гвардии коммуны Сувињьярг (департ.Гар), дает представление о тех же идеях на уровне отдельной деревни: в Сувињьярг вступил отряд разрушителей замков; «...я их останавливаю окриком "Кто идет?", мне отвечают: "Франция"... я их спрашиваю, кто главный, мне отвечают, что они все главные. Я их спрашиваю о цели похода, мне отвечают — разрушение замков, потому что их хозяева — проклятые аристократы... они хотят всех нас погубить, призывая иностранные войска, которым будут содействовать эмигранты, и замки должны стать местом укрытия, и что, стало быть, надо сейчас же сделать их непригодными к обитанию»¹³⁷.

О своеобразном характере новой «жакерии» можно судить и по составу тех, кого преследовали крестьянские отряды. «Повсюду, — доносила директория дистрикта Ориак (департ. Канталь), — объектом и жертвами являются священники, бывшие дворяне, эмигранты и те, кого подозревают как их сторонников»¹³⁸. Десятки сообщений из других районов говорят о том же: в департаменте Пюи-де-Дом преследуют «бывших сеньоров», «собственников этой местности, которых обвиняют в аристократизме», «граждан-неконформистов» (сторонников неприсягнувших священников)¹³⁹, в Лозере — тех, «кого рассматривают как врагов революции и нового порядка вещей»¹⁴⁰, в Ардеше — «бывших сеньоров, аристократов», «тех, кто не ходит к мессе конституционного кюре», «кто слывет врагами нового режима»¹⁴¹ и т.д.

Очевидно, что **противником номер один для крестьянства оставался бывший сеньор, дворянин, эмигрант, т.е. аристократ в собственном смысле слова. Однако логика развития революции, поляризация и размежевание общественных сил привели к тому, что среди противников восставших крестьян появились новые категории лиц.** Прежде всего это «фанатики» (неприсягнувшие священники и их сторонники). К весне 1792 г. с национализацией церковных имуществ, отменой десятины и введением жалованья кюре отпали старые основания вражды против духовенства. Неприсягнувшие церковники преследовались теперь как сторонники заговорщиков-аристократов, возбудители распрей и беспорядков в деревнях. Выступлениями против «фанатиков» сопровождалось восстания в департаментах Канталь, Гар, Ардеш, Коррез, Верхняя Гаронна, выступления меньшего масштаба в департаментах Нор, Иль-и-Вилен, Манш, Мёз, Верхняя Луара, Пюи-де-Дом, Верхняя Вьенна, Тарн, Лозер, Дордонь, Жиронда, Буш-дю-Рон,

Верхние Пиренеи, даже чисто аграрные волнения издольщиков в Ландах.

Эта борьба принимала разные формы. Одной из них было изгнание неприсягнувших кюре из приходов, закрытие (иногда разорение), церковей или «молитвенных домов», отведенных по закону 7 мая 1791 г. для «неконформистского» культа. Кроме того, весной и летом 1792 г. многолюдные крестьянские сборища и особенно сельские отряды национальной гвардии отправлялись в «фанатизированные» деревни (и даже города!), чтобы насадить конституционный культ и пресечь происки неприсягнувших¹⁴². Отчет комиссаров дистрикта Сен-Флур (Канталь) позволяет воссоздать атмосферу таких походов: в коммуну Орадур явились вооруженные жители соседних деревень, заявляя, что «давно уже им надоело видеть раскол среди братьев, вызванный интригами неприсягнувших, что их тайные махинации сеют вражду между сыном и отцом, супругом и супругой, что рождение детей не регистрируется, что проклятия и угрозы адских мук.. взволновали умы... что пришло время их искоренить, что они явились, во-первых, затем, чтобы заставить крестить новорожденных у конституционного кюре, ибо каждый из них предпочитает сделать таким образом христианином одного человека, чем занять 100 эку в кармане, а во-вторых, чтобы заставить признать своим пастырем того, кого дала им Конституция»¹⁴³. В литературе традиционно (и не без основания) подчеркивается крестьянская оппозиция церковным нововведениям революции. Поэтому отмеченные факты выступлений против неприсягнувшего духовенства и его сторонников во время крестьянских восстаний, достаточно многочисленные и встречавшиеся в разных районах, в частности в Центре и на Юге¹⁴⁴, особенно привлекают внимание и заслуживают специального изучения на локальном уровне.

Наконец, должна быть отмечена еще одна особенность, присущая восстаниям 1792 г. К этому времени понятие «аристократ» окончательно утратило для их участников свою строго сословную определенность. С ним сближалась теперь широкая категория лиц, не принадлежавших к привилегированным сословиям, но «подозреваемых в аристократизме», «неблагонадежности», вообще «подозрительных». Понятие «подозрительный» прочно вошло к этому времени в языковой обиход и социальную практику не только города, но и деревни. «Подозрительными» чаще всего назывались консервативные буржуа городков и местечек, которых их связи с феодальными и полуфеодальными формами обогащения толкали в число противников углубления революции. Весной 1792 г. не раз предпринимались вооруженные походы крестьян против «аристократизированных» или «фанатизированных» городов — походы, мотивом которых было стремление покарать аристократов, «фанатиков» и «подозрительных»*. Все это вело к тому, что в ходе «пятой жакерии» конфликт восставших крестьян с умеренной администрацией на местах приобретал своеобразный политический оттенок. Крестьяне обвиняли власть в попустительстве аристократам, заговорщикам, неприсягнувшим. «Народ, — писала в Собрание директория Канталя, сообщая о начале восстания, — громко требует удалить их (неприсягнувших священников — А.А.), он требует разоружения подозрительных лиц. Он требует от нас решений, которые, возможно, и подсказываются благоразумием, но отвергаются законам, он их требует, вскоре, быть может, он их вырвет у вас»¹⁴⁵. На том же сходились другие донесения администраторов из районов восстаний. «Большинство участников сборищ, — писал прокурор-синдик дистрикта Алее (департ.Гар), — жалуются на медлительность Национального собрания и всех других администраций, на то, что они не действовали против заговорщиков с силой и суровостью более чем варварской...»¹⁴⁶ «Народ требовал правосудия, — говорил Буасси д'Англа, выясняя причины восстания (департ. Ардеш), — он его не получил, и он счел себя вправе добиться его собственной рукой неумолимый в своей мести»¹⁴⁷.

В плане социальном острее и глубже было противостояние умеренным буржуазным властям участников продовольственных, «таксаторских» движений. Увлекая в основном бедноту, эти движения были отмечены ясно выраженным «антибуржуазным рефлексом»¹⁴⁸. Это отлично почувствовал прокурор г.Этамп (Сена-и-Уаза). Через 10 дней после убийства Симоно он писал. «Поденщик — а именно они составляют большую часть народа — мало привычен к изучению, а еще меньше к размышлению над вашими декретами... но он не может убедить себя, что он счастлив и что законы хороши, когда результат его трудов, его пота недостаточен, чтобы дать хлеб ему самому, его жене, его детям. Тщетно пытаемся мы напомнить народу о доверии, которым он облек нас своим голосованием, он не признает нас больше своими представителями, своими магистратами, напротив, он видит в нас своих самых опасных врагов»¹⁴⁹. Подлинный сигнал тревоги прозвучал и в устах одного из администраторов департамента Эна. «Чего бы это ни стоило, надо рассеять заблуждения народа и доказать ему, что Национальному собранию дороги его интересы. Надо несколько уступить силе обстоятельств. Надо.. вновь приобрести доверие народа и прекратить его беспокойства. Не время больше для колебаний. Надо вновь завоевать народ всеми средствами, которые обстоятельства еще позволяют использовать...»¹⁵⁰

* Когда такие вторжения становились фактом (иногда по призыву патриотов города), городской мелкий люд объединялся с крестьянами. Мы показали выше подобные походы в города Ориак, Тюль, Рабастенс, Памье.

В плане политическом направленность продовольственных восстаний была патриотической. Тщательно изучив с этой точки зрения движение в области Бос, М.Вовель отмечал, что оно «развертывалось в русле патриотической позиции, враждебной умеренным»¹⁵¹.

Таким образом, история нового революционного подъема в деревне показывает в его бесчисленных локальных проявлениях важный аспект менявшегося с развитием революции соотношения сил. Естественно, возникает вопрос, в какой мере политическое влияние в деревне сумели перехватить те элементы буржуазии, которые не порвали с поступательным движением революции. Конкретно-политически он сводится по сути дела к проблеме «крестьяне и якобинцы», хотя и в такой постановке он не вполне однозначен: на скамьях у якобинцев заседали пока что рядом левые либералы и представители демократической буржуазии, будущие жирондисты и будущие монтаньяры. Разрыв зашел далеко, но не завершился. Все же постановка вопроса закономерна, тем более что в историографии мы имеем чрезвычайно категорическое его решение, данное И.Тэном как раз в связи с историей «жакерии» 1792 г. Разумеется, Тэн не знал сомнений — для него восстания были результатом «чудовищного заговора» якобинцев¹⁵². Впрочем, он лишь повторил старую версию контрреволюционеров¹⁰³. В действительности же, как и в 1789—1791 гг., не было никаких подстрекательских «приказов из Парижа» (были только частые слухи о них). Отношение якобинцев, в том числе якобинцев-демократов к начавшейся «жакерии», не говоря о «таксаторских» волнениях, было далеко не последовательным. Тем не менее у наиболее дальновидных и решительных из них росло понимание того, что без опоры на народное движение невозможно взять верх над умеренными, сломить силы контрреволюции. К осознанию этого активисты местных якобинских клубов подводили раньше и решительнее, чем парижане. Это не означает, что они прямо призывали народ к восстанию, «посягательству на безопасность личности и собственности». Однако их революционная пропаганда, преломившись в крестьянском сознании, могла материализоваться в народном самоуправстве. Л.Карденаль отмечал, что «в некоторых "народных волнениях" можно различить влияние клубов и их ораторов»¹⁵⁴. В частности, от отдельных крестьянских выступлений в Центре и на Юге протягивались явные нити к деятельности местных вожakov демократического крыла революционной буржуазии.

Целая группа якобинцев-демократов была связана, прямо или косвенно, с восстанием в Кантале. Прежде всего Жан-Батист Мило, сын богатого торговца из крестьян, младший офицер к началу революции, один из наиболее страстных «клубистов» 1791—1792 гг., затем непримиримый монтаньяр¹⁵⁵. В июле 1791 г. Мило был избран командиром национальной гвардии 20 сельских коммун. Когда грянуло кантальское восстание 1792 г., он лично участвовал в походе против «аристократов», затем активно защищал преследуемых «бунтовщиков» (и сам был в числе преданных суду). Мило настойчиво добивался союза между городской демократией и крестьянской массой. 10 апреля он выступил с речью в якобинском обществе Арпажона «в присутствии многочисленной депутации из г.Орийак и 18 муниципалитетов сельских коммун». Мило говорил «о радости... которую рождает в его сердце это трогательное единение жителей городов и полей», особо подчеркнул роль «бесчисленной толпы рабочих», которые «покидали свои мастерские и свой хлеб, чтобы своим мощным ударом низвергнуть идола тирании и плутократии (*l'idole des tyrans et des Plutus*)»¹⁵⁶. Единомышленники Мило из якобинского общества Орийака, где ведущую роль играли демократы, в том числе Карье, будущий знаменитый монтаньяр, и Эбрар, бывший член Учредительного собрания, позднее активный сторонник якобинской власти¹⁵⁷, не сразу одобрили «жакерию». Однако под влиянием ряда событий (после восстания департамент был занят войсками, фельянские власти возбудили судебные преследования, началась война, обострился политический кризис в стране) они быстро изменили отношение к «жакерии» и ее участникам. Теперь они решительно поддержали крестьян против умеренной администрации. Их газета атаковала ее членов¹⁰⁸, народные общества посылали петиции в поддержку арестованных, Карье их защищал, активный якобинец де Виксуз поехал в Париж делегатом от сельских коммун. 10 августа принесло им полную победу. Мило был оправдан; 19 августа народ освободил из тюрем других участников восстания. Вскоре Мило и Карье были избраны в Конвент.

Влияние марсельских демократов чувствовалось в крестьянском движении на юге. Некоторые участники походов против замков в департаменте Гар называли себя «марсельцами» или заявляли, что ими командуют «комиссары марсельской армии»¹⁵⁹. Якобинский клуб Марселя разослал комиссаров в народные общества не только городов, но и сельских коммун (в департамент Гар было в это время 31 народное общество). «Эмиссары марсельского клуба, — доносила директория, подводя итоги событий, — распространились в департаменте... Возбуждение, произведенное этими агитаторами, имело самые пагубные последствия... в дистрикте Сомьер введенные в заблуждение граждане устроили сборища, их примеру последовали в других местах... более 40 домов и бывших замков были сожжены или разрушены»¹⁶⁰.

Не лишены интереса также материалы, относящиеся к деятельности якобинского общества г.Памье (департ.Арьеж), в котором активную роль играл в это время Вадье, будущий председатель Комитета общественной безопасности. В первой половине 1792 г. общество вело ожесточенную борьбу с консервативной директорией департамента¹⁶¹ и, что самое интересное, стремилось при этом опереться на крестьян*. Об этом свидетельствует ряд любопытных документов в бумагах общей полиции. С конца 1791 г. директория департамента несколько раз жаловалась на деятельность «Фракции республиканцев», среди которых — Вадье и мировой судья Винь¹⁶². «Они, — говорится в отчаянном письме муниципалитета Памье от 12 марта 1792 г., — присоединили к своему клубу граждан из многих деревень кантона; сьер Винь, мировой судья, и сьер Вадье стоят во главе клуба... сельские жители являются во все праздничные дни в этот клуб; там головы их воспаляются; они выходят оттуда, объединившись в сборище... они распространяют по городу мятежные речи, общественная безопасность под угрозой; все эти дни мы вынуждены выставлять многочисленные пикеты нашей национальной гвардии... Они (члены клуба — А.А.) решили вооружиться пиками»¹⁶³.

Все эти факты, как и многие другие, важны для суждения о группировке общественных сил, которая складывалась на отдаленных подступах к свержению монархии. Революционно-патриотические тенденции крестьянской «войны против замков» помогают понять широкий успех военной пропаганды Жиронды и свидетельствует, очевидно, о росте ее влияния в деревне. И все же жирондисты не могли пойти сколько-нибудь серьезно навстречу революционному порыву деревенских масс. Современный исследователь Жиронды отмечает негативное отношение жирондистской прессы к антифеодальным восстаниям в деревне вплоть до весны 1792 г. — в этих насильственных движениях она усматривала угрозу новому социальному порядку¹⁶⁴.

Вряд ли поэтому является случайностью, что все так или иначе сомкнувшиеся с «прямым действием» революционных крестьян представители буржуазной демократии, имена которых мы смогли установить, оказались будущими монтаньярами или деятелями II г. — активистами периода якобинской республики — на местах. На какой основе намечалось это сближение? Несомненно, прежде всего на революционно-патриотической. В сущности и в Верхней Оверни, и в Виваре, и в департаментах Гар, Коррез и т.д. крестьяне делали как раз то, к чему призывал Робеспьер — они искореняли «внутренний Кобленц». Сумели ли при этом демократы предложить социально-экономическую платформу, способную увлечь крестьянство? Ж.Лефевр писал, что весной и летом 1792 г., чтобы найти опору в народе, «нужна была социальная программа, например упразднение феодальных прав и введение твердых цен на зерно. Сам Робеспьер не предлагал ничего в этом роде. Он оставался поэтому бессильным»¹⁶⁵. Категоричность этого суждения, не лишённого веских оснований» нуждается в некотором смягчении. Не следует забывать, что будущий монтаньяр Кутон был первым, кто в речи 29 февраля 1792 г. отчетливо сформулировал в Законодательном собрании мысль о неотложной необходимости пересмотреть в пользу крестьян законодательство в этом вопросе¹⁶⁶. Правда, предложения Кутона отставали от требований, к которым уже пришла революционная деревня; но так будет до конца — «крестьянская революция» потому и двигала вперед мысль и практику законодателей в решении аграрного вопроса, что всегда ее обгоняла. При всех оговорках именно речь Кутона поставила вопрос в порядок дня, будущий монтаньяр Шабо внес предложение ее напечатать, а результатом было поручение Комитету феодальных прав «пересмотреть все декреты, изданные Учредительным собранием относительно выкупа бывших вещных сеньориальных прав, и незамедлительно представить на этот счет свои соображения». «И что означает сохранение феодальных прав, когда феодализм обосновался в Кобленце», — говорил 30 марта еще один будущий монтаньяр, Жан Дебри¹⁶⁷. Вероятно, немало местных демократов в провинциальных якобинских клубах поддерживали крестьян в этом кардинальном вопросе¹⁶⁸.

Несколько иначе обстояло дело, когда речь шла о массовом движении против дороговизны. Нам не удалось выявить какие-либо нити, которые вели бы от него к якобинским обществам. Правда, и здесь возможно различить важный нюанс в позиции якобинской левой. Влиятельные демократические газеты «Отец Дюшен» и «Парижские революции» предлагали прислушаться к народным требованиям. Они не разделяли веры жирондистов в абсолютное благо свободы торговли. Уже 15 апреля Марат, глубоко понимавший классовый смысл событий, ополчился против чествования памяти мэра Этампа Симоно¹⁶⁹. Позднее Робеспьер поддержал П.Доливье, опубликовав часть его петиции в своей газете. Известен и сочувственный комментарий к ней Робеспьера, который взял под защиту «мятежников» — крестьян и рабочих (отвергнув, конечно, идею «аграрного закона»)¹⁷⁰.

Анатолий Васильевич АДО

КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1789-1794 гг.

* Деятельность Вадье в Памьерском клубе и его агитация среди крестьян не освещены в литературе. Сын Вадье, очевидно, тоже участвовал в работе клуба; он упоминается властями среди «агитаторов».

М.: Издательство МГУ, 1987. Издание 2-е, переработанное и дополненное

В целом, как нам представляется, есть основания говорить об оформлявшихся в это время элементах политического блока крестьянства и городской буржуазной демократии на почве революционно-патриотических задач. Среди демократов явно росло и понимание неотложности социально-экономических уступок крестьянству.

6. НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Первая реакция Законодательного собрания на крестьянские восстания, сообщения о которых непрерывно приходили в течение трех месяцев, была почти всегда карательной. 6 марта оно создало специальную Комиссию двенадцати для выработки мер против народных движений, а 16 апреля потребовало от исполнительной власти срочного доклада о «мерах, необходимых для прекращения волнений в различных департаментах страны». Через 10 дней с большим итоговым докладом «О внутренних волнениях в королевстве» выступил от имени Комиссии двенадцати депутат Франсе из Нанта. Франсе предложил набросок декрета. 5 мая он представил его в окончательном виде. Проект объявлял «врагами народа и Конституции» участников антифеодальных и продовольственных восстаний. Статьи 26—29 предлагали карательные меры против неприсягнувшего духовенства¹⁷¹.

Вместе с тем к весне 1792 г. Законодательное собрание решило, наконец, пойти и на некоторые уступки крестьянам. Естественно, меньше всего оно было склонно прислушаться к требованиям бедноты. Подъем массового движения побудил некоторых администраторов и депутатов поставить вопрос о вмешательстве государства в торговлю продовольствием и введении хотя бы частичной ее регламентации. В книге А.Матъеза рассказано об этих предложениях, так же как и об отрицательной реакции законодателей¹⁷².

Несколько более энергично подошло Собрание к наболевшему вопросу о феодальных повинностях. 11 апреля Комитет феодальных прав представил, наконец, свой доклад и проект нового закона. После бурных прений он был принят 18 июня.

Выясняя причины, которые обусловили этот шаг, историки единодушно указывают на обострение политической ситуации, угрозу, а затем начало войны. Министерство было в руках жирондистов, важность крестьянской поддержки для революции они понимали достаточно ясно. Следует, однако, с большей определенностью подчеркнуть роль самого крестьянства. Понимание того, что необходим новый шаг в решении аграрного вопроса, было прямо навязано Собранию тем бурным движением, история которого была рассказана выше. Жорес это почувствовал, но он не имел перед глазами сколько-нибудь полной его картины¹⁷³. Между тем достаточно поставить в один хронологический ряд решение вопроса в Собрании и крестьянские восстания 1792 г Доклад Комитета феодальных прав и проект декрета были представлены 11 апреля Это был самый разгар «жакерии» В Собрание непрерывно поступали сообщения о сельских восстаниях. Одно за другим (31 марта, 6, 13 и 16 апреля) были приняты репрессивные постановления в связи с восстаниями в Кантале, Виваре, Верхней Вьенне. 16 апреля на необходимость пересмотреть законы о феодальных повинностях указал Собранию Ролан. Его предложение было сформулировано в качестве одной из мер восстановления спокойствия: «Феодальные права являются источником беспокойства и недовольства, этот вопрос всегда казался затруднительным для законодателей, важно, однако, принять общие меры, которые умили бы ожесточение умов и, не нарушая справедливости, облегчили бы несколько несчастья тех, кто страдает уже в течение веков»¹⁷⁴. Мы видим, таким образом, повторение все той же причинно-следственной связи, которую отмечали выше результатом «первой жакерии» (лето 1789 г.) были декреты 4-11 августа, «второй жакерии» (зима 1789/90 г.) — декреты марта и мая 1790 г., «пятой жакерии» (весна 1792 г.) — декрет 18 июня. На протяжении всего первого периода революции каждый новый шаг в разрушении сеньориального порядка крестьяне должны были завоевывать с оружием в руках, и каждый такой шаг оказывался полумерой.

Конкретное содержание закона 18 июня было очень скромным: отменялись без выкупа «случайные» феодальные права, взимавшиеся при перемещении владений из рук в руки, эти повинности сохранялись, если сеньор мог удостоверить подлинным документом их происхождение от земельной уступки. Таким образом, декрет отсекал еще один элемент сеньориального порядка, прорывавший прорыв-В11 отчасти презумпцию в пользу сеньора. Но уступка запоздала, она уже не могла и не смогла никого удовлетворить. Крестьяне упорно добивались большего.

В эти же месяцы были приняты новые решения по земельному вопросу. Важнейшее из них — секвестр эмигрантских земель. 9 февраля вопрос бы решен в принципе, 26 марта принят окончательный текст декрета¹⁷⁵. О том или ином допуске крестьян к эмигрантским землям речи пока не было. Но почти одновременно (26 апреля) Собрание продлило до 1 января 1793 г. действие закона о продаже земель национального фонда первого происхождения с 12-летней рассрочкой покупных платежей. Наконец, крестьяне заставили законодателей заговорить о разделе общинных земель 5 февраля, сообщая о восстании в Керси, депутат Дюфенье потребовал срочного решения этого наболевшего вопроса Собрание поручило Комитету сельского хозяйства незамедлительно

представить доклад. Потребовалось, однако, чтобы к крестьянскому давлению присоединилось восстание 10 августа. Только тогда вопрос сдвинулся с места.

* * *

В восстаниях первой половины 1792 г прямое массовое участие крестьян в социальной борьбе на стороне революции достигло наибольшего размаха и силы. По характеру проявившихся в нем конфликтов, по поставленным наиболее резко социальным и экономическим проблемам, по преобладавшему типу массовых выступлений революционный подъем в деревне в это время занимает как бы промежуточное место между крестьянским движением 1789—1791 и 1793—1794 гг.

С одной стороны, развернулось мощное движение, продолжавшее характерную для первых лет революции «войну против замков». Захватившее в основном мелкокрестьянские департаменты Центра и Юга, оно было отмечено также ярко выраженными революционно-патриотическими чертами, заострено не только против бывших сеньоров, но и против неприсягнувшего духовенства, «фанатиков», против «аристократов» и «подозрительных» вообще, независимо от сословности.

С другой стороны, снова начала выдвигаться на первый план борьба за хлеб. Невиданный до той поры размах приняло массовое движение, возникавшее на почве нового роста дороговизны, падения реального заработка. Участники этого массового движения гораздо более отчетливо, чем в предыдущие годы, эмпирически вырабатывали и применяли способы решения продовольственного вопроса, которые станут в 1793 г. элементами якобинского законодательства о максимуме. Не случайна и локализация продовольственных выступлений преимущественно в департаментах вокруг Парижа, где рассеянная мануфактура соседствовала с крупным фермерством, где контрасты и конфликты бедности и богатства были особенно остры.

Ко всему этому присоединялось дальнейшее нарастание борьбы за землю, отчасти еще объединявшей сельский мир, но чем дальше, тем больше вносившей раскол в его недра. Эгалитарные устремления деревенской бедноты, маломощных крестьян отразились, в частности, в требовании раздела общинных земель, которое именно теперь впервые приобрело столь массовый характер и побудило законодателей начать обсуждение этого вопроса.

Наряду с большей организованностью крестьянских выступлений, тем или иным участием в них муниципалитетов и национальной гвардии сельских коммун, примечательна ясно выраженная политическая ориентированность восстаний, их направленность и против «бывших аристократов», и против стоявших у власти «умеренных». В то же время в ходе «жакерии» 1792 г. наметилось сближение между крестьянским движением и городской буржуазной демократией в районах восстаний.

Реальные завоевания крестьян в сфере чисто аграрной были скромны отмена без выкупа «случайных» феодальных повинностей, подготовка (но не принятие!) закона о разделе общинных земель, продление действия закона о рассрочке при покупке национальных имуществ. Не только к городскому, но и к крестьянскому массовому движению этих месяцев восходят и проведенные Законодательным собранием первые меры революционной защиты, направленные против эмигрантов, роялистской и клерикальной контрреволюции. В целом же крестьяне добились не столько решения, сколько постановки в порядок дня волновавших их вопросов. Что касается удовлетворения их требований, для этого надо было, чтобы умеренная буржуазия, дворяне-либералы, фельяны-политики либо отказались от многих кровных своих интересов, от того, что считалось воплощением незыблемых основ права и справедливости, либо чтобы власть была вырвана из их рук. На первое они пойти не могли, второе же становилось все более неизбежным, не в последнюю очередь именно в результате нового крестьянского натиска. И в этом смысле история революционного подъема в деревне весной 1792 г. еще раз показывает органическую связь «крестьянской революции» с поступательным маршем революции в целом, подтверждает тот факт, что ни один решающий политический кризис Французской революции и его конечный результат, зафиксированный в обобщенной форме смены политической власти, не могут быть вполне поняты вне связи с развитием крестьянского движения. Механизм этой связи не всегда обнаруживается простым сопоставлением хронологии событий — подъемы и спады деревенских движений имели свой ритм. Высший подъем крестьянских восстаний пришелся на март — начало мая 1792 г. Политический кризис в Париже обострился в июне — июле, и в это же время усилился революционно-республиканский импульс из провинциальных городов. Тем не менее в определенном смысле 10 августа 1792 г. было и крестьянской победой, поскольку различные по характеру массовые сельские выступления первой половины 1792 г. объективно-политически сливались в один поток, неумолимо размывая фундамент освященного Конституцией 1791 г. социального и политического компромисса.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

на ПУТЯХ к РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЕ

С победой парижского восстания 10 августа 1792 г. Великая французская революция вступила, говоря словами Ф.Энгельса, в «специально критический период» своей истории¹. Энгельс имел в виду весь период между 10 августа 1792 г. и 9 термидора II г. Республики. Время от 10 августа 1792 г. до падения Жиронды является здесь решающим переломным этапом.

С одной стороны, все завоеванное еще не было упрочено, находилось под угрозой. Но сломить нараставшее сопротивление враждебных революции сил внутри страны, добиться решающего успеха в войне с коалицией европейских держав революционная власть могла, лишь получив активную поддержку народных масс Франции, пойдя навстречу их социальным требованиям, которые, не посягая в принципе на право частной собственности, ставили вопрос о его существенном ограничении. С другой стороны, не все исторически назревшие задачи буржуазно-демократической чистки страны были последовательно решены, но сделать это было уже невозможно, не затрагивая интересы широких кругов имущей буржуазии города и деревни. Революция подошла вплотную к тому рубежу, когда, «для того чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их, — для этого необходимо было довести революцию значительно дальше такой цели»². В создавшихся условиях революция могла идти вперед лишь вопреки воле основной массы крупной буржуазии.

В итоге нескольких месяцев острейшей классовой борьбы революция действительно пошла вперед, отбросив на короткий момент «солидную и умеренную» крупную буржуазию со своего пути. Социальному движению в деревне принадлежало в этом не последнее место, хотя роль главной силы нового сдвига революции перешла в рассматриваемый период к городским народным низам.

1. ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП БОРЬБЫ ПРОТИВ СЕНЬОРИАЛЬНОГО ПОРЯДКА.

КРЕСТЬЯНЕ и «ПЕРВЫЙ ТЕРРОР»*

В течение первых же двух недель после крушения монархии рухнуло и аграрное законодательство Учредительного собрания о феодальных повинностях. Символично, что решение вопроса сдвинулось после двукратного появления 16 августа на трибуне Собрания представителей от сельских коммун. Они заявили, что «все еще являются жертвами остатков феодализма», и потребовали отмены всех повинностей, не подтвержденных подлинными актами об уступке земли³. В течение следующих 10 дней вопрос решался с невиданной оперативностью. 20—22 августа прошел декрет «О способе последовательного и раздельного выкупа случайных и постоянных бывших феодальных повинностей». Декрет разрешил раздельный выкуп постоянных и уцелевших после 18 июня 1792 г. случайных повинностей (разд. I, ст. 1). В случае перехода земли из рук в руки покупатель (а также и собственник участка) мог потребовать у сеньора в 3-месячный срок предъявить подлинный документ, удостоверяющий происхождение его прав от сделанной им некогда уступки земли. При отсутствии такового участок поступал в руки покупателя свободным от феодальных платежей (разд. I, ст. 3—4). Для внесения выкупных сумм допускалась рассрочка в 2,5 года (разд. I, ст. 6). 25—28 августа последовал новый декрет, наиболее важный. Он состоял из 20 статей*. Конец статьи 5 четко определил принципиальную суть нового закона: «...все вообще сеньориальные права, как феодальные, так и цензуальные, сохраненные предыдущими законами или объявленные выкупаемыми, каковы бы ни были их природа и наименование, в том числе и те, которые могли быть не упомянуты в вышеупомянутых законах или в настоящем декрете... уничтожаются без всякого вознаграждения, если только не будет доказано, что они имеют своим источником первоначальную уступку земли». Единственным законным доказательством мог быть подлинный документ, тот «первоначальный титул», проверки которого добивались бунтовавшие крестьяне с 1790 г. 27 августа получили удовлетворение крестьяне Нижней Бретани: отпускное владение было признано собственностью держателей, обременявшие его повинности — простыми поземельными рентами, подлежащими выкупу на общих основаниях.

* В историографии Французской революции «первым террором» принято называть чрезвычайные меры, принятые после восстания 10 августа органами власти (обыски в домах «подозрительных граждан» и их аресты, немедленная высылка неприсягнувших духовных лиц и т.д.), а также развернувшиеся в конце лета — начале осени акты стихийного народного террора в столице («сентябрьские избиения») и в провинции.

* Характерно, что чем решительнее становились законы об отмене феодальных повинностей, тем они делались лаконичнее. Декрет от 15—28 марта 1790 г. состоял из 61 статьи, от 20—22 августа 1792 г. — из 29 статей, от 25—28 августа 1792 г. — из 20, а якобинский декрет от 17 июля 1793 г. — из 12 статей.

Сеньориальному порядку нанесли, наконец, действительно суровый удар. Была осуждена принципиальная основа законодательства Учредительного собрания относительно феодальных повинностей — презумпция в пользу сеньора. Всякая повинность считалась результатом узурпации, пока не доказано противное. Декреты дали максимум того, что можно было сделать, строго придерживаясь классически буржуазных правовых воззрений на неприкосновенность собственности и незыблемость частноправовых сделок о передаче недвижимости. Ф.Саньяк, прочно стоявший на этих позициях, полагал даже, что было сделано слишком много. Если декрет Конвента 17 июля 1793 г. он оценил как чистый грабеж, то августовский закон 1792 г. счел «началом ограбления»⁴.

Очень мало известно, насколько сохраненные феодальные права продолжали реально существовать до их полной отмены якобинцами. Несомненно, число выкупных операций резко уменьшилось, кое-где сошло на нет, так же как уплата повинностей. Произошел явный упадок феодальных прав. Вопрос состоит только в том, был ли он полным. «После декрета 25 августа 1792 г., — писал П.Карон, — многие феодальные права исчезли, но исчезли не все... Во времена Национального конвента все еще платили ценз и шампар»⁵. Это утверждение сделано в 1924 г. Появившиеся с тех пор исследования его не опровергли. В департаменте Ду отмечены выкупы у «нации» вплоть до июня 1793 г.; в Кот-д'Ор «нация» получала повинности еще в 1793 г. В Керси чиновники Управления регистрации и доменов взыскивали их довольно сурово до июльского декрета Конвента. В Жиронде Управление доменов и город Бордо (он владел многими повинностями) прилагали усилия для взыскания сохраненных платежей. В департаменте Нижняя Шаранта последняя квитанция об уплате выкупа была выдана 7 августа 1793 г.⁶ «Нация» прибежала и к суду; в декабре 1792 г. кюре, мэр коммуны Треньи (департ. Йонна), жаловался, что с цензитариив бывшего капитула Сен-Фаржо требуют через суд уплаты цензов в пользу «нации»⁷. Продолжали требовать уплаты повинностей и некоторые бывшие сеньоры. В Жиронде они предъявляли подлинные акты и даже пытались действовать через суд (последнее дело относится к 2 июля 1793 г.). Подобное бывало и в других местах⁸.

Таким образом, феодальные повинности все еще обнаруживали живучесть, тем большую, что с ними были связаны интересы значительного слоя старой буржуазии. Вскоре после принятия августовских декретов начали поступать предложения об их пересмотре. Они исходили от «добрых буржуа» и «патриотов», которые в один голос зывали к «священным правам человека». «Мы были собственниками, — писали 58 граждан департамента Эндр (январь 1793 г.), — теперь мы ими не являемся... благодаря декрету 25 августа 1792 г., который, уничтожив феодальные права, отменил одновременно без возмещения инфеодированные десятины»⁹. В декабре 1792 г. майор национальной гвардии, врач из Памье*, прислал горькую жалобу на то, что закон 20 августа 1792 г. «посягает... на право собственности, право, провозглашенное священным Национальным конвентом»¹⁰. Ту же аргументацию развивал гражданин Сустель из г.Алее (департ.Гар): закон лишил его «собственности, добросовестно приобретенной, которая обращалась в торговле, была гарантирована существовавшими законами»¹¹. Все сказанное подводит к заключению, что и после августовских законов 1792 г. борьба против феодальных повинностей еще не могла сойти с повестки дня сельского движения. Важно также учесть, что уже с весны 1792 г. характерные черты крестьянской «войны против замков» определялись не только весомостью уцелевших остатков сеньориального режима, но и опасением реставрации старого порядка в результате иностранного нашествия, заговоров эмигрантов и неприсягнувших священников.

* * *

«Подготавливается нечто ужасное, — писал И.Тэн, имея в виду период с лета 1792 г., — наступает седьмая жакерия, всеобщая и решающая...»¹² Цитированный текст примечателен для мировоззрения Тэна, но мало что дает для социальной истории революции на этом переломном этапе. Верно лишь то, что события, развернувшиеся в деревне в конце лета и осенью 1792 г., действительно можно расценить как последнюю крупную вспышку массового крестьянского движения против бывших сеньоров и аристократической контрреволюции. Эти выступления существенно отличались от чисто аграрных восстаний конца 1789 г. — весны

1791 г. Они были тесно связаны с общей накаленной атмосферой военного и политического кризиса, падением трона, «первым нашествием» и «первым террором». Многие из них следует поставить в один ряд с такими актами спонтанного народного террора, как «сентябрьские избиения» в Париже. Именно это сделал П.Карон; изучая события «первого террора», он насчитал 65 народных расправ в провинции между июлем и октябрём 1792 г.¹³ По нашей оценке, 15 из них были делом рук крестьян или прошли с их участием. Но Карон интересовался лишь коллективными акциями, приведшими к убийству контрреволюционеров, оставляя в стороне нападения на замки и иные формы крестьянских действий. Учитывая и эти последние, мы получим более полную и точную картину массовых выступлений, составивших эту, условно говоря,

* Автор жалобы был членом местной администрации; в приложенной к петиции справке директории дистрикта говорилось, что он «проявлял всегда самое похвальное рвение в защите свободы и равенства».

«шестую жакерию».

В сущности их краткую характеристику надо начинать с июля 1792 г., когда вновь стала нарастать волна массового движения. Наряду с чисто аграрными волнениями против шампара и десятины в Нижней Шаранте и Ландах¹⁴ именно в июле произошли в деревне первые случаи народного террора. Они имели место на юге, где обстановка предельно накалилась раньше, чем в Париже и остальной Франции. В начале июля здесь поднял мятеж присланный из Кобленца граф Сайян. Это и вызвало акты народной репрессии, в которых крестьяне сыграли решающую роль. 12 июля был пойман и отправлен в г.Ле-Ван (департ. Ардеш) главарь мятежа граф Сайян с тремя соучастниками. В пути все новые отряды деревенской национальной гвардии (из коммун Лафижер, Маларс, Шамбона, Саллель) присоединялись к конвою. По прибытии в город все четверо были тут же убиты разъяренным народом, головы их пронесли на пиках по улицам¹⁵ — действие, сопровождавшее большинство стихийных расправ летом и осенью 1792 г., в котором отразилась и мера ненависти к врагам революции, и суровость народных нравов эпохи. На следующий день похожие события произошли в г. Жуайёз (департ. Ардеш). Доставленные сюда аббат Ла-Бастид де ла-Моллет, замешанный в заговоре Сайяна, и шевалье д'Антремо, известный роялист, пали жертвой народного гнева¹⁶. Южнее, в г. Алее (департ. Гар), национальные гвардейцы сельских кантонов Везенобр и Лединьян вместе с частью городских жителей взломали 14 июля ворота крепости-тюрьмы и убили четырех заключенных там контрреволюционеров; одновременно толпа начала громить дома «аристократов» в самом городе¹⁷. 9 августа отряд сельской национальной гвардии расправился еще с одним участником заговора Сайяна — Жиберном де-ла-Мартиньи. Он был убит на дороге из Сен-Жермен-де-Кальберта во Флорак (департ.Лозер)¹⁸.

Перечисленные события на Юге были лишь прелюдией к крестьянским выступлениям, которые развернулись уже после парижского восстания и продолжались до середины октября. В этих выступлениях ясно различимы два вида массового действия: расправы с лицами, которых народ считал «аристократами» и врагами революции; «война против замков».

К первым следует отнести прежде всего истребление большой группы арестованных, которые были преданы суду Верховного трибунала и заключены в тюрьмы Орлеана**. 2 сентября Собрание решило направить их в Сомюр, чтобы уберечь от народного самосуда. Но выделенный для охраны отряд парижской национальной гвардии повез заключенных не в тихий Сомюр, а в Версаль. 9 сентября, когда обоз с арестантами покидал Версаль, ожесточенная толпа народа, состоявшая в значительной мере из крестьян соседних деревень***, отеснила охрану и ринулась на арестантов; из 53 уцелело 39. Такой же характер имела волна стихийных репрессий в департаменте Орн. Собрания, посвященные воинскому набору (в связи с декретом 22 июля о призыве в армию), в кантонах Ле-Сап (15 августа), Пютанж, Белем (19 августа), Легль, Гасе (9 сентября), Вимутье (10 сентября) стоили жизни одному дворянину и восьми неприсягнувшим священникам²⁰. 11 дней, с 7 по 17 сентября, длились волнения в небольшом порту Кийбеф (департ.Эр), где запись волонтеров собрала около 1,5 тыс. крестьян. В порту в это время задержались два судна, везшие в изгнание неприсягнувших церковников. Их высадили, взяли под стражу, грозили расправой. В Париж отправили делегатов с требованием выслать священников в Гвиану: «Да свершится правосудие, чтобы, отправляясь сражаться с внешним врагом, мы могли не бояться врагов внутренних». П.Карон верно отметил поразительное сходство этих настроений с теми, которые обнаружили в дни «сентябрьских избиений» в Париже²¹. Бурные сцены народного террора в Реймсе (3—4 сентября), когда при известии о падении Вердена были убиты два «подозрительных» почтовых чиновника, дворянин и шесть неприсягнувших священников, тоже были отчасти делом крестьян — толпа состояла из парижских и других волонтеров, жителей Реймса и окрестностей²². В Куси-ле-Шато (департ. Эна) около 1200 крестьян из 17 коммун, собравшихся 3 сентября в связи с военным набором, выступили против бывшего члена Учредительного собрания Дефоссе, «одного из самых яростных врагов революции»²³. Сам Дефоссе уцелел, но два его дома подверглись полному разгрому. На юге собрания сельских жителей для записи волонтеров сопровождались серьезными волнениями в двух главных городах департамента Арьеж. В Памье городской властям было брошено обвинение в растрате собранных для волонтеров средств. 28 августа последовала вспышка возмущения. Один из членов муниципалитета погиб, у двух других были разорены дома²⁴. В Мирпуа волнения длились 3 дня (28—30 августа)²⁵, Консервативный муниципалитет Мирпуа не пользовался доверием патриотов; его обвинили в махинациях с деньгами, собранными для волонтеров. Образовались «сборища», раздались угрозы. Испуганный муниципалитет объявил военное положение, городская гвардия принялась разгонять крестьян. Вероятно, были

** В компетенцию Национального Верховного трибунала, созданного согласно Конституции 1791 г., входили дела о преступлениях министров и других высших должностных лиц, а также о преступлениях против безопасности государства по вынесении Законодательным собранием постановления о предъявлении обвинения. Местопребыванием трибунала был Орлеан.

*** В 1795 г. четыре участника событий — два виноградаря и сапожник из Версаля с женой — были приговорены к смертной казни.

как-то задеты и патриоты из левой администрации дистрикта. 30 августа уже по прямому вызову этой директории на Мирпуа двинулись около 4 тыс. вооруженных крестьян, со своими знаменами, во главе с мэрами и членами муниципалитетов. Крестьяне заняли город, разгромили дома нескольких членов муниципалитета и «подозрительных».

Что касается собственно крестьянской «войны против замков», то более или менее значительные ее вспышки мы зарегистрировали в 17 департаментах. В Па-де-Кале национальные гвардейцы коммуны Форт-Фонтен и крестьяне ближних деревень разорили строения аббатства Домартэн (14 октября 1792 г.)²⁶. В Нижней Сене та же участь постигла замок Катвиль в коммуне Турвиль-ла-Шапель (9 сентября 1792 г.)²⁷. Из западных департаментов «войной против замков» были затронуты Кальвадос²⁸, Орн, Майенна, Мэн-и-Луара. В департаменте Орн большое крестьянское «сборище» разорило замок Домпьер (19 сентября). По словам посланных из г.Теншбре национальных гвардейцев, набат собрал 4 тыс. «разбойников»²⁹. Мы не знаем детально хода волнений в соседнем департаменте Майенна; письмо директории Ролану и прокламация совета департамента (от 20 сентября) сообщают о «сборищах и эксцессах» в различных коммунах, о разорении владений эмигрантов и нападении на их замки³⁰. То же происходило в смежном департаменте Мэн-и-Луара. В прокламации, составленной 30 августа советом департамента, говорится: «Граждане, введенные в заблуждение ложно понятым патриотизмом, принялись разорять дома и замки эмигрантов и угрожают их сжечь»³¹.

В последние дни августа крестьяне предали огню два замка в соседнем департаменте Эндр-и-Луара³². К востоку от Парижа несколько выступлений были классическими походами за «титулами». В департаменте Об крестьяне из коммун Шамуа, Сен-Оксон, Монтины (кантон Эрви), Мессон (кантон Эстиссак) с оружием и во главе с муниципалитетами отправились в дома трех буржуа, вытащили и сожгли на площади феодальные документы. Звон колоколов и барабанный бой сопровождали это традиционное аутодафе (конец сентября и начало октября 1792 г.)³³. В деревне Арбуа (департ.Юра) вооруженные национальные гвардейцы ворвались 30 сентября к чиновнику Управления регистрации и доменов, забрали и сожгли титулы отошедших к нации феодальных прав³⁴. Наиболее серьезные на востоке волнения разразились в Верхней Соне. «В некоторых коммунах, — отмечала 12 сентября директория департамента, — образовались большие сборища», обнаружилось намерение «разрушить и поджечь бывшие замки эмигрантов»³⁵. Особенно примечателен карательный поход 1,5 тыс. людей из 16 приходо-в района Гре, которые отправились сопровождать конституционного епископа в пастырской поездке по департаменту. Местность пользовалась дурной славой, в толпе говорили, что это «настоящий Кобленц». 30 августа, прибыв в Рюпт, участники похода начали громить дома аристократов и сторонников неприсягнувших, силой заставили окрестить детей у конституционного кюре, подожгли стоявший здесь замок с громадным, возвышающимся на 33 м донжоном³⁶.

В центре и на юге между концом августа и серединой октября мы отметили вооруженные крестьянские выступления в семи департаментах. Два из них — походы за феодальными титулами.

9 сентября «жители окрестных приходо-в, в большинстве цензитарии», пришли в г.Шарлье (Роаннский дистрикт департ. Рона-и-Луара, ныне входит в департ. Луара), взломали архив бывшего приорства, принадлежавший уже нации, сожгли бумаги, в том числе «много подлинных актов об уступке земли»; толпа весело танцевала и распевала вокруг огня. Через несколько дней крестьяне сожгли взятые в замке феодальные титулы в коммуне Сен-Дени-де-Кабан³⁷. Захват феодальных документов был основной целью и крестьянских волнений в кантонах Колле и Сент-Этьен-Валь-Франсеск (департ.Лозер). 9—10 октября организовался вооруженный отряд из жителей пяти коммун. В течение трех дней они обошли дома местных сеньоров, требуя выдачи феодальных титулов и разрушения башен (в одном из домов сломали даже высокую каменную трубу)³⁸.

Все остальные выступления против замков в этой части страны были скорее актами народной репрессии. В середине сентября движение этого типа вспыхнуло в департаменте Коррез. Директория департамента сообщала 15—16 сентября: «В течение нескольких дней во многих кантонах департамента деревенские жители предаются насилиям и эксцессам против владений эмигрантов»; крестьяне «разграбили некоторые замки, а также дома, принадлежащие лицам, которых они считают подозрительными»³⁹. Мы не знаем деталей событий и числа атакованных замков. На юго-востоке движение охватило часть департамента Дром. Очевидно, оно возникло по инициативе народных обществ местечка Сент-Сесиль и г.Вальреас. В конце сентября они разослали в 25—30 коммун предложение собраться у бурга Сент-Сесиль с тем, чтобы наказать аристократов и обыскать 18 эмигрантских замков. 6 октября совет департамента констатировал: «В различных коммунах дистрикта Монтелимар, примыкающих к дистриктам Нион и Увез», происходят «волнения, эксцессы, опустошения в частных домах, покушения на личность и собственность, и в особенности на владения эмигрантов, ставшие достоянием нации»⁴⁰. На многих «аристократов» и «подозрительных» наложили контрибуцию, поставили к ним на постой национальных гвардейцев (15, 20, 30, к одному даже 60 человек). В департаменте Вар положение оставалось осенью не

менее напряженным, чем весной и летом. 31 октября директория доносила Ролану: «Многие коммуны охвачены беспорядками... Некоторые владения, ставшие национальными, подвергаются постоянным опустошениям. Строения, принадлежавшие раньше эмигрантам, повреждены, из них забрали продовольствие, разграбили обстановку и вещи», власти не смогли помешать «разгрому бывших замков в коммунах Грае, Канн, Регюсс, Бровес».

Одним из наиболее организованных и целеустремленных карательных выступлений крестьян было восстание, которое охватило в течение сентября 1792 г. кантоны Фуа и Лабастид-де-Серу в департаменте Арьеж (Пиренеи)⁴¹. Толчком к нему послужило применение закона 28 августа о проведении обысков в домах «подозрительных» и изъятии у них оружия. Сегье, патриоту из Фуа (после 10 августа он наладил производство пик и получил прозвище Сегье-ла-Пик), поручили обыскать замки в долине Арже, куда он и выступил с вооруженным отрядом, к которому присоединились местные крестьяне. Очевидно, именно результатом этого похода было разорение нескольких замков в долине Баргильер:

Ганак, Брассак (сожжен в ночь на 23 сентября), Бенак (24 сентября), Кадарсе. На левом берегу р. Арьеж был взят приступом и разрушен замок Крампань. В кантоне Ла-Бастид-де-Сиру инициатива восстания вышла из коммуны Нескю. 21 сентября командир здешней национальной гвардии повел свой отряд изымать оружие в замке сеньора. Поиски увенчались успехом — было найдено 30 пушек (из них 28 очень малого калибра), 2 ружья, 12 пистолетов, боеприпасы. После обыска участники похода принялись громить замок — от винных погребов до крыш. Утром 24 сентября, по-прежнему во главе с капитаном национальной гвардии Нескю, крестьяне явились к замку Ларбон, вооруженные ружьями, саблями, шпагами, топорами, вилами, длинными вертелами. Замок был полностью разорен. Волнения в Арьеже продолжались до ноября; власти направили сюда национальную гвардию, линейные войска, волонтеров из соседних департаментов.

* * *

В целом для периода с июля по середину октября 1792 г. мы смогли выявить 45 крестьянских выступлений. Девять из них были выступлениями аграрного типа, заостренными против феодальных повинностей и десятины. Остальные являлись преимущественно актами коллективной народной репрессии; среди них 17 были направлены против лиц, 19 — против замков и домов эмигрантов, дворян, «подозрительных»^{*}. Если сравнить хронологию этих крестьянских выступлений и тех фактов народного террора в провинции (главным образом в городах), которые описал в своей книге П.Карон, то обнаружится, что и в том и в другом случае движение достигло апогея в августе — сентябре (июль — 6 и 11 выступлений, август — 12 и 23, сентябрь — 21 и 26, октябрь — 6 и 5), Все это еще раз показывает отличие крестьянских действий летом — осенью 1792 г. от аграрных восстаний первых лет революции. «Шестая жакерия» была тесно связана с общеполитическим кризисом и национально-патриотическим подъемом этих месяцев, являлась важным их элементом. Еще более отчетливо, чем в марте — апреле 1792 г., мотивом походов на замки выступали поиски не феодальных титулов, а оружия или засевших там аристократов, «подозрительных», стремление разорить строения как возможные опорные пункты врагов и т.п. Мы встречаем свидетельства этого не только вблизи границ, но и в центре. В Коррезе, как сообщала директория департамента, «эксцессы против владений эмигрантов» были связаны со слухом, будто «Национальное собрание приказало разрушить все замки», которые «могут послужить убежищем и пристанищем врагам, если они проникнут до этих мест»⁴². А вот как в петиции Конвенту объясняли разорение замков в департаменте Арьеж командир и солдаты национальной гвардии коммуны Нескю: «С некоторого времени они (крестьяне. — А.А.) были возбуждены вызывающими речами контрреволюционеров и заклятых врагов отечества. В результате их злобного подстрекательства и аристократического неистовства в деревнях непрерывно говорили, что все добрые граждане... вот-вот станут жертвами своего легковерия, и деревни содрогались от ужасающих слухов...», поэтому жители и отправились в замок на поиски оружия, «одушевленные чистейшим патриотизмом, потрясенные опасностью, угрожающей отечеству, видя... неслыханную измену сьера Гастона (эмигрант, владелец одного из разгромленных замков. — А.А.) и столько других по содействию»⁴³.

Александр Васильевич АДО

КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1789-1794 гг.

М.: издательство МГУ. 1987. Издание 2-е, переработанное и дополненное

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

* Наши подсчеты очень условны. Во-первых, они неполны — дальнейшие локальные розыски должны дополнить картину. Во-вторых, о движении в ряде департаментов (Коррез, Вар и др.) мы располагаем лишь самыми общими сведениями. Поэтому единицей учета оказывался иногда разгром одного замка (например, в Верхней Соне), иногда — нескольких (например, в Арьеже).

В ходе крестьянских выступлений лета и осени 1792 г. особенно рельефно проявились некоторые характерные черты массового народного сознания революционного времени, отмеченные Ж.Лефевром, а затем А.Собулем и М.Вовелем⁴⁴. Революция вызвала в народной, в том числе и в крестьянской, среде живейшую надежду на лучшую жизнь. Но уже в первые революционные месяцы эта надежда соединялась с глубокой тревогой, страхом перед возможными враждебными действиями и насилиями со стороны тех, против кого совершалась революция. Следствием этих настроений явилось представление о зловещем «аристократическом заговоре», «заговоре аристократов», которое возникло в народном сознании уже весной 1789 г., в момент острой борьбы между третьим сословием и привилегированными в Генеральных штатах. Выше отмечалось, какую роль сыграли слухи о «заговоре аристократов», готовых призвать на помощь себе иностранные войска, в событиях «великого страха» летом 1789 г. (см. гл.3, с.119—121). В последующие годы, когда заговоры и объединение противников революции с внешними силами стали реальностью, народные опасения усиливались. Тревоги и опасения, подчеркивал Ж.Лефевр, порождали в народной среде своеобразную оборонительную реакцию, стремление защитить революцию и собственную безопасность. Оборонительная реакция перерастала в карательную, в настойчивое желание осуществить народное правосудие, немедленное и неумолимое, над врагами нового порядка вещей и пособниками иноземцев, над теми, кого в народе считали таковыми, подозревали в контрреволюционных намерениях, участии в заговорах, связи с иноземными врагами. Начало войны, вторжение интервентов, первые военные неудачи резко усилили эти народные настроения и дали мощный импульс актам стихийного народного террора. Неудивительно, что именно во время «шестой жакерии» в массовое крестьянское действие впервые проник в сравнительно широких размерах метод прямой физической расправы с лицами. **Стихийный народный террор (из которого вырос потом террор якобинский) родился, что касается крестьянства, не из собственно аграрного движения, но прежде всего как массовая реакция на усиление контрреволюционного натиска и рост иностранной угрозы. Характерно, что почти все случаи народных расправ в эти месяцы связаны с набором волонтеров и прошли с их энергичным участием.** Как верно подметил П.Карон, в головах «этих крестьян, этих ремесленников... оторванных набором от своих очагов», прочно угнездилась мысль, что «собранные для того, чтобы отправиться убивать врагов отечества, они сделают благое дело, начав с тех, которые оказались у них под руками»⁴⁵.

Глубинным истоком народного террора была социальная ненависть: вторжение интервентов и контрреволюция грозили возвращением старого порядка. Это хорошо понимали и многие современники. Польский посол, который пересек в эти дни Северо-Восточную Францию, очень скептически отнесся к оптимизму встреченных в дороге эмигрантов: «Деревенская чернь слишком много вкусила от анархии, чтобы добровольно подчиниться... Крестьяне, которые составляют в стране большинство, освобождены от налогов и надеются поделить владения эмигрантов; они пойдут на смерть ради нового порядка вещей... он (крестьянин. — А.А.) не желает ничего замечать, кроме снижения цены на соль, уничтожения податей и десятины»⁴⁶. Именно такое сочетание патриотической тревоги и социальной враждебности чувствуется в красноречивой петиции крестьян коммуны Нескю (департ. Арьеж): перечисляя мотивы, побудившие их разгромить замок, они говорили о «мятеже контрреволюционеров», «неслыханной измене» врагов, но не забыли упомянуть и о «суровости и варварстве» их бывшего сеньора по отношению к своим вассалам⁴⁷. Неудивительно, что и во время «политических» походов «жаки» не упускали случая покончить с документами сеньора. «Вразумляя» «фанатиков» в коммуне Рюпт (Верхняя Сона), они разгромили заодно дом нотариуса и сожгли бумаги сеньориальной канцелярии. В Мирпуа (Арьеж) крестьяне явились 30 августа защищать патриотов от «подозрительного» муниципалитета; но они не оставили в покое и нотариуса, доверенное лицо маркиза Леви-Мирпуа, — дом разорили, феодальные документы, восходившие к XV в., порвали, побросали, пожгли.

* * *

К середине октября серия массовых выступлений прервалась. Политический кризис временно ослаб. Военная победа при Вальми отодвинула угрозу нашествия, созыв Конвента внушал новые надежды.

В отличие от Учредительного и Законодательного собраний начавший свою работу 21 сентября 1792 г.* Конвент уже не стал создавать специального Комитета феодальных прав. Относящиеся к этой сфере дела были переданы Законодательному комитету. Полноводный поток петиций из деревни резко уменьшился с осени 1792 г. Крестьяне спешили воспользоваться августовским законом. Не дожидаясь установленного годовичного срока**, они требовали у бывших

* Феодальные комитеты предыдущих собраний оставили историкам 13 картонов архивных дел; среди почти 400 картонов с бумагами Законодательного комитета лишь один (D III 359) целиком заполнен документами о феодальных правах.

** Принятая 28 августа дополнительная статья к декрету 20 августа обязывала бывших сеньоров в течение года представить в трибуналы дистриктов свои «первоначальные» титулы; в противном случае они считались

сеньоров и «нации» предъявления первоначальных титулов, отказываясь иначе платить повинности. К 19 декабря 1792 г. в дистрикте Кюссе (департ. Алье) было предъявлено 47 таких требований, между 24 января и 18 февраля 1793 г. — еще 57⁴⁸. «Ежедневно, — сообщали в феврале 1793 г. из дистрикта Лош (департ. Эндр-и-Луара), — поступают претензии к нации от должников феодальных рент, и, к сожалению, удается найти лишь немногие первоначальные титулы»⁴⁹.

И все же, хотя приток петиций резко сократился, он не иссяк совсем. К сожалению, нам удалось изучить лишь немногие из этих документов⁵⁰. Отметим среди них яркую петицию «цензитариев бывшего капитула Сен-Фаржо» (коммуна Треньи, департ.Ионна): «... теперь нас заставляют стонать под игом феодализма от имени нации, под видом национальной собственности отнимают плоды наших трудов, требуя цензы, ренты и терраж»; в архивах разысканы лишь «полустертые, разорванные, неразборчивые готические пергаменты»; «возможно ли, что Республика хочет еще сохранить ростки феодализма...?» (январь 1793 г.)⁵¹. Феодальный режим уничтожен, писали «свободные граждане города Шалона» (более 50 подписей), «но титулы еще существуют в архивах бывших. Это тревожит народ с тем большим основанием, что аристократы тешат себя безумной надеждой возродить свои былые прерогативы. Спешите же укрепить царство справедливости, приказав, чтобы все титулы, содержащие отмененные феодальные права, были незамедлительно разысканы и публично сожжены» (май 1793г.)⁵².

В деревне не прекратились и массовые выступления, связанные с феодальными повинностями. В декабре 1792 г. министр юстиции Д.-Ж.Гара сообщал, что крестьяне, прибегая к оружию, добиваются у бывших сеньоров возмещения за проигранные ими процессы, уплаченные штрафы «и за множество других совершенных узурпации»⁵³. Мы не видели документов, послуживших основой для сообщения Гара. Но между ноябрем 1792 и июнем 1793 г. мы зарегистрировали нападения на замки или феодальные архивы в восьми департаментах. Среди них, конечно, Керси (департ.Ло), этот почти не затухавший на протяжении революции очаг «жакерии». В декабре 1792 г. директория Гурдонского дистрикта сообщала: «...разбойники захватили замок Сет-Фон (коммуна Сен-Жермен), разрушают риги и угрожают... броситься на дома и владения других богатых граждан этого кантона»⁵⁴. В департаменте Вар в деревнях Люк, Тарадо, Видобан (Драгиньянский дистр.) были разграблены замки бывших сеньоров и владения эмигрантов (апрель 1793 г.); до июня та же участь постигла замки в коммунах Салерн, Риан, Кальян⁵⁵. В остальных случаях речь идет о локализованных эпизодах — сожжении, «с применением насилия и самоуправства поземельных описей... и других титулов бывшей сеньории Брюгеас» (ноябрь 1792 г., департ. Алье)⁵⁶, разгроме замка Менар (28 ноября 1792 г., департ. Луар-и-Шер)⁵⁷, захвате жителями коммуны Клель документов в замке Сен-Жюст (12 декабря 1792 г., департ. Марна)⁵⁸, разорении «ордой заговорщиков» в коммуне Розьер владений нотариуса, доверенного лица местных сеньоров (январь 1793 г., департ. Сомма)⁵⁹, «опустошении» в замке Шанак (январь 1793 г., департ. Лозер)⁶⁰, разгроме замка Шамполеон в коммуне Шорж (4—5 апреля 1793 г., департ. Верхние Альпы)⁶¹. Несомненно, перечень может быть дополнен. Но вряд ли это существенно изменит общий вывод: борьба против остатков сеньориального строя перестала быть центральной проблемой массового движения и забот деревенских людей. В то же время она еще не сошла с повестки дня, и якобинцы, придя к власти, унаследуют ее от жирондистского Конвента наряду с другими нерешенными вопросами.

Все это, однако, касается лишь крестьян, уже обладавших участком земли. Для арендаторов и особенно издольщиков положение оставалось без перемен. Сохраняли силу декреты 1 декабря 1790 г. и 11 марта 1791 г., которые установили, что отмена десятины проведена в интересах собственников облагавшейся ею земли, и дали таким образом землевладельцам право требовать от арендаторов в свою пользу десятину, которая раньше уплачивалась ее церковным и светским владельцам. Больше того, следуя тому же классовому принципу, декрет 25 августа 1792 г. распространил постановления, относившиеся к десятине, на отмененный при отсутствии «первоначального титула» шампар и его разновидности. Естественно, что половники продолжали протестовать. Поступали петиции⁶², в районах издольщины происходили волнения. В январе 1793 г. муниципалитет Креша (департ.Сона-и-Луара) сообщал: «Большое число земледельцев в нашем и соседних приходах образовали заговор в связи с намерением крупных землевладельцев потребовать от половников уплаты половины поземельного налога в возмещение десятины»⁶³. В Алье «класс ремесленников, мелких собственников, виноградарей и земледельцев, — доносила в апреле 1793 г. директория дистрикта Кюссе, — любит революцию, но он жалуется на суровость крупных землевладельцев, которые не хотят идти ни на какие жертвы и слишком строго требуют уплаты возмещения за десятину...»⁶⁴. В кантоне Сен-Пьервиль (департ.Ардеш) произошли «мятежные сборища». «Большая часть арендаторов и половников, — говорится в протоколе директории департамента от 12 февраля 1793 г., — ...считает, что десятины и земельные ренты, оговоренные в арендных договорах, заключенных до издания этих законов, также отменены», а если имеются какие-то иные законы, они исходят «от департамента, который, говорят они, заинтересован в сохранении феодальных прав»⁶⁵. Эту проблему также унаследуют якобинцы и,

как мы увидим, так и не смогут ее решить.

2. ЗЕМЕЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА и СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА в ДЕРЕВНЕ

Августовские дни 1792 г. принесли не только новый подход к отмене феодальных повинностей, но и сдвиг в решении земельной проблемы. 28 августа был принят по докладу Ж.-Б.Майля закон, который установил новый порядок возвращения общинам земель, захваченных бывшими сеньорами. Новый декрет отменил статью 4 раздела 25 ордонанса 1669 г., все последующие эдикты, декларации, постановления и королевские предписания, разрешавшие триаж. Отмена имела обратную силу без всяких ограничений — коммуны могли войти во владение отнятыми землями в течение 5 лет, прибегнув к судебной процедуре (ст.1). Коммуны или отдельные лица получили возможность также претендовать на возвращение всех вообще владений или прав пользования, отобранных бывшими сеньорами, доказав, что они некогда действительно ими владели. Сеньор мог противопоставить этим претензиям лишь подлинный акт законной покупки (ст.7). Акты выдела (cantonnements) сохранялись в силе, но могли быть пересмотрены, коммуна опять-таки надлежало адресоваться в суд.

Отличие от позиции Учредительного собрания бросается в глаза. Для него экспроприация, совершенная в силу действовавших до революции законоположений и закрепленная давностью, была не узурпацией, но благоприобретенным владением; единственная уступка касалась триажей, произведенных за последние 30 лет. С точки зрения нового декрета все эти акты являлись лишь результатом «злоупотребления феодальным могуществом» (*l'abus de la puissance feodale*). Только обычные акты купли-продажи, в которых покупателями выступали частные лица, признавались неприкосновенными, и именно здесь декрет 28 августа отказывался стать на сторону общин и отступал от принципа ретроактивности — земли, отнятые у них и отчужденные третьим лицам (но не сеньорам), возвращению не подлежали (ст.3).

Другое принципиальное положение касалось невозделанных земель. Как и в вопросе о феодальных правах, была установлена презумпция в пользу общин — все эти земли, расположенные на территории коммуны, были признаны принадлежащими общинам. Однако пойти до конца в проведении этого принципа Собрание не решилось. Претензиям общин бывший сеньор мог противопоставить не только законный титул, удостоверяющий его права на спорную землю, но и право давности в 40 лет (ст.8)*. Тем более не подлежали передаче общинам земли, присвоенные сеньорами и отчужденные в пользу третьих лиц, не сеньоров (ст.11).

В общем несомненно, что компромисс рухнул и в этом кардинальном вопросе. Но принятый закон был уже недостаточно радикален с точки зрения возросших требований крестьян и не вызывал энтузиазма. Поэтому продолжали поступать петиции с требованием окончательно освободить общинные земли от господства бывших сеньоров, ликвидировать последствия дореволюционного законодательства. Вновь и более настойчиво выдвигались предложения произвести всеобщий пересмотр земельных документов и новое межевание земель, отнять у сеньоров все, что не будет обосновано законным титулом или не включено в старые кадастры⁶⁶. Гражданин Антуан Годфруа прислал подробный план такого пересмотра, предусматривавший возвращение сеньорами всех земель, отобранных в последние 100 лет в результате *saisie sensuelle* (т.е. за неуплату феодальных повинностей) и иными путями, связанными с «практикой феодализма» («*l'exercice de la feodalite*»)⁶⁷. По-прежнему общины совершали самочинные захваты, ссылаясь на декрет 28 августа и обходя установленные им формальности. М.Домманже опубликовал любопытный протокол общего совета коммуны Армантьер (департ.Эна): «Принимая во внимание, что для облегчения положения граждан необходимо немедленно воспользоваться возможностью, предоставленной настоящим декретом», совет решил, что коммуна войдет во владение «всеми пустопорожними землями, находящимися на ее территории», а «бывшим сеньорам будет предъявлено требование представить свои соответствующие титулы... за отсутствием каких-либо упоминаний коммуна завладеет: 1. Лесом Эй, принадлежавшим ей раньше...» (следует перечисление других участков)⁶⁸.

И все же после 10 августа борьба против бывшего сеньора начинала отходить на второй план и в земельном вопросе. Не просто увеличение фонда общинных владений, а раздел земель — вот что выдвигалось на первый план деревенских забот. Эгалитарные устремления, отмеченные нами выше, усиливались именно в этот период.

Анатолий Васильевич АДО

КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1789-1794 гг.

* Установленное законом право давности в 40 лет восходило к кутюмной (обычно правозой) традиции. Кутюмы следовали принципу, согласно которому для подтверждения того или иного считавшегося незапамятным события необходимо показание свидетеля не моложе 54 лет. Считалось, что в таком возрасте люди могли достоверно рассказать о виденном ими в течение по крайней мере 40 лет.

Еще в мае 1792 г. Комитет земледелия начал обсуждать представленный Авелином доклад о разделе общинных земель. Дискуссия была упорной, и дело не продвигалось, наталкиваясь на противоборствующие интересы. 10 августа внесло крутой перелом и в этот вопрос. По предложению видного агронома Франсуа де Невшато, близкого к жирондистам. Собрание приняло 14 августа декрет о разделе общинных и пустопорожных земель между жителями коммун немедленно после сбора урожая и в полную собственность дольщиков. Комитету земледелия поручили представить через три дня проект декрета о способе раздела. В тот же день было обращено в декрет и второе предложение Франсуа де Невшато — приступить сразу же после уборки урожая к сдаче эмигрантских земель в вечное владение с уплатой ежегодной ренты (величина ренты определялась соревнованием претендентов) участками по 2—4 арпана. Комитет земледелия и Комитет доменов были обязаны в кратчайший срок разработать порядок отчуждения. 3 сентября Собрание постановило прекратить все уголовные процессы и отменить вынесенные после 14 июня 1792 г. приговоры за правонарушения, связанные с правом собственности на общинные земли и их разделом.

Ближайшие два месяца показали, однако, что оба декрета были лишь сделанным в критический момент тактическим ходом. Комитет земледелия представил 8 сентября доклад о способе раздела общинных земель. Собрание отвергло предложенный им факультативный раздел, высказалось в принципе за обязательный и отослало вопрос в Комитет для дальнейшей доработки. Конвент вернулся к нему 11 октября только для того, чтобы по предложению жирондиста Ришу отложить проведение раздела в жизнь. Та же судьба постигла декрет о дроблении и сдаче крестьянам в вечную аренду мелкими участками земель эмигрантов. 2 сентября 1792 г. по докладу якобинца Ж.Гужона был принят закон о порядке отчуждения этих владений, подтверждавший обязательность дробления земель, однако уже без указания размера участков. Было восстановлено отчуждение с торгов, при этом предпочтение отдавалось тем, кто платил наличными (рассрочка платежей не была предусмотрена), а не претендентам на получение участка в вечную аренду. 11 ноября Конвент вообще приостановил отчуждение эмигрантских земель впредь до окончательного уточнения порядка отчуждения.

Крестьянские надежды оказались, таким образом, полностью обманутыми. Из деревень поступали многочисленные жалобы и протесты, направленные уже не только против бывших сеньоров. На смену «аристократии происхождения» стремительно поднималась не только в городах, но и в деревнях «аристократия богатства» — буржуа, крупные фермеры, богатые крестьяне. Они обращали себе на пользу результаты совершавшейся в стране экономической и социальной ломки, присваивали львиную долю национальных имуществ, обогащались на спекуляции и дороговизне. Один в высшей степени характерный мотив начал повторяться в петициях, присылавшихся из разных районов и по разным поводам — с феодализмом покопчено, король и дворяне свергнуты, но им на смену пришла тирания богачей, только богатые воспользовались благами революции; пора, наконец, чтобы и бедняк получил свою долю, пора покончить с господством «богатого класса». Это понятие — «богатый класс» («la classe des riches», «la classe riche») — встречается во многих петициях. Ему противопоставляется «класс бедных» («la classe des pauvres», «la classe indigente»): «Дворянство уничтожено; но что я говорю! оно еще существует — это класс богатых, который очень доволен тем, что все бывшие стали ему равны, но не желает признать равными себе обездоленных, стоящих ниже его... надо, чтобы вы покончили с зависимостью бедного класса от класса богатого»⁶⁹; «Королевская власть, духовенство и дворянство уничтожены навсегда, но надо еще сокрушить крупных земельных собственников, так как теперь именно они налагают свою тяжелую руку на бедных деревенских жителей»⁷⁰; «Королевская власть, дворянство и высшее духовенство... навсегда уничтожены, но крупный земельный собственник живет, мы видим, как он действует с такой же наглостью, как бывший дворянин...»⁷¹; «... до сих пор класс бедняков был забыт, Учредительное и Законодательное собрания ничего не сделали для него, они занимались только собственником. Мудрые законодатели, быстрее возместите эту несправедливость»⁷²; «Подумай о себе, бедный класс сел и деревень, настал момент твоего благополучия или неволи»⁷³.

Фермер-капиталист (в районах фермерства), генеральный фермер (в районах издольщины), богатый «пахарь», крупный торговец, «скупщик» становились главными отрицательными персонажами многочисленных деревенских посланий. Их называли агентами аристократов, деспотами, ястребами, вампирами, вечно жаждущими человеческой крови», «истинными тиранами», которым место «рядом с Людовиком Капетом»; клеймили как корыстных людей, не способных «вырвать из своего сердца жадность, пожирающую их как медленный огонь», которых «нужно больше бояться, чем деспотизма... чем самой жестокой аристократии»⁷⁴. «Нет другого такого мстительного существа, как фермер; нет другого такого корыстного существа, как фермер, — говорится в одном из посланий⁷⁵. В другом читаем: «Крупный земельный собственник или предприимчивый земледелец — это деспот, готовый без зазрения совести разорить своего соседа, своего друга...»⁷⁶

Борьба за земельное поравнение по-прежнему концентрировалась вокруг ряда конкретных требований. Они детально обоснованы в письме, присланном в Собрание в феврале 1793 г. гражданином Ф.Монвё, прокурором коммуны Блеранкур (департ.Эна). От имени «неимущего, но трудящегося класса» Монвё требовал: 1) установить максимальный размер ферм — не больше трех «плугов»; 2) дробить при продаже национальные имущества; 3) выполнить декреты об отчуждении мелкими участками имений эмигрантов и разделе общинных земель. «...Я повторяю от имени всех и каждого гражданина в отдельности, что это дробление и этот раздел послужат общему благу: каждый дольщик будет возделывать землю и иметь скот и найдет в этом ресурс для себя и своей семьи...»⁷⁷, — писал он.

Крестьяне не оставляли попыток повернуть в свою пользу распродажу национальных владений первого происхождения*. Так, в департаменте Нор продолжали возникать крестьянские «коалиции» для совместной покупки и беспорядки на торгах⁷⁸. Г.Икни рассказывает о создании крестьянских «коалиций» и волнениях в связи с распродажей в Камбрези (департ.Уаза). Так, жители коммуны Рокенкур выгнали с торгов всех посторонних претендентов и купили сообща в свою пользу ферму в 90 га за 105 тыс. ливров⁷⁹. В департаменте Гар в первой половине 1793 г. власти временно приостановили распродажу в связи с распространением крестьянских объединений для коллективного приобретения земель с последующим разделом⁸⁰.

В то же время декрет 14 августа 1792 г. усилил притязания крестьян на эмигрантские земли. «С величайшим нетерпением, — сообщала директория дистрикта Кюссе (департ. Алье, апрель 1793 г.), — здесь ожидают законов о разделе общинных владений и продаже эмигрантских земель мелкими участками»⁸¹. В деревнях Дордони «злонамеренные» лица вели разговоры о том, что не к чему покупать эмигрантские земли, когда можно просто их захватить и поделить, что администрация и суды обманывают крестьян⁸². Кое-где пытались действовать, не ожидая нового закона. Принадлежавшие эмигрантам леса подвергались постоянным опустошениям; их вырубали, иногда пытались делить. В октябре совет департамента Сена-и-Марна срочно послал в Конвент одного из своих членов справиться о «средствах, наиболее пригодных для того, чтобы пресечь попытки муниципалитетов поделить имущества эмигрантов»⁸³.

В районах «крупной культуры» продолжали добиваться раздробления крупных хозяйств. В сборнике Ж. Лефевра 14 таких петиций относятся к концу 1792 — первой половине 1793 г. Они присланы из фермерских департаментов (Уаза, Сена-и-Уаза, Эна, Сена-и-Марна, Эр, Эр-и-Луара, Луаре) и содержат уже известную нам программу — запрещение арендовать несколько ферм, установление максимального размера хозяйства; некоторые петиции требуют даже немедленного раздела ферм с расторжением действующих арендных договоров⁸⁴.

Но особенно энергично крестьяне боролись за раздел общинных земель⁸⁵. О значении, которое приобрел этот вопрос, говорит число петиций, вошедших в известный сборник документов о разделе общинных земель, опубликованный Ж.Бурженом⁸⁶. Первая часть публикации содержит 47 индивидуальных посланий и коллективных петиций, поступивших, за небольшим исключением, осенью 1791 — в начале лета 1792 г.; а за 9 месяцев после августа 1792 г. было прислано 205 петиций из 56 департаментов. Подавляющее большинство их выражало мнение сельских коллективов и домогалось раздела общинных земель (лишь 5—6 петиций определено и до конца враждебны ему). Самочинные разделы с осени 1792 г. стали массовым явлением — о них сообщают документы из 44 департаментов. В департаментах Уаза, Сена-и-Уаза, Ло и Гар они привели к серьезным волнениям.

Повсюду, где совершался раздел, возникали острейшие столкновения. Одни из крестьян, не желавшие раздела или недовольные им, принимались писать жалобы и протесты, другие грозили бунтом и нередко в борьбе за раздел прибегали к насилию. Публикация Ж.Буржена содержит многочисленные свидетельства этой борьбы. Сошлемся, однако, на документ, ускользнувший от внимания составителя. Муниципалитет Живри-сюр-Эн (департ. Арденн) сообщал, что после закона 14 августа 1792 г. жители «со всей возможной справедливостью» произвели раздел общинных земель. Однако один из них, по наущению еще нескольких, подал жалобу в дистрикт, и в феврале 1793 г. департаментские власти аннулировали раздел и сместили муниципалитет. Жители «выразили величайшее недовольство, заявили, что не намерены подчиняться решению департамента». Муниципалитет опасался бунта. Такое же положение, сообщал он, существует в девяти соседних деревнях, тоже осуществивших раздел своих общинных земель⁸⁷.

* Национальные имущества первого происхождения, созданные в начале революции, включали в основном бывшие церковные владения (а также земли королевского домена и некоторые другие). Владения эмигрантов и лиц, осужденных по обвинениям в контрреволюции, составили национальные имущества второго происхождения.

Какие слои деревни выступали главной силой в борьбе за раздел в эти месяцы, чьим интересам отвечало противодействие ему со стороны жирондистского Конвента и местных властей? Два советских исследователя, специально изучавшие этот вопрос, пришли к близким выводам. «В общем и целом, — писал С.Кунисский, — кто являлся противником раздела общинной земли?.. Таковыми являлись зажиточные слои деревни, причем такие социальные прослойки встречались не только среди середняков, но и среди кулаков»⁸⁸. По мнению Е.Н.Петрова, главной причиной промедления с принятием закона о разделе являлось то, что «большая часть сельскохозяйственной буржуазии тормозила неприятное для нее решение вопроса... И позднее, когда принцип раздела был одобрен Законодательным собранием, те же элементы извлекают пользу из дальнейшего отлагательства»⁸⁹. Обоснованность этих выводов подтверждается детальными исследованиями М.Лакоста о департаменте Мерт⁹⁰, Г.Икни о департаменте Уаза⁹¹. Характерно приводимое Икни заявление муниципалитета коммуны Ламорлэ (департ. Уаза, дистр.Санлиса): «Кто же эти лица, которые могли бы желать отсрочки раздела? Будьте уверены, это не батраки, не ремесленники, не мелкие собственники, это лишь немногие крупные собственники, которые постоянно наживаются в ущерб неимущим... и одобряют в революции лишь то, что позволяет им увеличивать свое богатство». В большинстве многочисленных конфликтов этого времени беднота выступала наиболее активной силой раздела и наталкивалась на сопротивление сельских верхов⁹².

Сопротивление диктовалось комплексом интересов, который уже был обрисован выше. Прежде всего это были интересы экстенсивного животноводства в различных его вариантах (на это указывали петиции из таких скотоводческих районов, как Марш, Лимузен, Ниверне, Бурбонне, Руэрг и др.)⁹³. Сельские верхи толкала против раздела также боязнь потерять участки общинных и неводеланных земель, которые они приобрели путем захвата, расчистки, купили или получили от бывших сеньоров на основе аффеажа, наследственной аренды и т.п. Декреты 28 августа и 11 октября 1792 г. ограждали их право на эти земли, но масса крестьян требовала включить их в раздел, иногда прямо делила⁹⁴. Владельцы таких участков призывали защитить их собственность и, конечно, ссылались на угрозу «аграрного закона». «По какому странному принципу, — возмущались «собственники кантона Эндервилле» (департ.Ду) — иному, чем аграрный закон, человек, который никогда ничем не владел, ничего не приобрел, может быть наделен значительной собственностью в ущерб тем, которые ею постоянно пользовались, которые ее расчистили или приобрели?» Такой человек, утверждали они, может оказаться «бичом своего местожительства из-за ленности и нерадивости», и вообще «бедные имеют право лишь на самое необходимое»⁹⁵.

При всем том ряд обстоятельств склонял к разделу и часть зажиточных и богатых элементов крестьянства. В конце 1792 — начале 1793 г., когда принятие закона о разделе явно становилось неизбежным, этим слоям крестьян стало тем более важно добиться выгодного для них способа его осуществления. Они предлагали делить общинные земли в соответствии с платимыми налогами или прямо пропорционально уже имевшейся собственности⁹⁶.

Что касается позиции среднего крестьянства, то С.Кунисский полагал, что если верхние слои середняков выступали против раздела, «то многие из тех, которые стояли ближе к беднякам, были и за разверстку»⁹⁷. К сходному заключению пришел Е.Н.Петров: «Насколько можно судить по петициям этого периода, среднее крестьянство не дорожит сохранением общинных земель и обычно требует их раздела... Поиски выхода из малоземелья для расширения посевной площади... толкали крестьян-середняков к освоению и распашке общинных земель»⁹⁸. Средняки предпочли бы раздел не подушный, а по дворам или главам семей, среди людей «устроенных и женатых»⁹⁹, с учетом многосемейности. Но они были враждебны притязаниям богатых, их объединяло с беднотой стремление поделить землю «по закону равенства», хотя и неодинаково толкуемого. В целом в этот период преобладало, очевидно, объединение незажиточной части среднего крестьянства с беднотой против крестьянских верхов; именно данным блоком осуществлялись многочисленные самоуправные разделы. В пользу такого вывода говорит и прямое участие в них многих муниципалитетов и обилие петиций, присланных общими собраниями и должностными лицами сельских коммун. При этом, как и в 1791 г., некоторые коммуны предпочитали при разделе сохранить специфику общинных земель как коллективного достояния жителей и предоставляли участки лишь в пользование на определенных условиях, выработанных собранием общины¹⁰⁰.

Дробление национальных имуществ, раздел крупных ферм, установление максимального размера хозяйства, раздел общинных и пустопорожных земель, включая земли, бывшие некогда таковыми, но давно уже возделанные и находящиеся в частном владении, — вот основные меры, при помощи которых беднота и маломощные середняки рассчитывали добиться более или менее радикального земельного поравнения. В документах, исходивших от крестьян, по-прежнему не содержалось прямого требования экспроприации и передела крупного землевладения. Но глубокая враждебность крупной земельной собственности обнаруживалась все более определенно. Она раскрывается особенно в аргументации петиций, которая нередко метила

дальше, чем их конкретные пожелания. Предлагая лишь раздел общинных земель, авторы одной из петиций заявляли: пора «освободиться от крупных земельных собственников... пора, чтобы равенство, которое вы декретировали, вошло в силу в пользу бедняков»¹⁰¹. Добиваясь улучшения условий аренды, полонники доказывали: «Те, у кого нет земельной собственности, согласились на то, чтобы существовали землевладельцы, лишь под тем условием, что они будут обрабатывать свою землю или сдавать ее в обработку... Так что землевладельцы — это только арендаторы, держатели своих земель (*les colons de leurs terres*) и они являются их законными владельцами лишь до тех пор, пока обрабатывают их или сдают в обработку»¹⁰². В кантоне Сен-Пьервиль (департ.Ардеш) полонники протестовали лишь против уплаты десятины. Но некоторые из «злонамеренных», если верить дирекции департамента, не боялись «добавлять и говорить открыто, что теперь все имущества являются общими и все состояния должны быть уравнены (*que tous les biens sont communs et que les fortunes doivent être égales*)»¹⁰³.

Это растущее стремление бедноты к социальной справедливости было, несомненно, той социальной почвой, на которой вызревали выдвигавшиеся ее образованными защитниками идеи поравнения, вплоть до более или менее туманного идеала «общности имуществ». Матьез называл эти идеи «аграрным коммунизмом». По существу речь идет о радикальном эгалитаризме, доходившем у наиболее последовательных его сторонников до отрицания частной собственности на землю, но не мелкого владения и хозяйства крестьян-возделывателей на общинной или государственной земле. Некоторые пытались продвинуть свои мысли не только «вверх», Конвенту¹⁰⁴, но и «вниз», непосредственно к сельской массе. Мало мы знаем об этих деревенских агитаторах. Заметную роль среди них играли выходцы из низшего духовенства. Они были в числе идеологов народного движения в деревне, активистов деревенских народных обществ, ими написано немало крестьянских петиций, посылавшихся в законодательные органы революционного времени¹⁰⁵. Уже в первые годы революции некоторые народолюбивые кюре проповедовали идеи социальной справедливости и равенства. Среди них — Жак Бенуа из коммуны Бургёй (департ. Эндр-и-Луара), заявлявший в 1790 г. прихожанам, что «бедные имеют право на имущество богатых», что «они могут явиться к их дверям с евангелием в руках и потребовать имущество, на которое они имеют право»¹⁰⁶; Жан Карион, который, будучи в 1790 г. революционным мэром коммуны Исси л'Эвек (департ.Сона-и-Луара), сплотил вокруг себя издольщиков и батраков и заявлял им, что политики «слишком много говорят о праве собственности, забывая о справедливости для бедняка-землепашца»¹⁰⁷; наконец, знаменитый Пьер Доливье, кюре в коммуне Мошар под Парижем, выступивший весной 1792 г. с критикой частной земельной собственности (см. выше, с.241). Все эти люди, как и Гракх Бабеф, интересны для нас именно тем, что вынашивали свои идеи в повседневном общении с сельской беднотой, пытались проповедовать их в этой среде, были прямыми участниками аграрного движения. Среди них сначала только Доливье довел эгалитаризм до отрицания частной земельной собственности. Летом 1792 г. к тому же пришел другой «красный кюре», бунтарь и руководитель сельской бедноты прихода Эпинёй (департ.Шер) Ж.Пти-Жан¹⁰⁸. Перелом в его образе мыслей произошел, очевидно, в разгар летнего политического кризиса 1792 г. Сам Пти-Жан подробно рассказал об этом в письме к Ролану, документе чрезвычайно искреннем, ярко показывающем, как в индивидуальном мироощущении народолюбивого кюре отразилось политическое и социальное возбуждение, охватившее в эти дни народную массу. В августе 1792 г. (кюре в это время болел) он ощутил себя «сверхчеловечески наэлектризованным для спасения Франции». «Моя голова, — сообщал Пти-Жан, — оказалась полна стольких идей, что, отягченный их числом и силой, я почти непрерывно пи--сал... Полный истины и справедливости, я сочинял... человечность и равенство мне диктовали, я же записывал как их верный и восторженный секретарь»¹⁰⁹. Очевидно, кюре написал немало и тогда же разослал свои сочинения по разным адресам: собранию выборщиков во Вьерзоне, якобинскому клубу г.Сент-Аман, а самое важное произведение, «запечатанное тремя печатями», было направлено Национальному собранию. К сожалению, эти бумаги не разысканы историками. Судя по тому, что дают материалы судебного дела, Пти-Жан предлагал установить общественную собственность на землю (не ясно, в какой форме) и общественное распределение при сохранении индивидуального хозяйства. Он вел речи о том, что «все имущества скоро будут общими», советовал «создать общественный погреб и амбар», «откуда каждый возьмет необходимое, и не будет нужды в деньгах». В то же время в его представлении «общность» была неразрывно связана с «разделом». «В скором времени, — считал он, — осуществляются равенство и раздел имуществ». Своим прихожанам кюре наивно предлагал «добровольно отказаться от всей их собственности и произвести общий раздел всех их владений». Пти-Жан выступил и одним из провозвестников народного террора. Он говорил о «всеобщем избиении всех аристократов, которое необходимо для установления равенства»: «Уже видели, как выходят из берегов реки; теперь увидят, что прольется много крови». Натура чрезвычайно деятельная, Пти-Жан активно проповедовал свои идеи, которые явно встречали сочувствие бедноты. Когда муниципалитет и

дистрикт решили арестовать Пти-Жана*, крестьяне встали на его защиту, разоружили и прогнали жандармов. Отряд национальной гвардии, посланный из Сент-Амана, они встретили набатом и выступили против него, вооружившись вилами и несколькими пистолетами. Один из крестьян был убит, главные сторонники Пти-Жана арестованы, сам он приговорен к годичному заключению и штрафу. 27 сентября 1793 г. прибывший в Бурж депутат Конвента Ж.-Л.Лапланш освободил Пти-Жана как «жертву аристократии». «Красный юре» был с триумфом встречен в народном обществе Буржа, где и получил «братский поцелуй от Лапланша».

Вся история юре Пти-Жана, близко знавшего нужды своего сельского микромира (в 1792 г. ему исполнилось 52 года, в течение 20 лет он был юре в Эпинёй), показательна для тех сдвигов в аграрном движении, которые определились осенью 1792 — начале 1793 г. Она позволяет на примере сельской коммуны увидеть глубокие корни, которыми идеи «аграрного закона» уходили в толщу социальных низов французской деревни. Не о том ли говорит и избрание Бабефа в состав департаментской администрации Соммы в сентябре 1792 г.? Некоторые выборщики (среди них были и сельские жители, бывшие пассивные граждане) знали об эгалитарной пропаганде Бабефа, говорили, что «он имел честь разработать проект аграрного закона»¹¹⁰.**

3. БОРЬБА за ХЛЕБ в МАССОВОМ ДЕРЕВЕНСКОМ ДВИЖЕНИИ

С конца осени вновь разгоревшаяся «война за хлеб» окончательно стала одним из важнейших направлений не только городской, но и деревенской борьбы. Основные черты экономической обстановки конца 1792 — начала 1793 г. известны (хотя глубоко и всесторонне не изучены). Как и в 1791 г., урожай 1792 г. был не везде хорошим. Но в общем он не создал продовольственного дефицита в стране¹¹¹. Тем не менее цены росли, и опустение рынков принимало тревожные размеры. Решающую роль в этом играли усиление инфляции и «хлебная стачка» имущих верхов деревни, превратившихся после отмены десятины и многих натуральных повинностей в держателей основной массы товарного хлеба. К концу 1792 г. сумма находившихся в обращении ассигнатов превысила оценочную стоимость национальных имуществ, которые служили их реальным обеспечением. В феврале 1793 г. средний курс ассигната упал до 50%. Промышленные затруднения, давшие о себе знать еще в начале 1792 г., усиливались. Деревенские жители, связанные с промышленностью, страдали от нехватки и дороговизны сельскохозяйственного сырья, топлива, железа и т.п., а также от сокращения производства.

В начале осени в момент резкого обострения военной опасности сторонники регулирования хлебной торговли смогли добиться частичного успеха. Законы, принятые 9 и 16 сентября 1792 г., предписали муниципалитетам провести учет зерновых запасов и разрешили администрации департаментов осуществлять реквизиции для снабжения рынков (т.е. обязывать каждую коммуну доставлять на рынок определенное количество зерна с правом конфискации его у хозяев, отказывающихся подчиниться реквизиции).

Очевидно, лишь в редких случаях эти законы (особенно их положения, касающиеся реквизиций) начали проводиться в жизнь. Буржуазная администрация проявляла мало желания применять суровые меры против «пахарей» и муниципалитетов, состоявших из богатых хозяев. Предпочитая прокламации и призывы к снабжению рынков, она фактически оставляла им свободу действий¹¹². Временный исполнительный совет и жирондисты в целом держались курса на свободу хлебной торговли. Между тем в чрезвычайных обстоятельствах войны, мобилизации, общей политической неустойчивости, экономического кризиса свобода торговли никак не могла дать благих результатов, которых ждали от нее педантичный систематик Ролан и упрямые сторонники физиократов.

В этих условиях вопрос о продовольствии, хлебных ценах и регламентации торговли стал важнейшим побудительным мотивом массового крестьянского движения, принимавшего вооруженные формы.

* * *

С началом весенне-летних полевых работ отхлынула волна продовольственных «беспорядков» первой половины 1792 г. Возобновились они в конце лета и осенью. В августе перевозки зерна по Южному каналу вызвали новое восстание в департаменте Од¹¹³. 11 августа власти задержали неподалеку от Каркассона несколько барок с зерном. На другой день часть судов получила разрешение следовать дальше. Но уже забили в набат по деревням. Из

* В конце сентября 1792 г. Пти-Жан возглавлял крестьянский бунт в своей коммуне; участники его требовали возвращения общинной пустоши, присвоенной одним из богатых собственников.

** Характерна социальная среда, окружавшая Пти-Жана, — та почва, на которой возрос его социальный протест. Из 136 семей коммуны Эпинёй 53 не имели собственного хозяйства, это были несущие поденщики (journaliers по ресолтант), большинство остальных — мельчайшие собственники и издольщики. Показателен и состав арестованных по делу Пти-Жана: из 13 человек только 4, владевшие несколькими акрами земли, состояли в списке поземельного налога, шестеро возделывали исполу земли богатых собственников.

Каркассона, из сельских коммун районов Монтань-Нуар и Кабардес (северная горная часть департамента) ринулись вооруженные люди. За неделю около 6 тыс. человек образовали вооруженный лагерь по берегам канала. Народ был в тревоге; ходили слухи о скупке зерна, о том, что в ней замешана администрация, что она собирается вызвать линейные войска. 17 августа восставшие ворвались в Каркассон, захватили 2 орудия и 1400 ружей, убили генерального прокурора-синдика департамента. Власти заняли департамент войсками и начали против главных виновников восстания процесс. В декабре три человека были гильотинированы. Волнения распространились на департамент Верхняя Гаронна. 9 сентября в совете департамента сообщили, что народ задерживает на Гаронне груженые зерном суда¹¹⁴. Около этого же времени жители прибрежных коммун в департаменте Эр попытались сорвать хлебные перевозки по Сене и захватить зерно, следовавшее из Гавра и Руана в Париж; сюда были посланы значительные вооруженные силы¹¹⁵. В течение сентября помимо восстаний в Лионе и Орлеане произошел вооруженный поход 800 сельских жителей дистрикта Исуар (департ. Пюи-де-Дом) на рынок г. Сен-Жермен-Ламброн с целью «таксировать зерно и сорвать замыслы скупщиков» (20 сентября). Администрация дистрикта направила сюда 200 национальных гвардейцев с двумя пушками, один участник похода был убит, 10 ранено, 67 арестовано¹¹⁶.

Наибольшей силы массовое движение в деревне на продовольственной почве достигло в октябре — ноябре, в основном в тех же районах между Сеной и Луарой, что и годом раньше¹¹⁷. 10 октября вооруженные жители приходов Форж, Аргей и Ла Фоссе (дистр.Гурне, департ. Нижняя Сена) явились в коммуну Ферте-Сен-Самсон и заставили «пахарей» продать 40 буассо хлеба по таксе. Через 2 недели волнения начались в Руанском дистрикте. В кантоне Франквилль «вооруженные жители устроили сборище и отправились к пахарям, подвергли их оскорблениям и угрозам, таксировали их зерно значительно ниже рыночного». «Аналогичный бунт, — сообщила администрация, — угрожает остальной части департамента, а также департаменту Эр»¹¹⁸. Движение захватило в той или иной форме и кантон Эльбеф. 15 коммун кантона послали в Конвент петицию, требуя регламентации торговли:

«Отчаяние наших жителей, — говорилось в петиции, — достигло предела, уже несколько раз начинали бить в набат»¹¹⁹. В октябре же включились в борьбу крестьяне и горожане департамента Сена-и-Уаза. 29 октября представители дистриктов Монфор-Ламори и Этампа заявили в Комитете сельского хозяйства и торговли, что «вся эта местность находится под угрозой сильнейших восстаний из-за продовольствия». В октябре и ноябре народные «сборища» провели таксацию на рынках Версаля, Этампа, Рамбуйе, движение захватило также Дурдан и Лимур¹²⁰. 30 октября 1792 г. о волнениях в Сене-и-Уазе было доложено Конвенту, который командировал сюда трех комиссаров. Их миссия не имела большого успеха; волнения продолжались в ноябре. Вероятно, прямым результатом этого движения была знаменитая петиция избирательного собрания Сены-и-Уазы, которая решительно поставила всю проблему дороговизны и нищеты и потребовала установления максимума. Ее огласил в Конвенте 19 ноября якобинец Ж.Гужон, генеральный прокурор-синдик департамента (позднее один из «последних монтаньяров», приговоренных к смертной казни после прериальского восстания 1795 г. в Париже)¹²¹.

Южнее, в области Бос — одном из классических районов «крупной культуры» — ив прилегающих к ней местностях, началось в ноябре громадное продовольственное восстание, затронувшее в течение трех недель девять департаментов. С самого начала оно приняло типическую форму народной таксации продовольствия. Его исходным центром была небогатая лесистая местность в районе Вибре и Монмирай (северо-восточный край департ. Сарта). В первой половине ноября вооруженные отряды рабочих-стекольщиков, ремесленников, жителей лесных деревень принялись устанавливать цены на местных рынках — 13 ноября в Ла-Базош-Гузэ и Отондю-Перш, 15 — в Вибре. Из этого района и вышли первоначально большие — до 5—10 тыс. человек — отряды «таксаторов», маршруты которых воссоздал М.Вовель¹²². К востоку от исходной точки таксация несколькими потоками распространилась по департаменту Эр-и-Луара. Один из них через Куртален (25 ноября) и Клуа (26 ноября) достиг 29 числа Шатодена, где национальная гвардия не смогла помешать таксации на рынке.

Другой отряд двинулся через Бру (21 ноября) и Илье (23 ноября) на Шартр, увлекая по дороге местных жителей. От Шартра (власти города и департамента сумели избежать таксы, обещав поддержать это требование перед Конвентом) движение распространилось на северо-запад и захватило ту область в Тимере, откуда вышло продовольственное восстание весной 1792 г. В Шатонеф-ан-Тимере, кроме того, от него ответвился еще один поток, который направился к югу, достиг 29 ноября Курвиля, а отсюда свыше 10 тыс. человек снова вышли 1 декабря к Шартру. На этот раз войска и национальная гвардия сумели рассеять таксаторов, и власти в этом районе овладели положением.

На запад от исходного очага волна движения охватила большую часть департамента Сарта, южный край департамента Орн. 17 ноября отряд, сформировавшийся в лесной местности Вибре, провел таксацию в Ла-Ферте-Бернар. Отсюда вышли разные отряды, усиленные сельскими жителями, которые навязали твердые цены в Боннетабле и Баллоне (20 ноября), Ножан-ле-Ротру (24 ноября), Ремаларе (Орн, 29 ноября), пытались атаковать рынок в Беллеме (Орн). Перед Мамером таксаторы, прибывшие сюда 25 ноября из Баллона и Боннетабля, потерпели поражение — их отбросила национальная гвардия. Но зато в г. Ле-Ман они одержали 23 ноября полную победу: власти дистрикта и департамента были вынуждены принять максимум и разослать постановление о нем во все коммуны Сарты. Из Ле-Мана волна таксации пошла дальше, имея теперь главной силой национальную гвардию города, увлекавшую по дороге местное население. 24 ноября они установили цены в Шато-дю-Луар, 28 — в Луэ. Перед Лафлешем, а затем перед Сабле-сюр-Сартом таксаторы были отброшены пешей и конной национальной гвардией, снабженной пушками и получившей подмогу из Анжера, Сомюра и Буже (департ. Мэн-и-Луара)¹²³.

В южном направлении поток продовольственного движения из района Вибре достиг Луары и перебросился через нее. Первый выступивший в эту сторону отряд насчитывал до 10 тыс. человек. Цены были нормированы в Мондубло, Сен-Кале и Вандоме соответственно 19, 22 и 23 ноября. Движение, таким образом, стало распространяться по департаменту Луар-и-Шер. В Вандоме силы таксаторов разделились на несколько отрядов, ядро которых составили жители города, увлекавшие, как обычно, мелкий люд расположенных по пути городов и сельских коммун. Один из таких отрядов победоносно прошел Шато-Рено (27 ноября), Монтуар (28 ноября), Амбуаз (29 ноября), достиг Луары и был остановлен лишь 30 ноября у Тура. Таким образом, департамент Эндр-и-Луара также был вовлечен в орбиту восстания. Вторая экспедиция из Вандома сумела 26 ноября навязать твердые цены в Блуа, затем в г. Мер (28 ноября), вступила на территорию департамента Луаре, но натолкнулась на организованный отпор в Божанси. В начале декабря движение таксаторов еще продолжалось в Солони: 1 декабря они таксировали продовольствие в Сент-Эньяне, 3 декабря пришли с тем же в Балансе (департ. Эндр), через два дня — в Роморантен. Локальный очаг восстания образовался в Понлевуа; отсюда оно распространилось на Монришар и Блере (5 и 7 декабря). 7 декабря 6 тыс. жителей окрестных коммун прибыли в г. Левру «потребовать от имени суверенного народа таксации зерна и других предметов первой необходимости». Директория департамента направила туда национальную гвардию и солдат артиллерией, которые рассеяли таксаторов, не открывая огня¹²⁴.

Движение, вышедшее из района Вибре, имело и более далекие отклики. В начале декабря в деревнях дистрикта Монморийон (департ. Вьенна) некоторые люди «после возвращения из области Бос говорили, что надо таксировать зерно» (из судебного протокола). 13 декабря жители коммун Толле и Кулонж установили цену на зерно в Бригёй-ле-Шантре, на следующий день мятежное «сборище» двинулось на рынок в г.Тримуй, где также были навязаны твердые цены¹²⁵. Южнее, в г. Ле-Дора (департ. Верхняя Вьенна), 9—10 декабря вооруженный народ провозгласил максимум. Муниципалитет и администраторы дистрикта, осажденные в ратуше, отдали по твердой цене зерно из общественных складов. Власти писали о «мятежном согласии» и «коалиции деревенских жителей с городскими». Жители соседней коммуны Маньяк тоже установили твердые цены, а попытка дистрикта вызвать вооруженную силу привела 14 декабря к вторжению в Ле-Дора 600 крестьян, которые вместе с горожанами вновь осадили ратушу. Волнения были подавлены к 20-м числам декабря комиссарами департамента, прибывшими с вооруженной силой из Лиможа¹²⁶.

* * *

Современники вновь усмотрели в этих восстаниях результат зловещего заговора: Ролан и жирондисты — заговора «анархистов», в частности «маратистов», в пользу герцога Орлеанского (Филиппа Эгалите); монтаньяры, в их числе Робеспьер, — заговора роялистов, тайно направляемого из Тампля*. М. Вовель показал неосновательность этих версий. Как обычно, движение было лишено централизованного руководства, возникло спонтанно, порожденное стечением социально-экономических обстоятельств и настроений деревенского мелкого люда. Тем не менее восстание в области Бос и прилегающих местностях, затронувшее девять департаментов, было не только наиболее массовой, но и самой организованной попыткой этого слоя деревни добиться проведения в жизнь своей продовольственной программы. Выступление, в его исходном очаге, предварительно подготовлялось. Зачинщики разными способами поднимали народ. Как всегда, они, подавая сигнал для сбора, били в набат, но использовали и устное слово: ходили по домам, воздействуя на людей убеждением, если надо — угрозами, подчас самыми ужасающими (сжечь и разграбить дом упряма, убить его семью и т.п.), никогда, впрочем, не приводившимися в исполнение¹²⁷. Кроме того, посылали в соседние коммуны гонцов, письма, нередко от имени муниципалитетов и национальной гвардии.

КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

* В замок Тампль в Париже была заключена после сержения монархия королевская семья. 1789-1794 гг.

Во время длительных «таксаторских» рейдов в области Бос и соседних районах более или менее постоянно сохранялось ядро активистов и зачинщиков. Обычно обитатели коммуны удалялись от дома на 1—2 дня пути, затем возвращались к себе, а в ряды таксаторов вливались новые силы из жителей округи.

Как и в прошлые годы, отчетливо проявилась социальная широта борьбы за дешевый и доступный хлеб. Естественной движущей силой этой борьбы оставалась беспосевная или малосеющая часть сельского населения, в особенности его наемный элемент. Восстание в области Бос и прилегающих районах началось с выступления рабочих-стекольщиков мануфактуры Плесси-Дорэн, где было занято 400 человек. В районе Ла-Луп и Сенонша главной силой движения за таксацию были рабочие железоделательных мастерских. Рабочие играли ведущую роль и в походе на рынок Сен-Жермен-Ламброн (департ. Пюи-де-Дом); это были речники, занятые на перевозках по р. Алье, и горняки, добывающие каменный уголь. Естественно, что трудящиеся, жившие продажей своей рабочей силы, прежде всего страдали от дороговизны и резкого падения реального заработка. Все идеологи и защитники бедноты, обличая дороговизну, по-прежнему в первую очередь указывали именно на разрыв между уровнем цен и заработной платы¹²⁸.

Но как можно было сбалансировать это губительное несоответствие? Повышение заработной платы явилось бы простейшим решением проблемы. Как и весной и летом 1792 г., такие требования выдвигались, тем более что по мере проведения военных наборов в деревне уже начинал ощущаться недостаток рабочих рук. Рабочие на фермах стремились воспользоваться положением на рынке труда, применяя простейшую форму борьбы — уход от хозяев, не желавших повышать плату, прибегали к стачкам. В сентябре 1792 г. в Немурском дистрикте (департ. Сена-и-Марна) молотильщики прекратили работу и образовали «коалиции», добиваясь, по утверждению администрации, «поистине непомерной заработной платы»¹²⁹. В октябре «мятежные разговоры», «вражда между земледельцами и их поденщиками» обнаружилась в департаменте Уаза. Директория, угрожая законом Ле-Шапелье, призывала поденщиков отказаться от «чрезмерных требований»¹³⁰. Позднее, весной 1793 г., на возросшие притязания сельских рабочих жаловались работодатели из Верхней Гаронны — вместо 15—30 су поденщики добивались теперь 50 и даже 60—80 су, т.е. 3—4 ливров¹³¹. В начале лета 1793 г. вспыхнули волнения и стачка косцов в департаменте Эна (как и двумя годами раньше, в кантоне Ферте-Милон)¹³². Все это отдельные факты, очевидно, их было значительно больше. Рабочие пытались добиваться своего, действуя и в народных обществах, в муниципалитетах, состав которых отчасти демократизировался к этому времени.

Однако в основном борцы против дороговизны искали выход на пути регламентации торговли и установления твердых цен. Люди, жившие наемным трудом, поставляли активнейшую массу участников таксаторского движения, но руководящую роль в нем играла преимущественно мелкоремесленная (и мелкоторговая) группа сельского населения. В качестве зачинщиков по-прежнему фигурировали чаще кузнецы, ткачи, сапожники, шапочники, каменщики, саботье (изготовители сабо), трактирщики и т.п. М.Вовель отметил это по материалам восстания в области Бос. Сходные факты содержат документы, относящиеся к другим районам. Так, во главе «сборища» таксаторов из трех приходов в Нижней Сене были замечены плотник, шапочник, слесарь, торговец кожей, торговец табаком, «собственник» и поденщик; при подготовке похода для таксации зерна на г.Тримуй (департ. Вьенна) действовали портной, каменщик, саботье и два «собственника»¹³³. Разумеется, среди этих людей наряду с мелкособственническим элементом были работавшие на рассеянную мануфактуру и приближавшиеся к положению наемного работника. Именно они составили, очевидно, боевую армию продовольственных бунтов в департаменте Од, главным очагом которых был район Каркассона и так называемых Черных гор, где утвердилось основанное еще при Кольбере шерстяное производство и 42 деревни работали на суконные мануфактуры. По-прежнему встречались иногда в рядах таксаторов мелкие капиталисты, увлекавшие своих рабочих¹³⁴.

В продовольственное движение включалась, как обычно, и часть мелких сельскохозяйственных производителей. Огородники и особенно виноградари Луарского бассейна активно действовали в восстании в ноябре — декабре. Голос малосеющего крестьянства, вынужденного прикупать хлеб на рынке, хорошо слышен в тщательно разработанных предложениях 15 коммун кантона Эльбеф (департ. Нижняя Сена), которые написаны от имени земледельцев, имевших скудный посев и едва собравших в 1792 г. на 1/3 больше посеянного¹³⁵, в петиции (от 25 октября 1792 г.) четырех приходов Сены-и-Уазы (Монфор-л'Амори и др.), которые добивались, чтобы «рынки были снабжены зерном как для семян, так и для пропитания граждан»¹³⁶.

Когда в апреле 1793 г. Комитет сельского хозяйства и торговли обсуждал вопрос о максимуме, прокурор сельской коммуны Шаминьи предложил, чтобы цены утверждались советами департаментов вместе с делегатами от коммун, но чтобы только земледельцы, обрабатывающие меньше 10 арпанов, могли иметь право решающего голоса¹³⁷.

Как и весной 1792 г., крестьянское продовольственное движение в конце 1792 — первой половине 1793 г. часто принимало форму массовых деревенских походов против городов. Сложившаяся к этому времени социально-экономическая ситуация создавала почву для конфликтов между городом и деревней в связи с продовольственным вопросом. В условиях растущей инфляции сельские хозяева, имевшие товарные запасы хлеба, нередко придерживали его. Беднота стремилась не допустить вывоза зерна из своей деревенской округи. В области Валуа (департ. Уаза) некоторые коммуны осенью 1792 — весной 1793 г. запретили «пахарям» и фермерам поставлять зерно на ближайшие городские рынки, обязывая продавать его только сельским жителям¹³⁸. Но в целом наши документы, относящиеся к массовым продовольственным движениям этого времени, показывают преимущественно совпадение интересов городского и деревенского мелкого люда, их враждебность интересам фермеров, буржуа-землевладельцев, хлеботорговцев. Поэтому администраторы, сопротивлявшиеся таксации, оказывались сплошь и рядом перед лицом объединенного фронта сельских таксаторов и городских санкюотов. Восстание в области Бос было по преимуществу сельским движением, из деревни шла инициатива. Но в дальнейшем в него включился и городской мелкий люд. В Ножан-Ле-Ротру, Ле-Мане, Вандоме, Блуа большинство горожан, в том числе национальные гвардейцы, не только не остановили таксаторов, но сами выступили, чтобы навязать таксу на других рынках. Иногда инициатива исходила из города, и городские «подстрекатели» старались присоединить деревню. Когда против бунта в Ле-Дора (департ. Верхняя Вьенна) была послана вооруженная сила, «дурные граждане» города отправились в соседние деревни. Они «убеждали, просили, даже принуждали жителей присоединиться к ним и полностью в этом преуспели, — сообщал 14 октября лейтенант жандармерии, — так что сегодня в 5 часов утра не меньше 500—600 вооруженных людей оказались на площади в Ле-Дора, требуя снижения цен и таксации зерна»¹³⁹. В октябре же, подготавливая новое восстание, зачинщики из Каркассона (среди них ткач и торговец) отправились поднимать горные деревни, вели агитацию и рассылали письма; только концентрацией военных сил администрация смогла предотвратить назревавший взрыв¹⁴⁰.

* * *

Программа деревенских продовольственных движений конца 1792 г. мало изменилась сравнительно с теми требованиями, которые выдвигались во время весенних восстаний. Установление твердых зерновых цен оставалось ее основным элементом. Естественно, оно подразумевало и таксацию печеного хлеба в городах и местечках, где имелись булочные и жители (или часть их) покупали готовый хлеб. По-прежнему встречалось и требование таксировать другие продовольственные товары (масло, мясо, яйца), продукты ремесла (свечи, полотно, сабо, мыло). Наряду с таксацией предлагалось сделать строгий учет зерновых запасов, обязать «пахарей», фермеров, землевладельцев регулярно снабжать рынки, в случае отказа — реквизировать зерно для продажи, если потребуется — обмолотить принадлежавший им урожай, находящийся в снопах.

Вместе с тем деревенская народная мысль более определенно, чем весной 1792 г., искала выхода из продовольственных трудностей на пути вмешательства не только в сферу обращения, но и в область земельных отношений. Вывод Я.М.Захера, что «плебейские массы объясняли... дороговизну исключительно одной лишь спекуляцией»¹⁴¹, кажется нам слишком категоричным даже по отношению к городским низам. В петициях, поступавших из деревень и небольших городов (не обязательно находившихся в районе восстаний), довольно часто ставились в причинную связь три явления: дороговизна, концентрация в немногих руках товарного урожая, концентрация землепользования. Естественным выводом было дробление последнего. Раздел общинных земель, дробление крупных ферм и установление максимума продовольственных цен оказывались элементами одной программы; чтобы увидеть это, достаточно вчитаться в петиции: хлеб дорог «потому, что фермеры стали слишком богаты; мы видим, как в кантоне весь продукт земли собран в руках 5—6 фермеров... они входят в стачку и устанавливают на него ту цену, которая может удовлетворить их ненасытную алчность... Так надо же определить цену на этот необходимейший товар. Надо сделать больше! Надо поделить земли; надо не разрешать впредь одному человеку обрабатывать свыше ста арпанов»¹⁴²; «Фермы начиная от 4 плугов и до 16 и 20... вредны для народа, так как, имея в своих руках, можно сказать, амбары целой провинции, они (т.е. фермеры. — А.А.) могут поднимать хлебные цены по своему усмотрению...»; необходимо ограничить размер ферм, поделить общинные земли, распродать мелкими участками национальные имущества¹⁴³; «Только крупные и богатые фермеры имеют большие хозяйства и становятся таким образом господами над жизнью большинства, сохраняя и скрывая свой урожай. Раздел этих хозяйств положил бы конец злоупотреблениям и предотвратил бы превращение пашни в пастбища...»¹⁴⁴

В департаменте Сена-и-Уаза оба вопроса — о хлебе и земле — встали одновременно во время собрания по выборам депутатов Конвента. После восстания 10 августа и отмены избирательного ценза крупные землевладельцы и «пахари» оказались на этом собрании в меньшинстве. 17 сентября Пьер Доливье, знаменитый кюре из Мошана, предложил потребовать от будущего Конвента установления твердой цены на зерно и его предложение было принято. Но тут же другой делегат внес два дополнения — ограничить размер ферм 100 арпанами и распродать участками по 15 арпанов церковные земли, а третий потребовал запретить объединение в одних руках нескольких ферм, поскольку это ведет к «дороговизне продовольствия, снижению заработной платы и благоприятствует коалиции собственников зерна»¹⁴⁵. В итоге вопросы о хлебе и земле оказались тесно связаны в известной петиции, представленной Ж.Гужоном от имени собрания выборщиков на заседании Конвента 19 ноября: «Установите максимум... Уничтожьте крупных фермеров, которые концентрируют в своих преступных руках значительные количества зерна. Установите, что никто не может брать в аренду свыше 120 арпанов... что земельный собственник может возделывать сам лишь одну ферму и обязан сдать в аренду остальные...»¹⁴⁶

Таким образом, поиски выхода из продовольственных трудностей, стремление лишить богатых хозяев и крупных землевладельцев монополии произвольно распоряжаться продуктами земли сыграли в эти месяцы большую роль в оживлении эгалитарных устремлений деревенского мелкого люда, способствовали активизации уравнительной мысли в разных ее вариантах.

* * *

Продовольственное движение осени и начала зимы 1792 г. стало самой крупной и наиболее организованной попыткой деревенского мелкого люда добиться регулирования торговли и строгого контроля над ценами. Оно отчасти совпало с движением в городах* и было наиболее результативным. Во время ноябрьского восстания таксаторы сумели во многих местах добиться твердых цен и официальной санкции на них. В Ле-Мане они вырвали у департаментской администрации формальное постановление, разосланное во все дистрикты; такса оставалась в силе до прибытия комиссаров Конвента. В Курвиле (департ. Эр-и-Луар) 6 тыс. восставших окружили прибывших в департамент депутатов Конвента и заставили их подписать таксу на хлеб, ячмень, свечи, мясо, полотно, обувь, железо.

Правда, движение в целом и на этот раз потерпело неудачу. Стоявшие у власти жирондисты, решительные противники всякого посягательства на свободу торговли и предпринимательства, чувствовали себя достаточно прочно. Августовско-сентябрьский политический кризис, связанный с внутренними потрясениями и вторжением интервентов, миновал; французские армии наступали, победа при Жемаппе отдала в их руки Бельгию.

Во второй половине ноября — начале декабря 1792 г. продовольственная проблема заняла важное место в работе Конвента. Виднейшие вожди Жиронды и Горы — от Ж.-М.Ролана, Ш.-Ж.Барбару, П.-В.Верньо до М.Робеспьера и Л.-А.Сен-Жюста — один за другим поднимались на трибуну с изложением своих принципов и предложений; о некоторых из этих выступлений Ж.Жорес подробно рассказал в своей «Социалистической истории Французской революции»¹⁴⁷. В речах монтаньяров, особенно Сен-Жюста (29 ноября) и Робеспьера (2 декабря), прозвучали серьезные сомнения в том, что политика экономического либерализма и теории физиократов являются подходящими средствами выхода из кризиса и ликвидации народной нищеты в чрезвычайных обстоятельствах революции и войны. В них была сформулирована мысль о праве индивида на существование как первичном естественном праве, которое превышает всех остальных, в том числе права собственности. Однако требования твердых цен не поддержал никто. Ораторы предложили лишь некоторые меры государственного вмешательства в торговлю, наказания скупщиков и укравателей хлебных запасов.

Никто не поддержал и восставших во имя максимума деревенских людей. Не возразили против посылки войск даже монтаньяры, включая Марата, который ограничился предложением (в заседании Конвента 30 ноября) поставить во главе их признанного патриота. Вооруженная сила была послана и к середине декабря навела в восставших департаментах «порядок». Еще раньше, 8 декабря, Конвент восстановил полную свободу хлебной торговли. Жирондисты торжествовали и ждали, что спонтанное действие свободной конкуренции выровняет цены и автоматически снимет проблему дороговизны. Как известно, этого не произошло и не могло произойти. Дороговизна продолжала нарастать, требование максимума становилось все более общим. В конце зимы и весной 1793 г. развернулось новое народное наступление.

Анатолий Васильевич АДО

КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1789-1794 гг.

* Отметим, в частности, что 28 ноября 1792 г., в разгар таксаторского восстания в области Бос и прилегающих районах, установления твердых цен на предметы первой необходимости потребовали явившиеся в Конвент представители парижских секций и Генеральный совет Коммун Парижа в полном составе.

На этот раз инициатива была у городских низов, прежде всего парижских. Мы располагаем лишь скудной информацией о положении дел в деревне. Очевидно, с конца зимы в классических районах продовольственного движения стало вновь усиливаться возмущение. 27 января прибывшая в Конвент депутация 38 коммун Вернонского дистрикта (департ. Эр) резко протестовала против свободы торговли, тон становился угрожающим¹⁴⁸. Организация такого коллективного протеста свидетельствовала о глубоком и массовом недовольстве. В марте и апреле волнения опять начались в департаменте Эна (в окрестностях Шато-Тьерри и некоторых деревнях Суассонне). 200 вооруженных крестьян потребовали 13 марта таксации на рынке в Феран-Тарденуа. С марта волнения возобновились также в департаментах Уаза, Сена-и-Уаза. В конце апреля — начале мая образовались «большие сборища разбойников» в дистриктах Руана, Гурне и Нефшателя (департ. Нижняя Сена). Они «врываюся в дома некоторых земледельцев и других граждан... захватывают силой зерно, муку... забирая это продовольствие за очень низкую цену и часто даже ничего не платя», — отмечалось в постановлении совета департамента¹⁴⁹.

Конечные результаты нового обострения социального кризиса, совпавшего с кризисом политическим и военным, известны. В апреле требование максимума приняли монтаньяры. 4 мая Конвенту пришлось дать ему законодательную санкцию, утвердив затон о «первом максимуме». Для нас важно лишь подчеркнуть, что в том совокупном народном давлении, которое вынудило в конце концов предпринять попытку государственного регулирования продовольственного рынка, есть немалая доля и усилий деревни. Символично, что в решающие дни конца апреля, когда Комитет земледелия в жарких спорах разрабатывал проект закона о максимуме, вместе с ним заседали представители не только парижских властей, но и сельских коммун Парижского департамента¹⁵⁰.

4. АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ЖИРОНДИСТСКИЙ КОНВЕНТ

Собравшийся 21 сентября 1792 г. Национальный конвент долго не обнаруживал желаний прислушаться к настойчивым требованиям крестьян. Пока жирондисты оставались в Конвенте, ни один серьезный шаг навстречу крестьянам в собственно аграрных делах не был сделан. И это вполне естественно. Отражая в этот критический момент революции заботы и тревоги всей крупнособственнической Франции, вожди Жиронды поставили свои незаурядные таланты, все свое искусство политиков, ораторов, публицистов на защиту абсолютной незыблемости частной собственности. «Аграрный закон» стал излюбленным объектом атаки, обвинения в его пропаганде постоянно раздавались в адрес демократов. Знаменитый декрет 18 марта 1793 г., установивший смертную казнь для того, кто «предложит аграрный закон или какой-либо другой, ниспровергающий земельную, торговую или промышленную собственность», отразил всю меру страха собственников перед грозно надвигавшимся натиском неимущих. Впрочем, не только жирондисты и люди из конвентского болота аплодировали жестокому решению 18 марта. Если верить протоколу, сигнал овации подала Гора, и лишь Марат ограничился репликой: «Не надо декретов, продиктованных вдохновением»¹⁵¹. Монтаньяры до конца останутся противниками земельного передела, «аграрного закона». Это не помешает им позднее пойти навстречу некоторым требованиям крестьянских низов, но вплоть до весны 1793 г. они обнаруживали очень мало интереса к аграрному вопросу — меньше, чем жирондисты.

Таким образом, как раз в то время, когда едва утвердившейся республике грозили изнутри и извне бесчисленные опасности, когда в стране резко обострились экономические трудности, большая масса сельского населения испытывала растущее недовольство. Тревожные симптомы обнаружили уже во время ноябрьского продовольственного восстания 1792 г. По своей политической направленности, насколько она выявилась в этом социальном движении, ноябрьское восстание шло в русле революции, оставалось патриотическим. Тем не менее таксаторы не останавливались перед насилием против депутатов Конвента, посланных для умиротворения. Они называли их аристократами и усыпителями. Участники восстания, писал депутат Ж.-Б. Биротто, «заявили нам, что мы все богатые, что Парижская палата (т.е. Конвент. — А.А.) является врагом народа, что она погубит Францию», что «они сами скоро будут делать законы»¹⁵². Весной 1793 г. эти настроения в народе усилились. А.Матьез обратил внимание на тревожные донесения комиссаров Конвента, направленных в провинции для проведения армейского набора в 300 тыс. человек. Комиссары сообщали о недовольстве и ропоте. «Настоятельно необходимо дать возможность жить беднякам, если вы хотите, чтобы они помогли вам закончить революцию», — убеждал один из них¹⁵³. Те же мотивы звучали в петициях и письмах о положении в деревне. Петиции явно давали понять властям, что надо уступать, если они хотят иметь поддержку «неимущего класса». «Покажите, наконец, бедняку, что вы занимаетесь им, — зывали к Конвенту жители коммуны Рю (департ. Сомма), — подумайте о том, что этот класс составляет большинство нации... Богатый может подождать. В нынешних обстоятельствах как никогда вы нуждаетесь в одобрении бедняка»¹⁵⁴. Местные власти тоже торопили с принятием решений — директории девяти департаментов и четырех дистриктов потребовали скорейшего раздела общинных земель,

ссылаясь на растущие беспорядки.

Дальнейшая оттяжка была чревата самыми серьезными последствиями. Она грозила новым взрывом крестьянского возмущения, «аграрных эксцессов». Но разочарование крестьян таило и другую опасность, которая стала особенно очевидна весной 1793 г., когда начался массовый набор в армию. В мае эмиссары Кобленца сделали попытку мятежа в департаменте Лозер, и в «христианскую армию юга» удалось вовлечь часть местных крестьян. На востоке и юге возникли многочисленные очаги сопротивления декретированному Конвентом армейскому набору. В целом это движение затронуло более трети департаментов. В марте восстала Вандея, волнения вспыхнули в части Бретани и Пуату. Вандейское восстание началось спонтанно, выдвинув сначала лидеров из крестьянской среды. Но вскоре политическое руководство им взяла в свои руки дворянско-клерикальная контрреволюция. В итоге последняя обрела то, чего ей до сих пор недоставало — массовую базу.

Стоявшие у власти жирондисты первыми осознали опасность. Поддержка деревень была тем более нужна Жиронде, что в борьбе с демократами она рассчитывала найти в крестьянстве противовес санкюлотскому и монтаньярскому Парижу. С января — февраля 1793 г. именно жирондисты обнаружили интерес к аграрной проблеме и выступили застрельщиками постановки ее в Конвенте. Выдвинутые ими предложения шли в целом в русле того очень умеренного и расплывчатого эгалитаризма, которого не были чужды идеологи и лидеры Жиронды¹⁵⁵. В своем министерском отчете 9 января 1793 г. к земельному вопросу обратился Ж.-М.Ролан. Он предложил продавать все национальные имущества мелкими участками (не свыше 6 арпанов), не отменяя, однако, торгов. Такая продажа, говорил Ролан, «поможет уничтожить возмутительное неравенство состояний»¹⁵⁶. В феврале поступило предложение Э.Клавиера поделить земли королевского домена и сдать их в аренду парцеллами. Умеренный депутат Пулен-Гранпре заявил 24 февраля, что «малоимущий класс деревень, лишенный работы, с нетерпением ожидает раздела общинных земель;», и призвал ускорить решение вопроса. Его энергично поддержал один из виднейших людей Жиронды — Ф.Бюзо¹⁵⁷. 18 марта вновь был поднят вопрос об успокоении деревень. Речь Б.Барера, близкого в то время к Жиронде, ярко отразила расчеты этой партии: «Враги стараются натравить часть граждан на собственников. Все ваши заботы должны... клониться к тому, чтобы умножить, насколько возможно, число собственников... Вы издали уже декрет о продаже мелкими участками эмигрантских земель, однако ничего не делается. Деревенские граждане ропщут... Раздробление этих земель необходимо и для прочности нового порядка вещей. Революция, упроченная интересом массы мелких собственников, будет непоколебима»¹⁵⁸. Таким образом, по крайней мере два важнейших вопроса, волновавших малоимущие слои крестьянства, — дробление национальных имуществ и раздел общинных земель — были подняты в первые месяцы 1793 г. именно Жирондой.

Однако Жиронда смогла лишь поставить проблему. Переход от декларации к принятию решений оказался для нее непосильным. Только частные вопросы были действительно доведены до конца*, решение остальных не вышло за рамки проектов 4 марта от имени Комитета по делам отчуждений Шарль Делакура доложил проект декрета о дроблении при продаже национальных имуществ. Составленный в духе предложений Ролана, он не предусматривал отмены торгов и не указывал предельного размера участков. Мало что давая бедноте, такой декрет мог привлечь средних крестьян. Конвент постановил отпечатать доклад Делакура, но прения по нему так и не состоялись. Несколько дальше продвинулось дело с разделом общинных земель 8 апреля в Конвент поступил проект декрета, принятый после долгой борьбы Комитетом земледелия. Его обсуждали 8, 9, 23 апреля, одобрили ряд статей, но затем отложили обсуждение в связи с упорной оппозицией разделу в Конвенте. До критических дней восстания 31 мая — 2 июня к нему так и не вернулись.

Неудача жирондистов не была случайной. Это был лишь один из аспектов провала их общей политической линии. Затормозив осенью дробление эмигрантских владений и раздел общинных земель, настояв на восстановлении полной свободы хлебной торговли, Жиронда твердо взяла курс на защиту интересов сельской буржуазии — своей естественной опоры в деревне. Увидев затем, что эта линия аграрной политики отталкивает от правящей партии малоимущих крестьян, Жиронда попыталась в начале 1793 г. исправить положение и верно определила основное направление, в котором надо было действовать, — решение земельной проблемы. Но оно требовало, помимо финансовых жертв со стороны государства в тон или иной мере ущемить интересы богатых крестьян и буржуазии; надо было преодолеть и сопротивление защитников их

* Декретом Конвента от 12 февраля 1793 г. были отменены судебные приговоры и прекращены судебные процессы по делам о восстаниях и иных проступках, связанных с бывшими феодальными повинностями и продовольственным вопросом. Под угрожающим давлением крестьян Версальского района Конвент разрешил 28 февраля ставить в аренду неводеланные земли гражданского листа, в частности уголья Версальского парка, участками по 2—4 арпана. 2 марта этот порядок был применен к неводеланным и не сданным еще в аренду землям эмигрантов.

интересов внутри Конвента*. Для этого у жирондистов не хватало ни решимости, ни энергии; попытка найти опору в сельской демократии для борьбы с демократией городской потерпела крах.

Победу одержал другой политический курс — курс на объединение широких слоев трудового населения в городе и в деревне на основе существенных уступок их социально-экономическим требованиям. Его сумели выработать якобинцы; началом явился известный апрельские поворот в их политике. Озабоченные прежде всего тем, чтобы укрепить свои позиции в среде парижских санкюлотов, якобинцы сосредоточили основное внимание на продовольственном вопросе. **Они пошли на сближение с секционным движением, приняли требование о введении твердых цен и 4 мая заставили Конвент декретировать «первый максимум».** Эта чрезвычайная мера была уступкой городским санкюлотам, но она явилась также ответом и на требования деревенских низов (напомним, что впервые вопрос о максимуме был четко поставлен в Конvente 19 ноября 1792 г. петицией избирательного собрания департамента Сена-и-Уаза, на котором главную роль играли представители именно сельских коммун). Но одновременно монтаньяры проявили интерес и к собственно аграрным проблемам. Е.Н.Петров пришел к выводу, что «поворот в политике якобинцев, происшедший в апреле, привел их впервые к формулировке некоторых общих положений и конкретных требований по аграрному вопросу, и у якобинцев появляется сформулированная в самом общем виде аграрная программа»¹⁵⁹. Это наблюдение кажется нам обоснованным. Действительно, в апреле, после длительного молчания, представители Горы заговорили в Конvente об аграрных делах, рассматривая их отчасти сквозь призму продовольственной проблемы 15 апреля эти вопросы поднял в своей речи А.-С.Буше: пусть Конвент, заявил он, занимается три дня в неделю выработкой конституции, «но посвятите три остальных дня вопросам, срочность которых не менее ощутима, то есть законам о разделе общинных земель, о запрещении торговли звонкой монетой». Буше предложил провести всеобщий учет зерновых запасов, принять меры к разделу крупных ферм, ускорить одобрение закона о разделе общинных земель 28 апреля, когда Конвент занимался максимумом, к земельному вопросу вернулся Л.Е.Бефруа. Он обрушился на «богатых владельцев 8, 10, 15 и 20 плугов», желающих «падения нового порядка», и потребовал в кратчайший срок, до 15 мая, издать закон о разделе невозделанных и общинных земель, чтобы они могли быть засеяны уже в текущем году. Бефруа высказался также за раздробление крупных хозяйств. Его мысли развил П.Пепен, депутат от департамента Эндр. Он предложил поделить между неимущими общинные земли и пустоши участками в 5, 10, 20, но не более 40 арпанов за 3-процентную ренту с правом выкупа в собственность, а самым бедным авансировать по две коровы и несколько голов мелкого скота, взяв их из живого инвентаря национальных имуществ. Пепен осудил концентрацию ферм, заявив, что крупные фермы стоят в агрикультурном отношении ниже мелких. В конце апреля, выступая при обсуждении закона о максимуме, П.-Н.Филиппо предложил, среди прочих мер, декретировать продажу земель эмигрантов мелкими участками¹⁶⁰.

Монтаньяры начали энергично действовать и в Комитете земледелия. Тот же Бефруа, активный член Комитета, взялся подготовить доклад в связи с петицией нескольких коммун департамента Жиронда, которые требовали упростить порядок возвращения крестьянам захваченных сеньорами общинных земель. В Комитете выступал Ж.-М.Купе, один из тех (не очень многочисленных) якобинцев, которым были хорошо знакомы и особенно близки вопросы сельского хозяйства и положения крестьянства¹⁶¹. 23 мая Купе зачитал на его заседании составленный им доклад о раздроблении крупных ферм.

Вся эта активность была явным признаком того, что деятели крайне левого фланга революционной буржуазии осознали, наконец, неотложность новых аграрных реформ¹⁶². Люди дела, они начнут проводить их в жизнь на другой же день после взятия власти, и это определит окончательное крушение Жиронды и крах «федералистского» мятежа.

* * *

Период между июлем — августом 1792 г. и новым политическим кризисом середины следующего года был временем важных сдвигов в развитии социальной борьбы во французской деревне. В эти месяцы ясно обозначилась смена основных проблем, стоявших в аграрных выступлениях на первом плане, усилилось размежевание внутри более или менее единого в первые годы революции массового движения в деревне на почве аграрных требований. Наконец, именно в этот период, особенно с весны 1793 г., стало очевидно, что часть крестьянства, разочарованная аграрной политикой стоявшей у власти буржуазии, стала отходить от революции, а в некоторых районах и прямо выступила против нее.

* Оно сразу же обнаружилось, например, как только был поставлен на обсуждение декрет о раздел общинных земель «Защитники материальных интересов сельской буржуазии, — отмечал Е.Н.Петров, — не пожелали уступить высшим политическим видам буржуазных идеологов и усомнились в действительности раздела общинных земель как средства успокоения умов». (Петров Е.Н. Борьба за общинные земли и декрет Конвента 10 июня 1793 г. // Учен.зап.ЛГУ. Сер.истор. 1940. Вып.6. № 52. С.185.)

В июле—октябре 1792 г. в деревне развернулись события, которые можно расценить как последнюю крупную вспышку «войны против замков». Здесь и там она давала о себе знать в течение следующего года. Но никогда уже в истории Франции она не повторится в прежних масштабах. К осени 1792 г. «жакерия» в значительной мере сделала свое дело. Августовское аграрное законодательство (декреты 16, 20—22, 25—28 августа) опрокинуло, наконец, попытку компромисса с сеньориальным строем. Оно провозгласило крестьянское держание свободной собственностью, а феодальные повинности — результатом узурпации, «злоупотребления феодальным могуществом». Правда, все практические выводы из этого принципиального положения не были сделаны решительно и до конца. Бывшие сеньоры еще сохраняли возможность добиться признания «реальных» феодальных повинностей простой поземельной рентой, подлежащей выкупу, доказав подлинным документом ее происхождение от совершенной некогда действительной уступки земли. Поэтому вопрос о полном уничтожении феодально-сеньориального строя еще сохранял существенное место в заботах деревни. Он утратил, однако, значение центральной проблемы, способной вызвать массовое движение прежнего масштаба. Вместе с этим исчерпывал себя и революционный потенциал собственнических верхов крестьянства.

Все более настоятельно вставали другие проблемы аграрного движения. Но они уже не столько объединяли, сколько разъединяли крестьянство. Это был прежде всего вопрос о земле. К середине 1792 г. уравнительные притязания крестьян уже приобрели силу общественного воздействия, достаточную, чтобы заставить правящие круги принимать их в расчет. Свидетельство тому — декреты Законодательного собрания от 14 августа 1792 г. о разделе общинных и дроблении эмигрантских земель, вскоре же, однако, фактически отмененные. В дальнейшем уравнительные требования становились все настойчивее. Не случайно, что, когда в первой половине 1793 г. жирондисты и якобинцы были вынуждены прислушаться к требованиям деревни, они стали думать именно о том, чтобы открыть для неимущих и малоимущих крестьян тот или иной доступ к земле.

Земельные пожелания крестьян не были одинаково радикальны и не отлились в какой-то один обобщающий лозунг. Значительная часть средних крестьян могла бы удовлетвориться льготным отчуждением земель национального фонда, подворным разделом общинных земель, умеренным дроблением крупных ферм. Более радикальные требования вызревали в среде сельской бедноты. В документах, исходивших непосредственно от крестьян, не было прямого требования конфискации и передела всего крупного (или только дворянского землевладения). Но глубокая их враждебность крупной земельной собственности обнаруживалась все резче, как и стремление к тому или иному переустройству землевладения и особенно землепользования на уравнительных началах. На этой социальной почве возникали и выдвигавшиеся образованными защитниками сельской бедноты (такими, как Пьер Доливье или «красный юре» Пти-Жан) идеи крайнего уравнительства, «аграрного закона».

В эти же критические месяцы все большее значение приобретал продовольственный вопрос. Если последняя крупная вспышка «войны против замков» в конце лета — начале осени 1792 г. далеко уступала по размаху «жакерии» предыдущих лет, то последовавшие за ней в октябре — декабре продовольственные восстания (охватившие в той или иной мере департаменты Нижняя Сена, Сена-и-Уаза, Сарта, Эр-и-Луара, Ори, Луар-и-Шер, Эндр-и-Луара, Эндр, Луаре, Вьенна, Верхняя Вьенна) были, напротив, самым крупным выступлением такого рода за все время революции. Объединяясь вокруг традиционной программы регламентации торговли и установления твердых максимальных цен, продовольственное движение усиливало в то же время и уравнительные устремления деревенских низов.

Таким образом, энергия общественного давления французской деревни направлялась теперь по новым руслам, и это выдвинуло сложные проблемы перед буржуазным руководством революции и страны. Оставить без внимания возросшие притязания крестьян? Но куда приведет несмягченная уступками неудовлетворенность разбуженного революцией озлобленного мужика? И как обойтись без его поддержки в борьбе с антифранцузской коалицией европейских держав и с враждебными революции силами внутри страны? Не перехватят ли последние политическое руководство недовольным крестьянином, чтобы направить его против богатого буржуа и против самой революции? Пример Вандеи был красноречив, а донесения с мест полны тревоги. Пойти навстречу крестьянам, придав их требованиям силу закона? О необходимости уступок уравнительному движению уже в начале 1793 г. стали думать находившиеся у власти жирондисты. Но на это трудно было решиться, ибо как никогда ранее заострился вопрос о непосредственных интересах буржуазии. Даже относительно умеренные уравнительные требования, нашедшие наиболее широкое отражение в крестьянских петициях, нельзя было осуществить, не подвергая серьезным потерям тех, кто жадно скупал крупными именьями землю национального фонда, кто давно уже фактически завладел общинными землями, кто концентрировал в своих руках предпринимательскую или посредническую аренду. В целом не только санкюлотское, но и крестьянское движение этих месяцев жестко поставило вопрос о необходимости серьезных

материальных жертв и принципиальных уступок со стороны буржуазии как неременном условии дальнейшего единства действий. Только таким образом мог теперь сработать механизм поступательного развития революции. Этого рубежа не смогли преодолеть жирондисты, отразив интерес всей крупнособственнической Франции. Отчасти его смогли переступить якобинцы, и это обеспечило им поддержку основной массы крестьянства в рамках сложившегося блока и восторжествовавшего летом 1793 г. антижирондистского блока общественных сил.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ЯКОБИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Парижским восстанием 31 мая — 2 июня от руководства революцией была оттеснена последняя фракция либеральной крупной буржуазии. Власть перешла к «якобинской» буржуазии, в рядах которой мелкая и средняя буржуазия играла доминирующую роль. К осени 1793 г. основные рычаги власти сконцентрировались в руках представителей ее наиболее революционного крыла, которое смело шло на блок с широкими массами трудящихся низов города и деревни и опиралось на их поддержку.

Не претендуя на решение общих проблем истории якобинской диктатуры, мы остановимся на важнейших вопросах аграрного движения в этот критический период, завершивший восходящее развитие Великой французской революции.

1. ЛЕТНИЕ АГРАРНЫЕ ЗАКОНЫ 1793 г.

2 июня 1793 г. из Конвента были изгнаны вожди Жиронды, а на следующий день на первом его заседании в новом составе были поставлены сразу три вопроса, относившиеся к аграрным делам, — о продаже эмигрантских имуществ, разделе общинных земель и сожжении феодальных титулов. В высшей степени характерна проявленная Конвентом поспешность! Проявилась одна из закономерностей революции — начиная с лета 1789 г. каждая партия, бравшая в свои руки власть, прежде всего была озабочена тем, чтобы обеспечить себе поддержку крестьян (август 1789, август 1792, июнь — июль 1793 г.). Характерно и другое: решив пойти навстречу крестьянам, монтаньяры «вместо того чтобы в первую очередь повести борьбу с остатками феодальных прав... стали — и это знаменательный факт! — издавать декреты, которые должны были открыть доступ к собственности наиболее обездоленным крестьянам»¹.

Декрет 3 июня 1793 г., а затем большой закон 25 июля* решили, наконец, вопрос об отчуждении эмигрантских владений. На то, чтобы полностью повторить радикальное постановление от 14 августа 1792 г., монтаньяры не пошли. За основу были взяты некоторые статьи отложенного Конвентом декрета 2 сентября 1792 г. и проект, внесенный Ш.Делакура 4 марта 1793 г. Эмигрантские земли должны были продаваться с торгов, а не сдаваться за ренту небольшими участками. Но все же новые законы имели уравнительную тенденцию. При продаже крупных владений полагалось «возможно больше дробить их на делянки или мелкие участки, поскольку это не ведет к порче хозяйственных единиц»². Вводилась 10-летняя рассрочка покупных платежей. Если купленные земли были заняты арендатором, покупатель, в том числе и мелких участков, имел право расторгнуть аренду. Часть земель назначалась и для прямой раздачи бедноте глава семьи, лишенный земельной собственности, мог рассчитывать на получение одного арпана за уплату 5-процентной годовой ренты с правом выкупа участка в 10 равных взносов.

Однако на арпан вправе были претендовать только полностью безземельные, и только в коммунах, где не было общинных земель. Декрет не определил точно порядка выделения и раздела участков 13 сентября статью об одном арпане вообще отменили. Теперь бедняки (полностью безземельные, не платившие по бедности налогов и жившие в коммунах, лишенных общинных земель) могли получить лишь бон в 500 ливров, с которым имели право попытаться счастья на торгах по продаже эмигрантских земель.

Ближе к нуждам малоимущих крестьян был закон об общинных землях, принятый 10 июня 1793 г. В основу его лег проект, принятой отчасти жирондистским Конвентом. Но первоначальный вариант был сильно изменен, некоторые одобренные раньше статьи пересмотрены. Закон со всей определенностью утвердил безусловное право собственности сельских общин на их земли. Знаменитая статья 1 раздела IV установила земли, «известные во всей республике под разными наименованиями пустопорожных земель, пустошей, песчаников, выгонов, пастбищ, мест, поросших вереском и утесником, общинных лесов, болот, топей, трясин, гор — и всякими другими названиями, по самой своей природе принадлежат совокупности жителей или членов коммуны, или же части коммуны, на территории которой общинные имущества расположены». Права и притязания бывших сеньоров аннулировались. Присвоенные ими участки общинных земель могли

* Закон 25 июля 1793 г представлял собой кодификацию всего законодательства об управлении национальными имуществами и порядке их отчуждения. Раздел IV части II закона был посвящен эмигрантским имуществам.

быть сохранены лишь при условии, если будет доказано подлинным документом, что эти участки законно куплены, а не захвачены на основе феодального права. Закон задевал также и интересы третьих лиц, которые приобрели у бывших сеньоров захваченные ими общинные земли. Он охранял только те их владения, которые имели срок давности в 40 лет, считая от 4 августа 1789 г. Все остальные могли быть (с рядом ограничений) пересмотрены. Таким образом, декрет означал не только частичную экспроприацию бывших сеньоров. Не останавливаясь перед явным посягательством на незыблемость частноправовых сделок о передаче недвижимости, он ставил под вопрос часть земельных приобретений городской и сельской буржуазии, совершенных в пору интенсивных аграрных сдвигов второй половины века. В основном эта часть нового закона отвечала интересам всего крестьянства. Но широкие возможности вернуть утраченные земли, которыми располагала теперь община, могли затронуть интересы и богатых «собирателей земель» из крестьянской среды.

В уравнительном духе, с явным поворотом в сторону бедняка был решен острейший вопрос о разделе. Если за раздел голосовала 1/3 жителей коммуны, достигших 20 лет, он становился обязательным. Право на равную делянку имели все жители независимо от пола и возраста, включая сельских рабочих, проживших в коммуне один год с 14 августа 1792 г. Делянки поступали в собственность и не подлежали отчуждению в течение 10 лет. Правда, закон не перешагнул рамок формального равенства. Не прошло предложение делить землю обратно пропорционально собственности, никаким образом (субсидией, предоставлением инвентаря и т.п.) не облегчались бедняку трудности хозяйственного обзаведения. И все же прав Е.Н.Петров: «Из всех декретов, изданных в первые месяцы якобинской диктатуры по вопросам аграрным и крестьянским, декрет об общинных землях в наибольшей степени сочетал демократичность основных положений со стремлением повлиять на жизненные условия низов сельских масс»³. Не случайно термидорианцы объявили декрет 10 июня попыткой «аграрного закона», назвали его «гибельным и грабительским».

Знаменитый декрет о полной отмене феодальных повинностей был принят позднее — 17 июля 1793 г. — и является одним из славнейших памятников французской революционной истории. Суть его резюмируется в двух первых статьях «Статья 1. Все бывшие сеньориальные платежи, цензуальные и феодальные повинности, как постоянные, так и случайные, даже сохраненные декретом 25 августа, отменяются без вознаграждения. Статья 2. Из действия предыдущей статьи исключаются чисто поземельные ренты и платежи, не имеющие феодального характера». Все феодальные титулы подлежали сожжению, хранение их каралось заключением в каторжной тюрьме*. Это был радикальный буржуазно-демократический декрет. Он завершил конституирование буржуазной поземельной собственности, уничтожив последние остатки чисто феодальных поземельных связей. Несомненно, закон 17 июля являлся общекрестьянской победой, которая отвечала интересам прежде всего самостоятельных крестьян-собственников. Крестьянская парцелла получила свое правовое завершение.

В целом летние аграрные законы 1793 г. были наивысшим завоеванием революции в решении аграрно-крестьянской проблемы. Именно они обеспечили достижение результата, получившего высокую оценку В.И.Ленина: «Действительно революционная расправа с отжившим феодализмом, переход всей страны, и притом с быстротой, решительностью, энергией, беззаветностью поистине революционно-демократическими, к более высокому способу производства, к свободному крестьянскому землевладению — вот те материальные экономические условия, которые с "чудесной" быстротой спасли Францию, переродив, обновив ее хозяйственную основу»⁴.

Однако принятием этих законов аграрно-крестьянский вопрос, как он стоял на повестке дня к началу II г. Республики, не был исчерпан до конца. Во-первых, законы надо было еще провести в жизнь. Учитывая, какие влиятельные слои были задеты, якобинцы ожидали явного и скрытого противодействия и постарались заранее его парализовать. Исполнение закона 17 июля Конвент возложил прямо на низовые ячейки власти — муниципалитеты, минуя все промежуточные административные звенья. **Статья 12 гласила: «Министру внутренних дел поручается разослать настоящий декрет непосредственно муниципалитетам, а на эти последние возлагается обязанность его выполнения без посредства административных учреждений».** Эта статья отсутствовала в первоначальном проекте и была добавлена, очевидно, Ж.-Н.Бийо-Варенном — сохранившийся в Национальном архиве небольшой листок с текстом статьи написан его рукой⁵. 8 августа Конвент обязал министра внутренних дел «точнейшим образом проследить» за быстрой публикацией на местах декретов 10 июня и 17 июля и пригрозил

* В ходе исполнения этого предписания закона возникли трудности, связанные с тем, что многие нотариальные и иные документы носили «смешанный» характер, т.е. содержали не только акты, относившиеся к феодальным повинностям, но и записи обычных земельных приобретений, сдачи в аренду и т.д. Поэтому в конце января 1794 г. (8 пловиоза II года Республики) Конвент временно приостановил сожжение «феодальных титулов» впредь до нового указания, которое так и не было дано.

немедленным смещением всем должностным лицам, которые проявят в этом деле небрежность. Закон о продаже эмигрантских владений предусматривал, что в случае, если прокурор-синдик дистрикта откажется приступить по требованию граждан к разделу и распродаже земель эмигрантов, эту операцию должны осуществить (за счет виновного прокурора-синдика) специальные комиссары, назначенные администрацией департамента. Во-вторых, якобинские законы даже при условии точного их исполнения не снимали острейшего вопроса о земле. Возвращение и раздел общинного фонда, уступки в области распродажи эмигрантских владений не могли вполне удовлетворить земельных требований малоимущего и неимущего крестьянства.

Таков созданный аграрным законодательством лета 1793 г. исходный пункт дальнейшего развития классовой борьбы в деревне вокруг аграрного вопроса, которая шла на протяжении всего периода якобинской республики.

2. ВОПРОС о ПОЛНОМ УНИЧТОЖЕНИИ ФЕОДАЛЬНЫХ ПОВИННОСТЕЙ

Когда стал известен в деревнях, стал применяться, вошел в судебную практику закон о полной отмене феодальных повинностей? Насколько полно, в точном ли соответствии с духом и буквой он был проведен в жизнь? Исчерпывающий ответ на эти вопросы все еще требует специальных изысканий в местных архивах.

Далеко не всюду непосредственно после принятия закона 17 июля местные власти осознали всю его революционную последовательность и начали точно проводить в жизнь. Очевидно, на их позиции сказывалось и то, что новый закон прямо задевал интересы некоторых слоев буржуазии. Кое-где даже лица, обязанные уплачивать и выкупать феодальные повинности, не сразу восприняли радикальный смысл закона. В дистрикте Арбуа (департ. Ду) выкупные суммы вносились даже в январе 1794 г., в департаменте Нижняя Шаранта — в сентябре 1793 г., в Жиронде закон начал входить в силу в конце сентября — начале октября⁶. Однако во многих деревнях о законе 17 июля знали уже в августе и стали его применять. Крестьяне прекращали платежи, муниципалитеты собирали и готовили к сожжению феодальные документы. Первые публичные аутодафе имели место 10 августа (и даже раньше); они продолжались в сентябре, стали особенно многочисленными в октябре — ноябре 1793 г. Так, в дистрикте Алансона было 12 таких церемоний, из них в августе — 1, октябре — 6, ноябре — 2, декабре — 2, в январе 1794 г. — 1⁷. Вместе с титулами сжигались другие феодальные символы, грамоты дворянского достоинства и т.п. Нередко жители разводили огонь у подножия «дерева свободы», украшенного патриотическими эмблемами. Сохранились многочисленные протоколы таких многолюдных церемоний. В коммуне Сальвьак (департ. Ло) бумаги были сожжены возле «дерева свободы» с надписью: «На этом месте 1 ноября II года Французской Республики, единой и неделимой, народ освободился от рент и всех феодальных повинностей, предав огню узурпаторские и тиранические акты бывших сеньоров»⁸. 30 брюмера II г. Республики* та же участь постигла феодальные титулы в г. Конфолан (департ. Шаранта); «...все эти гнусные атрибуты, — повествует протокол муниципалитета, — были доставлены на площадь коммуны и свалены возле чучела... облаченного в костюм, который бесстыдно носили бывшие сеньоры»; костер запылал, народ запел Марсельезу, зазвучали крики: "Да здравствует республика!", "Да здравствует Гора!", «национальная гвардия дала залп по этому отвратительному символу», и «этот акт искупления продолжался в течение двух часов»⁹. Содержание этого и многих ему подобных протоколов несомненно отражало настроения в крестьянской среде, чувство торжества по поводу решительной победы, одержанной, наконец, над феодальным порядком. То, что было недавно правонарушением, актом «жакерии», совершалось теперь публично и в силу закона, иногда при участии командированных в департаменты членов Конвента. Так, 30 брюмера II г. депутаты Кавеньяк и Дартигойт организовали праздник Разума в г. Ош (департ. Жер). На площади был разложен громадный костер, в котором наряду с мощами и деревянными статуями святых и иными предметами культа горели также феодальные титулы бывших сеньоров. «Всю ночь, — доносили депутаты, — продолжалась карманьола вокруг этого философского костра, истребившего сразу столько заблуждений»¹⁰. Глубокое удовлетворение крестьян радикальным декретом о сожжении феодальных документов сеньоров отразилось в письме народного общества коммуны Шамбон (департ. Луаре), посланном в Конвент 5 вантоза II г. «Граждане представители, — говорилось в письме, — вы полностью сокрушили здание феодализма, приказав вашим июльским декретом, чтобы все феодальные титулы были сожжены. Этот декрет наполнил радостью сердца деревенских жителей, так как он уничтожил бремя, которое бесконечно отягощало нашу собственность»¹¹.

Анатолий Васильевич АДО

КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1789-1794 гг.

* Таблицу, указывающую соотношение дат республиканского и грегорианского календарей, см. на с. 434—435.

И все-таки, как верно отметил советский исследователь, «издание декрета 17 июля отнюдь не завершило борьбу за окончательное уничтожение феодализма. Эта борьба, потребовавшая больших усилий, еще не освещена в историографии Французской революции»¹². Движение крестьян за окончательное уничтожение феодальных прав не принимало теперь таких массовых и насильственных форм, как в 1789—1792 гг. Эпизодические походы против замков и феодальных титулов можно отметить здесь и там весной и даже летом 1793 г. В дальнейшем они прекратились. Отныне крестьяне имели на своей стороне закон и добивались его строгого проведения в жизнь. В частности, они упорно настаивали на сожжении феодальных документов. Там, где оно по тем или иным причинам задерживалось, они жаловались, хлопотали, требовали уничтожения бумаг. В материалах Законодательного комитета есть несколько характерных петиций. «У нас нет и вершка земли, — писала 3 жерминаля коммуна Паван (департ.Эна), — который не был бы обременен цензом, сверхцензом, повинностями в виде кур, каплунов, вина и другими сеньориальными правами, и все это записано в терье и в декларациях, которые были навязаны нашим отцам... и еще мы, батраки и виноградари, обрабатывающие землю с утра и до вечера, были обязаны двумя днями барщины в год». Жители коммуны еще не смогли заполучить и сжечь титулы, но они развили бурную деятельность — послали несколько петиций в дистрикт, отправили депутацию к командированному в департамент члену Конверта (им был известный монтаньяр Ж.Изоре, один из инициаторов закона 17 июля), наконец, написали в Конвент¹³. Муниципалитет коммуны Вальборнь-дю-Гар (департ.Гар) прислал еще более настоятельное требование: «Вы уничтожили феодализм вплоть до его внешних знаков. Но надо окончательно вымести малейшие остатки этой тирании, чтобы не осталось никаких ее следов, а для этого необходим новый декрет». Авторы петиции позаботились приложить проект декрета, предлагавший в течение восьми дней собрать и сжечь все уцелевшие титулы, в течение следующих восьми дней провести обыски у всех частных лиц. «Те, у кого будут найдены феодальные титулы, — говорилось в проекте, — будут осуждены к 5-летнему заключению в оковах»¹⁴.

Но наряду с этой борьбой крестьян за точное исполнение закона сразу же обнаружилось стремление влиятельных в местной администрации (отчасти и в центре) кругов затормозить и прямо сорвать его проведение в жизнь. Какие же социальные силы действовали в этом направлении? Ответить на поставленный вопрос можно, определив, кто оказывался в числе жертв совершенной якобинским законом экспроприации части поземельных доходов. В нашей литературе высказывалось мнение, что это были лишь бывшие дворяне, сеньоры¹⁵. В действительности дело обстояло значительно сложнее, и косвенным свидетельством этого является неприязнь к закону 17 июля не только деятелей термидорианской реакции¹⁶, но и некоторых буржуазных историков, в том числе таких, как умеренно либеральный Ф.Саньяк, утверждавший: «Несправедливость была вопиющая... Это было самое несправедливое ограбление за все время революции»¹⁷. М.Гаро, автор последней сводной работы об аграрном законодательстве революции, пишет: этот закон «вызвал осуждение многих историков. Я готов согласиться с этим приговором, хотя я не откажу, со своей стороны, революционному законодателю в праве на смягчающие обстоятельства, так как нельзя терять из виду драматические условия, в которых был вотирован закон 17 июля»¹⁸. Но признание смягчающих обстоятельств не есть реабилитация; в глазах историка Конвент все-таки остается виновным. **Причина неприязни указанных авторов к знаменитому закону состоит в том, что, отменив безвозмездно все феодальные ренты, в том числе созданные в результате действительной передачи земли, Конвент посягнул не только на интересы бывших дворян и сеньоров, но и на буржуазно-собственническое правосознание вообще, на интересы старой буржуазии, связанной с землевладением, в частности.**

Суть дела в следующем. Статья 1 закона 17 июля отменяла безвозмездно «все бывшие сеньориальные платежи, цензуальные и феодальные повинности, как постоянные, так и случайные»; статья 2 сохраняла «чисто поземельные ренты и платежи, не имеющие феодального характера». Но как различить в пестрой массе различных платежей, обременявших французскую землю, ренты «феодальные» и «чисто поземельные»? Вопрос имел кардинальное значение. Вплоть до конца старого порядка была широко распространена практика передачи недвижимости в вечнонаследственное владение или аренду за годовую ренту, вносившуюся иногда деньгами, но чаще долей урожая — 1/4, 1/3, даже 1/2. А так как сеньориальные связи пронизывали всю систему поземельных отношений и обладание цензом (речь идет о названии основного сеньориального платежа — *seign*) само по себе давало некоторый социальный престиж, множество буржуазно-землевладельцев при заключении подобных договоров добавляли к основной сумме ренты ничтожный по размеру символический ценз, обычно сопровождавшийся случайными повинностями (*lods et ventes*). Пространная записка судьи в трибунале дистрикта Кюссе (департ.Сона-и-Луара) от 3 фримера II г. содержит пример такого типа вечной или очень долгосрочной аренды. Его отцом 60—80 лет назад были куплены большие земельные владения. В то время, сообщает судья, земли в этой части Бургундии не имели большой ценности «и каждый искал способ извлечь из них доход. Для этого мой отец сдал в вечную аренду (*a bail emphyteotique*) строения, обширные имения и

некоторое количество лугов за годовую ренту... с добавлением ценза, случайных повинностей и права изъятия в случае неуплаты (*cens, lod, vente et retenue...*)»; независимо от этого съемщики обязаны были платить с этих земель 40 су ценза в пользу бывшего сеньора; «многие другие собственники, которые никогда не обладали никаким фьефом, сдали свои земли подобным же образом»¹⁹. По своей экономической сути такого рода ренты, как справедливо отмечает современный французский ученый К. Женден²⁰, фактически не отличались от отмененных законом 17 июля феодальных (сеньориальных) платежей. Однако, поскольку получатели их не были сеньорами, не имели фьефов, юридическая теория и практика считала, что эти «поземельные» ренты принципиально отличаются от «феодальных» и не могут быть затронуты отменой последних.

Естественно, что после принятия декрета 17 июля встал вопрос, как быть с этими и им подобными рентами? Ответ зависел от того, какой критерий изберет законодатель при проведении грани между сеньориальными, феодальными (подлежащими отмене) рентами и поземельными (сохраненными). Текст декрета открывал возможность для разных толкований. Между тем требовался ясный и категорический ответ. Понятно, что якобинские законодатели не располагали научным экономическим критерием для определения того, что следует отнести в сферу «феодального». Они должны были исходить из правовых представлений своего времени, согласно которым данная категория рент объявлялась не «феодальной», а «поземельной». И замечательной революционной смелостью Конвента явился его резкий разрыв с этой традицией. 29 флореаля II г. (18 мая 1794 г.) он окончательно истолковал закон 17 июля следующим образом. «Всякая повинность или рента, запятнанная при своем установлении малейшим признаком феодализма (*de la plus legera marque de feodalite*), отменена без вознаграждения, каково бы ни было ее наименование». Якобинский Конвент отказался вникать в юридические тонкости, он разом отменил все — и саму ренту, и добавления к ней. Простое употребление феодальных терминов в тексте договора автоматически уничтожало весь договор. Таким образом, в законодательном определении сферы «феодального» Конвент наиболее полно охватил всю сумму тех отношений в аграрном строе, которые являлись феодальными не только по своей юридической природе, будучи следствием сеньории, но и по своей экономической сущности, даже если с точки зрения строго правовой они выступали как результат обычного договора, лишь «запятнанного» феодальной терминологией. Но тем самым он подверг частичной экспроприации целый слой старой буржуазии (не говоря уж о буржуа, купивших сеньории или отдельные феодальные повинности).

Буржуа, владевшие рентами, негодовали, изумлялись, посылали петиции и запросы. Приведем несколько отрывков, проясняющих, о каких экономических интересах шла речь. «Собственники бывшей провинции Бургундия, — писал 2 фримера II г. прокурор-синдик дистрикта Бельвю-ле-Бэн (департ. Сона-и-Луара), — имели обыкновение и право отчуждать земельные имущества за уплату повинностей, включающих случайные права и род ценза в тех случаях, когда эти земли не были обременены цензом в пользу их бывших сеньоров... И сегодня эти частные лица, которые сами никогда не были сеньорами, не могут поверить, что они попадают под действие закона...»²¹ Петиция из того же района, составленная 24 фримера II г. муниципалитетом коммуны Грюри, говорит об аналогичной системе в несколько ином варианте: «В бывшей провинции Бургундия частные лица, не сеньоры, имели обыкновение... отчуждая свои земельные владения, оговаривать уплату себе рент и ценза со случайными повинностями, даже когда эти земли были уже обложены рентами в пользу бывших сеньоров... Эти частные лица, не сеньоры, не могут считать свои ренты феодальными, ведь они не имеют ни фьефов, ни сеньорий...»²² Сходная проблема волновала «собственников-санкюлотов» Бурбонне — они сдали свои земли, обремененные цензом в пользу бывших сеньоров, в вечную аренду «различным частным лицам, которые обязались засадить их виноградниками с условием ежегодной уплаты половины, трети или четверти урожая, а также пяти су ценза». Авторы петиции спрашивали, влечет ли включение в договор слов «5 су ценза» отмену платежа в 1/4, 1/3, 1/5 часть урожая или же они должны лишиться только годового ценза в 5 су?²³ Во всех этих случаях закон 17 июля в интерпретации якобинского Конвента был на стороне крестьянина-земледельца; «собственники-санкюлоты» дистрикта Кюссе должны были лишиться всех своих рент. Больше того, точное применение закона 17 июля могло привести к отмене и рент срочных держателей. В некоторых винодельческих местностях передавали землю на 25, 29, 99 лет, сопровождая основную ренту из доли продукта небольшим цензом²⁴. 28 сентября 1794 г. администрация Луанского дистрикта (департ. Сона-и-Луара) послала в Конвент запрос, как быть с этими арендами. Ответ Законодательного комитета, датированный 7 вандемьера III г., не оставлял сомнений — держатели будут пользоваться своими участками, ничего не платя в течение всего срока аренды²⁵. Все сказанное делает понятным, почему буквально в первые недели после принятия декрета 17 июля начали предприниматься попытки смягчить суровость нанесенного Конвентом удара.

Во-первых, буржуа, владевшие рентами, стремились добиться законодательного смягчения или ограничительного истолкования закона. Главная их цель состояла в том, чтобы максимально сузить понятие «феодалного» (подлежавшего отмене) и, напротив, всячески расширить понятие «поземельного» (сохранявшегося с возможностью выкупа). Практически это означало, что в договорах о передаче земли, носивших смешанный характер (т.е. содержавших поземельные платежи за уступку земли, фиксированные или из доли урожая, и наряду с ними ценз и случайные повинности), должна была быть сохранена основная, первая, часть и отменены лишь носившие сеньориальную фирму добавления.

Защитником этой линии в Конвенте выступил Законодательный комитет. Уже 7 сентября 1793 г. вместе с представителями Комитета доменов он попытался дать закону 17 июля резко ограничительное толкование: «Желая искоренить на территории Республики последние следы феодализма... Конвент не имел в виду нанести ущерб собственности на поземельные ренты и платежи, установленные первоначальными документами в пользу французских граждан, которые были бывшими сеньорами или их представляют; следовательно, эти ренты и платежи будут уплачиваться до выкупа в соответствии с порядком, установленным предыдущими законами, как чисто поземельные ренты и платежи, каково бы ни было их первоначальное качество»²⁶. 2 октября Комитет внес в Конвент составленный в этом духе проект декрета. Замысел не удался, проект не прошел. В феврале с новой инициативой выступило Управление регистрации и доменов (точнее, его отделение в департаменте Сена-и-Уаза), ведавшее взиманием феодальных повинностей в пользу нации. Оно предложило Законодательному комитету рассмотреть конкретный случай и решить, следует ли получить выкуп «за ренту в 36 сетье пшеницы, квалифицированную как поземельная и сеньориальная первоначальным документом о сдаче владения, причем в документе оговорен также ценз и связанные с ним случайные повинности». Пример целиком подпадал под действие закона 17 июля и особенно декрета 2 октября 1793 г. Тем не менее Законодательный комитет адресовался в Конвент и опять безуспешно²⁷. 29 флореаля II г. в связи с запросом трибунала дистрикта Понтриё (департ.Кот-дю-Нор) Законодательный комитет поставил перед Конвентом ту же проблему. Конвент оставался непреклонен²⁸. Прошел всего лишь месяц, и противники закона возобновили усилия. 30 прериаля Законодательный комитет направил Конвенту письмо — подлинный обвинительный акт против закона 17 июля, который был объявлен «антидемократическим», «наносящим ущерб нации», «задевающим права собственности»²⁹. Письмо ссылалось на интересы нации: Республика замещает теперь 3/4 бывших сеньоров, в результате закона она «потеряла, быть может, миллиард ливров». Но в особенности оно брало под защиту собственников уничтоженных рент, не являвшихся бывшими сеньорами, и именно здесь была скрыта классовая суть неутомимых попыток пересмотреть закон 17 июля. К защите того же слоя буржуа клонился представленный Комитетом новый проект декрета, предлагавший сохранить, во-первых, все поземельные (т.е. не носившие сеньориальных наименований) ренты, в чьих бы руках они ни находились, во-вторых, цензы и случайные повинности, «установленные в пользу граждан несеньоров». Все было тщетно; Конвент отвергал нападки на закон 17 июля.

В итоге у его противников оставался единственный путь — смягчить суровость закона практикой ограничительного применения его основных положений в судах при разборе многочисленных конфликтов. Но эта консервативная тенденция восторжествовала и дала ощутимые результаты главным образом со времени Директории. В период якобинского правления она отчасти еще не успела оформиться, а главное, она не сулила серьезного успеха в общественно-политической атмосфере этих критических месяцев.

Коротко обрисую некоторые черты этой атмосферы, чтобы яснее стали масштабы крестьянской победы и причины неудачи всех атак на закон 17 июля. «II год Французской Республики, единой и неделимой», был поистине годом торжества общекрестьянской «жакерии» против сеньориального строя. Эта победа отразилась и в декретировании закона 17 июля, «закона гнева» («la loi de colere»), и в том, что все, напоминавшее феодально-сеньориальный порядок, было беспощадно осуждено не только крестьянским, но и официальным общественным мнением. Бывшего сеньора Гектора де Гаргана арестовали во II г. по приказу Сен-Жюста за «тиранию и притеснения, которым он подвергал жителей деревни Боньер (департ.Па-де-Кале), желая сохранить чудовищное право мельничного баналитета»³⁰. Знаменательна и суровая кара, постигшая Жана Фужре, бывшего сеньора коммуны Шато-Ренар (департ.Луаре), известного несправедливостями по отношению к своим вассалам. Он не эмигрировал и с начала революции жил в Париже. 26 плювиоза II г. народное общество Шато-Ренара направило на него донос в парижскую секцию Вооруженного человека: «Тот, кто постоянно показывал себя врагом народа, кто непрестанно оскорблял нищету и несчастье... кто злоупотреблял своими деспотическими правами... над самым интересным для общества классом... должен ли он пережить совершающееся возрождение? <...> Товарищи (camarades), употребите всю вашу энергию против этой семьи! Благословение санкюлотов нашего кантона будет вам обеспечено...» Секция Вооруженного человека не осталась глуха к этому призыву — в вантозе по ее заявлению Фужре был арестован, предстал перед революционным трибуналом, 23 флореаля осужден как «деспот и

тиран своих сограждан» и в тот же день казнен³¹.

Общая атмосфера времени сказалась и в том, что якобинская диктатура подняла карающую руку не только на феодальные документы, но и на дворянские замки — разрушение этих «чудовищных памятников феодализма» получило отчасти легальную санкцию. Летом 1793 г. якобинцы подошли к этому вопросу с точки зрения общественной безопасности. 6 августа 1793 г. Конвент в принципе решил, что необходимо разрушить все замки, имевшие укрепления. 19 октября он разрешил своим комиссарам производить разрушение укреплений в замках, принадлежавших частным лицам. Очевидно, и независимо от этого некоторые члены Конвента во время своих поездок в департаменты приказывали разрушать замки: Кутон — в Оверни, Нозль-Пуэнт — в департаменте Алье, Бриваль — в Верхней Вьенне, Изабо и Тальен — в Пиренеях, Дордони и Жиронде, Жавог и Бассаль — в восточных департаментах, Тайлефер — в Авейроне и Ло, Баррас — в Провансе. Они придавали этой мере не только военный, но и социальный, антифеодальный характер. Жавог заявлял: «...ничто так не противоречит принципам свободы и равенства, как эти наглядные монументы гордыни и угнетения» (приказ от 1 нивоза II г.)³². Бриваль, напоминая о феодальных рентах, говорил, «что беспорядки, вызванные издыхающей аристократией и умирающим фанатизмом, имеют целью не что иное, как восстановление старого порядка, десятин, рент и барщин, и что важно разрушить бывшие замки, которые в этих обстоятельствах стали бы прибежищами для этих негодяев» (постановление от 8 нивоза II г.)³³. Некоторые замки действительно были разрушены³⁴, да и тон документов дает представление о характере эпохи.

Не менее выразительно о ней говорит тот примечательный факт, что саму «жакерию» власти начали рассматривать как похвальный акт патриотизма, гражданского рвения, она окончательно стала не «бунтом», но «святым восстанием». Так именно и выразился во II г. национальный агент Ориакского дистрикта в письме Продовольственной комиссии: «В марте 1792 года имело место святое восстание против аристократов*, многие замки утратили свою форму, а содержание погребов было подвергнуто реквизиции несчастными, которые оплатили его своим трудовым потом...»³⁵ Изменение тона по сравнению с 1789—1792 гг. бросается в глаза: «бунт» стал «святым восстанием», «грабеж» — «реквизицией», разгром замков — лишь «утратой ими своей формы». Замечателен и документ, присланный в Конвент в нивозе II г. коммуной Иже (департ. Сона-и-Луара). В июле 1789 г. она поднялась первой и дала сигнал к знаменитому восстанию крестьян в Маконне (см. о нем с.102—104). Именно на этом основании коммуна потребовала теперь от Конвента официально признать, что она «заслужила благодарность отечества». Это необходимо, в частности, для того, говорилось в петиции, чтобы «реабилитировать память несчастных, которые были схвачены и в 24 часа казнены». Петиция была представлена Конвенту 29 нивоза II г.³⁶ Конвент переслал ее Законодательному комитету и Комитету доменов для незамедлительной подготовки доклада. Мы не знаем дальнейшего хода этого дела, но коммуна Иже очень точно выбрала время для своего демарша и вполне могла рассчитывать на благоприятный прием.

Эта общая позиция Конвента оставалась в период якобинской диктатуры неизменной. 2 октября простым декретом о переходе к порядку дня он отверг предложение Законодательного комитета истолковать закон 17 июля в пользу владельцев поземельных рент. 16 вандемьера, подчеркивая важность принятого решения, Конвент постановил, что декрет будет официально опубликован, разослан на места, внесен в официальные регистры судов и администрации. В сущности декрет 2 октября не просто подтвердил, но усилил строгость закона 17 июля. Впоследствии Законодательный комитет характеризовал эти два акта как разные по содержанию законы. Например, в ответ на запрос Луанского дистрикта от 3 вандемьера III г. комитет разъяснял: «Закон 17 июля 1793 г. отменил все сеньориальные платежи, какова бы ни была их природа. Закон 2 октября того же года отменяет также все поземельные повинности, записанные в смешанных феодальных титулах. Не может быть сомнений, что титулы, о которых вы нам сообщаете, подпадают под действие этой двойной отмены»³⁷. 7 вантоза Конвент истолковал закон 17 июля еще более категорически: уничтожаются «поземельные ренты, даже созданные в результате уступки земли, если они соединены с цензом и другим признаком сеньории или феодализма». Наконец, 29 флореаля он реагировал на повторную инициативу Законодательного комитета уже упомянутым выше суровым декретом: «...всякая повинность или рента, запятнанная при своем установлении малейшим признаком феодализма, отменена без вознаграждения, каково бы ни было ее наименование».

Анатолий Васильевич АДО

КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1789-1794 гг.

М.: издательство МГУ. 1987. Издание 2-е, переработанное и дополненное

* Речь идет о большом крестьянском восстании в Верхней Оверни (департ. Канталь) (см. с нем с.220—222).

Единственное, в чем Конвент согласился уступить, — отсрочка сожжения феодальных документов до составления земельного кадастра (декрет 8 плювиоза II г.). Но сокрытие и хранение феодальных титулов оставалось уголовно наказуемым деянием. Именно за это попал в революционный трибунал Франсуа Бонне, бывший дворянин из Безье (департ.Эро). 29 жерминаля национальный агент коммуны произвел домашние обыски «с целью обнаружить хищение и сокрытие титулов». В доме Франсуа Бонне нашли переплетенные в том акты признания феодальной зависимости с 1713 г. (reconnaissances). Трибунал департамента постановил: Франсуа Бонне «намеренно и со злым умыслом, в нарушение закона спрятал и утаил указанный том, содержащий феодальные титулы», а так как он, кроме того, является «подозрительным», «бывшим дворянином и отцом двух эмигрантов», «соединение этих обстоятельств» ведет к «обвинению его в заговоре против революции»³⁸. В доме другого бывшего сеньора, Пьера Лебрюмана, наблюдательный комитет Нантюа (департ.Эн) обнаружил во время обыска остатки феодальных титулов, не сданных для сожжения. Лебрюмана арестовали и объявили «подозрительным»³⁹. Мы не знаем, сколь часты были такие случаи, но то, что они были не только в этих коммунах, несомненно.

Таковы некоторые характерные черты борьбы, развернувшейся в связи с ликвидацией феодальных повинностей во время якобинской диктатуры. Многое здесь нуждается в детальном изучении. Но все же очевидно, что именно в этом вопросе якобинцы пошли вместе с крестьянами дальше всего, отступили меньше всего, проявили наибольшую стойкость в защите и укреплении раз занятой позиции постольку, поскольку речь шла о крестьянах-собственниках.

Отношение к арендаторам, особенно издольщикам, т.е. преимущественно маломощным крестьянам, оказалось иным. Здесь последовательность изменяла монтаньярам, уступая место колебаниям перед лицом материальных интересов землевладельческой буржуазии⁴⁰.

* * *

Закон 17 июля 1793 г. оставил в силе статью 14 декрета 25 августа 1792 г., которая обязывала фермеров и издольщиков отдавать землевладельцам часть урожая (или ее денежный эквивалент) в счет отмененных повинностей; прежний порядок сохранился и относительно десятины. Конвент исходил из того, что отменой десятины и феодальных повинностей должен воспользоваться собственник обложенной ими земли, а не ее арендатор. Та часть урожая, которая ранее вносилась арендатором в пользу бывшего сеньора (если арендованная земля была цензивой) или получателя десятины, должна была по-прежнему уплачиваться, но уже в пользу собственника, у которого арендована земля.

Во время жатвы 1793 г. землевладельцы возобновили свои требования, а издольщики — сопротивление и протесты. В департаменте Жер они прибегли к насилию⁴¹. В первой декаде июля в кантонах Мьелан, Монтестью и Миранд возникли «коалиции» и «сборища» издольщиков численностью от нескольких десятков до 300 человек, раздавались угрозы «отрубить голову собственникам, если они явятся требовать десятину». Совет департамента послал туда жандармов и солдат с пушкой. В 20-х числах волнения прекратились, несколько крестьян были арестованы и преданы суду. Мы не знаем, происходили ли подобные волнения в других местах, но нетерпение и недовольство издольщиков явно росли. Они дали о себе знать в июле на первичных собраниях во время плебисцита по поводу Конституции 1793 г.⁴² О них говорят петиции, которые издольщики посылали в Париж. Среди этих петиций отметим послание народного общества коммуны Исси-л'Эвек (департ.Сона-и-Луара) Парижскому якобинскому клубу с решительным требованием освободить издольщиков от десятины. Петиция подписана: «Карион, председатель Республиканского общества Исси»; вероятно, он же ее и написал. Таким образом, неугомный «красный юре» (в брюмере II г. он отказался от своего сана), прославившийся в 1789—1790 гг. (см. гл.4), продолжал стоять во главе издольщиков и вести непримиримую борьбу с богатыми землевладельцами⁴³. В некоторых петициях, присланных летом 1793 г., звучала мысль о бесплодности революции для этого многочисленного слоя крестьянства. «Половники кантона Монреаль Кондомского дистрикта департамента Жер жалуются на то, что до сих пор они никак не воспользовались благами революции... Со времени отмены десятины землевладельцы, у которых арендуют землю половники, взимают ее в полном объеме к своей исключительной выгоде»⁴⁴. Почти в тех же словах изложили свои жалобы «земледельцы-республиканцы» коммуны Сен-Мартен-де-Шан (департ.Йонна): «...отмена десятины и шампара отнюдь не улучшила их участи, она лишь увеличила их беды, вызвав разорительные процессы со стороны земельных собственников... эти последние заставляют их платить полностью десятину и терраж. Когда земледельцы отказываются, они тащат их к мировым судьям, которые присуждают платить, как они платили до революции»⁴⁵. Иногда недовольство осмысливалось и в плане общей противоположности интересов бедных и богатых. О таких настроениях писал 19 августа мировой судья кантона Шарру (департ. Вьенна): «Собственники земель, которые были обременены рентами, требуют их уплаты от своих арендаторов и половников, последние отказываются, утверждая, что бывшие дворянские ренты отменены в их пользу. Собственники же настаивают на противном... это значит, говорят арендаторы и колоны, что конституция выгодна только богатым, все для богатых, ничего для нас,

мы всегда останемся бедняками»⁴⁶.

Недовольство многочисленного слоя крестьян не могло не встревожить Конвент. Вопрос был поставлен Ру-Фазийяком под непосредственным давлением крестьян. 23 августа этот депутат Конвента находился в департаменте Шаранта, где столкнулся с недовольством и ожесточением издольщиков. Чтобы предупредить волнения, он созвал в Ангулеме представителей наблюдательных комитетов департаментов Дордонь и Шаранта, которые решительно потребовали освобождения издольщиков от десятины и феодальных рент⁴⁷. По предложению Ру-Фазийяка Конвент принял 1 брюмера II г. (22 октября 1793 г.) декрет, запретивший землевладельцам и генеральным фермерам требовать от арендаторов и издольщиков десятину и феодальные повинности, даже если это указано в договорах; соответствующие их пункты объявлялись «недействительными, как клонящиеся к возрождению режима, справедливо ненавидимого всеми французами» (ст.1). Итак, Конвент прислушался к голосу крестьян в этом вопросе. Правда, завоевание оказалось неполным. Во-первых, декрет освободил от уплаты только съемщиков, арендовавших землю без письменных соглашений или на основе договоров, заключенных после принятия декретов об отмене десятины и феодальных повинностей. Во-вторых, он не давал гарантии на будущее — статья 4 гласила, что декрет не посягает на свободу соглашений, запрещая лишь включать в них феодальные термины. Но что могло помешать землевладельцам потребовать десятину и шампар при заключении новых арендных договоров, отбросив лишь осужденные законом формулы?

Неудивительно, что в деревнях продолжались столкновения. Жан Потье, специально посланный в Париж первичным собранием кантона Сен-Жермен-де-Фосс (департ.Алье), сообщал в Конвент: часть землевладельцев по-прежнему требует десятину, крестьяне «отказываются платить, заявляют, что это воровство и разорение... Землевладельцы, вооруженные законом, добиваются посылки судебных исполнителей... ненависть и раздоры достигли предела, уже недостаточно гражданских процессов, многими делами вынуждены заниматься суды исправительной полиции»⁴⁸. В бумагах Законодательного комитета есть и другие документы — петиции, запросы судебных властей, свидетельствующие о том, что вопрос этот волновал деревню. Крестьяне не доверяли местной администрации и судам (многие их члены были землевладельцами или генеральными фермерами), они возлагали надежды на Конвент. Во время волнений в департаменте Жер издольщики хотели послать ходоков в Париж. «Они не доверяют тому истолкованию закона, которое могли бы дать им в департаменте, они видят в нем лишь пристрастных землевладельцев», — говорится в протоколе совета департамента. «Я надеюсь, — обращаясь к членам комитета арендатор из департамента Шер, которого понуждали через суд к уплате десятины, — что вы захотите войти в мое положение и соблаговолите оказать мне справедливость, потому что только вам может всегда доверять истинный республиканец, только вы являетесь защитниками всей республики»⁴⁹.

Тщетные надежды! Якобинские законодатели так и не смогли радикально решить этот наблевший вопрос. Потребовалось бы властной рукой вмешаться в арендные отношения, «нанести решительный удар по принципу свободы соглашения и по римскому понятию собственности» (Ж.Лефевр). Конвент предпочел компромисс с явным уклоном в пользу землевладельцев-арендодателей. Декрет 26 прериаля II г. еще раз подтвердил, что собственники могут требовать десятину и феодальные ренты, уплата которых оговорена в арендных договорах, заключенных до отмены этих повинностей⁵⁰. На запросы и петиции Конвент отвечал переходом к очередным делам.

И это горькое разочарование монтаньяры принесли крестьянам в середине июня 1794 г., когда внутренний кризис якобинской диктатуры уже принял самый тревожный характер. «Законодатели, — писало через два месяца народное общество коммуны Исси-л'Эвек, — все, что вы сделали для облегчения участи земледельцев, становится бесполезным для них благодаря суровым и несправедливым условиям, на которые заставляют их соглашаться землевладельцы и генеральные фермеры. Их заставляют платить даже десятину и другие уничтоженные вами повинности...», пора «обуздать скупость и отвратительный эгоизм этих богачей»⁵¹. Петиция составлена 21 термидора, т.е. уже после трагических событий 9—10 термидора в Париже. Но разочарование крестьян-съемщиков, особенно издольщиков, которых Конвент так и не освободил от феодальных повинностей и десятины (и которым, кроме того, никак не улучшил условий аренды), кажется нам одной из важных причин, ослабивших влияние революционного правительства в массе трудового крестьянства.

3. УРАВНИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ДЕРЕВНЕ

Еще до прихода к власти якобинцев уравнительные устремления крестьян наложили печать на деятельность Конвента в аграрном вопросе. Во время якобинской республики это уравнительное движение достигло наибольшей силы. Борьба за землю продолжала концентрироваться вокруг конкретных проблем, уже поставленных движением

движением предыдущих лет, хотя изменившаяся политическая обстановка и новое законодательство внесли в нее существенные новые элементы.

* * *

Был ли реально исполнен закон 10 июня о разделе общинных земель, которого с таким упорством добивались крестьяне? Этот немаловажный вопрос аграрной истории Французской революции основательно не изучен. Данные литературы и предварительные разыскания в документах Национального архива позволяют сделать лишь некоторые общие наблюдения.

Как уже было отмечено, закон создавал исключительно благоприятные возможности для возвращения общинам захваченных у них земель. Крестьянам не надо было теперь вести против владельцев узурпированных общинных земель длительные судебные процессы — согласно закону все претензии подлежали решению назначенных сторонами арбитров. Декретом 2 октября 1793 г. Конвент еще больше пошел навстречу крестьянам, передав на решение арбитров все процессы из-за общинных земель между коммунарами и узурпаторами, в том числе начатые ранее или перенесенные в апелляционные инстанции. В условиях II г. Республики арбитры нередко уступали давлению общин, не очень придираясь к формальной обоснованности их исков. Многие коммуны поспешили воспользоваться обстановкой и потребовали назад не только леса, выпасы, пустоши, но и земли, бывшие некогда пустошами, болотами и т.п., уже давно распаханнные и находившиеся в руках частных лиц. Нередко их претензии шли дальше установленного законом срока давности (1669 г.), охраняющего эти земельные приобретения. Очевидно, в течение примерно полутора лет, когда статьи закона 10 июня действовали без ограничений, округлить свои владения удалось многим деревням.

Но все же центр тяжести закона 10 июня был в другом, это был прежде всего закон о разделе общинных земель. Его предписания относительно раздела сохраняли силу около 3 лет. Поспешили ли общины их использовать? «Вопреки утверждениям, будто декрет остался мертвой буквой, — писал Е.Н.Петров, — сведения, идущие из разных мест, позволяют считать доказанным широкое его применение: заинтересованная часть населения, обычно малоимущая, знала о декрете, пользовалась открытым покровительством, которое декрет оказывал разделам, и проводила их в жизнь очень широко»⁵². Хотя этот вывод, очевидно, излишне категоричен, несомненно, что уже вскоре после опубликования закона во многих коммунах принимали решения о разделе, начинали его готовить (назначали экспертов и арбитров, нарезали участки и т.п.), а кое-где и осуществили. Приведем имеющиеся фрагментарные сведения из специальных исследований по некоторым департаментам, относящиеся в большинстве случаев ко всему периоду действия закона.

Число коммун, высказавшихся за раздел своих общинных земель

Департамент Нор — 89 (примерно 1/7), осуществили раздел — 30.

Департамент Сомма (дистрикты Мондидье и Перонн) — 65 (из 96 голосовавших), осуществили раздел — 28.

Департамент Уаза — осуществили раздел 109 (примерно 1/6), из них 19 подтвердили разделы, совершенные до закона 10 июня 1793 г.

Департамент Мёрт (дистрикт Нанси) — 34 (из 79, имевших общинные земли), осуществили раздел — 12.

Департамент Мёз (кантон Варенн-ан-Аргонн) — 8 (из 9), осуществили раздел — 6.

Департамент Шер — 33 (из 106 коммун, протоколы которых сохранились), далеко не все осуществили раздел.

Департамент Жиронда (дистрикт Либурн) — 15 (из 52 коммун, протоколы которых обнаружены).

Департамент Верхняя Гаронна — из общего числа коммун высказались за раздел: в дистрикте Тулуза — 21%, дистрикте Гренад — 36,5, дистрикте Вильфранш — 20, дистрикте Годен — 31,5% (не во всех коммунах раздел был осуществлен; нет сведений по дистриктам Ревель и Кастель-Сарразен)⁵³.

Департамент Жер (дистрикты Ош и Миранд) — 27 (из 286), 6 осуществили раздел до принятия закона 10 июня; не дали ответа 13.5.

Бывшая провинция Артуа — из 309 коммун, имевших общинные земли, 120 осуществили их раздел в 1793 г., 46 из них в начале XIX в. решили считать его недействительным⁵⁴.

Конечно, парцеллы, приходившиеся на каждого участника раздела, оказывались обычно очень малы, особенно в тех зерновых районах, где общинные земли были сильно оттеснены пашней. Некоторые коммуны специально оговаривали при разделе право соединить в один участок все доли, выпавшие членам семьи (возможно, это было обычной практикой). Так, в коммуне Розю (департ. Нор) в разделе участвовали 1070 человек из 215 семей, на каждую семью пришлось в среднем по 0,22 га⁵⁵.

Даже эти отрывочные сведения позволяют сделать вывод: закон о разделе на местах знали, обсуждали и реально проводили в жизнь. Но обращает на себя внимание и другое — почти во всех приведенных случаях лишь меньшинство деревень высказалось за раздел, остальные по тем или иным причинам предпочли от него отказаться (а из принявших решения о разделе не все их выполняли). Кроме того, многие коммуны (28 из 79 в дистрикте Нанси, 135 из 286 в дистриктах Ош и Миранд) вообще не ответили на запросы администрации. Отдельные сообщения из других районов тоже говорят о том, что раздел задерживался и наталкивался на препятствия. К началу 1794 г. он, очевидно, почти не начинался в департаменте Кальвадос; 18 плювиоза II г. директория записала в своем решении: «Важно безотлагательно приступить к разделу этих имуществ, которые по большей части пригодны для обработки и зерновых посевов», между тем «муниципалитеты... либо по беззаботности, либо движимые неким частным интересом совершенно не исполнили требований закона и не осуществили раздела общинных земель»⁵⁶. А вот строки из другого документа — обращения национального агента дистрикта Саргемин (департ. Мозель) к национальным агентам коммун от 9 вантоза II г.: «Благодаря какому фатальному стечению обстоятельств законы, благоприятные неимуществу классу, остаются невыполненными или исполнены неправильно? Один из них, имеющий целью привлечь больше людей к благам равенства... это закон 10 июня старого стиля о разделе общинных земель. И что же! До сих пор в некоторых коммунах этот закон остается погруженным в сон или исполнен прямо противоположно его смыслу»⁵⁷. В департаменте Шер к вантозу II г. закон «все еще не получил исполнения из-за медлительности», с которой действовали дистрикты и коммуны⁵⁸. Такое же положение было в департаменте Лозер: исполнение закона 10 июня сильно задерживалось из-за медлительности администрации⁵⁹. Директория департамента Ардеш дважды требовала отчета у дистриктов, в жерминале дистрикт Танарг ответил: «Закон (10 июня 1793 г. — А.А.) не исполнен на территории дистрикта, несколько коммун начали делить свои земли после закона 14 августа 1792 г., но так как это было сделано вопреки порядку, установленному законом 10 июня... эти разделы объявлены недействительными...»⁶⁰ Дистрикт Монпелье (департ.Эро) в плювиозе II г. сообщал: «Еще не начаты первые операции по разделу общинных земель»⁶¹. В дистрикте Мюр-де-Баррес (департ. Авейрон) «закон о разделе общинных земель применяется очень мало», говорилось в письме национального агента Комитету общественного спасения от 20 вантоза II г.⁶²

Что же тормозило исполнение закона, которого так настойчиво требовали? Был целый ряд причин объективного порядка. Перед разделом коммуны должны были уплатить свои долги. Иногда общинные владения были непригодны для раздела по своей физической природе или настолько малы, что дробление теряло смысл. Многие коммуны добивались возвращения узурпированных земель, и это задерживало раздел. В горных местностях, где особую роль играло животноводство, общинные земли, прежде всего высокогорные пастбища и леса, были важны в основном как выпасы для скота. Как отмечает А.Д.Люблинская, в горах «все, что вообще могло быть предоставлено в собственность, было поделено задолго до XVIII в.»⁶³

Но помимо объективных обстоятельств трудно предположить, что за отрицательной позицией или медлительностью сельских муниципалитетов, за небрежением местных властей не скрывались и определенные материальные интересы, а значит, борьба. О ней мы знаем очень мало. Литература не дает по данному вопросу почти ничего, публикация документов о разделе общинных земель, осуществленная Ж.Бурженом, доведена только до лета 1793 г. Все же мы полагаем, что эта борьба была дальнейшим развитием конфликта, который разделял крестьянство в данном вопросе еще до принятия закона 10 июня. Петиции, письма и обращения местных органов власти, которые нам удалось разыскать, отражают именно это. Среди них нет ни одного документа о противодействии разделу со стороны бедноты — последняя всегда выступала силой, стремившейся к нему и терпевшей ущерб от неисполнения закона. Например, в дистрикте Брута Великого* (департ.Ньевр) многие коммуны решили не делить общинные угодья. Эти земли, писал национальный агент дистрикта в Комитет общественного спасения, по-прежнему «служат только богатым, потому что богатый имеет много скота и пасет его на этих общинных землях, хотя в случае раздела имел бы право всего на 1—2 делянки, в то время как бедняк, имеющий многочисленную семью и поэтому значительно большие права при разделе, почти не пользуется общинными землями, так как не может содержать много скота»⁶⁴. Директория департамента Кальвадос заявляла: «Истинная причина (неисполнения закона о разделе общинных земель. — А.А.) кроется в эгоизме богатых земледельцев, которые боятся потерять выпасы, служившие лишь для откорма их овечьих стад»; неисполнение закона «наносит ущерб малоимущим гражданам, имеющим право на раздел, лишая их дарованной законом возможности удовлетворить насущные нужды их семей»⁶⁵. Жители коммуны Вильдьё (департ.Ду) жаловались в плювиозе II г. «на неисполнение закона относительно раздела общинных земель»; причина все та же — «богатые в этой коммуне, как кажется, объединились, чтобы лишить бедняков их истинных прав»⁶⁶. Таков же смысл и петиции «санкюлотов — батраков, виноградарей и других земледельцев» из четырех деревень

* Революционное наименование города Сен-Пьер-ле-Мутье.

Жиранды (22 прериала II г.): «Эгоисты, крупные собственники и все буржуа являются самыми решительными врагами закона 10 июня...»⁶⁷ В коммуне Сент-Альбан (департ.Лозер) столкновение на этой почве кончилось тем, что противники раздела добились заключения в тюрьму члена революционного комитета деревни, которому жители поручили хлопоты по проведению в жизнь закона. На допросе он заявил, что авторы доноса против него «завладели большей частью общинных имуществ», хотят «воспрепятствовать их разделу», а один из них сказал, «что скорее позволит вырвать у себя ногти, чем ту часть общинной земли, которую он захватил»⁶⁸. Очевидно, интересами прежде всего крепких крестьян были навеяны и те протесты против декрета 10 июня, которые прозвучали уже летом 1793 г. в некоторых коммунах в ходе плебисцита по Конституции 1793 г. Коммуны Танавель (департ. Канталь) и Эйжюранд (департ. Коррез) усмотрели в нем начало «аграрного закона» и негодовали по поводу того, что поденщик мог иметь такую же долю, как и собственники⁶⁹.

Другие петиции отражали борьбу в связи со способом раздела. В некоторых коммунах дистрикта Саргемин (департ.Мозель) «граждане, не имеющие собственности, не были допущены к разделу или же им выделили только половинные доли. Из-за этих несправедливых сделок, — отмечал национальный агент дистрикта, — неравенство по-прежнему господствует и даже усилилось, жадный собственник присваивает землю, а бедный санкюлот, проливающий кровь на границах, лишается дарованных ему нацией благ»⁷⁰. Тот же конфликт в коммуне Сези (департ.Ионна): муниципалитет отказался выдать свидетельство о благонадежности местному нотариусу; причина отказа, судя по жалобе нотариуса, — его протест «против незаконного предложения членов муниципалитета, которые, будучи все крупными собственниками, хотели поделить (общинные выпасы. — А.А.) пропорционально сумме платимого каждым поземельного налога»⁷¹. В дистрикте Мюр-де-Баррес (департ.Авейрон) некоторые коммуны были не прочь поделить общинные земли, но не по едокам, а по хозяйствам; такой порядок «лишил бы крестьян-съемщиков и батраков предоставленного им законом права на раздел»⁷².

Кое-где были попытки ущемить многосемейных бедняков, отказываясь предоставить дялянки детям, родившимся после принятия законов о разделе. Немало споров возникало в связи с правами арендаторов и издольщиков; многие из них имели домишко с клочком земли в одних деревнях, а хозяйство вели на землях, арендованных в других коммунах. В результате и здесь и там пытались устранить их от раздела, ссылаясь на то, что они не являются местными жителями.

Безусловно, мы смогли лишь наметить некоторые черты борьбы, развернувшейся в связи с исполнением закона 10 июня 1793 г. Все же очевидно, что, добиваясь его точного проведения в жизнь, сельские низы натолкнулись не только на трудности объективного порядка, но и на противодействие тех влиятельных слоев крестьянства, которые с самого начала препятствовали демократическому разделу. Чтобы сломить их сопротивление, беднота нуждалась в крепкой поддержке извне. До 9 термидора она находила ее со стороны революционной власти (об этом подробнее дальше) и во многих случаях смогла добиться своего, хотя и в этот период противникам закона удавалось затормозить, а нередко и сорвать его точное применение.

* * *

Борьба за раздел общинных земель — лишь один из аспектов уравнительного движения в деревне. Ярким его проявлением были поступавшие из деревень многочисленные петиции, очень часто — коллективные. Полные живых деталей аграрной жизни, сельских социальных конфликтов, они выражали настойчивое стремление их авторов к более глубокому преобразованию всего строя аграрных отношений Франции.

Требования крестьянских петиций были обычно очень конкретны, они ставили тот или иной вопрос — о разделе крупных ферм, о дроблении национальных имуществ и т.п. Вместе с тем го существу речь шла о значительно более широкой программе. В конечном счете в частных требованиях отразилась основная общая идея — это идея равенства. Авторами петиций указывалось и главное средство достижения их помыслов — переустройство земельных отношений на более или менее радикальных уравнительных началах.

Уравнительная идея звучала в аргументации самых различных предложений уже в петициях 1792—1793 гг. (см. гл.6). В документах II г. Республики она повторялась еще более определенно. «Вы установили равенство состояний и положений, — писали санкюлоты коммуны Оссе (департ. Нижняя Сена), — дайте нам также и возможность обойтись без богачей, которые по сие время пьют наш пот и кровь»⁷³. Петиция предлагала запретить аренду свыше двух ферм. Народное общество Арлеф выдвинуло 30 фрюктидора другой проект — все родители волонтеров должны купить на 1000 ливров эмигрантских земель в счет вознаграждения, полагающегося защитникам отечества; «это будет еще одно средство обуздать честолюбие богачей, которые в ущерб беднякам захватывают все земли, оно поможет достичь равенства собственности (l'egalite des proprietes) — основы республиканской свободы, во имя которой мы готовы жить или умереть»⁷⁴. Совсем по другому поводу адресовались в Конвент санкюлоты народного общества Парли (департ. Ионна) — они протестовали против огораживаний. Но и этот документ проникнут эгалитарным духом: санкюлоты радовались, что прошли времена, когда «свобода была просто

словом, а равенство химерой», и теперь «защитникам справедливости и общественного блага вручен драгоценный нивелир, который должен царить надо всеми людьми»⁷⁵. Характерны и рассуждения народного общества коммуны Монтескью (департ.Жер): «Для того чтобы народное правительство могло существовать, надо... чтобы никто не был ни слишком богатым, ни слишком бедным, одним словом, чтобы никто не имел слишком много, а все имели достаточно. Вы немало сделали, чтобы уменьшить крупные состояния, но много еще предстоит сделать, чтобы все граждане имели собственность, достаточную для их пропитания, или, по крайней мере, средства ее приобрести»⁷⁶. Уравнительные стремления отражались и в многочисленных сельских конфликтах. Примечательно заявление крестьян коммуны Анне (департ.Ньевр). Коммуна претендовала на лес бывшего сеньора, который считала общинным. Сеньор доказал документами законность своих прав. Но жители деревни заявили ему, что «в намерения... правительства входит отобрать у богачей их богатства и не допускать больше крупной собственности», поэтому он «должен подчиниться и принести жертвы»⁷⁷.

Своеобразная аграрно-уравнительная программа, как она оформилась ко II г. Республики в многочисленных документах, поступавших в Конвент из деревень, была направлена в конечном счете к тому, чтобы добиться укрепления и расширения мелкого крестьянского хозяйства, его умножения за счет крупного землевладения и землепользования.

Приведенные факты побуждают вернуться к вопросу, который был поставлен в начале нашего труда, — об историческом содержании и значении этой крестьянской программы в условиях буржуазной революции конца XVIII столетия. Во французской историографии он был наиболее обстоятельно разработан еще в 20—30-е годы Ж.Лефевром. Основные положения его концепции могут быть сведены к следующему. «Крестьянская революция» была направлена против феодальной аристократии, и в этом смысле ее цели совпадали с задачами буржуазной революции. Но они соответствовали им только в этом ограниченном смысле, ибо в общих рамках Французской революции «крестьянская революция» развивалась как самостоятельное течение, «следует отличать ее от революции буржуазии». Она была автономна по своему происхождению и целям, своему ходу и кризисам, «но в особенности автономна по своим антикапиталистическим тенденциям, и это тот пункт, — пишет Ж.Лефевр, — на котором я особенно настаиваю»⁷⁸. Но из этого следует, что «крестьянская революция», двигая вперед Французскую революцию в целом, оказывалась в драматическом противоречии с требованиями передовой агрикультуры и капиталистического производства; она звала не вперед, а назад, к архаичной утопии. Не без некоторых колебаний Ж.Лефевр в конечном счете склонялся к выводу об экономически консервативном характере целей «крестьянской революции»⁷⁹.

Мы не будем разбирать здесь вопрос о теоретических истоках этого в общем не нового взгляда*. Нам важно выяснить его обоснованность применительно к конкретным условиям социальной борьбы во французской деревне того времени.

Надо сразу сказать, что многие конкретные выводы Ж.Лефевра ни в малой мере не являются данью отвлеченной схеме, они основаны на интереснейшем новом материале.

Не может быть сомнений, что цели крестьян в революции далеко не во всем совпадали с целями буржуазии, — в этом смысле тезис об автономности «крестьянской революции» относительно требований и непосредственных интересов буржуазии представляется вполне оправданным. Такое различие требований и целей ясно обнаружилось уже с 1789 г. (достаточно напомнить реакцию крестьян на аграрную политику Учредительного собрания и карательные походы буржуазной национальной гвардии против крестьянских «жакерии»). Ко II г. Республики конфликт неизмеримо углубился. Речь шла уже о том, чтобы богатые больше не были таковыми или по крайней мере стали беднее, а бедные и малоимущие воспользовались этим поравнением. Именно таковы не только объективный смысл, но и субъективная настроенность многих сельских петиций, полных яростных нападок на богачей, на тех, кто сладко ест и мягко спит, в то время как бедняк по-прежнему изнурен трудами и нуждой. «Как, законодатели, — восклицали в своем письме члены народного общества коммуны Аржантон (департ.Эндр), — добродетельные солдаты-бедняки... оставили своих жен и детей, отцов и матерей... чтобы защищать дело свободы и собственность, которая им не принадлежит, а богатый эгоист, лениво развалившись на парадной кровати в своем роскошном доме, не сделав ничего для отечества, кроме того, что он ненавидит святую революцию... останется добровольным зрителем всех наших жертв и будет безнаказанно насмехаться над лишениями и опасностями, которым подвергаются наши храбрые защитники!»⁸⁰

* Представление об антикапиталистическом характере крестьянского движения в условиях созревания буржуазной революции было свойственно народникам, применительно к истории Французской революции его развивал П.Кропоткин (см. об этом Щеголев П.П. Вступительная статья // Лефевр Ж. Аграрный вопрос в эпоху террора С.6). С иных отправных позиций к выводу об антикапиталистическом и, следовательно, экономически консервативном характере крестьянского движения во Французской революции подходили социал-демократические историки. В их работах уравнительные требования масс рассматривались как антитеза задачам буржуазной революции. Влияние одного из этих трудов — «Социалистической истории Французской революции» Ж.Жореса — явно сказалось на построениях Ж.Лефевра.

Авторы петиций опасались, «как бы богатые торговцы и негодяи не заняли место бывших сеньоров, скупая по непомерным ценам земли эмигрантов», они требовали от законодателей, чтобы те «спасли большинство народа от деспотизма меньшинства капиталистов»⁸¹.

Столь же несомненно и то, что борьба крестьян неминуемо направлялась против тех форм капиталистического производства в сельском хозяйстве, которые сложились на базе крупного землевладения бывших привилегированных и буржуазии. «Антикапиталистическая тенденция» ясно обозначилась в движении II г. (и еще гораздо раньше). Мы видели, что в районах крупного фермерства крестьянские массы хотели покончить с процессом концентрации хозяйств и экспроприацией мелких крестьян (см. карту на с.296). Некоторые петиции точно указывали, что надо восстановить все мелкие хозяйства, поглощенные крупными за последние 20, 30, 40 лет, другие требовали того же, не уточняя сроков, третьи негодовали на то, что объединение ферм и изгнание мелких хозяев неумолимо продолжалось и во время революции⁸². Требования, выдвигавшиеся в районах издольщины, сводились в конечном счете к одному: «восстановление испольного договора в его чистом, первоначальном виде» (*la convention du metayer ra-menee a-la purete de son origine*) во имя «мира и счастья в хижинах и обуздания алчности и отвратительного эгоизма богачей»⁸³. А это означало уничтожение тех форм проникновения капитала в аграрные отношения, которые внедрились здесь в виде посреднической аренды (генерального фермерства).

Наконец, нельзя не признать, что некоторые требования бедноты и маломощного крестьянства были прямо направлены против последствий агротехнического прогресса. Выше отмечалось, что они упорно отстаивали весь комплекс общинных ограничений и прав пользования. Логическим итогом этой позиции было упорное противодействие деревенских низов таким проявлениям наметившейся агротехнической революции, как слом старого севооборота и введение «искусственных лугов»⁸⁴, технических культур, отчасти и виноградной лозы. Спротивление агротехническим новшествам диктовалось, во-первых, стремлением сохранить пастбищные сервитуты для содержания скота. Во II г. сюда присоединилось обострение продовольственных трудностей, тем более что таксация зерна создавала новые стимулы для замены пашни травами.

Именно эти черты аграрных требований привели Ж.Лефевра и других историков к выводу о наличии особой, архаичной концепции собственности, которую отстаивали деревенские низы в противовес классически буржуазной концепции в духе принципа *laissez faire*, выдвинутого физиократами, и этот вывод не лишен известных оснований.

К взглядам Ж.Лефевра на значение «крестьянской революции» был близок в своих работах 50—60-х годов А.Собуль⁸⁵.

В последние два десятилетия некоторые западные историки (А.Коббен, Ф.Фюре, Э.Леруа Ладюри и др.) использовали концепцию Ж.Лефевра (делая из нее крайние выводы) в качестве одного из аргументов при обосновании выдвинутой ими точки зрения, что революция конца XVIII в., в которой большую и результативную роль сыграло крестьянство, не может рассматриваться как буржуазная революция, расчищавшая пути для дальнейшего развития капитализма и утверждения буржуазного общества⁸⁶.

Мы полагаем, однако, что если анализировать крестьянские земельные требования в их комплексе и в их соотношении с реальными процессами становления буржуазных отношений в аграрном строе Франции того времени, оценка их как консервативных с точки зрения дальнейшего экономического развития должна быть оспорена. В сущности эта оценка исходит из представления, что единственно мыслимой базой аграрно-капиталистического развития является крупное землевладение (сеньория, как «матрица» аграрного капитализма, согласно тезису Ф.Фюре и Э.Леруа Ладюри) при решительной экспроприации мелкого крестьянства, т.е. дворянско-буржуазной «чистке земель» для капитализма, в оптимальном варианте — по английскому образцу; крестьянское же хозяйство по своей природе лишь противостоит капитализму и поэтому никак не может стать основой буржуазной аграрной эволюции⁸⁷. Естественно, что стремление крестьян укрепить и расширить свое хозяйство, их аграрно-уравнительные требования предстают в данном контексте как обращенная в прошлое архаичная утопия, тем более что при оценке этих требований берутся в расчет лишь их очевидное, бросающееся в глаза субъективное содержание и ближайшие возможные последствия: раздел земель вместо их концентрации, мелкое семейное хозяйство вместо капиталистического крупного, утопическое царство мелких производителей в рамках общины вместо неминуемого грядущего неравенства и эгоистического индивидуализма крупных собственников. Рассмотренная лишь в этом аспекте, «крестьянская революция» оказывается полнейшей антитезой историческому содержанию революции буржуазной.

Между тем марксистская научная теория аграрного вопроса уже давно выявила глубокие различия между субъективной направленностью аграрно-уравнительных устремлений и идей в переходный от феодализма к капитализму период и их объективно-историческим содержанием. Она раскрыла прогрессивные в точном экономическом смысле этого слова потенции, таившиеся в массовом народном, прежде всего крестьянском, движении, проходившем под уравнительными лозунгами. Ведь крестьянское мелкотоварное хозяйство, к свободному развитию которого были, по

сути, направлены помыслы борцов за земельное поравнение, само по себе является в условиях становления буржуазных отношений широкой базой для земледельческого капитализма. Именно это имея в виду, В.И. Ленин рассматривал крестьянскую аграрную революцию «как один из видов буржуазной революции вообще»⁸⁸.

Для историка Французской революции велико значение разработанной В.И. Лениным теории о различных путях аграрно-капиталистического развития и соответственно о борьбе различных линий внутри буржуазно-демократической революции вокруг решения аграрно-крестьянского вопроса⁸⁹. В своих конкретных аграрных исследованиях В.И. Ленин показал наличие этих путей и эту борьбу в условиях России конца XIX — начала XX в., революции 1905—1907 гг. Но разработанная им методология аграрно-исторического исследования основывалась на учете реального исторического опыта не только России, но и других стран Европы, а также США и имеет общее значение⁹⁰. В частности, в аграрном развитии Франции к концу старого порядка наметились, как уже отмечалось выше (см. гл.1, §3), различные тенденции становления капиталистического уклада. Наряду с буржуазной эволюцией части крупного привилегированного землевладения (в наиболее передовых районах Севера напоминая английский вариант) прослеживается и своеобразный «крестьянский путь» буржуазного аграрного развития.

Все это позволяет глубже осмыслить историческое содержание «крестьянской революции» 1789—1794 гг., включая широко распространившееся на ее заключительном этапе, особенно во II г., аграрий-уравнительное движение. Несмотря на присущие ей «антикапиталистические тенденции», она не была тем не менее явлением, противостоящим по своей сути буржуазному аграрному развитию как таковому, она представляла собой борьбу за радикально-крестьянское решение аграрного вопроса в буржуазной революции, выступала как своеобразная крестьянская альтернатива тому компромиссу со старым порядком, который упорно стремились осуществить в первые годы революции либеральное дворянство и умеренные круги буржуазии⁹¹.

Этот вывод нуждается, однако, в более детальной расшифровке в связи с конкретными особенностями крестьянских уравнительных требований того времени. Дело в том, что уравнительное движение в деревне не было однородным. В нем было несколько тенденций, различных по степени радикальности и по социальной природе. Их наиболее последовательный вариант — идея «аграрного закона» в ее крайней форме, доходившей до требований «черного передела» земель равными долями и даже отрицания частной собственности на землю. То, что эта тенденция имела корни в реальных жизненных условиях и «чаяниях» крестьянства, не вызывает сомнений. Выше отмечалась тесная связь таких проповедников радикального уравнительства, как «красные юре» П.Доливье и Ж.Пти-Жан с окружавшим их сельским миром⁹². Вопрос в том, о каких именно слоях крестьян следует в данном случае говорить. «Доливье, — писал С.С. Сафронов, — был идеологом, теоретиком французского крестьянства, одной из главных боевых сил тогдашней революции»⁹³. Выраженное в столь общей форме, это утверждение представляется неверным. В условиях французской деревни радикальный эгалитаризм не мог стать программой не только крестьянства в целом (которое включало и его явно буржуазные элементы), но и массы мелкособственнического крестьянства, которые только что ценой величайших усилий завоевали право собственности на свою парцеллу. Он мог привлечь лишь деревенскую бедноту — речь идет прежде всего о пестрой массе безземельных крестьян (наличие домика с микроскопической усадьбой не меняет дела), тружениках сельской мануфактуры, мельчайших арендаторах и издольщиках, находившихся под угрозой пауперизации. Этот социальный слой виден, например, за петицией наблюдательного комитета коммуны Легль (департ. Орн). «Несомненно, — говорилось в ней, — земля Франции могла бы прокормить значительно больше жителей, чем живет на ней сейчас, если бы все земледельцы были более зажиточны, но трудно преодолимым препятствием является наличие земельных собственников» (курсив мой. — А.А.). Авторы петиции — «санкюлоты» писали, что «собственность они знают только по названию», сами «совершенно ее не имеют... но большинство из них работало в сельском хозяйстве»⁹⁴. Не разоренные ли это крестьяне, пришедшие на местные мануфактуры по производству железных изделий? Именно такую массу жертв пауперизации в конкретных условиях Пикардии показал В.М. Далин, исследуя генезис социального идеала Г.Бабефа⁹⁵.

Конечно, выступая за земельное поравнение, бедные крестьяне и их идейные заступники вовсе не помышляли о торжестве капитализма. Напротив, они мечтали о гармоничном обществе мелких производителей. Тем не менее эта крайне уравнительная программа была наиболее радикальной аграрной программой в рамках буржуазной революции конца XVIII в. Характерное вообще для буржуазной революции несоответствие между идеальной целью и исторически возможным результатом выступает здесь особенно отчетливо. По существу уравнители выступали за такую «крестьянскую "чистку земель"», о которой писал В.И. Ленин, развивая марксову критику частной поземельной собственности с точки зрения «идеальных» условий для развития капитализма в земледелии⁹⁶. В условиях Франции того времени последовательное проведение этой программы «вычищало» и сложившиеся уже элементы капиталистического фермерства и крупного хозяйства. Но вместе с этим оно уничтожало крупное землевладение, довлевшее над

численно преобладавшим мелким хозяйством, связанные с этим полуфеодалные формы эксплуатации мелкого производителя, оно логически влекло за собой и коренную «разборку» парцеллярной структуры французского землепользования в интересах мелкого земледельца. В итоге при господстве товарных отношений, которые есть «исходный пункт капитала»⁹⁷, это создавало ситуацию, к которой можно применить известные слова В.И.Ленина, относящиеся к характеристике радикальной линии буржуазно-демократической революции: «Наибольшее равенство среди сельского населения, как исходный пункт и условие свободного капитализма»⁹⁸.

Однако уравнивательные требования в такой последовательной форме отнюдь не преобладали в массе сельских петиций 1792—1794 гг. Подобное решение вопроса просто не могло быть принято многими сторонниками дробления крупного землепользования. Кроме крайне радикального направления уравнивательных требований можно выделить еще два.

Одно из них — очень умеренное — представляли авторы петиций, враждебных чрезмерной земельной концентрации, но не поддерживавших равного раздела и не помышлявших о наделении по трудовой норме. Они хотели только раздробить громадные фермы в несколько сотен гектаров на менее крупные и установить определенный максимум хозяйства — обычно в три плуга (300—400 арпанов, до 150 с лишним га)⁹⁹. Эти пожелания исходили явно от слоя зажиточных крестьян, которые держались за свое благополучие, с раздражением смотрели на мощных фермеров, нередко «чужаков», прибивавших к рукам не только земли, но и честную торговлю. Петиция одного из муниципалитетов департамента Эна характерна для этого направления деревенских интересов. Авторы ее «далеки от мысли... порожденной издыхающим деспотизмом, мысли о равном разделе»; они хотят установить максимум в три плуга, исходя из того, что площадь в один плуг приносит достаток собственнику, но мала арендатору, два плуга дают ему возможность вести хозяйство, но не гарантируют на случай потерь, площадь же в три плуга как раз спасает от всяких неожиданностей, причем хозяин должен строить свое благополучие на разведении скота. Перед нами трезвый расчет практичного крестьянина, знающего возможности рынка и готового их использовать, приторговывая скотом и продуктами животноводства¹⁰¹.

Однако в общей массе петиций преобладала иная тенденция — не «аграрный закон» в его радикальной форме, но и не умеренный эгалитаризм достаточных «пахарей». Основным смыслом ее сводился к тому, чтобы утвердить повсюду мелкое крестьянское хозяйство, сделать его исключительной формой земледельческой деятельности на самых благоприятных условиях. Для этого предлагалось прежде всего «сделать собственниками максимально большое число граждан», и лучшее к тому средство виделось «в том, чтобы впредь национальные имущества продавались только мелкими долями»¹⁰². Некоторые шли дальше, предлагая перепродать мелкими участками уже распроданные имения¹⁰³. Наконец, авторы многих петиций выдвигали меру, лучше всего отвечавшую общим пожеланиям — раздать национальные имущества (особенно земли эмигрантов) малыми долями за небольшую ренту. В любом случае проведение в жизнь этих предложений сохранило бы крупную собственность, хотя и в урезанном размере. Но петиции требовали сильно ограничить права крупного землевладельца, дозволить ему вести лишь небольшое хозяйство¹⁰⁴, а все остальное разделить на фермы, сдаваемые на длительный срок и за умеренную плату крестьянам-земледельцам. Величина таких ферм должна быть строго ограничена и никто не может возделывать больше одной фермы — таков лейтмотив множества петиций¹⁰⁵. Предельные размеры предлагалось установить в зависимости от условий местности, преобладала норма в 17—25 га¹⁰⁶, некоторые повышали ее до 30—50 га¹⁰⁷, другие (на Юге) снижали до 5—6 га¹⁰⁸. Основным принципом состоял в разделе по трудовой норме — каждый должен иметь «долю по его силам», никто не может арендовать «больше того, что может сам обработать», «свыше того, что ему по средствам и силам самому обработать»¹⁰⁹. Эти требования могли объединить и безземельных батраков, желавших устроиться на земле, и не оторвавшихся от хозяйства бедняков и маломощных середняков. По существу это и была основная масса крестьянского населения Франции.

Такая уравнивательная программа не столь далека от «аграрного закона», является его более умеренным вариантом. Ее осуществление означало бы завоеванное в своеобразной форме господство мелких крестьян над землей — отчасти как собственников, отчасти как арендаторов. Уцелевший «богатый собственник» превратился бы в «бесцветного рантье»¹¹⁰, крайне ограниченного в реализации своего права собственности. Таким образом, осуществилось бы, говоря словами В.И.Ленина, «вполне назревшее, выстраданное... и закаленное долгими годами угнетения, требование обновить, укрепить, упрочить, расширить мелкое земледелие, сделать его господствующим, и только»¹¹¹.

Была ли программа возрождения и обновления мелкого хозяйства на этих основах утопичной? Безусловно да, в том смысле, что завоеванное поравнение могло сохраниться лишь на короткий исторический срок. Являлась ли она консервативной? Это было бы так, если бы крупное капиталистическое производство уже определяло облик французской агрикультуры. Напомним, однако, что в одном из наиболее развитых департаментов Франции — Нор — лишь 12% площади было занято крупным фермерским хозяйством, а на обширных площадях Центра и Юга наметилась капиталистическая эволюция крупного землевладения через кабальную эксплуатацию мелких издольщиков, низводившихся до уровня полубатраков. В этих обстоятельствах крестьянская программа, прерывая тенденции капиталистической аграрной эволюции, обеспечивала условия для ее нового старта на основе неизбежного перерождения свободного мелкого хозяйства.

Не дает ли возможность такая постановка вопроса по-иному подойти и к требованию мелких крестьян сохранить пастбищные, лесные и т.п. права пользования сельских общин? Ко времени якобинской диктатуры они были в массовом порядке восстановлены там, где их раньше уничтожили и ограничили. Борьба продолжалась, крестьяне упорно сопротивлялись попыткам богатых покупателей национальных имуществ огородить или изъять из пользования общин свои земли. Надо учесть, что там, где преобладало мелкое крестьянское хозяйство, права пользования были необходимейшим условием его жизнеспособности, без них не могли обойтись многие крепкие и зажиточные хозяйства. Очевидно, что даже при радикальном переделе земель крестьяне ни в коем случае не допустили бы уничтожения этих прав. Характерно, что Н.Э.Ретиф де ля Бретон, прекрасно знавший условия бургундской деревни, в своем плане «черного передела» всех земель предусматривал сохранение общего выпаса и запрещение огораживания¹¹². А.Д.Люблинская убедительно показала, что приверженность крестьян к традиционным сельским обычаям и приемам агрикультуры далеко не всегда была однозначна рутине. Тщательно выверенная долгим опытом, приспособленная к особенностям каждой местности, система крестьянского хозяйства во Франции отвечала условиям не только XVIII, но в определенной мере еще и XIX в. — до широкого развертывания агротехнического переворота и применения машин в земледелии¹¹³.

Резюмируя, повторим еще раз, что безусловно утопичным являлось стремление создать идеальную республику мелких производителей. Капиталистический путь был предрешен, деревня вступила на него еще до революции. Ко II г. Республики стало окончательно очевидно и другое — дворянско-буржуазная «чистка земель» для капитализма, которая пробивала себе дорогу в теории и практике предреволюционного времени, натолкнулась на такое сопротивление и соотношение общественных сил, которое делало ее неосуществимой. С другой стороны, крестьяне смогли добиться не только сохранения, но и серьезного укрепления мелкого хозяйства как основной земледельческой единицы. Поэтому для дальнейших судеб страны было очень важно, на каком уровне зажиточности, земельной обеспеченности и жизнеспособности окажется эта хозяйственная ячейка в исходном пункте ее дальнейшего развития. К достижению возможно большего в этом отношении клонились требования крестьян. Взятые в данном контексте, эти требования, несмотря на старообщинную форму некоторых из них, приобретали известный прогрессивный смысл, поскольку отвечали уровню агрикультуры в основной массе хозяйств. Они обеспечивали мелкому крестьянину даром то, за что при иных условиях пришлось бы платить крупному землевладельцу (вторые травы на пастбищных угодьях, права пользования в лесах и т.п.), отрывая средства от хозяйства и суживая возможности накопления. Санкюлоты из коммуны Парли (департ. Йонна) так и написали в своей петиции, что, пользуясь правом огораживания, крупные землевладельцы «могут... принудить их покупать на произвольных условиях те права (речь идет прежде всего о праве выпаса. — А.А.), которые они имели до революции»¹¹⁴.

Поэтому в конечном счете внутренняя суть крестьянской программы состояла в дальнейшем углублении буржуазно-демократической революции, продвижении ее по пути восходящего развития. К подобной оценке крестьянской борьбы и ее аграрно-уравнительных аспектов близко подошел в своих работах 70-х годов А.Собуль, критически пересмотрев концепцию Ж.Лефевра о консервативной направленности крестьянского движения. «Крестьянская революция, — подчеркивал А.Собуль, — являлась выражением одного из возможных вариантов буржуазной революции»¹¹⁵. В сходном направлении идут также работы ряда исследователей, связанных с журналом «Annales historiques de la Revolution francaise» и обратившихся в 70-е годы к проблемам социальной борьбы в деревне в революционный период¹¹⁶.

* * *

В какой мере крестьянские низы могли рассчитывать на то, что им удастся провести свои уравнительные пожелания в жизнь? Энергия уравнительного натиска уже с середины 1792 г. оказалась достаточной, чтобы вызвать к жизни некоторые законодательные меры (декреты 14 августа 1792 г., 3 и 10 июня 1793 г.). Они были, однако, лишь первым шагом, и их еще надо было исполнить. Другие проблемы, поставленные уравнительным движением, еще ждали решения. Между тем это движение не могло иметь такой силы общественного воздействия, как «жакерии»

первых лет революции. В мощных восстаниях 1789—1792 гг. выступало все крестьянство, в них участвовало (или им сочувствовало) сельское самоуправление, национальная гвардия, была мобилизована вся энергия сельской общины. Теперь это было движение преимущественно деревенских низов, многочисленных, но слабых экономически. Они завоевали некоторые позиции в народных обществах, но редко имели на своей стороне муниципальные ячейки власти. Само движение (за исключением борьбы за общинные земли и права пользования) ограничивалось главным образом выражением пожеланий и требований в народных обществах, перед местными властями, подачей петиций, иногда локальными инцидентами и конфликтами. Между тем для достижения цели надо было сломить противодействие крупных землевладельцев, богатых фермеров и хозяев из среды самого крестьянства, городской крупной буржуазии. Деревенские низы были не способны сделать это одни, без союзников и руководства извне. Их союзником могли стать, порой и становились городские санкюлоты. Как показали исследования А.Собуля (а в нашей литературе работы В.Г.Ревуненкова), санкюлоты были глубоко проникнуты эгалитарным духом. Идея земельного поравнения получила довольно широкое распространение в этой среде и отразилась в умах теоретических истолкователей ее социальных устремлений. Когда 2 сентября 1793 г. граждане Секции санкюлотов представили Конвенту свою знаменитую петицию, они потребовали не только таксации продовольствия, но и строгого ограничения собственности, в том числе земельной¹¹⁷. Как и деревенские низы, санкюлоты восставали против скупки национальных имуществ «людьми, обогатившимися за счет крови вдов и сирот» (Жак Ру). Во II г. Республики было очень популярно требование конфисковать имущество всех врагов революции и распределить его между патриотами-бедняками. В сентябре, например, было читано у якобинцев письмо батальона волонтеров из Эро, которые потребовали, «чтобы после войны поделили между солдатами земли предателей и эмигрантов»; о том же говорили Жак Ру, эбертисты.

Однако вопрос о реальных отношениях, возникавших во II г. Республики между городскими низами и крестьянской массой, в том числе сельской беднотой, исследован очень слабо. Историки подчеркивали прежде всего противоречия и конфликты, возникавшие в связи с дехристианизацией и осуществлением законов о максимуме и реквизициях. Тем более интересны материалы, содержащиеся в известной работе Р.Кобба. Он изучил деятельность «революционных армий», т.е. отрядов вооруженных санкюлотов, созданных осенью 1793 г. в Париже, а затем в провинции для борьбы с контрреволюцией и проведения в жизнь продовольственной политики Конвента. В приведенных Коббом фактах проступают элементы своеобразного союза городских и сельских низов, в котором гегемония явно принадлежала первым — более организованным и сознательным. Являясь в деревни, активисты «революционных армий» энергично действовали в народных обществах, спланировали вокруг себя бедноту, вступали в конфликты с крупными землевладельцами, богатыми «пахарями». Некоторые из них вели и эгалитарную пропаганду. В дистрикте Корбиньи (департ. Ньевр) мы видим в этой роли мирового судью Шэ, по прозвищу Марат, который публично заявлял, что «надо разделить имущество богатых в пользу тех, кого он называл санкюлотами», «что он лично предпочел бы быть собакой на четырех лапах, чем буржуа». «Не бойтесь ничего, мои санкюлоты, — восклицал Шэ, — здесь революционная армия, которая приходит, чтобы обеднить богатых и обогатить бедных». В департаменте Изер доносили после термидора на трех других комиссаров «революционных армий» — книготорговца Саде, розничного торговца Ж.В.Тере, штатного секретаря Якобинского клуба в Париже Л.Р.Вокуа — что «они все время открыто проповедовали аграрный закон, восстание бедных против собственников, которых они называли разбойниками и негодьями». Саде говорил, что имущество богачей является достоянием санкюлотов, что довольно уже длилось царство собственников, пришла наконец очередь простого народа. В этом же департаменте смело действовал Ж.Контамэн. Этот слесарь, арестовав богатого земледельца, объявил: «...теперь самое время прижать этих пройдох и разделить их добро между неимущими... до сих пор народ обманывали; надо, чтобы тот, кто ничего не имеет, шел без страха к имущему, потому что все состояния должны быть равными»¹¹⁸. Аналогичную пропаганду вели члены Наблюдательного комитета Парижского департамента Клеманс и Маршан, посланные с отрядом «революционной армии» в дистрикт Гонесс (департ.Сена-и-Уаза). «Вы аристократы, — говорили они, обращаясь к богатым гражданам, — ваши головы скоро падут под ударами меча закона». Беднякам они заявляли: «Вы трусы, вы почтительны с богачами; знайте, что ничто не принадлежит им, что все предназначено для вас, потому что именно вашими трудами живут богачи»¹¹⁹.

4. УРАВНИТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ КРЕСТЬЯН и ПОЛИТИКА ЯКОБИНСКОЙ ВЛАСТИ

Санкюлоты с их плебейским ядром были мощной силой. Вместе с крестьянскими низами они составляли активно действующую опору якобинской республики. Не забудем, однако, что непосредственное политическое руководство внутри «якобинского блока» общественных сил принадлежало социально неоднородной «якобинской» буржуазии, а важнейшие рычаги го-

сударственного штурвала находились в руках робеспьеристов. Тем идеалом, за который отдали жизни Робеспьер, Сен-Жюст и их соратники, отнюдь не было буржуазное общество. За бурями и лишениями революции, «там, за горами горя», им виделась прекрасная республика, где царствуют добродетель и общее счастье, где устранены крайности нищеты и богатства, где все люди трудолюбивы и бедны — в том смысле, что они не излишне богаты. Историками отмечено, что умеренно-уравнительные идеалы робеспьеристов, воспринятые от Руссо, приобретали более конкретный и действенный характер в ходе революционной практики¹²⁰.

Идеями и настроениями эгалитаризма была пронизана вся общественная атмосфера якобинского периода революции. Они звучали с трибуны Конвента, в официальных выступлениях политических деятелей, в речах и прокламациях командированных в провинцию его депутатов, нередко в заявлениях местных властей. Так, обращаясь 6 брюмера II г. к «добрым земледельцам, мирным обитателям деревень», власти департамента Пюи-де-Дом писали: «Раздел общинных земель, равное разделение наследств между детьми, продажа мелкими участками эмигрантских земель, прогрессивный налог, принудительный заем... все это искоренит на нашей земле богачей... наглость которых еще более невыносима, чем заносчивость дворян и священников»¹²¹. Эти заявления могли быть искренними, могли быть подделкой под фразеологию времени. Но и это последнее знаменательно — обличение «алчного эгоиста», «порочного богача» стало теперь признаком цивилизма, благонамеренности; в сущности человек, чрезмерно богатый, сам по себе оказывался «подозрительным», разновидностью «аристократа»¹²². Наконец, уравнительство вошло и в практику социальной политики якобинской диктатуры. Во всем этом проявилась, безусловно, мера общественного влияния, завоеванная народной массой. Но здесь отразились и собственные идеалы якобинцев, их социальные мечты и надежды. Якобинцы были враждебны чрезмерной концентрации земельной собственности и землепользования. Весной 1792 г. именно Робеспьер опубликовал в своей газете сокращенный текст уравнительной петиции Доливье. Есть основания полагать, что формирование социальных идей Сен-Жюста совершалось не без влияния аграрных условий Пикардии, контрастов между фермерско-капиталистическим хозяйством и земельной нуждой средних и мелких крестьян¹²³. «Надо всем дать немного земли, — писал Сен-Жюст, — там, где существуют крупные владельцы, мы видим только бедных...» Идеалом его был «обитатель хижины, который своими руками возделывает землю»; «плуг, поле, хижина, защищенная от разбойников, — вот счастье»¹²⁴.

Якобинцы не создали всесторонне разработанной аграрной программы, целью которой было бы претворение в практику этого абстрактного уравнительного идеала. Но все же они смогли прислушаться к пожеланиям деревенских низов и сделать некоторые из этих пожеланий элементами своей аграрной политики. В борьбе вокруг проведения в жизнь закона 10 июня руководящая группа монтаньяров была на стороне тех малоимущих и неимущих крестьян, которые добивались раздела общинных земель 4 брюмера II г. Парижский якобинский клуб потребовал, чтобы Конвент ускорил выполнение закона 10 июня и оградил новых собственников от всякой судебной волокиты¹²⁵. Различные органы Конвента прилагали усилия к тому, чтобы закон претворялся в жизнь. Сам Комитет общественного спасения за множеством дел не упускал из виду этого вопроса; в специальных циркулярах он напоминал о нем местным властям. В «Письме к департаментам» от 9 вантоза II г., подписанном Ж.-Н.Бийо-Варенном и Ж.-М.Колло-д'Эрбуа, Комитет требовал отчета о выполнении закона и предписывал помочь участникам раздела вступить во владение полученными участками¹²⁶. Циркуляр Комитета от 14 флореаля обязывал дать закону 10 июня и декрету 13 сентября 1793 г. о предоставлении беднякам бона в 500 ливров для покупки парцелл из земель эмигрантов самую широкую публикацию, вывесить повсюду их тексты, прочитать их на народных собраниях¹²⁷. В свою очередь Комитет общественной безопасности, рассылая в дистрикты запросы о выполнении важнейших законов, требовал отчета и об исполнении закона относительно раздела общинных земель. Наконец, раздетом интересовалась Продовольственная комиссия Конвента 128. Во II г. она начала большое обследование того, как идет исполнение закона 10 июня 1793 г. и разослала циркуляры по дистриктам. Принимали меры в этом направлении и комиссары Конвента. 16 брюмера депутаты Делакруа и Мюссе доносили из департамента Сена-и-Уаза: «Мы приняли меры к тому, чтобы ускорить раздел общинных земель, чтобы незамедлительно передать за ренту бедным жителям деревень выделенную им законом долю эмигрантских имуществ...»¹²⁹ К сожалению, переписка, связанная с этим стремлением якобинцев добиться наделения крестьян землей за счет общинного фонда, совершенно не изучена, отчасти просто не разыскана.

Якобинцы предприняли некоторые усилия и для того, чтобы помочь крестьянам в приобретении земель из фонда национальных имуществ. Декретами 2 фримера и 4 нивоза II г. (22 ноября и 24 декабря 1793 г.) Конвент распространил на все национальные имущества порядок отчуждения, установленный для земель эмигрантов (дробление на участки, рассрочка при уплате выкупных сумм и т.д.). Правда, статья закона, требовавшая дробления владений, была сформулирована несколько двусмысленно (выделение участков не должно было вести к «порче хозяйственных единиц», т.е. ферм*), и это давало возможность ее обойти. Очень многое здесь

зависело от местных властей, непосредственно занимавшихся продажей земель, прежде всего в дистриктах. Комитет общественного спасения циркуляром от 22 плювиоза II г. (10 февраля 1793 г.) напомнил дистриктам о необходимости дробления и его уравнительном духе: «Этот благодетельный закон, стремящийся умножить число землевладельцев и помешать скоплению собственности в одних руках, истинно народен; мы должны особенно следовать его духу при распродаже...»¹³⁰ Там, где в органах местной власти действовали демократы, они старались повернуть отчуждение в пользу мелких крестьян. Мы не разделяем мнение.»

Однако эта оговорка сама по себе не исключала возможность дробления. Надо иметь в виду, что крупные имения и фермы очень часто были составлены из нескольких небольших хозяйств и могли быть поделены без ущерба для этих более мелких хозяйственных единиц.

В.Г.Ревуненкова, что предпринятые якобинцами меры ничего не дали крестьянам¹³¹. Историки, специально обращавшиеся к этому вопросу, приходили к иному выводу. Еще И.В.Лучицкий после первого же поиска в архивах департаментов Кот-д'Ор, Верхняя Гаронна, Падде-Кале отметил, что в отличие от имуществ первого происхождения эмигрантские земли были здесь распроданы небольшими участками, в основном крестьянам¹³². В Руанском дистрикте, как показал М.Булуазо, весной и в начале лета 1794 г. обновленная администрация открыла мелким хозяевам доступ к землям эмигрантов: из 3800 га, отчужденных до июня 1795 г., 1016 га были проданы, поделенные на 588 участков¹³³. «Влияние дробления на распродажу национальных имуществ, — подчеркивал Лефевр, — было бесспорно благоприятно для крестьян, и если нарекания их легко объяснимы, все же надобно остерегаться недооценивать его»¹³⁴. В некоторых районах как раз во II г. доля крестьян в покупке национальных имуществ резко поднялась и стала большей, чем во все предыдущие годы¹³⁵.

Наконец, дважды якобинцы попытались предпринять шаги к наделению землей тех, кто был не в состоянии ее купить. При всей скромности таких мер, как статья закона 3 июня 1793 г. о выделении 1 арпана для неимущих глав семей и заменивший ее декрет 13 сентября 1793 г. о бонах в 500 ливров, все-таки это была попытка дать бедноте даром хоть немного земли. Значительно дальше в этом смысле шли декреты, принятые по докладу Сен-Жюста в обстановке резкого обострения борьбы внутри якобинского блока 8 и 13 вантоза (26 февраля и 3 марта 1794 г.). Вантозовские декреты гласили, что «имущества лиц, признанных врагами революции, будут секвестрованы в пользу республики». Комитету общественного спасения поручалось представить доклад «о способах вознаградить всех несчастных» за счет этих имуществ. Все коммуны республики должны были послать ему списки неимущих. Комитету общественной безопасности предстояло составить список врагов революции, имущество которых подлежало секвестру, после чего Конвент должен был разработать порядок «вознаграждения» «неимущих патриотов». В случае использования конфискованных земель для безвозмездной раздачи произошло бы значительное перемещение земельной собственности в руки бедноты. Минимальная оценка числа «подозрительных» — 70 тыс. человек. Ж.Лефевр допускал, что их могло насчитываться 300 тыс.¹³⁶ Конечно, среди них было немало людей малоимущих, ремесленников, мелких торговцев, крестьян. Но большую часть лиц, арестованных в качестве контрреволюционеров и «подозрительных», составляли бывшие дворяне, духовные лица, богатые буржуа¹³⁷. Конфискация и раздел их земель не могли, конечно, уничтожить крупное землевладение, но в известной мере смягчили бы земельную нужду крестьян¹³⁸.

Наконец, если монтаньяры и не передали бедным крестьянам живого и мертвого инвентаря конфискованных у церкви и эмигрантов ферм, они все же постарались им помочь: декрет 16 сентября обязал муниципалитеты обеспечить обработку земель защитников отечества и крестьян, лишенных скота и орудий. Работа возлагалась на собственников и фермеров коммун. Начинать следовало с полей наименее обеспеченных граждан и плату за обработку взыскивать не большую, чем в марте 1793 года. 23 нивоза Конвент потребовал от национальных агентов дистриктов дать отчет о претворении декрета в жизнь. Позднее Комитет общественного спасения особым циркуляром предписал строго исполнять закон об обработке земель защитников отечества. 3 термидора аналогичный циркуляр разослала Комиссия по сельскому хозяйству и ремеслам. Все эти постановления были продиктованы прежде всего стремлением решить продовольственную проблему. Но они отвечали пожеланиям бедняков, в частности тех, кто хотел обзавестись хозяйством на клочке общинной или эмигрантской земли.

Таким образом, уравнительные стремления крестьянской массы находили отклик в среде людей, стоявших у руля революционной власти. Монтаньяры хотели пойти в этом вопросе навстречу требованиям деревень, и некоторые результаты были достигнуты.

И все-таки пожелания крестьян были реализованы лишь в очень скромных размерах. Разумеется, не приходится говорить об осуществлении крайне уравнительной программы в духе «аграрного закона» Бабефа или Доливье. На этот счет у якобинцев не было колебаний. Закон 18 марта 1793 г. о смертной казни за предложение «аграрного закона» действовал не только формально, изредка он применялся на деле.

Но и такие более умеренные пожелания, как раздел крупных владений в аренду по трудовой норме, распределение среди мелких крестьян национальных имуществ за небольшую ренту, улучшение условий аренды, ликвидация генерального фермерства и т.п., остались неудовлетворенными. Правда, в принципе якобинцы считали допустимым поделить крупные фермы, умножив число мелких хозяйств. В апреле 1793 г. этот вопрос поставил в Конвенте Л.Е.Бэфруа, а в мае Ж.-М.Купе требовал раздела крупных ферм в докладе Земледельческому комитету¹³⁹. В начале сентября Конвент пообещал установить максимальный размер фермы в 350 арпанов и запретить соединение ферм, если они вместе превышали 200 арпанов. Решение было отослано для доработки в Законодательный комитет и погребено в его архивах. 16 октября Купе предложил в Конвенте проект закона об ограничении размера ферм 300—400 арпанами; 12 брюмера II г. (2 ноября 1793 г.) он сделал это повторно. В обоих случаях обсуждение проекта было отложено и не возобновлялось. 1 флореаля Э.-Ж.Дюкенуа в Якобинском клубе и 3 флореаля Ж.Изоре в Конвенте вновь обличали крупных фермеров, нападали на них и некоторые депутаты в миссиях. Тщетно! Предложения о разделе ферм так и не получили законодательной санкции.

Но и то, что стало законом, осуществлялось не полностью или не осуществлялось совсем. Несмотря на законы 3 июня и 25 июля 1793 г., во многих местах эмигрантские земли продавались большими имениями и фермами. На это с тревогой указывали сами монтаньяры — Колло д'Эрбуа, Кутон, Дюкенуа¹⁴⁰. Тем более это относится к национальным имуществам первого происхождения. Фактически до весны 1794 г. и даже дольше их продажа регулировалась по-прежнему законом 14 мая 1790 г., а не новыми постановлениями от 2 фримера и 4 нивоza II г., так как многие местные власти затягивали их применение. Оставалось в силе и запрещение коллективных покупок. Они не исчезли полностью, но были сильно затруднены.

Не получил бедняк и обещанного законом 3 июня 1793 г. арпана эмигрантских земель. Кое-где велась подготовка к исполнению этого закона, но, кажется, только в департаменте Сена-и-Уаза он был применен: между 1547 главами неимущих семей было распределено 1552 арпана¹⁴¹. Вряд ли дал заметные результаты декрет 13 сентября 1793 г., который предложил неимущим бон в 500 ливров для участия в торгах. В некоторых местах его начали исполнять, сохранились запросы дистриктов в связи с подготовкой к этой работе¹⁴². Однако администрация дистриктов не проявляла рвения, как и сельские муниципалитеты, состоявшие из зажиточных и богатых крестьян. Декрет не остался незамеченным беднотой. В некоторых петициях содержались требования о его применении, жалобы на медлительность властей¹⁴³. 43 «гражданина-несобственника» одной из коммун Ориакского дистрикта (департ.Канталь) жаловались в Комитет общественного спасения: дистрикт отказался выдать им боны в 500 ливров¹⁴⁴. Все эти требования и жалобы бедноты оказались безрезультатными.

Та же судьба постигла и вантозовские законы. Мы не можем добавить что-либо новое к тому, что дали работы А.Матъеза, Ж.Лефевра, Р.Шнерба¹⁴⁵. Исполнение декретов началось, первые списки «подозрительных», признанных врагами революции, были утверждены правительственными комитетами 1, 2 и 3 термидора II г. Всего, по сообщению члена Конвента Удо (доклад 11 брюмера III г.), секвестр был осуществлен в 30 департаментах, в 12 он был подтвержден командированными в них членами Конвента. Беднота, узнавая о декретах, приветствовала их на собраниях народных обществ¹⁴⁶, в петициях Конвенту. Приветствия в связи с докладом Сен-Жюста получили коммуны Десиз и Блеранкур — места рождения и юности инициатора законов¹⁴⁷. Надежды пробудились — и не сбылись. Сопrotивление буржуазии в местной и центральной администрации, а затем термидор сорвали проведение в жизнь вантозовского законодательства.

Но если бедняку все же удавалось получить или купить парцеллу, ее надо было обработать. Как сделать это, не имея скота и орудий? Издавна обращались в таких случаях к «пахарю»-соседу. Во II г. бедняки настойчиво требовали, чтобы помощь предоставлялась безотказно и за небольшую плату¹⁴⁸. Декретами 16 сентября и 23 нивоza якобинцы пошли им навстречу. Приказ Комитета общественного спасения 7—11 прериала установил плату на уровне 1790 г. плюс 1/2. Но мы мало знаем о том, в какой мере он реально исполнялся¹⁴⁹. Несомненно, власти дистриктов нажимали на муниципалитеты, последние «реквизировали» «пахарей», грозили репрессиями отказчикам. Но также несомненно, что «пахари» всячески старались уклониться от работы, плохо и не в срок ее выполняли, заламывали непомерные цены. В итоге бедняки были вынуждены подчас отказываться от ведения хозяйства, сдавая свои парцеллы из нужды в аренду или продавая их. Богатый пахарь, жаловалось «Революционное общество друзей народов в Шартре», «действует как подлинный аристократ и эгоист», «он отказывается пахать земли безлошадных собственников или требует за это непомерные цены... Это их поведение вынуждает мелких собственников отказываться от возделывания своих земель и сдавать их в аренду»¹⁵⁰.

Почему же не удалось деревенским низам добиться широкого доступа к земле или по крайней мере существенно улучшить свое положение в качестве арендаторов и ипольщиков? Почему якобинцы не смогли помочь им в этом насущнейшем вопросе, несмотря на свое желание сделать пусть не все, но хотя бы что-нибудь?

Мы согласны с советскими историками, которые, отвечая на поставленные вопросы, подчеркивают противоречивость социальной природы «якобинской» буржуазии и связанную с этим непоследовательность социальной политики якобинских лидеров. Якобинцы были искренни в своем эгалитаризме, однако это был эгалитаризм весьма умеренный, отвергавший не только крайние формы «аграрного закона», но и мысль о допустимости общего поравнения в рамках незыблемости самого принципа частной земельной собственности. С нашей точки зрения, руководящей группе якобинцев в деревне был ближе всего слой средних, даже зажиточных хозяев, не отвергавших, как мы видели, уравнительных требований, но весьма осторожных в этой области**. Линия на защиту собственности и собственников от «аграрного закона», сельских (и городских) нанимателей от требований рабочих сохраняла всю свою силу в социальной политике якобинцев наряду с линией уравнительной, неизбежно урезывая и обессиливая последнюю. Но именно поэтому оказывались обречены на частичное и даже полное неисполнение те обещания, которые все же были даны якобинцами сельской бедноте, — о дроблении национальных имуществ, о выделении одного арпана, наконец, о «вознаграждении» «неимущих патриотов» за счет имущества врагов революции. Для их осуществления также требовалось сломить сопротивление влиятельнейших кругов буржуазии в центре и в провинции, преодолеть бездеятельность местных властей, противодействие в центральной администрации и Конвенте. В известной мере и на определенное время на жесткий конфликт с имущими верхами города и деревни якобинцы пошли в продовольственном вопросе, там, где наиболее настоятельно заявляли о себе нужды войны, где к этому побуждало соединенное давление городских и деревенских санкюлотов. Они на это не пошли в вопросе земельном, где сила этого совместно давления была неизмеримо слабее, ибо городские низы в первую очередь волновал продовольственный вопрос. Мы согласны Ж.Лефевром: «...удовлетворив их (санкюлотов. — А.А.) по второму пункту (в вопросе о максимуме. — А.А.), Конвент считал, что без особой опасности может устранить второй, и события показали, что расчет его был правильным»¹⁵¹. Тем более суживались возможности проведения в жизнь вантозовских декретов. Противоречия якобинской политики сказались здесь особенно отчетливо — новая эгалитарная мера совпала по времени с курсом не на расширение народного движения, а на подавление левых, с крутым поворотом в сторону дальнейшего свертывания народной инициативы.

Таковы, как нам представляется, общие причины, определившие неудачу земельной программы крестьянских низов. Но они же привели к тому, что и сравнительно умеренные уравнительные желания, увлекавшие средних крестьян (большее дробление национальных имуществ, льготные условия их отчуждения, ликвидация крайностей аграрной концентрации и т.п.), оказались реализованными лишь частично или не реализованными совсем.

Был ли этот результат заранее предопределен исключительно общими условиями эпохи? Этот вопрос поставил в свое время Н.М.Лукин. «При известном соотношении общественных сил, — писал он, — деревенская беднота могла бы добиться раздробления национальных поместий, что означало бы "перерастание патриархального крестьянина в буржуазного фермера", торжество "американского" пути развития». Такого радикального решения аграрной проблемы, полагал Н.М.Лукин, «плебейские элементы французской деревни могли бы добиться при полной победе крестьянской революции в союзе и под руководством городского пролетариата, организованного в коммунистическую партию, т.е. при действии такой социальной силы, которая еще не сложилась в эпоху Французской революции»¹⁵². Понятно, что эта альтернатива не имела реальных корней и представляет чисто умозрительный интерес. Но не видя в условиях Франции конца XVIII в. предпосылок для торжества такой программы, мы не считаем, что все конкретные повороты социально-экономической политики в якобинское время были фатально предопределены в тех точных границах, которые были достигнуты. Мы не исключаем возможности того, что иное стечение конкретных обстоятельств, например изменение военной ситуации*, могло продлить во времени якобинскую диктатуру и сделать более результативным воздействие городских и деревенских низов на ее социально-экономическую политику, в частности на выполнение того, что было обещано или даже декретировано Конвентом относительно большего дробления землевладения и землепользования¹⁵³.

** Характерно, что и Сен-Жюст, и Купе, и Дюкенуа, и Изоре предлагали ограничить размер фермы 300—400 арпанами (100—150 га) Это отвечало духу умеренно-уравнительных петиций, анализ которых дан выше. Ф.В.Потемкин, изучивший взгляды Ж.Изоре, одного из немногих монтаньяров, хорошо знавших земледелие теоретически и практически (Изоре владел фермой и был автором агрономических сочинений), также связывает его позицию с интересами крепких хозяйств (см. Потемкин Ф.В. Промышленная революция во Франции. М., 1971 Т. 1. С. 199).

* Напомним суждение Ф.Энгельса о значении войны для «биения пульса» революции (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.37. С.266—267).

Этого не случилось. Беднота не увидела ни раздела и умножения ферм, ни арпана эмигрантской земли, ни земель врагов революции. И в этой связи нам кажется уместным рассказать в заключение печальную историю, которая произошла в мессидоре II г. с Жаном Гуэном из Божоле. В молодости он был сельским плотником, а потеряв работу, занялся плетением корзин и нищенством. За это последнее он и был задержан двумя национальными гвардейцами. Гуэн оказал сопротивление, пустил в дело палку и не пожалел бранных слов: «Проклятый негодяй, — кричал он гвардейцу, — проклятый мерзавец, негодяй и жулик, дай мне мой арпан земли, и я перестану нищенствовать... (курсив мой. — А.А.) вы мелкие воры и негодяи, а большие воры и негодяи сидят в Национальном собрании». Несчастный Гуэн был отправлен в Революционный трибунал вместе с письмом его грозному председателю Фукье-Тенвилю и 21 мессидора II г. попал на гильотину¹⁵⁴. Конечно, это исключительный случай, но все же не отразились ли в проклятиях Гуэна по адресу «мелких и крупных негодяев» горечь и разочарование, овладевавшие деревенской беднотой по мере того, как рассеивались ее надежды и ускользала возможность получить хотя бы обещанный арпан земли?

5. КЛАССОВАЯ БОРЬБА в ДЕРЕВНЕ и МАКСИМУМ

До середины 1793 г. борцы против дороговизны и свободы хлебной торговли имели против себя не только объединенный фронт имущих верхов города и деревни, но и закон, и государственную власть во всех ее звеньях. Теперь принудительная таксация стала законом, регламентация торговли — официальной государственной политикой, воплощенной в системе максимума. Все это не прервало социальной борьбы в деревне в связи с продовольственной проблемой. Но она принимала иные формы. «Таксаторские» восстания временно сошли с повестки дня. Борьба велась главным образом на почве претворения в жизнь нового продовольственного законодательства. Ее историю в масштабе страны впервые подверг специальному исследованию Н.М.Лукин¹⁵⁵. Появившиеся с тех пор новые работы подтвердили обоснованность главных выводов советского историка.

* * *

Первый закон о максимуме был принят 4 мая 1793 г. еще жирондистским Конвентом. Этот «первый максимум» предписал введение твердых цен на зерно, учет зерновых запасов и разрешил реквизиции, т.е. предоставил местным властям право принуждать владельцев хлеба выделять установленное количество зерна для немедленной продажи по твердым ценам. Исполнение закона возлагалось на администрацию департаментов. Власти проявили энергию лишь в немногих местах, например в Страсбургском дистрикте (департ. Нижний Рейн), где директория не остановилась перед посылкой вооруженной силы для реквизиций и массовыми обысками у владельцев зерна¹⁵⁶. В целом проведение первого максимума в жизнь было сорвано. Имущая часть деревни ответила на твердые цены массовым нарушением закона и хлебной забастовкой, рынки опустели. Муниципалитеты не вели учета запасов. Местная администрация, состоявшая в большинстве из богатых землевладельцев, фермеров, жирондистски настроенных буржуа, ограничивалась увещеваниями, бездействовала, посылала в Париж ходатайства об отмене закона. «К концу июля 1793 г., — отмечал А.Матьез, — закон 4 мая сошел на нет почти во всей Франции»¹⁵⁷. В некоторых департаментах его попросту отменили, и притом совершенно безнаказанно! Так, в департаменте Дордонь свобода хлебной торговли была восстановлена 27 июня, в Верхней Вьенне — 1 июля, в Руанском дистрикте — 5 июня. Конвент почти не вмешивался, монтаньяры выжидали и колебались. 26 июля, после обновления Комитета общественного спасения, был принят суровый декрет против скупки и спекуляции, а 9 августа — одобрено предложение Леонара Бурдона (из Уазы) о создании «амбаров изобилия». Возможно, этими мерами монтаньяры надеялись заменить политику максимума. Кое-где максимум отменяли сами депутаты Конвента, командированные в департаменты.

Между тем нужда усиливалась и росло недовольство. Во время происходившего в июле плебисцита, одобрявшего Конституцию 1793 г., 15 первичных собраний в департаментах, где происходили в предыдущие месяцы продовольственные волнения, потребовали точного применения максимума и строгого учета зерновых запасов¹⁵⁸. Повсюду жители противились вывозу и перевозкам зерна, останавливали, иногда захватывали обозы. В дистрикте Кани (департ. Нижняя Сена) «некоторые коммуны взбунтовались... угрожая убить членов муниципалитетов и пахарей, если им не будет выдан хлеб»¹⁵⁹. В дистрикте Божанси (департ. Луаре) группы бедняков в июле ходили по фермам, требуя хлеба; в некоторых деревнях департамента Коррез они самовольно обмолотили сложенную в скирды рожь и унесли с собой часть зерна (август).

Поворот в продовольственной политике Конвента определился, как известно, с началом осени 1793 г. в результате нового мощного натиска парижских санкюлотов. Закон 11 сентября установил твердые цены на зерно, муку и фураж. Продажа разрешалась только на рынках, где был возможен контроль. Все хлебные запасы учитывались, владельцам зерна и муки надлежало сообщить о наличных запасах, муниципалитетам — проверить правильность этих сообщений. Для

снабжения армий, городов, нуждающихся департаментов и дистриктов власти могли прибегать к реквизициям. 29 сентября появился «общий максимум» — такса и регламентация были распространены на все предметы первой необходимости. В течение октября — ноября новые меры следовали одна за другой. 22 октября Конвент учредил Центральную комиссию продовольствия и снабжения, наделенную широкими полномочиями, включая право реквизиции с применением вооруженной силы и распоряжения всеми хлебными ресурсами страны. Декрет 25 брюмера отменил так называемый «семейный запас», на который до того имели право крестьяне, — весь урожай был объявлен национальным достоянием. В принципе все зерно подлежало ссыпке в государственные хранилища, его рыночную продажу предписывалось прекратить. Население не только городов, но и деревень должно было снабжаться по определенным нормам из казенных амбаров*.

«Второй максимум» действовал в цельном виде до жерминаля II г. В течение жерминаля был сделан ряд уступок зажиточному и среднему крестьянству: упразднены комиссары по борьбе со спекуляцией, смягчены репрессии за экономические правонарушения, ликвидирована парижская «революционная армия», взят курс на поощрение торговли. Комиссию по продовольствию и снабжению заменили Комиссией торговли и снабжения, из нее был удален Гужон, убежденный сторонник максимума. Тем не менее максимум и реквизиции сохранялись; 8 мессидора, незадолго до жатвы, Конвент предписал учет и общую реквизицию хлеба и фуража нового урожая.

Система максимума во многом прямо зафиксировала пожелания, которые стихийно вырабатывались в ходе массовых продовольственных движений предыдущих лет. Именно в области продовольственной политики уравнилительный дух городских и деревенских санкюлотов восторжествовал всего полнее, воплотившись в официально санкционированном «нивелировании продовольствия» и «хлебе равенства»**. Опубликование закона о максимуме вызвало поначалу самые радужные надежды. Суровая реальность, однако, еще раз показала, сколь обманчива была наивная вера людей XVIII в. во всемогущую силу законодательного текста. Применение «благодетельного закона» вызвало в деревне обострение классовых противоречий и перегруппировку общественных сил.

Максимум и реквизиции сразу натолкнулись на ожесточенное противодействие богатых «пахарей», крупных фермеров, которые располагали товарными излишками, возросшими в результате отмены десятины и феодальных повинностей. До сих пор аграрные завоевания революции служили главным образом к их пользе. Теперь эти слои не обнаружили ни малейшего желания поступиться своим эгоистическим интересом во имя высших интересов революционного отечества. «Хотя революция обогатила больше трех четвертей пахарей и земледельцев, — писало во флореале II г народное общество Шартра, — подавляющее большинство их . поступает, как истинные аристократы и эгоисты...»¹⁶⁰ Повсюду он и находили бесчисленные способы обойти предписания закона. О некоторых из этих способов сообщала администрация департамента Эро: «Здесь земледельцы небольших коммун сговорились избавиться от реквизиций путем ложных деклараций о своих запасах... Другие делают это, заявляя, что продали излишек зерна до опубликования закона; третьи всячески преувеличивали часть зерна, необходимую для пропитания земледельцев и тех, кого они используют на работах; в другом месте слишком большую долю урожая выделили на семена. В результате земледельцы уклонились под разными предлогами от закона об учете зерна, часть реквизиций осталась поэтому неисполненной...»¹⁶¹ Кроме того, поскольку закон разрешал домашние обыски, а декрет 25 брюмера отменил семейный запас, богатые «пахари» и крупные фермеры скрывали хлеб в бочках, оставляли в снопах посреди соломы, зарывали в землю, наконец стравливали скоту. Для уклонения от реквизиций они использовали самые различные предлоги, подчас ловко имитируя патриотические чувства: в дистрикте Понт-Одемар (департ.Кальвадос) отказ от поставок порту Онфлёр и дистрикту Пон-л'Эвек обосновывали тем, что в этих прибрежных местностях зерно могут захватить англичане, в департаменте Эн срывали реквизиции для Лиона, заявляя, что не желают кормить федералистов¹⁶². Нередко сопротивление реквизициям и продаже зерна по твердой цене приобретало открытый и злостный характер, сопровождалось угрозами, в которых отражалась вся мера корыстного эгоизма богатого крестьянина. Один земледелец в Лозере заявил, что он «предпочел бы отдать свой хлеб свиньям, чем продать его по цене максимума»¹⁶³.

Постепенно против продовольственной политики революционного правительства поворачивали и средние крестьяне, имевшие товарный излишек, число их возросло в результате антифеодального законодательства революции. «Положение крестьянина, — отмечает В.И. Ленин, — таково по его быту, условиям производства, условиям его жизни, условиям его хозяйства, что крестьянин — полутрудовой, полуспекулянт»¹⁶⁴. До сих пор в ходе борьбы обнаруживалась

* В больших городах и всюду на Юге это было действительно осуществлено, в местностях, богатых зерном, рынки сохранялись кое-где даже до лета 1794 г.

** В городах, где население покупало готовый хлеб, должен был выпекаться только один, одинаковый для всех простой его сорт. Продажа хлеба нормировалась.

главным образом его трудовая природа. К тому же в движении против сеньориального строя даже собственнические инстинкты крестьянина-производителя оказывались, как уже отмечалось, революционным фактором. Положение изменилось, когда революция попыталась обуздать стихию продовольственного рынка, мешая крестьянину реализовать в полной мере добытые 4-летней борьбой преимущества. Теперь все более резко давало о себе знать то, что крестьянин не только труженик, но еще и «полуспекулянт». Частнособственнические инстинкты оказывались мощным консервативным фактором, создавая основу для объединения всех имущих слоев крестьянства. Как установил Н.М.Лукин, недовольство средних крестьян стало особенно заметно после отмены «семейного запаса» (декрет 25 брюмера) и перехода к политике «нивелирования продовольствия»¹⁶⁵. Оно усиливалось и тем, что были нормированы цены на овощи и продукцию ферм (масло, яйца, птицу и т.д.), которыми приторговывали даже крестьяне, не имевшие зерновых излишков.

Многое зависело в этой ситуации от муниципалитетов. Большинство их находилось в руках зажиточных и средних крестьян. В 1789—1792 гг. эти низовые ячейки власти часто играли роль организующей силы в сельском революционном движении. Теперь, отражая менявшиеся позиции руководящих слоев крестьянства, они оказывались «не на высоте революции. Инертность в исполнении закона, нежелание прибегать к суровым мерам для реквизиций, тайное и явное сочувствие нарушителям максимума — все это было обычным в практике сельских властей. Иногда муниципалитеты решались и на открытый организованный протест. Так, когда дистрикт Монтаржи (департ. Луаре) решил «уравнять продовольственные ресурсы» и перейти на снабжение по норме, муниципалитеты Кокийруа, Гондревилля и нескольких других коммун собрались 22 флореаля в «храме разума» (т.е. в бывшей церкви) и постановили созвать на 24-е число все муниципалитеты кантона Корбей, чтобы сообща протестовать против нормировки»¹⁶⁶.

Реже на тех же позициях оказывались сельские народные общества и революционные комитеты. В большинстве коммун дистрикта Кани (департ. Нижняя Сена), доносил 20 плювиоза национальный агент, «муниципалитеты и наблюдательные комитеты либо апатичны, либо враждебны всякой твердой и революционной мере. Зло коренится в плохом составе комитетов, которые заполнены лишь богатыми эгоистами и злонамеренными...»¹⁶⁷ В департаменте Луаре, по заключению Ж.Лефевра, «наблюдательные комитеты в сельских коммунах... охотно действовали заодно с муниципалитетами» и «нельзя сказать, чтобы революционные комитеты и особенно народные общества усилили революционную репрессию в продовольственном деле»¹⁶⁸.

Сопротивление продовольственной политике Конвента сравнительно редко приобретало форму открытого бунта. Наиболее известно кровавое столкновение на ферме Лож (департ.Ионна). Шапероны, отец и 3 сына, хозяева фермы, спрятали хлеб и посланных к ним 29 прериаля жандармов отбросили ружейным огнем. 300 национальных гвардейцев из Санса и 25 жандармов с двумя орудиями осадили эту отдельно стоявшую каменную ферму. Шапероны отстреливались до глубокой ночи, убили 5, ранили 25 человек, пока не погибли от пуль и пламени подожженной фермы¹⁸⁹. В случае на ферме Лож действовала озлобленная семья богатого фермера (характерно, что в саду фермы были найдены зарытые в землю тонна зерна и тонна муки). Гораздо чаще возникали более широкие «сборища» сельских жителей, нередко вооруженные, которые противились реквизициям и вывозу изъятых зерна. Матьез обнаружил ряд подобных фактов¹⁷⁰, число их, вопреки его утверждению, было значительно большим. Иногда поднимались по набату целые приходы¹⁷¹, включая бедноту. Традиционное противодействие вывозу хлеба из коммуны, вызывавшее в прошлые годы резкие столкновения бедноты с сельскими верхами, теперь вело к образованию антиреквизиционного фронта всего населения деревни.

Вместе с тем борьба за хлеб шла внутри самой сельской коммуны. В связи с проведением реквизиций противоречия возникали между богатыми и средними крестьянами. Там, где сельские верхи держали в руках муниципалитеты, они старались переложить тяжесть реквизиций на мелких и средних земледельцев. Но все же, как заметил Лукин, обычно в одном лагере оказывалось все самостоятельное крестьянство (включая среднее), в другом — деревенская беднота, несущая часть деревни, поденщики, ремесленники¹⁷², т.е. слои, положение которых было чрезвычайно трудным. Санкюлоты крупных городов снабжались путем реквизиций — города располагали для этого властью и силой. Но где мог раздобыть продовольствие сельский бедняк, если он не получал заработной платы в натуре? Закон 11 сентября дал ему право покупать хлеб у земледельцев по особым бонам, которые выдавались муниципалитетами. Но постановление относилось только к деревням, где не было рынков. К тому же «пахари» и фермеры не хотели продавать зерно по ценам максимума. Бедняк, попадавший таким образом в полную зависимость от держателей хлеба, был вынужден покупать дороже, становясь соучастником нарушения закона. С отменой «семейного запаса» и прекращением рыночной торговли хлебом беспосевная часть сельского населения должна была полностью перейти на снабжение путем реквизиций. Это еще более обостряло противоречия между производящей и потребляющей частью деревни.

Борьба бедноты за хлеб приобретала различные формы. Наиболее элементарной был донос на тех, кто продавал зерно по спекулятивным ценам, скрывал хлебные излишки и т.п. Законодательство и местные власти стимулировали активность бедноты в этом направлении — доноситель получал половину штрафа, налагавшегося за куплю-продажу вне рынка; иногда конфискованное у нарушителей закона зерно попросту раздавалось нуждающимся. Донос мог навлечь и более грозную кару на богача, наживавшегося на народной нужде, — тюремное заключение¹⁷³ и даже смертную казнь, если нарушение подпадало под действие закона против скупщиков. Принято считать, что к этой высшей каре не приговаривали за чисто экономические преступления (не считая взяточничества и изготовления фальшивой монеты). В действительности это все-таки делали, хотя, по-видимому, крайне редко. Так, во фримере II г. по приговору революционной комиссии Тура был казнен Урбан Кулон, богатый хозяин из коммуны Линьер, обвиненный в злостном сокрытии и порче 80 буассо (около 1 тыс. литров) ржи; рожь была найдена при обыске, сведения дали работники Кулона¹⁷⁴. За такое же преступление был осужден Жозеф Пеке, «земледелец» из коммуны Гу (департ.Жер); приговор не привели в исполнение. 16 вантоза III г. осужденный адресовал Конвенту просьбу о его пересмотре¹⁷⁵.

В некоторых деревнях, где в населении велика была доля бедняков, поденщиков, ремесленников, осенью и зимой 1793 г. им удалось захватить муниципалитеты, иногда при поддержке командированных депутатов Конвента. В этих случаях они вели жесткий нажим на богатых «пахарей» и зажиточных крестьян, силой осуществляли реквизицию в пользу беспосевных граждан, обеспечивая им своими бонами регулярный паек. А.Собуль детально показал деятельность такого органа власти в одной из коммун Нижней Сены (коммуна Отъё)¹⁷⁶. Подобные муниципалитеты были и на Юге. В коммуне Иль-Журден (департ.Жер) муниципалитет ревностно исполнял закон о максимуме. Был учрежден общественный амбар, заполнявшийся путем реквизиций, раз в 10 дней бедноте отпускалось зерно по бонам.

Гораздо чаще бедноте и вообще беспосевным крестьянам удавалось проникнуть в народные общества и революционные комитеты. Они оказывали давление на муниципалитеты, обличали нарушителей закона. Иногда революционные комитеты действовали более авторитарно, попросту присваивая функции власти. Комитет коммуны Вильнёв-ла-Гюйар (департ.Йонна), в состав которого входили кузнец, саботье, огородник, торговец, виноградарь, бывший жандарм, сам ввел максимум и силой внедрял его в жизнь. «Санкюлоты ничем не рискуют, — говорил один из его членов, — мы имеем неограниченную власть». Надо «сокрушить богатых», предлагал другой¹⁷⁷.

Слишком часто, однако, беднота оказывалась бессильной перед сплоченным фронтом имущих. Это подметил мировой судья кантона Сент-Африк (департ.Авейрон): в дистрикте «много храбрых санкюлотов, но поработанные богатыми, зависящие от них из-за необходимости добывать пропитание и находить заработок, они не обладают ни просвещением, ни энергией, чтоб воспротивиться маневрам эгоистов и честолюбцев...»¹⁷⁸ Как и в борьбе за землю, беднота могла успешно вести борьбу за хлеб, лишь имея союзника в революционном городе.

Естественно, таким союзником могли быть городские санкюлоты, и это хорошо понимали некоторые защитники бедноты. «Жители деревень, поденщики, — писал в сентябре 1793 г. Дюфурни де Вилье, — не считайте себя зависимыми от дурных богачей и монополистов... Призовите себе на помощь патриотов городов, ваших друзей санкюлотов...»¹⁷⁹ Намечавшиеся элементы этого союза выявлены Н.М.Лукиным. Их наиболее ярким воплощением была деятельность «революционных армий»¹⁸⁰. Парижская армия действовала в окружавших столицу департаментах. Являясь в коммуны, «революционеры», как именовали себя солдаты этих особых формирований, вступали в контакт с народными обществами и революционными комитетами. Именно эти органы, более демократические, чем муниципалитеты, служили революционным отрядам опорой, давали им информацию о местных «эгоистах» и «злонамеренных». Они накладывали на богатых революционные контрибуции, конфисковывали излишки, наделяли ими (вплоть до одежды и белья) бедноту. Сами деревенские санкюлоты настойчиво искали поддержку у парижан. Иной раз использовались тесные в ту пору связи городского мелкого люда с деревней. У одного члена сельского комитета оказывался среди секционных активистов Парижа брат, у другого — земляк. К ним и отправлялись в столицу ходоки с доносом и просьбой о помощи. Из коммун, расположенных в стороне от больших дорог, бедняки приходили в центры кантонов и дистриктов, где располагались части «революционной армии», просили послать отряд и в их деревни. В провинциальных «революционных армиях» этот союз воплощался в самом их составе. Наряду с горожанами в них был широко представлен деревенский элемент — мелкие виноградары, арендаторы, батраки, поденщики, ремесленники (департ. Ду, Верхняя Сона, Юра, Йонна, Ло, Жиронда).

Интересна в этом плане и деятельность знаменитой «Временной комиссии Освобожденного города», созданной Колло д'Эрбуа и Фуше в Лионе после подавления мятежа. Комиссия располагала абсолютной полнотой власти в городе и группе соседних департаментов. Составленная из демократов «эбертистской» тенденции, отчасти парижских санкюлотов, она имела в своем распоряжении отряды «революционной армии» из Парижа,

Мулена, Невера и действовала с суровой революционной энергией. Неудивительно, что это сразу ободрило санкюлотов сельских коммун Дофине, Божоле, областей Домб и Форез. Санкюлотские муниципалитеты посылали в Комиссию делегатов, добиваясь вооруженного вмешательства в их борьбу с богатыми земледельцами и «фанатиками»¹⁸¹.

Вместе с тем громадную роль в том, насколько успешной оказывалась борьба деревенской бедноты за хлеб, играла политика революционного правительства. Во многом от нее зависело и соотношение сил, формировавшееся в течение II г. в деревне. Нам нечего добавить здесь к выводам Н.М.Лукина. Несомненно, революционное правительство, его агенты и комиссары Конвента проявили громадную энергию, решая неимоверной трудности продовольственную проблему. Величайшим достижением являлось то, что были снабжены армии и спасено от голода городское плебейство. Но революционное правительство так и не смогло занять последовательной позиции в ожесточенной и очень сложной борьбе, которая шла в деревне.

Логика борьбы за максимум подталкивала якобинцев к тому, чтобы обеспечить бедноте влияние в муниципалитетах¹⁸², революционных комитетах, народных обществах¹⁸³, возложить на богатых крестьян главную тяжесть реквизиций и гужевой повинности, снабжая хлебом бедноту и идя на уступки средним крестьянам. Н.М.Лукин приходил к выводу, что в практике некоторых комиссаров Конвента (Дартигойта, Мора, Ж.Фуше, Ж.Лебона, Лорана, Ж.Ромма) элементы подобной политики пробивались¹⁸⁴. Но в целом линия революционного правительства в продовольственном вопросе такой не была. Противоречивость ее сказалась и в том, что арсенал средств принуждения, на который могли опереться защитники максимума, был ослаблен. Закон 14 фримера упразднил провинциальные «революционные армии». Правительственный натиск на санкюлотское движение в вантозе привел к ликвидации парижской армии и смягчению закона против скупщиков.

Все это способствовало складыванию крайне неблагоприятного для судеб якобинской республики соотношения сил в деревне. Средние крестьяне, ущемленные максимумом и не получившие серьезной компенсации в сфере земельной, сближались с крестьянскими верхами. Раскалывался и тот блок деревенских сил, который боролся в свое время за максимум и приветствовал его введение. Самостоятельная часть несущего крестьянства, в частности виноградари, поворачивала против него, сближаясь с «пахарями» на почве прямого товарообмена в обмен закона — хлеб за вино. А сельская беднота, не получая гарантированного снабжения и крепкой защиты, с одной стороны, испытывала чувство растущего разочарования, с другой — попадала в зависимость от богатого крестьянина и, логикой вещей, под его влияние. Борьба за хлеб приобретала тот своеобразный аспект, который проявлялся в конфликтных отношениях между городом и деревней, враждебной вывозу и таксации зерна, и наличие которого хорошо показал Р.Кобб¹⁸⁵. Но в условиях II г. Республики этот конфликт становился столкновением якобинского и санкюлотского города и сползающей на консервативные позиции деревни. Крестьянские волнения, возникавшие на почве недовольства продовольственной политикой Конвента, принимали иногда и прямо контрреволюционную политическую окраску¹⁸⁶. Позиции якобинской власти в крестьянской массе оказывались ослабленными, причем, хотя и по разным причинам, недовольство охватывало и верхи ее, и низы.

* * *

Период якобинской диктатуры отмечен ростом борьбы всех слоев сельского населения, живших в той или иной мере наемным трудом, за повышение заработной платы¹⁸⁷. До этого наиболее крупный подъем такой борьбы наблюдался летом 1791 г. С середины 1793 г. она вновь заняла заметное место в общей картине деревенских социальных конфликтов. Этому способствовал, во-первых, возраставший недостаток рабочих рук. К июлю 1793 г. под ружьем находились 650 тыс. человек, к весне 1794 г. — более миллиона. Много людей требовалось для выполнения армейских перевозок в форме гужевой повинности. Сотни тысяч людей в расцвете сил были оторваны от сельского хозяйства. Понятно, что это значительно укрепило позиции сельского наемного персонала в борьбе с нанимателями — закон спроса и предложения был теперь на его стороне. Очевидно, уже в преддверии и во время жатвы 1793 г. сельскохозяйственные рабочие не упустили случая использовать создавшееся положение, хотя нам не известно, в какой мере им пришлось для этого прибегнуть к стачкам¹⁸⁸. Во всяком случае, к осени 1793 г. было достигнуто существенное повышение заработной платы — величина ее следовала за продовольственной дороговизной и обгоняла ее. Рабочий, удовлетворявшийся в 1790 г. 15—30 су поденной платы, требовал теперь не только 35—40 су, но и 50 су и даже 3—4 ливра (60—80 су)¹⁸⁹.

С осени 1793 г. в это положение внесла коррективы система максимума. За введение твердых цен и регламентацию снабжения сельские рабочие боролись в течение всей революции. Однако далеко не все их надежды сбылись. Революционное правительство пошло навстречу рабочим постольку, поскольку они выступали в рядах продовольственного движения, объединявшего широкий блок социальных сил. Но оно не стало на защиту специфических интересов рабочих как продавцов рабочей силы. Это обнаружилось уже в момент становления

новой экономической системы осенью 1793 г. Закон 29 сентября ввел, как известно, не только максимум цен, но и максимум заработной платы. Фиксация ее возлагалась на муниципалитеты. Учитывая состав большинства этих органов, можно сказать, что она была отдана в руки нанимателей. Рабочим было отказано в праве на борьбу — сентябрьские законы установили принцип реквизиции, т.е. мобилизации рабочей силы*. Правда, Конвент, повысив цены на одну треть, поднял заработную плату на 50% от уровня 1790 г. Но осенью 1793 г. это означало фактическое ее снижение, ликвидацию завоеванного рабочими повышения оплаты труда¹⁹⁰. Данная прибавка могла бы иметь реальное значение, если бы рабочие надежно обеспечивались продовольствием по твердой цене. Но большинство их было вынуждено добывать хлеб по спекулятивной цене. В итоге у рабочих оставалось два выхода: либо бороться за твердое проведение максимума цен и реквизиций, либо, отвергая максимум заработной платы, добиваться ее повышения. В условиях, сложившихся на рынке труда, борьба за увеличение заработка сулила больший успех. Таким образом, сама противоречивость законов о максимуме и практики их проведения в жизнь толкала рабочих на путь борьбы с нанимателями.

Осенью и зимой ее вели рабочие, занятые на обычных для этого сезона работах, — постоянные батраки на фермах, молотильщики и т.п. В октябре 1793 г. из департаментов Ду и Верхняя Сона доносили об «упрямстве рабочих, предпочитающих пребывать в праздности, чем работать на молотье за оплату по таксе»¹⁹¹. В конце года из департамента Алье жаловались на молотильщиков, которые не желали работать за законную плату и вынудили поднять ее до 36 су с питанием и до 3 ливров без него¹⁹². О том же писали в нивозе из дистрикта Мондидье (департ.Сомма): рабочие на фермах «требуют непомерной оплаты, несмотря на максимум, плохо исполняют работы, что вредит хозяйству и разоряет земледельцев»¹⁹³. Батраки широко применяли и простейший способ борьбы — оставляли хозяев, не согласавшихся на повышение оплаты; дистрикт Питивье (департ.Луаре) требовал «подавить наглость и алчность многих батраков (garçons d'agriculture), которые... требуют у земледельцев непомерные суммы за свою работу и оставляют их, когда кто-нибудь другой соглашается платить им дороже» (февраль 1794 г.)¹⁹⁴. Раздавались жалобы на коллективные сговоры; в вантозе национальный агент дистрикта Монпелье (департ.Эро) доносил: сельскохозяйственные рабочие «объединяются, угрожают собственникам, заставляют их платить за рабочий день выше того, что было фиксировано согласно закону»¹⁹⁵.

Вели борьбу и виноделы. «Виноградари, которые горячо добивались максимума на зерно, — отмечал Ж.Лефевр, — проявили также особую энергию в нарушении максимума на заработную плату». В конце зимы и весной народные общества департамента Луаре обличали «алчность виноделов», которые не желали признавать максимума, устраивали сговоры, навязывая повышение заработка¹⁹⁶. В жерминале отказались работать по таксе виноделы в Бюси (департ.Йонна), а в некоторых других районах они требовали надбавки.

Упорное сопротивление максимуму заработной платы развернули многочисленные речники, занятые перевозкой зерна и дров для столицы. Максимум сильно уменьшил их заработок, в то же время никто не позаботился снабдить их хлебом по твердой цене. Между тем 11 фримера эти рабочие были «реквизированы». С этого времени не прекращались острые конфликты между речниками и агентами Продовольственной комиссии и Коммуны Парижа, посланными на пристани для ускорения перевозок. Рабочие нарочито медленно грузили суда, а в нивозе и плювиозе речники на Уазе, в меньшей мере на реках Марна, Йонна, Урк и Морен прибегли к стачке. Одновременно (в плювиозе) забастовали дровосеки-сплавщики в дистрикте Жуаньи (департ.Йонна)¹⁹⁷.

Местные власти (муниципалитеты и директории дистриктов) прибегали к реквизициям, запрещали рабочим покидать хозяев, грозили им законом о «подозрительных», отдавали под суд. Правда, в позиции этих органов власти были и колебания. Они были вызваны недостатком рабочих рук и борьбой за рабочую силу между крестьянскими хозяйствами. Но революционное правительство твердо вело курс на подавление выступлений рабочих. Для этого оно использовало, в частности, «революционную армию» — ту самую санкюлотскую армию, которая с такой энергией боролась против «богатых эгоистов» за проведение максимума и реквизиций. Осенью и в начале зимы 1793 г. озабоченное сроками обмолота правительство направило отряды «революционной армии» в производящие местности Парижского района (в дистрикт.Понтуаза департ.Сена-и-Уаза, в кантон Пьерфон департ.Уаза и др.). Они должны были не только принять меры против богатых владельцев хлеба, но и принудить молотильщиков работать за установленную плату и помешать возникновению «коалиций». В плювиозе и вантозе Комитет общественного спасения послал отряд «революционной армии» против забастовавших речников

* Декрет 11 сентября дал властям право реквизировать рабочих для обмолота хлебов, декрет 16 сентября — для уборки полей защитников отечества и крестьян, не имевших тяглогового скота. «Коалиция» и стачка карались двумя годами заключения в кандалах. Декрет 29 сентября разрешил муниципалитетам реквизировать рабочую силу для сельских работ и карать тремя днями ареста тех, кто «откажется от исполнения своего обычного дела».

на Уазе и сплавщиков прибрежных коммун на Йонне¹⁹⁸. 29 плувиоза он принял решение о посылке другого отряда — для подавления стачки дровосеков в дистрикте Жуаньи (департ.Йонна)¹⁹⁹.

Правительственный нажим на рабочих резко усилился весной 1794 г. Надвигалась жатва и остро вставал вопрос об обеспечении сельских районов рабочими руками. Разумеется, эта проблема имела общенациональное значение и власти решали ее энергично, прежде всего наступая на сельских рабочих. В сущности принятые меры оказались как бы звеньями одной цепи — разгром левых в столице и чистка Коммуны Парижа, свертывание секционной демократии, упразднение парижской «революционной армии», ослабление репрессивного механизма в системе максимума при одновременном усилении натиска на рабочих. 24 флореаля вопрос о рабочих руках для жатвы поставила перед Комитетом общественного спасения Комиссия по сельскому хозяйству и ремеслам: «Уже возникают опасения, что возобновятся коалиции рабочих, подобные тем, которые в прошлом году оказались столь предосудительны для уборки урожая в некоторых дистриктах Республики»²⁰⁰. Решительные меры последовали в прериале. Главной из них были декрет 11 прериаля и постановления Комитета общественного спасения 11 и 13 прериаля, которые объявили на положении реквизиции всех лиц, занимавшихся обычно уборкой урожая. Муниципалитеты получили указание составить списки этих рабочих и ввести максимум заработной платы (уровень 1790 г. +50%), поскольку во многих коммунах он до сих пор не был фиксирован. Уклонявшихся от работ полагалось объявлять «подозрительными» со всеми вытекающими последствиями; виновные в создании «коалиций» подлежали суду Революционного трибунала. Постановление 29 прериаля запретило повышать рабочим плату в натуре — она оставалась на уровне 1790 г.; запрещено было и требовать натуральной оплаты там, где обычно практиковалась денежная. За этими основными решениями был принят целый ряд других, более детальных; анализ их дан Н.М.Лукиным²⁰¹.

Несмотря на поистине устрашающие постановления (угроза Революционным трибуналом многого стоила весной и летом II г.), борьба рабочих в ходе летних работ оказалась чрезвычайно активной. При нынешнем состоянии наших знаний мы не можем дать ее полную картину. К тому же сам характер этой борьбы делает невозможным точный учет всех актов сопротивления, принимавшего большей частью форму сравнительно мирного давления на хозяев, а не стачек и «буйств»²⁰².

Июнь и июль всегда были временем массового найма в деревне. Пользуясь этим, рабочие отказывались наниматься за законную плату, нередко прибегая к коллективному сговору, «коалициям». Такого рода «коалиции» отмечены историками в дистриктах Дюнкерк, Дуэ, Лилль (департ.Нор), Персии (департ.Сомма), в области Валуа (департ.Уаза), в дистриктах Мелён (департ.Сена-и-Уаза), Шербур (департ.Манш), Питивье, Жьен (департ.Луаре), Мер (департ.Луар-и-Шер), Сансер (департ.Шер), Ниор (департ.Де-Севр), Арне-сюр-Аппу (департ.Кот-д'Ор), в департаменте Ду. Нередко рабочие разрывали уже заключенные соглашения с хозяевами и уходили в поисках более покладистых нанимателей. Многие отходники вообще не пошли в обычные места сезонных работ. Местные власти в один голос обвиняли рабочих в «алчности», «эгоизме» и отсутствии республиканских чувств.

В ходе жатвы возникали «коалиции» иного рода — «коалиции»-стачки, т.е. более или менее организованные коллективные отказы от уже начатых работ. А.Матьез и Н.М.Лукин недостаточно четко разделили эти формы борьбы; среди приведенных ими фактов к стачкам можно, очевидно, отнести выступления рабочих в дистриктах Камбре, Берг (департ.Нор), Санлис (департ.Уаза), Лан (департ.Эна). Нет сомнений, что они были и в других местах; два из них подробно описаны Р.Коббом и Р.Леграном и заслуживают внимания в качестве образцов таких выступлений рабочих. В первом случае речь идет о борьбе в рамках сельского кантона Бонне-ла-Монтань (департ.Луара)²⁰³. С начала жатвы рабочие понуждали хозяев повысить ставки. Некоторые согласились. Те, кто упорствовал, оказались без рабочих рук — жнецы бросили работу и потребовали прибавки*. Тогда в дело вмешался наблюдательный комитет коммуны. Как и в большинстве других крупных бургов, он состоял из мелких буржуа, «добрых патриотов» и якобинцев**, которые были поддержаны в этом случае муниципалитетом и богатыми сельскими хозяевами. Властями было заявлено, что действия рабочих вызваны эгоизмом и злонамеренностью, что подобные люди недостойны жить среди республиканцев и, возможно, они являются засланными заговорщиками. Наиболее упрямых рабочих арестовали, комиссары революционного комитета вместе с жандармами и пикетами национальной гвардии заставили жнецов возобновить работу.

Анатолий Васильевич АДО

КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

* Максимум, установленный муниципалитетом, составлял 30 су в день с питанием Рабочие требовали 5—6,5 ливра, т.е. в 3—4 раза больше.

** В составе его были три торговца, два слесаря, сапожник, цирюльник, каменщик, столяр, трактирщик, нотариус и школьный учитель.

В области Сантерр (дистр.Перонн, департ.Сомма) волнения поденщиков охватили несколько коммун. Это были уже традиционные «буйства», особенно в коммуне Эдикур²⁰⁴. Жнецы вооружились косами, серпами и по 20—30 человек отправились 4 термидора по домам хозяев, заявляя, что не возобновят работу, если к установленной плате не будет добавлено по 2 сетье зерна. Стачка продолжалась до 6 термидора. Администрация дистрикта арестовала зачинщиков; в две другие коммуны была послана вооруженная сила. Комиссия Конвента по сельскому хозяйству не пожалела похвал в адрес дистрикта. Но она требовала большей суровости: арест зачинщиков — «это лишь первый шаг на пути строгого исполнения закона 11 прериала. Статья 12 постановления Комитета общественного спасения точно определила наказание, которому подлежат рабочие, объединившиеся, чтобы потребовать незаконного повышения заработной платы. Они должны быть отправлены в Революционный трибунал». К счастью, зачинщики из Эдикура не попали в грозное судилище. Через два месяца их освободил командированный в департамент депутат Сотеро. Тем не менее закон 11 прериала в области Сантерр был полностью проведен в жизнь.

Оба приведенных факта интересны не только попыткой рабочих отстоять свои интересы, но и энергичным вмешательством революционных властей. Правда, не всегда осуществление антирабочих постановлений было таким непреклонным. Во время жатвы на позиции муниципалитетов и администрации дистриктов сильно сказывалась конкуренция между хозяевами и коммунарами в стремлении удержать рабочую силу. Часто это вело к тому, что максимум заработной платы вообще не фиксировался или устанавливался выше законной нормы. Но власти многих дистриктов держались более жесткой линии: они твердо проводили мобилизацию рабочих, ломая их сопротивление угрозами, посылкой вооруженной силы, арестами и судебными решениями. В дополнение к тому, что рассказал об этом Н.М.Лукин, укажем, например, на действия властей Шартрского дистрикта (департ.Эр-и-Луара). Решением 3 термидора они объявили в состоянии реквизиции всех сельских рабочих, городских подмастерьев, рабочих и ремесленников, не занятых на службе у Республики. «Злонамеренные лица, которые создадут коалицию с целью остановить или бросить работы, потребовать произвольной платы, — говорилось в решении, — будут наказаны как виновные в преступлении против революции». В распоряжение сельских муниципалитетов были посланы жандармы и отряд драгун²⁰⁵.

В свою очередь Комитет общественного спасения и командированные в департаменты депутаты Конвента добивались строгого применения законов о реквизиции рабочих и нормировании заработной платы. В циркуляре национальным агентам коммун Комитет общественного спасения обличал «отвратительный расчет... скрытых контрреволюционеров, гнусная политика которых состоит в том, чтобы, лстя интересам жнецов, парализовать серп в их руках». Циркуляр был принят 28 мессидора II г., на заседании Комитета присутствовали Робеспьер, Кутон, Р.Ленде, Бийо-Варрен, Колло-д'Эрбуа, Барер. В приказах депутатов Конвента, командированных в департаменты, отмечал Н.М.Лукин, «то и дело встречаются свирепые угрозы по адресу граждан, уклоняющихся от мобилизации на сельскохозяйственные работы»²⁰⁶. Эти приказы издавали и монтаньяры, решительно боровшиеся с феодальными порядками, не чуждые уравнилельных настроений (Субрани, Мор, Дартигойт). Овернца Мило мы видели во главе крестьянского восстания в Кантале весной 1792 г. Во II г он не колебался в применении репрессий против богачей, нарушителей максимума; находясь в ноябре при Рейнской армии, Мило писал из Страсбурга в донесении Комитету общественного спасения: «Революционный трибунал, который мы учредили для суда над скупщиками, спекулянтами, торговцами, не соблюдавшими максимальных цен, уже дал полезные примеры. Некоторых он осудил к штрафу от 50 до 100 тыс. ливров и несколькими годам заключения в кандалах. Понадобится еще несколько подобных примеров, чтобы сокрушить алчность... трибунал не упустит никого и дело пойдет»²⁰⁷. Но тот же Мило 5 мессидора II г. постановил, что все рабочие, которые попытаются уклониться от реквизиции или от работ по ставкам максимума, «будут рассматриваться как враги человечества» и караться смертной казнью²⁰⁸. В донесениях другого монтаньяра, Дартигойта, явно проглядывали уравнилельные нотки. Это не помешало ему постановить 30 прериала, во время командировки в южные департаменты, что рабочие, участвующие в «коалиции» и, несомненно, «побужденные к тому агентами Питта», «будут рассматриваться как роялисты и заговорщики. Их будут судить революционным порядком»²⁰⁹. Вся противоречивость политики революционного правительства обнаруживается именно на примере деятельности этих последовательных монтаньяров робеспьеристского направления. Нельзя не согласиться с Н.М.Лукиным, что меры, принятые против сельских рабочих, в сочетании с недостаточно энергичной защитой их как потребителей, ослабляли позиции якобинского режима в деревне, лишали его симпатий пролетарских и полупролетарских элементов крестьянства.

Одна характерная черта социальной борьбы в деревне во время якобинской республики бросается в глаза при первом же общем взгляде на ее историю — в этот период не было больших крестьянских восстаний, подобных тем, которые происходили в 1789—1792 гг. Сошла со сцены «жакерия». Прекратились восстания «таксаторов». Тем не менее классовая борьба в деревне продолжалась. От ее развития и результатов многое зависело и в судьбах революции в целом на

этом высшем этапе, и в том, как определяются окончательно ее аграрные итоги.

Важнейшим завоеванием крестьян явились летние аграрные законы 1793 г., они были прямым итогом крестьянской борьбы предыдущих лет. Приняв акты об отмене феодальных повинностей, уравнительном разделе общинных земель, льготах в распродаже национальных имуществ, якобинцы пошли навстречу насущным нуждам различных слоев деревни — от собственнических верхов крестьянства до деревенской бедноты. Это способствовало укреплению их позиций в решающий момент упрочения у власти и борьбы с поднятым жирондистами «федералистским» восстанием летом 1793 г. Советский исследователь А.В.Гордон отмечает, что в большинстве мест федералистам не удалось добиться активной и прочной поддержки даже зажиточного крестьянства²¹⁰.

Однако дальнейший ход революционных событий, развитие социальных противоречий в деревне во II г. Республики поставили перед якобинской властью чрезвычайно трудные, не разрешимые в рамках опоры на все крестьянство проблемы. Наибольшую последовательность якобинцы проявили в решении вопроса о ликвидации остатков сеньориального порядка. Здесь они осуществили то, перед чем остановились жирондисты. Несколькими ударами между июлем 1793 и маем 1794 г. революционное правительство разрубило гордиев узел: завоеванный после 10 августа 1792 г. принцип презумпции в пользу держателя был осуществлен последовательно и до конца. Всякая повинность, «запятнанная малейшими следами феодализма», признавалась узурпацией и уничтожалась. Крестьянин-держатель, «собственник под феодальными вывесками», окончательно превратился в свободного собственника своей земли. В результате якобинская власть посягнула на интересы не только бывших дворян, но и значительного слоя буржуазии старого типа. Все это отвечало стремлениям собственнического крестьянства, включая его верхние слои, и, очевидно, должно было обеспечить якобинцам его прочную поддержку.

Однако действительность оказалась значительно сложнее. Имущие слои крестьянства ни в коем случае не хотели возврата вспять и упорно противились попыткам урезать ликвидацию феодальных прав, встречая здесь полную поддержку революционной власти. Но они не хотели и движения вперед, продолжения революции. Отныне революционный потенциал богатых и зажиточных слоев крестьянства был окончательно исчерпан — они хотели спокойно реализовать завоеванное.

Между тем в широкой массе неимущих и малоимущих крестьян существовало стремление продвинуть дальше аграрные преобразования революции. Летние аграрные законы 1793 г. далеко не полностью удовлетворили ее интересы. Они также не исчерпывали объективных возможностей буржуазно-демократической революции как таковой (не говоря уже о том, что проведение их в жизнь сразу натолкнулось на противодействие влиятельных сил). Все более настойчивыми становились требования углубить буржуазно-демократические преобразования путем перестройки земельных отношений в уравнительном духе. Как никогда остро вставал продовольственный вопрос. Удовлетворение, хотя бы частичное, пожеланий неимущих и малоимущих слоев крестьянства было невозможным без того или иного посягательства на интересы сельской и городской буржуазии.

В целом ряде вопросов якобинцы смогли пойти навстречу этим требованиям. Прежде всего — в продовольственном вопросе, где давление сельских низов совпадало с мощным потоком требований городских санкюлотов (система максимума, реквизиции, борьба со спекуляцией). Отчасти якобинцы поддержали и уравнительные пожелания деревень, которые в известной мере перекликались с их собственными эгалитарными устремлениями. Поддержали и в официальных речах и декларациях, и своими заботами о проведении в жизнь законов о разделе общинных земель и дроблении национальных имуществ, и попытками новых законодательных решений (вантозовские декреты).

Все это вело к дальнейшему углублению борьбы; внутренняя противоречивость якобинской политики действовала в том же направлении. Уступки деревенским (и городским) низам — прежде всего максимум, ограничение свободы буржуазного накопления — встретили недовольство и сопротивление всей имущей и продающей части крестьянства. Она становилась силой не просто равнодушной, но прямо враждебной всей той системе революционного порядка управления, которая была установлена якобинцами. Лишь беднота, до поры до времени малоимущие середняки, неземледельческая часть крестьян могли составить в деревне массовую базу якобинского режима.

Однако уже к концу весны — началу лета 1794 г. эта опора ослабевала, расслаивалась. Якобинская власть не могла занять определенную позицию по отношению к шедшей в деревне сложной борьбе интересов. Она не поддержала решительно бедноту и потребляющую часть крестьян вообще в ее борьбе за хлеб против крупных фермеров и богатых «пахарей». Не пошли монтаньяры и на сколько-нибудь радикальное удовлетворение на деле ее земельных притязаний. Все это (плюс явно пристрастная позиция якобинцев по отношению к борьбе сельских рабочих за повышение заработной платы) порождало в среде бедноты настроения разочарования, равнодушия к судьбе революционного порядка управления. Ущемив средних крестьян политикой

«нивелирования продовольствия», якобинцы в то же время не пошли в достаточной мере им навстречу в земельном вопросе. В итоге позиции якобинской диктатуры в сельской трудовой массе слабели, усиливалось влияние всех тех слоев деревни, которые были решительно настроены против якобинского режима. Все эти обстоятельства важно учитывать, решая вопрос о предпосылках термидорианского переворота, положившего предел восходящему развитию Французской революции.

Вместо заключения

К ВОПРОСУ ОБ АГРАРНЫХ ИТОГАХ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

На страницах этой книги мы постарались воссоздать общую картину социальной борьбы крестьян Франции в один из самых критических, переломных периодов в истории этой страны. Читатель увидел французских крестьян и перед революцией, в упорной, подчас ожесточенной обороне, и тогда, когда от обороны они перешли к наступлению и сыграли роль важнейшей движущей силы буржуазно-демократической революции конца XVIII в. Мы пытались конкретно показать эту роль, связывая историю крестьянской борьбы с важнейшими перипетиями поступательного развития революции.

Подводя итоги, ограничимся постановкой одного лишь вопроса. Одержали ли крестьяне победу? Главным для них — и объективно, и субъективно — было решение аграрной проблемы, как объективно (в плане социально-экономическом) и для революции в целом, независимо от того, что думали об этом ее политические вожди. Поэтому вопрос о победе крестьян сводится в конечном счете к тому, в какой мере удалось их основной массе завоевать условия для максимального развертывания заложенных в крестьянском хозяйстве потенциалов. Разумеется, мы не можем дать здесь детальный анализ всех аграрных завоеваний революции и их последствий для дальнейшего аграрно-капиталистического развития страны; многие из них нуждаются в специальном исследовании. Мы хотим лишь привлечь внимание к некоторым сторонам этого большого вопроса.

В исторической литературе не раз высказывалось мнение, что аграрные преобразования, которые под мощным воздействием крестьян осуществила Французская революция, оказали тормозящее воздействие на дальнейшее социально-экономическое развитие Франции, задержали капиталистическую перестройку сельского хозяйства и промышленности, динамику промышленного переворота, К такому суждению склонялся в свое время Ж.Лефевр, и оно тесно связано с его общей концепцией «крестьянской революции». «События июля 1789 года*, — писал Ж.Лефевр, — спасли французского крестьянина (от выкупных платежей или огораживаний по английскому образцу. — А.А.); вопреки тому что бросается в глаза на первый взгляд, их влияние было столь же консервативным, сколь революционным: они сокрушили феодальный режим, но они закрепили аграрную структуру Франции... капиталистическая эволюция была очень медленной и осталась незаконченной»¹. В сходном направлении идет мысль, высказанная известным французским историком-марксистом П.Виларом. Наряду с теми конфискациями земель (в частности, церковных), которые осуществила революция, развитие капитализма, писал П.Вилар, «требовало, может быть, и большего — экспроприации мелких и средних крестьян; между тем классовый союз, позволивший осуществить политическую революцию (речь идет о союзе буржуазии с народными, в частности с крестьянскими, массами. — А.А.), выдвигал свои требования; в результате вытеснение определенного типа крестьянства не было осуществлено, что, несомненно, оказало тормозящее воздействие на последующее капиталистическое развитие»².

Тезис о том, что революция конца XVIII в. затормозила капиталистическое развитие страны, с особой категоричностью высказывается рядом современных западных историков³, оспаривающих марксистскую интерпретацию революции. Так, западногерманские ученые Р.Рейхардт и Э.Шмитт пишут: «Заостряя проблему, можно утверждать, что современный капитализм утвердился во Франции не благодаря Французской революции, а вопреки ей»⁴.

Обращаясь к советской исторической литературе, отметим, что решение сложного вопроса о значении аграрных завоеваний революции для последующего капиталистического развития Франции в работах 50—60-х годов не свободно от некоторой внутренней непоследовательности. С одной стороны, в них подчеркивается радикальность аграрных преобразований, которых добилось французское крестьянство в революционный период, с другой — именно упрочение крестьянской земельной собственности и хозяйства в итоге революционного движения 1789—1794 гг. рассматривается как одна из важных причин замедленных (сравнительно с Англией) темпов капиталистического развития и индустриализации Франции в послереволюционные десятилетия. Вследствие того, что при якобинцах «революция была доведена до конца», отмечал, например,

* Речь идет о крестьянских восстаниях, в результате которых было положено начало аграрному законодательству Французской революции.

Ф.Я.Полянский, для Франции был характерен «революционный путь развития капитализма»; но, обращаясь далее к экономической истории XIX в., автор писал, что капиталистическое развитие во Франции шло медленнее, чем в Англии, так как здесь «революционная ломка феодального режима сопровождалась укреплением крестьянской собственности на землю и переход к капитализму происходил на более благоприятных для крестьян условиях»⁵. Сходно трактуется этот вопрос и в статье о промышленной революции в «Советской исторической энциклопедии»: «Великая французская революция, разрушив феодальный строй, ускорила развитие мануфактурного производства во Франции и перерастание его в фабричное. Однако мелкое хозяйство в деревне медленно сдавало свои позиции; обезземеление крестьянства и урбанизация шли здесь гораздо медленнее, чем в Англии, замедляя темпы первоначального накопления и складывание внутреннего рынка»⁶.

Естественно возникает вопрос: неужели именно успехи, достигнутые революционным крестьянством в борьбе за упрочение и расширение своего хозяйства, оказались в конечном итоге одним из негативных с точки зрения экономического прогресса факторов последующей французской истории? Уместно напомнить, что в своем анализе аграрно-крестьянского аспекта буржуазных революций, в том числе и французской, К.Маркс и В.И.Ленин приходили к выводу, что радикальное решение аграрного вопроса в интересах крестьянства означало создание благоприятных условий для дальнейшего капиталистического развития. «Корни, пущенные во французскую землю парцелльной собственностью, — отмечал К.Маркс, — лишили феодализм всяких питательных соков». Хорошо известны и неизменно приводятся при характеристике французского аграрного строя первой половины XIX в. мысли К.Маркса об исторической обреченности мелкой собственности и мелкого хозяйства в условиях развивающегося капитализма⁸. В данном случае речь идет о неизбежном результате их развития. Но не менее важны и другие его соображения, которые непосредственно предшествуют этому анализу и имеют в виду исходный пункт эволюции: «Свободная собственность крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, есть очевидно самая нормальная форма земельной собственности для мелкого производства... в которой обладание землей есть условие принадлежности работнику продукта его труда... Собственность на землю так же необходима для полного развития этого способа производства, как собственность на инструмент для свободного развития ремесленного производства. Она образует здесь базис для развития личной самостоятельности. Она является необходимой переходной ступенью для развития самого земледелия»⁹. Подобные мысли не раз высказывал и В.И.Ленин, рассматривая значение аграрно-крестьянского вопроса в буржуазной революции. «Свободная собственность мелкого крестьянина на землю, — писал он в 1907 г., — есть необходимый спутник мелкого производства в земледелии при известных исторических условиях»¹⁰. Применительно к условиям российской буржуазно-демократической революции В.И.Ленин сделал следующее заключение: «Переход земли в руки крестьян несколько не уничтожил бы господства в России капиталистического способа производства, он дал бы, напротив, более широкую базу для его развития, он приблизил бы тип этого развития от какого-нибудь итальянского к американскому...»¹¹

Что касается Великой французской революции, то одним из важнейших ее результатов В.И.Ленин считал именно «переход всей страны... к более высокому способу производства, к свободному крестьянскому землевладению»¹².

Все сказанное побуждает вновь обратиться к вопросу об аграрных итогах Французской революции, осмыслить масштабы и прочность достигнутых в ходе нее крестьянских завоеваний. Один вывод представляется несомненным: все крестьянство решительно отвергло ту программу компромисса со Старым порядком в аграрной сфере, с которой начинали и вели революцию в первые ее годы либеральное дворянство и умеренная буржуазия: уничтожение феодальной юридической структуры земельной собственности и иерархии держаний при сохранении, однако, всех «реальных» феодальных повинностей в форме выкупаемых «поземельных рент», незыблемость крупного частного землевладения и землепользования, включая сеньориальный домен и почти все совершенные ранее сеньорами захваты общинных земель, отчуждение земельного фонда национальных владений в пользу имущих слоев общества, утверждение принципа «аграрного индивидуализма» и свободы огораживаний.

Эта программа в большой мере была сорвана крестьянством. В борьбе «двух линий» по аграрно-крестьянскому вопросу оно во многом сумело навязать буржуазной революции свои решения. Крестьяне добились радикальной отмены феодально-сеньориального порядка, полного уничтожения сословной неравноправности и остатков внеэкономического принуждения. Якобинский декрет 17 июля 1793 г. о безвозмездной отмене всех феодальных повинностей, усиленный в течение октября 1793—мая 1794 г. рядом дополнительных постановлений, остается одним из наиболее замечательных документов не только французской, но и всей европейской революционной истории. Крестьянин стал равноправной личностью в рамках буржуазных свобод. Те крестьяне, которые уже обладали до революции несвободной собственностью (держанием), превратились теперь в свободных собственников своей земли и тем самым отвоевали себе 10—

—15% валового урожая (в среднем), изымавшихся у них в уплату феодальных повинностей и десятины (совокупная их величина достигала, однако, иногда 20% и даже больше). Ликвидация сеньории означала и отмену продажных пошлин (до 20% от цены земли), всякого рода натуральных взносов.

Крестьяне в известных пределах сумели воспользоваться и совершенными революцией громадными земельными перемещениями. Законодательство 1792—1793 г., в первую очередь якобинский закон 10 июня 1793 г., радикально удовлетворило требования мелких крестьян, касавшиеся общинных земель. Возвращение общинам узурпированных у них угодий означало не что иное, как частичную экспроприацию бывших сеньоров и связанной с землей старой буржуазии в пользу сельской коммуны. Их раздел, завоеванный беднотой, приоткрыл для нее доступ к parcelle, хотя мы не можем сказать, в каких размерах¹³. Крестьяне смогли получить и долю земель из национального фонда (согласно некоторым оценкам общая площадь проданных во время революции национальных владений составила 1/7—1/8 всего земельного фонда Франции¹⁴). Конечно, такие районы, как Камбрези (департ.Нор), где, объединяясь в ассоциации, используя угрозы и даже насилие, крестьянство в 1791—1793 г. купило в два раза больше земли, чем буржуазия, — исключение. Но кое-что крестьяне приобрели везде; до IV г. Республики во многих местах они шли впереди буржуазии по размеру купленной площади¹⁵.

Крестьянам удалось приобщиться к земле еще одним путем. Немало семей дворянства и старой буржуазии, разоренных отменой феодальных прав, налоговых привилегий, должностей, а также инфляцией, были вынуждены распродать свои владения¹⁶. Пользуясь падением цен на землю, крестьяне и здесь не упустили возможности кое-что приобрести. Они обращались за землей также к спекулянтам, покупавшим имения у нации и частных лиц для последующей продажи враздробь. Таким образом, революция увеличила площадь крестьянского землевладения. В какой мере? К сожалению, нет итогового материала для сравнения распределения земельной собственности между разными общественными классами в 1789 г. и после революции, например в 1815 г. Единственные полные данные — плод самоотверженного труда Ж.Лефевра — относятся к департаменту Нор:

Приведем также результаты подсчетов по дистрикту Сен-Поль (департ. Па-де-Кале). Всего здесь переменяло владельцев около 25,7% земельной площади, доля мелкой и средней собственности возросла с 55,6% в 1790 г. до 61,7% в X г. Республики¹⁷. В Санском дистрикте (департ.Йонна) в итоге революции собственность буржуазии возросла с 15,98 до 23,8%, крестьян — с 49,58 до 54,05%¹⁸.

Львиную долю земли приобрела крестьянская верхушка. Но возросло также число мелких и мельчайших крестьян-собственников; этот факт согласно отмечали префекты в докладах правительству в IX—XIII гг. В департаменте Нор землевладельцев стало больше на 35%. Особенно увеличилось число мелких собственников, имевших до 5 га; число тех, у кого было свыше 5 га, выросло мало, но их владения округлились. Умножились мелкие хозяйства, особенно площадью до 1 га, но также и от 1 до 5 и от 5 до 10 га. Напротив, крупные фермеры несколько сдали позиции в результате происшедшего по разным причинам дробления ферм. Оценивая масштабы перераспределения земель в департаменте Нор, надо учесть, что здесь была очень велика площадь церковных земель (20% всех земельных владений против, например, 3,2% в дистрикте Монпелье, 1,7% в дистрикте Лодев, 4% в дистрикте Безье, 0,3% в дистрикте Сен-Пон). Как известно, они были распроданы в годы революции.

Возможно, есть основания говорить о некотором «осереднячивании» французской деревни в тех районах, где крупным был фонд национальных имуществ и крестьянам удалось повернуть в свою пользу происходившие в ходе революции перемещения земельной собственности (в департаменте Нижний Рейн крестьяне купили 50% церковных земель, в департаменте Нор — 52%).

Необходимо также отметить, это во время революции крестьяне во многом смогли противостоять натиску «аграрного индивидуализма». Право земельных собственников огораживать свои земли и возможность отмены общинных сервитутов были декларированы так называемым «Сельским кодексом», принятым 28 сентября — 6 октября 1791 г., но практическое исполнение этих его положений в большой мере зависело от воли общин. Поэтому мелкие и средние крестьяне отчасти сохранили и необходимые для жизнеспособности их хозяйства общинные права пользования (прежде всего право общинного выпаса).

В целом революция, несомненно, привела к укреплению и расширению позиций земельной собственности крестьян и их хозяйства. «Это присутствие крестьянского мира и неоднородного — от нотаблей до крестьян — сельского общества, — подчеркивает М.Вовель, — было одним из основных элементов истории Франции» вплоть до XX в.¹⁹ Может ли констатация этого факта служить подтверждением отмеченного выше вывода о том, что Французская революция с ее мощным и эффективным крестьянским движением оказалась фактором торможения в капиталистическом

¹³ Все указанные дистрикты — в департаменте Эро.

развитии Франции? Мы полагаем, что нет, ибо этот вывод вызывает возражения методологического и конкретно-исторического порядка.

Отметим прежде всего, что указанная оценка аграрных результатов революции возникает при сопоставлении их с «моделью» утверждения капитализма в Англии, т.е. в иных, отличных от Франции, исторических условиях. Так, известный английский ученый Э.Хобсбоум, именно отталкиваясь от английского, жесткого варианта экспроприации крестьян, пишет о «колоссальном парадоксе» послереволюционного развития во Франции, где «капиталистическая часть экономики оказалась надстройкой над имущественной базой из крестьянства и мелкой буржуазии», положение которых Французская революция укрепила, вместо того чтобы их экспроприировать, как это было сделано в Англии. Результатом, утверждает он, явилась замедленность технологического прогресса и концентрации капитала²⁰. Для современных историков, связанных с известным журналом «*Annales. Economies. Societes. Civilisations*», характерно суждение Э.Леруа Ладюри, считая, по существу, английский (или близкий к нему) вариант аграрно-буржуазного развития оптимальным для Франции (выше отмечалась его концепция сеньории XVIII в. как «матрицы» капитализма в сельском хозяйстве), он приходит к выводу, что успешному утверждению этого варианта на французской почве помешало «фанатичное сопротивление» крестьян: «Крестьянская революция (1789—1793 гг. — А.А.) задержала больше чем на столетие образование французского сельскохозяйственного капитализма по английскому типу»²¹.

Все эти, как и многие иные, суждения о негативной (с точки зрения экономической динамики) роли аграрных результатов Французской революции как бы подразумевают, что революция могла бы обеспечить и радикально иной результат, пойти английским путем беспощадной экспроприации крестьянства.

Между тем в решении вопросов, связанных с долговременными процессами социально-экономического развития, преобразовательные возможности Французской буржуазной революции не могли не быть ограничены определенными пределами. Ее аграрные итоги были неизбежно связаны с теми тенденциями аграрно-буржуазного развития, которые реально и достаточно прочно укоренились на французской земле к концу старого порядка и оказывали влияние на расстановку общественных сил в ожесточенной борьбе, развернувшейся вокруг выдвинутых в ходе революции альтернативных решений аграрно-крестьянского вопроса. В частности, революция никак не могла обеспечить условия для дворянско-буржуазной «чистки земель» для капитализма, т.е. для радикальной экспроприации мелких сельских производителей. Ожесточенное сопротивление деревень имело прочную основу: несмотря на шедший с XVI в. процесс «первоначального накопления» и воссоздания сеньориального домена, крестьянство Франции смогло удержать и закрепить за собой ко времени революции не менее 40% земель, а крестьянское хозяйство являлось широкой основой для становления капиталистического уклада²². В конечном счете решительно уничтожив сохранявшиеся феодальные порядки и во многом пойдя навстречу крестьянам, революция закрепила и стимулировала те пути аграрно-капиталистического развития, которые достаточно прочно определились в стране к концу XVIII в. В этом ее результате отчетливо проявилась своеобразная диалектика революционного разрыва и исторической преемственности в истории Французской революции. Размышляя о путях буржуазного развития Франции после революции, современные французские историки-марксисты подчеркивают их исторические корни. «Именно на базе богатого и сложного исторического наследия, — пишет М.Вовель, — революция кристаллизует во всем его своеобразии французский путь перехода от феодализма к капитализму»²³.

В результате революции во Франции оформились два типа буржуазной земельной собственности: крестьянская (площадь которой возросла) и крупная собственность бывших дворян (площадь которой сократилась) и буржуазии. При этом сохранилось и даже усилилось различие между областями преобладания крупного хозяйства («крупной культуры») на Севере, с одной стороны, и мелкого хозяйства («мелкой культуры») на Юге, т.е. в обширных районах южнее Луары, — с другой.

Происходившее до революции внедрение капиталистических отношений на основе крупной земельной собственности продолжалось в новых, созданных революцией условиях. Некоторые крупные землевладельцы из бывших дворян обратились к ведению собственного хозяйства, нанимая рабочих и используя передовые методы земледелия²⁴. Однако решительно преобладал иной вариант. В районах «крупной культуры» дальнейшее развитие получило капиталистическое фермерское хозяйство. Во время революции некоторые крупные фермы, располагавшиеся на

²⁰ Буржуазной революции во Франции, писал А.Собуль в одной из статей начала 50-х годов, «пришлось пойти на компромисс, все значение которого можно понять, лишь сравнив эволюцию французского сельского хозяйства с эволюцией английского... Если бы огораживания и концентрация землевладения были навязаны во Франции так же, как в Англии, капитализм восторжествовал бы столь же полно в области сельскохозяйственного производства, как и в области промышленного производства» (Собуль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 годов и революции 1848 года во Франции. М., 1960. С.63). В дальнейшем, как уже отмечалось, А.Собуль критически пересмотрел эту точку зрения.

на бывших церковных или на эмигрантских землях, были раздроблены, поскольку это позволяли местные условия, при продаже национальных имуществ. Фермеры, бравшие до революции на откуп феодальные повинности или десятины, лишились этих источников дохода. Но в целом крупное фермерство в итоге революции укрепилось, прежде всего в главном районе его распространения — Парижском бассейне. Некоторые фермеры при продаже национальных имуществ стали хозяевами своих ферм. Сохранились и многие старые фермерские династии, из их среды вышли в XIX в. сельские предприниматели-капиталисты нового типа (*agriculteurs*). Ж.М.Морисо проследил историю четырех таких династий в области Валуа и прилегающих местностях Иль-де-Франса с XVI по XIX в. Стойкость их поразительна. Так, фермерская династия Бежо с начала XVII по XIX в. дала 20 арендаторов крупных ферм, династия Прево (с 1640 г.) — 17, династия Люси — 22; 13 поколений династии Жиберов с конца XVI по XIX в. дали более 50 крупных фермеров²⁵. А.Собуль показал восхождение фермерской семьи Томассенов в коммуне Пюизе (департ. Сена-и-Уаза) с 1766 г., когда основатель династии взял в аренду сеньориальную ферму в 185 га, до середины XX в. (Томассены превратились к тому времени в крупных земельных собственников)²⁶. Фермерское хозяйство зерновых районов «крупной культуры» давало основную массу товарного хлеба, шедшего на снабжение возраставшего населения Парижа и больших городов Северной Франции.

Напомним, однако, что одним из главных результатов Французской революции было расширение и укрепление крестьянской земельной собственности и хозяйства. (Освободившийся от бремени сеньориального строя крестьянин стал основной фигурой сельскохозяйственного производства в большей части Франции. Наличие мощного мелкотоварного крестьянского сектора было одной из важнейших особенностей экономической эволюции и социальной структуры страны (оно наложило глубокую печать и на ее политическую историю). Французские историки-марксисты, уделяющие в последние годы много внимания вопросу о специфике «французского пути» становления и утверждения капитализма, считают, что «одной из наиболее очевидных его характерных черт является жизненность и прочность крестьянства»²⁷.

Написанный известным французским ученым М.Агюлоном раздел большого коллективного труда «История сельской Франции», посвященный 1789—1852 г., озаглавлен: «Подъем крестьянства»²⁸. Действительно, в течение ряда десятилетий после Французской революции наряду с концентрацией земельной собственности происходил и процесс ее дробления²⁹, в том числе при продаже некоторыми крупными землевладельцами своих владений, которые по частям скупались крестьянами^{***}. Возрастало число мелких и мельчайших собственников и хозяйств, росла и общая численность сельского населения (с 23,4 млн в 1811 г. до 29,6 млн в 1841 г.).

В первой половине XIX в. еще не сложилась техническая база для крупного производства в земледелии, основанного на применении машин. Рыночная конъюнктура была благоприятна для крестьян — в этот период «ножницы цен» были в пользу сельского хозяйства: цены на промышленные товары упали в пять раз больше, чем цены на продовольствие³⁰. В этих условиях мелкое крестьянское хозяйство не только сохраняло жизнеспособность, но и довольно успешно конкурировало с крупным. Конечно, это было связано с непомерными трудовыми затратами крестьянской семьи. Но историки отмечают также, что укрепившийся в этот период слой средних крестьян оказался способен применить и доступные ему при отсутствии механизации усовершенствования в скотоводстве (в частности, вводились в севооборот кормовые травы, «искусственные луга»), виноградарстве, выращивании технических культур³¹. Заметный рост сельскохозяйственного производства, достигнутый во Франции в первой половине XIX в. (по существующим оценкам, он составил с 1815 г. по начало 1850-х годов 73—78%), расширение обрабатываемых площадей, обогащение ассортимента культур, рост урожайности были связаны не только с прогрессом крупного фермерского хозяйства, но в немалой мере были обусловлены и усилиями крестьян. Крестьянство составило в этот период и емкий рынок для французской промышленности, которая после утраты в результате революционных и наполеоновских войн процветавшей до революции заморской торговли была вынуждена переориентироваться на внутренний рынок. Наличие после революции мощного массива крестьянского населения не помешало тому, что на рубеже XVIII—XIX вв. в стране начал разворачиваться промышленный переворот и Франция, как писал А.Собуль, «вступила... на свой манер в индустриальную эру. 1800—1810 гг. были в этом отношении решающими»³².

** Такое дробление было несложно осуществить в тех случаях (нередких в XVIII в.), когда крупный фермер обрабатывал несколько взятых в аренду отдельных ферм, а также если цельные крупные фермы были сформированы из массива пахотных земель. Разделы ферм при продаже имели место во Фландрии, Артуа, областях Веле и Лимань (см.: Люблинская А.Д. Французские крестьяне в XVI—XVIII вв. Л., 1978. С.230, 28й).

*** В письме Л.Кугельману (1889) Ф.Энгельс высказал суждение, что «крестьянское землевладение (во Франции. — А.А.) снова достигло к 1830 г. своего высшего расцвета» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.37. С.109).

С неуклонным нарастанием товарного производства в крестьянской среде усиливалась социальная дифференциация, прокладывая себе дорогу своеобразный «крестьянский путь» капиталистической эволюции сельского хозяйства. Укреплялся слой зажиточных и богатых крестьян. При этом в регионе «мелкой культуры» их хозяйство могло быть сравнительно небольшим по площади — решающее значение имело высокое качество виноградника, участка, занятого садово-огородными или другими специализированными видами культур. В то же время к середине XIX в. 37% крестьянских дворов (из общего числа 8 млн) были освобождены от уплаты налогов ввиду бедности. К началу 1850-х годов 37,3% мельчайших крестьян имели земельную собственность, но доходы от хозяйства были недостаточны для содержания семьи и приходилось прирабатывать, нанимаясь за поденную плату к более зажиточным соседям. 62,7% поденщиков были безземельными и существовали только за счет продажи своей рабочей силы³³.

Мелкая крестьянская собственность исчерпывала свои возможности по мере того, как близилась к завершению промышленная революция, создавалась техническая база для крупного механизированного производства в земледелии. В 1871 г., фиксируя начавшийся ранее процесс, К.Маркс отметил: «Крестьянская собственность (во Франции. — А.А.) вступила в период своего упадка»³⁴. Капитальное исследование Ю.Г.Трунского позволяет проследить этот процесс статистически. Если в 50—60-е годы XIX в. начался массовый исход из деревни продававшей свою рабочую силу сельской бедноты (численность ее сократилась за этот период на 30%), то к 80-м годам начинает неуклонно сокращаться также число мелких и средних крестьян-собственников. Через 90 лет после Французской революции в их руках осталось около 35% земли, свыше 64% ее сосредоточилось в руках капиталистических слоев деревни. Процесс концентрации земельной собственности в стране стал ведущим и преобладающим. То же относится и к экспроприации мелких и средних крестьянских хозяйств. В 1882—1892 гг. впервые сократилось (на 17472) число хозяйств, имевших размеры от 1 до 10 га. С тех пор этот процесс шел нарастающими темпами³⁵.

Таким образом, неизбежная в условиях капитализма экспроприация мелких и средних крестьян, которая до середины XIX в. сочеталась с шедшим параллельно дроблением земельной собственности и хозяйств, окончательно обрела необратимый характер. Но при всех ее бедствиях она имела во Франции иной, более «сглаженный» темп и иные формы, чем в Англии. Здесь не наблюдалось того «безжалостного вандализма» в ограблении сельского населения³⁶, которым была отмечена ликвидация крестьянства по ту сторону Ла-Манша. «Если наша аграрная эволюция, — писал Ж.Лефевр, — не может гордиться таким же экономическим прогрессом, как аграрное развитие какой-либо из иных стран, она, по крайней мере, принесла меньше страданий, была более человеческой. И это потому, что Франция знала крестьянскую революцию»³⁷.

* * *

Высказанные выше соображения подтверждают, как нам представляется, что вывод о задерживающем влиянии аграрных итогов Французской революции на социально-экономическое развитие в плане чисто научном является упрощенным, не учитывающим сложного диалектического соотношения до- и послереволюционных реальностей экономической жизни Франции. В частности, это относится и к вопросу о взаимодействии между аграрной системой с характерной для нее большой ролью крестьянского сектора и развитием промышленного переворота. В литературе последнего времени высказана справедливая, по нашему мнению, мысль, что проводить слишком прямую причинную связь между ними вряд ли правомерно. Особенности индустриализации Франции, писала А.Д.Люблинская, «связаны не только и не столько с ее аграрной структурой, сколько со многими другими причинами, касающимися самой промышленности и страны в целом»³⁸. Надо учитывать и то, что главную роль в капиталистическом развитии в целом играет не сельское хозяйство, а промышленность, она увлекает за собой сельское хозяйство и стимулирует его буржуазную эволюцию. С.Д.Сказкин, осмысливая истоки расхождения путей аграрного развития и различных судеб крестьянства в Англии и Франции в XVII—XIX вв., усматривал их именно в различной интенсивности промышленного роста и в различных сроках промышленной революции в этих странах³⁹.

При всем том существовала, несомненно, и взаимная зависимость процессов, происходивших в аграрной и промышленной сферах. Очевидно, в условиях мелкокрестьянской Франции послереволюционных десятилетий специфические черты парцеллярного крестьянского хозяйства не могли не оказывать определенного воздействия на темпы и особенности промышленного переворота.

Анатолий Васильевич АДО

КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

³³ Мы не касаемся здесь мифов идеологического порядка, которые несомненно присутствуют в утверждениях буржуазных историков о якобы консервативной роли Французской революции для социально-экономического прогресса страны.

Шедшая в этот период парцелляция земельной собственности в сочетании с сохранением традиционных общинных институтов вела к тому, что даже обнищавший крестьянин имел возможность не покидать деревню, обладая клочком земли и обращаясь к общинным угодьям и правам пользования. Это усиливало аграрное перенаселение, задерживало отлив бедноты в города и создавало в деревнях громадный резерв рабочей силы, остро нуждавшейся в дополнительном заработке. Тем самым продлевалась во времени относительная стойкость «доиндустриальных» (ремесленных и мануфактурных) форм промышленного производства, прибыльность которых обеспечивалась использованием дешевого труда деревенской бедноты, а не модернизацией с применением машин и новой технологии.

Агротехническая перестройка также шла замедленно, черты традиционной системы ведения хозяйства обнаруживали большую живучесть, в областях «мелкой культуры» сохранялись архаичные формы аренды.

Все эти обстоятельства не раз отмечались в советской и в зарубежной исторической литературе. Но следует ли их связывать преимущественно с теми успехами, которые были достигнуты во время революции на пути укрепления крестьянского хозяйства и утверждения на большей части страны своеобразного «крестьянского пути» аграрно-капиталистического развития? Мы думаем, что, решая этот вопрос, важно, напротив, обратить внимание на ограниченность аграрных итогов революции, очертить пределы крестьянских завоеваний революционного времени. Действительно, даже в 1793—1794 г. аграрно-уравнительные требования, выдвигавшиеся разными слоями крестьян, а наиболее последовательно — крестьянскими «низам», были законодательно удовлетворены лишь отчасти. Еще менее они были за этот краткий период времени претворены в жизнь. После работ Ж.Лефевра это общепризнано.

Значительно меньше внимания обращено на другой аспект проблемы — на то, что об окончательных итогах следует судить не только по результатам наступления сельской демократии, достигнутым в 1792—1794 г., но и по тому, что принесла борьба вокруг аграрного вопроса на нисходящей стадии революции, т.е. в период от термидора к брюмеру.

Читая массу относящихся к аграрным делам петиций, которые стали поступать в Конвент в первые же месяцы после термидорианского переворота, ясно ощущаешь, как все более настойчиво звучало требование имущих верхов покончить с разговорами о равенстве, вернуть крупной собственности весь ее престиж и влияние. Среди этих документов особенно выразительна петиция «граждан земельных собственников» дистрикта Вильфор (департ.Лозер): «Именно собственность определяет человека, так как она... связывает его с другими гражданами, отвечает за него перед обществом, побуждает его к добродетели; кто не имеет собственности, тот существо изолированное, чужое в своем отечестве, ни к чему не привязанное, которому все страны одинаково безразличны... пора уничтожить беззакония санкюлотизма и перейти к лучшему порядку вещей»⁴⁰. С трибуны термидорианского Конвента то же требование со всей силой выразил в речи 5 мессидора III г. Ф.-А.Буасси д'Англа: «Вы должны, наконец, гарантировать собственность богатых людей... Страна, управляемая собственниками, находится в общественном состоянии; страна, в которой управляют неимущие, находится в состоянии первобытном»⁴¹.

Итак, «конец беззакониям санкюлотизма», «страна, управляемая собственниками» (добавим — крупными собственниками) — таковы были отныне лозунги дня. Началось энергичное наступление на завоевания крестьянских низов, и даже отчасти на результаты, достигнутые крестьянством в целом. Оно развернулось прежде всего в области земельного вопроса. Уравнительная волна II г. в сельском движении не сразу схлынула после 9 термидора. В III и даже в IV г. в Конвент еще приходили уравнительные петиции, бедняками совершались самоуправства в лесах, на огороженных участках, на узурпированных общинных землях и т.п. Но слабевшему и лишенному отныне поддержки сверху уравнительному течению противостоял «антиэгалитарный» натиск буржуазии, коснувшийся всех сторон земельной политики. Петиция землевладельцев из дистрикта Вильфор четко определила его сущность: «Было время, когда одна клика хотела аграрного закона. Не осмеливаясь взяться за дело открыто, она хотела достичь цели круглыми путями. Для этого она добилась закона о выкупе вечнонаследственных аренд, закона о разделе общинных земель и многих других, более или менее посягавших на священное право собственности... Задача, достойная вас (законодателей. — А.А.), уничтожить эти памятники угнетения... Мы знаем, что декретировано равенство, и мы его приветствуем... Но равенство также имеет свой фанатизм — можно злоупотреблять всем. Равенство, которое вы декретировали, — это равенство в правах, всякое иное равенство было бы чудовищным и невозможным»⁴².

⁴⁰ Напомним, что под «аграрным законом» (loi agraire) имелся в виду во время революции радикальный передел всех земель на основе равенства.

Реакция коснулась, во-первых, законодательства 1792—1793 г. относительно общинных земель. Главным объектом атаки стал закон 10 июня 1793 г., точнее, те его положения, которые резко расширяли возможности сельских общин вернуть захваченные у них земли, разрешали и поощряли раздел общинного земельного фонда. Формально закон 10 июня никогда не был отменен, но серией законодательных, административных и судебных актов действие указанных его положений, а отчасти и уже достигнутые на его основе результаты были резко ограничены или сведены на нет. Выше отмечалось, что установленный этим законом порядок возвращения узурпированных земель грозил частичной экспроприацией в пользу крестьян не только бывшего привилегированного, но и буржуазного землевладения. Во время якобинской диктатуры крестьяне широко использовали введенную законом процедуру арбитража, присваивая иногда целые фермы и имения, созданные в XVIII в. на бывших общинных и пустопорожных землях. Протесты старых собственников хлынули сразу же после падения якобинцев. Термидорианский Конвент и Директория отнеслись к ним с самым сочувственным вниманием. 29 вантоза IV г. принудительный арбитраж был отменен. Еще раньше началось наступление на уже заполученные крестьянами земли. Декретом 7 брюмера III г. у коммун были отобраны леса, которыми они завладели согласно решениям арбитров. По закону 12 прериала IV г. все собственники, пострадавшие от решений арбитров, получили право апелляции. 28 брюмера VII г. Конвент уже прямо предписал пересмотреть все арбитражные постановления. Требования о кассации хлынули потоком, и многие приговоры арбитров были отменены Кассационной палатой⁴³. Пересматривались и решения, вынесенные обычными судами (закон 19—20 жерминаля IX г. распространил на них положения закона 28 брюмера VII г.). Так была отнята у крестьян некоторая часть земель, отвоєванных ими у бывших сеньоров и буржуазии.

Особенно непримиримой была реакция на положения закона 10 июня, касавшиеся раздела общинных земель. Протесты против них были продиктованы различными хозяйственными интересами, но все они исходили от богатых. Закон 10 июня 1793 г., говорилось в петиции, посланной 27 плювиоза III г. из Авейрона, «кажется нам аморальным, он повлек за собой бесчисленные злоупотребления... руки, которые помогали богатому собственнику возделывать его поле, покинули его ради обработки полученных ничтожных долей... таким образом, имущество собственника останется необработанным, прекратится разведение овец...»⁴⁴ Эта петиция явно отражала интересы здешних богатых скотоводов. Авторы петиции из департамента Крез (прериаль IV г., дистрикт и коммуна не указаны) ждали с нетерпением пересмотра положений закона 10 июня 1793 г. относительно раздела общинных земель. «...Этот закон, — писали они, — противоречит природе человека, всем старым и новым законам», он допускает к равному разделу арендаторов, издольщиков, батраков и рабочих на фермах, «лишает истинных собственников их имущество», вреден сельскому хозяйству и т.п.⁴⁵

Напротив, деревенские низы настаивали на сохранении и выполнении закона. Когда в термидоре III г. в Конвенте зашла речь о его пересмотре, встревоженные жители одной из коммун департамента Алье поспешили прислать протест. Нападки на закон, высказанные в Конвенте, указывалось в их петиции, «несправедливы, потому что они направлены против неимущих. Говорят, что он лишает граждан их собственности. Но он не лишает ничего ни одного гражданина, если он не богат, по-прежнему, как при старом режиме, жаждущий увеличить свое состояние за счет неимущих... И если кто и извлекал какую-нибудь пользу из этих общинных земель, это был богатый, а не бедный... Без раздела этих земель многие обремененные многочисленными малолетними детьми отцы семейств, которые получили свою долю в разделе, умирали бы с голоду со своими семьями, если бы они не собрали с этих небольших участков пропитание на часть года... коммуна надеется, что ваш декрет о разделе общинных земель сохранит свою полную силу...»⁴⁶

И термидорианский Конвент, и собрания Директории не склонны были прислушаться к пожеланиям бедноты. Положения закона, относящиеся к разделу общинных земель, не были формально отменены, но фактически исполнение их стало невозможным. Принятое при Директории постановление 21 прериала V г. приостановило все судебные процессы, связанные с разделом общинных земель, закрепив за владельцами участки, которые уже были в их руках. Закон 2 прериала V г. запретил коммунаам отчуждать или обменивать их земли; тем самым косвенно отменялось право на раздел, который мог рассматриваться как один из видов отчуждения. В конечном итоге старые разделы сохранили свою силу в тех случаях, когда коммуны сами от них не отказались. Но дальнейшая возможность для мелких крестьян получить парцеллу за счет общинного фонда (в местностях, где сохранялись пригодные для раздела угодья) была фактически ликвидирована.

Гораздо важнее, однако, было то, что постепенно закрывался для крестьян, способных кое-что купить, доступ к землям национального фонда. До конца Директории порядок их отчуждения менялся три раза, в IV, V и VII г. Эти перемены были против крестьян. Всякие частные торги (а значит, и дробление земель) отпали; сама операция продажи стала проводиться не в центре дистрикта, а в департаментском центре; рассрочка платежей сократилась; в V г. последовало

постановление, согласно которому половину цены полагалось платить звонкой монетой. Уже к этому году доля крестьян в торгах начала сильно падать, а после того как в VII г. была введена оплата купленной земли звонкой монетой в течение трех лет, крестьяне оказались почти полностью устраненными от торгов. Зато именно при Директории пышным цветом расцвела деятельность нуворишей-спекулянтов, совершавших громадные земельные приобретения.

Вскоре после термидора начался и пересмотр произведенных якобинцами земельных конфискаций. 30 вантоза III г. Буасси д'Англа заявил в Конвенте: «Приговоры революционного трибунала были юридическими убийствами, последовавшие за этими чудовищными приговорами конфискации являются кражей» Был снят секвестр с имущества лиц, подозреваемых в эмиграции и временно вычеркнутых из списков эмигрантов (декрет 5 брюмера III г.), «подозрительных» (12 брюмера III г.),^{*} супругов или детей осужденных (20 фрюктидора III г.), родителей эмигрантов (19 фрюктидора IV г.), федералистов Бордо и Лиона (9 флореаля III г.). Со времени Консульства (сенатус-консульт 6 флореаля X г.) началась частичная отмена секвестра на эмигрантские владения и передача непроданных имуществ вернувшимся эмигрантам. В ряде районов бывшим эмигрантам удалось в немалых размерах воссоздать свои имения. Отчасти это делалось путем выкупа уже проданных земель; производились покупки через подставных лиц, оформлялись фиктивные разводы и т.п. А.Собуль полагал, что в целом к 1815 г. дворянство смогло различными путями вернуть себе примерно четвертую часть земель, затронутых в революционное время конфискациями и продажами⁴⁷.

Наступлению подверглось и проведенное до термидора радикальное преобразование дореволюционной системы поземельных повинностей, или рент, как они стали именоваться после отмены сеньориального строя. Это наступление было отчасти успешным в отношении рент вечноследственных арендаторов и владельцев таких форм держаний, которые юридически отличались от цензивы. Выше мы отмечали, что по букве дореволюционного права эти ренты не считались феодальными. Они не были отменены Конвентом, но должники получили право выкупать их. Этот принцип был распространен на «отпускное владение» («*domaine congeable*») в Нижней Бретани, на «договор о виноградниках» («*bail a complant*», «*vigne a condition*») в винодельческих местностях (Мэн, Анжу, часть Бретани, Пуату, Сентонж, Они, Гюйенна, Овернь), а также на «вечную аренду» («*locaterie perpetuelle*») — очень частую форму крестьянского владения на юге (Лангедок, Прованс, некоторые местности Гюйенны). По мере того как падал курс ассигнатов, возможность выкупа становилась для крестьян все более соблазнительной. В самом деле, величина ренты составляла нередко 1/3—1/4 долю валового урожая. В департаменте Алье, например, держатели на основе *vigne a condition* платили 1/3—1/5 часть; в департаменте Жер рента на основе *locaterie perpetuelle* достигала 1/2—1/3 урожая. Теперь перед должниками открывалась перспектива, уплатив выкуп терявшими ценность ассигнатами, пополнить ряды мелких собственников-возделывателей, свободных от всяких обязательств по отношению к бывшим землевладельцам⁴⁸. В архивных картонах Законодательного комитета содержится множество горьких жалоб буржуа, владельцев рент и номинальных собственников земли (главным образом из департаментов Центра и Юга) на «злонамеренные усилия» крестьян внести выкуп и стать свободными собственниками. Все такие петиции взывали к священным правам собственности. «Когда 30 фунтов зерна продаются за 150 ливров, — писали авторы петиции из коммуны Мерюес (Лозер) от 15 прериала III г., — доход одного года более чем достаточен для съемщика, чтобы выплатить капитал ренты... Можно ли назвать это справедливостью? Нет, это совершенно очевидная кража... ужасающее разбойничество... и эта система была бы достойной уравнителей, которые недавно угнетали Францию»⁴⁹. В том же духе составлено послание из коммуны Монтаран (департ.Гар): «Граждане законодатели... отмените этот закон, творение чудовища Робеспьера... Пусть нам будет позволено вновь войти во владение нашими землями или пусть нам предоставят возмещение, пропорциональное падению ассигнатов...»⁵⁰

Новые правители Франции постарались и в этом вопросе урезать завоевания революции. 9 брюмера VI г. Советы Директории восстановили *domaine congeable* в Нижней Бретани, отменив августовский декрет 1792 г. Уже осуществленные выкупы подлежали судебному пересмотру (часть их в конечном счете осталась в силе, другие были аннулированы). Это же постановление упразднило декрет 2 прериала II г. относительно *locaterie perpetuelle*. Крестьяне были признаны лишь бессрочными арендаторами и у них отняли возможность стать собственниками путем выкупа ренты. При Консульстве аналогичная мера коснулась виноделов Нижней Луары, державших землю на основании *bail a complant*. Так целая категория мелких крестьян была фактически вновь низведена до положения обязанных повинностями вечнонаследственных арендаторов.

* Тем самым был окончательно снят вопрос об исполнении вантозовских законов II г. о «вознаградении неимущих» за счет собственности врагов революции.

Термидор дал сигнал к возобновлению попыток добиться пересмотра закона 17 июля 1793 г. о полной отмене феодальных повинностей. Это было уже посягательство на самое основное завоевание французского крестьянства за все время революции. Вынашивались замыслы о законодательном пересмотре знаменитого декрета. Об этом просили в петициях экспроприированные буржуа, бывшие собственники повинностей. Гражданин Жюльен, «земледелец» из департамента Эндр, ярко выразил их общее настроение в письме к Конвенту: «В момент, когда Национальный конвент стремится стереть малейшие следы несправедливости и угнетения, под игом которых Франция стонала в течение целых 15 месяцев, когда правосудие вырывает из кодекса наших законов установления, введенные туда тиранией и желанием уничтожить всякую собственность, я позволю себе испросить у вашей мудрости пересмотра закона 17 июля 1793 г., который, изгнав навсегда ненавистные следы феодализма... совершил в то же время пагубное посягательство на собственность многих граждан, кредиторов рент, созданных уступкой земли, лишил их священного достояния, чтобы обогатить должников»⁵¹. Конкретные предложения бывших собственников повинностей оставались те же, что и во II г., и будут упорно повторяться вплоть до 1830 г. — отделить в договоре об уступке земли за ренту символический ценз от основного платежа, отменив первый, но сохранив с правом выкупа второй. Это значило свести на нет реальное значение закона 17 июля.

Начиная с IV г. попытки пересмотреть закон следовали одна за другой, стремление отстоять частные интересы сочеталось в них с желанием поправить за счет крестьян государственные финансы⁵². 14 мессидора IV г. Директория предложила Совету пятисот заняться пересмотром законов 1792—1793 гг., «которые разорили многих отцов семейств, причинили Республике потери, оцененные в 120 млн по курсу 1790 г.» Последовало предложение Ж.-Б.Трейара от 14 жерминаля V г., клонившееся к восстановлению рент, подтвержденных первоначальными титулами, т.е. к фактической отмене якобинского декрета. Проект не прошел. 4 термидора того же года родилось новое предложение — не отменить декрет, а истолковать в духе сохранения чисто поземельной части рент; оно было отослано в комиссию и там погребено. 11 прериала VI г. последовала новая попытка добиться восстановления платежей, которые «ложное применение закона 17 июля 1793 г. отнесло к числу феодальных рент»; проект опять застрял в комиссии. Мы обрываем здесь историю этих попыток, но они продолжались при Консульстве, Империи, наконец, в 1814—1815 гг., когда Реставрация принесла последнюю в истории Франции волну своеобразной сеньориальной реакции.

Все эти усилия долгое время поддерживали некоторую неуверенность в прочности отмены феодальных повинностей, и осторожные нотариусы вносили в гражданские акты многозначительные оговорки. В одном акте 1808 г. о продаже земли (в Ангумуа) было записано: продавец «не имел намерения продать (одновременно с землей. — А.А.) бывшие феодальные ренты, которые в настоящее время не подлежат взиманию, но могли бы в будущем ему подлежать»⁵³. В 1811 г. владелец поступившей в продажу фермы (в округе Кастра) счел нужным специально успокоить возможного покупателя: «Ходят слухи, что феодальная рента... должна быть восстановлена. Но так как моя метерия была некогда благородной землей (*etant ci-devant bien noble*), вы не должны опасаться, что она будет обременена какой-либо повинностью...»⁵⁴

И все-таки пересмотреть или ограничительно истолковать знаменитый декрет якобинцев не удалось. Против него произносились речи, рождались проекты, но в каком-то звене законодательной машины эти проекты застревали и в итоге дело кончалось ничем. В Собраниях Директории, Консульства и Империи (даже в окружении вернувшихся Бурбонов) находилось достаточно трезвых голов, понимавших, что одно дело ущемить ту или иную группу крестьян, особенно бедноту, и совсем другое — посягнуть на кровный интерес всего крестьянства, на его только что завоеванную великими усилиями собственность. Революция глубочайшим образом укоренила антифеодальную традицию в психологии французского крестьянина. Характерные факты, подтверждающие это, проходят через весь XIX век. Во время Второй империи в одной из деревень Нижней Шаранты жители ополчились на кюре, который использовал дарохранительницу, украшенную изображением колосьев: крестьяне решили, что им угрожает восстановление десятины — и это более чем через полвека после ее отмены!⁵⁵ В 1867—1868 Гг. волнения вспыхнули в некоторых деревнях той же Нижней Шаранты. Их вызвало устройство в деревенской церкви витражей с дворянским гербом; несколько сотен вооруженных крестьян собралось, чтобы разбить окна. Судебный приговор отмечал: в деревнях «распространилось мнение, что каждая коммуна должна протестовать против восстановления десятины и возвращения старого порядка»⁵⁶. Все это еще раз подчеркивает, насколько прочным и длительным оказалось воздействие крестьянских восстаний 1789—1792 гг. на ход французской истории.

Но, потерпев неудачу на прямом пути борьбы, противники закона 17 июля 1793 г. нашли путь обходной — все более узкое применение его положений в судебной и административной практике. Именно это показывают исследования П.Массе и Ж.Мийо по некоторым местностям Запада и Востока. Не вдаваясь в детали, повторим основной вывод Ж.Мийо: трибуналы и судебные палаты вместе с администрацией «взяли в свои руки защиту владельцев платежей, объявленных уничтоженными, и путем исключительно узкого, все более требовательного истолкования закона... спасли от общего крушения значительную часть повинностей, обоснованных первоначальной уступкой земли, и часто на условиях, менее суровых, чем это предписывал даже закон 1792 года»⁵⁷. Судебные процессы по делам о бывших феодальных повинностях тянулись десятилетиями, переносились из инстанции в инстанцию, многие из них закончились не в пользу крестьян. Политика судов в этом вопросе была подвержена колебаниям в зависимости от места и времени. После 1830 г. Высшая кассационная палата особенно решительно стала бороться с «чрезмерно суровым» истолкованием закона 17 июля 1793 г. в пользу бывших держателей. Невозможно установить, в какой мере удалось сохранить таким путем часть отмененных якобинским Конвентом повинностей. Но что некоторая их доля была восстановлена — это несомненно.

В наименее благоприятном положении оказались крестьяне-съемщики, в особенности бесчисленная армия издольщиков. Якобинский Конвент декретом 1 брюмера II г. предпринял попытку передать хотя бы отчасти в их руки платившуюся ими долю десятины и феодальных повинностей. Это сразу же вызвало много споров. Декрет далеко не всюду применялся. Поэтому и после термидора, в III—IV г., арендаторы пытались повернуть в свою пользу отмену «феодального комплекса» и добивались издания на этот счет более ясного закона. Такая мера, писал в Конвент во фримере III г. «гражданин Фирман Тонзо, землевладелец из коммуны Вильженон» (департ.Шер), «вернет счастье и надежды всем жителям-несобственникам большого числа департаментов, где почти все бывшие собственники имеют бесстыдство требовать эти отвратительные и произвольные платежи, тем самым попирая ногами самые мудрые и человеческие законы»⁵⁸. Издольщики районов посреднической аренды по-прежнему сопровождали свои жалобы резкими нападками на генеральных фермеров. «...Этот класс людей, — говорилось в петиции из департамента Сона-и-Луара, — состоит из существ столь же алчных, сколь аморальных, направляемых единственно эгоизмом и жадной золотой... Они облагают несчастного издольщика самыми тяжелыми обязательствами, они обременяют его множеством повинностей, напоминающих феодальный режим... крупные фермеры... заменяют сегодня бывших сеньоров, большую часть собственности которых они скупили, они образуют разновидность аристократии...»⁵⁹

Разумеется, после 9 термидора надежды крестьян-арендаторов не замедлили рухнуть. В начале периода Директории якобинский закон от 1 брюмера II г. был отменен. Дальнейшая судьба повинностей, о которых в нем шла речь, еще должна быть изучена. Зондаж в нотариальных архивах департамента Вьенна, проведенный П.Массе, показывает, что феодальные повинности издольщиков в течение ближайших десятилетий постепенно слились с арендной платой. Иная судьба выпала десятине. Исчислявшаяся из доли продуктов земли, она могла существовать автономно, переходя из договора в договор. Еще в 1909 г. договоры издольщиков в районе г.Лектур (департ.Жер) содержали обязательство об уплате десятины; в течение всего XIX в. она взималась, например, в Верхнем Арманьяке, и само название десятины сохранялось здесь (как и в Ландах) вплоть до 30-х годов XX в.⁶⁰ Разумеется, ускорившаяся к концу XIX в. агротехническая революция, перетасовка парцелл и укрупнение хозяйственных комплексов вместе со старым разграничением участков стирали с лица земли и остатки феодальных прав. Но все же то, что множество крестьян-арендаторов (главным образом издольщиков) вышли из революции, по-прежнему обязанные вносить часть бывших феодальных повинностей и особенно десятины, — факт, который не может быть сброшен со счетов при общей оценке положения крестьянства к концу XVIII — началу XIX в.

Таким образом, при всей масштабности аграрных преобразований, осуществленных Французской революцией, при всей важности шагов, сделанных ею навстречу требованиям крестьян, положение земельной собственности и хозяйства мелких производителей оказалось достаточно сложным. Во-первых, им не удалось до конца освободиться от обременявших их до революции различного рода «рент». В той или иной мере остались так называемые «поземельные ренты разного, в том числе ростовщического, происхождения. После термидора буржуазия сумела отстоять кое-что и из повинностей, уничтоженных якобинским законодательством (в особенности это относится к той части повинностей и десятины, которую уплачивали издольщики) Во-вторых, — и это главное — крестьянам, и прежде всего крестьянским «низам», так и не удалось добиться сколько-нибудь полного осуществления своих аграрно-уравнительных требований, перераспределения в свою пользу крупного землевладения и землепользования. Крупная земельная собственность (наряду с мелкой) осталась одной из основ аграрного строя Франции, при этом в руках крупных владельцев находились обычно земли лучшего качества. Возросло земельное богатство буржуазии. Но и старая земельная аристократия сохранила солидные

позиции. В 1803 г. в каждом департаменте были составлены списки 12 главных плательщиков поземельного налога, т.е. самых крупных землевладельцев; первые места в этих списках почти везде принадлежали бывшим дворянам. «Крупная земельная собственность, — подчеркивал А.Собуль, — в большой мере оставалась аристократической»⁶¹. Именно это имея в виду, он писал о «незавершенном характере аграрной революции» в итоге десятилетия 1789—1799 гг.⁶², а Н.М.Лукин замечал, что «даже Великая революция не принесла французскому крестьянину радикального разрешения аграрного вопроса»⁶³. В той мере, в какой восторжествовала линия «крестьянского пути» аграрно-буржуазной эволюции, она победила в его умеренном, а не радикальном варианте.

В интересном, содержательном очерке об аграрном эгалитаризме во время Французской революции португальский историк Э.Резенде высказал предположение, что лишь случайные обстоятельства помешали утвердиться во Франции в итоге революции «крестьянскому пути» аграрно-буржуазного развития в том его наиболее последовательном варианте, который вырисовывался за радикально-уравнительными требованиями сельских «низов» в 1793—1794 гг.⁶⁴ Учитывая характерные черты аграрного развития Франции в конце старого порядка, то соотношение сил, которое складывалось в аграрном движении революционного времени, мы не думаем, что для высказанной Э.Резенде гипотезы имелись реальные основания. Но мы не считаем также, что все конкретные пределы крестьянских завоеваний были фатально предопределены (см. с.336). Те или иные повороты в развитии социальной борьбы, политических и военных событий могли существенно повлиять на масштабы аграрных преобразований, сделать более результативным аграрно-уравнительный натиск народных низов.

Как известно, этого не произошло. Основная масса крестьян после революции испытывала острую нехватку земли. Само сосуществование мелкого хозяйства и крупного землевладения неизбежно порождало крестьянскую земельную нужду. Поэтому множество мелких производителей были вынуждены тратить свои накопления не на улучшение хозяйства, а на получение права вести его, т.е. на покупку и аренду земли. При этом мелкая аренда была наиболее дорогой, так как мелкий крестьянин согласен был платить больше, чем фермер-капиталист. Для последнего уровень арендной платы ограничивала необходимость извлечения прибыли на вложенный капитал. Мелкий же арендатор был готов удовлетвориться самым скромным доходом на содержание семьи. Историки единодушно отмечают, что крупные землевладельцы, в частности буржуа — покупатели национальных имуществ, обычно предпочитали быть земельными рантье, сдавая участки в аренду мелким крестьянам (а также капиталистическим фермерам в областях «крупной культуры»). Рост земельной ренты в XIX в., особенно значительный в период по 1850-е годы⁶⁵, был отчасти использован и крестьянами. Но в основном его повернули к своей выгоде именно земельные рантье. Применительно к наполеоновскому времени Л.Бержерон отмечал, что они «присваивали без всякой пользы для прогресса сельского хозяйства ту прибыль, которую благоприятная конъюнктура и отмена феодального порядка могли бы обеспечить арендатору и издольщику»⁶⁶. Наряду с крупным землевладельцем к эксплуатации мелкого крестьянина подключался ростовщик, росла ипотечная задолженность крестьянства.

Крупная земельная собственность в сочетании с крестьянской земельной нуждой способствовала в районах «мелкой культуры» живучести архаичных для капиталистической эпохи форм аренды, таких, как издольщина, традиционная посредническая аренда и др. Так, арендные договоры в одном дворянском имении к западу от Мана (департ.Сарта) на протяжении всего XIX в. содержали условия, напоминающие «подлинный сеньориальный режим», — натуральные приношения сверх денежной арендной платы, отработки (12 дней в году работ в месте, указанном землевладельцем, или 12 поездок в город, или же обязанность поддерживать дорогу от замка к шоссе и т.п.) и даже баналитеты (обязательство молотить свое зерно на мельнице землевладельца с уплатой ему за это 1/13 доли)⁶⁷.

Анатолий Васильевич АДО

КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1789-1794 гг.

М.: издательство МГУ. 1987. Издание 2-е, переработанное и дополненное

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

^{*} Известно, что «затрата денежного капитала на покупку земли вовсе не представляет собой вложение земледельческого капитала. Напротив, она означает соответствующее уменьшение того капитала, которым могут располагать в своей сфере производства мелкие крестьяне. Она уменьшает соответствующим образом размер их средств производства и поэтому суживает экономическую базу воспроизводства. Она подчиняет мелкого крестьянина ростовщичеству.» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.25, ч.II. С.375).

Анатолий Васильевич АДО

КРЕСТЬЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1789-1794 гг.

М.: издательство МГУ. 1987. Издание 2-е, переработанное и дополненное

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

В то же время в условиях, когда все большая часть крестьян нуждались в дополнительном заработке, они оказывались емким резервом дешевой рабочей силы для связанной с мануфактурой (а отчасти уже и с фабрикой) буржуазии. Низкая заработная плата не вполне оторвавшихся от земли рабочих позволяла извлекать необходимую норму прибыли, не прибегая к серьезному техническому усовершенствованию и перестройке производства.

Все сказанное относится уже к проблемам аграрно-капиталистического развития Франции в первой половине XIX в., которые, несмотря на заметное накопление новых знаний в последние десятилетия, нуждаются в дальнейшем основательном изучении. Здесь мы хотели лишь подчеркнуть, что, размышляя о послереволюционной французской аграрной истории (а также и о социально-экономической истории в целом) и рассматривая при этом характерные для нее тогда «экстенсивные» формы технико-экономической перестройки, важно иметь в виду не только и не столько то, что мелкие крестьяне сумели навязать буржуазной революции, сколько то, чего они не смогли добиться, борясь за создание наилучших условий для широкого развития тех возможностей, которые были заложены в крестьянском хозяйстве в исторических условиях того времени.